

Василий Федин

**РЯДОВОЙ
СВИДЕТЕЛЬ
ЭПОХИ**

Москва

«Правда»-Пресс»

2005 г.

Василий Тимофеевич Федин.
Рядовой свидетель эпохи. М: «Правда» -Пресс»,
2005 г. - 384 с.

Детство и школьные годы на Ярославщине в 1930-е годы, детдомовская жизнь — с этого начинается свое повествование В.Т. Федин, полковник в отставке, кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Со студенческой скамьи добровольцем Василий Тимофеевич уходит в Красную Армию. Участвует в боях с гитлеровцами. В послевоенный период напряженная учеба, научная работа в академии имени Н.Е. Жуковского. И все эти годы верное служение Отечеству, твердая приверженность коммунистической идее.

Книга представляет интерес для большого круга читателей.

ISBN - 5-85024155-8

© В.Т. Федин, 2005 г.

© ООО "Правда—Пресс", 2005 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда тебе за восемьдесят, хочется вновь окинуть взглядом пройденный путь и вспомнить, как все эти годы жил и боролся. О раннем детстве, школьных годах, включая детдомовскую жизнь в 1930-е годы, о студенческой жизни в первые годы войны, о полковой танковой школе, об участии непосредственно в боях в составе экипажа танка Т-34, о сержантской службе в первые полтора года после войны на территории Германии и Польши. Об учебе в авиатехническом училище в 1947 - 48 годах, о работе после его окончания в Государственном Краснознаменном научно-исследовательском, испытательном институте Военно-воздушных сил СССР (ГК НИИ ВВС), об учебе и научно-исследовательской работе в Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н.Е. Жуковского в период с 1950 по 2004 годы. Мой жизненный путь позволяет мне составить свое твердое суждение о сущности Советского социалистического строя и того строя, в котором мы оказались в результате государственного переворота, совершенного Ельциным и его сообщниками (А. Яковлев, А. Собчак, Г. Попов, А. Чубайс и прочие) при беспринципной и трусливой позиции М. Горбачева.

Я стремился рассказать о той жизни без ее приукрашивания, придерживаясь принципа «что было — то было». Но буквально в последнее время 28 августа 2004 года, выбравшись после долгого перерыва в Ростов — Ярославский, попав на День города, я купил в Дмитриевском соборе Яковлевского монастыря интереснейшую монографию «Спасо - Иаковлевский Дмитриев монастырь», автор - составитель В.И. Вахрина. Познакомившись с монографией В.И. Вахриной, я убедился в том, что сей мой труд будет полезен и историкам Яковлевского монастыря, и любознательным читателям о Ростове-Великом, и особенно тем, кто ищет истину о советском периоде нашей страны.

В монографии В.И. Вахриной 1930-е годы, и вообще весь советский период существования Яковлевского монастыря охарактеризован очень нечетко и в некоторой части ошибочно. Об этих годах, например, в предисловии монографии сказано в общем виде так: «В 1923 году монастырь был закрыт, через пять лет последовало запрещение богослужений во всех храмах. Иноков изгнали, монастырское имущество частично поступило в музей, но большую часть его разграбили или уничтожили. Все последующие годы обитель пребывала в запустении, строения разрушались».

Еще более неопределенно и неоправданно резко высказался о послереволюционном периоде монастыря Патриарх Алексей II при посещении монастыря 13 мая 1993 года. На обороте открытки № 28 в комплекте открыток «Спасо-Иаковлевский Дмитриев монастырь в Ростове Великом» приведены такие его слова: «... Я счастлив посетить эту древнюю святыню земли Русской, поруганную, оскверненную и разрушенную в годы лихолетья».

В этом высказывании Патриарха слова «поруганную, оскверненную и разрушенную в годы лихолетья», обращенные, как нетрудно догадаться, к Советскому социалистическому строю, не соответствуют действительности. В разделе «По страницам монастырской летописи» самой же монографии В.И. Вахриной сказано

совсем другое. А именно то, что свыше 5 лет после Октябрьской революции монастырь продолжал работать и жить в прежнем своем режиме, соблюдая законы Советской власти. Монастырские сооружения и земли после революции, после всеобъемлющей национализации стали общегосударственной собственностью, то есть не принадлежали Церкви. Однако пользовалась всеми сооружениями и имуществом по-прежнему братия монастыря, службы в храмах проходили, как и ранее. В 1922 году основная часть драгоценностей монастыря (изделия из серебра и золота, украшения с драгоценными камнями) были официально изъяты из монастыря в казну государства на основании специального закона — декрета ВЦИК от 23.02.1922г. Лишь в 1923 году монастырь, как сообщество монахов, был упразднен. Вместо него в рамках советских законов была образована, как об этом сообщает нам монастырская летопись, общественная организация — «Община Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря» количеством 128 человек со своим Уставом. Настоятель монастыря архиепископ Иосиф (Петровых) стал председателем этого общества. В состав общества вошло 13 проповедников «из священников и братии монастыря». То есть значительная часть бывших служителей монастыря вошла в это общество, а не была изгнана. Служба продолжалась в храмах монастыря практически до конца 1928 года. До того момента, когда «Президиум Ярославского губернского исполнительного комитета постановил расторгнуть договор с религиозной общиной Иаковлевского монастыря и закрыть храмы» в интересах детского дома, подробно объяснив причину закрытия и предложив общине верующих «отправлять свои религиозные потребности в окружающих храмах, как в самом городе, так и в находящихся поблизости сельских молитвенных зданиях».

Как мне представляется, информация, приведенная в монографии В.И. Вахриной говорит и о том, что закрытие монастыря и службы в нем было сделано без какого либо надругательства над верующими и служителями церкви в соответствии с законами народной власти. В книге В.И. Вахриной приведены очень важные, на мой взгляд, объективные, достаточно подробные сведения о взаимоотношениях монастыря с органами советской власти в первые послереволюционные годы. И особенно принципиально важны сведения об официальной передаче представителям советской власти драгоценностей монастыря. Эта передача была оформлена строгими актами, подписанными и представителями монастырской общины, и представителями советской власти города.

Надо признать: конфискация драгоценностей Яковлевского монастыря, как и других богатых монастырей, сыграла наиважнейшую роль в том, что после анархии в стране, наступившей после свержения царя Февральской революцией, после поражения в империалистической войне, большевики, твердо взявшие власть в свои руки, предотвратили полное крушение огромного государства и в конце концов превратили погибающую тогда Россию в могучую Советскую Россию — Союз советских социалистических республик.

К сожалению, значительная часть церковнослужителей того времени не поняла этой великой миссии Октябрьской революции и не стремилась к взаимопониманию с новой властью. В отличие от значительной части ее паствы. Отсюда и начались все беды церковников.

Рассказывая о своей жизни, о тех событиях, в которых был участником или их свидетелем, я высказываю свое мнение о книгах и публицистике, посвященных этим событиям.

Моя позиция сформировалась в результате наблюдения окружающего на протяжении всей своей жизни. Жизни до войны, в годы войны, включая собственное непосредственное участие в боях с оружием в руках, и после войны. От этого процесса неотделимы раздумья о Великой Отечественной войне, в том числе и исследованиями последнего времени. Позиция моя и оценки рассматриваемых событий часто не совпадает и с оценками маститых наших историков прошлого, таких как В.А. Жилин, А.М. Самсонов и их последователей. Не говоря уже о многих официальных оценках наших предвоенных и военных событий, настойчиво внедряемых официальными СМИ в годы пресловутой перестройки под нажимом таких авторов, как Д. Волкогонов, А. Яковлев, Рой Медведев, Г. Попов, Б. Соколов, А.Н. и Л.А. Мерцаловы, В. Войнович, Б. Сарнов, Л. Млечин и многих подобных, которых в печати, по недоразумению, тоже называют историками.

Зато мое видение и оценки рассматриваемых событий в главном совпадают с оценками, изложенными в книгах и периодической публицистике Вадима Кожинова, Владимира Бушина, Феликса Чуева,... а также в мемуарах К.К. Рокоссовского, И.Х. Баграмяна, Л.М. Сандалова, С.К. Москаленко, П.А. Белова, М.Е. Катукова, многих других, в том числе малоизвестных авторов.

В этом же ряду единомышленников я называю и моих Учителей и сослуживцев по Военно-воздушной инженерной академии имени проф. Н.Е. Жуковского — Г.С. Пospelова, А.А. Красовского, многих других, более близких коллег по работе.

Я не упоминаю здесь авторов широко известных мемуаров — Г.К. Жукова, А.М. Василевского, С.М. Штеменко и других видных военачальников Великой Отечественной войны. Они мало касались или совсем не касались тех событий, на которых, в основном, заостряю я внимание.

Одна из основных целей моей книги — поддержка правдивых публикаций о нашем советском прошлом и разоблачение фальсификаторов истории Великой Отечественной войны. Фальсификаторы нашей истории, воспользовавшись тем, что о многих неудачах и тяжелых поражениях нашей армии, особенно начального периода войны, не говорилось в советское время, развернули невиданную ложь и клевету на Советский социалистический строй. Некоторые мои статьи были опубликованы в газетах «Советская Россия», «Патриот» и других в конце 1980-х, в 1990-е, 2001 — 2003 годы. Но книги с клеветой на Советский строй, на КПСС, на Сталина все переиздаются и переиздаются. Следовательно, и разоблачение их клеветнической сущности остается актуальным в настоящее время.

Автор благодарит В.А. Меркулова за большую помощь в создании электронной версии книги, а также Е.Н. Федину, взявшую на себя роль корректора книги.

Автор.

Часть первая.

ВОСПОМИНАНИЯ

Глава 1. ЯКОВЛЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

На самой южной окраине Ростова - Ярославского, одного из древнейших городов - памятников «Золотого кольца» России, в километре по прямой от знаменитого Ростовского кремля, на самом берегу озера Неро возвышается над окружающим необыкновенной красоты старинный Яковлевский монастырь. Он виден при подъезде к городу из вагона поезда, из автобуса, меньше — из автомобиля. Особенно он впечатляет, если посмотреть на него со стороны озера, отъехав на лодке в восточном направлении метров на 700 — 800. Из путеводителя по архитектурным памятникам Ростова - Ярославского Баниге узнаем, что основан он в 1389 году, но от первоначальных деревянных строений до нас ничего не дошло. Монастырь неоднократно горел, разорялся в 1408 ханом Едигеем, в 1608 — польско-литовскими интервентами. «В 1686 г. ростовский митрополит Иона Сысоевич построил в монастыре первую каменную Троицкую церковь... в 1725 году к Троицкой пристроили Яковлевскую церковь». Монастырь в то время был обнесен деревянной оградой. В период с 1776 по 1786 год вокруг монастыря была построена каменная ограда, каменные четыре угловые и две надвратные башни, надвратная колокольня и каменные двухэтажные братские кельи. Позднее рядом с братскими кельями строится двухэтажный настоятельский корпус и настоятельские кельи. В годы 1794 — 1801 строится Дмитровская церковь. Дошедший до наших времен величественный Яковлевский монастырь окончательно сложился в первой половине XIX века.

Несколько в стороне от Яковлевского монастыря метрах в ста пятидесяти от северо-западной башни ограды одиноко высится Храм Спаса - на Песках. Во многих современных книгах о древнем Ростове он назван «Церковью Спаса на Песках Спасского монастыря», в других книгах он значится Церковью Спаса Преображения на Песках. Нельзя не заметить тут, что Церковь эта — это огромный храм, по размерам едва ли много уступающий главному собору Ростовского Кремля — Успенскому собору.

Спасский монастырь основан в XIII веке, долго строился и перестраивался, но в 1765 году был упразднен Екатериной Второй, храм Спаса на Песках, построенный в начале XVII века, был приписан к Яковлевскому монастырю, но до нашего времени так и стоит обособленно, не принятый в свою компанию красивейшими храмами

Яковлевского монастыря. У многих историков он вызывает больший интерес, чем собственно Яковлевский монастырь.

Храм Спаса на Песках замечателен не только своими размерами, старинной архитектурой, но и некоторыми малоизвестными историческими событиями, о которых ниже еще будет наш рассказ.

По разному относятся знатоки древних памятников к Яковлевскому монастырю. Одни считают его «выдающимся образцом архитектуры эпохи русского классицизма и живописи XVII века... В сочетании с водными просторами озера Неро и зелеными массивами он необыкновенно живописен». Другие видят в нем «поздний памятник провинциального классицизма, но никак не памятник Древней Руси» (М. Рапов — «Каменные сказы»). Но тут же М. Рапов добавляет, сравнивая недалеко расположенный собор Спаса на Песках и Яковлевский монастырь: «Так и расположились по соседству два совершенно разнородных памятника — Спас-на Песках и Яковлевский монастырь, словно седой, умудренный жизнью старик рядом с компанией жеманных красавиц XVIII века, и кажется, что старик сердито хмурить косматые брови, слушая светский разговор нарядных прелестниц, пересыпанный иностранными словечками»

Тут видно: как бы ревностно ни относился М. Рапов к древним памятникам Ростова Великого, он не может не восхищаться красотой соборов Яковлевского монастыря, сравнивая их с компанией жеманных красавиц. Жеманных, но все же красавиц.

Внутренняя территория Яковлевского монастыря была поделена в 1930-е годы ограждением из колючей проволоки на две половины. На одной половине находились храмы, в которых в те годы размещались военные склады, и доступ туда был закрыт всем, кроме военного караула. Рядом с храмами находились захоронения, наверное, знатных в прошлом людей, судя по богатым надгробиям. На другой половине был старый кленово-липовый парк и бывшие жилые монастырские кельи. В этих кельях и настоящем корпусе с середины 1920-х годов располагался единственный в городе Ростовский детский дом.

Впервые я увидел Яковлевский монастырь 18 мая 1935 года. Увидел близко и остался в нем на шесть с лишним лет.

В тот день мой старший брат Федор Тимофеевич привез определять в Ростовский детский дом нас, двух меньших его братьев, из недалеко расположенных Борисоглебских слобод (так тогда официально назывался примонастырский поселок вокруг древнего Борисоглебского монастыря, находящегося в 18 километрах от Ростова-Ярославского по Угличскому шоссе (ныне — это поселок Борисоглебский). Мне тогда только что исполнилось 10 лет, моему другому старшему брату 12 или 13 лет.

Борисоглебские слободы, в житейском сокращении — просто Борисоглеб — это тоже большой древний монастырь и поселения, возникшие непосредственно вокруг него на старинной дороге Москва — Троицко-Сергиевская лавра — Ростов Великий — Углич. Место исключительно живописное, в окружении сосновых боров. Рядом с монастырем — чистой воды река Устье, впадающая в реку Которосль, а по ней в Волгу в Ярославле. Если смотреть дальше, то можно убедиться в том, что ее воды

сообщаются с Балтийским морем, следствием чего является то, что в Устье поднимаются на нерест морские угри. В начале 1930-х годов мне довелось наблюдать невиданное ни до, ни после явление, когда все дно реки на отмелях сплошь покрывалось маленькими, сантиметров 15 — 20, шевелящимися змейками. Никто их не решался употреблять в пищу, не зная, что это такое.

Два года перед поступлением в Ростовский детский дом я ходил через Борисоглебский монастырь, через его северные и южные ворота в школу в 1-й и 2-й классы. Поэтому ростовский Яковлевский монастырь, как монастырь, не привлек в ту пору какого-либо особого внимания, да и мысли мои в тот день были заняты совсем другим: в нашей трехбратской жизни происходил перелом. Как потом оказалось, перелом, определивший наши судьбы на всю жизнь. В тот день для всех нас троих кончилась семейная жизнь в отчем доме, началась на шесть с лишним лет для меня детдомовская жизнь, перешедшая затем в студенческую жизнь, затем на долгие годы в армейскую жизнь.

Я перенес, кажется, довольно легко поворот в моей жизни в тот майский день 1935 года. Наверное, потому, что старший наш брат говорил о недолгой разлуке, что он уходит в армию лишь на несколько месяцев, что скоро снова все будем вместе. Говорил он так, видимо потому, чтобы мы не очень переживали такой момент нашей жизни, разлуку с ним 19-летним, заменившим нам, двум другим его младшим братьям на 5 лет погибшего отца, на два года умершую после гибели отца мать. Мыто перенесли тот момент, а он нет. Остро переживая за нас, он, будучи в армии, тяжело заболел и трагически погиб в том же 1935 году в Гороховецких военных лагерях.

Думаю, детдомовская жизнь тех лет будет интересной для многих людей в нынешнее время, особенно для тех, кто начнет изучать историю того времени. Интересной своим образом жизни, бытом, своими законами и традициями, воспитанниками и воспитателями.

Пока наш старший брат оформлял приемные документы в детдомовской канцелярии, нас обступила группа детдомовских старожилов. Начались расспросы — как звать, откуда прибыли, где родители. Дотошно допытывались — из города мы или из деревни. Сразу никто не мог определить, к чему отнести Борисоглебские слободы: к городу или деревне. Почему-то в те годы к деревенским ребятам старожилы-детдомовцы относились свысока. Считали их менее развитыми, жадными, пугливыми, ничего городского не выдавшими, часто называли коблами. Как будто только что прочитали и обсудили горьковского «Челкаша». Когда собравшиеся любопытные узнали о том, что у нас давно уже нет ни отца, ни матери, это сразу вызвало, как мне показалось, и искреннее сочувствие и искреннее уважение. Как я вскоре понял, одной из детдомовских традиций тогда было негласное, интуитивное разделение детдомовцев на «настоящих», то есть, не имевших ни отца, ни матери, и «не очень настоящих», таких, у кого родители были живы, но были либо пьяницами, либо очень бедными, либо больными, либо попали в тюрьму. Не дали нам в первые дни никаких прозвищ, что было редкостью, но с чей-то легкой руки по доброму окрестили одного Ваняткой, другого Васяткой. А некоторое время спустя при встрече с одним из нас обязательно говорили: «Васятка буди Ванятку — к обеду хлебышут» и смеялись. Мне это страшно как не нравилось, я огрызался, но изменить долго ничего не мог. Такое приветствие,

между тем, свидетельствовало о том, что нас не отнесли ни к городским, ни к деревенским, а к каким-то монастырским-слободским. В то же время Борисоглебские слободы были в начале и середине 1930-х годов небольшим, но все же районным центром. В нем были РНК — районный исполнительный комитет, районная сельская больница, райком партии, кстати сказать, в 1933 году сгоревший дотла, ОГПУ (наверное, райотдел ОГПУ, но всеми именуемый именно ОГПУ), две небольшие школы, одна первой ступени (1 — 4 классы), другая школа второй ступени (5 — 9 классы). Работал также крахмало-терочный завод, при нем — редкость в сельской местности — электростанция. В двух километрах от монастыря находилась единственная в слободах действующая Троицкая церковь.

Крахмало-терочный завод, хорошо обеспеченный сырьем, то есть картофелем, был поселкообразующим предприятием. Из окрестных деревень на него везли сдавать картофель, а обратно — отходы производства — жмыхи, отличный корм для коров, поросят и прочей живности. Продукция завода немедленно уходила на Ростовский паточный завод, который, в свою очередь, обеспечивал патокой и другой продукцией переработки крахмала (глюкоза, мальтоза) кондитерское производство Ярославской и других соседних и не соседних областей. Комплекс довольно интересный: по существу бесперебойно работал хорошо отлаженный промышленно — сельскохозяйственный комплекс, обеспечивающий постоянную высокопроцентную трудовую занятость населения целого региона.

Коллективизация сельского хозяйства там явно вписывалась в действующую уже структуру и, насколько я помню, (а в Борисоглебских краях я находился постоянно с 1932 по 1935 годы и еще периодически до 1940 года) проходила спокойно, без каких-либо заметных потрясений. Во время Великой Отечественной войны крахмалопаточный комплекс Ростовского и Борисоглебского районов Ярославской области, мне думается, сыграл заметную роль, неоцененную по достоинству до сих пор, в решении продовольственной проблемы воюющей страны. Особенно в 1942 — 1943 годах, когда огромная часть европейской территории страны — Украина, Кубань — житницы страны — были захвачены врагом, урожай 1941 года тоже достался ему, и продовольственная проблема сильно обострилась. Этот экскурс я сделал уже с позиции сегодняшнего дня. Тогда же мысли мои были заняты совсем другим.

До переезда в Борисоглеб мы, два брата с матерью, после внезапной трагической смерти отца остались жить в одиноко стоящем на краю леса доме, у разрабатывающегося торфоболота, в трех километрах от ближайшей деревни. Незадолго перед этим отец, будучи один в доме, а мы ушли с матерью в деревню, заряжал ружейные патроны, один из которых у него разорвался в руках, оторвав несколько пальцев. Только после нашего прихода ему мать сделала какую-то перевязку, затем, добыв подводу, отвезла на волжскую пристань, это километров в десяти от нас, затем на параходе — в Ярославль, в больницу, еще сорок километров. И вроде обошлось все, кроме потери трех пальцев на руке, отец пришел из больницы, но тут его настиг столбняк и смерть. Дом, где мы тогда жили, был служебным помещением при торфоразработках. В летнее время, в сезон добычи торфа дом был одновременно и конторой торфопредприятия, и нашей служебной квартирой — отец летом работал десятником торфопредприятия. Зимой мы жили одиноко на краю леса и

болота, отец становился сторожем торфодобывающей машины и, наверное, подрабатывал еще помощником лесника, промыслял охотой. Одно из самых ранних воспоминаний детства: отец зимней ночью поднимается на чердак дома караулить волков, и мы долго не спим. Еще поздней осенью он купил по дешевке в деревне совершенно старую лошадь, зарезал ее, ободрал и оставил на зиму у дома для приманки волков на расстоянии выстрела из чердачного окна. За убитых волков, за пушнину тогда хорошо платили и снабжали на льготных условиях охотников порохом, дробью и другими охотничьими припасами.

И вот теперь, то есть тогда, поздней осенью 1931 года, мы, два брата, и наша мать, абсолютно неграмотная женщина, всю свою жизнь до этого момента — домохозяйка, не имеющая никакой специальности, остались в одиноком доме на краю болота и леса. Мать горюет по отцу, громко по-крестьянски причитает: «и на кого ты меня оставил с малыми детушками (мне шесть, брату восемь лет), и что я с ними буду делать...». Наверное, ждет известий от своего старшего сына, нашего старшего брата, где-то устроившегося на работу после нескольких лет случайного заработка. Мы, тоже грустные, целыми днями бродим по краю болота. Журавли, гуси улетели, одиноко грустно, тоскливо. Потом в ближайшей деревне Ломовской нам выделили, наверное, местная власть, пустующий маленький домик, и мы несколько месяцев прожили там до момента, когда старший брат прислал нам вызов к себе в Борисоглеб. До Костромы (20 км.), до вокзала нас довезли на подводе; все наше семейное имущество уместилось в одном небольшом сундуке и нескольких узлах. На вокзал пришел проводить нас товарищ старшего брата, видимо предупрежденный им телеграммой. Он и надписал на вещах, сдаваемых в багаж, адреса назначения. Мы с братом писать еще толком не умели, мать могла расписываться, только ставя крестик.

В Борисоглебе мы сначала поселились у кого-то на квартире, но вскоре перебрались в отдельный старый маленький домик, видимо, купленный братом. Переселенческая суeta длилась до зимы и я, начавший было учиться на старом месте в деревенской школе, пропустил учебный год. Не ходил в школу и другой мой, средний, брат. Через год, тяжело заболев, умерла мать, и мы, два неразлучных брата, остались на полное попечение 18-летнего нашего старшего брата, работавшего в то время лаборантом на Борисоглебском крахмало-терочном заводе...

Детская наша жизнь в Борисоглебе была привольной и интересной. Целый день с утра до вечера на улице, на реке. Летом — купанье без удержу, ловля рыбы, раков, катанье на сплавных бревнах, беганье по бревенчатым заторам — каждое лето по реке сплавляли, видимо, в Ярославль лес. Осенью грибы, орехи, по первому льду катанье по реке на коньках, промысел рыбы, поднявшейся к самому льду, оглушением ее обухом топора, а также — самодельной острогой на промоинах у быстрин. (Тогдашняя наша острога — это вилка, прикрученная проволокой к палке). Зимой — увлекательная ловля налимов на кляпыши (это опущенная в маленькую прорубь до дна леска с грузилом и крючком-тройником на конце. На крючке насажен кусочек замороженного пескаря или другой какой мелкой рыбешки). Весной, в половодье, продолжение ловли налимов тоже на кляпыши, заброшенные с берега в мутную воду.

Все эти воспоминания промелькнули у меня в первый детдомовский день, а может быть еще по дороге из Борисоглеба в Ростов, когда нас вез туда наш старший

брат Федор на лошади, запряженной в тарантас. Брат несколько раз останавливался, тяжело задумывался, спрашивал, не вернуться ли нам обратно, предлагая оставить нас на несколько месяцев на попечение своей невесты. Мы нейтрально помалкивали.

Познакомившись с нами, детдомовская братия, несколько особенно любознательных мальчишек и кто-то постарше, стала знакомить нас с местными порядками и обычаями. Спросив, приходилось ли нам есть жареных воробьев и, убедившись, что не приходилось, повели нас угощать такой дичью. Кто-то где-то быстро раздобыл оперившегося птенца воробья, отсек ему голову, выпотрошил и на небольшом костерке у монастырской ограды на берегу озера его поджарил. Затем, расчленив на несколько порций, раздал присутствующим ребятам, а самую поджаристую лапку предложил мне. Ничего, вполне было съедобно. Я как-то быстро втянулся в детдомовскую жизнь, быстро привык. Брат мой определился в другую, более старшую компанию, и мы виделись нечасто.

На всем фоне первого детдомовского полугодия остался памятен жгущей болью тот день, когда дошла до нас с братом неожиданная весть о гибели нашего старшего брата в Гороховецких военных лагерях, куда он попал после того, как определил нас в Ростовский детский дом. Это был третий по мне удар судьбы: сначала погиб отец, затем — мать умерла, теперь вот погиб любимый мой старший брат. Переживал этот удар тяжело.

ТАК МЫ ЖИЛИ

В учебный год 1935 — 36-й я начал ходить в 3-й класс городской средней школы, но в декабре у меня стянули ночью зимнее пальто, которым я накрылся поверх одеяла, и мне пришлось прервать учебу. Так я и провел всю ту зиму без пальто, пристроившись на кухне помощником к поварихе тете Кате. Потом она перестала у нас работать, и я, к великому моему сожалению, не помню ее фамилии. В ту злополучную для детдома зиму она, добрая душа, самоотверженно получала где-то на детдомовцев продукты и варила на всех завтрак, обед и ужин, а я ей помогал: топил плиту, носил дрова, мыл котлы и спал по ночам почти всегда на большой кухонной плите. Утром к ее приходу растапливал плиту и весь день был около нее в качестве подсобного рабочего. Она ценила, видимо, меня за то, что без спроса ничего не брал, продукты не воровал, котлы мыл добросовестно, постоянно поддерживал на кухне чистоту. Иногда ко мне вечером, после ужина приходили немногие мои друзья погреться на большой медленно остывающей плите, поиграть в карты.

В ту пору детдом, детдомовский коллектив, как это хорошо стало видно позднее с расстояния прожитых лет, был весьма интересным организмом. Жизнь беспризорников в суровые годы первой мировой войны, в первый тяжелый послереволюционный период, в период и после гражданской войны выработала свои особые законы, сложились твердые традиции детдомовского бытия. В тех традициях, как это ни покажется странным кому-то в нынешнее время, превыше всего ценились честность и справедливость по отношению к товарищу, искренняя дружба, покровительство старшего над младшим, умение добыть себе пропитание и кров в любых условиях,

верность данному тобой слову, готовность поделиться с товарищем съестным, если ты его где-то добыл, смелость и ловкость в коллективных мероприятиях. Будь то игра или групповая вылазка в чужой сад, огород, на базар, или на еще какой-нибудь подобный промысел, драка с городскими или деревенскими мальчишками. Не извинённое, не прощенное оскорбление товарища в любой форме, как правило, вело к своеобразной дуэли. Оскорбленный, если он не был трусом, мог немедленно потребовать от обидчика сатисфакции: «пойдем, сойдемся». Это означало драться один на один на кулаках. Если оскорбленный был явно слабее своего обидчика, то есть, когда оскорбитель был значительно старше его по возрасту, значительно мощнее по комплекции, он обращался к кому-нибудь из своих старших друзей и просил вмешаться в конфликт. Тот, как правило, вмешивался, либо улаживал столкновение мирным путем, либо сам вызывал обидчика «сойтись».

Небезынтересным выглядит сейчас быт, развлечения, промыслы детдомовцев того времени, непосредственным свидетелем и участником которых я был на протяжении шести с лишним лет.

В годы 1935 — 1937-й, особенно осенью 1935-го и в зиму на 1937-й год, в детдоме было много, слишком много, свободы для воспитанников — ребят. Один за одним менялись тогда директора детдома, по этой же причине почти не осталось никого из воспитателей, не было завуча детдома, который обычно играл важнейшую роль в воспитательном процессе, находясь постоянно среди воспитанников. Работа детдомовского воспитателя была работой очень тяжелой, самоотверженной работой. Это становится хорошо понятным только тогда, когда становишься взрослым, а тогда воспитатель и детдомовец — почти что классовые непримиримые враги: один кажется другому диктатором, душителем демократии и свободы, а тот ему — носителем всех мыслимых и немыслимых пороков и злобредности. Только очень добрые и очень терпеливые люди могли нести на себе крест воспитателя детдома того времени.

Чуть ли не единственной воспитательницей ростовского детдома в тот злополучный период была Ольга Георгиевна Флоринская (Лапина), работавшая долгое время в детдоме и до того момента. Она тогда занималась в основном только девочками, удерживая их от влияния улицы, увлекая рукоделием, художественной самодеятельностью. У нас же, у ребят, была полная свобода. Почти никто из ребят зимой 1935 — 36 года не учился.

У меня, как я уже упомянул выше, стащили ночью со спящего пальто. Пальто мое было очень хорошее, как все вокруг говорили, бобриковое. Наш старший брат, определяя нас в детдом, хорошо нас одел во все новое и добротное, и зимнее, и летнее. Эта кража одежды у своих была первой и, насколько я помню, единственной за все время моего пребывания в детдоме. Она как-то сильно обескуражила, потому как до этого момента, с первых детдомовских дней ни краж, ни притеснений со стороны других ребят, в том числе и более старших, я не ощущал. Украл мое пальто, наверное, кто-нибудь из тех бывших воспитанников, ставших уже взрослыми, кто иногда появлялся в среде ребят, выйдя из тюрьмы или из исправительно-трудовой колонии. Среди этих «шефов» бывали, хотя и редко, люди подлые. Очутившись на свободе без каких-либо средств существования, они, забыв о детдомовских законах, выманивали у маленьких воспитанников что-либо, что можно продать из одежды, из обуви, из

личных вещей. Одного такого урку, звали его Колкой Моржухиным, я знал и очень хорошо помню. Он появлялся периодически в окрестностях детдома и совершал какую-нибудь пакость. Один раз он выманил у меня каким-то путем новые ботинки, подсунув взамен старые, в другой раз, уже в году 1939-м, выпросил у меня на время детский фотоаппарат, которым меня премировали за отличную учебу, и, конечно, не вернул его мне обратно. Он многих ребят шантажировал, обвиняя в сексотстве и запугивал. Тот был еще урка. Опасаясь его, я завел себе хороший, со сверленной трубкой-стволом дробовик (что это такое — расскажу ниже) и собирался проучить его за все пакости при случае. Но летом того же года в городской газете появилась в разделе «Происшествия» небольшая заметка, в которой говорилось, что два бандита — рецидивиста, упоминалась и его фамилия, пытавшиеся ограбить какого-то гражданина ночью, были задержаны милицией и осуждены каждый на 10 лет тюрьмы.

В ту злополучную осень 1935-го и зиму 1935 — 36 года, пользуясь полной свободой, ребята после завтрака сразу разбредались небольшими компаниями, шалманами, как тогда говорили, кто — куда, промышлять, где что плохо лежит. Круглый год — зимой, весной, летом, осенью детдомовцы умели что-нибудь сами для себя добыть из съестного. Нет, это делалось не от того, что они совсем уж очень голодали. Но детдомовское питание, хотя и регулярное трехразовое, было далеко не обильным и явно недостаточным, особенно для мальчишек, почти все время проводящих на улице, на свежем воздухе в играх, беготне, загородных походах, в нередких драках с городскими или деревенскими ребятами.

Интересными, круглогодично посещаемыми детдомовцами промысловыми пунктами были городской базар, окрестности паточного завода и товарная железнодорожная станция. На базаре всегда можно было стянуть что-нибудь съестного у зазевавшегося деревенского мужика — морковь, репу, картошку. На пристанционных пакгаузах товарной станции постоянно разгружались сухофрукты для кофе-цикорной фабрики. Мешки нередко были худые или специально поврежденные кем-то еще до нас, из них высыпались сушеные груши, чернослив, яблоки и становились нашей добычей.

Основным же зимним занятием в 1935 — 37 годах было катание по улицам на коньках-снегурочках и самодельных коньках, прикрепленных к валенкам, прицепившись длинными проволочными крючками за санями или автомашинами. Санные подводы в те годы были основным транспортом в городе. На санях сельские жители везли на базар продавать картофель, овощи, дрова, сено. Для ребят-детдомовцев основной же интерес представляли подводы, везущие на паточный завод все зимние месяцы мороженный кусковый крахмал с крахмало-терочных заводов. Таких заводов в ростовском районе, как потом я узнал из книги «Была война», изданной музеем-заповедником «Ростовский кремль» (2001 г.) было семь. Кусок крахмала, испеченный в печке, был хорошим лакомством в то время. Печки зимой почти постоянно топились с утра до вечера в детдомовских коридорах, обогревая спальные комнаты.

Самым же ранним зимним развлечением было, конечно, беганье по первому тонкому звонкому льду замерзающего озера. Бегали в одиночку на спор — провалишься или не провалишься, бегали парами, цепью, взявшись за руки. Бегали по

одному и тому же месту до тех пор, пока прогибание льда становилось явно угрожающим, или под кем-нибудь лед ломался. Тогда единственным спасением от зимнего купанья для того, под кем лед ломался, было успеть броситься в лежащее положение и успеть отползти от опасного места, намкнув в появившейся сверху воде. После этого — сразу домой к топящейся где-нибудь печке. Удивительно то, что никто, насколько я помню, никогда зимой в результате таких развлечений не болел, никто не утонул, хотя случаев провала ивания в воду зимой по тонкому льду было немало. Да и вообще, ни зимой, ни весной, ни летом никто не утонул за те годы, о которых я пишу, хотя много времени мы проводили у воды: на озере, на реке Ишня, впадающей в озеро недалеко от Яковлевского монастыря, на глубокой реке Устье во время нахождения в пионерлагере «Борок», либо во время походов в те края. Вообще же наблюдать утонувших в то время приходилось.

Однажды городской (то есть не наш, не детдомовский) мальчишка утонул в нашем примонастырском пруду, захлебнувшись, видимо, держа голову на поверхности воды, смеясь и дурачась. Его вытащил из пруда наш детдомовский пионервожатый Сергей Гусев, но уже мертвого. Нельзя не заметить: в нашей народной массе мало тех, кто твердо знает и внушает своим близким и, что очень важно, детям простую, но чрезвычайно важную истину: захлебнуться водой очень легко в мальчишеских играх, барахтаясь в воде даже на мелководье и одновременно громко смеясь, крича, дурачась. Вода, крупные брызги могут легко попасть в дыхательные пути и перекрыть дыхание. Тогда мгновенно начинаются дыхательные судороги и невольное дальнейшее заглатывание воды, попадание ее в легкие. В детстве я несколько раз испытал на себе такое состояние и после этого всегда контролировал себя, своих друзей, приятелей и случайную компанию при купаниях.

Другой случай пришлось наблюдать на реке Устье. Там, недалеко от пионерлагеря рыбачили с удочками пожилые муж с женой у глубокого омута, и она, видимо, решив искупаться, у него на глазах стала тонуть, а он, вместо того, чтобы ее спасать, стал звать на помощь, может быть, не умел плавать. Ее вытащили, уже мертвую, прибежавшие осовиахимовцы, находившиеся недалеко на стрельбище. Мы, услышавшие крики, тоже прибежали туда и были свидетелями того происшествия.

Еще одним постоянным зимним развлечением ребят-детдомовцев в те годы, особенно в сильные морозы, когда у всех топящихся печек сидели любители, одни — что-нибудь рассказать, другие послушать, было жарение галок и ворон. Это было связано с тем, что в зимние месяцы, особенно в январе — феврале, на деревья монастырского парка слеталось на ночь множество ворон и галок. Так вот, выбежишь, бывало, с рогаткой под дерево, верхушка которого усеяна «дичью*», зарядишь кожицу рогатки чугункой, то есть чугунным осколком, и не глядя вверх, чтобы тебе в глаз не ляпнула птица, стреляешь в воронью-галочную стаю. Почти всегда после первого же «выстрела» летит вниз, кувыркаясь добыча. Хватаешь ее, бежишь в дом к топящейся печке и сразу — в огонь. После того, как перья опалятся, очищаешь ее, потрошишь и снова в печь на железном пруте. Не все, конечно, занимались таким промыслом, но многие, кто обладал хорошими рогатками и запасом «чугунок». Особенно интересно было старожилам приучать к такому делу новичков. Поэтому почти все ребята 1935 — 37 годов поступления в детдом прошли через эту науку. Жареная в печке галка была

довольно вкусным блюдом и особенно желанным для того, кто проиграл свою обеденную пайку хлеба в карты. Ворона — хуже, она горчила. Редким деликатесом был голубь, но голубей в ту пору водилось в городе мало. Голубей можно было добыть только на базаре у подвод продавцов из деревни, куда они слетались на просыпанный овес и другое зерно.

Городской базар был тоже одним из популярных, часто посещаемых детдомовцами мест. Там всегда можно было что-нибудь стянуть из съестного. Характерно для тех времен было то, что среди детдомовцев не было попрошайек, по крайней мере, в годы моего пребывания там с мая 1935 по август 1941 года. Это занятие презиралось. Старшие ребята строго следили, чтобы этим не занимались самые маленькие.

Мне врезался в память такой случай. Пошли мы как-то летом небольшой компанией в Борисоглеб в пионерский лагерь, где отдыхало несколько наших ребят. Это — километров за 20 от Ростова. Пообщались с нашими и заночевали на берегу реки. Утром, проголодавшись, снова пошли в лагерь, к своим, что-нибудь раздобыть поесть. Те, упреждая нас, уже договорились на кухне, чтобы нас покормить, если что-нибудь останется от завтрака. Завтрак заканчивался, и нас пригласили в столовую, разместили в уголке и дали по миске манной каши. Еще не все лагерники вышли из-за стола, и некоторые пионеры стали носить то ли свою, то ли остатки чужой каши, из самых, конечно, добрых побуждений. И тут происходит трагикомический инцидент: один из наших, хорошо помню его фамилию — Солнцев, берет у принесшего ему миску манной каши и одевает оную ему на голову. И смешно было, и жалко сердобольного пионера. Кто-то из служителей кухни нас крепко отругал и объявил, чтобы мы больше на кухне не появлялись.

Младшие ребята приучались к тому, чтобы сами умели найти себе пропитание. Умение что-нибудь стянуть поощрялось в своей среде. Высшим уважением пользовались карманники, то есть мастера вытянуть кошелек из кармана в какой-нибудь толкучке. Такая профессия была довольно редкой в те годы. Я знал только троих мастеров такого дела по прозвищам «Хорь», «Барыш» и «Солнце».

Еще одним зимним занятием мальчишек тех лет было у одних замораживание пайки черного хлеба, у других — поиски кем-то замороженных паек. Замороженный черный хлеб казался почему-то особенно вкусным. Замораживали хлеб обычно те, кто имел некоторые его излишки: либо выигрывал пайку в карты, либо покупал ее за деньги, если таковые заводились, либо выменивал ее за хорошую резину для рогатки, за спички, порох для самопала-дробовика. Многие из тех, кто сам не замораживал хлеб, занимались поиском паек, замороженных кем-то другим. Поскольку замораживали обычно не свою пайку, а как-то добытую чужую, поиски оной другим человеком детдомовскими традициями и законами не воспрещались. Замораживать хлеб обычно ходили вечером, в темноте, чтобы кто-нибудь не проследил за тобой, или не увидели вороны. Да так, чтобы не нашли твою заначку по твоим следам на снегу. А чтобы она на другой день не попала в чужие руки, надо было утром встать пораньше и по своим приметам найти то место, куда спрятал хлеб. Иначе тебя опередит любитель разыскивать чужой хлеб. Неопытные новички оставляли хлеб на заморозку на уступах и в нишах монастырской стены, между сучками на деревьях. Но все укромные места

были давно известны всем старожилам, и замороженный там хлеб, как правило, доставался не тому, кто его там оставил. Более опытные делали так. Выбегали на берег озера по снегу, уже примятому, натопанному за день, а затем бросали пайку на чистое без следов место, метров за 20 -25 в сторону от своего следа, запомнив это место. Если снег был пушистым, то кусок хлеба утопал в нем и не был виден со стороны. Если снег был уже слежавшийся, то этот вариант не проходил, и операция усложнялась. Приходилось тогда побегать по снегу, запутать, как зайцу свои следы, и спрятать хлеб в одном из своих же следов, закопать его чуть в бок и снова наступить на это место, оставив след от валенка.

Ранней весной, когда только-только растаивал снег и на полях, на которых в прошлом году росла морковь, репа или брюква, обнажались недовыкопанные прошлогодние овощи, мы постоянной нашей компанией во главе с Павкой Лебедевым любили бродить по окраинам этих полей, находить эти, оставленные будто специально для нас, прошлогодние овощи и с удовольствием грызли их.

В конце апреля — начале мая, когда озеро у берегов оттаивало и начинался своеобразный озерный ледоход — перемещение льда под воздействием ветра то в одну сторону от берега, то в другую противоположную сторону, лед выносил на берег какие-то, сейчас не помню названия, крабовидные съедобные тростниковые корни, богатые крахмалом. Эти корни жарили на кострах, горящих почти весь день до темноты за выступающей средней приозерной башней, и с аппетитом поедали.

Затем на лугах появлялись первые свежие травы, среди которых полдюжины считались съедобными: щавель и луговой лук, это само собой, всем известные, а кроме них — стебли хвоща, «молока» и «вино». Эти две последние съедобные травы я больше нигде не видел, названия их тоже не встречались. Сейчас их, конечно, и не опознать среди лугового травяного многообразия.

Летом, ранней осенью жизнь на природе была, конечно, значительно сытней. Первые лесные ягоды — земляника, малина, черника, голубика (гонобобель), коринка, почему-то сейчас в Подмоскovie называемая чужим словом ирга. Ближе к концу лета — орехи, сады, огороды, само собой. Куда от города ни отойдешь — всюду обширные поля, на которых огурцы, помидоры, морковь, репа, горох, бобы, картошка. Разводи где-нибудь в недалеком лесочке костер и пеки ее.

Очень любили во все детдомовские времена выходить на природу, и коллективно, большими группами в сопровождении кого-нибудь из воспитателей, и небольшими самостоятельными компаниями единомышленников. К болотам за Юрьевскую слободу, за Пушбол к Пашинскому оврагу, в сосновые боры под Борисоглебом, на реки Ишня (Ишма — по тогдашнему), Сара, Устье. И самое главное, наверное, было то, что по дороге как-то случайно всегда попадались большие поля, где всегда можно было чем-то поживиться. Тут, конечно, мы всегда «заимствовали» у колхозников все, что было съедобным в объемах, которые позволяли вместить наши карманы и запазухи, и были сыты целый день.

Это я рассказывал о развлечениях — промыслах, связанных с добыванием себе что-нибудь из пропитания, так как детдомовская кормежка была явно недостаточной для растущих организмов в условиях постоянной активной деятельности на свежем воздухе. Кроме почти повседневных занятий-промыслов, были, конечно, занятия и

другого плана, которые сейчас я бы назвал самоорганизующимися игрищами. Очень любимыми были массовые игры — «сражения». Наиболее популярными были три вида таких игр.

Самой безобидной игрой, пожалуй, можно считать подушечные бои по вечерам в спальнях после отбоя, когда никого из воспитателей нет, партия на партию, не всегда количественно одинаковые. Часто двое — трое ребят постарше, посильнее, половчее занимали оборону на определенном плацдарме сдвинутых кроватей, а другая разновозрастная группа в количественном превосходстве их атаковала, пытаясь захватить плацдарм. Шум, гам, беготня стояли невообразимые. Иногда такая игра имела небезобидный исход. Мне однажды досталось подушкой, в которой был спрятан сапожный нож. Порез оказался нешуточный, до кости, кровь еле-еле удалось остановить. Шрам на руке, сейчас уже чуть заметный, виден до сих пор.

Зимой одно время были популярны сражения валенками, особенно интересные в длинных коридорах в абсолютной темноте, тоже партия на партию. Крадется кто-нибудь тихо-тихо по стенке, чтобы зайти в тыл «противнику» и атаковать его с другого конца коридора, а противник затаил дыхание и делает вид, что отступил на тыловые позиции. Но внезапно кто-то не выдерживает и бьет валенком на шорох, да по своему. Ну и начинается сражение между перемешавшимися бойцами. Такие сражения тоже не всегда заканчивались без кровопролития. Однажды досталось кому-то чьим-то, только что пришедшим с улицы, замерзшим валенком по уху сверху вниз, отчего ухо оказалось заметно надорванным.

Одно время, в те же 1935 — 1937 годы, мы, мальчишки увлекались более нешуточной игрой — сражениями на кирпичках. Эта игра, помнится, зародилась тогда, когда какое-то учреждение взялось разбирать остатки старого кирпичного строения у пруда, что у юго-западной угловой башни монастыря. Вернее дело шло о доработке уже подвальной части бывшего строения, где было много кирпичных перегородок, и все это походило на траншеи глубиной в мальчишеский рост. Тут нам и подвернулась оплачиваемая работенка — разбирать остатки кирпичных стен и складывать отдельно целые кирпичи в штабели. Возможность честно подработать и получить за это какие-то, пусть самые мизерные деньги, привлекала всегда. Деньги нужны были для того, чтобы купить хорошей резины для рогатки, порох у местных охотников для дробовиков, спички. Немного денег нужно оставить и попытаться выиграть еще в карты, в орлянку, в пристенок. Позднее, когда появилось увлечение у некоторых из нас под активным влиянием С. Ивенского коллекционировать художественные открытки, репродукции, деньги нужны были для этого.

Так вот, в первый же день, кажется, разбирали мы кирпичи, довольно устали с непривычки, и кто-то в шутку запустил в своего приятеля, находящегося на разборке другой перегородки, небольшим осколком кирпича. Тот, естественно ответил тем же. Ну и пошла перестрелка — кто в кого попадет. Я, помнится, предложил такую игру: делимся на две партии, каждая занимает свои позиции и начинаем войну. Как только «граната», то есть кусок кирпича, попадает в кого-то, тот считается убитым и выходит из игры. Вышедшие из игры становятся судьями и арбитрами во время спорных ситуаций продолжающейся игры. В подобную игру мы любили играть в Борисоглебе, но там она была безобидной, вместо кирпичных гранат использовались снежки. Также

делились на две партии, расходились на свои позиции и начинали перестрелку. В кого попадет снежок, тот считался «убитым» и выходил из игры. Сама игра выходила далеко за пределы первоначальных позиций, до полукилометра, с погонями и окружениями, и была очень увлекательной. Последний, кто оставался целым в такой перестрелке, считался победителем и очень уважался как самый ловкий и сообразительный. Такого всегда в следующей игре каждая сторона стремилась заполучить в свою команду.

Игрища с применением гранат-кирпичей сразу многим понравилась, они разгорались иногда в нешуточные сражения и доходили до кровопролития. После разбора остатков кирпичного строения такие бои переместились на стены и башни монастыря. Там обычно двое-трое самых ловких занимали позиции на двух соседних башнях, укрывались за столбами, а с земли их атаковал отряд, неограниченный по количеству «бойцов». Если напарник или оба напарника выходили из строя, то есть были «убиты», то оборону держал один, перебегая по стене от одной башни к другой под градом камней и кирпичей от столба к столбу, пока на одну из башен не заберутся атакующие и не заблокируют оборонявшегося на другой башне и не «убьют» его, если он не сдастся.

Такие кирпичные сражения были хорошей тренировкой, подготовкой к дракам с уличными городскими и деревенскими мальчишками, которые время от времени возникали и по дороге из школы в городе и в походах за орехами, и в пионерских лагерях, когда приходилось проходить через деревни, в которых слоняющиеся без дела мальчишки не упускали возможности к кому-нибудь придраться и померяться с нами в ловкости и смелости.

Другого плана серьезными увлечениями были рогатки и, так тогда солидно называемые, дробовики, известные подавляющему большинству городских и деревенских мальчишек тех времен, как поджигалки или самопалы. И то, и другое у детдомовцев было развито до высокого уровня, до уровня личного боевого оружия. Резина для рогаток использовалась только высококачественная, определенной упругой эластичности, поставляемая в основном старшими товарищами, выпустившимися из детдома, работавшими в городе. Из рогаток стреляли только «чугунками», то есть кусочками колотого чугуна весом граммов тридцать. С рогатками и полкарманом таких чугунок охотились за голубями на базаре, за галками и другой подобной дичью, охотно употребляемой в пищу в середине 1930-х годов и еще раньше. «Чугунки» добывали путем раскалывания чугунных труб в подвалах бывшего настоятельского корпуса, в которых находилась недоделанная система канализации. Система канализации была начата строиться, наверное, еще до революции, но потом была брошена. Печные чугунные вьюшки давно уже были все расколоты и заменены железными вьюшками. Через бывших детдомовцев, работавших где-нибудь на токарных, сверлильных станках на паточном заводе, в селе Поречье за озером, добывали и сверленные трубки для стволов дробовиков. Дробовики со сверленными стволами считались у нас тогда оружием самого высшего класса. Заряженные порохом, а не соскобленными спичечными головками, и свинцовыми литыми пулями или дробью, они представляли собой уже серьезное оружие ближнего боя для самообороны. Дробовики более низкого класса изготавливались из открытых с двух

сторон стальных или медных трубок диаметром восемь — двенадцать миллиметров. Отступя полтора — два сантиметра от одного из концов трубки просверливались два противоположно расположенных отверстия, в них вставлялся тонкий гвоздь, после этого другой конец трубки плотно запывивался бумагой, а этот заливался свинцом. Пропиливалось или просверливалось еще небольшое отверстие с боку для доступа к пороху внешнего огня, и ствол к дробовику был готов. Такой технологией изготовления оружия владел каждый детдомовец, кому было не лень заниматься этим делом. Самопалы с медным стволом, один конец которого просто сминался молотком, имели обычно деревенские, да и городские мальчишки, у детдомовцев они презирались. Их могли иметь лишь самые захудалые мальчишки младшего возраста, и то, не показывая старшим ребятам. Иначе владелец такого оружия будет подвергнут уничтожающей критике.

Изготовлением дробовиков и их обладанием мальчишки занимались в детдоме примерно до конца 1940 года. К этому времени и питание существенно улучшилось, и интересы у нас, ребят старшего возраста, были уже другими. Стремились хорошо учиться, в школах участвовали в физкультурных кружках, много читали, занимались спортом, часто ходили в кино в клуб паточного завода, этот клуб шефствовал тогда над детдомом. Зимой много бегали на коньках и лыжах по озеру, любили кататься на лыжах с городских валов.

Нельзя не отметить, что даже в разгульные 1935 — 36-й годы в детдоме не культивировались и абсолютному большинству воспитанников не были известны наркотики. Наверное, борьба с ними в те годы в стране была жестокой и эффективной. Быть может, не было этой заразы и потому, что граница была уже действительно «на замке» и наркотики в СССР через нее не проникали. Я помню только очень короткий период времени, буквально несколько дней, когда кто-то принес в детдом зеленую белену, рассказав, что она действует как водка, и некоторые из нас, я в том числе, из любопытства попробовали ее белые зерна. Действительно, с сознанием произошло что-то странное, стала мерещится какая-то чертовщина. Кто-то, призывая купаться, нырнул с кровати на пол и приобрел заметный синяк и сильные ссадины... После этого никто белену к нам не приносил. Я и моя компания смотрели, чтобы эта зараза не попала к малышам и создали предельно плохое мнение об этом слове. Не было никакой распушенности у ребят и по отношению к девочкам. Держались в стороне от них, а они от нас.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ДЕСАНТ

Конец 1935-го, первая половина 1936 года были очень сложными периодами для Ростовского детского дома. Директором детдома при моем поступлении туда была какая-то странная женщина, фамилия её была Титор. Жила она в одной из комнат детдомовского корпуса вместе со своей сестрой. Ходила в армейской форме начала 1920-х годов с револьвером «кольт» на боку, видимо, личным оружием, доставшимся ей после гражданской войны, наградой тех лет. Поговаривали, что ей пришлось воевать даже в банде Махно. Этот титоровский «кольт» я хорошо запомнил, потому

как однажды получил его рукояткой по голове. Затеяли мы как-то в дождливый день игру в чехарду в спальном корпусе, в коридоре рядом с директорской комнатой-квартирой. Разошлись настолько в крике-гаме, что не заметили, как оказались у дверей этой комнаты. И вот, в очередной ор завалившейся груды тел из дверей той комнаты вылетает разъяренная директорша и начинает с «кольтом» в руках расшвыривать направо налево ребят, награждая их и левой, и правой рукой зуботычинами. Тут я и подвернулся ей под «кольт». Её боялись, и ей, видно, не раз грозили старшие детдомовцы посчитаться с ней. Но все же, как я помню, она держала детдом в своих руках. В первой половине 30-х годов в детдоме воспитанников держали до более старшего возраста, лет до 17 — 18, видимо из-за того, что тогда в стране была еще очень большая безработица, и детдомовцев некуда было пристраивать.

Где-то в конце осени 1935 года Титор куда-то исчезает. То ли её сняли с работы, то ли сама сбежала на какую-нибудь более спокойную работу, может быть арестовали за какие-нибудь прошлые грехи — никто ничего не знал. Репутация детдома в городе была ой — ой — ой. Нового директора городские власти никак не найдут. Воспитатели разбегаются, завуча тоже нет. Инстинкты уличной свободы у детдомовцев с новой силой возрождаются, так как среди воспитанников много таких, которые попали в детдом еще в середине 20-х, познав в то время беспризорщину, уличную свободу в полной мере, и ценили ее превыше всего. Распространенной забавой детдомовцев того времени было, например, бросание «гранат» в открытые окна местных жителей. «Граната» представляла собой согнутую кольцом упругую проволоку, между концами этого кольца (оно было диаметром 10 — 20 сантиметров) осторожно вставлялась взрывающаяся «пробка», предназначенная для детских «пугачей». В те годы эта игрушка-«пугач» продавалась повсеместно, без всяких ограничений, продавались к ней и заряды — «пробки», диаметром 10-12 миллиметров, залитые взрывчатым веществом, стоили они копейки. Пробка вставлялась в ствол пугача-«револьвера» и при ударе по ней курка она громко взрывалась. Детдомовцы эти «пробки» и приспособили для своих ответных выпадов против местного населения, с которым у них не всегда были мирные отношения.

При ударе о любое твердое препятствие пробка царапалась концом проволоки и всегда безотказно взрывалась, производя впечатление громкого выстрела. Запасались такими «гранатами» особенно в больших количествах к банному дню, когда всем детдомом ходили в городскую баню через весь город. Многие во время такого похода начинали припоминать, кому, где, когда доставалось по рукам или по лбу при заглядывании в окна, а такое любопытство было принято у детдомовцев: можно было стянуть с подоконника зреющие помидоры или еще что-нибудь интересное. Теперь была цель: в то окно, в котором в прошлом произошел конфликт, а если оно закрыто — в соседнее, ближайшее, бросить «гранату» и получить удовлетворение отмщенного.

Один за одним в ту осень 1935 года появляются и вскоре исчезают новые директора. Запомнился Капустин, большой тучный мужчина, бывший начальник то ли милиции, то ли уголовного розыска. При знакомстве с окружившими его детдомовцами рассказывал о том, как, внедрившись в банду уголовников, сумел арестовать главарей. При этом показывал простреланный уголовниками свой живот. Но, побыв несколько дней в детдоме, исчез, отказавшись, видимо, от «почетной»

должности директора. За ним появлялся на короткое время кто-то еще, потом кто-то еще, потом снова — никого. Мало кто учился в ту зиму 1935-36 года.

Вот в такой обстановке в конце зимы 1936 года в разбушевавшийся детдом высаживается партийно-комсомольский десант, нацеленный на «захват» власти в детдоме. Это были в основном опытные активисты- комсомольцы, взявшие под повседневный, даже, правильнее сказать, ежечасный контроль весь режим дня детдомовцев, особенно ребят. Присутствовали на подъеме, на завтраке, после чего до обеда и после обеда до ужина занимали ребят всевозможными интересными массовыми играми, викторинами, водили группы в музей, в кино.

Одновременно, может быть, чуть позднее появились и новый директор детдома — Иван Александрович Мороков, и новый завуч — Василий Николаевич Пятунин. Думаю, их поставили на эти посты в рамках ответственных партийных поручений. В городе они были известными людьми. И.А. Мороков после детдома был, кажется, председателем райисполкома, В.Н. Пятунин, помню, был после детдома главным редактором районной газеты. И до детдома они занимали какие-то ответственные посты в городе.

Это были именно те люди, которые с помощью активистов-комсомольцев смогли в короткий срок переломить, нормализовать обстановку в детдоме. Наиболее распоясавшихся ребят быстро раскидали из детдома кого куда: кого досрочно выпустили из детдома, специально добившись, видимо, от местных властей выделения рабочих мест на городских и районных предприятиях, кого в другие детдомы, кого в исправительно-трудовые детские колонии. В исправительно-трудовую колонию угодил и мой старший брат Иван.

И.А. Мороков был уже в довольно пожилом возрасте, наверное, под шестьдесят, участвовал в гражданской войне, имел увечье как результат ранения на войне. Он очень много непосредственно общался с воспитанниками, беседовал, рассказывал о войне, изучал ребят. Но главное, он был, судя по результатам его работы, великолепным организатором и очень заботливым человеком. Первое, что он сделал — всех обул, одел, наладил нормальное, значительно более хорошее питание. К началу 1936-37 учебного года все детдомовцы старше семи лет были определены по школам и стали учиться.

Какие-то шефы подарили детдому музыкальные инструменты — рояль, баян, струнные инструменты. Хорошо организована была художественная самодеятельность — драматический кружок, хор. Получил существенную поддержку танцевальный девчоночный кружок Ольги Георгиевны Флоринской. Стали выявляться таланты и из ребят. Сразу заметно выделился музыкальными способностями Валентин Левашов, за короткий срок от нуля он освоил баян и стал довольно прилично на слух играть на нем. Явно обозначились способности к рисованию у Руслана Ковалевского, у Виктора Медведева.

После комсомольской «оккупации» детдома зимой 1936 года детдомовские порядки и традиции существенно изменились. Резко сократилась текучесть воспитателей, некоторые из комсомольского «десанта» позднее стали штатными воспитателями, пионервожатыми, появилась штатная должность гармониста. Все, кто учился в школах, были распределены по группам, которые под присмотром

воспитателей готовили заданные на дом уроки, коллективно отдыхали, слушали патефонные пластинки, что-нибудь рисовали, клеили. Многие мальчишки, сделав наспех уроки, конечно, стремились из комнатной обстановки на улицу — играть, бегать по льду, позднее, когда появились лыжи, кататься на лыжах с городских валов.

Процесс нормализации детдомовской жизни длился года полтора. Все это время директором детдома оставался И.А. Мороков, завучем — В.Н. Пятунин.

ПОПОЛНЕНИЕ 1937 ГОДА

В конце лета 1937 года в детдоме появилась группа новичков 13 — 15 летнего возраста. Это были, как сразу стало известным, дети, родители которых подверглись репрессиям. Помню фамилии, пожалуй, их всех: Блок, Л. Карина, Ю. Боген, С. Ивенский, В. и Н. Климовичи, В. Саблуков, И. и Г. Михровские, Р. Ковалевский. Их репрессированные родители не были лицами самого высокого ранга партийных или государственных руководителей, но все же были, похоже, довольно высокопоставленными партийными или государственными деятелями. Редкую фамилию Боген уже в перестроечное время я встретил в одном журнале, в статье, посвященной убийству С.М. Кирова. Среди первых он выбежал из соседнего кабинета горкома партии Ленинграда в коридор после выстрела. Фамилия Ивенский встретила также в журнальной публикации 1990-х годов, в которой речь шла о продовольственной проблеме первых лет Советской власти. Кто-то из детдомовцев рассказывал, что фамилию Блок носил один из советских послов в Италии в 1930-е годы. Встречалась в публикациях перестроечного времени и фамилия Карин. Были эти лица родственниками наших однофамильцев, трудно судить, но, судя по тому, что эти фамилии не встречались ранее, мне думается, что они были из числа близких нашим.

Фамилии эти я назвал для того, чтобы читатель знал, о каком круге детей репрессированных родителей я ниже поведу рассказ. Все перечисленные считали, что их родители репрессированы по ошибке, в этом скоро обязательно разберутся. По этой же причине, или по другой некоторые из перечисленных — Л. Карина, Блок, Саблуков вскоре из детдома выбыли. С остальными мне довелось прожить вместе много лет. Боген Юрий выпустился из детдома значительно раньше меня, кажется, в конце 1939 года, он поступил учиться в какой-то техникум в Ярославле, С. Ивенского взяли к себе родственники в Москву в 1940 году.

Никто из них не подвергался никакой дискриминации на протяжении всех лет совместного нашего пребывания в детдоме. Не слышал я ни от кого из них, чтобы они пожаловались на то, что кто-нибудь раньше, где-то к ним отнесся несправедливо. Жили они в тех же комнатах, где и все другие воспитанники, учились в тех же школах, где учились и мы.

Сейчас нередко можно услышать, что их, детей репрессированных родителей, и сажали-то в тюрьму, и содержали-то в специальных детдомах и еще о них говорят много всякой чепухи. Вранье все это, обычные перестроечные провокации.

До поступления в детдом все они нормально учились, не имели, в отличие от большинства детдомовцев, пропущенных школьных лет. Физически все были здоровы, нормально развиты, но физической культурой, в смысле тяги к спорту, не обладали. Никто из них не проявлял интереса ни к гимнастике, ни к легкой атлетике, ни к лыжам, ни к плаванию, ни к конькам. Никто из них не играл даже в мальчишеский футбол. В детских спортивных соревнованиях не выделялись ни в каком виде. Драться не умели. В общеобразовательном же развитии они, как правило, все заметно выделялись в лучшую сторону из основной массы детдомовцев.

Старше всех из них был Юрий Боген. Он выделялся из всех не только возрастом (поступил в детдом он уже семиклассником), но и серьезностью своих увлечений. Был чрезвычайно начитанным человеком. Целыми днями он лежал на кровати с книжкой в руке. Seriously увлекался немецкой литературой, чаще всего в руках был у него Шиллер.

Вместе с тем был замкнут, близких товарищей в детдоме, по моему, не имел. Прибыл в детдом хорошо одетым. Ни в каких играх, вылазках и походах по окрестностям не участвовал. Наш детдомовский однокашник Руслан Ковалевский, с которым я несколько раз встречался в 1970-х годах, уверял, что видел после войны Ю. Богена в Таллине в составе какой-то военной комиссии, узнал его. Но фамилия у него была другая, и Руслан не решился завести с ним разговор.

С Семеном Ивенским я довольно близко дружил на почве коллекционирования художественных репродукций. Увлек меня этим занятием он. Этому, правда, очень способствовали вышедшие тогда и сразу прочитанные прекрасно иллюстрированные книги Константина Паустовского о художниках — «Орест Кипренский» и «Левитан». В этот же период был издан и попался в поле зрения проникновенно-трогательный рассказ А. Доде о картинах Рубенса «Нелло и Патраш».

Следует заметить, что в середине 1930-х годов было очень высоко поставлено, как это мне видится сейчас, детское художественное воспитание. Выходил великолепно иллюстрированный журнал «Юный художник», большим тиражом издавались художественные открытки Третьяковской галереи, Русского музея, Эрмитажа. В книжных магазинах много продавалось хорошего качества репродукций с картин великих художников: Леонардо-да-Винчи, Рафаэль, Веласкес, Рембрандт, Рубенс, Ван-Дейк, Давид, Жерико, Делакруа, много других знаменитостей мирового масштаба. И, конечно, все великие русские художники XX века — Репин, Суриков, Брюллов, Левитан, Шишкин, Саврасов, Васнецов, Федор Васильев, Серов, Александр Иванов, Айвазовский, Константин Коровин, Верещагин, Ге, братья Маковские, Куинджи, более ранние — Боровиковский, Левицкий и многие, многие другие. Репродукции всех перечисленных художников издания 1930-х годов, собранные в те годы, сохранились у меня до сих пор.

Потом уже стало ясно: в те 1930-е годы происходил резкий перелом в направлении художественного воспитания молодежи от послереволюционного модернизма, пытавшегося вытеснить прошлое в искусстве под лозунгом: «Долой Рафаэля, расстрелим Растрелли», снова к классике. Обновившиеся «руководители культуры» вспомнили, видно, слова Ленина о том, что «... только точным знанием

культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой её можно строить пролетарскую культуру.»

К 100-летию со дня смерти Пушкина вышел специальный тематический набор художественных открыток — великолепного качества портретов пушкинского окружения, и мы, конечно, приобрели тогда этот памятный набор, скорее всего кто-то нам его подарил, зная наше увлечение коллекционированием художественных открыток. В том же, кажется, году в местном краеведческом музее появились в экспозиции картины известных русских художников: «Мальчик с собакой» К. Брюллова, «Рассвет в Кашмире» В. Верещагина, эти я хорошо запомнил, были еще картины и этюды Шишкина, К. Маковского, Репина и многих других художников.

Собирали мы вдвоем с Ивенским общую коллекцию репродукций с картин известных художников. Выпрашивали у равнодушных к репродукциям, обменивали на что-нибудь, получали в качестве подарков, когда заводились какие-нибудь деньги — покупали в первую очередь репродукции.

Очень способствовал нашему увлечению работавший периодически в то время в детдоме художник Карим. Он, бывший еще в 1920-х годах воспитанником Ростовского детдома, закончил потом Ярославское художественное училище, прекрасно рисовал, пользовался у детдомовцев уважением, непререкаемым авторитетом в любых вопросах. В тяжелый период для детдома 1936 — 37 годов он появился в детдоме в качестве воспитателя и оказывал благотворное воздействие на ребят. Внимательно присматривался к тем, кто пробовал рисовать. Я в себе никаких способностей к рисованию не ощущал и не стал заниматься этим делом, как это делали мои друзья С. Ивенский, Руслан Ковалевский, Виктор Медведев. А вот история изобразительного искусства завлекла сразу, как один из путей познания прошлого. К 1940 году совместная наша коллекция была уже довольно приличной. В ней были и довольно редкие репродукции с картин, которых уже не было в наших музеях, их государство то ли продало, то ли подарило каким-нибудь знатным государственным гостям. Например, были у нас репродукции варианта «Золотой осени», варианта «Вечернего звона» Левитана. Впоследствии ни таких репродукций, ни оригиналов самих картин мне не приходилось видеть.

В 1940 году Семена Ивенского забрали из детдома в Москву его дальние родственники. В момент расставания мы разделили нашу совместную коллекцию репродукций на две равноценные, по нашим представлениям, части и по-братски разыграли по жребию. Моя часть той коллекции репродукций пропутешествовала со мной как самая большая моя имущественная ценность из Ростова в Рыбинск, из Рыбинска в Уфу, там была оставлена в семье, куда меня подселили как эвакуированного, во время моей поездки в Баку в составе команды, сформированной уфимским горвоенкоматом и отправленной для поступления в военно-морское артиллерийское училище. После возвращения всей команды снова в Уфу коллекция моя пропутешествовала из Уфы в Рыбинск, там была оставлена у хороших знакомых, когда я ушел в армию. И только в начале 1950-х годов, когда я уже учился в Воздушной академии имени Н.Е. Жуковского, коллекция моя снова оказалась у меня и хранится до сих пор для внуков. В начале 1960-х годов я разыскал С. Ивенского, он директорствовал в художественном музее в Вологде. Списались, встретились в

Москве, вспомнили детдомовскую жизнь в Ростове — Ярославском. Он во время войны некоторое время работал на танковом заводе в Челябинске. Там поступил в эвакуированную туда из Ленинграда Академию художеств, которую уже закончил после войны. Стал видным искусствоведам — кандидатом искусствоведения, был, кроме Вологды, директором художественного музея в Тюмени, после неё поселился в Ярославле. В перестроечные годы мы резко разошлись с ним во взглядах на советское прошлое. В конце 1990-х годов он подался в Израиль, стал доктором искусствоведения. Думается, это звание он получил, как никто, заслуженно. Неизменная увлеченность с детства огромная эрудиция. С детства же занимался живописью, большой мастер и заядлый коллекционер экслибриса.

ЕЩЕ О ТЕХ, КОГО ПОМНЮ

Рассказывая о тех, с кем меня свела детдомовская судьба в 1930-е годы, несправедливо было бы не назвать других детдомовских друзей, да и просто однокашников и тех великомучеников, кто потратил много сил и здоровья, конечно, самоотверженно пытаясь направить детдомовскую рать на праведный путь.

Павка Лебедев. Человек по моим, и не только моим, тогдашним и нынешним представлениям, самобытный, колоритная личность. С грудного возраста без семьи, прошел путь от дома ребенка через множество детприемников и детдомов. Отчества не имел, поэтому попытки мои разыскать его после войны не увенчались успехом. В одном только Ярославле справочное адресное бюро выдало мне десятка два Павлов Лебедевых. В отсутствии легкодоступных телефонов в то время разыскать человека из Москвы, во время учебы в Академии, оказалось делом нереальным.

Будучи в детдоме Павел Лебедев выделялся очень развитой фигурой легкоатлета, хотя спортом, как таковым, он никогда не занимался. Вместе с тем был он очень ловким верхолазом. Только он один мог забраться на самую верхушку угловых башен Яковлевского монастыря по еле заметным выступам башенных столбов. Был смел и ловок в вылазках по садам и огородам, собирал и записывал в особую тетрадь услышанные от кого-нибудь блатные, полублатные и вовсе неблатные, но понравившиеся ему песни. Часто перед сном, лежа в постели, пел их по своим тетрадям. Хозяйская запасливость была всегда его характерной чертой, всегда имел запас какой-нибудь еды.

С давних времен в детдоме существовала довольно странная традиция. При довольно скромном повседневном питании, в праздничные дни, — тогда их было три в году: «День 1-го мая», «День Великой Октябрьской социалистической революции» и «Новый год», — детдомовцам организовывали сверхобильное угощение. В эти праздничные дни, казалось, весь город посылал в детдом что-нибудь очень вкусное. Кроме хороших праздничных завтрака и обеда, ужин обильно ломился от всяких угощений: много конфет, печенья, разных пирожков, коржиков, мандаринов, яблок, и еще много было чего-то. Все это можно было разумно растянуть для каждого, по крайней мере, на неделю. Но вопреки здравому рассудку и даже во вред здоровью, все

праздничное угощение подавалось разом к праздничному ужину. Конечно, почти все в этот ужин объедались сверх всякой меры, многие мучились потом животами.

И только Павка Лебедев делал в тот день большие запасы, пряча их по разным потаенным местам. Через два-три дня к нему тянулись друзья и приятели, рассчитывая чем-нибудь поживиться, и он всех понемногу бескорыстно угощал, кого меньше, кого больше. В 1941 году он закончил школу шоферов в Ростове, о чем давно и страстно мечтал. Рассказывали, что на войне он был шофером, остался жив, к бывшей директорше детдома присылал, видимо, из Германии, много всяких вещей, прося сохранить их до его возвращения из армии. Но когда после демобилизации он приехал в Ростов, надеясь, видимо, на то, что все для него сохранили, был страшно обескуражен: все, что он слал с фронта, бесследно пропало. Директорша, будучи еще действующей директоршей, за злоупотребление своим служебным положением (рассказывали, прихватывала домой детдомовский хлеб!) загремела на 8 лет в заключение, а оставшаяся семья проела все, присылаемое им с фронта. Был он очень обижен этим, обескуражен настолько, что никогда в Ростов больше не появлялся. Ему, очень бережному, хозяйственному человеку пережить такую ситуацию, думается, было очень нелегко.

Иван Скрипкин. В момент моего появления в детдоме он был одним из самых старших воспитанников по возрасту. Был он инвалидом, одна рука у него была, видимо, парализована, другой же рукой он очень хорошо рисовал. Помню еще, как своеобразно он играл с нами в футбол, активно работая с мячом плечом той руки, которая преднамеренно не могла коснуться мяча. Из детдома попал в мастерскую знаменитой ростовской финифти, там работал, проживая какое-то время еще в детдоме. В ростовском музее было выставлено несколько его работ, одна из которых называлась, кажется, «Красногвардеец».

В середине 1970-х годов мы встретились с Р. Ковалевским, случайно разыскавшим меня через ростовскую школу, где он учился, находясь в ростовском детдоме. Он затеял с этой школой переписку и возбудил поиск школы, в которой мог учиться Герой Советского Союза балтийский летчик-штурман Михаил Советский, погибший в одном из боевых вылетов на Балтике. Об этом летчике в те 1970-е годы прошло несколько публикаций в центральных газетах. Я тоже тогда обратил внимание на эти публикации. Дело в том, что у нас в детдоме в середине 1930-х годов был тоже воспитанник Миша Советский, примерно ровесник И.Скрипкина.

Но я хорошо помнил, что наш Миша Советский был неизлечимо болен. У него был, как тогда говорили, порок сердца, и летчиком он вряд ли мог стать. Я свое мнение высказал Р. Ковалевскому, который был уверен в том, что Герой Советского Союза Михаил Советский — это именно наш Миша Советский. Он развил бурную деятельность в поиске материалов о нем. Кто-то в Ростове тогда нам подсказал, что недалеко от Ростова, в деревне живет бывший воспитанник ростовского детдома, хорошо нам знакомый Скрипкин. Мы стали его разыскивать, вместе с учительницей школы, которую Руслан Ковалевский возбудил благородной идеей поиска материалов о детстве павшего в боях Великой Отечественной Героя Советского Союза. Потратив однажды на поиск целый день, благо еще, что были на автомашине, наконец, разыскали Ивана Скрипкина в соседнем с Ростовом Петровском районе. Он со своим

сыном пас в тот день деревенское стадо, и там, у стада состоялся долгожданный наш разговор. Он хорошо знал и помнил нашего Мишу Советского, подтвердил, что тот был безнадежно болен и сообщил о том, что он давно уже умер.

Позднее я узнал, что Герой Советского Союза летчик Михаил Советский тоже был детдомовцем с грудного возраста, но московским детдомовцем, никаких сведений об истинном его имени и фамилии в детдоме не было, как и у нашего Миши Советского. Тогда часто таким давали и имя, и фамилию в детдоме. Почему-то так случилось, что часто в разных детдомах им давали имя и фамилию Миша Советский. С фамилией понятно, почему такая, а вот с именем, почему обязательно Миша, — загадка. То ли потому, что кто-то из высших чинов Наркомпроса имел имя Миша, то ли из-за созвучия, пока не ясно.

Меня же после встречи с И. Скрипкиным заинтересовала последетдомовская его биография. Все же необычно как-то, зрелый мастер — художник по финифти, обладатель редкой творческой профессии, он отошел от искусства, стал много лет спустя после войны пастухом. То, что он, художник, стал пастухом, это меня не удивило, в этом просматривается подлинная тяга к общению с природой, незабываемые утренние зори, вечерние закаты — подлинные источники вдохновения и философских раздумий о природе, о человеческой душе, о мироздании в целом. Мало кто способен променять все другое на эти ощущения...

Рассказал он тогда мельком, что в трудные военные годы ради созданной семьи решил уехать из города и поселиться в деревне, где прожить было легче и интереснее как художнику. Так и сделал, обзавелся домом, стал охотником, с финифтью покончил, но живописью занимался. Иногда, как говорил, малевал на продажу легковесные картинки. Собирался обязательно как-нибудь специально к нему заявиться, вспомнить детдом, расспросить о его жизни. К сожалению, так и не удалось осуществить такую встречу. Недавно узнал, что Иван Скрипкин умер.

Юрий Власов. Мой не только одноклассник, но и одноклассник по городской неполной средней школе на Ильинке. Отличник учебы. От всяких рискованных мальчишеских предприятий держался подальше. В 1940-м году был премирован редкой в детдомовской жизни путевкой в Артек. Вместе мы поступили в 1941 году учиться в Рыбинский авиационный техникум. Но после прекращения в начале ноября того же года занятий в техникуме, в связи с эвакуацией его в Уфу, Юрий Власов возвратился в Ростов, где у него были какие-то дальние родственники, очень бедные. Проработал в Ростове до призыва в армию на каком-то местном предприятии. На фронте погиб.

Много, много лет спустя, в 2004-м году в телефонном разговоре с бывшей нашей детдомовкой Тамарой Хмелевой узнал, что они с Юрием Власовым работали вместе в 1942 году в Ростове на одном предприятии разнорабочими, сколачивали ящики для снарядов. Рассказала она о том, что Ю. Власов был страстно влюблен в одну нашу очень красивую детдомовку И.М., постоянно только и говорил о ней. И только после этого разговора я понял, что он вернулся в Ростов ради неё, чтобы быть поближе к ней. Но все говорит о том, что та страстная любовь не была взаимной. Такие люди с непреодолимой тоской в сердце всегда погибали рано.

Тамара Хмелева, личность тоже преинтересная. Детдомовка с восьмилетним стажем (1932 — 1941 годы). Была боевой, отчаянной, хорошо училась, с мальчишками часто дралась. Вместе с тем была доброй и искренней. Хлебнула лиха сверх меры в годы войны, оставшись с ребенком на руках без крыши над головой, без специальности. Муж, машинист паровоза, после крушения воинского эшелона, который он вел, оказался в заключении. И все же выдержала все, воспитала, вырастила прекрасную, заботливую дочь. После войны семья восстановилась, жизнь наладилась, но ненадолго. Снова следуют удар за ударом. Погибают на рыбалке и муж, и муж дочери. Позднее тяжело больная., прикованная к постели на руках у дочери и внука в Братске. Просила не писать о ней ничего, особенно о детдомовской жизни. Летом 2004 года умерла в далеком Братске.

Ванька Самойлов. Мой одноклассник, в детдом поступил вместе еще с двумя своими братишками, меньшими по возрасту, кажется, в 1936 году. Смелый, отчаянный парень. Часто с ним водили компанию, нередко спорили, ссорились и даже дрались. Однажды даже «сошлись» на крыше основного жилого здания, бывшего когда-то архиерейскими покоями. В пылу кулачного боя чуть не свалились оба с крыши, из-за чего согласились на ничью. В 1940 году Иван, что называется, выкинул номер — выстрелил в себя из дробовика, по слухам — из-за девицы.

Хорошо помню тот день. Весть о том, что «застрелился Ванька Самойлов» долетела до нас, когда мы играли в футбол у монастырской ограды. Побежали — лежит бледный, в крови. Подхватили под руки, потащили в хирургическую больницу, расположенную рядом с монастырем. Подтащили к двери больницы, неистово стучу, дверь распахивается, вылетает сестра и ничего не видя в ярости врезает мне по физиономии. Это потому что наши малыши, часто, возвращаясь из города, дергали за звонок, стучали бездумно в дверь и убегали. Тут же, придя в себя, сестра, увидев окровавленного парня, запричитала: «прости, миленький, прости»...

Долго лечился наш Иван в больнице, простреленное легкое так и не зажило, постоянно гноилось. В таком состоянии его и выписали из больницы обратно в детдом. Там он несколько месяцев пробыл в лежачем положении, легкое так и не затянулось. В конце концов отправили его всего переключенного в инвалидный дом, в богадельню, как тогда говорили, в недалекое от Ростова село Варницы, по преданию — родину Сергия Радонежского. Больше о нем я ничего не слышал.

Мишка Барышев. В середине 1930-х — высокопрофессиональный вор — карманник, пользовался большим авторитетом у воров-профессионалов. Водил компанию со многими бывшими детдомовцами, посещавшими по старой памяти Яковлевский монастырь, имел среди них постоянных покровителей. По натуре своей был не злой, добродушный.

Но одно время стал почему-то ко мне цепляться. Был он старше меня, выше ростом, значительно плотнее по комплекции. Однажды, поздно вечером, когда я уже засыпал, пытался у меня сонного что-то вытащить из под подушки. Я это почувствовал, вскочил, ударил его, вызвал тут же «сойтись».

Проснувшиеся ребята окружили, мы начали... С удивлением вижу — он быстро устал, тяжело дышит. В кулачной драке, как и в боксе, дыхание напряжено очень. С детства я был очень выносливым, драться умел, сейчас, думаю, я тебе накостыляю, но

вскоре окружавшая нас братва победу признала за мной, молчаливо с этим согласился и мой противник. С тех пор Мишка ко мне не придирался, своим корешам — покровителям жаловаться не стал, стал дружелюбным ко мне, чуть ли не лучший друг. Человеком он был добрым, отзывчивым.

После войны, слышал, он работал на Поречском консервном заводе, слыл хорошим и добросовестным специалистом, даже, кажется, был ударником коммунистического труда. Порадовался за него. Но все попытки узнать поточнее о его месте жительства не увенчались успехом.

В послевоенные годы мне довелось встретиться лишь с четырьмя однокашниками-детдомовцами: С. Ивенским, Р. Ковалевским, И.Скрипкиным и Т. Хмелевой (Мироновой). Слышал еще о Викторе Медведеве — работал и жил в последнее время в Волгограде, во время войны работал на военном заводе, отец большого семейства, трое сыновей. Слышал, где-то на Ярославщине служил Николай Хоромский, будучи военным. В Поречье, на другой стороне от Ростова, за озером Неро жил после войны Виктор Загорский. Больше ни о ком из ребят-однокашников ничего не слышал. О Павле Лебедеве был разговор выше. Итого шесть, я седьмой, из более ста воспитанников, побывавших в ростовском детдоме за шесть с половиной лет.

Большинство из остальных, надо полагать, погибли на полях сражении Великой Отечественной войны. Девчат уцелело, конечно, побольше. Слышал, что в Ярославле живут сестры Антонина и Лидия Петровы, сестры Ирина и Галина Михровские, где-то на Ярославщине работала и живет Мария Хоромская.

Беда в том, что Ростовский довоенный детский дом во второй половине ноября 1941 года, когда над Москвой нависла смертельная угроза, был срочно эвакуирован в Костромскую область, в город Чухлому. Никто из нас, кто покинул его до этого момента, не знал его нового адреса. Наверное, большинство из нас не имели в тот момент и постоянного места жительства, и не могли связаться друг с другом. В этом основная причина того, что довоенные детдомовцы остались так разрозненны.

Напряженная послевоенная жизнь, наверное, у каждого детдомовца, по крайней мере моего возраста, не способствовала тому, чтобы заниматься поиском друг друга. Сужу по себе. Войну закончил в звании старшего сержанта, специальность — командир орудия танка Т-34. Ближайшая перспектива — служба в танковых войсках еще немало лет. (Некоторые мои одноклассники, оставшиеся в строевых частях, в тот послевоенный переходный период прослужили после войны еще по 4 — 5 лет.). Задумой, как говорится, ни кола, ни двора, ни собственного угла, куда можно было бы приткнуться после демобилизации. Нет, по существу, никакой гражданской специальности, образование — незаконченное среднетехническое.

По военной линии, правда, перспектива есть, открыта дорога в танковые училища. Через год некоторых из нас, из сержантского состава, имевших боевой опыт и подходящее образование, назначили на бывшие еще совсем недавно офицерские должности командиров танков. В дальнейшем, после военного училища может быть бронетанковая Академия.

Но крепкая юношеская мечта звала в военную авиацию, а там снова все придется начинать практически с нуля. Вот такие мысли бродят в голове, надо определяться, надо учиться. В дальнейшем у меня, правда, получилось все благоприятно: при

поступлении в авиационное техническое училище были учтены и два мои курса авиационного техникума, и танковая школа, и боевой орден. Был принят на курс авиационного училища с ускоренным полугодовым сроком обучения. И служба в авиации с самого начала пошла удачно: с отличием окончание авиа- технического училища, что давало право выбора места дальнейшей службы. Выбрал Государственный краснознаменный научно-испытательный институт Военно-Воздушных Сил (ГК НИИ ВВС имени В.П. Чкалова). Там сразу назначили на приличную должность - старший техник-испытатель авиавооружения. Через два года — поступление в Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н.Е. Жуковского (ВВИА имени проф. Н.Е. Жуковского). Сразу после окончания академии — адъюнктура (аспирантура) при ней, затем, до настоящего времени, интереснейшая, хотя и очень напряженная научно-исследовательская работа в её стенах. Как по иронии судьбы, одним из научных моих направлений была разработка средств и способов борьбы с танками с летательных аппаратов.

Но это было все потом. А тогда, в 1945-м дальнейший путь был совершенно неясен. В первые послевоенные майские дни все застилала радость Победы, осознание того, что остался жив после того, как, по крайней мере, четырежды должен был быть убитым. Первый раз тогда, когда пулеметная очередь с самолета «Фокке-Вульф 190» попала прямо внутрь танка в открытый верхний люк, разрывные пули прошли по моей спине, не задев костей, оставив лишь пулевые осколки в мышцах и шрамы, видимые до сих пор. Осколки в спине тоже просматриваются и сейчас, когда прохожу рентген. Второй раз, когда погорели под Дойчендорфом: бронебойный снаряд ударил в танк в полуметре от меня, спрыгивающего с надгусеничного крыла и отброшенного баллистической волной в глубокий снег; командир же танка, стоящий рядом, был убит этой волной мгновенно; третий раз должен был быть убитым, когда на окраине немецкого местечка Ляук выбросились из горящего танка метрах в 50 — 70 от немецких траншей, поливавших нас свинцом. (Об этих злоключениях я рассказывал в моей книге «Публицистика 1987 — 2003...» [10]. Был еще и четвертый острый эпизод, когда был на прицеле у немецкого снайпера, но пуля, выпущенная в меня, пролетавшая, наверное, в сантиметре или нескольких миллиметрах от боковой брони танка, под воздействием баллистической волны самой же пули чуть отклонилась от своей первоначальной траектории и, чиркнув по броне, прошла мимо меня.

После бурно-радостных майских дней 1945 года началась послевоенная танкистская служба за рубежом своей страны, вдали от родных краев, продлившаяся там полтора года. Никаких адресов детдомовцев, по каким можно было бы узнать о судьбе однокашников, у меня не было. Правда, одна упущенная возможность была, о которой жалею до сих пор. По возвращении из эвакуации вместе с техникумом в Рыбинск, в 1942 году я неожиданно получил открытку с приглашением переписываться от одной очень симпатичной девушки, не детдомовки, городской, знакомой по пионерскому лагерю. Это был первый человек, который меня каким-то путем разыскал. Я был настолько тронут этим посланием, что ответа, соответствующего моим чувствам тогда так и не смог написать. Много раз брался за перо, но все рвал и рвал написанное. Да и ближайшие планы удерживали от более близкой дружбы, звали на фронт. Уходя на фронт оставил эту открытку в своем

небольшом архиве у хороших знакомых в Рыбинске и увидел ее снова только спустя два года после войны. Написал письмо, не очень надеясь получить ответ. Но ответ был, теплый и трогательный в 1947 году. И встреча была, но встреча запоздалая. Продолжения не было.

В процессе написания этого экскурса в детдомовскую жизнь второй половины 1930-х годов стал вспоминать имена детдомовцев и вспомнил все же свыше 90 фамилии однокашников. Думаю их всех здесь надо назвать. Наверное все они достойны того, чтобы их имена где-то остались в памяти. Кто-то из них воевал и отдал свою жизнь за Родину в тяжелых боях с лютым врагом. Кто-то, кому повезло, побывал в боях, но остался жив, как вот я. Другие в тяжелом труде ковали оружие, работали на полях, растили хлеб для воюющей армии. Так или иначе все они были участниками великой эпопеи, великого дела борьбы за честь и свободу великой советской России.

Вот они, обитатели Яковлевского монастыря 1935 — 1941 годов:

Бакин Борис, Балакирев Владимир, Балин, Балина, Барышев Михаил, Беляев, Блок, Боген Юрий, Бычков, Вагин, Варова Евдокия, Власов Юрий, Волков, Гостищев, Гостищева, Доронин, Ершов Николай, Загорский Виктор, Загорский Иван, Зорин Василий, Зорин, еще Зорин, Ивенский Семен, Ильин Василий, Капитонова, Карасев, Карина Лина, Климович Владимир, Климович Надежда, Ковалевский Руслан, Конищев, Коровкина Галина, Костров Владимир, Кочетков, Кулигина Клавдия, Курицын, Кутузов, Лаврова Лида, Ланцов Борис, Лебедев Павел, Лебедева Зоя, Левашов Валентин, Левашов Владимир, Ловыгина, Логачев Константин, Малинин, Маркина, Маслов, Медведев Виктор, Михровская Галина, Михровская Ирина, Морозов, Орехов, Одрова, Петрова Антонина, Петрова Лидия, Полшков, Потехин Саша, Рогозин, Рогозина Тамара, Рожков Александр, Рожков Владимир, Саблуков, Самойлов Василий, Самойлов Иван, Самойлов Николай, Симаков Иван, Синицын Иван, Синицына Нина, Скрипкин Иван, Слое, Советский Миша, Соколов Анатолий, Солнцев Борис, Толокнов Михаил, Травких Михаил, Туржанский, Ушаков, Ушакова, Федин Василий, Федин Иван, Хмелева Тамара, Хорев, Хоромский Николай, Хоромская Мария, Чечулин Василий, Чечулина, Чумадов, Шкенев, Шмаров, Щиплецова Нина.

Все они и еще многие другие, пока не вспомнившиеся мальчишки и девчонки 1930 годов, разного тогда возраста, разной национальности, разных характеров, разного додетдомовского домашнего семейного воспитания, дети родителей, принадлежащих к разным социальным слоям общества, встретились в трагический момент своей жизни — в момент потери семьи и родного крова. И каждый из них невольно заменил друг другу на долгие годы в какой-то мере семью. Эта замена не сразу ощутилась, не в первый день, не в первую неделю, не в первый год, а для некоторых, может быть, не ощутилась никогда. Но это было.

Было бы несправедливо не вспомнить тех, кто самоотверженно, не считаясь со временем, порой воюя с нами, стремились вывести детдомовцев на праведный путь. Вот далеко неполный список их имен:

Директоры Ростовского детдома: 1935 — 1941 годов: Титор, Капустин, Кузнецов, Мороков И.А., Тёткин, Засовин, Чернышев, Уткина Е.П. Завучи: Пятунин В.Н., Соловьева А.А., Иванов СМ...

Воспитатели, пионервожатые, инструкторы практического обучения и другие сотрудники ростовского детдома: Флоринская (Лапина) О.Г., Ушаков Олег, Бухвостов С.И., Касаткин И.М., Гусев М. , Гусева А., Гусев Сергей, Сабиров Карим, Коромыслов Женья, Милославская (Воронина) Л.Г., Соловьев Сережа, Куркин Костя, Софья Алексеевна (воспитательница, фамилию не помню), Л. Кваскова, тетя Катя, повар, тетя Ядя (завхоз),...

Среди ветеранов-сотрудников детдома следует особенно выделить семью Гусевых, проживавшую на территории Яковлевского монастыря по соседству с нашим жилым корпусом, глава семейства — дядя Миша Гусев (отчество не помню) и его жена тётя Шура Гусева (отчество тоже не помню) на протяжении всего времени, о котором идет наш рассказ, постоянно работали в детдоме. Дядя Миша выполнял всю самую тяжелую работу, связанную с обеспечением жизнедеятельности детдома. Он был одновременно или периодически и дворником, и разнорабочим, и сторожем, и истопником, и конюхом — возчиком, и скотником. Периодически детдом держал лошадь, корову, свиней, рядом с монастырем, на берегу озера был большой детдомовский покос.

Официально перечисленные должности, видимо, были положены по штату, и их выполняли, наверное все семейство Гусевых, у них было еще 5 или 6 детей. Иногда на должность истопника на зиму нанимался отдельный человек, всегда какой-нибудь бездомный бродяга или вышедший из заключения бывший воспитанник этого же детдома. В 1940 — 41 годах в детдоме стал тоже временами работать подросший на наших глазах до взрослого парня, младший из Гусевых — Сергей. Он был то пионервожатым, то воспитателем. С ним мы еще дружили, когда он был подростком и участником многих наших детдомовских затей. Когда он стал охотником, то стал часто брать нескольких мальчишек с собой на охоту, что было для нас желанным развлечением.

К великому сожалению, и он и его брат Леша погибли на войне. Вечная им память.

ЗАВУЧ СЕРГЕИ МИХАЙЛОВИЧ ИВАНОВ

В 1938 году продолжались ощутимые благоприятные изменения в образе жизни детдомовцев, начавшиеся заметно обозначаться в 1937 году. Это было, конечно, явно выраженным следствием того большого внимания и усилий, которые обратили на детдом городские власти, партийная и комсомольская общественность, начиная с зимы 1936 года.

Летом 1938 года специально для детдома был организован отдельный небольшой пионерский лагерь в селе Вощажниково, которое находилось в Борисоглебском районе, примерно в 30 километрах от Ростова. Лагерь этот расположился в сельской школе. Основная цель этого лагеря заключалась в том, чтобы в него вывезти из города на лето всех детдомовцев. Обычно в общегородской пионерлагерь детдому выделялось всего лишь 10—15 путевок, а остальная масса детдомовцев оставалась летом в стенах своего Яковлевского монастыря.

А тут вдруг лагерь для всех. Старшие ребята с энтузиазмом включились в обустройство лагеря. Перевезли на выделенных городскими властями автомашинах кровати, матрацы, другие постельные принадлежности, посуду, продукты. В том лагере провели месяца два. Много купались, гуляли по лесам, по окрестностям, много играли в лапту, сдавали нормы на значок БГТО — «Будь готов к труду и обороне», участвовали в спортивных соревнованиях. (До сих пор хранится у меня диплом за 1-е места по прыжкам в высоту — 1,25 м. и прыжкам в длину — 3,70 м. на олимпиаде детдомовского пионерлагеря). О Вожажниковском детдомовском пионерлагере остались самые теплые воспоминания. Помнятся многие имена руководителей лагеря и пионервожатых: Нина Ивановна Касаткина, начальник лагеря, Володя Истратий, физрук, Женя Коромыслов, Олег Ушаков -пионервожатые.

Но особенно незабываемые впечатления остались у меня о ростовском городском пионерлагере «Борок», в котором мне повезло побывать в 1937, 1939 и 1940 годах. Расположен он был за Борисоглебом, в сосновом бору, на берегу чудесной, чистой воды, глубокой речке Устье. Ежедневные купанья, прыжки в воду с довольно высоко поднятой над водой доски-трамплина на крутом берегу омута, походы по окрестностям, на раскопки древнего городища у Акуловой мельницы, массовые игры, частые спортивные соревнования, утренняя общелагерная физзарядка, вечерняя общелагерная прогулка после вечерней линейки перед сном, кино, стрелковый кружок, в котором можно было настреляться вдоволь из малокалиберной винтовки, сдать нормы на довольно редкий, а потому очень уважаемый в среде подростков, значок «Юный Ворошиловский стрелок». Все это — лишь коллективные мероприятия. А между ними — полная свобода и на реке, и в лесу. Ловля раков, которых в реке было множество, ловля рыбы на удочку, на перемет, вершами, путешествия на импровизированных плотках из сплавных бревен по петляющей речке, беганье по вертялым бревнам плывущей плотной массы бревен во время их сплава и много — много других преинтересных развлечений. В лагере «Борок» завязалась хорошая, крепкая дружба с городскими ребятами и девочками — Коля Козлов, Саша Чугунов, Валентин Розанов, Саша Вохтин, Екатерина и Тамара Никехины, сестры Татьяна и Ольга Новотельновы...

Одним из самых интересных самостоятельных развлечений были ночные тайные купания небольшой мальчишеской компанией в темные, душные ночи в нашем любимом омуте. В одну из таких темных душных ночей, плавая в черной воде, заметили со стороны воды у обрыва в воде какие-то копошащиеся тени. Насторожились, осторожно подплываем, видим голых мужиков, что-то достающих из под воды. Поздоровались, потом уж на берегу познакомились. Оказалось, это был директор сельхозтехникума, Николай Васильевич Горлов с приятелями, они доставали вытаскивали раков из нор под берегом у омута. Именно воспоминание о той ночной встрече с ловцами раков в случайном разговоре с близким товарищем по Воздушной академии имени Н.Е. Жуковского капитаном Михаилом Коробковым много лет спустя, послужило началом моего длительного знакомства с интересной семьей педагогов ростовского сельхозтехникума — Николаем Васильевичем и Марией Алексеевной Чижиковыми, проживавшими в одном доме с Н.В. Горловым, а через них поближе познакомиться и с самим Н.В. Горловым.

Детдомовцы знали его и ранее. Время от времени он помогал детскому дому сельхозпродуктами с учхоза, детдомовцы приглашались иногда на техникумовские праздничные вечера, на занятия в различные кружки. Но самой главной его заслугой, заслугой перед городом, было то, что в течение многих предвоенных лет и в военные годы он плодотворно руководил самым многочисленным техникумом города, создал дружный коллектив высококвалифицированных педагогов, подлинных интеллигентов, сделавший, опираясь на этот коллектив, техникум очагом подлинной культуры в городе.

В доме том, где проживала еще третья семья педагогов сельхозтехникума — семья Григория Федоровича и Варвары Александровны Соболевых, мне довелось провести много интересных дней в 1960 — 1970-х в семье Чижиковых. В этом гостеприимном доме бывали многие интересные люди. При мне — Николай Николаевич Померанцев, известный знаток колокольных звонов, организовавший первую запись Ростовских звонов в 1962 году, писатель Е. Дорош. Еще раньше там бывали архитектор-реставратор Б.С. Баниге, руководивший реставрацией Ростовского кремля после урагана 1953 года, академик АН СССР Сукачев. Е. Дорош посвятил семейству Чижиковых много страниц в своей повести «Иван Федосеевич уходит на пенсию», одной из книг своего известного «Деревенского дневника». Постоянно посещали тот дом многие бывшие сотрудники ростовского сельскохозяйственного техникума и, вообще, городская интеллигенция (в самом хорошем смысле этого слова): Л.Л. Смирнова, Н.М. и А.М. Кувыркины, Е.В. Зозова, М.А. Тюнина, В.Н. Лапин, О.Г. Лапина (Флоринская), П.П. Благовещенский, Н.К. Кратирова, многие другие. Все это следствие деятельности дружного педагогического сообщества, созданного Николаем Васильевичем Горловым.

В исключительно доброжелательной семье М.Н. и Н.В. Чижиковых в трудные военные и послевоенные годы по многу дней «паслись» многочисленные племянники, внучатые племянники, затем дети этих племянников. Вишневские, Симоновы... В их числе — дети профессора истории Н.М. Коробкова. Находили здесь помощь, материальную и моральную поддержку и просто знакомые, попадавшие в трудные положения. В 1943 году в этой семье выходили совершенно истощенную во время пребывания в блокадном Ленинграде племянницу Татьяну Вишневскую, студентку ленинградской сельхозакадемии, снятую в тяжелейшем состоянии с поезда в Ярославле.

Сын же их, Аркадий, примерный ученик, увлекающийся биологией, общественник-комсомолец, надежда семьи, призванный в армию после окончания 10 класса осенью 1940 года, пропал без вести в первые дни войны у самой западной границы в районе города Замбрува. Всю свою последующую жизнь Мария Алексеевна, Николай Васильевич и их дочь Людмила Николаевна безутешно скорбили о нем...

Тут я забежал далеко вперед. До этих времен тогда было еще очень далеко, шел только безмятежный 1940 год, и впереди у нас был прощальный лагерный костер.

Тот прощальный лагерный костер 1940 года, оказавшийся последним пионерлагерным костром в моей жизни, помнится и сейчас. Пионервожатый отряда Володя Романов поручил нам двоим — мне и Владимиру Балакиреву, моему однокашнику-детдомовцу, разработать и осуществить военизированную операцию у

костра с выстрелом из винтовки. Мы эту операцию задумали так: выроем заранее около выбранного места для костра на сухом месте одиночный окоп, один заберется в него с винтовкой, другой закроет его и замаскирует сверху, и когда все расположатся около костра, и он торжественно будет открыт и зажжен, из окопа неожиданно возникнет боец-пограничник с винтовкой и пальнет в небо. Задумали — сделали.

Присмотрели заранее в недалеком Шипинском лесу полянку на возвышенном сухом месте, в день, когда должен состояться костер, во время «мертвого часа» после обеда перенесли туда кроватный деревянный щит размером, примерно, метр на два, аккуратно, разметив по щиту, сняли дерн, оставив бортики для опоры щита, вырыли окоп глубиной метра полтора, вынутую из окопа землю отнесли на щите в сторону и разбросали. Яму закрыли кроватным щитом, сверху на него положили аккуратно дерн. Натаскали дров, хвороста, для того, чтобы им закрыть место засады, разыграли по жребию, кому кем быть и встали в дозор ждать прихода отряда. Как только отряд показался на дороге к месту будущего костра, приподняли щит, мой напарник залез с винтовкой в засадный окоп. Я тщательно замаскировал засаду. На щит аккуратно положил дерн, сверху — хворост, разжег на месте будущего костра маленький костерок и стал подносить дрова для костра, не подпуская никого к тому месту, где лежал хворост, следя за тем, чтобы никто не расположился совсем рядом с замаскированным окопом и не обнаружил раньше времени нашей засады.

Потом было торжественное краткое открытие прощального лагерного костра, сказано несколько слов о том, что международная обстановка очень тревожна, что каждому надо быть готовым к защите своей Родины. Затем слово предоставлено было мне для прочтения стихотворения о пограничнике в дозоре. Подложив весь хворост с нашего тайника в костер, прочитал небольшое стихотворение, особенно громко выкрикнув последние слова — условный сигнал к тому, чтобы пограничник восстал из засады. Так и случилось: земля разверзлась, из-под земли возникла фигура, замаскированная ветками, прозвучал выстрел вверх. Затея удалась на славу. Аплодисменты, крики восторга были искренними и продолжительными, пионервожатый был очень доволен, позднее не раз благодарил нас.

С теплым чувством вспоминаю многих сотрудников Ростовского городского пионерского лагеря 1937 — 1940 годов, кто создавал нам условия для интересного, здорового, жизнерадостного летнего отдыха. Елену Сергеевну Горскую, начальника пионерского лагеря, она, выполняя свою хлопотливую должность, иногда покоряла нас красивыми, умелыми прыжками в воду с высокого трамплина; Анну Александровну Соловьеву, старшую пионервожатую, командовавшую всегда, всем и всюду, Андрея Васильевича Соловьева, физрука, Михаила Соколова, военрука, руководителя стрелкового кружка, Нину Птицыну, Володю Романова пионервожатых последнего лагерного сбора.

Большая роль в организации отдельного детдомовского пионерлагеря 1938 года принадлежала новому нашему завучу Сергею Михайловичу Иванову. Он как-то незаметно появился в то лето, в лагере с нами не был, занимался, наверное, ремонтом детдома и подготовкой помещения к зиме. Но дальше вся наша жизнь была связана с этим необыкновенно энергичным, интересным человеком, практически весь день проводившим среди детдомовцев. С его появлением дело, начатое ростовскими

комсомольцами в 1936 году, приняло устойчивое прогрессирующее продолжение. Множились различные кружки, появился стрелковый, физкультурный, музыкальный, драматический кружки. Всех ребят распределили по мастерским: кого в сапожную к дяде Сереже Бухвостову, кого в столярную к Касаткину Ивану Михайловичу. Девчата все и раньше работали в швейной мастерской, шили что-нибудь для себя.

Теперь ребята, спрятав подальше свои рогатки и дробовики, с удовольствием стали по вечерам, после приготовления уроков, работать в этих мастерских. Многие из нас научились подшивать себе валенки, чинить ботинки. Другие, работавшие в столярной мастерской, с подсказки и под присмотром столяра (он именовался теперь инструктором столярного дела, также как и сапожник — инструктором сапожного ремесла) изготовили себе сундучки, с которыми потом и отправились в самостоятельную жизнь. К весне 1940 года изготовили много парниковых рам, разбили большие парники, вырастили там великолепную рассаду помидоров, капусты. Выращенную рассаду подарили в первую очередь своим учителям в городских школах, хватило её и всем сотрудникам детдома, и на свои грядки, которые разбили впервые и во множестве.

Зимой и весной 1941 года мы, — старшие ребята и девчата, вступили в комсомол. Но прощаться с детдомовскими традициями, с рогатками и дробовиками, с набегам на сады и огороды никак не хотелось, а такие традиции явно не соответствовали комсомольскому уставу. И это был нешуточный перелом, конфликт с собственной совестью. Меня сходу выбрали секретарем нашей первичной комсомольской ячейки. Хорошо, что в то время, в последний предвоенный год очень много внимания в стране, по линии комсомола уделялось военно-спортивной подготовке молодежи. Такая работа нам, ребятам, оказалась по душе, и мы включились в неё охотно. В 1941-м году был объявлен по всей стране всесоюзный комсомольский лыжный кросс и всесоюзные комсомольские соревнования по гимнастике. Зимой 1941 года ростовский райком ВЛКСМ организовал даже ночной поход комсомольского актива. За организацию и активное участие в этих соревнованиях наша первичная комсомольская организация была награждена почетными грамотами, которые у меня сохранились до сих пор.

Вообще-то ко всяким грамотам я всегда относился равнодушно, но и не выбрасывал их. За всю жизнь у меня их накопилось много десятков. За успехи в спортивных соревнованиях, за хорошую учебу, за успехи, как по стандарту писали, «в боевой и политической подготовке». Но сейчас, когда многое стало забываться, я почувствовал их ценность: в них имена многих близких товарищей, руководителей мероприятий, места проведения соревнований, цифры, даты, стиль оформления документов, они сейчас становятся интересными документами той эпохи.

Все перечисленное выше ставшие устойчивыми сдвиги в детдомовской жизни последних предвоенных лет происходили благодаря неустанной деятельности завуча Сергея Михайловича Иванова. Он был подлинным последователем замечательного педагога советского времени А.С. Макаренко. До сих пор я чувствую неоплаченный долг перед ним. Где-то в 1970-х годах бывшая воспитательница ростовского детдома О.Г.Флоринская рассказывала, что в Чухломе, куда эвакуировался детдом в ноябре 1941 году, С.М.Иванов погиб в 1942-м или в 1943-м году. Он с группой старших мальчишек, наверняка добровольцев, с учебной винтовкой отправился арестовывать

дезертиров, засевших в каком-то глухом хуторе. Первым же выстрелом оттуда он был убит. Подробности этого события О.Г. Флоринская к моменту моего разговора с ней уже забыла. А я до сих пор никак не соберусь заняться поиском свидетелей того явно незаурядного события. Ни с кем из участников того «боя» мне увидеться не довелось. Да и остался ли кто из них жив после войны, неизвестно. До архивов Ярославля или Чухломы добраться пока не удалось.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

В ноябре 1941 года в ожидании эвакуации Рыбинского авиационного техникума в Уфу, я на пару дней отправился в Ростов повидаться с детдомовцами, проститься со ставшими за многие годы родными стенами Яковлевского монастыря. Но вместо детдома застал лишь пустые детдомовские помещения и притихший, пустующий монастырский парк. Оказалось, детдом только-только отправился также в эвакуацию в костромскую глушь, в город Чухлому. Опустела и вторая половина Яковлевского монастыря. Некогда строго охраняемый воинский склад также покинул монастырские храмы. Все запасы военного снаряжения поглотили, надо полагать, вновь формирующиеся пополнения воюющей армии.

Случайно встретился с новой, незнакомой мне директоршей детдома. Она приняла, было, меня за отставшего воспитанника, но, узнав, что я приехал повидаться в бывший свой детдом, пригласила меня на следующий день с собой в Ярославль, где временно разместился детдом. В Ростове она забирала остатки детдомовского имущества и на грузовой автомашине должна была везти его в Ярославль.

Потом произошла все же еще одна встреча в опустевшей нашей обители. Оказалось, что в одной из комнат ночует мой хороший дружок, Павка Лебедев. Он, выпустившийся из детдома еще в 1940 году всего с пятиклассным образованием, помотавшись за минувшие два года по Ярославщине, поработав на разных мелких предприятиях, наконец-то поступил в ростовскую школу шоферов, о чем давно мечтал. И теперь усердно доучивается в этой автошколе, ночуя в опустевшем детдоме. Почти всю ночь проговорили мы с ним у топящейся печки в воспоминаниях о прежней детдомовской жизни, в размышлениях о войне, о неясном и тревожном ближайшем будущем у обоих.

Утром побывали мы с ним в одном из опустевших храмов ранее недоступной территории воинского склада. Поразили, как и в 1937 году в храме Спаса на Песках, изумительной красоты и величественности внутренние росписи, иконостас — все в первозданном виде. Это был единственный случай, когда довелось побывать внутри одного из двух грациозных сооружений Яковлевского монастыря, бывшего всегда нам недоступным и казавшимся таинственным. Под впечатлением увиденной красоты мы отправились в город, каждый по своим делам. Он — в автошколу, я настроился пройти мимо своей школы на Ильинке, побывать в центре.

И тут совершенно неожиданно на малой высоте над монастырем, от стен которого отошел я всего метров на пятьдесят, со страшным грохотом пронеслась по направлению на северо-запад, явно на Ярославль, тройка наших пикирующих

бомбардировщиков Пе-2 с черными масляными подтеками на нижних крыльевых обшивках, тянущимися от моторов. Мимолетное это событие сразу возвратило мысли, находящиеся еще в заоблачности красоты небесной, к тревожной реальности военного времени. Несомненно, самолеты тяжело возвращались на свой аэродром после бомбардировки немцев где-нибудь под Москвой. Наверное, только что ускользнули от немецких истребителей, снизившись до предельно малой высоты, до бреющего полета.

Было ясно, что сохранивший еще свою белизну Яковлевский монастырь служил летчикам хорошим ориентиром по пути домой после выполнения боевого задания. Сейчас этот мимолетный эпизод, тот контраст тяжело возвращавшихся самолетов с неизгладимым только что ощутимым трепетным впечатлением от фресок храма Яковлевского монастыря, кажется чем-то очень знаменательным. Даже пустой монастырь, его стены и надхрамовые купола с позолоченными православными крестами служили своему народу в тяжелой борьбе с врагом. Такими ориентирами, указывающими летчикам дорогу к дому, служили, я думаю, и многие другие церкви, храмы и монастыри во время войны. Врагу они не служили, хорошо служили тем, кто знал их окрестности и то, куда вели от них дороги и тропы.

Глава 2. ХРАМ СПАСА НА ПЕСКАХ

НАШЕСТВИЕ

Год 1937 ознаменовался для ростовских детдомовцев еще одним памятным событием. Весной или в начале лета того года Храм Спаса на Песках покинул долго располагавшийся там воинский склад, оставив на замке входную дверь. Детдомовская братия, обитающая рядом в Яковлевском монастыре, очень быстро прознала об исчезновении военного склада и охраны храма и устремилась осваивать неведомую территорию. Наши-ли пацаны, или соседние с храмом жители, сейчас трудно сказать, потрудились, но замок с входной двери храма вскоре исчез, и храм оказался без охраны и открытым, без присмотра вообще. Каждого, наверное, проникшего тогда впервые внутрь того храма, поразило богатое внутреннее убранство. Красивые фрески, иконы, позолоченные, резные из дерева, обрамления алтаря, стен с низа до верха — все это впечатляло. Проникающие в душу, смотрящие глаза святых останавливали, притягивали к себе. В первые дни, помнится, никто не прикасался ко всему этому великолепию.

Тут, отступив от основного повествования, мне хочется высказать вот какую мысль. Наш народ и церковь должны быть признательны довоенному командованию Красной Армии и, в первую очередь, Наркому обороны того времени — Клименту Ефремовичу Ворошилову, за неприкосновенную сохранность тех храмов, монастырей, церквей и старинных дворцов, в которых до войны размещались военные склады,

военные школы, военные училища, военные академии и другие учреждения Красной Армии.

Там все всегда было под охраной и сохранилось в первозданном виде. Помещения, где располагались военные учреждения, окна, двери были целы, кровля, фундамент, внешний и внутренний вид постоянно поддерживались в образцовом состоянии. Самый близкий для москвичей пример — Петровский дворец на Ленинградском проспекте, в Москве, что почти напротив аэровокзала. В нем с 1923 года до осени 1941 года и с 1956 года до 2002 года располагались многие службы, подразделения и руководство Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е.Жуковского. Московский нынешний мэр и московское правительство сделали один из самых позорных шагов своей деятельности, отняв в 2002 году у Воздушной академии этот дворец, перенаселив тем самым другие корпуса академии. Ходят слухи, что дворец приватизирован, неясно, правда, кем, и очень сомнительно — сохранят ли новые хозяева дворец в том виде, в котором его бережно многие десятки лет сохраняла ВВИА имени Жуковского.

Судя по тому, как бесцеремонно московская власть прихватила другую территорию, принадлежащую ВВИА имени Н.В.Жуковского удома № 12/8 по Петровско-Разумовской аллее, в котором размещаются три факультета академии, и построило вплотную к этому историческому корпусу (в нем во время войны Марина Раскова формировала женские авиационные полки), какую то экзотическую чертовщину, Петровский дворец нынешняя алчная московская власть не сохранит. Это было сказано к слову. Возвратимся же снова к 1930-м годам.

Тогда же, в 1937 году, ростовские детдомовцы устремились в первую очередь на чердак, на крышу храма, к куполам по узкой пристенной кирпичной лестнице где, как хорошо было известно по опыту постоянного лазания по башням Яковлевского монастыря, должны были гнездиться голуби, галки, стрижи, летучие мыши. Это всегда привлекало, голуби, приготовленные на костре, были в те годы редкой дичью, деликатесом, желаемым дополнением к не очень обильному детдомовскому столу. Оперившихся птенцов постоянно кто-то пытался приручить, безуспешно конечно, само лазание по чердакам, по крышам, по барабанам куполов было одним из любимейших развлечений мальчишек — детдомовцев в то время.

Между тем дело быстро дошло до варварского разрушения внутреннего великолепия Храма Спаса на Песках. Стали исчезать иконы, но детдомовцы, я уверен, к этому никакого отношения не имели. Над этим, наверное, поработали люди из числа окрестных жителей, понимающих толк в древней живописи. Мы же, детдомовцы, как я припоминаю, были грешны в том, что приватизировали, если говорить современным языком, несколько позолоченных резных деревянных столбов- обрамлений, притащили их в детдом и украсили ими сцену нашего зала, где происходили собрания, вечера, репетиции художественной самодеятельности. Ни железные решетки, ни доски, ни половые плиты, ни кресты с прихрамовых могил нам не были нужны. Вандализм внутри храма длился несколько месяцев.

Детдомовцы в основном обосновались наверху, добравшись до главного купола. Помню, как однажды удивился, увидев на главном куполе довольно широкое, в один кровельный квадратный лист, отверстие. Еще накануне, осваивая крышу храма, мы с

кем-то размышляли, как бы проникнуть внутрь главного купола, посмотреть, что там находится. А на другой день видим: путь туда открыт. Позднее стало ясно — кто-то еще вслед за нами, а иногда и опережая нас «осваивал» храм. Теперь в главный купол можно было залезть. Сначала каждый, кто мог туда забраться, побывал в куполе из любопытства, посмотреть, что в нем, или взглянуть оттуда на город, на озеро, на заозерье. Потом купол стал местом, где можно было спокойно поиграть в карты. На спички, на порох, на скудное денежное достояние, на пайку хлеба. Затевали порой беготню по всему храму, кирпичные бои возле него, среди могил. Потом, по чьей-то подсказке из взрослых местных жителей, переключились на раскапывание склепов.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Спустя много лет после тех детдомовских событий, где-то в начале 1960-х годов в путеводителе по архитектурным памятникам Ростова — Ярославского В.С. Баниге мне встретились такие строки, заставившие призадуматься:

«Татаро-монгольское нашествие, обрушившееся на Русь, довершило распад некогда могучего Владимирского княжества. Владимир после захвата в 1237 году татарами лежал в развалинах и на долгие годы перестал быть религиозным и культурным центром северо-восточной Руси. На смену ему стал, уцелевший, Ростов. Здесь при епископском дворе возродилось великокняжеское летописание, отличительной чертой которого является его общерусский патриотический характер. Особенно интересен летописный свод княгини Марии, составленный в виде некрологов русским князьям, погибшим от татарских мечей за нежелание предать интересы Русской земли. Наиболее яркие строки летописи посвящены мужу Марии — ростовскому князю Василько... Василько был одним из организаторов русского ополчения 1338 года. В несчастливой битве на берегах реки Сити тяжело раненый князь был захвачен татарами. По словам летописи, татары много «нудили» Василька «быти в их воле и воевати с ними», но князь остался верен родине и был зверски убит.

В 1262 году вспыхнуло народное «вечевое» движение против татаро-монгольского ига, руководимое из Ростова».

Затем в книге В. Баниге было еще вот это:

«... Спасский, что на Песках монастырь был основан во второй половине XIII века княгиней Марией — дочерью тверского князя Михаила и женой князя Василька Ростовского. Основательница монастыря княгиня Мария в 1271 году была погребена под Спасской церковью, что и послужило поводом для переименования монастыря в «Спасский, что на Песках княгинин монастырь».

После этих строк обожгла мысль: мы резвились, довольные новым развлечением, на могиле замечательной русской патриотки древности — ростовской княгини Марии и не ведали о том. Удивляло вместе с тем то, что об этом примечательном историческом событии ранее нигде не приходилось читать. Позднее, в 1980-х годах встретился еще небольшой материал о княгине Марии в «Путеводителе по Ростову и окрестностям» М. Тюниной, жительницы Ростова-Ярославского:

«Василько погиб 27 лет. Его жена Мария после гибели мужа, оставив «в миру» двух малолетних сыновей, основала на окраине Ростова монастырь Спаса на Песках, постриглась в монахини и занялась летописанием. Это была образованная женщина, возможно, единственная в те годы на Руси женщина — летописец». В сноске к этим словам в книге М.Н. Тюниной есть такое примечание: «Академик Д.С. Лихачев, изучая Лаврентьевскую летопись в той части, где говорится об этих событиях и о некрологах по убитым монголами князьях, выдвинул обоснованную гипотезу о том, что эта часть летописи создавалась в Ростове и автором ее была жена князя Василия Константиновича Мария, записи в науке получили название «Летопись княгини Марии». Материалы исследования опубликованы в книге «Русские летописи, 1947г.»

Приведенные строки из книг Б.С. Баниге и М.Н. Тюниной очень меня заинтересовали, но эта интереснейшая информация лежала далеко от области основной моей научной деятельности (Неизлучающая теплорадиолокация) и заняться поисками сведений о Летописи княгини Марии мне никак не удавалось. Периодические случайные, не очень настойчивые поиски мало что давали. Не удалось найти даже упомянутых М. Тюниной «Русских летописей», изданных в 1947 году. Первое беглое знакомство с Лаврентьевской летописью также ничего не прояснило. Удивило то, что имени княгини Марии нет и у известных русских историков: ни у Карамзина, ни у Соловьева, ни у Рыбакова, ни у других, касающихся событий XIII века. Нет этого имени и в «Советской исторической энциклопедии», изданной в 1965 году. Нет его даже в прекрасно изданном возродившемся Яковлевским монастырем «Православном календаре 2002. Святыни Ростова Великого».

Лишь совсем недавно, в 2004-м году удалось существенно продвинуться в поисках материалов о ростовской княгине Марии, супруге ростовского князя Василька. В подаренной мне на Новый год известным этнографом Л.Н. Чижиковой книге Б. Эдинга «Ростов Великий. Углич...», изданной в 1913 году, с волнением читаю:

«На рубеже 16-го и 17-го столетии строительство надолго замирает. Смутное время не создало новых памятников, а губило старые. 17 век открывается храмом в Спасо-Песочком монастыре, выстроенном во втором десятилетии... замечательна печальная судьба этой обители»...

«Основанный в 13-м веке княгиней Марией, дочерью святого князя Михаила Тверского и супругой святого князя Василька Ростовского, монастырь видел в своих стенах постригшуюся княгиню. Ея сын, князь Глеб Васильевич, был на Ростовском столе и пользовался большой народной любовью. Когда князь скончался, ему отвели подобающее место в княжьей усыпальнице под собором. (Имеется в виду Успенский собор Ростовского кремля — В.Ф). Однако, через девять недель останки князя были потревожены епископом Игнатием (святым): глухой ночью «изрину его поругана и безчестна из церкви соборная в полночь, и повеле просто закопати его в земле у святага Спаса в княгинине монастыре». Митрополит Кирилл сурово обличал Игнатия за поступок, непонятный ни древним летописцам, ни историкам».

И далее еще много подобных слов из летописи приводит автор книги Б. Эдинг. Слова те трудно понимаемы в наше время, их опустим. Вся кощунственная сущность деяний епископа Игнатия, обвиненного митрополитом Кириллом, ясна полностью и из

приведенных слов. Но нельзя не привести вот такие сведения о Храме Спаса на Песках из книги ростовского краеведа А. Титова:

«В 18-м столетии монастырь был упразднен и храмы были переданы соседнему Яковлевскому монастырю. Тогда же и в 60-х годах 18-го столетия, забытые храмы Спасо-Песочного княгинина монастыря стали ненавистны духовной администрации. Это место, — великую усыпальницу прошлого, задумали превратить в кладбище. Этому мешали древние здания, сперва продавали на слом церковь св. Георгия и шатровую колокольню, общую двум церквам, затем ломали, жгли и взрывали эти постройки. Наконец, готовя себе достойный склеп, один из настоятелей раскопал усыпальницу и подрубил фундаменты самого соборного храма».

К этим строкам есть такое примечание в книге Б. Эдинга:

«Титов писал об этом: «Покойный настоятель этой обители Поликарп, переделывая около 1850 г. пол в нижнем этаже Преображенской церкви, нашел гроб кн. Марии и сына ее князя Глеба. Первая настолько сохранилась, что даже желтые сафьяновые башмачки были целы, теперь в этом этаже, архимандритом Иларионом в 1879 году устроена церковь, надгробные плиты уничтожены и сделан мозаичный пол, но место княжеского погребенья известно». (Здесь необходимо пояснить, что ' Преображенская церковь — это и есть храм Спаса на Песках, о котором мы и ведем разговор — В.Ф.).

Видите, какое многократное надругательство совершали церковные архиереи (епископ, митрополит, настоятель храма) над могилами великих патриотов земли русской.. Никогда ранее у меня не могла возникнуть мысль, что подобное возможно, что кто-то из церковников мог пойти на подобное святотатство. Сначала один епископ потревожил, а, по существу, бесцеремонно, единовластно тайно выбросил прах русского князя из его законной усыпальницы в Успенском соборе ростовского кремля. Потом другой, уже митрополит, «готовя себе достойный склеп», вместе с настоятелем обители уничтожили надгробья великой княгини Марии и ее сына-князя и сравняли их с землей...

В 2002 году Яковлевский монастырь издал великолепный «Православный календарь 2002. Святые Ростова Великого». В нем приведены хорошего качества цветные фото храмов Яковлевского монастыря, ростовского Кремля, отдельно Успенского собора, церкви Иконы Толгской пресвятой Богородицы, церкви преподобного Сергия Радонежского Борисоглебского монастыря и некоторых других церквей. В конце календаря приведено довольно содержательное пояснение под заголовком «Святые Ростова Великого», автор — составитель В.И. Вахрина . В этом пояснении сказано, что тело князя Василька покоится в Успенском соборе кремля, но, к сожалению в пояснении нет ни слова ни о храме Спаса на Песках, ни о могиле княгини Марии и ее сына князя Глеба. Видно, что нынешние хозяева Яковлевского монастыря, как и их далекие предшественники, игнорируют храм Спаса на Песках, не хотят принимать его в свое лоно. Просматривается во всем этом какая-то загадка, которую попытаемся разгадать ниже.

Я думаю, в будущем народ или более усердные управители Русской Православной церкви поставят памятники и ростовскому князю Василько, не покорившемуся монголам, и его верной княгине Марии, оставившей потомкам

летописи — некрологи о русских князьях, не покорившихся чужеземному нашествию. А пока эти славные патриоты и их могилы остаются неизвестными нашему народу. Нельзя не остановиться и еще на одном «неподобном» деле церковников прошлого.

Во время перевода митрополии из Ростова Великого в Ярославль в 1785 году были брошены и погибли многие ценнейшие реликвии прошлого.

Во введении к той же книги Б. Эдинга есть такие свидетельства.

«... здесь мы должны отметить, как трагична участь памятников культуры старого Ростова. Погибли почти все местные исторические документы и замерли народные предания, могущие живым словом осветить прошлое. Крохи, дошедшие до нас, говорят нам о созданном когда-то целом мире народных сказаний, теперь уже навсегда потерянном. Сохранилось частью то, что было записано, более или менее случайно, в рукописи местных любителей, большей частью неизданные и до сих пор.

В 18-м и 19-м веке среди всеобщего невежества и непонимания гибли целые рукописные собрания. Пожары и нашествия всех предыдущих эпох были не более губительны для памятников старины, чем то безразличие к родному прошлому, которое воцарилось в истекших двух столетиях. Примечание Титова к «Воспоминаниям» Артынова (ростовский краевед — В.Ф) сохранило характерное место при чтении которого может содрогнуться сердце не только антиквара, но и всякого культурного человека.

Покойный ростовский гражданин А.И. Щеников, умерший в начале 60-х годов . (1860-х -В.Ф.), в глубокой старости, рассказывал нам лично, что вскоре после перевода Митрополии из Ростова в Ярославль в 1785 . (1795 ? г.) свитков и рукописей валялось в башнях и на переходах архиерейского дома целый ворох. И он, бывший в то время мальчиком, вместе с товарищами вырывал из рукописей заставки и картинки, а из свитков золотые буквы и виньетки, и наклеивал их на латухи»...

Еще более резкие слова, которые можно переадресовать в первую очередь церковникам того времени, встретились мне в книге А.Ю. Низовского «Самые знаменитые монастыри и храмы России...», на стр. 153:

«После перевода митрополии из Ростова в Ярославль кремль запустел. Он поступил в гражданское ведомство... Для маленького уездного Ростова опять церквей оказалось много. Естественно, что ни о каком использовании их по назначению речи быть не могло. Здания бывшей митрополии заняли винные и соляные склады, учреждения, лавки. В кремле устроили склады спирта, ледники для трактирщиков, кремлевский пруд был засорен, а в храме Григория Богослова устроили скотобойню. Кремль начал быстро разрушаться и приходить в упадок. Церкви стояли с выбитыми окнами, здания потихоньку разбирались на стройматериалы. Была разобрана часовая башня, началась разборка Палаты для пришествия государей. СТАВИЛСЯ ДАЖЕ ВОПРОС О ПОЛНОЙ РАЗБОРКЕ КРЕМЛЯ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ НА ЕГО МЕСТЕ НОВЫХ ТОРГОВЫХ РЯДОВ. (Выделено - В.Ф.). И только в 1880- х годах группа местных и столичных поборников старины выступила в защиту Ростовского кремля. Своему возрождению Ростовский кремль обязан прежде всего Андрею Александровичу Титову — местному уроженцу. При его непосредственном участии памятники кремля были восстановлены. В Белой палате, а затем и в княжьих теремах

был устроен Музей церковных древностей. После переворота 1917 года все постройки монастыря были переданы в ведение местного Краеведческого музея».

Тут есть над чем поразмыслить. Прежде всего следует заметить, что в те времена, когда Митрополия из Ростова Великого перебиралась в Ярославль (1785 г.), бросив на произвол судьбы уникальные и рукописные исторические документы и сам Ростовский кремль, обрекая его на разгром и исчезновение, коммунистов-то еще не было. Даже ни К. Маркс (г.р. 1818)), ни Ф. Энгельс (г.р. 1820), ни В. Ленин (г.р. 1870) еще не родились — свалить на коммунистов допущенное варварство не получится. Возникает и естественный вопрос: разве нельзя было новой Ярославской митрополии оставить за собой Ростовский кремль? Создать в нем архив Ростовской митрополии, сохранив уникальные древние рукописные подлинники, организовать духовную семинарию, духовную библиотеку, наконец, пользоваться которой приезжали бы христиане со всего света. Трудно объяснить, почему такое не произошло.

Начиная почти с первых дней пресловутой перестройки в стране стала разворачиваться клевета на коммунистов. Одна из ветвей этой кампании изощрялась в обвинениях коммунистов в том, что они, якобы, яростно, бездумно бесцельно разрушали церкви. Но мой жизненный опыт, жизненные наблюдения говорят о другом. Бездумных, бесцельных разрушений церквей коммунистами не было. Даже храм Христа-Спасителя в Москве разрушили ведь не бесцельно. Возникла необходимость освободить место для строительства задуманного грандиозного памятника Ленину, а заодно и построить дворец для собраний высшей представительной народной власти. Другой вопрос — своевременно ли тогда это надо было делать. Тут можно осуждать власть того времени. Советской власти можно поставить в вину и то, что многие опустевший к тому времени церкви остались без присмотра, не были как-то разумно использованы и медленно стали разрушаться, нередко с активным участием бывших недавних прихожан этих же церквей. Было и это.

Я убежден, что основная причина того, что церкви опустели к концу 1920-х годов, остались без присмотра и начали медленно разрушаться, в том, что народ от церкви отшатнулся. Конечно, много было тогда других факторов, способствующих всенародному отходу от церкви: и активная антирелигиозная пропаганда в печати и по радио, и школа, в которой не только исчез предмет «Закон Божий», и учитель стал неверующим, и то, что в уставах ВКП(б) и ВЛКСМ был пункт о том, что каждый член партии и комсомолец должен вести антирелигиозную пропаганду. Но там же не уточнялось, что необходимо вести антирелигиозную пропаганду именно против христианства, а вообще против всех религии без исключения. Существенным фактором был тот, что в армии при Советской власти было упразднено присутствие священников.

Но все же основная причина, я это с убеждением повторяю, заключалась в том, что народ, особенно русский народ, сам отшатнулся от церкви. Следует еще заметить, что прежде чем снести Храм Христа-Спасителя, Советская власть запросила мнение известных деятелей культуры, представителей архитектурно-художественной элиты того времени, просила дать оценку исторической ценности Храма. Помню, журнал «Огонек» в перестроечные времена привел список тех, кто входил в комиссию по

оценки художественной и исторической ценности Храма Христа-Спасителя. Странно, что никто сейчас не приводит тот список.

Никаких явных протестов против разрушения тех церквей, которые были разрушены с определенной целью, насколько я помню это сейчас, тогда не было. Лично я за всю свою, теперь уже немалую жизнь, начиная с 5-ти летнего возраста, с которого уже помнятся многие события, был свидетелем разрушений только двух церквей. Это было в Ростове — Ярославском в 1930-х годах. Одна из разрушенных тогда церквей стояла на углу Ленинской улицы, напротив основного тогда здания сельскохозяйственного техникума. Вокруг него располагалось небольшое, уже тогда недействующее кладбище. После разрушения той церкви на её месте было построено здание общежития студентов сельхозтехникума. Это здание и общежитие в нем существует, наверное, и сейчас. По крайней мере, оно существовало еще три-четыре года тому назад. То есть, церковь была разрушена не бездумно и не бесцельно.

Вторая небольшая церковь, начало разрушения которой, вернее, её колокольни, происходило у меня на глазах, располагалась рядом с городским стадионом, чуть севернее его. Стадион тот существует и сейчас. На том стадионе в тот момент происходил футбольный матч, и зрители были каким-то путем оповещены о том, что сейчас будут взрывать рядом стоящую церковь. Действительно, было видно: у основания одной из колонн колокольни что-то горело. Мы, мальчишки, как узнали о предстоящем взрыве, больше смотрели на этот огонек, чем на футбольный матч. Но огонек горел и горел, и ничего не происходило. Мы, да и многие из публики, перестали уже смотреть на колокольню, переключив свое внимание полностью на футбольный матч. Но вдруг раздался взрыв, все обернулись в ту сторону, и было видно, как медленно оседает верхняя часть колокольни вместе с её крышей.

Вскоре разнесся слух о том, что там, на колокольне придавило инженера с паточного завода, руководившего взрывом, который полез на колокольню проверить, почему нет взрыва. Через несколько минут мимо притихшего стадиона проехала конная карета скорой помощи, увозящая полулежавшего человека в сторону городской больницы. Думаю, не только у меня — у многих, наверное, мелькнула мысль: Бог его наказал за разрушение церкви. Но никакого ропота или протеста против разрушения церкви не было слышно в те годы. У меня, неверующего, и сравнительно недавно возникала мысль о наказании Богом человека, покушавшегося на целостность церковного сооружения.

Однажды в деревне, где я бываю уже более 40 лет каждый год, сын очень близкого мне человека, собравшись жениться, попросил меня съездить в другую деревню, пригласить своего друга быть шафером на свадьбе. Приехали, а мать предполагаемого шафера в слезах сообщила, что его уже нет на свете, и рассказала о недавнем трагическом событии. Какие-то москвичи, остановившиеся у церкви, увидев недалеко парня, стали упрашивать его снять с колокольни железный крест, обещав хорошо заплатить за крест. Тот, будучи навеселе, сразу согласился. Его мать, находившаяся тут же, стала его отговаривать, стыдить за согласие на плохое дело. Не послушался, полез. И когда уже подбирался к кресту, сорвался и на глазах матери разбился.

Услышав эту историю, я невольно произнес: «Да не посягай на крест!». Подумалось еще, что после наблюдения двух-трех подобных случаев, не очень твердо неверующий человек, становится верующим в Бога. В Ростове же на том месте, где стояла колокольня, была построена парашютная вышка. В то время парашютные вышки строились по всей стране, наверное, в каждом городишке, в каждом рабочем поселке. Дело воспитания смелой, здоровой молодежи было поставлено тогда на должный уровень. Но среди взрослого населения, то есть выросших в иной социальной среде, любителей прыгать с парашютом, даже лишь с парашютной вышки, было немного.

Однажды я был свидетелем такой картины. Меня, тогда двенадцатилетнего, когда я находился в детском санатории в Нерехте, премировали на День авиации 18 августа прыжком с парашютной вышки в городском саду. Когда я залез наверх, к площадке, с которой прыгают, то увидел мужика с надетыми лямками парашюта, который то подходил к краю площадки, то отходил от неё. Я, поднявшийся для прыжка, видно, помог принять ему решение: он, расстегнув лямки парашюта, передал их мне. После того, как на мне приладили лямки парашюта я, не задумываясь, сиганул вниз с чувством превосходства над взрослым человеком и приземлился, не упав под одобрительные возгласы моих приятелей. К сожалению, после войны парашютные вышки так и не возродились у нас.

Заканчивая разговор о том, кто и зачем разрушал при коммунистах церкви, отмечу еще один штрих этого явления. Помню, как перед сеансом кино в клубе паточного завода, все в том же Ростове, по рядам зрителей ходил подписной список требующих закрыть какую-то церковь. Может быть ту самую, разрушение которой мне и пришлось наблюдать. Взрослые-то не очень под ним подписывались, а мы, мальчишки сделали это охотно. Этим я хочу сказать, что просто так церкви, по крайней мере, в 1930-х годах, не закрывали. В том случае, когда в этом возникала нужда, власть старалась спросить мнение народа. Конечно, очень много зависело от того, кто и как это мнение спрашивал. Все в конечном счете упиралось в порядочность человека.

Разрушенных церквей мне приходилось видеть за свою жизнь, конечно, больше, чем две, хотя и немного. Больше видел заброшенных, бесхозных церквей, на колокольнях которых взрастали молодые березки. Но почему церкви разрушались, и кто их разрушал, следует сначала разобраться. И следует все же помнить, что основная масса русских церквей, тем более монастырей, сохранилось до наших дней. Многие из них при Советской власти реставрировались, поддерживались в хорошем состоянии как исторические сооружения. На восстановление некоторых, пострадавших от стихийных бедствий тратились немалые деньги. Примером тому — кремль древнего Ростова — Ярославского, сильно пострадавший от небывалого урагана в 1953-ем году. Возникший тогда рядом на озере невиданной силы смерч пронесся над кремлем, причинив ему огромные разрушения. По сообщению газеты того времени «Ни одного купола не осталось на соборах, все унесло в озеро».

Правительство немедленно выделило очень большие по тем временам деньги на реставрацию кремля, и он был восстановлен ярославскими реставраторами под руководством замечательного архитектора-реставратора В.С.Баниге. Купола соборов кремля возродились в том виде, какой они имели в XVII веке.

ВОПРОСЫ И ВЕРСИИ

После того, как удалось познакомиться со старинной книгой Б.Эдинга «Ростов Великий. Углич...» возникли некоторые предположения, — почему имя и могила ростовской княгини Марии преданы забвению. Церковные иерархи хотят и, чувствуется, давно захотели, еще в 13-м веке, забыть ее имя и все то, что с ней связано — имя её напоминает о святотатстве церковников по отношению к ней и её сыну, князю Глебу, после его смерти.

Но остался без ответа давно возникший главный вопрос: почему по отношению к ней и её сыну в прошлом было допущено святотатство? И почему забвение её имени и патриотических деяний не возбудило протестного интереса у широкого круга исследователей — историков и просто у общественности, гражданского интереса? В моем представлении вырисовывается такая версия, могущая объяснить кощунственный акт ростовских архиереев далекого прошлого. После покорения Северо-восточной Руси татаро-монголами в 1237 году и Великий князь, и многие другие князья Руси приняли новую политическую стратегию: покориться завоевателям, платить им дань, жить с ними в мире и использовать такую ситуацию для отражения нашествий на Русь поляков, литовцев, тевтонских рыцарей и, вообще, всего католического Запада.

Возникновение такой стратегии у самих русских князей в 13 веке обосновывает, мне кажется, достаточно убедительно, Вадим Кожинов в своей книге «История Руси и русского слова». Во многих местах книги он четко формулирует свое понимание взаимоотношений русских князей с правителями Золотой Орды, начиная со второй половины XIII века. Например, на стр. 66 в параграфе «Монголы и Русь» он пишет:

«... нет ничего неожиданного в том, что наивысшим признанием пользовались на Руси те «руководители» 13—14 веков, которые всецело «покорились» вассалитету — св. Александр Невский, Иван Калита, св. митрополиты Петр и Алексий... (историки начали «критиковать» их за «покорство» монголам лишь в XIX веке)». И далее, уже в другом месте:

«И тщетные попытки историков доказать, что-де Русью неотступно владело стремление вырваться из-под власти золотоордынских царей, начались лишь в 18 и особенно 19 столетии, когда в России сложились крайне негативные мнения о Монгольской империи.

Нетрудно показать, что мнение это было по сути дела внушено западно-европейской идеологией, которая в послепетровскую эпоху оказывала огромное влияние, воздействие на большинство идеологов России».

А тогда, во второй половине XIII века, надо полагать, да об этом пишет и В. Кожинов, позицию Великого князя и его сторонников поддерживала и определенная часть духовенства. Часть, но далеко не все. Поэтому, похоже, и возникло противостояние среди князей и среди церковных иерархов того времени. Князь Глеб, сын ростовского князя Василька и княгини Марии, верный, конечно, памяти и делам своего отца и матери, оставался твердым сторонником непримиримой борьбы с татаро-монгольскими завоевателями Руси. Ростовский же епископ Игнатий, по всем признакам, был активным сторонником позиции Великого князя.

Посмотрим повнимательней, как В. Кожинov приближается к своей версии. Он приводит довольно убедительное доказательство того, как Орда стремилась склонить на свою сторону церковь древней Руси:

«Ханы Золотой Орды, начиная с 1267 года представляли, например, русской церкви специальные «ярлыки», согласно которым, в частности, «за оскорбление церкви, хуление веры, уничтожение церковного имущества (книги и т.д.) полагалась смертная казнь».

Любопытная информация. Ханы Золотой Орды были озабочены сохранением книг в числе прочего церковного имущества, а иерархи Ярославской митрополии при переходе митрополии из Ростова в Ярославль бросили старинные рукописные книги на произвол судьбы в Ростовском кремле.

Свою версию о благожелательном отношении золотоордынцев к Русской церкви В. Кожинov неоднократно подтверждает историческими фактами. Так в главе 8 — «Духовное величие Руси»... он приводит такие доказательства:

«... погрузившись в тщательное изучение житий русских святых и в связи с этим, естественно, в историю Церкви в целом, В.О. Ключевский в свое время не без определенного даже удивления обнаружил, что если в течение первых двух с половиной столетий со времени принятия христианства на Руси (конец X — 1237 год) было основано примерно сто монастырей, то за такой же срок с середины XIII века и до 1480 года (то есть в «монгольский» период) их было создано в два раза больше, около двухсот, притом, — что особенно подчеркнул наш выдающийся историк, — преобладающая часть монастырей создавалась тогда не в основных городах (как ранее), а на всем пространстве Руси — вплоть до дальних её окраин.

А монастыри, как явствует из любых объективных исследований их истории, были подлинными творцами духовной жизни страны и, одновременно, культуры во всем её объеме — от строительной, зодческой деятельности высшего тогдашнего уровня до творчества в слове, опять-таки в высшем его выражении.

Такие основанные в период между 1237 и 1480 годами и быстро развивающиеся монастыри, как Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Саввино-Сторожевский, Спасо-Каменный (на Кубенском озере), Соловецкий, Ферапонтов-Белозерский, Боровский-Пафнутьев, Ипатьев-Троицев (вблизи Костромы), Толгский (на Волге), Иосифов-Волоколамский и многие другие, созидали и изучали духовность и культуру, воздействовавшие на правителей Руси, и в той или иной мере на весь её народ. И без этого воздействия, без сомнения, были бы немыслимы и Куликовская победа, и то величие Руси, которое стало очевидным для всех к концу 15 века».

Приведенные строки из книги В.Кожинова позволяют предположить, что значительная часть церковных деятелей XIII века тоже смирилась с установленными татаро-монголами порядками и не противодействовала им. Но представляется бесспорным, что такое покорство не было единодушным и повсеместным.

У В. Кожинова в книге «История Руси и русского слова» нет никакого намека на то, что среди церковников того времени мог быть какой-то разлад по вопросам взаимоотношений с Золотой Ордой. Нет никаких предположений и о противоборстве в среде церковных иерархов Руси на почве отношений к татаро-монгольскому игу и в книге Б. Эдинга.

Но история перезахоронения останков ростовского князя Глеба Васильевича и надругательство над его могилой и могилой его матери, замечательной патриотки древней Руси княгини Марии, убедительно, на мой взгляд, свидетельствует именно о настойчивом преследовании их за открытую непокорность завоевателям. Греховные деяния епископа Игнатия были непонятны ростовскому митрополиту Кириллу в XIII веке (как сказано в летописи, «Митрополит Кирилл сурово обличил Игнатия за поступок, непонятный ни древним летописцам, ни историкам.»). Непонятны они и нам, живущим спустя 7 веков после тех событий.

И можно предположить: епископ Игнатий выслуживался перед своим князем, убоявшись вместе с ним навлечь на себя гнев ханского наместника. Или, даже, пошел на святотатство по требованию его, старался замести все следы, могущие служить напоминанием о непокорности некоторых русских князей завоевателям с востока. А позднее Церковь, похоже, стремясь забыть о грехах своих предшественников, предала забвению те могилы замечательных патриотов земли русской, напоминавшие о непокорности и князя Василька, и его верной супруги, и их верного сына Глеба.

ТРАГЕДИЯ МИТРОПОЛИТА ИОСИФА

Когда рукопись этой книги была закончена, текст набирался на ПЭВМ, мне довелось побывать 28 августа 2004 г. в Ростове-Ярославском на праздновании Дня города и посетить Яковлевский монастырь, объявивший в этот день также «День открытых дверей». При входе на территорию монастыря мимо прежнего маленького домика караульного помещения (до того времени и сейчас — монастырская сторожка) меня кольнул непривычный вид пустого пространства на месте старинного векового кленово-липового парка. На его месте — лишь отдельные цветочные газоны, посередине деревянная часовенка. В первую очередь заглянули вместе с моим спутником Л.Н. Буровым в храмы: Дмитриевский, Иаковлевский и Зачатьевский. В первозданном и в очень хорошем состоянии сохранилась лишь роспись с 12 апостолами купола Дмитриевского собора. Фрески двух других соборов — в стадии реставрации. Икон мало. В Яковлевском соборе, справа и слева от алтаря, установлены раки с мощами святителей Иакова и Авраамия. В Зачатьевском храме установлена рака с мощами святителя Димитрия. Некоторые посетители подходят к ракам, прикладываются к ним. Того поражающего взгляд великолепия, который я ощутил тогда, в ноябре 1941 года, в храмах не испытываешь. О нем напомнила лишь репродукция дореволюционной картины художника В.Г. Юрова, представленная на открытке, находящейся в комплекте открыток «Спасо — Иаковлевский Дмитриев монастырь в Ростове Великом», изданном монастырем в 1997 году.

При входе в храмы — киоски, торгующие церковной литературой, небольшими иконками, крестиками. В Яковлевском храме купил книгу В.И. Вахриной (автор-составитель) — «Спасо-Иаковлевский Дмитриев монастырь», прекрасно иллюстрированную цветными фото монастыря, редкими старыми, дореволюционными снимками, портретами ростовских чудотворцев, настоятелей монастыря. В числе иллюстраций — великолепный снимок монастыря, сделанный с вертолета в 1991 году.

Бросилось в глаза то, что на этом снимке между настоятельским корпусом, старыми жилыми корпусами (монашескими кельями) и соборами видно много старых деревьев прежнего парка, с пышными зелеными кронами. Значит, их почему-то уничтожили лишь после 1991 года. Зачем? Уничтожили единственную живую связь прошлых веков с новым временем.

После осмотра храмов оглядели территорию монастыря. Сначала обошли храмы вокруг. Вместо прежних богатых памятников на захоронениях, сохранившихся частично еще в 1941 году на территории между Дмитриевым собором, караульным помещением и оградой монастыря, теперь вокруг храмов пустыри. Лишь позади Иаковлевского собора — полузаросшие травой остатки памятников, явно случайно собранные.

Среди них плита на месте погребения известного ростовского краеведа, историка, литератора XIX, начала XX веков А.А. Титова. Эта плита — временный памятник, была возложена совсем недавно, о чем в книге В. И. Вахриной сказано так:

«Единственным памятником, установленным по месту захоронения, является сегодня памятник Андрею Александровичу Титову (умершему 24 октября 1911). Прежний памятник не сохранился. Сотрудники Ростовского музея определили место и захоронения Андрея Александровича, там и была в 1998 году возложена надгробная плита...» На плите выгравированы слова историка Е.В. Барсова, сказанные, как пишет В.М. Вахрина, на открытии Ростовского музея церковных древностей в 1883 году: «Не забудут ваших трудов и ваших жертв грядущие поколения Ростовской земли, когда они научатся понимать самих себя». Потом оглядели мы все другое внутреннее пространство монастыря. Настоятельский корпус, бывший в 1930-е годы основным детдомовским корпусом, бывшие монастырские кельи внешне выглядят прекрасно. Отремонтированы, побелены, крыши покрашены, рядом много цветников. Между настоятельским корпусом и юго-восточной башней восстановлена ограда на месте когда-то полуразрушенной, где были у нас тропы, ведущие к озеру. Заглянули в часовенку, построенную, похоже, совсем недавно «над святым источником», как гласит о том табличка, прикрепленная у ее входа. Внутри часовни в бетонный резервуар льется из водопроводной трубы вода. Некоторые посетители монастыря пьют эту воду, омывают лицо. В наше время, в 1930-е годы никаких признаков источника на этом месте не наблюдалось, не было и никаких разговоров об этом источнике, тут были деревья старого парка. Постоянны были разговоры о подземном ходе из Яковлевского монастыря в Кремль, и мы время от времени принимались его искать. Безуспешно, конечно.

Купленная в киоске Иаковлевского храма книга В.И. Вахриной после обстоятельного знакомства с нею оказалась очень интересной, содержательной монографией о Яковлевском монастыре. Авторское историческое кредо монографии выражено в предисловии такими словами:

«После потрясений конца XVII века, вылившихся в расколе Православной Церкви, после реформ Петра I, открывших Россию для западных тлетворных ветров, обретение мощей святителя Димитрия, первого русского святого Нового времени, чудотворения у только что обретенной святыни вызвали необыкновенный подъем духовных сил во всех слоях общества. Тысячи паломников устремились в Спасо-

Яковлевский монастырь к российскому целебнику и молитвеннику и получали исцеление и помощь в делах житейских по вере своей. В обители молились Государыня Императрица Екатерина II, Императоры Александр I, Николай I, Александр II, Николай II, члены Августейшей Фамилии. Когда-то бедная, обитель святителя Иакова уже в XVIII веке стала одним из богатейших монастырей России».

Книга В.Н.Вахриной содержит 18 разделов (глав), введение, примечания и список молитв ростовским святителям Иакову, Димитрию и Авраамию Ростовскому. Четыре главы посвящены краткой истории соборов Яковлевского монастыря, включая Спасо-Преображенский собор (у меня — Храм Спаса-на Песках). Несколько разделов посвящены настоятелям и жизни монастыря в XIX — XX столетиях и в наши дни. Отдельно — список всех настоятелей монастыря, раздел о захоронениях на территории монастыря (Монастырский некролог) и раздел «По страницам монастырской летописи». Этот раздел, по моим представлениям, является важнейшим историческим документом. В нем — краткое описание множества событий, связанных с монастырем, начиная с 1390 года и кончая февралем 2001 года. Кроме событий чисто церковной истории Яковлевского монастыря, в этом разделе приведено много интереснейших фактов, касающихся общей истории России. Например:

«1406. При нашествии войск Эдигея монастырь разграблен и сожжен»...

«1609. Обитель сожжена и разграблена поляками»...

«1709. 25 ноября. Погребение святителя Димитрия Ростовского в соборе Зачатьевского монастыря. Почти месяц гроб с телом святителя стоял в Успенском соборе, ожидая прибытия митрополита Рязанского Стефана (Яворского), друга почившего.»...

«1752. 21 сентября. При починке чугунного пола в Троицком соборе обретены нетленные мощи святителя Димитрия Ростовского»...

«1762. Император Петр III пожертвовал три тысячи пудов железа на покрытие монастырских храмов»...

«1763. В монастырь привезена сереброкованая рака, устроенная почившей Императрицей Елизаветой Петровной для чудотворных мощей святителя Димитрия Ростовского»...

«1765... 26 марта... К Иаковлевскому монастырю приписан упраздненный Спасо-Преображенский монастырь (основан в XIII веке) со всем имуществом и братией. С этого времени монастырь именуется Спасо-Иаковлевским»...

«1845. Тщанием архимандрита Иннокентия и усердием графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской для мощей святителя Иакова устроена кованая серебряная с позолотой рака весом 7 пудов 28 фунтов, ценою 9276 рублей серебром»...

«1849. В Санкт-Петербурге издана книга «Описание Ростовского ставропигиального (находящегося в ведении непосредственно Святейшего Синода — В.Ф.) первоклассного Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря и приписанного к нему Спасского, что на песках»...

«1882. В монастырь проведен водопровод»...

«1886. При обители открыта школа для детей»...

«1914. Монастырский странноприимный дом предоставлен под военный госпиталь на 150 мест»...(в 1930-х годах в этом здании, рядом с монастырем,

находилась городская хирургическая больница, летом 1941 года она снова стала военным госпиталем — В.Ф.).

Дореволюционный период летописи кончается датой 25 ноября 1917 года. Эта запись безмятежно гласит: «Епископ Иосиф освятил в странноприимном доме храм в честь иконы Божией матери «Всех скорбящих Радость». Храм был украшен дубовым иконостасом работы резчиков Абрамцевской мастерской»

Далее в разделе «По страницам монастырской летописи» книги В.И. Вахриной идет хронология событий советского и постсоветского периодов. Информация этого периода летописи представляется мне весьма интересной и принципиально важной. Она поможет беспристрастно разобраться во взаимоотношениях церкви и советского государства, начиная с первых послереволюционных дней. Я представляю ее здесь более подробно, сопровождая некоторыми своими комментариями.

«1919. На основании Декрета о музейном имуществе от 10 октября 1918 года («Известия ВЦИК», № 232) Иаковлевский монастырь как памятник древнерусского искусства со всеми находящимися в нем зданиями, а также предметами церковной утвари, передан в ведение Музейного отдела Наркомпроса.

25 апреля (новый стиль). Подписано соглашение между Ростовским уездным Совдепом и настоятелем обители епископом Иосифом (Петровых), архимандритом Тихоном (Шигиным), казначеем Иеромонахом Дмитрием (Пляшковым), ризничным иеромонахом Венедиктом (Жильцовым) (всего 18 монахов) о передаче монастырю в бессрочное пользование церковью Зачатьевской, Иаковлевской, Дмитриевской, Спасо-Преображенской, Толгской, Воскресенской, Скорбященской. Составлена опись имущества монастыря и храмов».

После этой второй записи от 25 апреля возникает вопрос, — причем же тут музейный отдел Наркомпроса, в ведение которого Декретом от 10 октября 1918 г. переданы все здания и имущество монастыря? Получается, что он отменен? Скорее всего — это именно так.

Как видно из приведенных актов, никакого поругания и осквернения церковью с приходом Советской власти не происходит, происходит лишь национализация церковных зданий и материальных ценностей, принадлежащих церкви. Но тут же все это передается в бессрочное пользование церковным общинам. Они продолжают жить, практически, по-прежнему.

Первый конфликт служителей монастыря и местной власти, конфликт местного значения, происходит 25 апреля 1920 года, когда на основании постановления X уездного Съезда Советов епископа монастыря Иосифа во время вечерней службы потребовали прибыть в Успенский собор Кремля на вскрытие святых мощей. Надо признать, потребовали грубо, бесцеремонно, было нарушено приведенное выше соглашение власти и монастырской общины. Это, конечно, бездумная, если не прямо провокационная акция местной власти. Вопрос был деликатный, без предварительной тщательной подготовки его так решать было нельзя. Епископ, как видно, был не из пугливых и властям не подчинился. Более четко этот конфликт описан в разделе книги «Владыка Иосиф и крестный путь обители в XX столетии». Там сказано так: «25 апреля 1920 года мощи ростовских святых Исаии, Игнатия, Авраамия, Дмитрия ... были вскрыты... Владыко Иосиф предпринимал все, что было в его силах для

ограждения святыни от поругания. В 1920 году он крестным ходом пришел выразить протест против вскрытия мощей, за что 8 июля был арестован и судим по обвинению в агитации. Позднее владыка обвинялся за выступление против изъятия церковных ценностей... Епископ Иосиф был очень известным человеком в Ростове. Когда в 1920 году он находился в заключении в Ярославле, в Ростове были собраны тысячи подписей под обращением с просьбой о его освобождении, и власти вынуждены были освободить его».

Тут мне хотелось бы заметить, что слова «власти вынуждены были освободить его» не очень соответствуют существу происшедшего. Точнее было бы сказать, что в то послереволюционное время власть прислушивалась к мнению народа и пошла навстречу пожеланию верующих и отменила решение суда.

Посмотрим дальше на жизненный путь епископа Иосифа, описанный в том разделе книги.

«В 1923 году епископ Иосиф был возведен в сан архиепископа. С 1920 по 1925 год он временно управлял епархиями Новгородской и Старорусской. В 1926 году был возведен в сан митрополита и назначен на Ленинградскую кафедру. 29 августа был необыкновенно тепло встречен ленинградцами и вечером служил в Троицком соборе Александро-Невской лавры. 31 августа выехал в Ростов, чтобы проститься, но вынужден был остаться в Ростове, так как последовал запрет властей на его возвращение в Ленинград. Год владыка управлял вверенной ему епархией из Ростова. 17 сентября 1927 года последовало распоряжение о переводе митрополита Иосифа в Одессу. Митрополит выразил протест против перевода, после чего был лишен кафедры. С февраля 1928 года он проживал в Николо-Моденском монастыре, в 35 верстах от родного города Устюжны. В 1929 году был арестован и выслан в Казахстан, где работал бухгалтером на медном комбинате у Аральского моря... 23 сентября 1937 года в окрестностях Алма-Аты было арестовано все духовенство. Арестовали и митрополита Иосифа... Он был расстрелян 20 ноября 1937 году в городе Чимкенте. Таков трагический конец крестного пути владыки и всей обители».

В такую расстрельную кончину бывшего ростовского архиепископа мне не очень верится. Приведенные без необходимых подробностей сведения очень похожи на нынешние, мягко говоря, безответственные неправдивые штампы о «расстреле большевиками сотен тысяч священников». Такие провокационные выкрики прозвучали, например, на предвыборной демонстрации потомков, якобы, расстрелянных коммунистами священников 27 ноября 2003 года в Нижнем Новгороде. Эта демонстрация показывалась по телевидению в тот же день вечером.

Я сразу же тогда написал статью с протестом против той провокационной демонстрации, ссылаясь на свидетельства известных людей, опровергающих подобные провокационные утверждения о расстреле коммунистами невинных священников. Моя протестная публицистика против подобных провокационных утверждений была приведена в ранее вышедшей моей книге. К сожалению, моя статья о нижненовгородской демонстрации не была опубликована в патриотической печати. Не было, насколько мне известно, и других протестных публикаций об этой демонстрации. Факт удручающий. Историческая безграмотность нашего народа, в том

числе и патриотически настроенных слоев, играет на руку провокаторам: молчание — знак согласия.

С большим интересом просмотрел я книгу В.И. Вахриной и нахожу ее ценнейшим современным историческим источником. За исключением вот этого материала о расстреле бывшего ростовского митрополита Иосифа в Чимкенте в 1937 году. Этот материал нуждается, по моему убеждению, в более корректном изложении с привлечением убедительных документов. Дело в том, что в 1928 г. в Алма-Ату был выслан Троцкий и вел там активную политическую деятельность против сталинского руководства страной. (Об этом он сам подробно писал в своей книге «Моя жизнь...» в главе «Высылка». Там же, в Алма-Ате, находилось много и активно помогающих ему его сторонников. Возможно, митрополит Иосиф с какой-то стороны, будучи вне церковной жизни, оказался втянутым многочисленными сторонниками Троцкого, находящимися в ссылке в Казахстане, в антисоветский заговор. Возможно, за его арестом кроется что-то другое. С этим необходимо тщательно разобраться.

Но продолжим обзор наиболее интересных событий монастыря по страницам монастырской летописи.

«1922. Составлена опись монастырской ризницы (1116 предметов). Ризница объявлена отделом декоративно-прикладного искусства ростовского музея.

Составлена опись вещей из благородных металлов и драгоценных камней, принадлежащих Спасо-Иаковлевскому монастырю. В список вошло 412 предметов из серебра (рака святителя Димитрия — 10 пудов серебра, рака святителя Иакова — около 15 пудов серебра, ризы с 73 икон, потиры с дисками и приборами, кадила и др.)

3 апреля. Согласно декрету ВЦИК от 23 февраля 1922 года «Об изъятии церковных ценностей», изъяты серебряные потиры, оклады, водо-святные чаши, кресты, а также оклады Евангелий (всего 81 предмет).

13 мая. Изъята рака святителя Димитрия (около 25 пудов серебра), рака святителя Иакова (7 пудов, 28 фунтов) и сень над ракой святителя Димитрия (7 пудов, 34фунта, 48 золотников).

Представителями губернской комиссии по изъятию ценностей, членами городской исполнительной тройки, представителем музея и представителем Церкви составлен акт о недопустимости изъятия в помощь голодающих серебряной раки святителя Димитрия».

Последнюю запись следует понимать, видимо, так. Изъятие церковных ценностей осуществлялось тогда по указанию губернских и центральных властей. Местные же власти, представители церкви, музея и даже комиссия по изъятию церковных ценностей не всегда были согласны с поголовным изъятием ценностей и официально заявляли об этом, как в данном случае — в виде отдельного акта. Высказали, так сказать, свое особое мнение. Обращает на себя внимание и то, что вес изъятых 13 мая 1922 г. серебряных предметов (общий вес — около 39 пудов) не совпадает с весом, указанном в описи этих предметов, приведенной выше.

«16 мая (1922 г. — В.Ф.). Изъято:

- 1) Две пары серег бриллиантовых в 1,5 карата;

2) Звезда — «кругом бриллианты, в середине изумруд» в золотой оправе. Бриллианты весом 6 каратов, изумруд крупный весом 2 золотника;

3) Корона; в ней 4 крупных бриллианта весом 4 карата, кругом мелких бриллиантов около 3,5 карат, в середине топаз желтой воды.

Всего изъято серебра 3 пуда 1 фунт 48 золотников.

Бриллиантов 21,5 каратов, 2 изумруда весом 3,5 золотника, топаз.

22 мая. Изъято 20 предметов. Среди них золотая митра святителя Димитрия (72-й пробы, весом 4 фунта, 29 золотников, 203 алмаза, 20 лимантин, 5 крупных рубинов, 707 мелких рубинов).

12 июня. Изъяты две золотые панагии и три золотых креста с бриллиантами и другими драгоценными камнями»

Прочитав эти списки конфискованных государством драгоценностей Яковлевского монастыря, убеждаешься в том, что Яковлевский монастырь был действительно богатейшим монастырем России.

Приведенный материал (описи изъятых из монастыря ценностей) позволяют, между тем, заметить следующее:

Во-первых, он опровергает утверждение, высказанное во введении книги (не исключено, что оно дополнено рецензентами или негласными цензорами книги) о том, что большую часть монастырского имущества «разграбили или уничтожили». Как видно из вышеприведенного, самые главные материальные ценности были изъяты в казну государства. Вряд ли в дальнейшем они могли быть разграблены. Во-вторых, думается, можно утверждать, что ценности, накопленные за многие века ростовским Яковлевским монастырем и конфискованные государством, послужили тому, что после поражения в Первой мировой войне, послефевральской анархии, иностранной военной интервенции и гражданской войны погибающая тогда Россия превратилась в могучее государство — Советский Союз, Советскую Россию с крепкой экономикой, сильнейшим военно-промышленным потенциалом и привлекательной идеологией, близкой к заповедям христианства.

Нелишне напомнить, что нечто подобное происходило и в прошлом. Например, на вооружение и содержание войска Минина и Пожарского немало было употреблено и церковных ценностей того времени. Подобное было и при Петре I, когда на литье пушек царь своей властью пустил церковные колокола.

Наконец, нельзя не напомнить очевидное: сооружения-то монастыря (соборы, патриарший корпус, добротные бывшие монашеские кельи, основная часть ограды, башни) сохранились до наших дней целыми. При советской власти многие из перечисленных сооружений поддерживались, более или менее, в исправном состоянии, проводился капитальный ремонт жилых зданий, ремонтировалась кровля соборов монастыря. По мере возможностей реставрировались соборы, ограда и башни монастыря. В конце концов, советская власть передала Яковлевский монастырь церкви. Этого не следовало бы забывать.

После осознания обществом сближения коммунистической и христианской идеологий и морали в 1970 — 1980 годах воинствующие безбожники стали сходить со сцены, православная церковь в стране стала постепенно набирать силу. Государство стало тратить немалые средства на восстановление и реставрацию церковных

сооружений, в первую очередь, имеющих историческую ценность. Например, реставрация ограды, башен Яковлевского монастыря, а также куполов Храма Спаса на Песках проводился в скромных объемах и ранее.

Заканчивая обзор раздела «По страницам монастырской летописи», отметим еще несколько интересных для нашего повествования монастырских летописных строк.

«1923. Епископ Иосиф возведен в сан архиепископа.

14 марта. Ростовский музей принял от Спасо-Иаковлевского монастыря Спасо-Преображенский храм со всеми иконами. Акт передачи подписали архиепископ Иосиф и сотрудник музея Г.К. Шляков.

Создана община бывшего Спасо-Иаковлевского Димитриевого монастыря. Принят Устав, один из пунктов которого гласит: Состав общины: членом может быть каждый гражданин, принадлежащий к православному культу. Зачисление проводится общим собранием при голосовании. В списке общины 128 человек. Составлен список проповедников — 13 (из священников и братии монастыря). Председатель общины — архиепископ Иосиф (Петровых).

«1924... В Ростовский музей переданы из настоятельских келий более 50 портретов (духовных лиц, царей, жертвователей обители).

20 мая. Из ризницы монастыря — филиального отделения музея — поступило в Ростовский музей 14 предметов из серебра»...

«1925. Из Зачатьевского храма в Ростовский музей поступило 36 икон.

Архиепископ Иосиф обратился в милицию с просьбой разрешить 19 августа крестный ход с Ватопедской иконой Божией Матери и образом святителя Димитрия по Ростовскому уезду. Разрешение получено»...

«1926. Архиепископ Иосиф обратился в милицию с просьбой разрешить крестный ход с Ватопедской иконой Божией Матери по Петровской, Карашской, Ильинско-Хованской волостям. Разрешение получено...

26 августа. Архиепископ Иосиф возведен в сан митрополита и назначен на Ленинградскую кафедру»...

О дальнейшем жизненном пути митрополита Иосифа до его смерти был разговор выше.

Добавим еще несколько строк из монастырской летописи о последних днях существования Яковлевского монастыря как культного заведения.

«1927... Городским властям послано письмо общины бывшего монастыря: «Ввиду совершенно непосильной тяжести налога на храмы Иаковлевского монастыря (около 14 миллионов) община монастыря имеет честь сим заявить, что: 1) она с давних пор совершенно не пользуется Спасским храмом, храня его лишь как археологическую ценность, и посему просит теперь же передать его всецело в ведение местного археологического отделения; 2) то же община представляет сделать с Зачатьевским храмом, коим тоже совершенно не пользуется для своих богослужений по случаю крайнего холода и сильной тяги сквозного ветра даже в теплое время года; 3) оставшиеся за сим храмы Иаковлевский и Шереметевский община, может быть, найдет возможным оставить за собой, если коммунальный отдел найдет возможным облегчить тяжесть налога и изыскана будет потребная для уплаты сумма.

За председателя общины — архимандрит Тихон»...

«1928... 9 октября. Президиум Ярославского губернского исполнительного комитета постановил расторгнуть договор с религиозной общиной Иаковлевского монастыря и закрыть храмы: Имея в виду, что на территории Иаковлевского монастыря расположен детгородок, созданный УИКом, между детьми которого и молящимися возникают недоразумения, и что функционирующие храмы создают неудобства для воспитания детей вне религии, и учитывая, что община по своему составу весьма немногочисленна, верующие которые могут отправлять свои религиозные потребности в окружающих храмах как в самом городе, так и в находящихся поблизости сельских молитвенных зданиях, — признать необходимым расторжение договора с религиозной общиной верующих, передать молитвенные здания, имеющие историческое значение, Ростовскому музею для развертывания своего отделения, которое им предложено к открытию, прося на это санкции ВЦИКа»...

«1929. В Ростовский музей поступило заявление общины верующих бывшего Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря о выдаче мощей святителя Димитрия и части утвари из ризницы Спасо-Иаковлевского Димитриевого монастыря для общины церкви Михаила Архангела, куда влилась община этого монастыря. Ученый совет музея решил в просьбе отказать ввиду возможности использования мощей при экспозициях отдела музея в Спасо-Иаковлевском димитриевом монастыре»...

«1933. Монастырь передан военному ведомству, здесь разместился 54-й полк».

Последняя запись, видимо, неточна. В разделе книги «Владыка Иосиф и крестный путь обители в XX столетии» об этих последних событиях сказано, по моему, точнее: «В конце 1928 года договор с общиной расторгли, и храмы передали музею. В настоятельских покоях разместился детдом, в братских корпусах поселились люди, приехавшие из деревень. С 1930 года в храмах разместили воинские и торговые склады» К этому добавлю от себя. В годы моего пребывания в ростовском детском доме (18.05.1935 — 29.08.1941) во всех трех храмах Яковлевского монастыря находились воинские склады, строго охраняемые. Вторая половина монастыря была отделена от воинских храмов высокой изгородью из колючей проволоки. В храме Спаса — на Песках (именуемого в летописи Спасским храмом или Спасо-Преображенской церковью) воинский склад находился примерно до середины 1937 года. После того, как воинский склад оттуда выехал, закрытый на замок храм остался в течение довольно длительного времени без охраны и без присмотра вообще. Замок вскоре был кем-то взломан, и храм стал местом стихийных развлечений детдомовцев и части городских мальчишек, друживших с детдомовцами. Иконы и резные деревянные украшения стали постепенно растаскиваться. Склады в храмах Яковлевского монастыря, думаю, были не полковыми, а более крупного масштаба, скорее всего складами военного округа. Никакого расхищения внутреннего церковного имущества за период нахождения там воинских складов, уверен, не могло быть. В армии тогда была строжайшая сознательная дисциплина, стихийное расхищение военными исключалось. Никаких торговых складов в храмах Яковлевского монастыря при мне не было. Они могли быть там, наверное, только после войны. Меня удивили строки из летописи за 14 октября 1955 г. о том, что «Сотрудники Ростовского краеведческого музея написали письмо Н.С. Хрущеву, первому секретарю ЦК КПСС и министру

обороны маршалу Г.К. Жукову о разрушениях зданий бывшего Спасо-Иаковлевского монастыря арендатором 54-м полком». Жаль, в книге не приводится ответ на это письмо.

Печальный конец существования Яковлевского монастыря как православного храма после десятилетнего существования при советской власти в конце 1920-х годов естественен. Община количеством 128 человек, конечно, не в состоянии была содержать и священников, и других церковных служителей, и поддерживать соборы в надлежащем виде. Пожертвования паствы, совершенно очевидно, были невелики, общее число верующих, надо полагать, в те годы сокращалось с каждым днем в условиях активной общественной антирелигиозной пропаганды. Но этот процесс, по моему, нельзя считать ни поруганием, ни осквернением церкви. По моему убеждению, православная вера с начала XX века и, особенно, в предреволюционное десятилетие была непрочной. Не на высоте, думается, была в то время и нравственность верующих, которые сами после революции нередко грабили имущество священников и растаскивали церковную утварь. Об этом еще в советское время немало появлялось статей в газетах и журналах. На некоторые факты подобного рода я указывал в обозначенной выше моей книге.

Ныне православные храмы возрождаются. Но нелишне вспомнить здесь, что возрождение храмов началось еще в советское время. Приведем еще несколько строк из последних страниц летописи, подтверждающих мои слова.

«1988. Из храмов монастыря выведены продуктовые склады торга. В монастыре открылся филиал Ростовского музея. В летнее время Дмитриевский храм открыт для экскурсионного показа».

«1990. Ростовским музеем закуплены колокола, отлитые в Воронеже фирмой «Диопсид» для колокольни Иаковлевского монастыря, филиала музея. Министерство культуры на приобретение 8 колоколов выделило 56000 рублей»...

«1991. 15 апреля. Обитель возвращена Русской Православной Церкви... 16 мая... Наместник монастыря игумен Евстафий (Евдокимов) служил в обители первую Божественную литургию... 4 июня. В обитель возвращены святые мощи святителя Димитрия, пребывавшие многие годы в фондохранилище Ростовского музея... Июль. На монастырскую колокольню подняты и закреплены 8 колоколов, переданных обители Ростовским музеем... Ноябрь. В Иаковлевском храме установлен иконостас...»

Повторим: все эти последние мероприятия проведены при советской власти.

Интересна современная экономическая, хозяйственная деятельность Яковлевского монастыря, направленная на его самообеспечение. Снова заглянем на страницы монастырской летописи.

«1992. 24 марта. Обители возвращена часть монастырского сада»...

«1995. Пруд перед монастырем очищен от загрязнений (в течение нескольких десятилетий расположенный рядом эмалище сбрасывал в пруд отходы своего производства). Пруд осушили, сняли слой земли, затем наполнили водой и запустили карасей»...

«1997... Монастырь издал комплект открыток «Спасо-Иаковлевский Дмитриев монастырь в Ростове Великом» — 30 сюжетов, тираж 300000. (В 2004 г. комплект продавался в монастыре по 25 руб. — В.Ф.).... Издан настольный календарь на 1999 г. с

видами Спасо-Иаковлевского Димитриево монастыря и указанием престольных праздников обители (издательство «Отчий дом», тираж 7000)»...

«1999... По просьбе обители Северная железная дорога передала монастырю два плацкартных вагона для размещения в них более 100 человек паломников. К вагону подведено тепло, канализация, холодная и горячая вода, душ.

В обители 12 человек братии: архимандрит, 3 иеромонаха, 3 иеродиакона, 1 монах, 1 инок, 4 послушника. Из них с высшим светским образованием 5 человек. Средний возраст — 24 года.

Обитель имеет монастырскую библиотеку, ризничную, иконописно-реставрационную мастерскую, швейную мастерскую (для пошива одежды братии), пекарню, просфирню, столярную мастерскую, мастерскую по ремонту транспорта, техники. Имеется баня, прачечная.

В монастыре ведется натуральное хозяйство: огород, теплица — 2,5 га, 20 га сенокоса, 10 га для посева ржи; 12 коров, 40 кур... Обитель имеет 2 гусеничных и 2 колесных трактора, экскаватор, 3 грузовые машины, 2 легковые»...

«2001. Февраль. Котельная монастыря подключена к линии централизованного газового снабжения.»

Чем не образцовый колхоз! Разница, наверное, лишь в том, что среди братии нет пьющих, и председатель (архимандрит) очень порядочный, деловой, энергичный и очень строгий человек.

Есть в книге В.И. Вахриной интересная информация, заставляющая несколько по новому взглянуть и на историю забвения княгини Марии, жены князя Василька Ростовского и их сына Глеба. Эта информация в освещении некоторых событий того времени существенно отличается от приведенной мной ранее. В разделе рассматриваемой книги «Спасо-Преображенский собор», на стр. 73 сказано:

«После гибели князя Василько его жена княгиня Мария не постриглась в монахи над гробом мужа, как это было принято в русских княжеских семьях. Вместе со своими малолетними сыновьями Борисом (1231 — 1277) и Глебом (1236 — 1279) с благословения епископа Кирилла княгиня Мария стала править Ростовским княжеством. Летопись сообщает, что в 1259 году Александр Невский (двоюродный брат князя Василько) приезжал на Пасху в Ростов и был принят с любовью князьями Борисом и Глебом и матерью их княгиней Марией, а также епископом Кириллом. Во второй половине XIII века в Ростове продолжают строить храмы, писать иконы, создавать летописи. Ростовское летописание специалисты связывают с именем княгини Марии, вдовы князя Василько. Княгиня Мария приветствует восстание против монголо-татар: «Избави Бог от лютого томления бусурманского люда Ростовские земли: влож ярость в сердце христианам не терпящих насилия поганых». Ростовский свод весь проникнут идеей необходимости крепко стоять за веру православную и независимость родины. В начальный период монголо-татарского ига ростовская княгиня Мария вынесла все тяготы, которые легли на плечи русских жен: в первый год нашествия иноплемennых погиб ее муж, святой князь Василько, в 1246 году на глазах ее тринадцатилетнего сына Бориса был замучен в Орде ее отец — святой мученик князь Михаил Черниговский...

Княгиня Мария преставилась... 9 декабря 1271 года. Погребли княгиню по ее желанию не в княжеской усыпальнице Успенского собора, а в основанном ею Спасском монастыре... Через восемь лет в Спасском соборе был погребен и младший сын княгини Марии — Глеб, князь Ростовский и Белозерский. Глебу покровительствовал великий князь Владимирский Ярослав, отец Александра Невского, которого он неоднократно сопровождал в Орду. В 1257 году Глеба женили на внучке Батые, дочери Сартака, в Крещении Феодоре. От Глеба пошли князья Белозерские. Летописи сообщают о Глебе, «что от юности своя по нахождении поганых татар нача служите им, и многи христианы обидимыя от них избави, и печальные утешая, брашна своего и питая нещадно требующим подавая, и многия церкви созда и украси иконами и книгами...».

Ни в одной из ранее названных в этой и первой главах книг таких сведений о князе Глебе не встречалось. Эти сведения заставляют взглянуть на него с иной стороны. Но пока не будем отказываться и от нашей прежней версии его княжения и продолжим знакомство с его деяниями, изложенными в книге В.И. Вахриной.

«Князь Глеб был строителем судоходных каналов по реке Сухоне, один из которых долго назывался Княже-Глебовой простью. Князь Глеб Ростовский и Белозерский — местночтимый святой, память его совершается 23 мая и 24 июня.

В 50-х годах XIX века архимандрит Спасо-Иаковлеского монастыря Поликарп при переделке пола в подвале Спасской церкви обнаружил гроб с телом основательницы обители княгини Марии. Гроб, тело и одежда усопшей сохранились нетленными. Могила была снова заделана. Место захоронения княгини Марии и князя Глеба в настоящее время неизвестно».

Напомним, что в книге Б. Эдинга, о которой был разговор выше, говорилось, что место погребения княгини Марии после ее раскопки архимандритом Поликарпом стало известным. Можно предположить, что церковнослужители решили не раскрывать конкретное место погребения княгини Марии с целью либо уберечь могилу от гробокопателей, либо, наоборот, с целью продолжать предавать забвению имя княгини Марии и ее сына Глеба и не допустить установки памятника на ее могиле. Загадка пока остается неразгаданной.

Сведения из летописи, приведенные В.И. Вахриной говорят и о том, что князь Глеб, сын княгини Марии, стал не только сторонником покорности монголо-татарам, но также сторонником тесного союза с ними во имя сохранения Руси на время вассалитета Орды и защиты Руси от врагов с Запада. С этой целью, надо полагать, он согласился и на женитьбу на внучке хана Батые. Рождается предположение, что на эту женитьбу его благословила и мать княгиня Мария, смирившись с неизбежностью. Но не все иерархи Православной церкви, тот же епископ Игнатий, видимо, были согласны с такой политикой князей и своими методами боролись с ней. Включая забвение имени князя Глеба и княгини Марии. Эта версия вместе с первой нашей версией требует, конечно обстоятельного изучения.

Глава 3. В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ

ЧЕРНАЯ ВЕСТЬ

Весть о начале войны я услышал утром 22 июня 1941 года часов в семь—восемь. Светлой ночью на 22 июня мы — детдомовцы Ростова — Ярославского завершали многодневный туристский поход по соседнему Петровскому району, побывав на остатках древнего Сарского городища. Возвратившись в свою «вотчину» — Яковлевский монастырь, несмотря на бессонную ночь, мало кто лег спать. Бродили по старинному монастырскому парку, делились впечатлениями о только что завершённом походе. В этот момент из открытого окна детдомовской канцелярии и слышалось слово «война».

То ли местные власти оповестили об этом администрации учреждений города, то ли другим каким-то путем, но именно утром о войне знали в Ростове — Ярославском. Я думаю, о войне тыловые города могли знать и из междугородних телефонных сообщений, поступающих из западных городов. Еще тяжелый смысл слова не дошел до сознания, а подсознательно всего передернуло, как электрическим током. И когда по радио было объявлено на 12 часов важное правительственное сообщение, мы уже знали, о чем оно будет...

Внимательно слушали мы выступление наркома иностранных дел В.М.Молотова, притихшие и серьезные. На всю жизнь запомнились проникновенные слова, сказанные им в конце своего выступления: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Самым старшим из нас было по 16-ти лет, и этим летом мы должны были из детдома выпускаться.

Выбор, куда податься после выпуска из детдома, окончательно еще не был сделан, но было ясно — надо продолжать учиться, приобрести хорошую специальность. Манила давно уже авиация, летная школа, но приглашал в свои стены только авиационный техникум в городе Рыбинске, объявления о приеме в этот авиатехникум были расклеены в школе. Летные школы в тот год начали принимать, видимо, только выпускников спецшкол ВВС, о свободном наборе в них никаких сведений не было, ни в «Комсомолке», ни в других центральных газетах...

Прежний привычный ход жизни сразу изменился. С мальчишескими забавами разом было покончено, организованного летнего отдыха не предвиделось. Детдомовский коллектив вскоре включился в работы под девизом «Все для фронта, все для победы». Работали то на заготовке торфа, то на сборе ягод для госпиталей, то еще на каких-то работах. В перерывах между этими работами съездил в Ярославль, в аэроклуб, разведать, не будет ли туда набора. Не предвиделось. Побывал в обкоме комсомола — ничего не прояснил. Послал письмо в «Комсомольскую правду» с просьбой помочь поступить в летную школу. Ответили — действуй через военкомат,

но с ним у нас не было никакой связи, детдомовцы покидали детдом задолго до призывного возраста. После всех этих усилий послал заявление в Рыбинский авиационный техникум. Как отлично окончившего семилетку, сразу зачислили в техникум без экзаменов. Срок прибытия в техникум — 29 августа.

В один из последних августовских дней отправились туда вдвоем, вместе с моим одноклассником Юрием Власовым. До Ярославля на пригородном поезде, дальше — на пароходе.

В новом наборе техникума, в основном, семиклассники. Сразу объявлена была ускоренная программа прохождения курса средней школы по математике за три месяца. По другим предметам также ускоренные программы. Довольно остро обозначилась проблема питания. Стипендия — 75 р., по карточкам хлеба — 400 граммов, все остальные карточные талоны в столовой отстригаются за завтрак, обед и ужин. Голодновато. Однако вскоре приспособились подрабатывать на разгрузке картофеля на товарной станции, и острота проблемы с питанием стала пропадать.

Учиться в авиатехникуме в 1941 году пришлось всего два с половиной месяца. В середине ноября занятия в техникуме неожиданно прекратились. Авиазаовод, авиаинститут и авиатехникум срочным порядком эвакуируются из Рыбинска. Что делается на фронтах, толком никто не знает, официальные сообщения скудны. По рыбинскому радио целый день, в основном, музыка и песни. Чаще всего — волжские песни Лидии Руслановой. То, что над Москвой нависла смертельная опасность и Рыбинск намечен немцами к первоочередному захвату, жители города не знали. И, я думаю, хорошо, что не знали...

С этого момента (конец ноября 1941 г., полгода 1942-го) прошли в почти непрерывных невольных путешествиях. Сначала — в Уфу, из Уфы в Баку и обратно, затем снова в Рыбинск.

Где-то в конце апреля, начале мая нам сообщают о том, что рыбинский авиационный техникум срочно возвращается в свой родной город. Возвращается, собственно, дирекция техникума, значительная часть преподавательского состава с семьями, часть оборудования лабораторий. В эту группу включены и мы, два студента, основная подсобная рабочая сила в этом коллективе. В Уфе, на базе рыбинского авиаинститута, в том же здании какой-то бывшей школы начал работать и новый авиатехникум, теперь — уже Уфимский. Часть эвакуированных сотрудников рыбинского авиатехникума остается в Уфе, видимо побаиваются возвращаться: фронт проходит не очень далеко от Рыбинска, еще в руках врага Ржев, Вязьма, Демянск... блокирован Ленинград. Помню, довольно пожилой бухгалтер, выдавая мне подъемные деньги, сторублевую пачку вручил мне рублями с наставлением: в дороге очень важно иметь мелкие деньги. При этом очень просил написать ему условными словами, бомбят ли немцы Рыбинск (официальных сведений о бомбежках Рыбинска не было, но слухи о бомбежках и Ярославля, и Калинина ходили).

Факт первоочередного срочного возвращения в Рыбинск авиационного техникума, а не авиаинститута не случаен. Для производства, для эксплуатации техники любого вида в первую очередь нужны техники. Потребность в инженерах для этих процессов во много раз меньше. К тому же, советская система подготовки среднетехнических специалистов была очень высокой. Это спустя много лет после

войны у нас получился перекося в соотношении подготовки инженеров и техников, как гражданских, так и военных. Например, значительная часть среднетехнических военных училищ была преобразована в высшие учебные заведения. В результате — обесценился инженер как специалист, хороших техников стало мало.

О серьезности, которая придавалась быстрому возрождению рыбинского авиатехникума, говорит еще такой штрих. Под возвратившийся техникум отвели большое здание, до эвакуации занимаемое авиационным институтом, а после его эвакуации — военным госпиталем. Непосредственно перед самым возвращением в Рыбинск авиатехникума, госпиталь срочно был переведен в другое здание.

Середина мая 1942 года, мы плывем из Уфы в Рыбинск. Почти целый пароход занят возвращающимися сотрудниками техникума со своими семьями. В основном это преподавательский состав, да еще мы, два студента, путешествующие с ними. Я и старшекурсник Валентин Кравченко. Наши места 3-го класса в трюме парохода, но мы весь день торчим на палубе. Плывем сначала по реке Белой, затем — по Каме и потом по Волге. Плывем медленно — на реке постоянно густые туманы. Весна в разгаре, кора деревьев меняет цвет, берега одеваются в свежую зелень и через дымку насыщенного влагой воздуха кажутся сиреневыми. Остановки парохода длительные, он загружается топливом, выгружает и загружает попутные грузы. Несколько дней стоим в затоне в Горьком (что-то ремонтируют в пароходе). В ожидании отправки в дальнейший путь побывали в центре города, полюбовались видами на Волгу. Удивило множество американских джипов и виллисов, снующих по улицам. Позднее узнали — Горьковский автозавод начал в большом количестве выпускать эти автомашины военного назначения по американской лицензии.

Плывем дальше. На остановках все пассажиры выходят на пристани размяться, а главное, закупить продукты. Основная магистраль передвижения народа воюющей страны — железная дорога. По воде основная навигация только-только начинается, наш пароход едва ли не самый первый. На базарчиках у пристаней продается много продуктов, цены, после перенаселенной эвакуированными Уфы, кажутся баснословно низкими. Особенно обилием всевозможных продуктов удивил базар у пристани в Костроме. Возбуждены семейные, покупают яйца, битую птицу, овощи. Мы, одинокие, покупаем только то, что можно съесть сразу: молоко, ряженку, вареный картофель, морковь, вареные яички...

И, наконец-то, мы в Рыбинске. Заняты на срочной разгрузке парохода от техникумовского имущества, которое прибыло вместе с нами, а через нескольких дней — и других пароходов, прибывших вслед за нами. С утра до вечера перевозим грузы на автомашинах в отведенные помещения...

В эти дни нас и застала неожиданная весть: наши войска оставили Севастополь. У многих вопрос — почему вдруг? О произошедшей катастрофе под Харьковом никаких намеков в официальных сообщениях тогда не было. Странно. Стали возникать тревожные мысли — на фронте-то не все так успешно, как следовало еще из недавних сообщений о продолжающемся наступлении наших войск под Москвой.

Авиационный завод, восстановленный на месте уехавшего, уже работает. Вдоль протяженного заводского забора на внешней стороне вырыты крытые бомбоубежища в

большом протяженном сквере. Рядом вместо цветочных клумб картофельные грядки. Но город немцы не бомбили до сих пор, ни осенью 1941 года, ни в 1942 году.

Во второй половине июля возобновились занятия в техникуме. Сначала меня зачислили в группу «Литье цветных металлов». Специальность, как убеждали меня доброжелатели, редкая, чрезвычайно ответственная, хорошо оплачиваемая. Меня же тянуло туда, где можно быть рядом с самолетом. С большим трудом добился перевода в группу «Монтаж и испытания авиамоторов».

После того, как мы справились с перевозкой от пристаней возвращенного имущества, продолжавшейся некоторое время и после начала учебы в вечернее время, нас, нескольких студентов из общежития, пригласил директор техникума Николай Васильевич Подгорнов и попросил в свободное от учебы время помочь в восстановлении парового отопления и водопровода в двух больших 5-ти этажных домах, отведенных под общежития студентов и квартиры преподавателей техникума.

Оказалось, что прошлой осенью, в ноябрьские дни 1941 года, в спешке эвакуации авиазавода, авиаинститута и авиатехникума не слили воду из системы отопления покидаемого Северного поселка — основного жилого массива авиационного завода. В те же очень морозные дни в конце ноября 1941 года все трубы разорвало.

Эвакуация-то авиазавода, института и техникума в последней декаде ноября 41 года действительно была очень спешной. Конец ноября — предельно опасная обстановка у стен Москвы, севернее и южнее её. Между станцией Яхромы и городом Дмитров немцы на плечах отступающих частей перескочили через канал Москва — Волга и в считанные часы могли перерезать стратегическую магистраль — железную и шоссейную дороги, идущие к Москве с севера от Мурманска и Архангельска, из Сибири и Урала через Киров (Вятку) и Ярославль. По этой магистрали идут стратегические резервы войск, авиамоторы, самолеты и многие другие виды вооружения в войска, защищающие Москву.

Вторая половина 1942 года прошла в напряженном труде, в настоящем трудовом порыве. Полдня на занятиях в техникуме по довольно напряженной программе. После занятий — в слесарных работах по восстановлению центрального отопления в больших пятиэтажных домах, отведенных техникуму под квартиры преподавателям и общежитие студентам. Перебираем радиаторы водяного отопления, пилим трубы, гнем их по шаблонам, раскалив на горне нужный изгиб трубы, предварительно засыпав в неё сухой песок, нарезаем резьбы, монтируем на месте стояки, подсоединяем перебранные батареи. Словом, делаем полный профиль всех слесарных работ по монтажу водяного отопления. Троих из нас, хорошо овладевших этим делом, зачислили на штатные должности слесарей-водопроводчиков 3-го разряда. Оформляют рабочие продуктовые карточки, при случае подбрасывают что-нибудь из продуктов. Работаем добросовестно, старательно вторую половину каждого дня и в воскресные дни допоздна. Другие студенты также параллельно с учебой часто привлекаются к каким-нибудь срочным работам. Вытаскивают сплавные бревна, корчуют, перекапывают большой участок земли, отведенный техникуму под подсобное хозяйство. Несколько раз студенты привлекались к разгрузке металлолома, идущего из прифронтовой полосы на переплавку. В этом металлоломе попадались нераззорвавшиеся снаряды, остатки человеческих тел. Все это для юношей, только что

покинувших школьную скамью крайне необычно. В таких работах, напряженном труде рано мужало поколение школьников, вступавших в жизнь в годы войны.

К началу холодов, к октябрю 1942 г. наша небольшая бригада, возглавляемая сотрудником техникума Н.Н. Неустроевым, восстановила систему водяного отопления в двух больших пятиэтажных домах. Все сделали, как положено. Батареи отопления, хорошо перебранные, поставили везде, систему опрессовали, немногие течи устранили. Директор техникума работой доволен, нам повысили квалификационные разряды как слесарям водопроводчикам. У меня стал 5-й разряд. Хорошо заплатили за выполненную работу. Меня без отрыва от учебы оформили слесарем, дежурным по отоплению нашего большого дома, знали, что всю схему отопления, соединения труб-стояков с верхним и нижним розливом, сливные вентили и отводы от них, расширительные бачки на чердаке знаю хорошо, найду в темноте на ощупь.

После ввода в строй отопительной системы нашего большого дома наверстал некоторое отставание в учебе. Зимой 1942 — 43 годов наша работа выдержала без единой аварии. С учебой тоже все благополучно, экзамены за первый курс техникума сдал успешно.

Все, вроде бы, шло хорошо, лишь неотступно терзала мысль: страна воюет, а ты тут в тылу возишься с трубами, да батареями водяного отопления. Периодически ходим в военкомат, снова и снова напоминая о себе, о нашем стремлении поступить в военные авиаучилища или авиашколы. Обещают дать знать, когда к ним поступают разнарядки по набору в такие училища.

Быт постепенно налажился, на заработанные деньги немного приоделся. В техникуме стали работать некоторые мастерские бытового обслуживания студентов. Такие мастерские организовали эвакуированные из западных областей хорошие мастера своего дела. Особенно хорошо работала швейная мастерская. Я, по примеру своего напарника по путешествию в Уфу и обратно В. Кравченко, купил на базаре поношенную шинель, и мне сшили в нашей мастерской из этой шинели, предварительно перелицевав её, великолепно сидящую на мне шинель, всем на зависть. Проблема с зимней одеждой была решена для меня на многие годы вперед.

Ускоренными темпами развивался восстановленный на месте эвакуированного в Уфу такого же профиля новый большой авиазавод. Заработали во всю все вспомогательные заводские предприятия и службы: фабрика-кухня, поликлиника, душевой комплекс, магазины, дворец культуры — огромное здание, построенное еще до войны. В нем почти ежедневно идет кино, длительно гастролирует московский театр оперетты с участием известных артистов. В просторном здании бывшего авиаинститута выделено просторное помещение — зал под собрания и праздничные вечера. Возникла своя художественная самодеятельность. Запомнились литературные чтения интересных глав из рукописи своей книги М.А. Рапова, преподавателя предмета «Холодная обработка металлов». Много лет спустя, в 1960-х годах мне попалась на глаза его книга «Зори над Русью», книга о времени, предшествующем Куликовской битве и о самой битве. С интересом её прочитал, узнав те главы, которые читал нам автор еще в Рыбинском авиатехникуме. Затем появилась другая его книга «Каменные сказы» об архитектуре древних монастырей Ярославского края. С большим вниманием прочитал в ней главы о хорошо знакомом мне по детству Борисоглебском и

ростовском Яковлевском монастырях. Позднее на Дне книги в Военно-воздушной академии мне попала на глаза книга О.М. Рапова «Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства». Сразу понял — сын М.А.Рапова. Удивительное, но нередкое явление: о древности более проникновенно, чем многие дипломированные историки, написал человек, основная профессиональная деятельность которого была очень далека от истории как науки. И потомки, как следствие этого, пошли уже по другому пути...

В апреле 1943 г. в магазинах и киосках города появился в изобилии березовый сок, подкрашенный почему-то в зеленый цвет, цены такие же, как на обычные прохладительные напитки. В конце мая, в июне в меню столовой появились щи из лебеды. Городская власть заботилась о доступном витаминизировании населения.

МЕЧТА ЗВАЛА ЛЕТАТЬ

В привычном установившемся режиме прошла почти вся первая половина 1943 года. Вторая половина, точнее — июнь 1943 года началась неожиданными интенсивными немецкими бомбардировками военных заводов и неизбежно — жилых окрестностей Рыбинска. В основном немцы стремились разбомбить возрожденный вместо убывшего в Уфу авиамоторостроительный завод, который к этому времени стал выпускать уже значительное количество авиамоторов последней модели конструкции В.Я. Климова — М-105, ВК-105 М.

До июня 1943 года Рыбинск немцы, можно сказать, не бомбили, по крайней мере — в то время, когда мне довелось там быть (29 августа — 25 ноября 1941 года и с середины июня 1942 года до июня 1943 года). Один налет немецкой авиации на Рыбинск в декабре 1941 года, кажется, все же был, но один налет — это не то, что было в июне 1943 г. Об этом одиночном налете на Рыбинск я прочитал в очерке немецкого историка авиации Грефрата «Немецкие ВВС в войне против России» в книге «Мировая война 1939 — 1945 годы». На стр. 474 там есть такие строки:

«... За время с 4 октября по 6 декабря 1941 года на Москву было совершено еще 53, а на Ленинград 30 налетов... Кроме того, несколько налетов было совершено на Ростов, Горький (5, 6 и 12 ноября) и Рыбинск (2 декабря)». Здесь имеется в виду, конечно, Ростов-на-Дону.

Но все говорит за то, что немцы, после успешного для них начала войны, возмечтали захватить Рыбинск и Ярославль, точнее — военные заводы этих городов, целехонькими. Мечтали даже продвинуться в этом месте до тундры. Об этом так говорится в книге К. Рейнгардта «Поворот под Москвой»:

«В то время как 2-я танковая армия должна была обойти Москву с юга и замкнуть кольцо окружения восточнее города, 4-я танковая группа должна была осуществить тот же маневр с севера, предусматривая при этом фланговые удары по Рыбинску и Ярославлю... После разгрома противостоящих группе армий «Север» сил противника предполагалось занять такие позиции, которые прикрывали бы войска с севера-востока и севера. Таким образом, всякое давление на них противника из глубины страны в течение зимних месяцев было бы исключено и потребовалось бы меньше сил для

решения этой задачи. Цель заключалась в том, чтобы при условии занятия Рыбинска выйти на рубеж Вологда, Озерный край, к границам тундры и перерезать единственную железную дорогу, ведущую от Белого моря в центральные районы России...».

В то же время бомбардировка Рыбинска входила в основной первоначальный стратегический план войны с Россией. В той же книге на стр. 469 сказано, что план развертывания немецких ВВС в числе прочего сводился «... К организации и проведению мощных ударов по объектам военной промышленности русских и, в частности, налетов на такие города, как Москва, Горький, Рыбинск, Ярославль, Харьков, Тула».

Теперь же, перед Курской битвой немцы, было видно, отложили надолго свою мечту обойти Москву с севера и устремились наверстать упущенное в разрушении военной промышленности в верхневолжских городах, начиная с Рыбинска. Почти весь июнь 1943 года Рыбинск, как и все промышленные города по Волге — Ярославль, Горький, Саратов немцы подвергли яростной бомбардировке. О тех бомбардировках Рыбинска 1943 года я написал ранее в своей книге. Здесь останавливаться на подробностях не буду. Единственное, что, может быть, стоит отметить еще раз — это то, что ночные налеты на Рыбинск немцы производили в одно и то же время, минута в минуту — пять минут первого ночи. С такой же пунктуальностью в одно и то же время они бомбили Горький. Этот факт о пунктуальности ночных налетов немецкой авиации на Горький был отмечен в телепередаче по случаю одного из юбилеев Горьковского автозавода. Я смотрел эту телепередачу и запомнил слова о бомбежке, сказанные ведущей телепередачи.

Наша ПВО того времени была бессильна против этих ночных бомбардировок. Похоже на то, что временную слабую активность немецкой авиации в первой половине 1943 года наше авиационное командование ошибочно приняло за высокую эффективность действий нашей бомбардировочной авиации, якобы разгромившей аэродромы немецкой авиации. В действительности немцы готовили мощные удары по нашей военной промышленности перед наступлением на Курской дуге, в первую очередь по авиационной промышленности, значительная часть которой находилась в волжских городах: Рыбинске, Ярославле, Горьком, Саратове, Куйбышеве.

Бывший нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин в своих воспоминаниях «Крылья Победы» так пишет о немецких бомбардировках наших авиазаводов летом 1943 года:

«Нарастающий выпуск самолетов и моторов был омрачен бомбежкой некоторых наших заводов противником в середине 1943 года. Правда, общий ущерб от этого был не столь значителен, на который рассчитывал враг, но отдельные заводы все же пострадали, особенно самолетостроительный в Саратове. Первыми же бомбами было выведено из строя водоснабжение, и возникшие во многих местах пожары оказалось нечем тушить. Прилетевшие из Москвы в Саратов первый заместитель наркома П.В. Дементьев, заведующий отделом ЦК ВКП(б) А.В.Будников и представитель Военно-Воздушных Сил Я.Л. Бибилов застали еще пожар и принимали участие в его ликвидации. Впечатление было такое, что нет больше завода. Остались обгоревшие стены корпусов и станки, многие из которых вышли из строя. Полы этого завода,

строившегося как завод комбайнов, выстланные деревянной шашкой, которая за время работы завода промаслилась, оказались хорошим горючим материалом».

Это, пожалуй, единственное свидетельство бывшего официального лица, притом довольно высокого ранга, о бомбардировках наших тылов в 1943 году.

К началу июля ночные бомбардировки Рыбинска также внезапно прекратились, как и начались. Вся немецкая авиация сосредоточилась на Курской дуге. Очевидно, что интенсивные бомбардировки немцами военных заводов Рыбинска, Ярославля, Горького, Саратова входили в стратегический план решительного наступления в том районе...

Июньские бомбардировки Рыбинска 1943 года не остановили ни ритм жизни города, ни нашей студенческой среды. Постоянные бомбежки проходили только по ночам. Днем была сброшена одна единственная бомба в день начала бомбардировок. Мне случайно довелось наблюдать полет этой бомбы от её отцепления от самолета до разрыва на территории завода, о чем был мой рассказ в упомянутой выше книге.

Наша учеба шла своим чередом. Летом 1943 года мы прошли две производственные практики. Одну по холодной обработке металлов на одном из военных заводов Рыбинска, (не авиационном), на котором делали минометы. В цехе, куда нас, нескольких студентов, направили, точили корпуса мин для минометов. Нам самостоятельно точить эти мины не доверяли, поэтому интерес к этой практике быстро исчез. Этим же летом прошли более интересную практику на сборке авиамоторов. Я попал к монтажнику, который собирал учебный авиамотор М-105 для какого-то учебного заведения. В этом мне повезло — мастер доверил мне выполнять многие операции по сборке этого мотора. Наверное, неслучайно дал возможность перетянуть и оборвать одну из шпилек крепления головки блока цилиндров, после чего подробно инструктировал, насколько ответственна операция крепления блока цилиндров двигателя, как легко допустить при её выполнении брак и насколько трудоемка операция извлечения оборванной части шпильки из корпуса блока цилиндров.

В конце июля, в августе и всю осень на городских рынках много было овощей: морковь, огурцы, горох, репа, свекла. Цены в этот период на овощи были низкие, почти довоенные. И каждый, у кого в доме имелся погреб, мог запастись на весь год овощами, позднее — соленьями. Холодильников тогда не было, домашнего консервирования в нынешнем понимании, по-моему, — тоже. Заготавливали овощи впрок в основном путем засолки, сушки, хранения при низкой температуре в погребе или в подполье. Студенты из сельской местности нужды в продуктах питания практически не испытывали, часто ездили за продуктами домой. Командировочные предписания, необходимые в то время для проезда по железной дороге, администрация им выписывала охотно, они, естественно, делились с ними продуктами.

Иногородным студентам из дальних мест такой способ самоснабжения продуктами был недоступен, и они питались только тем, что давали в столовой или что можно было купить на базаре. Но там, вне сезона созревания, все продукты были дорогие. Хлеб всегда был очень дорогой — 70 — 100 рублей за килограммовую буханку черного хлеба, белого хлеба на рынке я никогда не видел. Промышляли продукты каждый из несельских студентов, кто как мог. Подделывали карточки на хлеб, талоны в столовую, выменивали на рынке на что-нибудь. Нашей небольшой

компании, четыре или пять человек, постоянно выполняющей какие-нибудь срочные работы для техникума, завхоз техникума время от времени что-нибудь подбрасывал из продуктов. Однажды даже отпустил по государственной цене 40-ка литровую бутылку пива, выделенную властями города по случаю какого-то торжества, и мы пили её чуть ли не целый месяц как доппаек к ужину. Так вот и жили-были.

В конце 1943 года, наконец, дошла весть: военкомат набирает команду для поступления в летное училище. Мы, несколько стремившихся в военную авиацию, уже примелькались у начальника 2-й части военкомата, и нам было сообщено о наборе в летное училище в первую очередь. Медицинскую и мандатную комиссии прошел благополучно, нахожусь в списке кандидатов в летное училище. Несмотря на то, что все студенты авиационного техникума призыву в армию не подлежали, добровольцам уйти в армию военкомат идет навстречу. Радостному настроению нет границ...

Но преждевременное радостное настроение привело к коварному расслаблению. К учебе стал относиться шалей-валяй, не сдал какие-то зачеты и два экзамена за 2-й курс техникума. Непомерно много времени стал проводить в беспорядочном чтении допоздна лежа. Ожидание отправки в летное училище затянулось месяца на полтора. Во второй половине февраля 1944 года поступает из военкомата команда быть готовым к отправке в летное училище и срочно пройти повторную медкомиссию. На ней совершенно неожиданно и обнаружилось последствие увлечения чтением лежа. Зрение левого глаза вместо постоянной единицы, упало до 0,6. И — немедленный вывод комиссии: в летное училище по зрению не годен. Это был очередной, совершенно непредвиденный удар судьбы. Из команды, отправившейся в летное училище, я был отчислен. Благодушно-беспечное настроение сменилось тяжелым угнетенным состоянием.

В ПОЛКОВОЙ ТАНКОВОЙ ШКОЛЕ

После отчисления из команды, отобранной для поступления в летное училище, из-за резкого ухудшения зрения одного глаза я попросил направить меня туда, откуда легче всего попасть на фронт. Меня направили на пересыльный пункт в Ярославль, а оттуда, долго не разговаривая со мной — в Москву, в общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР. Там на мандатной комиссии я на пехотинца учиться отказался, мотивируя отказ стремлением поступить в авиатехническое военное училище, а на фронт готов поехать хоть сейчас. Но было уже такое время, когда без предварительного обучения ни в какие маршевые роты добровольцев не посылали. Я снова оказался на пересыльном пункте, в Москве. После недельного ожидания на пересыльном пункте появился «покупатель» из танковой школы. Расспросив его, что это за школа, кого там готовят, узнав, что срок обучения там всего 4 месяца, я попросил зачислить меня туда. Этой школой оказался 9-й учебный танковый полк, расположенный на окраине города Владимира. Зачислен я был в учебный батальон, готовивший радистов-пулеметчиков. Это мне в сложившейся ситуации подходило: и военная специальность романтическая, и

одновременно гражданская специальность будет — радист. И срок обучения небольшой.

Недолгий карантин, повторные комиссии и — за учебу. Изучаем устройство и принцип действия танковой радиостанции РСИ-3. Все очень интересно. В соседних классах пищит морзянка... Но неожиданно весь учебный батальон радистов-пулеметчиков переводят на подготовку по новой специальности — заряжающий — младший механик-водитель. Никакие доводы о том, что в военкоматах о такой специальности разговора не было, просьбы о переводе на другую специальность не принимаются во внимание. Аргумент один — Родина требует, на вооружение поступает новая модель танка Т-34-85 с более мощной, чем раньше, пушкой, с новой башней, специальности радиста-пулеметчика теперь нет, на радиостанции теперь будет работать сам командир танка, а новая специальность заряжающий-младший механик-водитель очень ответственна. Ничего не поделаешь — пришлось смириться, надеясь на то, что из младшего механика-водителя при желании можно сделаться основным механиком-водителем.

За интересной учебой незаметно пролетело время. Основное внимание — изучению техники: устройство всего танка, устройство полуавтоматики пушки, принцип ее действия, отдельных ее механизмов — затвора, системы автоматического закрывания затвора, постановки ударника на боевой взвод, выбрасывания гильзы и подготовки всех механизмов для нового выстрела. Детально изучается новый прицел танковой пушки ТШ-15. Много внимания уделяется устройству, разборке и сборке пулемета ДТ — Дегтярев танковый. С интересом участвуем в соревнованиях — кто скорее с завязанными глазами разберет и соберет пулемет и затвор танковой пушки. Это было очень полезное соревнование. Мне в боевой обстановке пришлось действительно в темноте разбирать пулемет, сразу обнаружить неисправность — поломку выбрасывателя гильз и устранить ее. Также детально изучались унитарные патроны к пушке (единое целое снаряда и гильзы), устройство взрывателей. Довольно обстоятельно изучаются и все другие системы и агрегаты танка — дизельный двигатель В-2, коробка перемены передач, бортовые и главный фрикционы. Особенно тщательно отрабатываются практические навыки по устранению неисправностей ходовой части танка: замена траков и соединительных пальцев гусеницы, ее натягивание. Эти операции приходилось выполнять также в боевой обстановке на фронте. Хорошему усвоению программы обучения способствовали великолепные учебные пособия, абсолютно весь танк и все его агрегаты были представлены в разрезах и на хороших плакатах.

Хуже обстояло дело с питанием. В отличие от военных училищ танковая школа питалась по 2-й тыловой норме. Норма эта была явно слабовата для 18 — 19-летних парней с 16-ти часовым рабочим днем. К тому же она неизбежно урезалась по пути от продсклада через кухню до тарелки курсанта. В конце апреля у многих курсантов появилась «куриная слепота», то есть резкое ухудшение зрения в сумерках. Срочно было усилено питание: на праздничные майские дни к завтракам и ужину добавляли по большой порции американского первосортного бекона. За три дня усиленного питания «куриная слепота» исчезла.

Танковую полковую школу я окончил успешно, практически за два месяца, добившись перевода в выпускной взвод и сдав при этом все экзамены только на отлично. Командир роты обещал даже всем, сдавшим экзамены на отлично, краткосрочные отпуска, но эта его самодеятельность не прошла, решение этого вопроса зависело не только от него... Но так или иначе я — хорошо обученный специалист-танкист, заряжающий-младший механик-водитель танка Т-34-85, сержант Советской армии. Чувствую уверенность в своей специальности. Хорошо знаю устройство всего танка, танкового дизельного двигателя, пушки, пулемета и прицела, всей ходовой части. Все упражнения по стрельбе из пушки выполняю только на отлично. Нет только опыта в вождении танка, а к этому очень тянет, и есть уверенность: как только сядем в свой танк, такой опыт приобрету в короткий срок. Так и вышло после того, как получили на Сормовском заводе под Горьким тридцатьчетверку последней модели с мощной 85-мм танковой пушкой совместной конструкции Грабина и Петрова.

Незадолго до выпуска из танковой школы нам устроили ночной поход, входящий, видимо, в основную программу обучения. Среди ночи начался затяжной дождь, промокли насквозь и в каком-то кустарнике, потеряв ориентировку, я завалился спать. Проснулся утром весь промокший с мыслью: отстал от взвода, как же его найти? Каково же было мое удивление, когда обнаружил, что поблизости спал почти весь взвод. Как ни странно, никто тогда не заболел, мокрая шинель изнутри все же сохраняла тепло. После этого проникся особым уважением к солдатской шинели.

После выпускных экзаменов весь выпускной взвод был направлен в запасной танковый полк 3-й учебной танковой бригады под Горький (ныне Нижний Новгород). Там из нескольких таких же выпустившихся взводов сразу сформировали экипажи, включив в их состав командиров экипажей танков — офицеров. В нашем экипаже командир — лейтенант Кисенко, судя по ордену Красной Звезды, уже воевавший. Механик-водитель сержант Орлов, командир орудия сержант Веретнов и я, сержант, заряжающий-младший механик водитель. Несколько недель нам предстоит прожить в лагере, в землянках в ожидании приглашения на завод за получением танков, занимаясь в этот период тактической подготовкой «пешим по танковому». Это такие занятия на местности, когда экипажи в полном составе перемещаясь пешком, рассредотачиваются между собой на уставные интервалы, предусмотренные для танков, 30 — 50 метров, начинают двигаться пешком, обозначая танковую атаку, подают и исполняют команды и сигналы по целеуказанию, типу целей, стрельбе с места, с короткой остановки или с ходу. Занятия эти, часто практикуемые при отсутствии танков, довольно скучные, терпимые только потому, что проходят на свежем воздухе и у хорошего командира каждый раз на новом месте.

В землянках, хорошо обшитых изнутри тесом, пришлось провести только одну ночь и то практически без сна. Оказалось, они были уже до нас перенаселены... клопами. Эти мерзкие насекомые перемещались по потолку землянки и падали на лежащих на нарах по своему выбору. Бороться с ними было бесполезно, их было в каждой землянке несметное множество. Все последующие ночи спали кто где может, благо был июль месяц и мало дождей. Просто на земле, завернувшись в шинель, на сцене летнего клуба, на лавочках. Трудно представить, что творилось в этом лагере

осенью или зимой в холодную погоду. Создавалось впечатление, что клопов в запасном учебном полку разводили специально для того, чтобы люди скорее рвались на фронт.

Но, наконец, нас собирают по тревоге и направляют на знаменитый Сормовский завод, воспетый Горьким, получать танки. В одном из заводских корпусов, рядом с цехом термической обработки, оборудована большая спальная комната на три десятка кроватей, рядом умывальная комната и некоторые другие удобства. В этой комнате нас и помещают, выдают котелки и сухой продпак (концентраты супов и каш, сухари, сахар). По заведенной традиции все готовят сами в термических цехах. Там в узеньких вентиляционных окошечках мартеновских печей мы и приспособились готовить себе обед. Армейский котелок воды закипал в таком окошечке за несколько минут, через 15 минут суп или каша готовы.

Вся танковая рота распределена по цехам на работу, больше всего — в сборочный цех. Там и хорошая практика нам и реальная помощь заводу в ускоренной сборке танков. С усердием монтируем к корпусу опорные катки, ведущее колесо гусеницы, ведомое колесо, натягиваем гусеницы. На эти операции обращалось много внимания и в танковой школе, а теперь — хорошая практика. В скором времени эти навыки очень пригодились на фронте.

Быстро промелькнули две недели работы в цехах Сормовского завода... Поступает команда — роте принять готовые танки. Каждый экипаж принимает для себя танк. Командиры танковых взводов инструктируют экипажи о порядке приемки танков. Требуют от командиров танков подойти к приемке самым серьезным образом, предупреждают о том, что имели место случаи пропажи имущества, особенно танковых брезентов, во время приемки танков. Все эти требования командиры танков переадресовывают нам: проверить обязательно по номерам все принимаемое вооружение, боеприпасы, снаряды, гранаты, пулеметные диски, дымовые шашки, автомат ППШ, запасы патронов к пулеметам и ППШ. Внимательно принять и все вспомогательное имущество: брезент, шанцевый инструмент (пила, топор, лопата), бортовые часы, продовольственный НЗ (неприкосновенный запас), фляги для воды. Мы с командиром орудия Веретновым тщательно проверяем крепление пушки и обоих пулеметов (спаренного с пушкой и нижнего лобового). Пулеметчиков в экипажи не включили, их готовить перестали, придадут, когда прибудем на фронт в боевые части. Проверяем работу затвора пушки, ее полуавтоматику в действии. Все сверяется с номерами приемочных ведомостей. Я дополнительно помогаю механику-водителю проверить двигатель, так как знаю У-образные двигатели еще по авиатехникуму и в танковой школе старался изучить новый для меня тип двигателя — дизельный мотор — досконально. Проверяем мотор и в действии, несколько раз заведя его от аккумуляторов, от баллонов со сжатым воздухом. Я нахожу все новые и новые поводы повторять эти операции, мне не терпится приобрести навыки механика-водителя и скорее начать практиковаться в вождении танка. Механик-водитель Орлов идет мне навстречу и, действительно, с первых же дней при всякой возможности доверяет мне рычаги. Командир танка лейтенант Кисенко тоже поддерживает мое стремление. Взаимозаменяемость в экипаже танка дело нужное и серьезное.

Принимаем танки весь день, до вечера. Наконец все закончено, каждый член экипажа расписался в приемочных ведомостях и зачехлили танки, оставив их в сборочном цеху. На ночь выделили своих дежурных для охраны целостности многочисленного имущества, входящего в комплект оборудования каждого танка. Предупреждены еще раз — случаи пропажи танковых брезентов в прошлом имели место. На другой день все же обнаружилась в одном из танков пропажа. Да не чего-нибудь, а... пулемета. Об этом невероятном событии шепотом передают друг другу командиры танков, но те, конечно, сразу также потихоньку делятся этой вестью со своими экипажами. Командир танка, в котором случилась пропажа, сам не свой, ему — трибунал. Понятно, если бы пропала вещь, нужная в хозяйстве — брезент, пила, топор, лопата, а пулемет? — невероятно. Весть эта как-то сильно обескуражила всех.

Тревожное возбуждение танкистов, разговоры вполголоса привлекли внимание отдельных рабочих. Те успокоили: дело поправимое. Обрадовавшийся командир танка, взводный и ротный сразу заверили: отблагодарим, как надо. И вскоре новый пулемет с выбитым нужным номером был негласно доставлен. Все были рады такому благополучному завершению происшествия. Потом рассказывали — оно обошлось танковой роте (командиры танков сбросились) в восемьсот рублей деньгами, несколькими кусками мыла и несколькими пачками махорки. Вот и так, бывало, провожали на фронт защитников Родины. Это событие породило, наверное, самые разные мысли у каждого, кто знал о нем, а знала о нем вся танковая рота — 50 человек. Я с подлым поступком со стороны взрослых людей тогда столкнулся во второй раз (первый раз в Уфе, зимой 1942 года, когда нас, двух неопытных парней-студентов, с истощенными лошадьми бросили в пути опытные возчики из местного населения). Было понятно, что на знаменитом заводе действовала какая-то небольшая, возможно, всего в составе двух человек, подлая шайка, занимавшаяся кражей боевого оружия, перебивкой номеров и продажей краденого воинам Красной Армии, отправлявшимся на фронт. Психологически все было рассчитано точно: жаловаться пострадавшие не будут, дорожке обойдется, за выручку из беды хорошо заплатят, сбросившись коллективно.

На другой день, рано утром, после оформления документов выезжаем за ворота завода по до невероятности изрытой гусеницами танков улице поселка и сразу на полигон для испытательного пробега и всесторонней проверки оружия стрельбой. Программа этой всесторонней проверки танков довольно насыщена, целый день по изрытой танками ухабистой местности по кругу километров в двадцать проходим на разных скоростях с периодической стрельбой из пушки с места, с короткой остановки, сходу. К вечеру от длительного встряхивания на ухабах и порохового дыма, который порой не успевают откачивать оба башенных вентилятора, гудит голова, пропал аппетит. Проходит испытания не только боевая техника, но и экипаж. У нас все в порядке, но не у всех обошлось без происшествий. В одном танке спаренный с пушкой пулемет оказался плохо закрепленным, ствол сместился по отношению к отверстию в броне, пули при стрельбе рикошетом пошли внутрь танка и серьезно ранили в грудь заряжающего. Он сразу же был отправлен в госпиталь.

На другой день нас обмундировали во все новое. Танки в это время самые опытные механики-водители загнали на платформы со специальных аппарелей,

закрепили, и в этот же день мы отправились на запад через Москву. На другой день, 18 августа где-то близко от Москвы наблюдали салют в честь Дня Авиации. С грустью я наблюдал этот салют, совсем недавно, казалось, осуществилась моя мечта, поступаю в летное училище. И вдруг такой крутой разворот. Утешала лишь мысль: зато еду на фронт воевать, овладев грозным оружием.

Глава 4. НА ФРОНТЕ. ПРИБАЛТИКА

ПЕРВЫЕ ФРОНТОВЫЕ ДНИ

Наш эшелон с 10-ю танками в конце августа 1944 года прибыл в Каунас. Перед этим в Вильно рано утром, после дежурства в последние два часа ночи в танке я отстал от своего эшелона и догнал его только вечером. Сначала ехал на заливочной площадке у горловины цистерны эшелона с горючим, затем пересев на второй и третий эшелон, идущий к фронту, побывав даже часа два кочегаром в будке у машинистов, догнал свой эшелон в Каунасе. Командир танка переволновался, конечно, больше всех за мое отставание. С него бы был основной спрос, если до вышестоящего командования дошли бы сведения об исчезновении одного из членов его экипажа. В лучшем случае — штрафная рота. Спрос с командиров за дезертирство их подчиненных в Советской Армии был очень строг. Так что, когда я к вечеру возник снова у платформы, на которой стоял наш танк, а экипаж внизу у неё варил кашу, возник грязный, раздетый и голодный, командир танка не ругал меня, не попрекал, понял мое состояние без объяснений и чуть ли не расцеловал меня.

Ночью наш эшелон снова двинули в путь, сначала обратно до Вильно, затем повернули на север. Под утро выгрузились на горячей еще после налета немецкой авиации станции Выру, на границе Эстонии и Латвии. Похоже было на то, что немцы ожидали прибытие нашего эшелона с танками, но поторопились с бомбежкой станции нашей выгрузки, а может быть, машинист, видя впереди бомбежку станции, задержал свой эшелон на подходе к ней. Так или иначе, под бомбы мы не попали, до следующего воздушного налета наши танки, специально выделенные опытные механики-водители танковой бригады, в которую мы вливаемся, успели свести с платформ по специальным аппаратам и отвести в лес в выжидательный район 183-ей танковой бригады 10-го Днепровского танкового корпуса. Там нас в строю позкипно представляли командованию танковой бригады, дополнили экипажи пулеметчиками, выдали вместо комбинезонов черные, несгораемые, как было сказано, американские костюмы из искусственной какой-то кожи, придали отделение десантников-автоматчиков и поставили в оборону на опушке леса, приказав немедленно выкопать для танков окопы и поставить в них танки. Полдня вместе с приданными автоматчиками тщательно роем среди корней деревьев первый наш танковый окоп,

загоняем в него танк кормой к лесу, маскируем ветками башню, единственное, что возвышается над землей, расчищаем впереди отведенный нам сектор обстрела.

Наш, теперь уже наш, 10-й Днепровский танковый корпус (10 ДТК), вошел в состав 3-го Прибалтийского фронта, став его основной ударной силой.

Вскоре по прибытии нашей маршевой танковой роты в состав 183 танковой бригады было назначено большое однодневное тактическое учение по отработке взаимодействия частей корпуса. Поднявшись по тревоге, подразделения танковой бригады совершили небольшой марш и заняли «исходные позиции» на опушке леса перед довольно большим участком открытой местности, покрытой кустарником. Была поставлена задача по сигналу зеленой ракеты «атаковать противника», находящегося на противоположной опушке леса. Определены были для каждого экипажа цели (сделанные наспех силуэты пушек, отдельные деревья, кусты). Эти цели предстояло поразить выстрелами из пушек с ходу, с места и с короткой остановки...

По сигналу зеленой ракеты танки двинулись с места, раздались два пушечных выстрела и... взвились красные ракеты. По радио поступила команда — немедленно прекратить огонь, остановить танки. Недоумеваем, что-то случилось... Через некоторое время поступает команда — проверить маркировку всех унитарных патронов в боеукладках, вынуть и положить перед танками унитарные патроны с такими-то номерами. Оказалось, что первыми же двумя выстрелами разорвало стволы двух пушек. Ничего себе новость! У нас в танке таких номеров унитарных патронов не оказалось, у других — нам неизвестно.

Этим происшествием сразу же, надо полагать, занялись особы, которых в то время стали называть службой СМЕРШ — смерть шпионам. Происшествие с разрывом стволов пушек породило, конечно, у каждого из нас разные вопросы, в чем дело? Все пушки танков опробованы стрельбой в тот же день, когда танки были получены на заводах. Бомбежек нас, при которых стволы пушек могли получить сильные вмятины с деформацией внутренней поверхности каналов стволов, еще не было. Очень похоже на диверсию, причем хорошо продуманную. Штатные заводские взрыватели снарядов могли быть заменены специально подготовленными, поставленными на боевой взвод, на каком-нибудь складе боеприпасов. Мы очень хорошо знаем, что нормальный взрыватель становится на боевой взвод только при выстреле за счет инерционности его бойка. В этом же случае, похоже было, взрыватели, были заранее поставлены на боевой взвод и при встряске от выстрела ударили по детонаторам взрывателей в момент выстрелов.

Учение на выжидательной позиции юго-западнее Выру было немедленно отменено, танковая бригада была переброшена в какой-то другой выжидательный район, а оттуда, загрузив на борта танков второй боекомплект снарядов в ящиках — на исходную позицию, где танки находятся в состоянии высшей степени готовности к танковой атаке.

Начавшееся было наше учение с боевой стрельбой могло быть отменено и по другой причине командованием 3-го Прибалтфронта или, скорее всего, маршалом А.М. Василевским, так как оно было затеано не очень осмотрительно. Танковый корпус, основная ударная сила 3-го Прибалтфронта, таким учением демаскировал свое место расположения. Противник, чья разведка, наверняка внимательно следила за

сосредоточением советских войск в Прибалтике, сразу бы определила и тип танкового соединения, и его структуру, и количество и тип танков. А танки наши были новой модели — Т-34-85, оснащенные новой более мощной танковой пушкой ЗИС-С-53.

После незадачливого учения по сколачиванию взаимодействия частей корпуса нас перебрасывают с одной выжидательной позиции на другую в непосредственной близости от линии соприкосновения с противником, как будто для того, чтобы приучить к фронтовому грохоту артиллерийской канонады, близкому разрыву бомб и звукам пролетающих над головой мин и снарядов. Операция по прорыву обороны противника уже, видно, началась, стоит непрерывный гул артиллерийской перестрелки. И наша, и немецкая артиллерия бьют через наши головы. Над нами эскадрилья за эскадрильей идут на штурмовку советские штурмовики Ил-2, рядом с ними идут сопровождающие их истребители. Выше их, тоже в четком строю, летят на бомбежку немцев наши пикирующие бомбардировщики Пе-2, также в сопровождении истребителей. Через короткое время илы возвращаются обратно тоже над нами, разрозненно, у многих вместо хвостового оперения одни его ребра, сзади полощутся лохмотья обшивки хвостового оперения. Истребителей не видно, наверное, ввязались в воздушный бой с истребителями противника, и штурмовики остались без прикрытия.

Больше всего с земли приходилось наблюдать и в Прибалтике, и позднее в Восточной Пруссии отважные действия наших штурмовиков. И постоянно так: туда стройными рядами под прикрытием истребителей, обратно всегда сильно потрепанными, не все и без прикрытия истребителей.

Многократная переброска нас с одной исходной позиции на другую, почти каждодневная, изрядно нам осточертела, на каждой позиции надо было в обязательном порядке рыть для танков окопы. Эти, казавшиеся нелепыми действия нашего командования, изрядно изматывали силы. Лишь много лет спустя прочитал в одном из изданий воспоминаний маршала А.М. Василевского строки о том, что таким путем наше командование пыталось ввести противника в заблуждение о месте ввода в прорыв нашего такового корпуса.

Наконец-то под вечер 22 сентября 1944 года с исходной позиции в лесочке под пологим холмом, на которую мы встали пару часов тому назад, мы атакуем противника всей 183-ей танковой бригадой. Это была первая наша танковая атака, многие детали которой помнятся до сих пор. Её я подробно описал ранее, здесь детали опустим. Первая наша танковая атака закончилась для нашего танкового взвода тем, что два танка из трех засели в маленьком незаметном болотце за хутором, из которого мы легко выбили немцев. Правильнее может быть сказать — они, после нашего их обстрела из пушки с коротких остановок, покинули свои траншеи у хутора и отошли в лес. Всю ночь после этого мы вытаскивали свои танки. Для этого ротный выделил после отменной брани всего один танк, дополнительные буксировочные тросы, весом больше пуда, пришлось брать с других танков находящихся метрах в трехстах от нас, потом относить их обратно. Под утро, изрядно измотавшись, мы занял и свое место на новой исходной позиции нашего танкового батальона на опушке леса, вдоль дороги, ведущей к реке, мост через которую немцы разрушили. Там находятся наши автоматчики, а мы будем ждать здесь восстановления моста. Хочется спать, но моя

очередь дежурить у танка. Сажусь на башню, свесив ноги в открытый люк внутрь, и сразу задремываю сидя.

Неожиданно по дороге от переправы, закрытой от нас лесом, несутся на большой скорости, явно под наше прикрытие, лодки-амфибии, принадлежащие, наверное, саперам, наводящим новый мост. На вопросы — откуда, куда? — отвечают: немцы атаковали из леса сбоку наших автоматчиков и саперов, начавших восстанавливать мост. Сразу же от танка к танку передается команда: ротой атакуем немцев, вышедших к переправе. Танки вышли из леса на дорогу и в колонне двинулись к переправе. Немцы, увидев танки, выходящие из леса к реке, быстро исчезли без единого выстрела. Танки рассредоточиваются вдоль реки невдалеке от домов. Судя по карте — это мыза Дакста. Слегка маскируемся, за рекой, как сказано, наш небольшой плацдарм, на нем наши автоматчики ведут наблюдение за противником.

Из-за реки, откуда-то с закрытой позиции начинает бить по нам артиллерия одиночными выстрелами, но довольно часто. Чувствуется, она пристреливается к тому месту, где саперы восстанавливают мост. Саперы, не обращая внимания на взрывы снарядов, мужественно делают свое дело. Время от времени снаряды падают в воду, поднимая огромные столбы воды. Прошу разрешения у командира танка сбегать к реке, посмотреть — там же должно быть много глушоновой рыбы. Командир не разрешает. К тому же в этот момент налетают немецкие самолеты и сбрасывают бомбы, явно рассчитывая попасть по копошащимся у реки саперам, но мажут. Спустя некоторое время летят наши Ил-2 и бьют реактивными снарядами... тоже по переправе, но тоже мажут. Грозим им кулаками, материмся.

Передали весть, что скоро привезут нам обед, решаем дополнить его чаем — переправу восстановят явно еще не скоро. Надеюсь увидеть на воде глушоновую рыбу, вызываюсь сбегать к реке за водой, командир неохотно, но разрешает. Дождавшись падения очередного немецкого снаряда, бегу к реке по дороге к восстанавливаемому мосту. Недалеко от берега в этом месте у дороги стоит небольшой одноэтажный дом. В проеме открытой двери стоит женщина — лейтенант, молодая, красивая в хорошей шинели английского сукна, стоит в полный рост, наверное, демонстрирует солидарность с работающими под обстрелом и бомбежками саперами — строителями моста. Не иначе — замполит батальона или комсорг. Загляделся с восхищением на неё: опять где-то недалеко разорвался снаряд, а она демонстративно стоит во весь рост. Разные были женщины в армии, но я видел и таких вот, красивых и отчаянных, из тех, кто «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Спohватившись, бегу скорее к реке набрать воды. В это время раздался далекий выстрел немецкой пушки, обстреливающей переправу, и сразу же послышался уже хорошо знакомый громкий шелест падающего снаряда. По этому шелесту мы приспособились уже угадывать — далеко или близко упадет снаряд. Чувствую — упадет рядом. Щучкой бросаюсь в межу между грядками и прижимаюсь к земле. Снаряд, действительно, рванул где-то недалеко. Поднимаюсь, иду к воде, зачерпнув воду, осматриваю реку — всплывшей глушоновой рыбы не видно. Только тут пришла в голову мысль: рыба-то, наверное, давно ушла от этого проклятого места подальше, напуганная взрывами. На обратном пути, пробегая мимо дома, у дверей которого стояла красивая женщина-офицер, вижу её, лежащей на пороге с развороченным окровавленным боком, к ней спешат солдаты-

саперы... Жгуче жалко стало такую — молодую, красивую, отчаянную, но сознание того, что ты на фронте, и что такое придется теперь наблюдать часто, заставило переключить свои мысли и делать свое дело.

Вскоре, действительно, на прицепе за автомашиной прибыла батальонная кухня, встала недалеко в лесу. Двое из экипажа сходили к ней, принесли в двух котелках суп, кашу и по 100 граммов спирта, заправленного жженым сахаром — самодеятельность помпохоза нашего батальона Шапиро. Пообедали, попили чаю, обменялись последними впечатлениями. Курящих в экипаже никого нет, поэтому нет и лишнего трепа. Кто в танке, кто под танком завалились вздремнуть, артобстрел на нас уже не действует...

Приятную дремоту прерывает команда: экипажу приготовиться переправляться первыми по новому мосту — строительство его уже заканчивается. Переправляемся на малой скорости благополучно. На той стороне некоторые дома горят, видимо, от близких разрывов снарядов, наших автоматчиков не видно, у нас на броне их тоже нет. Выходим на опушку леса, осматриваемся. Впереди большое поле, за ним лес. По полю в нашу сторону передвигается группа немцев, похоже, с противотанковыми ружьями и тут же на поле вдруг проваливается, исчезает, наверное, в траншею. Это место мы засекли и начинаем бить по нему из пушки... Появляются и встают левее нас еще два танка на расстоянии метров 50-70. В это время начинается интенсивный обстрел нашей опушки. Немцы поняли, что танки переправились на эту сторону реки. Налетают немецкие самолеты, кругом рвутся бомбы и снаряды, осколки молотят по броне. Пришлось прикрыть люк. Но не запираю его, иначе становится очень душно, включенные вентиляторы не успевают откачивать пороховые газы. Артобстрел нас усиливается. Немцы приберегали снаряды, видно, для нас, или они подтянули еще своей артиллерии. Слева, высунувшийся на поле, наш танк горит. Похоже, из-за выступа леса справа бьют противотанковые пушки. Нам они, однако, не видны. Сзади нас все в огне. Делали переправа? Кругом непрерывный грохот... Проходит какое-то время в такой свистопляске огня, взрывов снарядов и бомб, но, наконец, оттуда обстрел слабеет, с нашей же стороны усиливается, подходят и подходят наши танки. Значит, переправа действует. Пушка у нас работает безотказно, откат орудийного ствола, несмотря на интенсивную стрельбу, нормальный. За этим я слежу внимательно, часто вспоминая наставления преподавателя по танковому оружию лейтенанта Булавы о том, чтобы после каждого выстрела обязательно следить за индикатором отката ствола орудия... Все идет нормально, как по боевому уставу. Мы переносим огонь на опушку леса, там, наверное, немецкие наблюдатели, их пехота, и очередная линия обороны...

Наконец, немцы совсем прекращают стрельбу по нам, и с закрытых позиций, и прямой наводкой. Прекратилась и бомбежка переправившихся танков. С нашей стороны стрельба тоже прекратилась. Становится очевидным — немцы отходят. Не зря мы палили из пушки не только по траншеям на поле, но и по опушке дальнего леса. Наверное, посшибали с деревьев и наблюдателей, и корректировщиков артогня.

Вскоре вся бригада выходит из леса на дорогу и выстраивается в колонну. Значит разведчики уже побывали впереди и установили, что противник отошел. Движемся малым ходом по дороге вперед. Примерно через час лес, по которому мы движемся,

слева от дороги переходит в большое поле. Впереди, в конце этого поля виднеется небольшой хутор. Немцев не видно, все спокойно. Выйдя из леса, вся танковая бригада останавливается. Комбаты собирают к своим танкам командиров танков, значительная часть экипажей «спешивается» — кто размяться, кто повидать близких друзей, узнать, все ли целы. Три танка посланы к хутору, разведать, что там. При дальнейшем движении он у нас остается на левом фланге. Устрой там немцы засаду, ударь по первому и последнему танку, и наша колонна понесла бы немалые потери. Сижу, как всегда, на башне, свесив ноги в люк, такое положение — хороший наблюдательный пункт... Неожиданно над нами на бреющем полете, поперек дороги прошел «мессер». Не успели моргнуть глазом, как говорится, он уже скрылся из вида. Он тоже вряд ли что мог рассмотреть на дороге, но явно немцы ищут нас, разведывают, куда подались. В этот момент сзади на дороге послышался какой-то необычный шум, возбужденные голоса, крики, но из-за снующих, спешившихся автоматчиков и танкистов ничего нельзя разобрать. И только когда шум совсем приблизился к нашему танку, с превеликим удивлением вижу немецкого мотоциклиста, виляющего между людьми. Все, у кого при себе оружие, хватаются за него, но стрелять нельзя — кругом свои, а немец, надо отдать ему должное, виляя между людьми, хладнокровно продвигается все вперед и вперед. Так и удрал, объехав всю танковую колонну. Невероятно, но факт.

В это время, посланные к хутору три наших танка, остановились перед ним, наблюдают. Потом вдруг открывают огонь из пушек, строения хутора загораются. К стрельбе тех танков самостоятельно подключаются некоторые танки с дороги, разбивают и сжигают весь хутор. Что там произошло, я так и не узнал — последующие события отвлекли от многого предыдущего.

К этому времени прошли уже сутки, как мы вступили непосредственно в бои. Одни только сутки, а сколько необычных событий, сколько впечатлений, И первая танковая атака, и стояние у разрушенной переправы под артиллерийским обстрелом и бомбами, и прикрытие переправы своих танков под интенсивным артобстрелом и непрерывной бомбежкой, и превращение молодой, красивой женщины-лейтенанта в изуродованное тело с развороченным наполовину боком, и дерзкий немец на мотоцикле, проехавший между людьми и танками всю колонну и безнаказанно удравший. Все смешалось — и трагическое и комическое.

НОЧНОЙ ПРОРЫВ НА ВАЛМИЕРУ

После событий, описанных в предыдущем параграфе, наш танковый взвод выделяется в головную походную заставу — ГПЗ нашего танкового батальона. Темнеет. Выдвигаемся вперед, идем осторожно на малой скорости, осматриваем местность сверху с командиром танка. У нас сверху башни обзор куда шире, чем у механика-водителя через передний люк, или у командира орудия через прицел или перископ. Наступившая быстро ночь безоблачная, тихая, теплая. Впереди по всему горизонту зарево, на его фоне хорошо видна вся панорама силуэтов впереди лежащей местности — лес, отдельные деревья, дома, скирды соломы. Механики-водители ведут

танки в темноте. Труднее всего ведущему передний танк, остальным легче — они видят стоп-сигналы впереди идущих машин.

Примерно через час впереди показалась деревня, её довольно хорошо видно, перед ней идут какие-то спешные работы. Мелькают силуэты людей, взмывают вверх лопаты. Похоже, немцы сооружают что-то оборонительное — или траншеи, или площадки для огневых точек, или окопы для танков. Останавливаемся. В самый бы раз ударить по немцам из трех танков с места — пушки заряжены, диски с патронами на пулеметах. Но командир танка жестами останавливает нашу прыть, ведет переговоры по радио с комбатом. После этого дает команду механику-водителю к развороту танка — ГПЗ приказано шума не поднимать, разведывать другие дороги, идущие от недавно проехавшего нами перекрестка. Возвращаемся к нему и расходимся от него по двум разным дорогам. Один танк остается на перекрестке поджидать весь танковый батальон. По-прежнему идем осторожно на небольшой скорости... Впереди опять деревня, в ней, кажется, все спокойно. Не останавливаясь, проезжаем её посередине. Но вдруг, сзади и слева, раздаётся автоматная очередь, наши автоматчики-десантники вскрикивают. Не сговорившись, никто не отвечает из наших на выстрелы. Останавливаемся только выехав из деревни, осматриваемся, двое из наших десантников-автоматчиков ранены, перевязывают их товарищи, и, уложив на надгусеничные крылья, привязывают к бортовым скобам. Прибавив скорость, следуем дальше. Вскоре опять на нашем пути — развилка дорог.

Останавливаемся, связываемся по радио со своим танковым батальоном, получаем команду разведать дорогу, которая идет перпендикулярно той, по которой только что попали сюда. Эта боковая дорога явно не основная, но что делается на ней, понятно, знать надо. Она обсажена старыми, толстенными деревьями и опасно узкая. Двигаемся не торопясь, осматриваемся по сторонам, все спокойно, но в километре неожиданно, за крутым поворотом, почти вплотную натываемся на преградивший дорогу танк. На фоне зарева хорошо виден его силуэт, пушка с пламягасителем на конце ствола направлена чуть в сторону от дороги. Это — «тигр». Все говорит за то, что он без экипажа. В деревне все спокойно, рядом на лугу мирно пасутся лошади. Быстро расстегиваю кассеты сзади в нише башни с бронебойными снарядами, заменяю осколочный снаряд на бронебойный, двигатель работает на малых оборотах, совещаемся. Решаем коллективно: развернемся и ударим по «Тигру» — такую возможность упускать нельзя. Водитель дает задний ход, затем поворачивает вправо и съезжает с дороги на луг, чтобы развернуться. Но танк наш начинает пробуксовывать, это мы хорошо чувствуем, луг, наверное, приболотный, низинный, вот-вот сядем на «брюхо». Встревожились, — беда, если засядем на обочине, «тигр» закрыт от нас деревьями, они ограничивают и разворот нашей пушки. Этот психологически очень напряженный момент я описал в книге, но нельзя не коснуться его снова и здесь. Все обошлось благополучно. Почти. Механик-водитель Орлов (Фамилии всех членов первого своего экипажа помню, а имена не помню) все же вывел танк из опасного места, не застрял, но при выезде непосредственно на дорогу между деревьями все же ударил в дерево правым ленивцем. От сильного удара командир танка ткнулся переносицей в кромку люка и, потеряв сознание, сполз вниз на боеую кладку. Из расстегнутой кассеты в нише башни полетели вниз бронебойные снаряды, один из

которых угодил по голове пулеметчику, сильно напугав его. Все же удар по голове, хотя и под ребристым шлемом, 16-ти килограммовым снарядом, удар ощутимый. После этого мы вчетвером решили с «тигром» не связываться, а скорее вернуться на развилку дорог и доложить о результатах разведки. Так и сделали. Наши действия комбат признал правильными, предупредив еще раз о нашей основной задаче: разведка и предотвращение неожиданных нападений противника из засад.

Весь батальон танков стоит с заглушёнными моторами на основной дороге, перпендикулярной нашей. Теперь наша ближайшая задача держать под наблюдением дорогу, по которой только что возвратились в готовности к её обстрелу. Невдалеке, чуть в стороне стрекочет то ли наш «кукурузник», то ли какой-то подобный немецкий самолет. Луны нет, под большими развесистыми деревьями нас сверху, похоже, не видно. Через некоторое время послышался новый звук впереди и чуть правее дороги — тарыхтение то ли танка, то ли трактора. Все слушают, пытаюсь угадать, что это такое. Наверное, всем ясно, что это одиночный объект, посланный, возможно, для разведки местонахождения наших танков, он явно приближается к нам. Вдруг из переднего танка, стоящего чуть впереди других танков на той дороге, раздаётся пушечный выстрел, спустя мгновение... дикие крики. Несколько человек, наверное, автоматчиков, побежали на эти крики. Как рассказали вернувшиеся, навстречу танкам ехал трактор с прицепом, в котором находились беженцы. Бронебойный снаряд попал в повозку и оторвал голову ребенку. Ситуация — та еще. Все набросились с упреками и руганью на лейтенанта Л., из танка которого был сделан поспешный выстрел. Настроение после этого нелепого случая — прескверное, наверное, у всех узнавших об этом, одинаковое, все проклиняют этого лейтенанта Л.

Комбат посылает его танк на разведку основной дороги, ведущей на юго-запад. Посылает именно его, убрать с глаз, чтобы не возбуждал ненужных в тот момент эмоции. Мы все остались на месте, устанавливается тишина, лишь где-то вдалеке стрекочет тихоходный воздушный разведчик. Ночь теплая, звездная. Навязываются воспоминания. Что-то делают сейчас мои друзья в Ростове — Ярославском. Казню себя за то, что не ответил тогда, в 1942-м на единственную открытку из Ростова, присланную мне в Рыбинск. Сейчас можно было бы узнать о всех, о ком сохранилась у меня добрая память, о детдомовцах, эвакуированных в мало кому известную Чухлому... Но раздается далекий пушечный выстрел, и я возвращаюсь в своих мыслях к действительности. Других выстрелов не слышно. Опять лейтенант Л. выдал что-то не то, докладывает ли он что-нибудь по радио, неизвестно. Наш лейтенант молчит, мучается, наверное, от боли в переносице. Через некоторое время танк лейтенанта Л. возвращается, сразу становится известно — они догнали большую немецкую колонну, состоящую из автобусов, грузовых автомашин, конных повозок, уходящую на запад, и ударили по последней машине из пушки. Думаю, у всех сразу возник один и тот же вопрос: зачем? Разумнее было бы пристроиться сзади к колонне и передавать сведения о ней по радио.

Комбат вызывает командира нашего танка и дает задание снова идти в ГПЗ, стараться лишнего шума не поднимать, не стрелять зря из пушки. На приличной скорости мчимся по разведанной уже дороге. Километров через десять видим на дороге догорающий автобус, не останавливаясь обходим его и продолжаем путь на

приличной скорости. Вскоре догоняем колонну конных повозок, спокойно обходим её, потом стали попадаться автобусы, грузовые автомашины. Командир докладывает по колонне комбату и, видимо, получает команду её обходить. Левая сторона дороги свободна, колонна идет строго по правой стороне в строгом порядке, на каждой повозке на козлах по два солдата, до них, кажется, можно рукой достать, смотрят строго вперед, не обращая на нас никакого внимания. Как ни странно, спокойна и вся колонна. Мы тоже, как ни в чем не бывало, обходим её. Интересно, о чем думают сейчас эти немцы в касках, понимают ли, что их обходят советские танки? Ночью наших красных звезд на зеленом фоне основной окраски танка, конечно не видно, А на козлах, наверное, одни обозники, они вряд ли могут отличить по силуэту свои танки от наших. Может быть и так, но нам это неизвестно, и мы спокойно обгоняем и обгоняем их по левой стороне... Очень интересная ситуация. Что делается позади нас, неизвестно, видны только три танка нашей ГПЗ, идут ли за нами остальные танки скоро ли закончится эта немецкая колонна? Как будем действовать дальше? Все эти вопросы сверлят мозги, командир на переговорах с комбатом по радио, до нас результаты этих переговоров не доходят. Весь экипаж напряжен, всматриваемся в темноту.

Вдруг над колонной правее танка проносится снаряд с трассером, и... началась свалка. Один из танков ГПЗ повернув вправо остановил колонну. Загорелись некоторые машины немцев, стало светло, за нами видны еще танки. Потом стало известно, что колонну немецкую обходила вся наша танковая рота старшего лейтенанта Федорова. Из какого-то заднего танка и пальнули бронебойным снарядом вдоль колонны. Вздрыгнули многие лошади, некоторые немцы прыгают на танки, автоматчики их спихивают, перемешались и наши, и немцы, многие немцы кинулись в кусты и исчезают в темноте, по ним почти не стреляют из-за боязни попасть по своим, на некоторых танках идет рукопашная. Мы стараемся скорее прорваться вперед, слева от нас вырывается вперед еще один танк. С машин, идущих впереди, немцы разбегаются по сторонам. Наконец, к нам присоединяются и остальные танки... Впереди один из наших танков загорается, вырвавшиеся вперед танки начинают стрелять с места, нам цели пока не видно. Потом к нам в командирский люк вваливается командир нашей танковой роты Федоров, вырывает у нашего командира шнур от шлемофона, включает в сеть радиостанции шнур своего шлемофона и начинает кого-то распекаль мать-в-перемать. Оказывается, его танк подбит... Немецкая противотанковая батарея замолкла, её всю разбили дружным огнем вырвавшиеся вперед наши танки. Останавливаемся. Из наших танков высыпает народ, танкисты, автоматчики. Рядом брошенная большая немецкая машина-фургон, внутри уже наши автоматчики потрошат ящики. Наш пулеметчик тащит полуоткрытый ящик с немецкими консервами в маленьких баночках, кто-то из нашего экипажа несет еще тяжелую коробку, в ней что-то тоже съедобное.

В этот момент наш командир танка дает команду — по местам, объявляет: срочно идем обратно с донесением и ранеными на КП танкового корпуса. Автоматчики загружают на броню к нам своих раненых. Только тут я увидел на крыльях танка буквально лужи крови. Это была кровь тех автоматчиков, которые были ранены еще в начале ночи, им, беднягам, досталось больше всех. Всю ночную свалку во время:

обхода немецкой колонны они пролежали привязанными на крыльях танка. Здесь их забрали на новую перевязку санитары, бывшие в составе десантников автоматчиков, на сборный пункт раненых, за которыми, наверное, уже вызваны санитарные машины. Внутри на боеукладку берем раненого нашего танкиста. Его фамилия, кажется, была Шаяхметов, или похожая на неё, близко его я не знал... Кто-то уже распечатал немецкие трофейные консервы, в маленьких баночках оказалась вкусная немецкая тушенка. Это — в самый раз, последний раз мы ели только утром вчерашнего дня.

Командир танка между делом объяснил, что мы подошли к окраинам города Валмиера, но в штабе корпуса не верят в это и требуют доставить подробное письменное донесение. Такой оборот событий никому из нашего экипажа не кажется разумным. Кажется куда проще послать к Валмиере еще танк или бронетранспортер с задачей проверить радиодонесение и сообщить результаты проверки специально для этого условленным сигналом. В то же время готовить вариант переброски туда основных сил корпуса. Ведь всем же ясно: дорога к Валмиере — основная дорога на Ригу, столицу Латвии. Но этого не было сделано.

Пока готовили командиры письменное донесение, к нам на броню поместили человек десять раненых. Мы успели слегка перекусить, и сразу в путь. Движемся обратно по ночному нашему маршруту, часто задерживаясь. То там, то здесь на опушках леса возникают группы немцев. Выпускаем по ним с коротких остановок по несколько снарядов, и снова в путь.

В одном месте на обочине заметили еще издали наш танк.. Подъехав ближе, видим — экипаж под танком, куда-то стреляют. Увидев нас, они сильно обрадовались, особенно командир танка лейтенант Чураков. Оказывается, их давно уже с разных сторон, почти окружив, осаждают, обстреливают немцы, у них же кончились снаряды, кончаются патроны. У нас снаряды тоже на исходе. Патронными дисками для пулеметов в обмен на пустые диски поделились и мчимся дальше. На дороге множество брошенных целых и изрядно помятых автофургонов, автобусов, больших конных повозок с убитыми лошадьми. Убитых немцев немного, наших убитых не видно. Навстречу попало несколько наших автомашин, наверное, с боеприпасами. На обратном пути, конечно, возьмут раненых.

К полудню, наконец, добрались до КП танкового корпуса. Судя по обилию снующих туда — сюда людей, тут же находится и штаб корпуса. Командир танка — на доклад, автоматчики из взвода охраны снимают раненых и помещают их в подъехавшую санитарную машину, мы, добыв хлеба — за трофеи. В большой коробке оказалось что-то незнакомое, между маслом и сыром, но вкусное и съедобное. Потом уже узнали — * это плавленый сыр. Такие трофеи — очень кстати, судя по предыдущим дням, полевая кухня не будет поспевать за нами... Только тут за нашим завтраком я разглядел наш танк снаружи: все перископы в трещинах, на броне много вмятин от ударов снарядов и крупных осколков. К нам подсаживается какой-то корреспондент, начинает расспрашивать о том, что делается там, откуда мы только что прибыли сюда. Кто-то из наших приглашает его поехать с нами туда. Он отвечает уклончиво в том смысле, что не может так поступить без разрешения своего начальства. Мы его понимаем по-своему. К слову сказать, за семь моих фронтовых месяцев около нас крутилось немало разных корреспондентов, но ни на исходных

позициях перед танковой атакой, ни, тем более, на броне в бою вместе с автоматчиками, ни в танке я их никогда не видел. Иногда, появившись после удачного боя в нашем расположении, они уговаривали командиров воспроизвести для них вчерашнюю танковую атаку на местности, где еще вчера был бой, виднелись дымящиеся подбитые танки и тела убитых немцев. И среди кинохроники военных лет я чрезвычайно редко вижу кадры, снятые в боевой обстановке, абсолютное большинство военной кинохроники - это кадры, снятые на полигонах, где и стреляют по танкам, и взрывают их, на позициях дальнобойных орудий, или в условиях имитации боя.

Это было сказано к слову. Тогда же, не успев закончить наш, по существу, и завтрак, и обед, и ужин, помчались снова к Валмиере. Добрались до своих на её окраине только к вечеру. При подъезде к окраинам города у нас на дороге порвалась гусеница, а чуть дальше, где находились наши танки, идет бомбежка, мы же на чистом месте. Но не зря мы хорошо закрепили навыки натягивания гусениц в сборочном цехе Сормовского завода — быстро заменили дефектный трак, быстро натянули гусеницу, немцы с воздуха не успели нас заметить. Двинулись вперед, туда, где что-то горит. По следам от гусениц обнаружили и наши танки. Командир доложил комбату о выполнении задания, нам указали место, куда встать и замаскироваться от авиации. Встали в небольшую рощицу на окраине Валмиеры и, не успев еще замаскировать танк, подверглись штурмовке с немецкого штурмовика Фокке-Вульф 190 (ФВ-190). Никаких повреждений он нам не доставил, хотя его снаряды простучали по броне... После того, как стемнело, бомбежка прекратилась. Сразу же поступает команда: входим в город, там наши автоматчики ведут тяжелый бой с немцами. Танки выходят с разных сторон на дорогу, колонной входим на окраины города. На самом въезде на улицу стоит подбитый немецкий «тигр». Интересно, кто же из наших его шлепнул? Оказываемся опять впереди колонны наших танков, на малой скорости движемся по горящей с обеих сторон улице. Ощущение жуткое: нам в огне и за огнем ничего не видно совершенно, мы же — как на ладони. Бросай в танки гранаты, бутылки с зажигательной смесью, бей в борт из любого переулка из противотанкового ружья. То же самое могут сделать с нами, когда приблизимся к месту соприкосновения с противником. Что за нелепость вводить танки ночью в горящий город?

И, как будто восприняв такие мои протестующие мысли, командир останавливает танк, дает команду механику разворачиваться в обратную сторону. Разворачивается одновременно вся наша колонна и выходит обратно из горящего города. Теперь тревожное состояние сменилось расслаблением, теперь мы замыкаем колонну танков. Весь этот маневр входа-выхода по горящей улице занял немало времени, и когда мы снова проходили мимо подбитого «тигра», начало светать. Теперь медленно обходим город, закрытый утренним туманом, с северо-запада по редкому кустарнику. Становится светло, и мне со своего «наблюдательного пункта» сверху башни все видно вокруг. Город обходит, кажется, вся наша танковая бригада. Это мое предположение подтвердилось, когда среди танков появился виллис комбрига Ковалева. Рисковый комбриг! Наверное, это его вмешательство прервало чью-то нелепую затею вводить танки к центру города вдоль горящей улицы. Двинулась туда, кажется, только одна наша танковая рота. Теперь же маневр наших танков ясен и понятен всем.

Пройдя уже порядочное расстояние по дуге вокруг города, вся бригада останавливается среди редкого кустарника. Комбриг собирает командиров к себе, очевидно, для информации об обстановке и постановке задачи. Многие танкисты и автоматчики сразу, конечно, спешиваются. Так делается при каждой остановке. Я в таких случаях сижу на башне, свесив ноги в люк, добровольно выполняю роль наблюдателя. Танки стоят на площади метров двести на двести рассредоточение, между ними снуют люди в танкистских шлемах и автоматчики в касках, все вперемешку... Неожиданно справа по дороге, ведущей в город, метрах 60-ти, 70-ти от передних танков тормозят подлетевшие на большой скорости грузовики с немецкими солдатами. Увидев множество советских танков, немецкие солдаты в ужасе, как зайцы, стали разбегаться. Наш спешившийся народ, кто был с оружием, открыли беспорядочную, явно плохо прицельную стрельбу по разбегающимся немцам. Я — в люк к прицелу, но пока пробрался на откидное сидение и прильнул к окуляру в прицеле уже не мог увидеть ни одного немца, все они исчезли. Снова поднявшись в люк, увидел возвращавшихся кинувшихся, было, за немцами автоматчиков и нескольких танкистов. В руках у каждого были солдатские ранцы, которые немцы кинули при бегстве или частично оставили в автомашинах. Все с интересом начали исследовать содержимое ранцев. Во всех в основном, сухой паек: галеты, брикеты глюкозы, баночки консервов, что-то еще, в некоторых — шоколад.

Ни одного убитого немца не было видно. Такая вот опять забавная история.

Тут же команда — всем по машинам, вперед. Сразу попадаем на окружную дорогу и, увеличив скорость, движемся по ней. Наш танк где-то в середине колонны, тут никакой напряженности, не то, что идти первым танком... Впереди, поперек нашему пути неожиданно появляется немецкая колонна, выходящая из города — автомашины, пушки на прицепах, машины с солдатами, минометы на прицепах... На бешеной скорости немецкая колонна мчится впереди нашей колонны сначала по окружной дороге, затем сворачивает направо, как потом стало ясно, на основное рижское шоссе. Они метрах в семистах от нас, но стрелять по ним нельзя. Шоссе окаймлено старыми толстыми деревьями, к тому же извилистое. Наши танки пытаются догнать немцев. Скорость у Т-34 по хорошему шоссе приличная, позднее в Восточной Пруссии на магистрали Кенигсберг — Данциг мы выжимали до 90 км/час. Но это по чистому широкому шоссе без помех. В колонне такую скорость не выжмешь. К тому же немцы начинают бросать машину за машиной прямо на шоссе, явно для того, чтобы затормозить нашу танковую колонну, у нас начинаются кратковременные заминки. Передние танки вынуждены спихивать оставленные немецкие машины на обочины. Временами немецкие машины и сами сваливаются под откос. У такой машины, лежащей на боку, колеса еще крутятся... При очередной заминке на дороге вижу в кювете лежащего немца с расстегнутой кобурой пистолета на боку. Жестом даю знать командиру, что выскакиваю. Быстро на ходу — за борт, вынул пистолет из расстегнутой кобуры немца и опять бегом на танк. Сзади, схватившись за скобу удобно вскочить на танк и на ходу. Трофей оказался для меня самый желанный. В недавнем детстве много занимались изготовлением своего личного огнестрельного оружия — самопалов-дробовиков, как было принято их называть у нас в детдоме. Теперь же у

меня в руках собственный настоящий трофейный пистолет, обойма к нему, в ней 8 патронов. Пистолет был, как потом хорошо рассмотрел, необычный. Это был наш советский пистолет ТТ, но наши черные со звездами щечки рукоятки у него были заменены на тонкие плексиглазовые со свастикой. Он был более плоским и хорошо умещался в кармане брюк. Интересно, кому он принадлежал: немецкому офицеру или предателю из бывших наших? Мне владельца этого пистолета рассматривать было некогда, я даже не был уверен — мертв он был, или ранен, или жив, некогда думать об этом, скорее надо было бежать за движущимся танком. Преследование немецкой колонны продолжалось, она постепенно отрывалась от нас. Наша погоня длилась уже немало времени.

Неожиданно наша танковая колонна остановилась, впереди послышались взрывы. Оказалось, немцы на дороге у небольшой мызы устроили завал, повалив придорожные толстые деревья, а по обочинам разбросали противотанковые мины, замаскировав их соломой. Два наших танка сразу подорвались на них, остальные танки сразу встали. Последовала команда — всем рассредоточиться, замаскировать танки — жди налета немецкой авиации.

Увидев справа метрах в семистах отдельный хутор, мы направились туда через сжатое поле. На поле стоит несколько скирд соломы, некоторые наши танки устремились к ним. Хутор безлюден, по крайней мере, так кажется. В нем всего один дом и большой сарай, но вокруг много больших деревьев с густыми развесистыми Кронами. Сначала хотели, было, въехать в сарай, но во время сообразили — там нас легко обнаружить по следу гусениц. Подъехав к нему и круто развернувшись, отъехали под кроны деревьев, встали под одним из них. Вдвоем мы вышли из танка — давно пора размяться и немного прогуляться. Подошли к дому, удивились и насторожились, увидев у крыльца привязанного под седлом породистого коня. Ого! Хозяин-то коня может быть где-то рядом — на чердаке, в подвале, в сарае.

Держу пистолет наготове, вовремя я его добыл себе. На запад от дома — лощина, там, по всем признакам, речка, противоположный склон лощины заметно поднимается вверх. На нем группа немцев, похоже, с противотанковым ружьем спешат в нашу сторону, залегли. Через минуту над нами шумно профырчала, наверное, бронебойная пуля. Ясно, пристреливаются.

Нам не стоит отходить от танка. Вдруг видим, как в полукилометре севернее нас промчалась на большой скорости немецкая автомашина с солдатами. Значит, кругом нас отступающие немцы, надо быть начеку. В этот момент в воздухе над полем появляются немецкие самолеты, и начинается бомбежка и штурмовка наших танков. Первыми пострадали те танки, которые замаскировались в скирдах соломы. Как и следовало ожидать, они легко были обнаружены по следам от гусениц. Из горящей соломы выбираются танкисты начинают разбрасывать горящую солому. В черном они хорошо заметны на жнивье, немецкие штурмовики, это ФВ-190, переключаются на их обстрел. В следующий заход немецких штурмовиков бомба попадает в тот сарай, в который мы собирались встать вначале. Налеты следуют один за одним с интервалом минут семь — десять, налетают немцы небольшими группами, но часто, один самолет пикирует опять на наш хутор.

Из моего открытого люка хорошо видны отцепившиеся от него бомбы с длинными штырями впереди. Это, наверное, чисто осколочные бомбы, они должны разрываться от первого соприкосновения штыря с землей и поражать осколками все вокруг. Бомбы летят явно не в нас, рванут в стороне. Все же мое положение в экипаже самое лучшее для наблюдения, кроме, конечно, командира танка, люк которого расположен рядом с моим.

Над головой у меня отдельный люк. Когда мой люк открыт или приоткрыт, через него хорошо видно все вокруг не только тогда, когда сидишь на его борту на башне, но и когда стоишь на боеукладке внутри танка. Хуже в этом смысле стреляющему командиру орудия, зажатому в левом переднем углу башни, у него обзор только через прицел танка с узким полем зрения, да перископ над головой, вставные триплексы которого постоянно запотевают. Еще хуже пулеметчику внизу, в правом углу, у него для наблюдения имеется лишь маленькая оптическая трубочка-прицел пулемета с очень узким полем зрения. Немного лучше механику-водителю, но тоже не очень. Через его перископ на крышке люка видна хорошо только дорога, что делается по сторонам — видно плохо. Поэтому опытные механики-водители держат в бою люк приоткрытым и левой рукой регулируют эту приоткрытость то больше, то меньше. Это, конечно, не очень удобно делать, так как левая рука нужна и для управления рычагами.

Из-за такого своего положения мои три товарища остаются в неведении о том, что делается вокруг танка. Нервы и психика у них напряжены больше, чем у нас с командиром танка, и когда вокруг грохочут бомбы, они настоятельно просят меня закрыть мой люк, хотя командир танка молчит об этом, он знает цену открытого люка. В перерывах между разрывами я доказываю им, что вероятность попадания бомбы или снаряда самолетной пушки в мой открытый люк, равна, практически, нулю, но они с этим не очень соглашаются.

Между тем налеты немецких штурмовиков продолжают и продолжают. У них, конечно, цель в том, чтобы не дать танкам собраться и приготовиться к продвижению вперед. Все же после очередного налета немецких самолетов поступает по радио команда — собраться всем в район завала на дороге. Путь расчищен, идем вперед. Выезжаем из-под укрывшей нас кроны и двигаемся через поле. Но в это время опять появляются над полем два ФВ-190 и начинают заход за заходом гоняться за экипажами с подбитых танков. Бредущие отдельными неравными группами по сжатому полю к дороге, они все в черном. Это упрощает немецким летчикам задачу прицеливания по ним. Все это делается у нас на глазах и, естественно, не оставляет нас равнодушными.

Предлагаю командиру вынуть спаренный с пушкой пулемет и попробовать стрелять по самолетам с башни танка. И хотя не очень ясно, как мы будем это делать, командир принимает это предложение. Но в этот момент мы с командиром оба одновременно оглянулись вправо на рев мотора, идущего на нас самолета, совершенно независимо, не обмолвившись ни словом, мгновенно юркнули внутрь танка... Что произошло в эти доли секунды, память не восприняла. Все последующие события помнятся хорошо, но лишь с того момента, когда я, стоя в танке на боеукладке, начал ощущать скапливание крови над поясным ремнем и почувствовал боль в спине.

Обожгла мысль: прострелен. Сразу лег на боеукладку спиной вверх. Рядом застонал командир танка. Кто-то причитает: говорили тебе — закрой люк, говорили. Механик-водитель Орлов, не останавливаясь, ведет танк к дороге. Сразу после остановки танка к нам внутрь залезает санитар и перевязывает нас. Затем помогают мне вылезти из танка и отводят в старую, заросшую травой воронку, недалеко от дороги. Командира танка лейтенанта Кисенко с простреленной насквозь ногой помещают сразу на первую же идущую в тыл машину. С тех пор я никогда с ним не виделся. Танки ушли вперед, а мы, несколько ходячих раненых остались в воронке.

Вскоре меня забрала с собой проезжавшая обратно наша продовольственная машина, возившая обед танкистам и выгрузила у полевого перевязочного пункта, уже развернутого в палатке у дороги западнее Валмиеры. Вокруг палатки ожидало перевязки много раненых, а перевязанные — отправки в госпитали. Сразу взяли мою солдатскую книжку и сказали ждать вызова на первичную перевязку. Через некоторое время эту процедуру я прошел — получил полновесный укол против столбняка, первичную обработку ран, которых у меня на спине оказалось семь. После этого меня перевязали крест накрест со спины на груд и обратно, наказали на землю не ложиться и ждать вызова на отправку в госпиталь. Раны очень болели, в спине было много осколков от разрывных пуль, но я мог держаться на ногах и был в полном сознании.

Спустя некоторое время всех, кто мог передвигаться сам, посадили в санитарный автобус, и в сопровождении медсестры до самого вечера развозили по полевым хирургическим госпиталям где-то восточнее Валмиеры. Все прифронтовые госпитали были переполнены, брали только по два — три человека. Лишь вечером я оказался в госпитале и то, как оказалось утром, только на ночлег.

А в это время наш танковый батальон, был остановлен и понес тяжелые потери, о чем я узнал через полтора месяца. Под вечер наш танк с пополненным экипажем, но с неисправной радиостанцией, так как она была пробита пулей, я это видел во время моей перевязки, вместе с двумя другими танками опять послали в ГПЗ танковой бригады. Надо полагать, наш экипаж, пополненный «погорельцами», считали уже опытным в этом деле. ГПЗ благополучно переправилось через наведенную переправу, но после этого немцы переправу разрушили, все три переправившиеся танка подбили. Из трех экипажей (15 человек) вернулся, как потом рассказывали, только один человек, остальные пропали вместе с танками без вести. Об этом я узнал только в начале ноября, когда вернулся в свой батальон из госпиталя.

Из танка больших наших потерь не было видно, но они, судя по переполненным госпиталям, в которых мы уже побывали и где нас еле-еле разместили, были немалые вообще, немалые и в нашей танковой бригаде.

В середине 1980-х годов ветераны 183-й танковой бригады Иван Андреевич Слепич, лейтенант, бывший командир взвода, затем роты автоматчиков 183-й танковой бригады, и Анатолий Михайлович Терехов, старший лейтенант, бывший рядовой стрелок-автоматчик 183-й бригады, собрали интереснейший документальный материал о боевых действиях нашей бригады и много воспоминаний участников боев из этой бригады и издали этот материал в форме репринта под названием «Скрежет и лязг танковых гусениц». Название книги мне кажется неудачным, но по содержанию она

бесценна. В числе других уникальных документов в книге имеется и вот такой документ:

«ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ об итогах боев за период с 19.09 по 7.10.44 года и о проделанной партийно-политической работе».

Там, в числе других интересных сведений, есть и сведения о потерях 183 танковой бригады за первые две недели боев в составе 3-го Прибалтийского фронта, (к этому документу ниже мы вернемся еще не раз):

«... Потери бригады на 30.9.44:

— убито 118 (офицеров — 27, сержантов — 69, рядовых — 22)

— раненых — 198 (офицеров — 24, сержантов — 91, рядовых — 83).

Потери коммунистов -75 человек: убито — 33 (членов ВКП/б/ — 26, кандидатов — 7), ранено — 42 чел. (членов ВКП/б/ — 29, кандидатов — 13).

Пали смертью храбрых: Герой Советского Союза подполковник Ковалев М.В., парторг 2 тб капитан Сафонов, комсорг МБА лейтенант Елисеев, командир 1 тб капитан Петрук, капитан Василенко и другие.

Политико-моральное состояние личного состава здоровое.

Бригада готова и впредь с честью выполнять свой долг перед Родиной.

Справка о состоянии матчасти на 3.10.44.

В строю — танков Т-34-85 — 22.

Безвозвратные потери — 28. Без вести пропали с экипажами — 3. В капитальном ремонте — 2, в среднем — 9.

Начальник ПО 183 тбр... Воротников.»

Я привел эти цифры из политдонесения, потому что они показывают характерное, не типичное для других родов войск, соотношение боевых потерь танковой части между офицерами, сержантами и рядовыми. Особенность боевых потерь танкистов в том, что в них очень высокий процент потерь офицерского и сержантского состава. Рядовые — это, в основном, автоматчики-десантники; офицеры — командиры танков; сержанты — это экипажи танков, все кроме командиров танков.

Вторая интересная деталь в этом политдонесении — это то, что в нем говорится о пропавших без вести танках. Это чрезвычайно редкая формулировка, но она не случайна. После возвращения из госпиталя в свой батальон в конце первой декады ноября я узнал, что при продолжении нашего наступления вдоль шоссе от Валмиеры на Цесис на другой день и занятии той территории, где были подбиты три наших танка ГПЗ, они, то есть подбитые танки, не были обнаружены.

Мы прибыли на фронт на танках самой последней модели с более мощной пушкой 85 миллиметрового калибра — ЗИС-С-53 и новой башней. Наши танки даже именовались несколько по-новому: Т-34-85. Немцы, конечно, очень интересовались новой конструкцией танка Т-34 и сразу, надо полагать, эвакуировали подбитые наши танки к себе в тыл на внимательное обследование. Система эвакуации подбитых танков с поля боя у них была отлажена очень хорошо.

В числе пропавших без вести был и мой танк, в котором я участвовал в боях в течение недели до ранения. В нем, после нашего с командиром танка ранения, из первого экипажа, сформированного еще в запасном танковом полку в лагере под

Горьким, остались механик-водитель сержант Орлов, командир орудия, сержант Веретнов и пулеметчик, приданный в наш экипаж по прибытии нас на фронт. Его фамилию я твердо не помню, кажется, это был сержант Ильин. (К сожалению, я не помню их имен и отчеств). Судьба пропавшего нашего экипажа неизвестна до сего дня.

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

Нельзя не остановиться на описании событий, участником которых мне довелось быть, в книге воспоминаний бывшего командира 10 ДТК М.К. Шапошникова — «Позову Родины». Он командовал корпусом в период боев в Прибалтике с сентября по 10 октября 1944 года. До этого, в период боев на Курской дуге и на Днепре, он командовал 178 танковой бригадой этого корпуса. За успешное форсирование бригадой Днепра получил звание Героя Советского Союза.

По моему мнению, в книге М.К. Шапошникова имеется ряд серьезных неточностей в описании боев частями корпуса в Прибалтике. Наиболее серьезными из них, по крайней мере, следующие четыре: замалчивание о начавшемся, но быстро прекращенном корпусном учении в районе сосредоточения корпуса недалеко от станции Выру в первых числах сентября 1944 года; неверное описание событий на переправе через реку Седа у мызы Дакста; совершенно неверное описание ночного прорыва на Валмиере 3-го танкового батальона 183 ТБр в ночь с 22-го на 23-е сентября 1944 года после переправы 183 ТБр. у Даксты; наконец, то, что в книге у него нет ни слова о событиях в октябре 1944 года на Курляндском полуострове под Салдусом, где, частично по его вине, погиб мой уже сильно потрепанный 3-й танковый батальон 183-й танковой бригады вместе со своим комбатом капитаном Михаилом Федоровичем Новиковым.

Пишет он, например, на стр. 150 — 151 своей книги:

«Штаб и подразделения управления корпуса прибыли на станцию Выру первым эшелоном... На следующий день после выгрузки первого эшелона мы с представителем штаба фронта отправились на КП фронта... На КП фронта я представился генерал-полковнику И. И. Масленникову, доложил о начале выгрузки частей корпуса на станции Выру и сосредоточении их в выжидательных районах... я попросил командующего разрешить нам до начала боевых действий провести в бригадах хотя бы по два-три ротных тактических занятия».

На это он получает такой ответ командующего фронтом: «Мы установили у себя жесткий режим... и должны скрыть от противника выдвижение сюда танкового корпуса. А потому в районах сосредоточения никаких учений с танками и самоходками не проводить...»

Не удовлетворившись запретом, комкор настаивает: «... можно по крайней мере, провести занятия с танкистами методом «пеший по танковому?»... Генерал-полковник разрешил, однако еще раз предупредил, чтобы танковый корпус ничем не обнаружил себя.»

Из приведенного разговора комкора М.К. Шапошникова с командующим 3-м Прибалтийским фронтом видно, какое серьезное значение придавало командование

фронтом маскировке, скрытности сосредоточения частей танкового корпуса в районе его выгрузки. И большое учение с боевой стрельбой, начавшееся, было, на выжидательной позиции нашей 183 танковой бригады, было не только явным нарушением требоващпГ и прямых приказов командования фронтом, но и противоречило здравому смыслу. Оно дорого обошлось бы командованию корпусом, не случись происшествия с разрывом двух пушек. Не случайно об этом не упоминает в своих мемуарах бывший комкор. Просьба комкора провести в выжидательном районе учения «пешим по танковому» выглядит тоже нелепостью. Такие учения, хотя и в меньшей степени, но тоже демаскируют в местах их проведения присутствие танкистов. Видно же со многих сторон, как люди в танкистской форме разрозненными группами поэкипажно бродят по полям, изображая танковые атаки. Проведение таких учений мало что дает экипажам, получившим танки и готовившим их к боям. Кроме матерщины в адрес организаторов таких учений никаких иных эмоции они не вызвали бы.

И я утверждаю, что в нашем танковом батальоне они не проводились в тот период. Не было их никогда и позднее во фронтовой обстановке.

Неверно в книге М.К. Шапошникова описан и ночной бой на пути от Даксты до Валмиеры в ночь с 22 на 23 сентября 1944 года. В книге у него на стр. 168 об этом бое написано так:

«От Даксты до Валмиеры не более 30 километров, и если бы наши танки двигались по дороге без всяких помех, то это расстояние они бы преодолели максимум за полтора часа. Но перед нами был противник, оказывающий ожесточенное сопротивление. И двигаться приходилось по местности, трудно проходимой для танков, преодолевая сложную систему противотанковых и противопехотных инженерно-минных заграждений: на всех дорогах и проселках враг устраивал ловушки, ставил противотанковые мины, узкие проходы и междуозерные дефиле, как правило, превращались им в сплошные минные поля, которые прикрывались огнем из танковых засад. На лесных дорогах нам часто встречались двойные и тройные противотанковые заборы, подходы к которым были заминированы противопехотными минами».

В этом отрывке из книги М.К. Шапошникова все, что касается того, что на пути от Даксты до Валмиеры «был противник, оказывающий ожесточенное сопротивление. И двигаться приходилось по местности трудно проходимой для танков, преодолевая сложную систему противотанковых и противопехотных инженерно-минных заграждений», и что «на всех дорогах и проселках враг устраивал ловушки, ставил противотанковые мины» и все другое, заключенное в этом отрывке из книги в кавычки, не имеет никакого отношения к боям на пути от Даксты до Валмиеры. Такое описание подходило бы к обобщающей оценке действию частей всего 3-го Прибалтийского фронта, и в этом смысле оно правильное.. Я описал ночной бросок нашего передового отряда 183-й танковой бригады на пути от Даксты до Валмиеры, участником и, следовательно, свидетелем которого я был. Есть и другие свидетели того ночного рейда 3 тб 183 тбр. Ниже еще вернемся к этому вопросу. Здесь же следует еще заметить, что создается впечатление: бывший комкор этим отрывком много лет спустя пытается снять с себя ответственность за то, что он, как комкор, упустил серьезную

возможность бросить весь корпус по пути нашего передового отряда, продвинувшегося почти беспрепятственно ночью с 22-го на 23-е сентября 1944 года от Даксты до окраины Валмиеры, разгромившего по пути немецкую колонну. А, возможно, и прорваться в те же дни к Риге, и сходу захватить её.

Следует еще остановиться на принципиальном моменте в книге бывшего комкора, изложенном на стр. 169 — 171:

«На рассвете 23 сентября командир 183-ей танковой бригады подполковник М.В. Ковалев по танковой радиостанции открытым текстом сообщил, что бригада овладела мызой Валмиермуйжа, а одна танковая рота из батальона майора И.А. Магонова (ныне Иван Афанасьевич — генерал- майор) с десантом автоматчиков ворвалась в Валмиеру и ведет там бои.

Это сообщение принял старший помощник начальника оперативного отдела штаба корпуса майор Н.С. Назаров, который дежурил у радиостанции моего танка. КП находилось в лесу в двух-трех километрах юго-западнее Дакеты.

Вначале я усомнился в достоверности этих сведений, так как действия танковой бригады опережали наши расчеты. Кроме того, это могло быть и провокацией изменников-власовцев, действовавших в Прибалтике... я решил лично поговорить с подполковником Ковалевым, чтобы лично убедиться, что в наушниках звучит именно его голос. Мы обменялись позывными, и на мой вопрос об обстановке в Валмиере он подтвердил ранее сказанное майору Н.С. Назарову.

Ковалеву я всегда верил, верил и сейчас. И все же приказал ему выехать на танке к командиру танкового батальона, на месте уточнить обстановку и немедленно сообщить мне. И вот почему: район Валмиеры имел большое значение не только для танкового корпуса, но и для всего 3-го Прибалтийского фронта — после Валмиеры, как мы считали, для нас открывался путь к столице Латвии.

Примерно через два-три часа подполковник Ковалев доложил, что его танковая рота и мотострелковая рота 11-и мотострелковой бригады ведут бои в восточной части города. Противник в панике мечется по улицам, в городе возникли пожары... Два наших танка подбиты и горят...

По уточнении данных оказалось, что на пути от Дакоты к Валмиере на рассвете 23 сентября передовой отряд 183-й танковой бригады под командованием майора И.А.Магонова (?? — В.Ф.) разгромил колонну вражеской пехоты с артиллерией и ворвался в населенный пункт Валмиермуйжа. В то же время танковая рота капитана М.Ф. Новикова с десантом автоматчиков, действовавшая левее, вышла на восточную окраину Валмиеры».

К сожалению, в цитированном отрывке из книги Шапошникова наряду с достоверными сведениями допущена серьезная путаница, которая опровергается другими документами.

Основная путаница заключается в том, что ночной прорыв на Валмиеру «по уточнении данных» осуществил не танковый батальон майора И.А.Магонова (к моменту выхода книги Шапошникова — генерал-майора), а 3-й танковый батальон 183 тбр капитана М.Ф.Новикова, в ГПЗ которого и действовал танк, в состав экипажа которого я входил. Командира батальона М.Ф.Новикова Шапошников к тому же еще назвал командиром роты. Это тоже непростительная небрежность по отношению к

боевому товарищу. Особенно к человеку, который частично по вине комкора пропал без вести, но более вероятней, попал в плен в октябре 1944 года в бою на Курляндском полуострове в районе города Салдуса. Первой вышла на окраину Валмиеры танковая рота ст. лейтенанта Федорова. Наш танк в гпз батальона был выделен именно из этой роты.

Четкие сведения о том, какой батальон прорвался к Валмиере в ночь с 22-го на 23-е сентября 1944 года, есть в упомянутом выше политдонесении начальника политотдела 183-и тбр. Вот этот фрагмент донесения, приведенный в книге на стр., 31:

«Капитан Новиков М.Ф., командир 3 тб, коммунист, действуя в ПО 23.9.44г. ломая сопротивление врага с боями прошел от мз. Даксты до подступов к Валмиера. Наступление было стремительным — противник не успел вывести из леса на дорогу автомашины. Товарищ Новиков своим батальоном врезался в колонну противника, огнем и колесами (?? — В.Ф.) уничтожил десятки автомашин. Вся дорога была завалена горами обломков, а свыше 200 автомашин было захвачено совершенно исправными. Эти трофеи подобрали другие части. Бригадой же захвачено 20 автомашин.

По захваченным документам установлено, что батальон Новикова разгромил штаб немецкой дивизии.

Всего батальон Новикова уничтожил: СУ — 3, орудия — 36, автомашин -144, солдат и офицеров около 250. Товарищ Новиков представлен к награждению орденом Красное Знамя.

Майор Магонов И.А., коммунист, командир 2 тб, действуя в передовом отряде разгромил АДН пр-ка».

Неточность последней фразы в политдонесении (неясно, где, когда действовал майор Магонов в передовом отряде) и позволило, видимо, Шапошникову «по уточненным данным» исказить события по прорыву передового отряда в ночь с 22 на 23. 09.44г. на Валмиеру. Дело тут, видимо, в том, что донесение составлено по итогам боев за две недели, при обобщении сведений выпали некоторые даты. Батальон И.А.Магонова действовал в ПО, скорее всего на другой день при обходе Валмиеры.

Много лет спустя, в 1970-х годах я случайно узнал о том, что в Москве работает совет ветеранов 183 танковой бригады и 10-го ДТК во главе с Федором Петровичем Рыбко, (подполковник, бывший пулеметчик 11-ой мсбр, пилот самолета По-2 при штабе 10 ТДОСК, сотрудник оперативного отдела штаба корпуса,- это по сведениям [15]. Группа Ф.П. Рыбко проделала огромную работу по розыску ветеранов 10 Днепровского танкового корпуса по всей стране, по сбору документов и воспоминаний ветеранов корпуса, и организации поездок ветеранов по местам боев 10 ДТК, встреч ветеранов корпуса. Инициативу группы Ф.П. Рыбко подхватили ветераны 10 ДТК по всей стране. В Кузбассе, в Кемерове подобную работу развернули ветераны корпуса И.А. Слепич и А.М. Терехов, ветераны батальона автоматчиков 183 тбр; во Владивостоке Л.Г. Юферов, бывший воспитанник 183 танковой бригады; в Риге А.С. Аксенов, бывший начальник штаба 183 танковой бригады; супруги П.П. и Л.Г. Семеновы в Киевской области; в Бугульме Н.В. Казанцев, старшина, механик-водитель, мастер вождения танков 183 танковой бригады; в Курганской области Ф.У, Макеев, сержант, стрелок- радист 183 танковой бригады; в Ивановской области Н.П.

Крапивин, сержант, заряжающий танка 183 тбр; в Рыбинске Б.В. Софронов, старшина, механик-водитель 183 тбр; в Ростове-на-Дону Б.А. Башкатов, лейтенант, командир танка Т-34 183 тбр и многие, многие другие.

Их стараниями были собраны сведения о многих ветеранах 10-го ДТК, составлен список ветеранов 10 ДТК с их адресами, отпечатан, размножен в большом количестве экземплярах и разослан ветеранам, а позднее включен в книгу.

На основе этого собранного материала была написана и издана в Воениздат книги И.М. Кравченко и В.В. Буркова «Десятый танковый Днепровский».

Эта книга, кстати, вносит ясность в то, какой батальон и когда был в передовом отряде во время боев за Валмиеру. Четко сказано об этом на стр. 154 — 155:

«... Наиболее успешно действовала 183-я бригада подполковника М.В. Ковалева, наступавшая в направлении Рубене. Разгромив отходившую вражескую колонну, танковый батальон капитана М.Ф. Новикова в 5 часов 23 сентября с ходу овладел мызой Валмиермуйжа (2 км. севернее Валмиеры). Вскоре танковая рота старшего лейтенанта Ф.Е. Воробьева с десантом автоматчиков ворвалась в Валмиеру, однако вынуждена была отойти, так как город оборонялся значительными силами врага... Утром 24 сентября (то есть, через сутки — В.Ф.) 183-я бригада, самоходным артиллерийским полком, стала обходить Валмиру с запада. Её передовой отряд — танковый батальон майора И.А. Магонова с приданными двумя ротами автоматчиков и самоходной батареей — в 6 часов у мызы Карьямуйжа (4,5 км западнее Валмиеры) настиг и разгромил отходившую вражескую колонну. Его действия были столь стремительными, что противник бежал, бросив пушки, минометы, автомашины с работающими двигателями и повозки, наполненные имуществом. Не давая врагу опомниться, отряд ворвался на станцию. Кокмуйжа... Не задерживаясь на станции, бригада двинулась вперед и в 8 часов овладела Рубене (15 км юго-западнее Валмиры). Здесь её наступление было остановлено на цесисском оборонительном рубеже. В течение дня она пыталась прорвать оборону на реке Вайдакас, но успеха не добилась. Гитлеровцы взорвали мост, а болотистая местность не позволяла осуществить маневр. К тому же все дороги были заминированы. Тем не менее прорыв бригады на юг сыграл решающую роль в освобождении Валмиеры.»

Вот так сказано в книге, созданной в результате изучения и обобщения документов о прорыве головного отряда 183-й тбр 3-го танкового батальона капитана М.Ф. Новикова на Валмиеру в ночь с 22 на 23.09.44 г., правдиво описаны действия передового отряда 183-й танковой бригады и действия других батальонов и рот 183 тбр в развитии этого прорыва. Здесь четко указаны место и время действий тех событий. Все правильно в общем. Но о деталях событий, не всегда благозвучных для всех, но без которых не может быть исторической правды, в состоянии рассказать только участник событий.

НА КУРЛЯНДСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

После госпиталя в середине первой декады ноября 1944 года я попал снова в свою 183 танковую бригаду, которая после потери почти всех танков значилась стоящей в

обороне на Курляндском полуострове западнее Риги, где-то между городами Бена и Ауце. Попал я туда не обычным путем, а досрочно выбыв из госпиталя и сбежав из батальона выздоравливающих, прихватив с собой двух пехотинцев — Павла Яковлева и Федю Чепуркова, посчитавших, что в танковой части воевать интересней, чем в пехоте. Я их, конечно, предупреждал, что в танке воевать, интересней, но не менее опасно, чем в пехоте. В пехоте, как мне казалось, чуть начался обстрел — кидайся в ближайшую канаву, ямку, ложись просто плашмя на землю, и осколки и пули тебя не достанут. А танк в бою, в атаке на виду со всех сторон, на него нацелены все пушки в округе, все люди, сидящие в окопах с противотанковыми ружьями, с противотанковыми гранатами, а в конце 1944 года еще и с фаустпатронами (прототипы современных РПГ, стоящих на вооружении всех армий мира) и все мечтают подбить этот танк.

О моей послегоспитальной одиссее ниже будет еще рассказ, сейчас — о последних боях 183 танковой бригады, да и всего 10 ДТК в Прибалтике.

Мой 3-й танковый батальон, да практически и вся 183 танковая бригада к тому времени существовали лишь номинально. Был в ней новый комбат, жив был наш ротный командир Федоров, но в батальоне не было танков, не было почти никого из моих товарищей из тех, кто с самого начала участвовал в освобождении Прибалтики. 10 ДТК находился теперь уже в составе другого фронта — 2-го Прибалтийского. Действующий южнее его 1-й Прибалтийский фронт к этому времени продвинулся далеко на запад, вышел к Балтийскому морю в районе Мемеля (Клайпеды) и отрезал от Восточной Пруссии ту часть группы армий «Север», которая сконцентрировалась на Курляндском полуострове Латвии. Там оказались отрезанными с суши от остальных немецких войск около 30 дивизий. Эта группа войск стала опасно нависать с севера над нашими войсками, продвинувшимися теперь далеко на запад к границам Восточной Пруссии. Наше командование стремилось во что бы то ни стало разгромить курляндскую группировку немцев. Держало оно там и сохранившийся личный состав 10-го ДТК, рассчитывая получить для него танки. Но местность там была самая неподходящая для действия танков — в основном лесисто-болотистая.

Там в конце октября 1944 года, под Салдусом погиб весь мой 3-й танковый батальон, сильно поредевший в предыдущих боях. Об этом в книге Слепича и Терехова на стр. 39 — 41 есть документ — подробное донесение начальника политотдела 183 танковой бригады начальнику политотдела 10 ДТК от 31 октября 44 года. Этот документ именуется «ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ о потерях матчасти ПО (передового отряда — В.Ф.) 183 тбр.»

Я с этим донесением познакомился только 41 год спустя после войны, в 1986 году, когда я увидел книгу Слепича и Терехова. Каждый раз, когда я перечитываю этот документ, меня охватывает сильное волнение. Вот несколько фрагментов из этого донесения:

« ПО в составе 3 тб и приданных подразделений выполнял задачу, поставленную командиром корпуса, и к исходу 18.10.44г. достиг западных скатов высоты 90.0.

Главные силы (183 ТБр. — В.Ф.) вышли на западную опушку леса, что южнее Мауши. Оперативная группа следовала в 300 м. за передовым отрядом. Командир бригады был в 50 — 100 м. за боевыми порядками передового отряда. ПО встретил

сильное огневое сопротивление до 7 танков и СУ (самоходных артиллерийских установок, в повседневном разговоре — самоходок), закопанных на высотах северо-западнее и юго-западнее х. Тушки. Они вели огонь прямой наводкой. Огонь вела также и артиллерия пр-ка из района Вежнин и Забрас. Пехота противника находилась в 100 — 150 м. от танков.

Согласно приказу командира корпуса ПО возобновил наступление в 3.00 19.10.44 г. Командир бригады поставил капитану Новикову задачу обойти пр-ка слева и далее на Заброс.

ПО начал движение, имея 60 — 70 чел. пехоты десантом на танках. Под прикрытием ночи пр-к просочился справа вплотную к НП. (Наблюдательный пункт 183 ТБр. — В.Ф.). Как только ПО начал выдвижение, немецкие автоматчики атаковали оперативную группу.

После короткого боя атака пр-ка была отбита и он отошел на 100 — 200 м., непрерывно ведя огонь. Артиллерия пр-ка вела сильный огонь по танкам и НП.

Во время продвижения передового отряда на Депшин, пр-к обошел его справа. Батальон 69 СП (сосед справа) самовольно оставил свой участок и отошел. Танки и пехота пр-ка, пользуясь этим, вышла во фланг и тыл передовому отряду. На высоте 90,0 пр-к установил две СУ, подтянул артиллерию.

В 5.00 19.10.44 г командир бригады выехал к командиру корпуса вместе с командиром САП (самоходного артполка — В.Ф.). Заместитель командира бригады подполковник Вельмиров, согласно распоряжению командира бригады, оттянул главные силы в район Кармача, Меж-Иглас.

Оперативная группа бригады в составе ПНШ по оперативной работе капитана И.,.. ПНШ по разведке капитана В., начальника связи бригады капитана С... (фамилии сокращены мною — В.Ф.) оставалась на месте — за ПО.

Капитан Новиков, продвигаясь вперед, доложил оперативной группе, что пр-к обошел его справа. Оперативная группа вместо того, чтобы принять меры к обеспечению флангов ПО, бездействовала и примерно в 5 — 6.00 капитаны И., С., В. самовольно оставили бронетранспортер и ушли к главным силам.

Связь с Новиковым с 5.00 была потеряна. Капитан В. как начальник разведки видя, что делает пр-к, не поставил вопроса об обеспечении флангов передового отряда.

К рассвету ПО с боями вышел к х. Депшин, уничтожил 9 орудий пр-ка и истребил десятки немецких солдат. Во время боя десант пехоты бросил танки и отошел. А автоматчики пр-ка подошли вплотную к нашим танкам, пользуясь тем, что они не прикрыты.

Как только рассвело, противник открыл огонь по нашим танкам с трех сторон — из Валожи, Забрас, Тушки и выс. 90.0.

Капитан Новиков, действуя в заболоченной местности, развернул танки, занял круговую оборону и открыл огонь по артиллерии и самоходным установкам пр-ка.

По рассказу командира тр ст. лейтенанта Фесенко, наши танки стояли скупенно, не рассредоточенно. Бой продолжался 40 — 50 минут. Несмотря на сильный огонь, который вели наши танки, противнику удалось поджечь 6 танков. Капитан Новиков не принял другого решения, как стоять до последнего. На своем танке он был в боевых

порядках. Когда его танк был подожжен, а сам он ранен, единого управления боем не было. Остальные 4 танка вышли из боя и стали в засаду.

Оставшиеся в живых танкисты вышли из горящих танков и отстреливались от немецких автоматчиков. Все вышедшие танкисты заявили, что никто из них не бросил танки, дрались мужественно и стойко. Все оставшиеся на поле боя танки сгорели.»

Это я привел с немногими, не существенными сокращениями констатирующую часть политдонесения начальника политотдела 183 тбр. Далее он делает выводы, которые только и будут читать все вышестоящие командные инстанции и на основании которых будут сделаны соответствующие организационные выводы, кого карать, кого миловать.

«ВЫВОД:

1. Капитан Новиков, видя, что его обходят немцы справа, понадеялся на оперативную группу и не принял мер по обеспечению флангов, а пехота 69 сп (стрелковый полк — В.Ф.) самостоятельно оставила участок, отошла и оголила правый фланг ПО. В результате этого пр-к вышел и закрепился на выс. 90,0.

2. Оперативная группа, зная, что командира бригады нет с танкистами, не приняла мер по обеспечению боевых действий ПО, самостоятельно оставила боевые порядки и совсем потеряла связь с Новиковым. Самовольно оставили боевые порядки капитаны И... В, а начальник связи С... бросил рацию на БТР и также ушел к главным силам. (Здесь также сокращение фамилий мое — В.Ф.). Рацию вывели ст. лейтенант Напавнов и капитан Кирилин.

3. Штаб 3 ТБ, потеряв связь с Новиковым в 5.00, не принял мер по ее восстановлению. Старший адъютант ст. лейтенант М... не выслал ответственного офицера в боевые порядки ПО для связи.

Штаб батальона узнал о судьбе ПО только тогда, когда пришли танкисты из сгоревших танков.

Заместитель командира батальона по политчасти капитан Астахов также никаких мер не принял.

4. Капитан И... не информировал штаб бригады и штаб корпуса о сложившейся обстановке, не сообщил о том, что немцы обходят ПО справа, что немецкие самоходные установки вышли на выс. 90,0, а автоматчики вплотную подошли к танкам и оперативной группе.

Если бы командир корпуса знал эту обстановку, он не вызвал бы командира бригады на свой КП. А с 5.00 19.10.44г. была потеряна связь и отсутствовала всякая информация»

И в конце этого донесения следовали строки о самом трагическом в этом бою:

«Справка по танкам передового отряда -ЗТБ 183 тбр.:

Танк № 244 — комбата Новикова М.Ф.

Из его экипажа прибыл механик-водитель старшина Сибгаруллин, ранен в руку и спину, и тяжело раненный радист гв. ст. сержант Рахимов.

Сибгаруллин рассказывает, что когда снаряд ударил в танк и зажег его, то его оглушило, а когда он пришел в сознание и начал вылезать из танка, то капитана Новикова и других в танке не было.

Танк № 248 — командир танка лейтенант Малаховский, обгорел.

Танк № 250 — командир танка гв. лейтенант Баталин.

Танк № 262 — командир танка лейтенант Николаев, без вести пропал.

Танк № 256 — командир танка лейтенант Чужемилов — видели раненым, с оторванной кистью руки.

Сгорело танков 6; 4 — СУ-83; (так в документе, в действительности — СУ-85 - В.Ф.); убито 2 человека, раненных прибыло — 8. Прибыло невредимых — 7.

Без вести пропало — 13: капитан Новиков, сержант Пурин, сержант Мамедов, мл. сержант Чириков, мл. сержант Мурдин, сержант Трехалев, лейтенант Николаев, лейтенант Чужемилов, сержант Алексеев, ст. сержант Федоров, сержант Земновский, мл. сержант Черкасов.»

Этот трагический список я привел здесь полностью с надеждой на то, что он может помочь родным и близким этих людей выяснить их дальнейшую судьбу после описанных событий.

В политдонесении, на котором мы остановились выше, все фамилии названы полностью. Три из них я сократил по своей инициативе, сознавая то, что им, если они остались живы после войны, близким и знакомым будет неприятно читать такие подробности об их фронтовых делах. Кроме того нет полной уверенности в том, что в политдонесении, написанном по горячим следам, все изложено так, как было в действительности. Наконец несомненно, что они искупили свою вину последующим своим участием в организации и обеспечении боевой деятельности танкистов. До конца войны оставалось еще более 7 месяцев. Капитана И. я знал, он продолжал нести штабную службу и в период боев 183 Тбр во время боев в Восточной Пруссии в том же звании и в той же должности. В сержантской среде танкистов о нем сложилось неблагоприятное для него мнение, как о командире, который может послать подчиненного без особой надобности на верную смерть. С таким случаем я столкнулся и сам весной уже 1945 года в Восточной Пруссии.

Рассмотренное выше политдонесение, думаю, довольно типично для военного времени. Оно о многом говорит и между строк. Об организации и структуре управления боевой операцией танковой части. О том, что проще всего поставить подразделению боевую задачу в общих чертах и не задумываться об обеспечении решения этой задачи, полностью положиться на исполнителя. Так обычно и поступал плохой командир, что и было, я считаю, в рассмотренном случае. Хорошо видно, чем это кончается. Кстати, надо заметить, что начальник политотдела части писал политдонесения о боевой деятельности части независимо от боевых донесений командира части. Подчеркивал в нем партийно-политическую и нравственную сторону деятельности бойцов и командиров, участвовавших в бою, что хорошо и видно из приведенного выше.

Из политдонесения не прямо, косвенно, видна все же и вина в трагическом исходе боя на салдусском направлении комбрига 183 тбр и командира 10 ДТК. Первый, находясь в боевых порядках бригады перед вызовом к комкору не знал хорошо боевой обстановки, не чувствовал надвигающуюся катастрофу, после вызова к комкору не позаботился о том, чтобы штаб бригады продолжал ему докладывать через штаб корпуса о развитии боя. Штаб корпуса, похоже, тоже не интересовался развитием боя 183 тбр, комкор тоже не требовал от своего штаба этого.

В середине ноября 1944 г. и комбриг 183 тбр и комкор 10 ДТК были заменены. О причинах замены ни в одной из 4-х книг нет ни слова, но я думаю, что основная причина их замены — тяжелый исход одного из последних крупных боев танкового корпуса, в передовом отряде которого был мой 3-й танковый батальон во главе с его славным командиром капитаном Михаилом Федоровичем Новиковым.

В начале 1990-х годов в телефонном разговоре с бывшим комбатом 2 тб 183 тбр генерал-лейтенантом И.А. Магоновым я узнал, что он поднимает вопрос о присвоении посмертно звания Героя Советского Союза капитану Новикову за успешный прорыв его танкового батальона на Валмиеру в сентябре 1944 года и за другие его боевые дела. К сожалению, вскоре после этого разговора И.А. Магонов неожиданно скончался. Я не знаю, был ли еще кто из ветеранов 10 ДТК в курсе намерения И.А. Магонова, и что он успел сделать.

Неизвестно также, был ли награжден М.Ф. Новиков орденом боевого Красного Знамени в соответствии с представлением его к награждению этим орденом, о чем сказано было в политдонесении начальника политотдела 183 танковой бригады от 21 сентября 1944 года.

Глава 5. НА ВТОРОМ БЕЛОРУССКОМ ФРОНТЕ

В ЛЕСАХ ЗА БЕЛОСТОКОМ

В середине декабря 1944 года личный состав 183 танковой бригады был переброшен командованием с Курляндского полуострова в леса юго-западнее Белостока. Сначала отправились до ближайшей действующей станции кто на чем мог — на уцелевших автомашинах, на батальонных летучках ПРМ — полевых ремонтных мастерских, на штабных автомашинах. На железнодорожной станции распределили нас по вагонам эшелона, в товарные вагоны, специально приспособленные для перевозки людей. Двухъярусные нары по бокам, посередине железная печка, недалеко от нее стол, заранее заготовленные дрова, питьевая вода в бидонах.

Куда едем — неизвестно. После месячной жизни в землянках в пасмурном сыром лесу, среди валяющихся кругом покрасневших трупов немецких солдат, товарный вагон с двухэтажными нарами, но чистый, сухой и теплый кажется уже роскошью. На нарах на разостланной шинели, с вещмешком под головой можно вытянуться во весь рост и вдоволь выспаться. В одном из вагонов походная баня, помылись. Дня через четыре выгрузились темным вечером на тихой станции, кажется, это была станция Вельск. Сразу после выгрузки поставили нам задачу — совершить пешим порядком 40-ка километровый ночной переход.

Тут я впервые узнал, как можно вздремнуть на ходу и не упасть. Были мы налегке и к утру прибыли в отведенное для нас место в хорошем смешанном лесу. Дальнейшей нашей задачей было выкопать котлован под большую землянку. Лопаты и ломы уже кто-то, где-то добыл для нас. Копали котлован целый день, земля была слабо заморожена, глубже — сухая, но котлован был намечен большой, метров 10 на 10, потому и растянулась эта работа на целый день. Выкопали котлован глубиной, примерно, на метр, постлали на дно еловый лапник, поверх него расстелили танковый брезент. Брезент был доставлен, видимо, службой тыла на машине. Сверху постелили еще брезент и, изрядно измотавшись за сутки без сна, залезли под верхний брезент прямо в шинелях и крепко заснули. Не помню уж, как мы питались в тот день. Не повезло только тем, кто попал в ту ночь в караул охранять это спящее стойбище. Меня, кажется, миновала эта участь, а вообще тогда приходилось всем быть в караулах очень часто. Вскоре в районе нашего поселения появился один танк, наверное, из тех немногих, которые находились в капитальном или среднем ремонте после того, как были подбиты в Прибалтике и числились за нашей бригадой.

Тогда из состава экипажей перестали выделять людей в обычные наряды, а только на ночные дежурства в танке. Это было, конечно, более интересное дело. Сидишь на борту верхнего люка, свесив ноги в люк, слушаешь темную ночь, наблюдаешь звездное небо, если ночь безоблачная. Я всю свою смену рассматриваю звезды, вспоминаю название созвездий и названия ярких звезд, которых еще в детстве знал сравнительно немало: Арктур, Вега, Антарес, Сириус,... После первого же такого дежурства написал письмо своему товарищу по техникуму в Рыбинск Анатолию Румянцеву с просьбой прислать мне школьный учебник по астрономии, не очень надеясь, что это может осуществиться в короткий срок. Как ни удивительно, дней через 8 — 10 я получил учебник, за что очень был благодарен своему товарищу, и с большим интересом стал изучать расположение созвездий в часы своего дежурства в танке. За короткое время я быстро стал находить несколько десятков созвездий, а всего запомнил их свыше 50. От Ориона до Скорпиона с Юга на Север и от Гидры до Южной рыбы с Востока на Запад. Знал тогда и все самые яркие звезды. Ночные дежурства в танке стали для меня не обременительным, а очень интересным занятием.

Офицерский состав тогда разместился в польских деревнях, очень бедных. Правда, самогон и свиное сало у них водились, поэтому вскоре наладился взаимовыгодный товарообмен между ними и нашим воинством. Любую лишнюю вещь из одежды можно было выменять у поляков на самогон и кусок сала-шпик. Одиночную портянку, одиночную рукавицу, особенно высоко ценилось у населения мыло... Местные жители часто задавали вопрос: что это у вас за войско тут воевало осенью прошлого года? Однажды выскочил из ржи весь в белом отряд банды Рокоссовского, как его называли немцы, быстро их всех перебил вокруг деревни и ушел дальше. Осведомленные люди из нашего нового пополнения потом говорили, что это были штрафники Рокоссовского, пропившие все с себя вплоть до нижнего белья.

Интересной достопримечательностью тех мест было то, что недалеко находилась знаменитая Беловежская пуща — бывшие царские охотничьи угодья. Поэтому вокруг нашего места расположения встречалось много диких коз и кабанов. Я быстро оценил эту обстановку и приспособился охотиться на коз с автоматом ППШ. У меня этот

хорошо получалось, и мои близкие товарищи стали всячески способствовать этому делу. Свежее мясо в танкистском рационе было не лишним. Однажды даже помпохоз батальона Шапиро предложил выменять у нас убитую козу на несколько банок тушенки, чтобы угостить дичью офицерский состав нашего батальона. Мы, конечно, уважили просьбу помпохоза.

Новый 1945 год мы, то есть я и небольшая компания моих близких товарищей еще по госпиталю — Павел Яковлев, Федя Чепурков, Федя Шелепов, еще кто-то встретили на природе, у натуральной елки в лесу Новый 1945-й год. Елку украсили кусками сала и бутылками с самогоном. Рядом на костре в котелке варилась дикая коза. Погода стояла мягкая, лишь несколько градусов мороза, снежный покров был неглубоким, по лесу хорошо можно было ходить пешком. Бегали, кувыркались, дурачились.

Однажды, отстояв на посту в карауле положенные 8 часов, я, как часто делал, с утра отправился на охоту. Мне давно хотелось подстрелить кабана. Очень быстро попал на свежий след большого стада, прошедшего ночью недалеко от нашего расположения, и устремился по следу, надеясь быстро к нему подойти. После ночной кормежки они должны были, по моим представлениям, залечь на дневной отдых. Опыта охоты на кабанов тогда у меня совершенно никакого не было, и я целый день пробегал за тем стадом безрезультатно. Вовремя почувствовав, что слишком далеко зашел, повернул обратно и только к вечеру по своим же следам, сильно уставший, возвратился к своему расположению. Выйдя на поле, еще издали увидел всю опушку в низком сизом дыму. Обожгла мысль — прибыли танки и вся бригада выстроилась на опушке с работающими двигателями. Бегом туда.

Действительно, на опушке леса стояли танки всей бригады, укомплектованные экипажами, готовые к движению. Разобравшись, в каком экипаже я значусь, представился своему командиру танка и, получив небольшую взбучку, включился в проверку всего того, что относилось к моей специальности. Затвор и полуавтоматика пушки, комплектность и правильное размещение снарядов, спаренный с пушкой пулемет, пулеметные диски. Командир танка, лейтенант Сергей из Москвы, только что из танкового училища, еще не обстрелянный, все остальные в экипаже — уже побывавшие в боях. Механик-водитель, фамилия его была, кажется, Джабаев, казах, тоже незнакомый, но, видно было — бывалый, прибыл вместе с танком. Остальные — из тех, кто прибыли сюда из Прибалтики.

Оказывается, танки прибыли еще в первой половине дня со станции своим ходом. К этому времени весь личный состав, находящийся в нашем лесном лагере, подняли по тревоге. Комбаты с начальниками штабов составили списки экипажей, объявили их перед строем, утрясли неизбежные при этом нестыковки и недоразумения, и только после этого экипажи приступили к приемке танков. Так что я не слишком много времени отсутствовал во вновь сформированном экипаже. От наказания меня спасло то, что я числился находящимся в наряде. Это было, кажется, 13 января 1945 года.

Причина неожиданного прибытия танков была в том, что наше верховное командование, в ответ на паническое обращение Черчилля к Сталину, приняло решение досрочно начать готовившееся зимнее наступление наших войск.

Мы оказались теперь в составе 2-го Белорусского фронта маршала К.К. Рокоссовского. Его фронт пошел в наступление одновременно с 1-м Белорусским фронтом маршала Г.К. Жукова, двинувшимся от Варшавы на Берлин.

2-й Белорусский фронт наступал по северной части Польши (севернее Варшавы) вдоль границы Восточной Пруссии в общем направлении на среднюю часть Вислы южнее Данцига (Гданьска — по-польски), рассекая немецкую группу армий «Центр» на две части. Значительная часть ГА «Центр» находилась в Восточной Пруссии (около 40 дивизий), 30 дивизий ГА «Север» были к этому времени блокированы нашими войсками на Курляндском полуострове в Прибалтике.

В случае продвижения наших войск, действовавших на берлинском направлении и в северной Польше, Восточно-Прусская и Курляндская группировки немцев опасно нависали бы над всем правым флангом советских войск. Тем не менее, 2-й Белорусский фронт решительно двинулся вперед в общем ближайшем направлении на Млаву. В этом направлении фронт был быстро прорван и основная часть 2-го Белорусского фронта устремилась от Млавы вперед на северо-запад в общем направлении на Данциг.

С северо-востока и востока на Восточную Пруссию наступали, соответственно, 1-й Прибалтийский фронт и 3-й Белорусский. Между направлениями этих фронтов и направлением 2-го Белорусского фронта находился огромный озерный район Восточной Пруссии, расположенный примерно между городами Августов, Летцен, Раценбург, Аллен-штейн, Ломжа. Он считался непригодным для действия войск, но также нависал над советскими войсками, двинувшимися вперед на запад. Что находилось в этом озерном районе, по моему, толком никто в наших штабах в то время не знал.

Тогда, конечно, такого четкого, как сейчас, представления об общей обстановке у нас, сержантского состава экипажей, не было. Не было, я думаю, и у офицеров — командиров танков, в распоряжении которых были топографические карты, в основном, двухкилометровки, только на район ближайших боевых действий. Мы часто заглядывали в их топографические карты, разбираясь совместно в ориентировке на местности. Топографическая подготовка, в том числе пользование топокартами в танковой школе была поставлена на достаточно высоком уровне. Я, например, разбирался в топографических картах очень свободно. Но у командира танка топографическая карта охватывала территорию всего километров 70 на 80, все населенные пункты на ней были незнакомы нам в то время. Географических карт под рукой не было.

ПРОРЫВ К МОРЮ

Лишь только наш танковый батальон и вся 183-я танковая бригада 10-го ДТК по тревоге сели в прибывшие танки, сразу почувствовали твердую руку маршала Рокоссовского, командующего 2-м Белорусским фронтом. В предстоящую же ночь вся бригада совершила двухсоткилометровый, практически безостановочный марш по направлению к Млаве. С этого момента началось наше непрерывное движение вперед.

Утром, еще в темноте, сосредоточились в какой-то совершенно разбитой роще, в которой, в основном, остались только стволы деревьев. Почти все ветки и сучья были посечены осколками снарядов и пулями. Удивило то, что ни один танк в батальоне не отстал, все машины были исправны. Это тоже существенный штрих тщательной подготовки к операции. Тыловые службы работали четко. С минувшей ночи начались у нас снова напряженные фронтовые дни.

Как только остановились в роще — приказ: личному составу из рощи не выходить, костров не разводить, быть у танков или в танках, после заправки горючим примем еще комплект боеприпасов на борт в ящиках и снова двинемся вперед. Танки закрыть брезентом, по возможности чем-нибудь замаскировать. Между тем мы промокли, без движений продрогли, во время марша временами шел снег. Обсушиться негде. В такой ситуации — первый раз. Обычно подобные проблемы легко решались у костра. Позднее, когда войдем в прорыв, будет проще. У немцев, у каждого солдата в ранце находилась маленькая металлическая коробка, сантиметров 10 на 20, в ней — брикеты сухого спирта. Она раскрывалась на три части, крайние из них поворачивались, образуя маленькую подогревательную плитку на ножках. Крайние части коробки образовывали ножки, средняя — опору под котелок. Очень простая, но очень удобная конструкция. Но такие портативные подогревательные плитки попали в наши руки спустя еще несколько дней после описываемых событий. А в тот день ничего подобного у нас не было, а обсушиться и обогреться было необходимо. Мы, то есть наш экипаж, выход из положения нашли, благо командир танка ушел на совещание к комбату. Развели все же внутри танка на аварийном люке маленький костер. Выход дыма устроили через открытый верхний люк, приподняв соответствующим образом часть брезента. Тяга получилась хорошей, к тому же и дрова были у нас сухие, для чего разбили один ящик из-под снарядов, разложив его содержимое по ящикам боеукладки, от чего пол у нас в башне стал неровным. Высушились, высушили портянки, обогрелись. Но нас все же застукал помпотех (помощник по технической части) бригады подполковник Мендельбит. Шумел долго, обвинил нас в том, что мы умышленно хотим выдать немцам расположение воинской части, что всех нас надо отдать под трибунал, что мы не понимаем, что танк может взорваться, и извергал еще множество обвинений в наш адрес. Однако жаловаться на нас комбригу или начальнику политотдела не стал. Костер внутри танка, конечно, пришлось нам погасить...

Продремали кое-как хмурый, пасмурный январский день. Как питались — не помню, батальонные кухни на прицепе автомашин за нами, конечно, не успевали. На следующую ночь двинулись дальше. Марш снова длился всю ночь и, кажется, еще целый день. Затем, где-то под Млавой нас ввели в прорыв.

О стремительном броске нашего 10-го ДТК в составе 5-й Гвардейской танковой армии (5 ГТА), о своем ощущении этого прорыва, о том, что я тогда делал на своем месте в составе экипажа танка, я неоднократно рассказывал в своих публикациях в различных газетах патриотического толка и, частично, в своей книге. Здесь о том, что было рассказано ранее, постараюсь не повторяться, буду говорить, в основном, о том, о чем не говорилось ранее. Остановлюсь более подробно на месте и значении прорыва 10-го ДТК в ходе Восточно-Прусской операции 1945 года, роли в этой операции 2-го

Белорусского фронта, 10-го ДТК и нашей 183-й танковой бригады. В этих вопросах в настоящее время есть немало неясностей. Естественно, такие небольшие отступления я буду делать не с позиции сержанта, рядового участника тех событий, а с позиции сегодняшнего дня, с позиции человека, много поработавшего над книгами, документами и воспоминаниями участников тех событий.

В мемуарах маршала Рокоссовского «Солдатский долг» на стр. 311 так представлен ввод в прорыв 5-й ГТА:

«... За три дня непрерывных боев войска 2-го Белорусского фронта прорвали оборону противника на всем протяжении от Ломжи до устья реки Нарев, исключая участок 50-й армии, где враг продолжал отбиваться. Как и планировалось, с утра 17 января в образовавшийся прорыв была введена из второго эшелона фронта 5-я гвардейская танковая армия в полосе действий 48-й... При поддержке специально выделенных соединений бомбардировочной и истребительной авиации танки устремились вперед на Мариенбург. Одновременно в направлении на Алленштайн (Ольштын) вошел в прорыв 3-й гвардейский кавалерийский корпус, которым командовал боевой, энергичный генерал Н.С. Осликовский.

Вслед за танковой армией продолжали наступать 48-я и 2-я Ударная армии, намереваясь с ходу форсировать Вислу и не дать закрепиться на ней отступающему противнику. События развивались в соответствии с директивой Ставки».

Это высказывание К.К. Рокоссовского потребует иметь в виду при дальнейшем разговоре, а сейчас я возвращаюсь к видению этого события с позиции моего «наблюдательного пункта», то есть непосредственно с башни танка.

Днем стали видны кругом убитые и немцы, и наши, кто-то впереди нас ведет бой, который мы не видим. Значит нас вот — вот будут вводить в прорыв. Где-то под Млавой мы входим в соприкосновение с противником. Подошли к каким-то редким домам, остановились. Я с башни вижу, как немецкие бронебойные снаряды (болванки, как у нас все их называют, потому, что они без взрывателей) от земли рикошетом уходят вверх с небольшой скоростью, и их хорошо видно. Значит, где-то слева стреляют по танкам, которых нам не видно. После каждого промаха болванки долетают до нас и на излете рикошетируют от мерзлой земли. Вечером того же дня мне рассказали про трагический случай, имевший место здесь днем. Заряжающий по фамилии Пугач, я его хорошо знал, вылез из остановившегося танка и присел по надобности. В этот момент в него и угодила рикошетом болванка аккуратно по мягкому месту. Его отправили при первой же возможности на пункт сбора раненых, в батальон он уже не возвратился. Ранение, надо полагать, оказалось нешуточным.

Движемся снова вперед. Перед тем, как вступить на землю Восточной Пруссии, был кратковременный митинг. Вся 183 танковая бригада в строю поэкипажно перед танками, выступающие призывают к решительным действиям на земле врага, помнить, что он натворил на нашей земле, отомстить за все.

Границу Восточной Пруссии перешли незаметно. Первый большой немецкий город на нашем пути Найденбург, совершенно безлюдный, все брошено. На окраине бродит скот, нет ни одного жителя, пустые раскрытые дома. На чердаках, наверное, в каждом доме большая коптильня в виде расширенной части кирпичной трубы с дверцей. В коптильне висят закопченные окорока. Запаслись ими, настреляли мешок

поросят, повесили на пушку. Большого хряка автоматчики затащили на танк и завернули в брезент. С такими трофеями воевать можно. Про свою кухню забыли. В центре города много магазинов, автоматчики притащили тюки белого полотна, намереваясь сшить из него для себя маскировочные халаты. Мы же обмотали им ствол пушки. Тут в центре Найденбурга увидели, наконец, одного жителя-старика с подбитым глазом. Бродит, как тень. Кто-то пробует заговорить с ним по немецки, не отвечает... Мы снова вперед.

После войны в мемуарах Рокоссовского на стр.313 прочитал удивившую меня такую информацию:

«Двадцатого января 1945 года, когда наши войска уже подходили к Висле и готовились форсировать ее с ходу, Ставка приказала 3, 48, 2-ю ударную и 5-ю гвардейскую танковую армии повернуть на север и северо-восток для действий против вражеской восточнопрусской группировки.

Приказ этот был для нас совершенно неожиданным. Он в корне менял наши планы, основывавшиеся на директиве Ставки от 28 ноября 1944 года. А в этой директиве 2-му Белорусскому фронту ставилась задача:

«Перейти в наступление и разгромить млавскую группировку противника, не позднее 10-11 дня наступления овладеть рубежом Мышинец, Вилленберг, Найденбург, Дзялдово, Бежунь, Бельск, Плоцк и в дальнейшем наступать на Нове-Място, Мариенбург.

Главный удар нанести с рожанского плацдарма силами четырех общевойсковых армий, одной танковой армии, одного танкового и одного механизированного корпусов в общем направлении на Пшасныш, Млава, Лидабарк. Обеспечение главных сил с севера осуществить наступлением одной общевойсковой армии на Мышинец.

Второй удар силами двух общевойсковых армий и одного танкового корпуса нанести с сероцкого плацдарма в общем направлении на На- сельск, Бельск. Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника 2-му Белорусскому фронту частью сил нанести удар в обход Модлина с запада».

Вся директива, как и личные указания Верховного Главнокомандующего, была направлена на тесное взаимодействие 2-го Белорусского фронта с 1-м Белорусским.

Этот документ неопровержимо свидетельствует, что 2-му Белорусскому фронту отводилась важная роль в операции, которая вошла в историю под названием Висло-Одерской. Между тем почти во всех трудах о Великой Отечественной войне почему-то замалчивается участие нашего фронта в Висло-Одерской операции, дело выдается так, будто фронт с самого начала наступления с 14 января 1945 года, был нацелен на разгром восточно-прусской группировки противника.

То, что 20 января наши главные силы были повернуты на север, доказывает гибкость и оперативность руководства Ставки. Убедившись в отставании войск 3-го Белорусского фронта, она немедленно вносит поправки в ранее принятый план».

Это очень важное высказывание маршала Рокоссовского, на которое следует, я считаю, еще раз обратить внимание читателей, среди которых, надеюсь, найдутся и молодые люди, равнодушные к истории Великой Отечественной войны. Оно поможет добросовестным историкам разобраться в сущности Восточно-Прусской

операции наших войск, осуществленной в начале 1945 года. Не менее важным для понимания военных событий в Восточной Пруссии я считаю и следующие строки из воспоминаний Рокоссовского, имеющиеся у него на стр. 314 — 315.

«Правда такой оборот событий можно было и следовало предусмотреть раньше... Начиная со Сталинграда наша Ставка и Генеральный штаб с высоким мастерством планировали и осуществляли крупнейшие стратегические операции с участием нескольких фронтов. Но я не могу сказать этого о Восточно-Прусской операции. Помоему, в ее организации было немало просчетов.

Ошибочно, на мой взгляд, выбрали направление главного удара Черняховского. Генеральный штаб не мог не знать о том, что наиболее сильные укрепления в Пруссии расположены в восточной и юго-восточной ее частях. Пробить вражескую оборону здесь было трудно. Сама конфигурация фронта подсказывала нанесение главного удара с юга на север. Наступление лучше было начать с ломжинского рубежа в направлении на залив Фриш-Гаф... но этого сделано не было. Более того, в директиве Ставки ни слова не упоминалось о привлечении войск 2-го Белорусского фронта для участия совместно с 3-м Белорусским в разгроме восточнопрусской группировки противника. Теперь же основной нашей задачей становилось именно окружение восточнопрусской группировки ударом главных сил фронта на север и северо-восток с выходом к заливу Фриш-Гаф.

Вместе с тем от прежней задачи — взаимодействия с 1-м Белорусским фронтом на фланге — мы не освобождались и вынуждены были продолжать наступление на запад, хотя на это направление у нас оставалось всего две армии... Продвижение здесь, конечно, замедлилось, мы все больше отставали от войск Жукова, и ему пришлось самому выделять силы для прикрытия с севера своего обнаженного фланга. Командующий 1 -м Белорусским фронтом упрекал меня, что я плохо ему помогаю. Впрочем, не сомневаюсь, он в то время сам понимал необоснованность своей претензии...

Совершив поворот на север и северо-восток, мы довольно быстро продвигались к морю. Чтобы задержать войска 2-го Белорусского фронта, враг стал стягивать на это направление силы с южного участка своей обороны, проходившей по Августовскому каналу, оставляя там лишь слабое прикрытие. Командование 50-й армии не заметило вовремя этого маневра и продолжало докладывать в штаб фронта, что неприятель держится крепко. Только через два дня разведка боем показала, что перед армией — пустое место. Последние мелкие группы гитлеровцев поспешно уходили на север. Такое упущение нельзя было простить командарму. В командование 50-й армией вступил начальник штаба генерал Ф.П. Озеров. Упоминаю об этом моменте потому, что в ряде трудов он описан неправильно... А 50-й армии пришлось форсированным маршем догонять оторвавшегося противника».

Об этом неожиданном изменении направления главного удара — повороте значительной части сил 2-го БФ на отсечение Восточной Пруссии — есть сведения также в книге «Маршал двух народов» на стр. 132 — 133.

Не случайно стремительный и очень успешный рейд 5 ГТА к морю нигде толком не описан и, видимо, официально не исследовался. Генерал-полковник В.Т. Вольский, командующий 5-й ГТА в период операции по окружению, точнее сказать, отсечению

Восточной Пруссии от основной части Германии, вскоре после войны умер. Другие представители высшего командования 5-й ГТА почему-то не смогли заняться историей этой операции. Наверное, потому что в организации этой операции много неясного. Так маршал А.М. Василевский в своих мемуарах «Дело всей жизни», в кн. 2, на стр. 180 — 181 пытается опровергнуть утверждение маршала К.К. Рокоссовского. Он пишет:

«Мне приходилось читать в некоторых книгах упреки в адрес Ставки и Генерального штаба по поводу недостаточных темпов реализации замыслов оперативного плана. Было бы неверно утверждать, что Ставка и Генеральный штаб не допускали ошибок. Были они и при проведении Восточнопрусской операции. Допустим, нам не удалось предотвратить отход главных сил 2-й немецкой армии за Вислу, в Восточную Померанию. Этот упрек в адрес тогдашних работников Ставки и Генштаба справедлив... Необоснованным является обвинение Ставки и Генерального штаба также в том, что они, планируя Восточнопрусскую операцию, с самого начала всецело возлагали задачу ликвидации восточнопрусской группировки немцев лишь на 3-й Белорусский фронт, а основные усилия 2-го Белорусского направили не против этой группировки и на взаимодействие не с 3-м, а с 1-м Белорусским фронтом, решавшим задачи на варшавско-берлинском направлении. Несправедливо также упрекать Ставку и в том, что только в ходе операции, когда выяснилось, что 3-й Белорусский фронт не сможет справиться с возложенной на него задачей, она была вынуждена в начале 20-х чисел января повернуть основные силы 2-го Белорусского фронта на север или даже на северо-восток. Это решение, как утверждают некоторые, явилось для 2-го Белорусского фронта не только крайне неожиданным, но и поставило его в исключительно трудное положение.

Архивные документы — директивы Ставки, которые легли в основу проведения данной операции, убедительно доказывают несостоятельность таких обвинений... Мне представляется последнее утверждение А.М. Василевского ошибочным. Он не приводит ни одной строчки из этих «Архивных документов — директив Ставки...». В то время как в книге Рокоссовского приводится дословно директива Ставки от 28 ноября 1944 года с постановкой задачи 2-му Белорусскому фронту. Перед стр. 161 в мемуарах А.М. Василевского на вкладке приведена схема и подпись под ней: «Восточно-Прусская наступательной операции 13 января — 26 апреля 1945 года». Схема эта мало о чем говорит, она выполнена в мелком масштабе, на ней не обозначены многие населенные пункты, которые названы в тексте об этой операции. Указано только множество стрел, направленных на Восточную Пруссию со всех сторон.

Не показана разграничительная линия между фронтами, о которых идет спор. Создается впечатление, что это какой-то первоначальный набросок замысла операции.

Но, самое главное, среди всех армий, нацеленных на Восточную Пруссию, не указана 5-я ГТА. Это обстоятельство дает основание предполагать, что 5-я ГТА изначально не планировалась для участия в Восточно-Прусской операции, что подтверждает правоту К.К. Рокоссовского в оценке планирования рассматриваемой операции.

Между тем, очень стремительная операция по окружению Восточной Пруссии была осуществлена, в основном, только силами одной 5-й ГТА. Пехотных частей до самого моря так и не было с нами, они появились лишь после того, как немцы сделали попытку вырваться из Восточной Пруссии в направлении Эльбинга.

Следующим городом, во взятии которого участвовала 183 танковая бригада, был Танненберг. Наш танковый батальон обходил его справа с восточной стороны. С ходу сшибли противотанковую батарею и почти сразу пошли вперед. Другие детали взятия этого города помнятся плохо. Помню только, как немцы пристреливались по нашему ТБ снарядами, после разрыва которых образовывались цветные дымы... Также стремительно обошли незнакомые тогда нам города Остероде, Морунген, Мюльхаузен. Передовые части 186, 183 танковых и 11-й мотострелковой бригад 10 ДТК 24 января 1945 года вышли к Балтийскому морю у города Толькемит, западнее Браунсберга (польский Броневе, ныне). Восточная Пруссия была отрезана от Померании и вообще от остальной Германии. Повернутые на окружение Восточной Пруссии, другие (общевойсковые) армии застряли где-то сзади, то есть, южнее нас. Лишь 26 января к Остероде подошел 42 СК и занял там оборону фронтом на восток.

Многие события тех дней помнятся плохо. Видимо, потому что мы, то есть экипажи танков, уже десять суток находились без сна, и это отразилось как-то на памяти. Давали немного поспать при небольших передышках только механикам-водителям. Остальные члены экипажей все время бодрствовали в танках. Ночью обязательно экипаж поочередно дежурил на башнях. Все первые 10 дней танки почти все время находились в движении с короткими перестрелками. Однажды я умудрился вздремнуть на ходу танка на откидном сидении командира танка (он почти всегда находился на броне, у люка механика-водителя, жестами объясняясь с ним). Одну ногу я засунул в казенник ствола пушки, открыв ее затвор, другую положил на люльку пушки. Так и дремал на ходу танка... Немцы, конечно, быстро поняли ситуацию — танки действуют без пехоты — и попытались отрезать 5-ю ГТА от остальных войск 2-го БФ. Сразу после Мюльхаузена танки нашего ТБ развернули на восток и поставили задачу занять оборону, предупредив: немцы пытаются вырваться из Восточной Пруссии по направлению к Эльбингу; оттуда одновременно немцы наносят встречный удар. Снова трое суток экипажи не спали, дежурили в танках день и ночь. Танки нашего ТБ расставили на окраине, кажется, Мюльхаузена, так, чтобы отразить попытки немцев войти в пустующий город с востока. Каждому экипажу назначили сектор обстрела. Попытки прорваться немцы предпринимали, в основном, ночью. Ночью же они чуть было не захватили штаб 183 танковой бригады и штаб корпуса. Об этом подробно написано в книге Слепича и Терехова. Под угрозой захвата оказался и штаб 5-й ГТА, и даже штаб Рокоссовского. В его мемуарах 19 на стр. 319 — 320 есть об этом такие строки:

«В ночь на 27 января собрав не менее семи пехотных и одной танковой дивизии, противник наносит удар из района Хайльсберга в направлении Эльбинга, где в то время еще шли бои. Противнику ценой больших потерь удалось потеснить части 48-й армии километров на двадцать к западу. Эта ночь мне запомнилась. С вечера поднялась сильная метель. Порывистый ветер принимал временами ураганный характер. Все мы находились в штабе — квартире, когда вбежавший связист вручил

мне телеграмму командарма 48-й .И. Гусева: противник наступает большими силами. Командарм опасается, сможет ли его армия удержать эти рвущиеся на запад полчища.

Хорошо зная Гусева, вдумчивого и опытного генерала, мы поняли, что раз уж он поднимает тревогу, значит, опасность велика. Действовать начинаем немедленно. Срочно перебрасываем сюда большую часть сил 5-й гвардейской танковой армии, 8-й танковый и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса...

Позвонил командующий 5-й танковой армией Вольский, доложил, что неприятель приближается к его командному пункту, и попросил разрешения перейти со штабом в расположение войск 2-й ударной армии. Я посоветовал ему не отрываться от своих частей, а подготовить их к удару по противнику... Через некоторое время мимо нашего командного пункта на галопе стали проноситься части кавалерийского корпуса, спеша к месту прорыва. Конники-гвардейцы, находившиеся севернее Алленштайна, были подняты по тревоге и вот уже успели продвинуться к нам. На КП заскочил Осликовский и доложил, что корпус полностью готов к бою и весь личный состав горит желанием сразиться с врагом. Головной полк уже в районе действий, установил связь с 48-й армией... На всякий случай приводим в боевую готовность наш командный пункт. Бойцы и командиры обслуживающих подразделений занимают круговую оборону. Нас окружали прочные постройки, за их стенами можно повоевать...А погода не унималась, снегопад усилился, ветер намет суровые сугробы. В такое бездорожье кавалеристы имели огромное преимущество перед пехотой, и они далеко ее опередили... Атакованный с трех сторон враг был разбит и покатился назад. Наши войска захватили огромное количество техники и свыше 20 тысяч пленных. В этом бою отличились все рода войск. Но особенно вовремя подоспели на выручку попавшим в беду частям 48-й армии кавалеристы 3-го гвардейского кавалерийского корпуса Н.С. Осликовского».

Погода действительно стояла тогда — хуже некуда. Автомашины с боеприпасами и горючим для танков где-то застряли, у нас же снаряды и горючее на исходе. Вот тут кавалеристы и выручили не только части 48-й армии, но и танкистов, только они смогли вовремя пробиться к месту прорыва немцев. Конный корпус Осликовского еще ранее отличился при взятии узлового города Восточной Пруссии Алленштайна. Рокоссовский в своих мемуарах с восхищением написал так об этом подвиге кавалеристов на стр.316:

«Наш конный корпус Н.С. Осликовского, вырвавшись вперед, влетел в Алленштайн (Ольштын), куда только что прибыли несколько эшелонов с танками и артиллерией. Лихой атакой (конечно, не в конном строю!), ошеломя противника огнем орудий и пулеметов, кавалеристы захватили эшелоны. Оказывается, это перебазировались немецкие части с востока, чтобы закрыть прорыв, сделанный нашими войсками...»

Каждый раз вспоминая действия конного корпуса Н.С. Осликовского в Восточной Пруссии зимой 1945 года, действия конных корпусов П.А. Белова и Л. М. Доватора под Москвой в 1941-м, я подчеркиваю дальновидность тех «старых кавалеристов», которые не дали перед войной уничтожить полностью Красную кавалерию, заменить ее всю танковыми войсками. В то же время, вернее, еще ранее, в начале 1930-х годов наши старые кавалеристы первыми оценили значение танковых войск в современных

войнах, первыми, или одними из первых, включили в состав кавалерийских дивизий танковые полки (бригады). Последними расстались они у нас с кавалерийскими частями лишь после Великой Отечественной войны.

Надень же начала войны в Красной армии оставались в строю еще 4 кавалерийских корпуса. Все они успешно сражались в первое полугодие войны. Второй же кавкорпус П.А. Белова, ставший в ноябре 1941 года 1-м гвардейским кавалерийским корпусом, сыграл выдающуюся роль в оборонительных боях на всем пути от границы до Москвы. И особенно при ее защите. Дважды успешно ударял по 2-й танковой группе знаменитого Гудериана...

Кажется, 25 или 26-го января наш танк сняли с обороны и выделили на несколько дней на усиление охраны штаба нашего корпуса. О некоторых событиях, связанных с охраной штаба 10 ДТК и нашем обратном пути в свою бригаду я рассказывал в своей книге, здесь повторяться не буду. Через 3 дня наш экипаж получил задание срочно возвращаться в свою бригаду. Она вела тяжелые бои, немцы все еще пытались вырваться из Восточной Пруссии через Эльбинг на запад. После непредвиденных задержек, основной причиной чему была поломка шестерни задней скорости в коробке перемены передач в нашем танке, 30 января рано утром мы, наконец, прибыли в свою бригаду. Она в это время заняла исходную позицию для атаки населенного пункта Дойчендорф, к которому накануне вышли немецкие части в процессе своей попытки прорваться к Эльбингу.

В ходе этой танковой атаки, начавшейся утром еще в темноте, наш танк вырвался вперед и первым ввалился в старый противотанковый ров, занесенный снегом и потому незамеченный механиком-водителем. Выбраться из него мы не могли по причине неисправной задней скорости. Пушка у нас крепко уперлась стволом в землю, сделав полный откат, исключив возможность поворачивать башню. Целый день мы просидели в танке в таком положении перед немецкой обороной, а вечером при попытке вытащить его нас сожгла немецкая самоходка с инфракрасным прицелом. При этом погиб наш командир танка лейтенант Сергей из Москвы. О нашем дневном сидении в противотанковом рву перед обороной противника на окраине Дойчендорфа и чем это кончилось, был у меня рассказ в книге 10. Ниже в параграфе 5.3 еще вернемся к этому событию.

Утром, после ночного сидения в подвале сгоревшего дома вместе с пехотинцами на окраине леса против Дойчендорфа, мы вдвоем с командиром орудия отправились, было, пешком в штаб своего батальона. Зашли по пути в крайний дом на окраине большого селения. Кажется, это была окраина Фюрстенау. В доме увидели такую поразившую нас картину. В комнате за столом друг против друга сидели тепло одетые мужчина и женщина. Мертвые, под ними виднелись две лужи. Видимо отравились. В прихожей, когда сразу же мы повернулись вон из этого дома, увидели на груде какого-то тряпья мертвое тельце ребенка. Геббельсовская пропаганда делала свое дело.

Заметив недалеко от этого мрачного дома бродящую громадную рыжую лошадь, немного покормив ее, уселись на нее вдвоем верхом и благополучно добрались до штаба своего батальона.

Через двое суток, в течение которых нам дали, наконец, хорошо отоспаться, нас включили в состав нового сборного экипажа и направили срочно принимать танк,

выходящий из ремонта в полевых ремонтных мастерских. Новым командиром танка стал у нас теперь лейтенант Василий Садохин. На этом танке мы в тот же день прибыли снова под Дойчендорф, перед которым на опушке леса стоял в обороне наш, теперь сборный, 2-й танковый батальон, которым командовал капитан П.И.Громцев. По ночам один из танков батальона выдвигался вперед на бугор ближе к Дойчендорфу и вел обстрел дороги, по которой в этот, не то город, не то большое селение, непрерывно подтягивались немецкие части.

Спустя несколько дней вся бригада была снята из под Дойчендорфа и после ночного марша атаковала населенный пункт Ляук, в котором тоже укрепились немцы. Там, после захвата окраин этого селения, наш командир танка Садохин был ранен в кисть руки навывлет в момент, когда он держался рукой за крышку открытого люка. Мы же вчетвером, обходя Ляук справа, снова погорели. Наш танк с большого расстояния поджег «тигр». Втроем мы выбросились из горящего танка буквально рядом с окопами, занятыми немцами и чудом оттуда выбрались. Механик-водитель Джабаев, пытавшийся выбраться через открытый передний люк, сразу же, видимо, был убит и сгорел в танке. На другой день проезжая мимо этого места на новом танке, я на минуту выскочил из танка подбежал к нашему сгоревшему танку и видел обгоревшие останки нашего механика-водителя.

После Ляука мне в танке воевать уже больше не пришлось, бригада наша, да и весь корпус к этому времени потеряли почти все свои танки и были выведены из состава 5-й ГТА и приданы к какой-то общевойсковой армии. Оставшийся личный состав временами участвовал в обороне в качестве обычных рядовых бойцов. Подошедшие общевойсковые части 48-й армии 2-го БФ закрепили успех 5-й ГТА, окончательно предотвратили прорыв противника из Восточной Пруссии на запад через Эльбинг. Вскоре наш 10-й ДТК был выведен из боев, и в апреле весь оставшийся личный состав был переброшен в район Кракова в состав 2-го Украинского фронта.

Высоко оценил действия 5-й ГТА, а, следовательно, и нашего 10-го ДТК в Восточной Пруссии маршал Рокоссовский. Об этом он так написал в указанной выше книге на стр. 316:

«Введенная в прорыв 5-я гвардейская танковая армия устремилась к морю, сметая на своем пути разрозненные, захваченные врасплох неприятельские части, не давая им возможности закрепиться. Опорные пункты с организованной обороной танкисты обходили — их добивали двигавшиеся следом части 48-й и 2-й Ударной армий. Уже 25 января танковая армия своими передовыми частями, а 26-го — главными силами вышла к заливу Фриш-Гаф в районе Толькемито (Толькмицко) и блокировала Эльбинг, отрезав этим пути отхода противнику из Восточной Пруссии на запад».

Заканчивая рассказ о боях в Восточной Пруссии, мне хотелось бы остановиться (не первый раз уже) вот на каком вопросе. Там, где прошел с боями в Восточной Пруссии наш 10-й Днепровский танковый корпус в составе 5-й ГТА, в августе 1914 года в районе Найденбурга и Танненберга потерпела поражение 2-я наша русская армия генерала Самсонова от 8-й немецкой армии генерала Гинденбурга.

Немцы раззвонили тогда о своей победе на весь мир. Гинденбург за эту победу получил звание генерала — фельдмаршала, стал командующим Восточного фронта,

затем начальником генерального штаба армии Германии. В 1925 году был избран президентом Германии.

В январе 1945 года 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника В.Т. Вольского стремительным ударом от Млавы на Найденбург, Танненберг, Остероде, Морунген, Мюльхаузен, Толькемит отсекла Восточную Пруссию от остальной Германии, завершив тем самым окружение около 40 немецких дивизий. Это, примерно 5 — 6 немецких армий, среди них одну танковую армию.

Эта блестящая операция 5-й ГТА, закрепленная вслед другими войсками 2-го Белорусского фронта, практически не изучена официальными военными историками и осталась неизвестной или малоизвестной нашему народу.

В преддверии 60-й годовщины со дня нашей Победы над немецким фашизмом не лишним будет, думается, напомнить об этом.

СТРАННАЯ АТАКА

Не дают мне покоя услышанные как-то по радио слова Виктора Астафьева о том, что мы так и не научились воевать до самого конца войны. Эту же мысль он неоднократно повторяет и в повести «Веселый солдат». Если бы он сказал так о себе, о своем расчете, дивизионе, о пехотном взводе, то это было бы правильно и понятно. Слишком многосторонняя была война, чтобы кто-то из тех, кто непосредственно участвовал в боях, мог утверждать, что он научился по-настоящему воевать. Давно подсчитано: средний срок жизни командира взвода (взводного) в боях был всего одна — полторы недели. В течение этого времени он был либо убит, либо ранен — серьезного боевого опыта за такой срок лейтенант, выпускник военного училища, приобрести, конечно, не мог. Говорить же так обо всей армии, а именно это и имел в виду В. Астафьев, обвиняя в неумении воевать и маршала Жукова, и Сталина, — глупость.

Можно привести множество примеров того, как умело и самоотверженно воевали многие наши бойцы, командиры, отдельные полки, дивизии и корпуса с первых дней войны. А.И. Покрышкин, например, начавший сбивать самолеты врага со второго дня войны и за первые 10 дней войны сбивший 7 самолетов противника; Борис Сафонов, сбивший за первый месяц войны 11 самолетов; 75-я стрелковая дивизия, встретившая захватчиков южнее Бреста у Малориты и неделю не только не отступавшая ни шагу, но даже контратаковавшая целый немецкий армейский 53-й корпус, о чем упоминает даже Гудериан в своих мемуарах «Воспоминание солдата» на стр. 149 (перевод 1954 года). Наконец, блестящий пример высочайшего воинского мастерства — 2-й кавалерийский корпус П.А. Белова, не отступивший ни разу с первых дней войны без приказа командования. В конце сентября 1941 года кавкорпус Белова нанес умелый удар по 2-й танковой группе Гудериана под Штеповкой (что в районе г. Ромны, восточнее Киева), и Гудериан об этом тоже пишет в упомянутых мемуарах на стр. 218. Корпус Белова вместе с дивизией Лизюкова освободил в тех боях 20 населенных пунктов и удерживал их в течение недели. Кавкорпус Белова сохранил полностью свою боеспособность до Москвы, снова отличился у Каширы, остановив там передовые части танковой армии Гудериана, устремившиеся на охват Москвы с юга. Вдуматься только: советские

кавалеристы, конечно, во взаимодействии с другими частями, остановили знаменитую танковую армию Гудериана! За свои блестящие успехи в 1941 году 2-й кавкорпус в конце ноября 41-го года стал 1-м Гвардейским кав- корпусом. Затем в период контрнаступления наших войск под Москвой Гвардейский корпус Белова погнал танковую армию Гудериана на запад, прорвался в тыл немцам южнее Юхнова и полгода вел активные боевые действия в районе Вязьма — Дорогобуж — Ельня, приковывая к себе войска почти всей немецкой группы войск «Центр», о чем многократно упоминает в своем «Военном дневнике» Ф. Гальдер. Возникает, конечно, естественный вопрос: почему же тогда мы доотступались до Москвы? О причинах катастрофического поражения Красной армии у западных границ — разговор отдельный.

Но прежде, мне кажется, очень уместен к нашему разговору такой вот рассказ фронтовика из очерка Н. Филина «О гибели, о славе, о любви», опубликованного в № 5 журнала «Молодая гвардия» за 1996 г. «Однажды, это было в Восточной Пруссии, продвижение механизированной бригады приостановили немецкие пулеметчики. Они залегли на втором этаже одинокой железнодорожной будки... Второй мотострелковый батальон, спешившись с машин, продвинулся вперед и залег примерно в трехстах метрах от будки, возвышавшейся над железнодорожной насыпью. Но тут раздался зычный голос комбата Ермака: - Чего испугались, орелики? Встать и вперед! Батальон пошел в атаку навстречу пулеметному огню... Неожиданно, как из-под земли, перед комбатом появился комбриг Разин: Отставить атаку! Хлыстом стеганул комбата по лицу: Я тебя, сукин сын, под трибунал отдам... Разведка же доложила: ни слева, ни справа немцев нет, а ты полез на рожон...

Артиллерийский расчет сержанта Смаги, обойдя железнодорожную будку, расстрелял её сзади. После этого наш третий батальон, не потеряв ни одного человека, пересек... насыпь. А второй батальон недосчитался многих солдат... Подполковник Разин не выполнил свою угрозу: капитан Ермак продолжал воевать. Людей не жалел, но и себя не берег. Он «работал» под Чапаева... И добился своего ценой своей жизни: посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза».

Теперь мой рассказ. После того, как отрезанные в Восточной Пруссии немецкие войска предприняли яростную попытку вырваться из окружения и под угрозой захвата оказались штабы танковых частей, вышедших к Балтийскому морю и даже штаб 5-й Гвардейской танковой армии, в которую входил наш 10-й Днепровский танковый корпус, штабы стали усиленно охраняться. Где-то в последних числах января 45-го года наш танк срочно был выведен из боя и направлен на охрану штаба 10 ДТК, куда из других подразделений прибыли еще два танка, дивизион «Катюш» и еще что-то. Через несколько дней нас сменили, и мы получили приказ срочно возвращаться в боевые порядки бригады, которая вела напряженные бои, удерживая рвущиеся из окружения войска и медленно сжимая их в восточном направлении. По пути в бригаду у нашего танка отказала задняя скорость, из-за этого мы несколько раз оказывались в нелепом положении: то механик-водитель замешкался и захватил в угол между гусеницей и корпусом толстенное дерево на обочине дороги, то при развороте на узкой улице какого-то немецкого городишка пушкой уперлись в карниз одноэтажного дома и ждали, пока проходящая самоходка не сдернула нас назад. В результате таких

приключений мы не укладывались в отведенный нам срок на возвращение. Когда ранним утром еще в темноте прибыли мы в свою бригаду, то все танки уже находились на исходной позиции для атаки за бугром, метрах в 700-х перед населенным пунктом с хорошо запомнившимся названием — Дойчендорф. Командир танка лейтенант Сергей из Москвы (фамилию, к сожалению, не помню, мы пробыли в одном с ним экипаже всего лишь две недели) принял решение не докладывать командиру взвода о том, что у нас совершенно не работает задняя скорость. Никто из экипажа не возражал против этого. Так без задней скорости мы и пошли в атаку.

Справа виднелся лес, слева дорога, обсаженная старыми деревьями, вся местность покрыта глубоким, но рыхлым снегом. Получив взбучку за опоздание, стараемся загладить свою вину, интенсивно стреляем из пушки с коротких остановок. Снег рыхлый, машина идет хорошо; вырываемся вперед, немцы ведут по атакующим танкам интенсивный минометный и пулеметный огонь, стремятся сбить с брони автоматчиков. Артиллерия молчит, танков противника не видно, — значит, на окраине домов нас ждут фаустпатронщики. До окраины Дойчендорфа остается метров 250 -300, и тут машина вдруг круто пошла вниз, ствол пушки уперся в землю, сделав полный откат ствола. Встали. Как потом выяснилось, ввалились в старый противотанковый ров, занесенный снегом и совершенно незаметный в начавшемся рассвете. Другие танки, увидев круто задранную корму нашего танка, остановились, стреляют с места. Командир танка по радио дал знать о противотанковом рве, и танки задним ходом отходят снова за бугор. Мы остаемся одни во рву, вокруг рвутся мины, по броне молотят осколки.

Хорошо, что нам не досталось автоматчиков. Вскоре обстрел прекращается, приоткрываем побольше люки, наблюдаем за немцами. Пушка крепко держит башню — не проворачивается, снизу все больше и больше набирается вода.

Вскоре бригада, вернее оставшиеся от неё 20-25 танков, начинает новую атаку вдоль шоссе, левее нас, танки доходят до окраины Дойчендорфа. Там немцы бьют по танкам фаустпатронами из подвалов, несколько танков горят, автоматчики сбиты с брони, фаустников из-под валов выкуривать некому — танки снова отходят назад за бугор. Совсем рассвело. На окраине видна немецкая батарея крупнокалиберных пушек штук шесть, пушки оживают, стреляют через наши головы. В спешке танки почему-то не уничтожили батарею. О наших переживаниях, самочувствии, впечатлениях этого сидения целый день в противотанковом рву в непосредственной близости от противника и о том, как вечером, в темноте при попытке эвакуации нашего танка мы погорели, нужен отдельный не короткий рассказ. Сейчас — о другом.

Ближе к вечеру, в начинающихся сумерках, от разбитого дома на опушке леса, что справа метрах в 500-х от нас, вываливается какая-то толпа и движется в нашем направлении. Насторожились, неужели немцы? Вынули из нижней шаровой установки пулемет, но как стрелять? Открытые крышки люков прикрывают нас с фронта, а правый фланг открыт, лезть под танк — там снег до самого днища... Но что-то по одежде не видно, что это немцы, угадываются вроде наши армейские телогрейки. Свои! Передовые бойцы уже подходят к танку, начинаем переговариваться. Оказывается, сейчас пехотный полк будет атаковать Дойчендорф, но в полку всего человек 200 — остатки от полка. Немцы молчат. По какой-то команде малочисленный

полк числом не более полу- батальона, растянувшийся от леса до нашего танка, начинает атаку: жиденькое «ура» и побежали, точнее, поковыляли вперед по глубокому снегу. Немцы мгновенно открыли ураганный пулеметный и минометный огонь. В течение нескольких минут покосило весь несчастный полк, все поле усеяно неподвижными телами.

Мы поражены: безумие атаковать населенный пункт по открытой местности, покрытой глубоким снегом. Так вот она какая судьба у пехоты- матушки... Совсем стемнело, но что это? Один зашевелился, другой... и начинается массовое воскрешение убитых, отползание назад, кто к нам под танк, кто в глубокие снежные танковые колеи, на шинелях лежат волокут раненых. На поле не остается ни одного тела! Пехота четко знает свое дело, воевать научилась: и чей-то идиотский приказ на атаку выполнила, и ни одного убитого. Ну, молотки, ребята, ну молодцы! Вот такой довелось наблюдать случай. Это было в начале февраля 1945 года. Весь полк снова подался к лесу и осел в подвале разбитого дома на опушке леса.

Через пару часов мы погорели: немецкая самоходка «артштурм», с инфракрасным прицелом незаметно, под шум подходящих для вытаскивания нас танков, подобралась на близкое расстояние и подожгла и наш танк, и подошедшие. (О том, что на немецкой самоходке был установлен инфракрасный прицел ночного видения, я узнал много позднее, после войны от своего комбата, который читал об этом в каком-то специальном журнале).

Остаток ночи мы (я — заряжающий и командир орудия — стреляющий) провели вместе с пехотинцами в подвале того дома, куда отошел атаковавший Дойчендорф пехотный полк. В подвале было душно, тесно, не спали, возбужденные произошедшим, обсуждали, анализировали вечерние события. Познакомились близко с сержантом — командиром отделения пулеметчиков. Он живо интересовался тем, как мы горели у них на глазах, нам были интересны подробности жизни пехотинцев-фронтовиков. Наш собеседник через каждый час ходил менять расчет пикета пулеметчиков, который был выставлен метрах в 200-х от приютившего нас подвала. После одного из таких выходов он вернулся в крайнем возбуждении без смененных пулеметчиков: он обнаружил их с отрезанными головами. Ближайший пикет, да и посты у сгоревшего дома слышали окрик того пикета — «стой, кто идет!?» — и какой-то спокойный ответ, все вроде бы было, как обычно... Так впервые я близко узнал о коварной подлости бывших наших, предателей, так называемых власовцев. Нельзя исключать того, что это могли быть и предатели — прибалтийцы. Как-то повелось еще с тех военных пор, не задумываясь называть всех предателей «власовцами».

В феврале-апреле 1945 года в Восточной Пруссии часто пришлось наблюдать результаты подобных зверских случаев. Так что те, кто пытался и сейчас пытается оправдать тех предателей Родины, называемых «власовцами» или «бандеровцами», либо сами были из их рядов, либо потомки их, в любом случае они мне представляются сообщниками их кровавых дел.

Утром добрались до штаба своего танкового батальона, расположившегося в каком-то безлюдном населенном пункте в 7-10 км от Дойчендорфа. Двое суток отсыпались, затем снова приняли танк в полевых ремонтных мастерских и прибыли опять на опушку того леса, где остатки нашей танковой бригады заняли оборону. По

ночам один танк высылался к дороге с задачей обстреливать немецкие войска, каждую ночь подходившие в город с востока. Тут ближайшей ночью мы отличились. Учили, конечно, недавний горький опыт, настояли на том, чтобы нам придали автоматчиков для охраны танка и усиления наружного наблюдения. При очередном нашем выдвижении на обстрел дороги выставили два пикета автоматчиков справа на опушку леса и не напрасно: они обнаружили немцев, идущих по лесу к занявшим оборону танкам, и обходящих их сбоку и сзади. Автоматчики прибежали к танку и сообщили о том, что по лесу идет в сторону танков большое количество, видимо, пьяных немцев, что-то орут. Мы отошли немного от леса назад, развернули пушку в сторону опушки леса, приготовили гранаты и ППШ. Автоматчики залегли под танк, мы заглушили двигатель и, когда стали слышны отдельные крики, открыли огонь из пушки и пулеметов, автоматчики тоже из-за танка лупили из 4-х автоматов. Расстреляли почти весь боекомплект снарядов и патронов. Утром ходили смотреть результаты нашей ночной работы: лес в полосе метров 300 на 300 был усеян убитыми. Лес был чистым, редким, и это благоприятствовало нам ночью. У каждого убитого был фаустпатрон, если бы они зашли по лесу в тыл нашим танкам, танки легко бы могли быть сожжены. В отражении ночного лесного нашествия немцев участвовал всего лишь один наш танк, остальные танки стояли вдоль опушки леса, их орудия были направлены в другую сторону. Соотношение по людским потерям под Дойчендорфом после этого стало явно в нашу пользу за последние дни. У нас потеря — один лейтенант, командир нашего танка, у них, — думаю, не меньше 200-300.. Так что, на войне было и так, и сляк: и промахи, и победы. И у немцев бывало так, о чем свидетельствует описанная ночная безумная лесная атака немецкой пехоты на танки.

Прошло с тех пор 60 лет, но атака нашей пехоты на Дойчендорф мне четко помнится до сих пор своей дикой нелепостью. Кто отдал преступный приказ на атаку города по чистому полю, по глубокому снегу, в то время как проще всего было договориться пехотному командиру с танковым командиром и атаковать немцев совместно? Скорее всего, тут сказалось то, что мы тогда входили в состав 2-го Белорусского фронта, которым командовал Рокоссовский, а пехотный полк, видимо, принадлежал 3-му Белорусскому, которым командовал тоже уважаемый Черняховский. Взаимодействие еще не было налажено, каждая часть действовала отдельно, подгоняемая вышестоящими командирами, которые находились вдалеке от передовой.

И все же, никогда у меня не повернулись бы ни сознание, ни язык распространить описанный отдельный эпизод на всю армию. Даже два отдельных случая: мы потеряли свои танки в тот злополучный вечер тоже бездарно, по своей вине, утратив элементарную бдительность. Зато спустя несколько дней изменили счет многократно в свою пользу на основе своего опыта, мастерства и оплошности немцев.

ЭКИПАЖ НЕ ОТВЕЧАЕТ НА ПОЗЫВНОЙ

После потери последнего своего танка в бою в населенном пункте Ляук был я назначен связным штаба 2-го батальона своей 183-й танковой бригады. Обязанности

самые разные: передавать устные распоряжения в подразделения, которые по каким-то причинам нельзя было передавать по радио; сопровождать офицера связи в разные подразделения, к стоявшим на исходной или застрявшим в атаке танкам; находиться на наблюдательном или командном пункте танковой бригады в ожидании распоряжений для своего батальона; выяснять причины, почему встал в процессе танковой атаки наш танк и с ним нет радиосвязи.

Вот такая ситуация и случилась, когда я однажды прибыл на наблюдательный пункт нашей бригады. НП располагался на чердаке 3-х этажного довольно высокого дома. Оттуда хорошо просматривалась такая картина. Примерно в шестистах — семистах метрах от дома находился лес, по опушке которого проходила оборона немцев. Перед лесом, метрах в трехстах в траншеях находилась наша пехотная часть. Между лесом и пехотой, сидящей в траншее, одиноко стоял наш танк Т-34, метрах в двухстах от опушки леса. Стоял он там уже давно, наверное, подбитый, радиосвязи с ним не было. Меня через других связных потребовал к себе капитан И. и дал мне задание пробраться к тому танку, узнать, что с ним случилось и почему экипаж не отвечает на радиопозывные. Никакими другими пояснениями капитан И. свое задание не сопроводил. День клонился к вечеру, и я сразу отправился выполнять данное мне задание. Тут же на НП, где много толпилось моих знакомых, таких же связных и разных сопровождающих, мне подсказали: к тому танку уже посылали несколько связных, даже повара с термосом для экипажа, но никто из них не вернулся. Там действует немецкий снайпер, а капитан И., наверное, умышленно об этом мне не сказал. Надо быть очень осторожным. Мне подсказали также, что почти от самого дома НП по траншее можно подойти к танку, не высываясь из нее, метров на сто, и что пехотинцы, находящиеся в траншее, точно укажут, где сидит немецкий снайпер. Я последовал совету моих доброжелателей и, действительно, добрался до конца траншеи.

Пехотинцы в конце траншеи подробно меня проинструктировали, как вести себя здесь. Во-первых, не высывать голову из траншеи, во вторых, до темноты не предпринимать никаких попыток подойти к танку. Они показали мне, где лежит раненый снайпером повар с термосом, рассказали, что днем он был еще жив, долго шевелился, но никто не рискнул к нему подобраться, ждут темноты. Ничего не поделаешь, надо ждать темноты. Ожидание это на дне траншеи оказалось очень утомительным, и пехотинцы, видя мое нетерпение, подсказали мне еще один, но небезопасный вариант, как подойти к танку. Дальше в продолжении их траншеи через 10—15 метров идет траншея прерывистая в виде трехколенных ячеек. В них никого из наших нет. Если быстро перескочить в ближайшую такую траншейную ячейку, то танк окажется на линии между этой ячейкой и снайпером. Тогда можно будет попытаться подойти к танку сзади. Но вариант этот очень рискованный, лучше набраться терпения и дожидаться темноты. Мне этот вариант показался вполне приемлемым, я стал его тщательно обдумывать.

Между тем стал опускаться вечерний туман и видимость стала ухудшаться. Потеряв всякое терпение, я решаюсь начать свою операцию, не дожидаясь полной темноты. Пехотинцы еще раз дали мне советы, кто-то даже перекрестил меня. Я сжимаюсь в комок, выскакиваю из траншеи, в несколько прыжков оказываюсь у следующей траншеи и с ходу ныряю в нее. Ни выстрела снайпера, ни пули не было

слышно. Присев по инерции на дне траншеи, перевожу дыхание и тут слышу громкое прерывистое дыхание человека, находящегося рядом, за поворотом траншеи. Быстро вынул револьвер, взвел курок, размышляю, кто бы это мог быть. Ведь пехотинцы сказали, что тут никого нет. Спрашиваю тихим голосом, кто тут? Молчание, затем тихий ломаный голос: «Я ранен». Выглядываю и вижу совсем юного парнишку в нашей солдатской форме, лежащего в углу траншеи. Думаю, кто же это может быть? То ли немецкий перебежчик? То ли их лазутчик? То ли прибалт, решивший от немцев перебраться к своим? Решил на обратном пути рассказать об этом пехотинцам и тогда принять решение, как с ним поступить. Сказал ему, что быстро сбегаю к танку и на обратном пути помогу ему перебраться в соседнюю траншею. Там есть люди, они помогут добраться до медпункта. Затем несколько раз высунул над окопом шапку, убедился в том, что снайпер не реагирует на это. Не видит, наверное, на таком расстоянии в надвинувшихся туманных сумерках. Выглянул сам, разглядел куст на опушке леса, рядом с которым, по сведениям пехотинцев, находится снайпер, и закрываясь от этого куста танком, пригнувшись, побежал к танку. Но в этот момент у меня из кармана выпал револьвер. Я вернулся, схватил его и, обернувшись к танку, увидел, как вдоль борта по броне чиркнула яркая длинная искра. Не заметив, я сместился с выбранного направления подхода к танку, невольно чуть высунулся из-за его прикрытия, и снайпер тут же среагировал. Мне в очередной раз повезло... Достучался до экипажа, узнал все о них, о неисправности танка и, дождавшись того момента, когда туман стал совершенно непрозрачным, в полутьме двинулся в обратный путь. Компаса у меня с собой не было, и я тут же уклонился в какую-то сторону, на наши траншеи не вышел и долго колесил где-то вокруг. Помнится, почему-то меня сопровождало щелканье пуль, или это было эхо выстрелов в тумане. Понял, что я заблудился, стала тревожить мысль, как бы не попасть к немцам. Не помню уж по каким признакам я все же вышел к своим, наткнувшись на дорогу довольно далеко от нашего НП...

Имел место, как говорится, и еще один случай в то время, когда я был связным при штабе 2-го тб, случай из тех, который запомнился надолго. Находился я однажды на КП 183-ей тбр вместе с другими связными от других батальонов. У комбрига на совещании находился наш начальник штаба, капитан И.Ф. Симоненко. Мне предстояло сопровождать его обратно в штаб батальона. Иван Федотович человек был спокойный, рассудительный, никогда не допускал грубостей по отношению к подчиненным. Был он на совещании у комбрига, скорее всего, вместо комбата-2 П.И. Громцева, который в то время находился постоянно в танке, в боевых порядках пехоты вместе с двумя другими танками. Это было все, что осталось из танков от всей 183-й тбр. к тому времени.

Выскочил Симоненко от комбрига крайне возбужденный, наверное, там не обошлось без рукоприкладства — комбриг Гришин злоупотреблял этим. Позвал начштаба меня, и мы пошли к нашим танкам, занявшим оборону километрах в двух от КП бригады. Радиосвязи с танками не было. Задача перед начальником нашего штаба была поставлена комбригом четко: идти к танкам и «лично разобраться, почему танки не продвигаются вперед, и доложить». Добрались до танков по следам танковых

гусениц мы благополучно. По звуку пролетающих мин и снарядов давно уже научились определять, где они упадут, и каждой из них не кланялись...

Пара тяжелых самоходок СУ-152 и несколько танков стояли в узкой ложине в шахматном порядке. Некоторые из танков догорали, дымили бандажными опорными катками. Проходя мимо ближайшей самоходки, заметили лазающего по ней и заглядывающего в люк пехотинца. Впереди этой самоходки, метрах в 15 — 20 от нее стояла тридцатьчетверка, по всем признакам целая. Подходим к ней сзади, смотрим, чем бы постучат по броне и в этот момент сзади раздается какой-то взрыв и нас как пушинки смело взрывом на землю и сильно оглушило. Приходя в себя, думаю: что за черт? Звука подлетающего снаряда или мины не было слышно, и, вдруг, такой взрыв. Смотрим с Симоненко очумелые друг на друга и думаем, наверное, об одном и том же: что же произошло? После того, как оглянулись назад все стало ясно: ствол самоходки, направленный в нашу сторону, еще дымился, из люка вылезал наш знакомый перепуганный пехотинец. Он, конечно из любопытства или случайно дернул за ручку механического спуска, а пушка была заряжена. Хорошо, что ствол пушки был направлен чуть мимо танка, к которому мы подошли, снаряд прошел мимо нас, баллистической волной от снаряда нас бросило на землю, а волной выстрела сильно оглушило. Недели две левое ухо у меня совсем не слышало, со временем слух, кажется восстановился, но левое ухо до сих пор слышит заметно хуже правого...

Капитан Симоненко погнался было с пистолетом за любителем лазать по сгоревшим танкам, да куда там. Тот задал такого стрекача — никому не догнать. Такой вот комический эпизод имел место, чуть не кончившийся для нас летальным исходом. Нас не бросило на броню, а смело меня под танк, капитана мимо танка на землю. Повезло и на этот раз...

В тот последний период нашего нахождения в Восточной Пруссии приходилось много ходить рядом с передовой и невольно наблюдать боевые действия наших штурмовиков Ил-2 и бомбардировщиков Пе-2. Мое внимание, неисправимого поклонника авиации, они особенно привлекали. Был конец марта — начало апреля, погода стояла солнечная, что делается в воздухе хорошо видно.

Типичной была такая картина. Над нашими головами, на небольшой высоте идут на штурмовку самолеты Ил-2, выше их в том же направлении идут Пе-2. Эскадрильи и тех, и других идут в сопровождении пар истребителей и справа, и слева. Почти всегда было видно, как наши штурмовики заходят на цели, пикируют, бьют эрэсами, стреляют из пушек, низко выходят из штурмовки и снова над нашими головами идут домой. Очень часто подбитые, с разорванной обшивкой хвостового оперения. Цел только каркас киля, словно ребра скелета. Но летит и летит. Всегда удивляло — куда подевались истребители? Домой Илы всегда шли без сопровождения истребителей. Такая картина нас, наземных наблюдателей всегда возмущала. Воздушных боев в пределах нашей видимости никогда не было.

Довелось мне наблюдать там, у побережья Балтийского моря, и несколько, так называемых, огненных таранов подбитыми Ил-2, штурмующих цели. На пикировании наш штурмовик вдруг загорается от интенсивного обстрела с земли, сзади у него вырывается хвост пламени, но он не выходя из пикирования, не изменяя направления полета, врежется в землю. Видел подобное там, в Восточной Пруссии, несколько раз в

те дни. Но только в одной книге о действиях советской авиации в Восточной Пруссии — в книге Б. Наливайко — «Эхо штурмовых ударов» встретил краткое упоминание лишь об одном огненном таране, который наблюдал автор книги весной 1945 года в Восточной Пруссии. Позднее узнал, что в Восточной Пруссии было совершено, по крайней мере, 7 «Огненных таранов».

Много гибло в то время у нас на глазах наших бомбардировщиков Пе- 2 при возвращении их с бомбежки над нашими головами или вообще в поле нашего зрения. Также типичной была такая ситуация. Отходит от района бомбежки группа наших «пешек», еще не успев собраться и принять упорядоченный строй, как сзади эту группу пронизывает на значительно большей скорости, чем она у «пешек», одиночный немецкий истребитель, и к земле идет один — два наших горящих бомбардировщика. наших истребителей поблизости, как всегда, нет. Теперь часто приходится читать, что немцы в то время уже в немалом количестве и небезуспешно стали применять реактивные истребители. Похоже, мы и видели их при нападении на наши бомбардировщики при отходе их от целей. С болью в сердце, как поклонник авиации, наблюдал я эту печальную картину...

Однажды довелось наблюдать даже интересное физическое явление, связанное с падением на землю сбитых самолетов. После того, как грохнулась на землю наша сбитая «пешка», очевидно, с полной бомбовой нагрузкой, по всему небосводу видны были расходящиеся звуковые волны. Это явление объяснялось, наверное, тем, что весенний воздух на морском побережье был сильно насыщен влагой и поэтому зоны уплотненного воздуха от звуковых волн стали резко отличаться от зон разряжения воздуха, такая разница и стала заметной визуально. Но первое впечатление при наблюдении этого явления было такое, будто противник применил какое-то новое оружие. Много раз мне приходилось наблюдать падение сбитых самолетов, но звуковые волны в воздухе довелось видеть только один раз.

Еще один случай, связанный с наблюдением сбитых самолетов, хорошо помнится. Когда мы погорели после танковой атаки на Ляук и шли по следам танковых гусениц в штаб своего батальона, неизменный пункт сбора всех, кто остался без танков, сопровождая раненого командира нашего танка, над нами появился летящий горизонтально горящий самолет. Естественно, он привлек наше внимание. Неясна была его принадлежность, силуэт был незнакомым, и летел он вдоль линии соприкосновения с противником. Через несколько мгновений из него вываливается человеческая фигура и, не раскрывая парашюта, врезается в землю. Затем вываливается другая фигура, парашют раскрывается, а самолет почти сразу после этого устремляется к земле и взрывается. Мы отошли от злополучного для нас Ляука не больше, чем на километр, подошли уже к лесу, откуда начиналась у нас танковая атака, и, видно было: недалеко от нас должен опуститься летчик на парашюте. Мы, конечно, решили сразу его встретить. Если немец — взять в плен, если наш — уберечь от плена. Стали смещаться к месту его скорого приземления. Он приземлился метрах в двухстах от нас и, увидев нас, побежал в сторону немцев. Двое из нас побежали за ним, я подбежал к парашюту, посмотреть марку парашюта. Сразу увидел на нем клеймо с крупными буквами НКАП — ясно, парашют наш, производства народного комиссариата авиационной промышленности. Побежал к той группе, которая

устремилась за парашютистом. Он, услышав крики на русском языке, наконец, остановился. Крайне возбужден, руки трясутся. Немного успокоившись, стал рассказывать. Оказалось: он стрелок-радист с самолета «Бостон», такие самолеты поставляют нам англичане. Где проходит линия фронта в этом месте, экипаж не имел представления. Первым покинул самолет штурман, парашют у него, вероятно, был поврежден осколками зенитного снаряда, поэтому и не раскрылся. Почему летчик не покинул самолет, он не знает, возможно, был тяжело ранен. Вот так свела судьба встретиться остаткам двух погоревших экипажей боевых машин разных родов войск. Было в той встрече что-то явно символическое.

Самое непонятное было то, что ни осенью 1944 года в Прибалтике, ни весной 1945 года в Восточной Пруссии я не видел ни в прифронтовой полосе, ни непосредственно на передовой боевых действий наших истребителей. Видел их только сопровождающими наши Ил-2 и Пе-2 при полете к фронту. Обратно и те, и другие шли без сопровождения истребителей, и часто «пешки» гибли на своем обратном пути от немецких истребителей. Думаешь, что хочешь, куда исчезали наши истребители. То ли всегда и всех их сбивали немцы, то ли все они бывали связанными там, над линией фронта, воздушными боями с авиацией противника, то ли просто бросали сопровождаемые самолеты. Поэтому о действиях нашей истребительной авиации в прифронтовой полосе у меня остались неблагоприятные впечатления. Оно усилилось еще после случая, когда нас, двух связных, идущих от танков на НП бригады, обстрелял наш одинокий «Як», возвращающийся от линии фронта. Маловероятно, что то был немецкий летчик, летящий на нашем истребителе.

Немецкой авиации в Восточной Пруссии, практически, не было видно в воздухе. Всю зиму стояла там пасмурная, слякотная погода, и было понятно, почему в воздухе нет авиации. В марте — апреле стояла, в основном, ясная, солнечная погода, было видно явное господство советской авиации. На таком фоне было странно наблюдать ежедневную гибель наших бомбардировщиков, возвращающихся после выполнения боевого задания...

В начале марта 10-й Днепровский танковый корпус был выведен из состава 5-й гвардейской танковой армии и придан 48-й, а позднее 29-й общевойсковым армиям. Все оставшиеся танки были сосредоточены в 183-ей танковой бригаде. Последние бои в этой бригаде вел с тремя или четырьмя танками наш комбат, капитан Павел Иванович Громцев, медленно продвигаясь на восток, сжимая на своем участке восточнопрусскую группировку немцев и отражая их контратаки. Мне приходилось не раз ходить к его танку, передавать различные распоряжения ему и поручения от него. В одном из последних боев он был тяжело контужен в танке и выбыл в полевой госпиталь. Незадолго до этого там же погиб вместе со всем экипажем комбат — 3, капитан Пручковский. Их танк от попадания вражеского снаряда и детонации своего боекомплекта взорвался. О героической гибели экипажа комбата капитана Пручковского в корпусной газете «За Родину» была опубликована тогда же большая, на две полосы статья.

В начале апреля после потери последних танков 183 танковая бригада была выведена из боев. Вскоре весь уцелевший личный состав 10-го ДТК был переброшен на 2-й Украинский фронт в район Кракова.

За успешные боевые действия в Прибалтике и Восточной Пруссии 183 танковая бригада, в которой я имел честь принимать непосредственное участие в боях в составе экипажа танка Т-34-85, была награждена орденами Суворова и Кутузова 2-й степени. Ей было присвоено почетное наименование «Танненбергская». Более подробные сведения об итогах боевых действий 183 танковой «Танненбергской», орденов Суворова и Кутузова танковой бригады приведены в книге «Десятый танковый Днепровский», авторы Кравченко и Бурков и в сборнике документов и воспоминаний «Скрежет и лязг танковых гусениц», составленном И.А. Слепичем и А.М. Тереховым.

Глава 6. ПЕРВЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ ГОД

ПЕШИМ ПО-ТАНКОВОМУ

День Победы наш 10-й Днепровский, ордена Суворова 2-й степени танковый корпус, в состав которого входила и наша 183-я Танненбергская, орденов Суворова и Кутузова 2-й степени танковая бригада, встретил в шахтерском поселке Мысловицы, что расположен километрах в двадцати от польского города Катовицы, во втором эшелоне 2-го Украинского фронта. Сюда корпус был переброшен в конце апреля из Восточной Пруссии, из района Браунсберга (ныне — польский город Бронево, что западнее Кенигсберга километрах в сорока). Там наша 183 ТТБр, потеряв в тяжелых боях почти все свои танки, находилась некоторое время в обороне в составе какой-то пехотного соединения, ожидая пополнение танками. Но неожиданно, в начале апреля, весь оставшийся личный состав бригады на автомашинах отправили на юг Восточной Пруссии, погрузили в теплушки эшелона и отправили в неизвестном для нас, танкистов, направлении. Вскоре прошел слух о том, что мы едем на Дальний Восток. Но в Вильнюсе наш эшелон был задержан на некоторое время, а затем отправлен в Юго-западном направлении. Через пару дней мы выгрузились в городе Перемышль, а отсюда на автомашинах нас и доставили в Мысловицы к польско-чехословацкой границе.

В Мысловицы почему-то не прибыл наш комбриг Гришин, а вместо него появился новый, довольно пожилой комбриг, полковник Ковтун. Смену комбрига офицерский состав бригады, да и сержанты-танкисты, встретили с одобрением. Полковник Гришин принял нашу танковую бригаду перед самым началом боев в Восточной Пруссии и прославился тем, что увлекался рукоприкладством по отношению к офицерскому составу, особенно — к штабным офицерам. Сержантский состав экипажей он не трогал. Видимо знал, что тут он может встретить также неуставной отпор. А может быть слышал про широко известный в среде танкистов рассказ о том, как один полковник, проезжая на «виллисе» мимо остановившегося танка, потребовал к себе командира танка и после бурного объяснения с ним застрелил его. Когда он двинулся дальше, экипаж занял свои места в танке, и командир орудия

танка, отпустив «виллис» на некоторое расстояние, ударил по нему из пушки и разнес вдребезги. Этот рассказ, может быть фронтową байку, танкисты, пересказывая друг другу, нередко прибавляли, что этот случай имел место именно в их танковой бригаде.

У нас же в бригаде с полковником Гришиным произошел в Восточной Пруссии такой неординарный случай. У комбрига по штату был персональный танк. У него и у начальника штаба бригады тоже. Но, находясь в танке они редко командовали. Практически всегда комбриг разъезжал на «виллисе», а свой персональный танк держал либо в качестве своего резерва, либо придавал его время от времени к тому или иному танковому подразделению, или использовал в качестве своей охраны, или охраны своего командного или наблюдательного пункта. Механиком водителем был у него очень опытный водитель ст. сержант Владимир Семенов, хороший мой знакомый. Так вот, едет однажды по дороге на своем «виллисе» комбриг Гришин и видит: на дороге стоит его танк, передний люк у него приоткрыт, на своем сидении дремлет Семенов. Больше в танке никого нет, командир танка и другие члены экипажа ищут полевых наших ремонтников. Комбриг останавливает свою машину, вылезает из неё, закуривает свою знаменитую трубку, из-за чего его часто именовали между собой танкисты «трубкой». Завидев его, народ подавал сигнал тревоги — «трубка идет», — и старался не попадаться ему на глаза. Все знали, что его трубка — подарок английской королевы, и было понятно, почему комбриг редко был без неё. Может и некурящим до этого он был, но разве не закуришь, получив такой подарок от самой королевы. Был комбриг Гришин и весь обвешен орденами, включая несколько иностранных орденов, поэтому, видимо, и чувствовал себя среди своих подчиненных на уровне английского короля. Вот и тогда, приняв, наверное, для сугреву определенную долю коньяка, решил пошутить с Семеновым. Подходит он к люку и спрашивает Семенова: «Почему стоишь, Семенов?» — «Коробка полетела, товарищ полковник»... «Коробка полетела?!» Достает из кармана спичечную коробку и протягивает её одной рукой к люку и говорит: «На, поставь коробку». Крышка люка у Семенова хотя и открыта, но не застопорена, находится в равновесном состоянии. Семенов, хорошо зная нрав хозяина своего танка, медленно тянется рукой за сличенной коробкой, лихорадочно пытаюсь сообразить, какую же каверзу задумал полковник? Но как только рука Семенова приблизилась к обреза люка, комбриг выхватывает свою трубку и ударяет ей по руке Семенова. Тот мгновенно другой рукой прикрывает люк, трубка попадает под крышку, хрустнула и остается зажатой. Комбриг в бешенстве кричит на Семенова: «Открой люк, мать в перемать, трубку мою зажал. Тот приоткрыл люк, трубку вытолкнул, оставив небольшую щель, крышку люка застопорил, открыл перископы, смотрит на комбрига. Он продолжает беситься: «Открой люк, а то застрелю». Семенов ему: «Хрен тебе, давай стреляй!» Полковник побесился, побесился и уехал. Когда вернулся экипаж, Семенов рассказал о случившейся истории командиру танка. Тот, зная самодурство комбрига, похвалил Семенова и постарался затянуть ремонт танка. Пока разыскивали, где расположились полевые походные мастерские бригады, пока приехала ремонтная летучка, пока разобрались в неисправности, пока отбуксировали танк с дороги и поставили его так, чтобы он не был виден с дороги, пока съездили за нужными деталями и привезли их, прошло несколько дней. Комбриг не появлялся, занятый, наверное, среди множества других дел и ремонтом своей трубки. Потом,

обкатывая ходовую часть танка после ремонта, командир танка договорился с одним из комбатов и поучаствовал в бою. Это всегда ценилось. Так и замяли конфликт с комбригом. Тот тоже не вспоминал свое позорное поражение.

Многие из офицеров, как было известно, ставили неоднократно вопрос и в политотделе о возмутительных выходках комбрига Гришина, и жалобы писали по инстанции. Но бригада воевала успешно, и командование корпуса, или, скорее всего, командарм 5-й Гвардейской танковой армии, в состав которой входил тогда наш 10-й ДТК, не решались сменить комбрига во время ответственной операции по окружению Восточной Пруссии. Но, как только корпус был выведен из боев, комбрига Гришина сразу убрали из бригады. Спустя много времени после войны появились книги о боевых делах 10-го ДТК, посвященные ему экспозиции в музеях боевой славы. Имя комбрига Гришина по настоянию офицерского состава отовсюду было изгнано.

Отгремели первые послепобедные бурные праздничные дни. Вскоре вручили нам, награжденным еще во время боев в Восточной Пруссии, ордена и медали, мы «обмыли» их, как положено, сфотографировались у хорошего местного фотографа — чеха. Каждый награжденный чувствовал свою причастность к Великой Победе и к тому, что наша 183-я танковая бригада за успешные бои в Прибалтике и Восточной Пруссии награждена орденами Суворова и Кутузова 2-й степени и ей присвоено почетное наименование «Танненбергская». Все эти радостные события промелькнули в весенние солнечные майские дни незабываемого 1945 года.

Но вскоре возник у каждого важный для него вопрос — что дальше? Старшие по возрасту однополчане стали с нетерпением ждать демобилизацию, но о ней пока никаких слухов. Наш возраст 20-ти летних от таких мыслей был далек, нам еще служить и служить.

Командование старается чем-то занять свое воинство. Всех уцелевших танкистов свели в одну роту, сформировали экипажи, но танков пока нет.

Командиром батальона назначен известный своими боевыми делами майор Павел Иванович Громцев, начальником штаба — капитан И.Ф. Симоненко, помощником начальника штаба — старший лейтенант Сергеев, помощником комбата по политчасти — майор Шестопапов, начальником связи — старший лейтенант Чугров, помпотехом батальона — старший лейтенант Волошин, командиром нашей танковой роты — старший лейтенант В. Садохин, с которым атаковали в одном экипаже злополучный для нас Ляук, где он был ранен на вылет в кисть руки, а мы вчетвером, спустя некоторое время погорели в своем танке. Все хорошо знакомые и уважаемые командиры. Механики-водители тоже как на подбор: старшина Николай Казанцев, мы с ним горели под Дойчендор-фом, а теперь — в одном экипаже, старшина Сергей Слесаренко, старший сержант Владимир Семенов, старшина Александр Митькин, сержант В. Сергеев,...

Но служба без танков становится все скучнее и скучнее. Увеличиваются, множатся всевозможные караулы и наряды на них, это не вызывает у нас энтузиазма, как всегда и повсюду в армии. Политработники пытаются организовать экскурсии в Берлин, в Освенцим, который находился километрах в двадцати от нашего месторасположения. Но с транспортом почему-то туго. В Берлин съездила лишь

небольшая группа офицеров, в Освенциме побывать довелось, но впечатление от него осталось какое-то не такое, о каком писали тогда все газеты.

В рамках тактических занятий «пешим по танковому» сходили на реку Вислу и искупались в её ледяной воде. Она в тех местах спускается только что с гор на равнину и устремляется в узком, глубоком русле, шириной метров 10 — 15 на север, холодная и стремительная. Осенью 1944-го нам довелось искупаться в Немане, теперь, вот, в Висле, в самом её верховье. Казаки наши, наверняка побывавшие в этих краях, тоже с гордостью искупали своих коней в этой знаменитой по историческим событиям реке.

С конца мая начались непрерывные передвижения наших войск в Германии, Польше и, наверное, в других странах, где застал их конец войны. В недалеких Катовицах погрузились мы в эшелон и двинулись куда-то на север. Выгрузились сначала на окраине Познани, поселились в каком-то, бывшем военном городке у самой реки Варты. Покупались и там, в третьей реке на чужой территории. Но вскоре снова погрузились на колеса и через несколько дней выгрузились неведомо где, в каком-то бывшем богатом имении. Через полторы недели — опять на колеса. Проследовали через Франкфурт на Одере и повернули опять на север. На протяжении всех этих перемещений навстречу двигались эшелоны с немецким населением, выселяемым с той территории, которая по Ялтинскому, а потом и по Потсдамскому соглашению союзников, отходила к Польше. Голодные, легко одетые женщины и дети, просящие что-нибудь поесть. Выселяли их поляки, давая на сборы, как нам говорили, всего 24 часа, не разрешая ничего брать с собой, кроме того, что на себе. Многие наши солдаты и офицеры жалели этих несчастных женщин и детей, подкармливали тем, что кто имел, возмущались жадностью и жестокостью поляков.

Наконец, выгрузились в городе Фалькенбург под Штеттином. Нашей танковой бригаде отвели для расположения местность километрах в 10-ти от Фалькенбурга на берегу озера на краю большого леса. Поселились мы в одноэтажных бараках какого-то странного населенного пункта. Вскоре выяснилось, что поселились мы на территории бывшей немецкой разведшколы. Кроме бараков рядом располагалось несколько довольно больших, приземистых зданий, крыши которых поверх водонепроницаемой кровли были покрыты тростником, явно для маскировки от авиации. Берег озера в этом месте был высоким, сухим, видимо, каменистым. Под нами находился какой-то подземный завод, затоплений озерной водой к моменту нашего прибытия в это место. Точнее сказать, он был затоплен в момент, когда здесь проходил фронт, и так и остался в таком состоянии на долгое время. Немного в стороне от нашего расположения высилась огромная прямоугольная башня — воздухозаборник для подземного завода, послужившая нам хорошим ориентиром, когда мы начали разведывать окрестности. Под землей находилась и большая специализированная библиотека. Там среди множества книг на немецком языке было много крупномасштабных аэроснимков кварталов наших крупных городов: Киева, Одессы, Харькова и многих других. На них были указаны номера квартир некоторых домов и списки жильцов, наверное, еще довоенных. Среди этих квартир, были, надо полагать, и явочные квартиры для разведчиков. В одном из бараков, в которых мы вскоре поселились, было разбросано множество личных дел на русском языке, то ли готовившихся там разведчиков, то ли сотрудников этой разведшколы. Для нас это не представляло никакого интереса.

Поднимешь, полистаешь и снова бросишь в одну мусорную кучу. Книги, фотоснимки, личные дела были беспорядочно разбросаны. Задолго до нас в этой бывшей разведшколе побывали, как говорят, компетентные органы и весь интересный для них материал отсюда вывезли.

После того, как мы оборудовали себе жилье, жизнь пошла веселее, появилось свободное время. Невдалеке, также на высоком берегу озера располагался хорошо оборудованный стадион, рядом находилась байдарочная станция с множеством уцелевших гоночных байдарок, вышка для прыжков в воду. Озеро, на берегу которого мы расположились, было лишь начальным звеном целой цепи озер, переходящих одно в другое и простирающихся на десятки километров. Все это и еще охота, которой мы небольшой компанией вскоре занялись, очень скрасило нашу жизнь на целый год.

Вскоре стало поступать в бригаду пополнение личного состава из танковых школ. В бригаде появились три танка, вышедшие из ремонта, для учебных целей. Из ветеранов, прошедших фронт, образовали инструкторские экипажи, я вместе с Николаем Казанцевым попал в один из них, и жизнь у нас пошла интересная, веселая и содержательная. Танки были поставлены на окраине территории расположения танковой бригады на высоком пригорке, метрах в 400-х от опушки леса. На той опушке леса водилось много земляных кроликов, диких, конечно, которые жили в норах. По вечерам они вылезали из нор и затевали свои игры. Их хорошо было видно через прицел танковой пушки, с которой был спарен башенный пулемет. Мы такую уникальную ситуацию использовали для пристрелки башенного пулемета одиночными выстрелами.

Наш танковый корпус, пока без танков, вошел в состав 7-й механизированной армии, которой командовал генерал армии П.Батов, армия вошла в состав Северной группы войск маршала К. К. Рокоссовского. Эта группа войск прикрывала с Запада треть территории между Балтийским морем и Адриатическим на юге, где остановились наши войска после окончания войны в Европе. В ближайшее время корпус должен был получить новые танки и стать снова мощной боевой единицей.

Неожиданно поступает команда строить своими силами ангары для танков. И закипела снова авральная работа. Откуда-то везут бревна, ошкуриваем их, копаем ямы, ставим столбы. Много столбов для единого ангара для всех танков бригады — 65 единиц. 66 столбов в один ряд, столько же в другой ряд, между ними врезаем перекладины. Сверху делаем обрешетку, кладем толь, пилим, обрезаем, прибиваем доски. Через неделю огромный ангар готов. Еще через неделю прибывают в Фалькенбург новенькие «тридцатьчетверки», Экипажи сформированы и пополнены. Я вместе с Казанцевым в одном экипаже командира танковой роты. Командиром танка у нас лейтенант Соколов, из новичков — только заряжающий, младший сержант Михеев. В нашем экипаже командира танковой роты два офицера, так как место командира танковой роты всегда в танке. Он располагается на месте командира танка, а тот — на месте стреляющего командира орудия. Тот, естественно, становится заряжающим, а заряжающий садится на место пулеметчика, рядом с механиком-водителем и становится его основным помощником.

Однако прибытию новых танков недолго радовались. После обкатки танков и опробования оружия боевыми снарядами и патронами поступает команда поставить

танки на консервацию. Это значит все хорошо очистить, смазать, аккумуляторы снять и держать на аккумуляторно-зарядной, станции, моторное масло слить и держать в водомаслогрейке. На каждую боевую машину на год отводится только 30 моточасов вождения танка. Это не радует. Опять много времени будем тратить на тактические занятия «пешим по танковому». Совсем тоска. Хорошо, что наш экипаж по-прежнему является инструкторским экипажем, у нас есть еще и учебный танк.

ТРОФЕЙНЫЙ ПИСТОЛЕТ

Вскоре после большого перерыва в батальонах была возобновлена вечерняя поверка личного состава. Основное на этих поверках — читка приказов, большинство из которых, направлено на укрепление дисциплины в войсках, на пресечение негативных эксцессов с местным населением. Буквально в каждом приказе объявлялись суровые приговоры военных трибуналов за бесчинства военнослужащих среди местного населения. Все чаще и чаще в заключении приговоров звучало — «расстрел». Не верилось в то, что приговоры приводились в исполнение, думалось, суровость необходима для устрашения.

Понять происходящее тогда можно. Огромная масса людей, привыкшая к напряженной жизни, оказалась вдруг без привычного опасного дела, с возможностью поминать ежедневно павших своих боевых товарищей. У многих — неудовлетворенное чувство отмщения за погибших родных, родственников и близких во время оккупации немцами родных краев. Ничего равного боевой обстановке нет, за исключением жизни тех, кто участвовал в вылавливании различных банд, диверсантов, иностранных разведчиков, перебежчиков, бандеровцев, «зеленых братьев». Попытки занять большие массы людей заурадной «боевой и политической подготовкой» не могли предотвратить стихийные порывы к веселью, к приключениям, к бурным застольям и лихим похождениям. Все это при наличии почти у всех законного и незаконного оружия... Как следствие всего этого — приказы с объявлением расстрельных приговоров военнослужащим за тяжкие преступления, следовавшие один за другим.

Слушая такие приговоры, я с содрогавшем вспоминал и удивлялся, как мне повезло в октябре 1944 года, когда, находясь в госпитале выздоравливающих, я попал в нелепую историю, которая могла закончиться подобным приказом и таким же приговором для меня.

Я уже выше говорил, как добыл злополучный пистолет.

Через пару часов после этого радостного для меня события я был ранен в танке: в открытый мой верхний люк пилот «Фокке-Вульфа — 190», надо признать, настоящий воздушный снайпер, влепил пулеметную очередь. Мое ранение оказалось неопасным: разрывные пули прошли касательно по спине, не задев костей, оставив в ней лишь множество пулевых осколков. Ранение же командира танка, находящегося левее меня, оказалось, куда серьезнее: ему через два дня пребывания в госпитале отняли правую ногу. Наскоро перевязав, нас выгрузили из танка, отнесли и положили в старую воронку у дороги. Танки ушли вперед. Откуда-то ни возьмись к нам в воронку

плюхнулся какой-то человек в армейской форме в маскхалате, знаков отличия у него не было видно, но чувствовалось — явно офицер. Что-то в нем мне не понравилось, мелькнула мысль: вот так, наверное, к нам и засылают немцы своих разведчиков. Я сунул незаметно руку в карман и держал палец на спусковом крючке пистолета. Но поняв, видимо, мой недобрый взгляд, странный наш неожиданный спутник перескочил из нашей воронки в другое место. Мысли мои все это время работали в одном направлении: как хорошо, что я достал себе пистолет, который в полной боевой готовности можно держать в кармане. Но как его сохранить в госпитале? К этому времени был уже наслышан: при поступлении в госпиталь в первую очередь заставляют сдать личное оружие и тщательно следят за тем, чтобы кто-то его не утаил.

Вскоре остановилась у нашей воронки автомашина, подвозившая к танкам нашу полевую кухню, меня забрали в неё и отвезли к полевому пункту сбора раненых, одновременно являющимся и первым перевязочным пунктом. Этот перевязочный пункт располагался километра в десяти от того места, где меня ранило, и где остановились наши танки перед переправой через реку. Наблюдая за теми из раненых, кого выводили из большой палатки после перевязки и тут же рассаживали рядом с нами, сообщая, что скоро всех перевязанных заберут и развезут на специальной автомашине по госпиталям, я убедился: все возвращаются в своей одежде, никакого оружия здесь не ищут, не до того. Скоро забрали на перевязку и меня, сняли «несгораемую» куртку и гимнастерку, всадили укол против столбняка, обработали раны, убедились, что жизненно важные органы не задеты, крепко перевязали спину крест-накрест через грудь, снова одели, оставив расстегнутой гимнастерку, записали сведения из красноармейской книжки, вывели из палатки наружу и велели ждать, когда вызовут на погрузку.

Пока ждал санитарную машину, продумал «стратегический» план, как сохранить пистолет. Присмотрел поблизости грязную, слегка промасленную тряпку, отойдя по малому, завернул в неё пистолет, благо руки действовали, снова положил в карман. Поясню, к слову, что такое «несгораемая» куртка. Как только по прибытии на 3-й Белорусский фронт нашу маршевую танковую роту включили в состав 183 танковой бригады 10 ДТК, нам выдали черные, под кожу, названные несгораемыми костюмы — куртку и брюки — подарок, как было сказано, американцев. Костюмы эти были у нас вместо комбинезонов, они не впитывали горюче-смазочные материалы, поэтому не вспыхивали так, как любая другая ткань, пропитанная какой-либо горючей жидкостью, но если материал таких костюмов подержать на огне, он начинал все же гореть. Больше я такой одежды у танкистов нигде не видел, нас тогда одели, видно, в пробную партию. Основное достоинство этих костюмов было в том, что они придавали их носящим более-менее приличный вид, особенно тем, кому не досталось сапог, и они ходили в обмотках, пока сами себе не раздобыли трофейные сапоги.

В госпитале, было похоже, многие нам завидовали из-за этих «несгораемых» костюмов, что привело в конце-концов к тому, что вместе со мной в нашу танковую бригаду прибыло сверхштатное пополнение в лице моих приятелей-пехотинцев — Павла Яковлева и Федора Чепуркова. Я их, конечно, предупреждал, что в танке не менее опасно воевать, чем в пехоте. Еще в Прибалтике стал распространяться слух, что у немцев появились новые противотанковые гранаты, от попадания которых в танк

детонирует его боекомплект и танк разрушается. Эти слухи были связаны с появлением у немцев так называемых фауст-патронов. Но, как показало время, слухи оказались сильно преувеличены. Удивляло то, каким путем такие слухи могли распространяться среди фронтовиков, слухи были явно нацелены на создание панических настроений в среде танкистов. Когда моим подопечным-пехотинцам, зачисленным в танковые экипажи пулеметчиками, пришлось гореть в танках, они вспомнили не раз мои предупреждения и каялись в том, что не отнеслись серьезно к моим словам.

Однако я опять отвлекся от основной линии воспоминаний. Мой замысел по сохранению пистолета мне удался. Я и присмотрел в дальнем углу двора госпиталя урну с мусором и бросил туда свой пистолет, обмотанный промасленной тряпкой, не обращая внимания на снующих туда-сюда санитарок. После помывки — снова перевязка и, наконец, чистая постель. На другой день — операция под местной анестезией, вытащили из моей спины крупные рваные осколки, расковыряв изрядно спину. Рентгена в госпитале не было, поэтому в спине у меня осталось еще семь мелких осколков, ношу их в спине до сих пор. Неделю пролежал на животе, не вставая с постели, думая в основном про мой пистолет. Рядом лежала моя одежда, обработанная в санпропускнике. Специальной госпитальной одежды не было, это — на руку. Примерно через неделю, наконец, разрешено вставать. Одеваюсь и спешу провести мою заначку. К великой моей радости урна оказалась на месте, мусором, сухим, заплынена всего наполовину. Порывшись в ней нашел то, что искал. Беспредельно был рад тому, что план мой полностью осуществился. Пистолет снова был в кармане.

В начале октября из этого хирургического госпиталя перевели в другой какой-то промежуточный и, наконец, — в госпиталь для легкораненых, расположенный на какой-то бывшей сельхозферме. Тут и случилось у меня приключение, виной чему был мой трофейный пистолет. Режим в этом последнем госпитале был довольно свободный, питание и уход, как и во всех предыдущих, очень хорошие. Имелась библиотека и большая читальная комната, в ней — все центральные газеты. По вечерам очень часто демонстрировались кинофильмы. Невдалеке, на опушке леса было много немецких окопов, блиндажей, кругом встречались разбросанные патроны и немецкие гранаты. Рядом уходила в лес узкоколейная железнодорожная линия, местами разрушенная шпалорезательной машиной, местами подорванная. Вдоль этой линии валялось много картонных пеналов с аммоналом — крупнозернистым красноватым взрывчатым веществом. Этот аммонал мне хорошо помнится, так как вскоре пришлось мне разрабатывать новую «стратегическую» операцию, в которой этот аммонал предполагалось задействовать.

В этом госпитале познакомился я и подружился с очень интересным старшиной-пехотинцем. Он имел более солидный, чем у меня боевой опыт, был интересным собеседником, чувствовалось, — много читал, был членом партии. К тому же, как вскоре выяснилось, так же, как и я, сохранил при себе револьвер. Такой револьвер с длинным тонким стволом был личным оружием и у танкистов, так как только он подходил для стрельбы изнутри танка через бойницы башни. Танкисты его не любили, он имел толстый семизарядный барабан, в кармане был неудобен и заметен. К тому же

им были до войны вооружены милиционеры, и иметь в качестве личного оружия «милицейский» наган танкистам было как-то неприятно. Мы со старшиной часто бродили по окрестностям, по немецким окопам, стреляли по банкам. Забрали как-то даже на какой-то латышский хутор, познакомились с хозяином, знающим русский язык. Он воевал в составе русской армии в русско-японской войне 1905 года. Ходили к нему еще несколько раз, помогали кое-что поправить по хозяйству, он нас угощал продукцией своего хозяйства и домашним вином. Был доброжелательным человеком, к Советскому Союзу относился с большой симпатией. Мы же настойчиво пытались узнать у него, как большинство латышей относится к присоединению их страны к СССР в 1940-м году. Он уверенно дал нам такой расклад: 30% — за, остальные против. В таких общениях постигалась истинная история нашей страны.

Мой напарник — старшина все время уговаривал меня обменять мой трофейный «ТТ» на его револьвер. С большой неохотой и не сразу я все же согласился на обмен, рассчитывая на то, что как только снова попаду на фронт, достану себе другой подобный трофей. Скоро нам предстояло выписываться из госпиталя, и как-то раз мы решили пойти в лес, пострелять в последний раз и обменяться оружием. Отошли от госпиталя километра за два, на краю болота развесили мишени и вдоволь настрелялись из моего пистолета. Затем решили заглянуть в немецкие окопы и отправиться на ужин. Только мы отошли метров двести от того места, где стреляли, видим — лежит среди деревьев полуободранный баран. Жирный, упитанный. Потрогали — еще теплый. Первая наша реакция — мы расхохотались: сам Бог нам послал барана на прощальный ужин перед выпиской из госпиталя. Мелькнула мысль: наверное, барана конфисковали в каком-нибудь ближайшем хуторе «лесные братья» и, услышав наши выстрелы, скрылись. На более детальный анализ наши мысли как-то не поворачивались.

Быстро приняли решение: оттаскиваем барана в немецкие окопы, прячем в блиндаже, а с наступлением темноты приходим с друзьями и перетаскиваем его в госпиталь. Но только мы взяли барана, каждый за две ноги, еще только начали приподнимать, еще не приподняли от земли свои головы, как услышали громкий гвалт.

Приподняли головы и видим, что мы окружены кольцом что-то кричащих людей с косами, вилами, топорами. Бросив барана и выхватив свое оружие, громко кричим: «Не подходить! Барана мы только что нашли, мы его не крали». И, размахивая оружием выходим из расступившегося окружения.

По дороге в госпиталь бурно обсуждаем нелепое, досадное происшествие, строя разные версии. Стало, конечно, ясно: кто-то украл у местных жителей барана, а мы, как на грех, тут подвернулись. Обменявшись оружием, договорились его спрятать и после ужина продолжить обсуждение ситуации. С тем и разошлись, каждый по своим палатам. Придя в свою госпитальную палату, я сунул револьвер внутрь на матрасной наволочки и направился, было, в столовую.

В этот момент в палату влетает дежурный по госпиталю с двумя солдатами и приглашает меня последовать с ними к начальнику госпиталя. Только тут дошло до моего сознания: после того, как мы отдали нашу находку законным владельцам, нас же могли выследить, тем более, что я-то был в очень приметном своем черном танкистском одеянии. А мы даже ни разу не оглянулись, когда шли из леса в госпиталь. Пока шли до здания управления госпиталя, пытался додуматься, как же

доказать, что барана мы не похищали, а действительно нашли в лесу. Ничего вразумительного не приходило на ум.

Приводят меня в какой-то кабинет, за столом сидит подполковник с красными погонами. Вежливо пригласив присаживаться к столу, просит рассказать, где в последние два часа я был, с кем был, что делал. Ясно - надо рассказывать все начистоту, но попытаться сохранить пистолет, отдав только один револьвер. Рассказал о том, что были с товарищем в лесу, стреляли по мишеням, потом, решив побродить по окопам, наткнулись на полуободранного барана и решили его спрятать. Пошли вопросы: «Из чего стреляли?» — «Из револьвера». - «Где револьвер?» - «У меня в наметасной наволочке». Подполковник тут же вызывает дежурного и дает задание пойти в мою палату и принести из-под моего матраса револьвер.

Пока дежурный ходил за оружием, подполковник интересовался, почему не было сдано оружие, знал ли я о строжайшем приказе сдавать оружие при поступлении в госпиталь и много еще подобных вопросов задал мне не то следователь, не то дознаватель. Спросив разрешения, заходит дежурный, подает подполковнику револьвер.

Дежурный уходит, вопросы продолжаютс. «Этот револьвер?» — «Этот». Подполковник записывает. Затем внимательно осматривает револьвер и повторяет вопрос: «Из него стреляли?» — «Из него». Заглянув на просвет в ствол, он говорит то, о чем я не подумал раньше. «Вы не могли стрелять из него, он смазан, никаких следов недавней стрельбы из него нет». И вежливо, но настойчиво просит рассказывать все начистоту, чистосердечное признание смягчит наказание. Все вопросы начинаются сначала. Пришлось признаться, что о стрельбе из револьвера я действительно сказал неправду с целью сохранить пистолет, который находится у моего напарника по приключению. Где мой напарник-старшина, что с ним, что он говорит, мне ничего неизвестно.

Записав в протоколе наш диалог, подполковник дает мне его для прочтения и подписания. Все записано точно так, как и было сказано. Но от вывода пробежали мурашки. Вывод гласил:

Сержант такой-то (то есть — я) обвиняется:

1. В незаконном хранении оружия.
2. В стрельбе в неустановленном месте.
3. В бандитизме с оружием.

Спокойно заявляю подполковнику, что первые два пункта обвинения признаю, а третий отвергаю. В таком виде и написал свое мнение под протоколом и в том расписался. Подполковник был предельно вежлив, не кричал, не угрожал, лишь уговаривал рассказать обо всем правдиво. Потом объявил, что вынужден отправить меня на гауптвахту, что ужин принесут мне туда.

Гауптвахта располагалась на втором ярусе старинной каменной мельницы, на первом этаже которой находилось караульное помещение. На каменистом полу была набросана солома, кирпич за день нагревался от солнца, было тепло. Вскоре близкие приятели принесли мне ужин и одеяло.

Попросил принести книжку Яна «Хан Батый», которую начал читать накануне. Утром посетил меня сам начальник госпиталя, не поленился подняться ко мне по

довольно хлипкой приставной лестнице, стал подробно расспрашивать про всю историю с бараном. После завтрака — опять к дознавателю, требует рассказывать подробно все с начала, дополнять все, о чем забыл рассказать вчера. И так — целую неделю...

Лежу, читаю про Батыя, удивляюсь тому, как автор проникновенно описывает мудрость завоевателя. Книга учит спокойствию и анализу при решении сложных вопросов в сложных ситуациях. Пытаюсь следовать тому же, размышляя о своем положении. Начинает угнетать ежедневное однообразие, и выхода не видно из глупого моего положения. Просматривается лишь один выход — бежать и попытаться пробиться в свою танковую бригаду. Наш 10-и ДТК воюет где-то западнее Риги, об этом было в газетах. Разрабатываю очередную свою «стратегическую операцию». Надо воспользоваться разбросанным вдоль узкоколейки аммоналом, достать бикфордов шнур, взорвать самую верхушку моей темницы и в суматохе исчезнуть. Пропадать — так с музыкой.

Невдалеке от госпиталя проходит довольно оживленное шоссе, на нем изредка наблюдались машины из нашего корпуса, они узнаются по эмблеме орла, летящего над волнами Днепра. Обсуждаю замысел со своими приятелями, приносящими мне завтрак, обед и ужин. Считают замысел вполне реальным, проблема лишь в том, где достать взрыватель с бикфордовым шнуром. Договорились: они попытаются найти в лесу немецкую гранату, и тогда проблема взрывателя будет решена. Идея завлекла: вот будет веселый переполох. Между тем прошла уже неделя, раны мои начали почесываться. Немного стало обидно: врачи-то что же забыли про перевязки. Хотя я и преступник в их глазах, но человек же, получивший ранение в боях за Родину...

Неожиданно, очень рано утром поднимается ко мне опять начальник госпиталя, я уже проснулся и читаю своего «Батыя». Начальник сходу начинает примерно такую матерную речь: «А иди-ка ты, сержант, отю- да к такой-то матери. Ты у нас был на хорошем счету, хотели оставить тебя работать в госпитале, а ты преподнес такое ЧП». Мне, действительно, предлагала помощница лечащего врача остаться в их отделении санитаром, но я, естественно, отказался. Сменить лихую, интересную танкистскую жизнь на тихую госпитальную — это не для меня. Даже ответил врачу как-то грубо, не догадавшись даже поблагодарить её за добрые слова. Женщины-то, видно было, жалели нас, самых молодых, но уже прострелянных, пытались уберечь.

Немало удивленный монологом начальника госпиталя, спрашиваю: «Как понимать такой приговор?». Он опять: «Такой — сякой...». И рассказал мне такую историю. В этот день, очень рано утром он обходил территорию госпиталя и когда подходил к большому титану, который ежедневно наряд из выздоравливающих кипятил по несколько раз в день для всего госпиталя, заметил, что двое топящих, увидев его, засуетились и что-то быстро сунули в топку. Подойдя к титану, начальник явно учуял запах варящегося мяса. Попросил показать, что в топке. Там оказался котелок с мясом. На вопрос, что за мясо, где взяли, два казаха честно признались в том, что барана украли они и очень переживают за то, что из-за них пропадает танкист. Потом подробно рассказали, как они, услышав вблизи выстрелы, бросили полубодранного барана, отбежали от того места и залегли в болоте за кочками.

Слышали, как мы смеялись, наткнувшись на барана и как окружило нас местное население.

Мне в очередной раз крупно повезло. Потом уж я подумал, что начальник госпиталя, наверное, был рад такому обороту дела чуть ли не больше, чем я. Одно дело — ЧП в подведомственном ему гарнизоне, связанном лишь с заурядной, как бы сейчас сказали, приватизацией заблудившегося в лесу барана, и совсем другое дело — бандитизм с оружием среди местного населения. Спасибо тем совестливым казахам.

В тот же день в самом срочном порядке меня выписали из госпиталя, сняв повязки, заклеив каким-то лаком раны, действительно уже затянувшиеся, забыв и про стрельбу в неуказанном месте, и про незаконное хранение оружия. Выпроводили в батальон выздоравливающих вместе с небольшой группой других выздоравливающих, в числе которых оказались и мои дружки Павел Яковлев и Федя Чепурков, мечтающие попасть в танковые войска. Через несколько дней оттуда большую группу выздоравливающих бойцов и младших командиров отправили на машинах на сборный пункт западнее Риги. Там, на сборном пункте, творилась анархия, ничего нельзя было понять, как нас думают использовать дальше. На вопрос, как попасть в свою часть, воюющую где-то недалеко, никто ничего не может ответить. Между тем по близко проходящему шоссе интенсивно сновала масса автомашин, среди которых было немало и машин нашего корпуса с хорошо знакомой эмблемой на дверях кабины. В праздничный день 7 ноября 1944 года, получив котелок наркомовского спирта на нашу группу и разлив его по флягам, остановили первую же машину нашего танкового корпуса, выделили водителю причитающуюся в таком случае долю спирта, двинулись в путь на Курляндский полуостров, где, как нам рассказал водитель, стоит в обороне наш корпус.

Мысленно перебирая в памяти все эти события, стоя в строю на вечерней поверке после войны, я каждый раз сознавал, как же все же мне повезло. Попади в спешке из госпиталя дело в трибунал, там запросто могли, не церемонясь, определить «вышку» и обязательно бы объявили об этом в приказе по фронту или армии, дабы обозначить неустанную борьбу по пресечению бесчинств военнослужащих по отношению к местному населению территории, недавно вошедшей в состав Советского Союза.

В ЛЕСАХ ПОД ШТЕТТИНОМ

Когда поутихли авральные работы, всегда сопровождавшие переезды на новое расположение воинской части, закончилось обустройство жилья, строительство ангара для танков всей бригады, приемка новых танков, стали осматриваться вокруг. Разведывать окрестности, делать ознакомительные первые вылазки в глубь леса, плавать на большие расстояния по озерам на гоночных байдарках, оказавшихся вокруг во множестве, то стало ясно, что с расположением нам необыкновенно повезло.

Место нашей новой дислокации оказалось исключительно благоприятным для расслабления от ставшей скучной воинской службы. Лучше места не бывает: цепь чистейших, переходящих одно в другое, лесных озер. Большой лесной массив, богатый, как выяснилось очень скоро, копытной дичью — дикие козы, кабаны, олени,

много земляных кроликов. Совсем рядом с расположением нашей танковой бригады изобилие ежевики, малины. В озере много рыбы. В лесу встречаются заброшенные охотничьи домики, в небольших садах вокруг них растут яблоки и груши. По краям полей в лесу встречаются старые охотничьи вышки для отстрела кабанов на приманках. По слухам где-то здесь находились охотничьи уголья Геринга.

Для меня вторая половина 1945 года и первая половина 1946 года оказались прямо райским годом на фоне повседневной однообразной послевоенной службы в строевой части. Как будто за терпеливо перенесенные недавние стрессы была дарована возможность интересного, здорового времяпровождения, повседневного общения с природой...

По окрестностям разбросано много всякого немецкого оружия, патронов к нему, противотанковых мин. И самое интересное — фауст-патронов, совсем недавно еще — грозного противотанкового оружия, прототипа современных ручных кумулятивных противотанковых гранатометов, стоящих ныне на вооружении всех армий мира. Кое-какое немецкое оружие мы, конечно, припрятали недалеко в лесу. Несколько немецких винтовок повесили вниз стволами под густые кроны густых елок, запаянные цинки (то есть цинковые ящики с патронами) закопали в сухой песок. Припрятали фауст-патроны и противотанковые мины — будет, чем глушить рыбу. Нашлись и бесхозные патроны для наших автоматов ППШ и ППС. Мы, несколько самых, видимо, любознательных, начали досконально осваивать конструкцию фауст-патрона.

Энтузиастом этого дела был у нас механик-водитель Николай Казанцев. Он, наверное, первым в нашей танковой бригаде, а скорее всего, первый и в танковом корпусе освоил стрельбу фауст-патронами. Будучи очень любознательным и внимательным, он, увидев раз, стал присматриваться через свой люк и перископы, как немцы применяют это свое новое противотанковое оружие. Выскакивает немец неожиданно перед танком в полный рост с какой-то трубой и набалдашиной на ней, быстро кладет её на плечо, что-то там, в середине нажимает, и из неё летит эта набалдашина в танк и взрывается на его поверхности, а немец мгновенно исчезает. Раз увидел, два увидел, а потом, найдя эту штуковину в каком-то доме, быстро разобрался, где что и начал стрелять из нее. Я с фауст-патроном знакомился несколько иначе.

Впервые увидели мы его в Восточной Пруссии, в феврале 45-го, валяющимся недалеко от того места, где мы остановились. Никто из нашего экипажа раньше его не видел, но слухов о нем уже наслышались. Первое знакомство с ним начали так. Сначала решили пострелять по нему издали, выяснить, взорвется он от попадания пули или нет. Не реагирует. Тогда привязали к нему длинный, валяющийся телефонный провод и начали дергать его то в одну, то в другую сторону. Не реагирует. Наконец, бросили его в какую-то яму — все равно не взрывается. На том и закончилось наше первое с ним знакомство.

Теперь же, у озер под Фалькенбургом мы взялись исследовать фаустпатрон дотошно. До последней детали разобрали взрыватель кумулятивной гранаты, разобрались в принципе его действия, изучили процесс выталкивания гранаты из трубы, устройство спускового механизма, систему прицеливания. Во всем разобрались, не полезли только внутрь детонатора самой гранаты. В процессе такого изучения прошли и богатую практику применения фауст-патронов по оставшимся еще кое-где

сгоревшим танкам, по другим металлическим предметам, по булыжникам, по воде. Для глушения рыбы фауст-патрон оказался не очень эффективным — он взрывался на самой поверхности воды и глушил только ту рыбу, которая плавала у поверхности. Рыбу на глубине не доставал. Больше для глушения рыбы подходила обычная ручная граната и, конечно, противотанковая мина со взрывателем от ручной гранаты.

Однажды кто-то из командиров танков разведал в дальнем углу цепи наших озер, на устье речушки при впадении в озеро, водяную мельницу и ниже под ней — большой омут. В нем по всем признакам должна водиться хорошая рыба. Собралась наша команда опытных «взрывников», коими мы с Николаем Казанцевым уже считались. Прихватили две противотанковые мины, взрыватели и на большой лодке отправились в экспедицию за рыбой. Километров через десять достигли нужного рубежа.

Омут под мельницей, действительно, оказался впечатляющим. Широкий, глубокий, ниже по реке метрах в трехстах — озеро, заросшее у берега камышом и водорослями. Рыба, по всем признакам, должна быть. Связали вместе две противотанковые мины, вставили в обе запалы от гранат Ф-1., выдернули чеки, вдвоем забросили мины в омут и отбежали от берега. Почему-то особенно долго не было взрыва, мелькнула тревожное предположение: запалы не сработали, и мины останутся лежать на дне омута. И решив, что взрыва не будет, распрямились и уныло посмотрели друг на друга. У каждого, наверное, промелькнула мысль: больше-то мин нет, надо было сначала бросить одну мину, оставив другую в запасе...

И в этот момент грохнуло. Да так, что под нами земля больно ударила снизу по ногам через подошвы сапог... А рыбы нет. Постояли, постояли несколько минут и побрели уныло к озеру, понутив головы. Но кто-то случайно оглянулся на реку и вскрикнул: вся поверхность реки сзади была покрыта всплывшей оглушенной рыбой. В течение нескольких минут набили рыбой прихваченные с собой вещевые мешки, собрали всю рыбу, начавшуюся оживать на поверхности, остальная, как ни странно, ожила и ушла в глубину. Больше никогда такими мощными зарядами не глушили, довольствовались глушением нашими «лимонками» и немецкими гранатами.

Конечно, с нынешнего взгляда такая «рыбалка» кажется варварством, а тогда тем, кто только что наблюдал действительное невиданное сверхварварство, когда кругом все рушилось и гило, то есть, кто видел вблизи настоящую войну, глушение рыбы противотанковыми минами казалось лишь невинной забавой.

Наши инструкторские обязанности были несложными, привычным для нас делом: готовить для практических занятий танк, каждому по своей специальности, быть готовым провести занятия, ответить на все вопросы. Все агрегаты танка должны всегда находиться в действующем состоянии. Желательно, по возможности хотя бы одному из экипажа всегда находится в танке или около него. Надоедливыми и скучными были только частые наряды в караулы. Батальон автоматчиков, входящий в состав танковой бригады, обычно несший караульную службу, был задействован на каких-то хозяйственных работах.

Войска, находившиеся за границей, сразу после войны были переведены почти полностью на продовольственное самообеспечение. Они должны были своими силами организовать на брошенных и пустующих землях посадки картофеля, овощей, крупяных культур, организовать животноводческие фермы, наладить

перерабатывающие предприятия, организовать сбор урожая. Поэтому много личного состава воинских частей были заняты на этих работах. В том числе и наши автоматчики. Экипажи на такие хозяйственные работы не направлялись, их держали в расположении бригады или невдалеке от неё, чтобы быть поближе к танкам. Поэтому на них и легло основное бремя караульной охраны места расположения танковой бригады: охрана складов боепитания, ГСМ, продовольственного и вещевого имущества, охрана самих танков. Все караулы ежедневные, трехсменные. Караульная служба через день угнетала, после неё тянуло расслабиться. Мы расслаблялись охотой.

Учебный наш танк находился на окраине расположения танковой бригады на пригорке. Из танка хорошо видна была на большом протяжении опушка леса, противоположный берег озера. Наблюдая в прицел опушку леса, обнаружили любопытную картину: по вечерам, на зорьке там появляется много земляных кроликов и начинают свои игры. Пробовали к ним подобраться с револьвером — не получается. Очень осторожный и хитрый оказался зверек, чуть почует шорох — сразу в норку.

У нас в России таких диких кроликов встречать мне не приходилось. Пришла в голову мысль: попробовать стрелять по ним из пулемета, спаренного с пушкой, одиночными выстрелами. Такая затея оказалась интересной, увлекательной и очень поучительной для нас танковых артиллеристов. Прицел на «тридцатьчетверке» был очень хороший, пятнадцатикратного увеличения. Как на ладони видишь и кролика, и то место, куда ударяется пуля. Ну и начались азартные соревнования со стрельбой одиночными выстрелами по двигающимся мишеням. Всем любопытным объявляли — пристреливаем оружие. Для меня, тогдашнего командира орудия танка, стрельба одиночными выстрелами по кроликам была уникальной практикой. Видишь хорошо в прицел: пуля совсем рядом с кроликом ковырнула землю, но чуть справа, сантиметров на 10 -20. Берешь поправку — теперь она чуть левее и чуть выше, делаешь новую поправку, она опять либо чуть правее, либо чуть ниже.

Обсуждаем результаты, спорим. Стало ясно: танк учебный, после торопливого ремонта, люфты в механизме поворота пушки большие и случайные в разных местах шестеренчатых зацеплений. Это — кроме того, что и заряды патронов при массовом их производстве не могут быть абсолютно одинаковыми. Я по тем кроликам извел, наверное, не одну сотню патронов, но так и не попав ни в одного из спаренного пулемета. Такая всегда брала досада, стреляй по ним хоть из пушки.

Но из пушки так много не постреляешь, но все же стрелять и из неё приходилось в то время. Как только наладился обычный ритм повседневной службы, зачастили всяческие проверяющие комиссии. И каждая, конечно, требовала поднять личный состав по тревоге. Если комиссия не требовала снять боевые машины с консервации, а это могло делаться тогда по указанию, наверное, только командующего Северной группой войск, маршала Рокоссовского, или еще более высокой инстанции, то тревога заканчивалась отбоем после проверки строя личного состава. Но иногда проверялась все же и боевая подготовка личного состава со стрельбой из танка на ближайшем полигоне.

Проверялись тогда либо отдельные экипажи, либо только командиры орудий и заряжающие. У последних проверялась готовность заменить командира орудия, то есть умение свободно обращаться с пушкой, знать хорошо ее устройство, хорошо знать

прицел пушки, хорошо прицеливаться, поражать цель на большом расстоянии выстрелом из пушки. Это было уже интересней. Цель для пушки — это обычно щит по профилю танка, вид спереди, один к одному по размерам, сколоченный из досок и брусьев. На обеспечение мишенной обстановки на полигон обычно выделялся отдельный наряд. Располагался он в блиндаже или специальном окопе. Телефонной линией старший полигонного наряда был связан с руководителем стрельб и выходил из укрытия только по его команде. Стреляли на поверках обычно фугасно-осколочными снарядами. Старший полигонного наряда перед стрельбой и руководителя стрельб, и самих стреляющих просил не стрелять по мишеням снарядами без колпачка.

Такие просьбы были связаны со следующими обстоятельствами. Взрыватель у фугасно-осколочного снаряда закрыт спереди специальным предохранительным, навинчивающимся колпачком. Когда стреляешь с ним, снаряд действует как фугасный, то есть взрывается углубившись в землю. Если колпачок свинтить, то оголяется тонкая чувствительная мембрана взрывателя, и снаряд взрывается при малейшем соприкосновении с препятствием, то есть на поверхности препятствия и действует, как осколочный. Когда в мишень-щит попадает снаряд с колпачком, он оставляет в щите лишь отверстие и взрывается за щитом, не разрушая его, полигонный наряд доволен, «загорает».

Когда же снаряд без колпачка попадает в щит, то взрывается практически действует мгновенно и разносит щит вдребезги. Тогда тем, кто обслуживает мишенную обстановку приходится делать новый щит-мишень. Поэтому они и просят стрелять только снарядами с колпачком. Но куда там. Попадание в мишень снарядом с колпачком — эффект не тот. Результат выстрела видит только тот, кто смотрит в хороший бинокль или в подзорную трубу и обнаруживает отверстие в щите, другие этого не видят. Мы и любили всегда стрелять по мишеням снарядами без колпачка. Если попал — щит вдребезги, всем это хорошо видно. И проверяющий доволен уровнем стрелковой подготовки проверяемого подразделения, и твой командир, и на тебя смотрят, как на мастера своего дела. Иногда сам руководитель стрельб строго-настроено запрещал стрелять без колпачка. Тогда стреляющий с заряжающим делали так. Заряжающий, показав командиру, заглянувшему в люк, снаряд с навинченным колпачком, обернувшись, успевал свинтить на несколько «ниток» колпачок, заранее им ослабленный на резьбе, и только тогда посылал унитарный патрон в казенник пушки.

Во время полета вращающегося снаряда до цели колпачок успевал самопроизвольно свинтиться и к моменту удара в цель снаряд оказывался без колпачка. Тут тоже многое зависело от опыта заряжающего: на сколько оборотов свинтил колпачок, легко ли он будет свинчиваться дальше. Колпачок мог и не свинтиться до конца в воздухе, если он дальше свинчивался туго. Надо было предварительно покрутить его туда- сюда и убедиться, что он будет свинчиваться свободно. В этом деле, хотя и были уже довольно опытными, тем не менее, однажды познали еще неизвестное ранее явление. Стреляли, как это часто бывало, перед какой-то комиссией. Стреляющий сам и заряжал пушку.

До меня было несколько промахов по щиту, и я решил реабилитировать наши стрельбы. Свинтил колпачок совсем, затем снова его навинтил на полтора — два

оборота резьбы, загнал снаряд в казенник ствола, сел за прицел, тщательно прицелился и нажал на электроспуск. После выстрела несколько секунд в прицеле ничего не видишь из-за порохового дыма, но когда дым чуть рассеялся, вижу щит стоит целехонький. Такого конфуза у меня еще никогда не было. Слышу за танком какой-то необычный шум. Выглянул из люка и вижу: все присутствующие собрались в кучу и что-то возбужденно обсуждают.

Оказалось, мой снаряд рванул в воздухе, всего в метрах 80 — 100 от танка, и осколки прошелестели рядом с наблюдающими стрельбу, к счастью никого не задев. Теперь идет обсуждение возможных причин случившегося. Одни считают, что был неисправен взрыватель снаряда, другие высказывали предположение, что снаряд мог попасть случайно, в подвернувшуюся птичку. Стрельба между тем была прекращена, расследованием этого инцидента занялась комиссия вместе со штабниками. Стреляли мы не своими снарядами, а специально выделенными со склада для стрельб. Наверное там тщательно проверили все снаряды и выборочно опробовали, стрельбой. Но результаты таких проверок до нас обычно не доводили. Мы же в своем экипаже тщательно обсудили этот случай и выдвинули свою версию необычного взрыва снаряда: он мог натолкнуться мембраной на свой же защитный колпачок, если он был свинчен менее, чем на один оборот до конца. Тогда же вспомнили два случая, когда снаряды взорвались в стволах самих орудий.

Первый случай произошел в Прибалтике, еще до вступления бригады в бои, когда наша танковая рота только что прибыла на фронт. Был я свидетелем и еще одного случая с разрывом пушки. Случилось это в тот момент, когда после недельного стояния под Дойчендорфом, так и не поддавшемуся нам после двух танковых атак и одной пехотной, о чем я уже подробно писал. Как только экипажи танков получили команду покинуть исходную позицию, выйти на опушку леса и встать в походную колонну, все кроме механиков-водителей вылезли из танков, чтобы поразмяться, пообщаться друг с другом. Тут и возник в одной из собравшихся компаний спор между заряжающим и стреляющим одного из экипажей. Кто-то из них еще днем заметил на стволе пушки небольшую вмятину, видимо, от осколка близко разорвавшегося снаряда и стал утверждать, что стрелять из пушки нельзя, ствол разорвет. Его же напарник-оппонент доказывал: ничего подобного, не разорвет, не из таких стреляли. Часть окружающих поддерживала одну сторону, часть — другую.

В споре начали участвовать и сержанты и офицеры — командиры танков. Дело дошло до комбата. Тот отдал такое распоряжение: танк отвести в сторону, в танке быть только стреляющему, вывинтить из фугасно-осколочного снаряда взрыватель и произвести выстрел в сторону противника. Да не забыть посмотреть, нормальный ли будет откат орудийного ствола.

У ствола пушки со стороны заряжающего имелся специальный шпенек, он входил в прорезь рейки индикатора отката, которая была приварена к люльке пушки, и при откате ствол отодвигал ползунок на величину отката ствола. Одной из строгих обязанностей заряжающего было следить за откатом ствола пушки и громко докладывать и командиру орудия и командиру танка о том, что «откат нормальный» или «откат увеличенный», если таковой обнаруживался.

У меня за всё время боев и вообще за время стрельбы из пушки откат был в норме и я всегда докладывал — «откат нормальный». Как только танк отъехал в сторону, все находящиеся и на земле, и высунувшиеся из люков, устремили пристальные взгляды на ствол пушки, потому как многие уже заключили пари в споре — разорвет или не разорвет ствол. Я в тот момент стоял на башне танка, вяло отбивая чечетку. Раздался выстрел... и три огромных куска ствола пролетели над танками, едва не пошибав стоящих на башнях, они посыпались с башен, как горох. Все замерли, переживая за стрелявшего: жив ли? В это время люк башни приподнимается, оттуда высовывается человек и громко докладывает: «откат нормальный!» Весь народ дружно грохнул смехом, многократно повторившись. После напряженной недели торчания (и днем и ночью) в танках, на холоде (было начало февраля) невидалеке от противника, с открытым правым флангом, это был первый от души смех расслабления, который, я думаю, слышали и немцы.

И еще раз пришлось мне близко иметь дело с танком, у которого была разорвана пушка. Буквально на третий день после того, как мы снова погорели в танке на окраине немецкого местечка Ляук, меня с кем-то, находившимся со мной рядом у штаба танкового батальона, срочно посадили в подъехавший танк с разорванной букетом пушкой. Задание: самым срочным образом лететь к такому-то месту. Там остатки нашего батальона ведут очень тяжелый бой и надо поддержать атакующие танки хотя бы пулеметным огнем, увеличив на одну единицу количество атакующих танков, в качестве давления на психику врага. Все остальное в танке было исправным. Спешим туда, куда нам указали по крупномасштабной карте. Кругом снует народ, автомашины, и не чувствуется, что совсем рядом где-то идет тяжелый бой. Смеются над нашим танком — уродом. Но в бою на нем нам так и не пришлось побывать. Немцы начали отступать, преследовать их без разведки наши не стали.

Со своими воспоминаниями об острых ситуациях я зашел, кажется, опять слишком далеко. Хотел рассказать лишь об эпизоде под Фалькенбургом, а воспоминания к случаю все лезут и лезут в голову, никуда от них не денешься, да в них немало и тех деталей, без которых армейская повседневность будет неполной.

Иногда с поверкой к нам заглядывал сам командующий нашей мехармией генерал армии П.И. Батов, временами — и сам маршал К.К. Рокоссовский. Тогда, как правило, объявлялась тревога со снятием боевых машин с консервации. На это отводился срок что-то чуть больше часа. Наш экипаж, помнится, успевал подготовить танк к выезду за 45 минут. Основная сложность была в том, что надо было принести из аккумуляторной станции 4 своих аккумулятора и залить в двигатель ведрами 90 литров слитого и находящегося в водомаслогрейке моторного масла. Каждый танковый аккумулятор весил около 60 кг., а расстояние до аккумуляторной — метров 120, столько же и до водомаслогрейки. Тут важно было то, чтобы каждый член экипажа четко знал, что и в какой последовательности он должен делать по тревоге. Обычно каждый аккумулятор несли вдвоем, то есть 4 человека из экипажа могли одновременно принести лишь 2 аккумулятора, а надо было еще залить 90 литров масла. Так что этот прием не был оптимальным. В нашем экипаже снятием танка с консервации командовал всегда Николай Казанцев. Большого опыта ни у кого не могло быть. Он начал службу в танковых войсках еще до войны в Забайкальском военном округе, и к

тому времени, о котором я веду речь, у него был огромный, по любым меркам, стаж непрерывной службы в танковых войсках и огромный боевой опыт: за время войны он горел в танках 9 раз.

К слову, именно от него я услышал о том, что в мае 1941 года их танковый батальон был переброшен из Забайкалья в самом срочном темпе на западную границу, замаскировав танки под комбайны. Услышал о таком впервые. До того момента я, как почти и весь советский народ, абсолютно верил в то, что немцы напали на нас совершенно внезапно. С того момента я и стал искать самостоятельно истину о 1941 годе и о войне вообще.

Так вот, по тревоге мы действовали так. В первую очередь несли двое два аккумулятора, один бежал с ведром за маслом, четвертый снимал моторную перегородку, чтобы освободить место для постановки аккумуляторов. Приняв первую пару аккумуляторов и поставив их на место, он оставался их соединять. Соединение аккумуляторов было довольно сложное, параллельно-последовательное, запутаться было легко, требовалось время, чтобы многократно проверить и правильность соединения проводов и надежность затягивания клемм. В это время ведро теплого масла было уже залито, два других аккумулятора прибыли и поданы их установщику, освободившиеся двое скатывали брезент, четвертый опять бежал за маслом. Через две минуты танк можно было уже заводить и на малых оборотах доливать остальное масло. К сожалению, тревоги на этом, как правило, и заканчивались. Выезды на боевых машинах на полигоны, на стрельбы, когда экипаж чувствует себя на своем месте, стали в то время редкими. На весь год выделялось на вождение боевых машин всего 30 часов.

А остальное служебное время — внутренние наряды, караулы через день. Если не найти себе более интересное занятие — скука неимоверная. Не случайно во многих воинских частях при такой службе поиски развлечений часто заканчивались каким-нибудь ЧП. Приказы о суровых наказаниях провинившихся все чаще и чаще зачитывались на вечерних поверках. Офицерскому составу вскоре разрешили выписывать к месту службы своих жен, и они занялись подготовкой к этому своих временных жилищ. Мы своим экипажем избежали скуки и убереглись от ЧП тем, что приспособились к охоте в безлюдных тогда лесах на диких коз, кабанов и оленей.

Еще в декабре 1944 года, когда бригада перед зимним наступлением в Восточной Пруссии была переброшена в леса за Белостоком, я приспособился охотиться на коз с автоматом ППШ. Здесь же, в лесоозерном крае под Штеттином, возможности для охоты многократно увеличились. Оружие, патроны, гранаты валялись несобранные или плохо собранные. Немецкие винтовки и патроны к ним мы подобрали и припрятали на «черный» день, сознавая, что рано или поздно со своим оружием охоту придется прекратить. Повесили несколько немецких винтовок в лесу, стволами вниз, запаслись патронами, припрятали гранаты, запалы к ним, фауст-патроны.

На охоту выбирались также часто, как ходили в караулы. Начальники караулов, все — свои ребята, все знали, на какие посты нас ставить и разрешали самим договариваться с сослуживцами о сменах пребывания на посту. Выбирали обычно четырехчасовую смену вечером и такую же рано утром. И после неё — сразу в лес. К вечеру несем дикую козу, чистим оружие, сдаем его и все в ажуре, все довольны.

Иногда, когда не были связаны караульной службой, ночевали в лесу у костра. Иногда вместе с офицерами уходили на ночь караулить кабанов у картофельных полей, засаженных еще в конце весны, видимо, нашими хозяйственниками.

Опыта охоты на кабанов тогда ни у кого из нас не было. На Ярославщине, где прошло почти все мое детство и юность до войны, кабаны не водились совсем, поэтому коллективные наши выходы за кабанями здесь, в Германии, были, как правило, безрезультатными. Не знали, что кабанов надо караулить тогда, когда они перед сумерками выходят на поля, голодные и не очень осторожные. Хороший опыт кабаньей охоты я приобрел много — много лет спустя в конце 1960-х, в 1970-х годах, когда кабаны расплодились в наших лесах. Зато тогда под Штеттином более удачной была охота не только на диких коз, но и на оленей. За кабанями бегать, хотя и впустую, но очень увлекательно и полезно для выработки выносливости.

Однажды целый день пробегал за кабанями, за большим стадом на сравнительно маленьком болоте, заросшем кустарником на краю большого леса недалеко от картофельного поля. Пробираешься тихо по кабаньей тропе, совсем тихо, начинаешь думать — все, кабаны ушли далеко, но вдруг совсем рядом трещит кустарник, самих кабанов не видно, но болото ходит ходуном две, три минуты, и снова тишина. Пытаешься зайти к ним с другой стороны под прикрытием кустарника, подпускают близко, срываются за кустами и перебегают на прежнее место. И так — целый день. Голодный, взмокший, усталый, но довольный.

Не менее интересны были и случайные встречи с кабанями. Запомнилась особенно одна. Поднимаюсь из оврага в хорошо знакомом уже месте по холмистому лесу, и вдруг навстречу несется огромное стадо кабанов самого разного возраста. И большие, и средние, и совсем маленькие, полосатые, наверно, больше ста штук. Еле успел отскочить за дерево, все стадо пронеслось мимо меня и исчезло в овраге. Подбежал вслед к краю оврага и выстрелил вдогонку из карабина не целясь навскидку, мимо конечно. Никогда ни до, ни после этого случая, ни там, в германских лесах, ни в наших, до настоящего времени не приходилось наблюдать такого огромного стада кабанов. Пошел по их следу смотреть, откуда же взялось это кабанье стадо. Оказалось, совсем рядом валялся мертвый обглоданный олень, а вокруг него все было истоптано кабанями.

Видно было, они тут много дней кормились дохлятиной. Олень тот, похоже было, мною и был подстрелен неделю тому назад. Шел я тогда по узкой звериной тропе среди густого молодого сосняка, тропа та вела к ручью, по ней олени ходили на водопой. Неожиданно сзади услышал какой-то шум, оглянулся, и в этот момент рядом со мной, почти надо мной в большом прыжке пролетел олень. Я торопливо уже вдогон выстрелил в него через густой сосняк, походил вокруг, но никаких признаков ранения оленя не обнаружил и сразу забыл о нем. А он, наверное, все же был смертельно ранен, и отбежав метров двести, пал. Теперь кабаны и помогли установить этот факт. Странно, сколько мы потом ни ходили к этому месту, кабаны здесь больше не появлялись.

Вот в таких необычных развлечениях и проводили мы время в тот первый послевоенный год. И интересно, и интенсивная физическая нагрузка была очень полезна в том возрасте. Выбатывалась крепкая выносливость, которая позднее очень

пригодилась, когда пришлось интенсивно заниматься лыжным спортом и офицерским многоборьем.

Случались и необычные приключения. Однажды у одного заброшенного лесного домика в заросшем саду вспугнул двух диких коз. Стрелял по ним. Показалось, ранил одну козу, и продирался сломя голову в том направлении, куда она убежала через высокую таволгу. И вдруг передо мной возникают две фигуры с автоматами наизготовку, и кричат: «Стой, стреляем!». У меня тоже палец на спусковом крючке автомата. Естественно, замер, как вкопанный, но вижу — форма наша.

В этот момент один из них кричит: не стреляй — это наш танкист! Сразу все трое опустили автоматы. Обменялись приветствиями, удивляясь столь необычной встрече. Стали расспрашивать друг друга, кто и зачем здесь. Оказалось, я нарвался на засаду, организованную одним из подразделений нашего батальона автоматчиков. В этом месте по каким-то агентурным данным должна была состояться встреча мелких банд, засылаемых эмигрантским польским правительством. Такие банды в то время уже начали проявлять себя: нападали на одиночных наших военнослужащих, грабили местное население.

Когда пришли мы к командиру засады, мне рассказали об условных знаках, оставленных кем-то, по которым должны были ориентироваться собиравшиеся. На некоторых участках дороги и тропках автоматчики мне показали стрелки, прочерченные ножами, указывающие в одном направлении.

Отдохнув у автоматчиков и просветившись в новой для меня ситуации, отправился домой. Но решил не возвращаться на хорошо знакомую дорогу, а пойти по берегу озера на знакомый ориентир — большую четырехугольную кирпичную башню — воздухозаборник подземного завода, над которым мы тогда и располагались. Ориентир этот был хорошо виден особенно с озера на многие километры, если не десятки километров. Через небольшой, но сильно заболоченный ручей вышел к берегу и пошел по нему, поднимаясь местами, где встречались заболоченные участки, подходящие прямо к воде, на более высокие места. В одном месте на свежей земле кротовой кучи явно просматривался отпечаток босой человеческой ступни, направленной в ту сторону, откуда я недавно вышел. И тут знаки сбора.

По времени я уже прошел немалое расстояние, а башня моя, когда её становилось видно, все на том же месте. Потом узнал место, где я уже проходил. Внимательно присмотревшись, понял: я кружу по круглому полуострову. Там, где он смыкается с основным берегом, там — большая заболоченная низина, и я её обходил, поднимаясь каждый раз на более высокое место, то раньше, то позже, не замечая того, что прохожу по одному и тому же месту. Дал несколько кругов по этому полуострову: компасов-то тогда ни у кого из нас не было. Такого еще у меня никогда не случалось. Пришлось, накрутив лишних километров 12 — 15. по полуострову, возвращаться на хорошо знакомую дорогу. Вот был денек! И охота не удалась, и новость о том, что в «наших охотничьих угодьях» бродят бандиты, не из приятных, и небывалое блуждание по круглому полуострову — все к одному. Вернулся домой из последних сил, пройдя за день, судя по времени не менее 50 километров. Сел умыться у озера и чуть не заснул на берегу. Никак не мог себя заставить пройти еще каких-то 150 -200 метров до своей казармы.

Вскоре мы и сами наткнулись на следы пребывания в тех лесах других «охотников». В одном месте, где постоянно бывали, в чаще, в которую редко заглядывали, обнаружили недавно вырытые землянки и рядом следы недавнего пребывания там людей: валялись консервные банки, пачки от сигарет, обрывки бумаги, что-то еще. Стали теперь более осторожны. Подумалось, наверное, не раз были мы под наблюдением, быть может, и на прицеле «новых хозяев» этих лесов. Вспомнилось также о том, что у нас в лесу, недалеко от основного расположения бригады еще совсем недавно находился большой, открытый со всех сторон склад боеприпасов — просто сложенные штабелями ящики со снарядами.

Охранялся этот склад всего одним часовым. Стоять на этом посту было не очень приятно. С трех сторон к нему вплотную примыкал лес, пост один, ящики со снарядами уложены в длинные ряды, пока находишься на одном конце этих рядов, подходи к другому из леса, делай, что хочешь. Да и часового снять — пара пустяков. В апреле 1946 года я стоял неоднократно на этом посту. Было интересно слушать ночью перелет дичи. Тогда же весной 46-го склад из леса переместили куда-то в другое место. И вовремя.

Однажды ночью часовой, стоящий у караульного помещения, находящегося на окраине расположения бригады, ближе всего к лесу, услышал в лесу какие-то крики. Прислушался, — крики адресовались явно ему: «Часовой! а, часовой!» Часовому на посту разговаривать строжайше запрещено уставом караульной службы. Это он и сам понимает.

А из леса все раздавалось и раздавалось: «Часовой, мать твою... тебе сегодня будет капут». Часовому надоела такая чья-то самодеятельность, и он выпалил на голос длинную очередь из автомата. Караул, естественно, поднялся в ружье. Обсудили ситуацию, доложили дежурному по танковой бригаде, тот распорядился усилить пост, дежурную смену держать наготове. Утром прочесали лес, ничего необычного не обнаружили. Анализируя многократно этот случай, я пришел к выводу: таким путем пытались запугать наших солдат, чтобы они не болтались по лесу, там появились новые хозяева. Мы, конечно, продолжали свои охотничьи вылазки. Как и на рыбаков, на охотников не действуют никакие запреты, ничто другое не может отвести их от этой нечеловеческой страсти. Стали только быть менее беспечными, более внимательными, многие перестали ходить в лес по одному.

Потом случилось еще одно происшествие. Пропал молодой солдат, но через полмесяца объявился. История его временного исчезновения в пересказах выглядела так. Пошел в лес полакомиться малиной, как делал неоднократно, и как делали многие в свободное время. Увлёкся сладкой ягодой и не почуял, как сзади накинута на голову мешок, зажали рот, связали руки и куда-то повели.

Скачала подумал — пошутили свои, но услышав польскую речь, понял — попал в руки каких-то бандитов, слухи о которых уже ходили. Вели долго, мешок сняли только в землянке. Там его долго допрашивала женщина в польской военной форме, но по-русски. Что за часть, что за люди, из каких мест, кто командиры и т.д.

Били, даже пытали, пока не потерял сознание. Очнулся ночью от холода. Один, дверь в землянку заперта снаружи, но под потолком имеется очень узкое окошко. Через него и пролез. Вокруг никого, лес.

Подался наугад, наткнулся на дорогу, пошел по ней, прилег отдохнуть, заснул. Утром наткнулся на него, спящего, поляк, ехавший по дороге на телеге. Отвез в город, сдал в госпиталь. Вскоре еще одно происшествие — пропал из нашей части офицер — капитан, его так и не нашли. Все больше и больше стало распространяться слухов о подобных происшествиях в других наших воинских частях.

В то время в Польше шла яростная политическая борьба за власть между новым польским, дружественным к Советскому союзу правительством и ставленниками сбежавшего в Лондон в 1939 году старого правительства, поддерживаемого активно англичанами и всеми другими антисоветски настроенными силами. В Польше активно начало действовать их подполье, в лесах появились банды из остатков вооруженных формирований так называемой Армии Крайовой. Летом 1946 года в Польше предстоял референдум о формах и партийном составе нового правительства. Следствием этих событий и было появление в лесах, в районе расположения нашего танкового корпуса невиданных ранее обитателей. Глухие леса под Штеттином, на краю которых мы и располагались, примыкали к самому побережью Балтийского моря. В этом месте эмигрантское лондонское польское правительство, наверное, и пополняло своих сторонников боевиками, высаживая их с моря в те леса.

У СТАРОЙ САКСОНСКОЙ ДОРОГИ

В середине лета 1946 года пришла сильно огорчившая многих из нас весть: наш корпус перебрасывается на новое место в город Бунцлау. Посмотрели по карте — где этот самый Бунцлау? — и приуныли. В центре восточной части Германии, кругом населенные пункты, лесов нет. Стало ясно: охоте нашей конец. Сильнее всех, наверное, переживал я. Больше всех я и занимался охотой.

Мои друзья создавали мне для этого условия наибольшего благоприятствования. Все знали — у меня накопился уже большой опыт, никаких происшествий, добыча шла на общий стол, ближайшие мои командиры знали: не всех подряд можно допускать к охоте. Там под Фалькенбургом, незадолго до нашего перебазирования, в нашем батальоне произошло ЧП, связанное с небрежным обращением с оружием.

Произошло оно во время выезда на учения на танках. Воспользовавшись перерывом на обед и отдых мой хороший знакомый еще по танковой школе — Заикин, в нашу охотничью компанию не входящий, совершенно самостоятельно отправился с карабином к болоту «поохотиться». Перепрыгивая с заряженным карабином в руке через довольно широкую канаву, ударился прикладом карабина о землю, затвор, не стоящий на предохранителе, при ударе приклада о землю на мгновение отошел назад и подавшись снова вперед произвел выстрел в грудь владельца карабина. Пока его хватались, пока нашли, пока принесли, прошло немало времени. Он потерял много крови. Меня, как раз, направили сопровождать его в госпиталь на автомашине. Был он все время в сознании и все просил потеплее укрыть его, ему все время было очень холодно, хотя погода стояла жаркая.

Через три дня мы его похоронили у дороги, при въезде в расположение нашей бригады, на опушке леса. Это была здесь уже вторая могила. Раньше там похоронили

одного из старослужащих, умершего от сердечного приступа. Почему двоих наших воинов похоронили на чужой земле не на городском кладбище Фалькенбурга, который находился от нас километрах в десяти — пятнадцати, а в чистом поле у дороги, я не знаю.

Сборы в дорогу были недолги, все боевые принадлежности — в танке, дополнительные провиант и собственный неприкосновенный запас спирта тоже там. Свое личное имущество умещается в маленьком вещмешке. Трофейные часы с немецкого танка — в кармане, трофейный пистолет, наученный горьким опытом, я давно променял на перочинный нож. Решили все же прихватить с собой немецкую трофейную винтовку и немного к ней патронов. На новом месте намучились её прятать. Внутри танка никак ее не спрячешь, в ящик со снарядами она по длине не умещается, больше сунуть некуда. Так и держали под брезентом, то на одной гусенице, то на другой, потом подвесили снаружи танка под днищем. Командиры наши уже по опыту знали, где может быть припрятано что-нибудь незаконное, и вскоре винтовка у нас была обнаружена и отобрана. На этом и закончилась наша охотничья эпопея 1945 — 1946 года.

Незадолго до нашего переезда из Фалькенбурга на старинной центральной площади этого города были поставлены на высокие постаменты рядом три танка Т-34, и было торжественное открытие этого впечатляющего монумента. Много где еще были расставлены наши памятники — тридцатьчетверки. Но никогда и нигде я не встречал, чтобы рядом стояли три танка. Наверное, это было сделано потому, что не хватало транспорта для предстоящей перевозки всех танков, и старые решено было оставить в этом старинном немецком городе с целью напоминания тем, кто там будет жить, чем кончаются походы на Россию.

Перед самым отъездом наглушили и засолили в дорогу ведро рыбы. В Бунцлау обосновались на окраине города, недалеко от старой Саксонской дороги в большом каменном здании. Недалеко на пустыре поставили и танки, в один ряд вся бригада. Почистили их, помыли после переезда, и они опять замерли на месте неподвижными. Лишь один раз, в день всепольского референдума и накануне этого дня всю ночь в танках находились экипажи. Ожидались провокации подполья, но все обошлось без происшествий.

В городе Бунцлау (ныне — польский Болеславец) запомнились три исторические достопримечательности. Первая — это обелиск на месте, где похоронено сердце Кутузова, умершего в этом городе в 1813 году. На одной из четырех сторон обелиска начертано его завещание:

«Прах мой пусть отвезут на родину, а сердце мое похоронят здесь, на Саксонской дороге, чтобы знали мои солдаты, сыны России, что сердцем я остаюсь с ними». Вторая достопримечательность Бунцлау — музей Кутузова в доме, где он умер. На этом доме сохранилась чугунная мемориальная доска, на которой надпись на немецком языке гласит о том, что в этом доме 16.4.1813 года умер Фельдмаршал Кутузов, победитель Наполеона. Считается, что этот мемориальный музей создан «на вечные времена» по повелению прусского короля в знак преклонения перед русским полководцем. На втором этаже двухэтажного дома сохранена комната, в которой умер Кутузов и обстановка в день его смерти.

Третьей достопримечательностью, оставшейся в моей памяти, был небольшой чугунный обелиск на окраине Бунцлау на обочине Саксонской дороги, на котором немецкими буквами были отлиты такие слова:

«Первому русскому гусару — женщине Наталочке». Тогда никто не мог ничего сказать об этом имени. Для всех, кто читал эту надпись на обелиске, имя Наталочка было неизвестно. Для меня оно неизвестно и сейчас, хотя я в беседах со многими людьми, пытался что-нибудь выяснить об этом имени.

Наверное, в Бунцлау имелось немало и других достопримечательностей, но мысли тогда были заняты другим. Надо, наконец, было подумать и о своем дальнейшем жизненном пути. До этого подобные мысли как-то отодвигались. Хотя о дальнейшей учебе думал, приобрел учебники математики, физики, восстанавливал понемногу забытое. Приглушенная было охотой в лесах под Фалькенбургом мечта об авиации, здесь снова стала пробуждаться. Точнее сказать, первый импульс к этому пробуждению я почувствовал еще там под Фалькенбургом, когда к нам в танковую бригаду прилетел из Москву на встречу со своими избирателями наш кандидат в депутаты Верховного совета СССР Главный маршал авиации А.Е. Голованов. Скорее всего прилетел он к авиаторам, но не пренебрег заглянуть и в наш дальний лесной гарнизон, к танкистам. Это тронуло и прибавило моего уважения и лично к нему, и к авиаторам вообще. В те же предвыборные дни в газете я познакомился и с биографией нашего кандидата в депутаты. С интересом узнал, что в авиацию он пришел в довольно пожилом уже возрасте. И вот тут, в Бунцлау эта встреча с известным авиатором вспомнилась и придала уверенности в том, что совсем еще не поздно попасть в строй авиации. Если не летать самому, то полностью посвятить себя самолету и его полету в безграничных просторах воздушного океана.

Тогда же мне попался на глаза номер «Огонька» с цветной фотографией на обложке Игоря Чкалова, сына легендарного летчика, слушателя Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н.Е. Жуковского, голосующего на выборах в Верховный совет СССР. И идеально сидевшая на нем красивая авиационная форма, и знаменитая академия — все это пробудило во мне давнюю мечту об авиации. Об этой фотографии на обложке «Огонька» через несколько лет я вспомню еще не раз.

В этот же день я подал по команде рапорт с просьбой при первой же возможности направить меня в авиатехническое училище. Рапорт пошел по инстанции, но все уговаривали поступать в танковое училище. Объяснял, доказывал, что с авиацией связал себя еще до танковой школы. Долг перед Родиной выполнил непосредственным участием в боях. В конце концов, со мной соглашались.

А повседневная служба становилась, между тем, все однообразнее и скучней. Командование пытается как-то разнообразить нашу жизнь. То на заброшенном стадионе устраивается спортивный праздник в честь дня моря, почитаемого у поляков, то в наше подразделение приглашается какая-то польская самодеятельность, то что-то еще, не очень интересное и не запомнившееся. Более-менее нашли себя только те, кто считали себя футболистами. Они образовали команды и гоняли целыми днями мяч на стадионе, который расположен недалеко. Оттуда и мы притащили в наш дворик брусья и кувыркаемся на них, — тут и был весь наш спорт.

Приятной неожиданностью был приезд в Бунцлау ансамбля песни и пляски Советской Армии А.В. Александрова. На открытой большой площадке состоялся концерт для личного состава всего танкового корпуса, кто не был в тот момент задействован по службе. Дирижировал сам руководитель ансамбля А.В. Александров. Я сидел на траве совсем рядом и с интересом наблюдал, как он дирижирует, напевая сам исполняемые песни. Запомнилась очень красивая мелодия кантаты, посвященной маршалу Рокоссовскому. В ней были такие слова:

«Рокоссовского славное имя

Не забудет народ никогда...»

К сожалению, наш народ, поддавшись дешевой перестроечной пропаганде, многое забыл, в том числе и выдающиеся ратные дела Константина Константиновича Рокоссовского, «маршала двух народов», как он был назван в одной из книг, посвященных его жизни и военной службе в Советской армии и на посту Министра обороны Польской народной республики. На этом посту он находился в годы 1949 — 1956 по просьбе правительства ПНР.

Роль К.К.Рокоссовского в обороне Москвы в октябрьские дни 1941 года была, по моим представлениям, одной из самых главных, если не самая главная. Он первым в кризисные дни начала октября того трагического года, когда наш Западный фронт в очередной раз потерпел катастрофу под Вязьмой, начал организовывать новую оборону из разрозненных частей, прорывавшихся из окружения, на открытых дорогах на Москву и прикрыл её с запада в самые опасные для судьбы Москвы дни. Этот предельно опасный для Москвы момент я подробно описал в своей книге. Демонстративно полузабыт сейчас и сам Александр Васильевич Александров, выдающийся советский композитор, автор мелодии вдохновенного гимна Великой Отечественной — «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...», автор мелодии величественного гимна Советского Союза и нынешней России.

Поразило меня немыслимое: в первом томе «Советской военной энциклопедии», изданной в 1976 году (председатель главной редакционной комиссии — А.А. Гречко). Среди слов от «А» до «Бюро» нет А.В. Александрова. Очень кратко о нем упоминается лишь в большой статье «Ансамбль песни и пляски»... В противовес этому не иначе, как злонамеренному акту умалчивания, в малоизвестном словаре-справочнике «Великая Отечественная война 1941 — 1945» (составитель А.С. Галидан) в очень краткой статье об А.В. Александрове (всего около 70 слов) сказано очень много об этом выдающемся человеке: «... народный артист СССР (1937), доктор искусствоведения (1940), генерал-майор (1943), профессор (1922). Член КПСС с 1939. В Сов Армии с 1928... Государственная премия СССР (1942, 1946)... Организатор и художественный руководитель дважды Краснознаменного ансамбля песни и пляски Сов. Армии».

Через два или три дня, когда еще не изгладились впечатления от концерта ансамбля А. В. Александрова, обескуражила весть в газетах: скоропостижно скончался руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской армии генерал-майор А.В. Александров. И у нас, только что с ним встречавшихся, острой болью отозвалась его смерть...

Вскоре проводили мы домой демобилизующихся наших старших боевых товарищей: Николая Казанцева, Сергея Слесаренко, Сашу Митькина, Гришу

Гребенюка,... В подразделениях тогда официальных проводов не устраивали, не было для этого ни помещения, ни соответствующих атрибутов. Проводы официальные устраивались на сборных пунктах при больших штабах, где собирали демобилизующихся из многих частей. Там и оркестр, и прощальные речи, и вручение подарков. Наши же ветераны собрали застолье на чердаке нашей казармы, пригласили кое-кого из командиров и некоторых из нас, из наиболее близких друзей и преемников. Выпили, как водится, (спирт на этот случай давно был припасен), вспомнили павших товарищей, помянули. Ударились в воспоминания боевых эпизодов, в которых совместно участвовали. С Колей Казанцевым мы, конечно, вспомнили Дойчендорф, где познакомились в воронке около горящих наших танков, как ползком возвращались к танкам и тащили на шинели раненого его радиста... Было грустно им и нам, столько пережито вместе. Не раз прослезились. Заверили друг друга в дружбе до конца своих дней, обменялись фотокарточками и тихо разошлись...

Уберегаясь от скуки, поступил я там в Бунцлау на курсы механиков- водителей танков, организованные в своей же бригаде, которая была теперь переименована в 183-й Танненбергский танковый полк, а 10-й ДТК в 10-ю Днепровскую танковую дивизию. Танк я знал хорошо, вождение тоже давно хорошо освоил, водил танк при всякой возможности, этому всегда способствовал механик-водитель нашего танка Николай Казанцев, имевший официальное почетно-профессиональное звание «Мастер вождения танков». Он перед отъездом даже написал обо мне статью в корпусную газету «За Родину» под заголовком «На больших скоростях», отметив в ней хорошее мое знание танкового двигателя и мое умение водить танк на больших скоростях. Назвал меня в качестве его преемника на должности механика-водителя танка. На курсы я поступил лишь для того, чтобы получить официальное удостоверение механика-водителя танка.

Но закончить эти курсы мне не пришлось, так как неожиданно в числе небольшой группы ветеранов, участвовавших непосредственно в боях, был назначен командиром танка Т-34. Это была первая после окончания войны замена офицеров — командиров танков на сержантский состав из фронтовиков. Начались сборы новых командиров танков, учения, интенсивные занятия, конференции по обобщению боевого опыта. Это отвлекло от повседневного однообразия, но вскоре мне пришлось расстаться со своими однополчанами навсегда.

ЗИГЗАГИ НА ИЗБРАННОМ ПУТИ

В сентябре 1946 года неожиданно пришла в корпус разнарядка направить одного человека из сержантского состава в авиатехническое училище. Удивительно, но очевидно, что кто-то среди кадровиков — авиаторов помнил, как много в начале войны авиационных специалистов направляли в танковые войска, где их потери были несравнимо больше, чем в авиации. Видно, поэтому теперь, после войны запросы авиационных училищ направлялись и в танковые войска. Поскольку мой рапорт лежал уже давно в отделе кадров корпуса, и я неоднократно о нем напоминал кадровикам, мне сразу и предложили поступить в это училище. Ехать надо было срочно, сначала в штаб нашей мехармии в город Вальденбург. Там, пройдя предварительные

медицинскую и мандатную комиссии, получил я предписание прибыть во 2-е рижское авиатехническое училище. В предписании значилось, что со мной следуют туда еще два человека. Втроем мы и направились сначала в штаб Северной группы войск, в г. Лигница, а оттуда в Ригу через Вильнюс.

Итак, отклонившись от своего, намеченного еще в детстве, пути в авиацию почти на три года, побывав на войне, я снова вернулся на тот маршрут. Снова в раздумье, куда-то он приведет. В Риге узнали: — училище это по авиационному вооружению, чего я меньше всего ожидал. Хотелось приобрести такую авиационную специальность, которая годилась бы и для гражданской авиации и, вообще, для работы на «гражданке».

Потолкавшись среди авиамехаников различного профиля, приехавших поступать в училище, узнал, что есть очень хорошее, самое подходящее для меня, авиаучилище под Москвой в Серпухове. Там готовят специалистов по всем авиационным приборам, электрооборудованию и радиооборудованию самолетов. Да, это — для меня, и я решил пробиваться туда. Экзамены в рижское училище все же я сдал, медкомиссию прошел, но на мандатной комиссии поступать в это училище отказался, откровенно рассказал о своем стремлении и попросил — нельзя ли меня направить в серпуховское авиаучилище. Такая моя просьба показалась комиссии, наверное, более, чем бесцеремонной, возиться с моей, отдельно взятой персоной, в этом училище не захотели и направили меня просто — на просто на рижский военный пересыльный пункт.

На пересылке скучота, в город увольнений не дают, заняться нечем. Питание, правда, приличное, часто дают гречневую кашу. Это впервые за три года моей службы. Немного удивляло — каша имеет какой-то уж явно красноватый оттенок. Оказалось — это не гречневая каша, а гаоляновая. Наверное, гаолян завезли сюда морем с дальнего Востока, как трофей после победы над Японией. Больше нигде и никогда гаолян мне не приходилось встречать. Ближайшая перспектива на пересылке не ясна.

На мою просьбу направить меня в свою часть отвечают, что вышел приказ, в соответствии с которым для направления военнослужащего в воинскую часть, находящуюся за границей необходим специальный пропуск, который могут выдавать только центральные управления родов войск. Это осложнило мое положение. Неопределенность угнетает. Как-то объявили: кто хочет получить шоферские права, может записаться в команду, которая будет работать в лесу на вывозке дров на опушку леса на старых автомашинах, приобретет навыки вождения, а после этого, пройдя кратковременные курсы, получат права военных автоводителей. Я с удовольствием дал согласие на это дело. Специальность шофера всегда пригодится. Сказано — ждать, пока наберется нужное количество желающих. Жду...

Но однажды подходит ко мне старшина из штатных сотрудников пересылки и начинает меня расспрашивать, какая у меня специальность, с какой техникой знаком, какой у меня практический опыт и т.п. Узнав, что я знаю и танковый двигатель и всесторонне знаком с эксплуатацией танка, предложил мне поучаствовать некоторое время в работе по сборке автомашины для пересыльного пункта, а потом меня направят в любую часть по моему усмотрению. Мне этот вариант очень подходил. Заодно он рассказал, что команда для практического обучения автоделу на перевозке

леса вряд ли соберется. В лесу опасно, там хозяйничают подпольные «лесные братья», похищают и убивают наших военнослужащих, что для уничтожения «лесных братьев» посылают даже целые эскадрильи штурмовиков Ил-2 для площадной штурмовки целых кварталов леса, но справиться с «лесными братьями» власти никак пока не могут.

С большим удовольствием я включился в работу по сборке автомобиля из разбитых легковых автомашин. Меня сначала поставили на ходовую часть. Монтирую, перемонтирую баллоны, проверяю колесные диски, ставлю новые камеры, накачиваю баллоны ручным насосом. Машину собрали довольно быстро, недели за две. После этого я попросил дать мне предписание в свою часть, несмотря на то, что пропуска через границу у меня нет.

Согласившись с моим доводом о том, что еще не везде хорошо знают, только что вышедший новый приказ и новый порядок проезда через границу в свои части, предписание в свою часть и личное дело мне выдали. Узнал, что на Брест, где находится переезд через границу в нашу Северную группу войск, поезда идут то через Вильнюс, то через Москву. Решил попасть в Москву и разработал свой план соответствующей операции. Взял по командировочному предписанию билет на поезд Рига — Вильнюс — Брест и умышленно на поезд опоздал. Следующий поезд по этому маршруту шел лишь через несколько дней, чуть ли не через неделю, а поезд через Москву шел на другой день. Прибегаю к окошку военного коменданта станции, паникую, каюсь за опоздание, спрашиваю, что мне делать.

Изрядно отругав меня, работник комендатуры поменял мой билет на другой, на поезд идущий в Брест через Москву. Часть моего «стратегического» плана сработала. В Москве, в военной комендатуре Белорусского вокзала рассказал о своей ситуации — предписание и билет до Бреста есть, но слышал, — для проезда через границу нужен еще пропуск. Мне объяснили, что за пропуском следует, обращаться в Управление бронетанковых и механизированных войск, рассказали, где оно находится.

Сразу же поехал туда, узнал в бюро пропусков, к кому необходимо обратиться и позвонил по данному мне телефону. Объяснил ситуацию, видимо, уже ставшей типичной. Сказали ждать, выйдет ко мне сотрудник. Вышел подполковник, выслушал мои объяснения, взял мое личное дело, попросил подождать некоторое время, ко мне выйдут еще. Действительно, вскоре вышел другой сотрудник, вручил мне справку о том, что мои документы находятся в УБиМВ для оформления пропуска через границу и велел явиться за документами через неделю.

Это мне очень подходило. Провести в Москве неделю — редкая возможность. Ночую на вокзалах, днем разъезжаю по Москве, сдав свой вещмешок в камеру хранения. Побывал в Третьяковской галерее, еще где-то. Портило настроение только то, что в это время, был уже конец октября, армия перешла на зимнюю форму одежды, а я — в пилотке. В один из дней меня задержал патруль на выходе из метро «Белорусская», и не слушая никаких моих объяснений о том, что я давно уже из своей части, до перехода на зимнюю форму одежды, — в сторону.

Когда набралось нас — нарушителей формы одежды человек десять, отвели по железнодорожным путям в какой-то тупик и заставили разгружать вагон с дровами, сказав, что не отпустят нас, пока не разгрузим вагон полностью. После разгрузки

отпустили, мне сказали, что пилотку на шапку можно заменить в городской комендатуре на Басманной улице. Поехал туда, там, конечно, отфутболили, сказав, что все шапки уже кончились и посоветовали патрулю больше не попадаться. Мелочь с пилоткой сильно осложнило мое пребывание в Москве. Стал озиаться, как затравленный волк. При входе или выходе из метро сначала наблюдал, нет ли у эскалаторов патруля и только убедившись в том, что их нет, спускался или поднимался по эскалатору. Не помню уж как, но шапку я себе добыл в обмен на мою шерстяную пилотку и ожил.

Явившись в назначенный срок в УБиМВ, столкнулся с новой ситуацией. Мне было сказано, что в Северной группе войск сейчас идет резкое сокращение частей, выезд туда нецелесообразен и что я назначаюсь на должность командира танка в Кантемировскую танковую дивизию, находящуюся в районе Наро-Фоминска. Это был в той ситуации самый разумный и самый подходящий для меня вариант. Здесь, под Москвой, куда легче будет осуществить мой замысел попасть в авиацию. В тот же день к вечеру сел на пригородный поезд и поздно вечером был уже в Наро-Фоминске.

На вокзале увидел несколько танкистов, расспросил, как добраться до такой-то воинской части. Они охотно рассказали, представившись, что сами оттуда, — либо на попутной машине, либо пешком километров двенадцать. Зашел в пристанционное кафе, заказал себе ужин, выпил стакан водки по случаю начала нового этапа моей службы и, поужинав, пошел, на ночь глядя, пешком. Ночь, стало морозить, было уже начало ноября, небо безоблачное, над головой, наконец, свое русское небо и знакомые звезды. Пришел глубокой ночью в гарнизон. Вокруг большие жилые дома, большое здание клуба воинской части. По знакомым признакам определил, где проходная части, быстро её нашел, обратился к дежурному предъявил предписание. Дежурный, сообщив, что танковый полк, в который я назначен, находится в Москве на параде, направил меня в казарму одного из подразделений этого полка. Явившись туда, я представился сонному дежурному, и, наконец, завалился спать на свободную кровать и мгновенно заснул после недельного плохого высыпания на московских вокзалах. Хорошо выспавшись, так как никакого подъема по случаю моего позднего ночного прибытия не устраивали, обратился в штаб полка, сдал предписание, личное дело и получил направление в роту, в которой мне придется служить. Праздничные октябрьские дни провел в пустой казарме, ничем конкретно не будучи занят, отсыпался. Большую часть времени провел в Ленинской комнате, где были все подшивки центральных газет и журналов.

Надо отдать должное армейским политработникам. Уж информированность-то периодикой была поставлена в армии идеально. Даже в самом глухом гарнизоне, вроде нашего, под Фалькенбургом, в ротах была Ленинская комната — по существу — это хороший читальный зал, где всегда были свежие почти все центральные газеты, журналы, подшивки газет, часто и небольшие библиотеки.

Через несколько дней возвратился весь личный состав полка, бывшего на параде на Красной площади. После парада они еще несколько дней мыли, чистили и смазывали парадные танки и ставили ли на консервацию в Кубинке. Второй комплект танков находился здесь в постоянном гарнизоне. Я был окончательно определен в танковую роту капитана Федорука, сразу мне понравившегося. Но впечатление от

танкового взвода, в котором я принял танк, сложилось неблагоприятное. В танке большой некомплект инструментов и принадлежностей, в других танках то же самое. Механики-водители бегают друг к другу за инструментом, за смазочными шприцами. У нас такого никогда не было. Возникло у меня подозрение, неужели продают инструмент местному населению? На мою твердую позицию — инструмент никому не давать, многие обиделись.

Вскоре обескуражило назначение меня старшиной танковой роты. Вот это все было никак не для меня. Меня тянуло в свободное время в читальный зал, в библиотеку, в спорт, а тут надо было всегда быть с народом. Мои протест, мои доводы не были приняты во внимание. Командир роты по хорошему уговаривал, просил помочь навести порядок. Порядка действительно не было, хотя Кантемировская танковая дивизия и была парадной, как сейчас сказали бы — элитной. В казармах холодно, батареи отопления еле теплые, питание слабое. В караульном помещении, куда часто назначаюсь начальником караула, печь постоянно дымит, дрова сырые, холодно.

Некоторые на меня, новичка, смотрит косо. Понятно, наверное, кто-то рассчитывал из своего круга попасть на должность командира танка, а тут вдруг появляется человек со стороны. Взаимопонимания с отдельными товарищами из роты у меня никак не получаются. Единственное утешение тогда — рядом расположенный спортзал. Замерзнешь — бежишь туда, покрутишься на турнике и на брусках, и снова тепло.

Преимущество нахождения рядом с Москвой все же в те дни ощутилось. У меня вдруг сильно воспалился и совсем затек один глаз. В санчасти сразу направили в Москву в Центральный военный госпиталь. Там внимательно глаза осмотрели, промыли, что-то закапали, совсем забинтовали и наказали через неделю явиться в госпиталь снова. Такое внимание приятно удивило. Радовало и то, что в Москве имеется возможность бывать часто.

В первые же дни моего пребывания у кантемировцев прочитал в «Красной Звезде» объявление о наборе курсантов в Серпуховское авиа-техническое училище из состава младших авиационных специалистов на сокращенный курс подготовки авиатехников по приборному и кислородному оборудованию самолетов. Желая поступить в авиаучилище должны подать рапорт по команде или непосредственно на имя начальника училища. Тут же сел и быстро написал письмо по указанному адресу. Объяснил, что окончил два курса авиационного технологического техникума, добровольно ушел в армию, прошел сокращенный курс танковой школы, принимал непосредственное участие в боях в Прибалтике и Восточной Пруссии, знаком с авиационными двигателями М-103, ВК-105, а также хорошо знаю танковый дизельный мотор В-2. Добавил о своей давнишней мечте посвятить себя авиации. В боях был ранен, но здоров, еще во время войны был награжден орденом «Красная Звезда». Просил сообщить, могу ли я поступить во вверенное им училище. Отправил письмо по указанному адресу, не очень надеясь получить ответ.

В это время меня зачисляют на трехмесячные сборы командиров танков при части, тем самым освобождают меня от обязанностей старшины роты. Курсами руководит довольно пожилой полковник, наверное, еще со старой дореволюционной

офицерской закваской, строгий, много уделяющий внимания строевой подготовке. Сообщается, что всем успешно закончившим сборы, будут повышены воинские звания, вплоть до младших лейтенантов. Устанавливается строгий уставной порядок, дисциплина. Кроме изучения матчасти, теории работы двигателя и теории стрельбы, много внимания обращается на физическую и строевую подготовку. Для меня физкультура всегда была приятным и легким делом, с турником и брусьями имел дело, начиная с пятого класса школы, подтягивался легко и много, бегал всегда хорошо. Вот строевая подготовка тяготила всегда. Но, в общем, все легко и привычно на сборах.

Неожиданно, где-то в середине декабря, меня вызывают в отдел кадров полка и сообщают, что на меня пришел вызов из Серпуховского авиационного училища, и я должен немедленно отбыть туда. Дали мне прочитать вызов, он был подписан заместителем начальника отдела кадров училища лейтенантом Пруном. До сих пор с благодарностью вспоминаю эту фамилию, этого человека, понявшего по письму меня.

Тут же мне вручили командировочное предписание с приказанием немедленно отбыть в училище, так как срок набора курсантов уже заканчивается. Такой оборот дела сильно меня обрадовал, быстро собрался, доложил непосредственному начальству и в этот же день отправился в Серпухов через Москву. В Серпухов прибыл поздно вечером, сел в автобус до центра города, по дороге стал расспрашивать соседей, где находится авиаучилище. Одна женщина отозвалась — едет туда и покажет мне дорогу. Оказалось, она воспитательница детского дома и едет на ночное дежурство в детдом, расположенный недалеко от того училища. Я представился ей, что тоже бывший воспитанник детдома, разговорились, сойдя в центре города, шли еще километра два пешком. Она объяснила, как ближе пройти в училище, показала тропку, которая приведет меня к проволочному забору, там есть дыра, через которую ходят все работники училища, живущие в этой стороне. Участливо и тепло пожелала мне успешно поступить в училище, заверив, что знает — оно очень хорошее.

Проникнув через забор на территорию военного училища, разыскал среди больших многоэтажных зданий по светящемуся окну помещение дежурного по училищу, предъявил свое предписание и был направлен в помещение, где проходят карантин, размещаются приехавшие поступать в училище. Карантин занимал все помещение первого этажа четырехэтажного здания. Подсвеченное наружными фонарями через окна оно представилось мне заполненным спящими вповалку на нарах одетыми людьми. Не было ни одного свободного места. Не случайно меня торопили с отъездом сюда, срок прибытия поступающих, похоже, уже прошел. Присмотрел, где пореже спит народ, и завалился между спящими. Время было уже далеко за полночь.

Глава 7. В СРЕДЕ АВИАТОРОВ

НЕОБЫЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Утром проснулся от тихого разговора моих соседей по нарам. Удивляются — что за наваждение? Вечером долго разговаривали между собой и заснули соседями, а

сейчас между ними оказался какой-то чернопогонник — танкист. Откуда взялся? Коротко представился, кто я и почему оказался между ними. Осмотрелся — одни авиаторы, сержанты, старшие сержанты и старшины. Некоторые щегольски одеты, форсят в авиационной форме.

В этот же день после завтрака начались вступительные экзамены по математике, физике и русскому языку. Одна группа сдает математику, другая физику, третья русский язык. На другой день группы меняются, так — три дня. В эти же дни прошли поочередно и медкомиссию. Еще через день — мандатная комиссия. Экзамены сдал успешно, все комиссии прошел благополучно.

Через два дня слушаем в строю приказ начальника училища о зачислении в училище.

Официально училище именуется так: «2-я Московская военная авиационная школа механиков спецслужб», но одновременно она готовит авиационных техников по спецоборудованию самолетов, выпускает техников-лейтенантов.

Наконец-то сбылась моя мечта: я курсант военного авиатехнического училища. Неоднократно читал о том, что многие известные летчики начинали свой путь в авиации с авиатехнического училища; в числе таких — Михаил Водопьянов и Александр Покрышкин.

За эти несколько дней со многими познакомился. Удивило то, что среди поступающих есть немало списанных летчиков — инструкторов летных авиашкол, бывших курсантов летных школ и летных училищ. В основном — это курсанты и инструкторы тех авиашкол, которые попали под сокращение. Все они стремились теперь приобрести более устойчивую авиационную техническую специальность. Приехали авиаторы с разных концов страны — из Средней Азии, Закавказья, из Сибири, из других далеких и близких краев. Иван Дикуссар, Вячеслав Стешенко, Александр Корнилов, Марат Горелов, Александр Будылин, Александр Панин, Юрий Лярский, Александр Исаичкин, Владимир Манов, Евгений Богачев... Некоторые уже женаты. Народ в основной своей массе бывалый и интересный. Теперь, когда поступили — все в хорошем, благодушном настроении, появилась гитара, расппеваются песни курсантов летных школ о верном спутнике — учебном самолете У-2:

«Над нивами широкими,
Над долами глубокими Летит У-2, расчалками скрипя.
Моторчик надрывается,
Инструктор в шланг ругается...
Жизнь авиационная моя...»

И дальше — особенно запомнившееся каждому курсанту о первых своих посадках:

«Сорвал в пике, спланировал,
На двадцать метров выровнял И резко дернул ручку на себя,
И оторвал рогатую Скотину бородатую,
Резвого веселого козла...»

У меня тоже настроение соответствующее общему. Все. Попал куда стремился. Чувствую — два курса авиационного техникума теперь не пропадут, пригодятся. И

хорошее знание танкового дизельного мотора — тоже не лишние знания, сработают на добротную техническую эрудицию.

Вдруг — новый сюрприз. В прошлом чаще всего бывало так: если не везет, так не везет одно за другим. Здесь же наоборот: везет одно за другим подряд. Нам объявляют: выпуск роты, помещение которой мы должны были занять, задерживается. Нас всех отправляют в отпуск... на два месяца. Вот это да! Все, конечно, после многих лет непрерывной, безотпускной службы вполне заслужили отпуск. Но, чтобы сразу на два месяца — неслыханное. Мне все больше и больше нравится авиационное командование. Конечно, нас могли послать на какие-нибудь работы на это время. На расчистку или строительство аэродромов, на заготовку дров, да мало ли где требовалась тогда дешевая физическая рабочая сила. А тут кто-то, видно, подумал: молодые парни в течение многих лет зимой и летом, днем и ночью обеспечивали боевые вылеты, пусть отдохнут перед учебой, побывают дома.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КАВКАЗ

По нашим денежным аттестатам нам выдали денежное содержание за два месяца вперед, кому сколько положено по прежней занимаемой должности. У меня, как у командира танка, должностной оклад был уже около 600 рублей. Это по тем временам были не пустые деньги. Для рынка они, правда, были слабоваты, но для товаров и услуг по государственным ценам, в том числе и билеты на железнодорожный и воздушный транспорт, который в стране стал действовать в интересах населения, деньги не были обесценены. У каждого из нас были и небольшие накопления. У меня, например, и фронтовой оклад, и послевоенный удвоенный, за счет полевой надбавки, шли на сберкнижку. Так что на отпуск деньги были. Кроме того при себе был продовольственный аттестат, который отоваривался на продпунктах, существовавших на каждой более-менее крупной железнодорожной станции.

Передо мной встал вопрос: куда поехать? С детдомом связи нет, он эвакуировался осенью 1941 года из Ростова-Ярославского куда-то в Пухлому, адреса нет. С Ростовом тоже никакой связи. В Рыбинск собирался заглянуть в конце отпуска, там у очень хорошего товарища по техникуму оставлены какие-то мои вещички, в том числе коллекция художественных репродукций, собранная совместно с С. Ивенским в детдоме и некоторые личные документы. Там в небольшом личном архиве лежала и единственная открытка от знакомой девушки из Ростова, присланная мне в Рыбинск в 1942-м году, очень тронувшая тогда меня. Единственный человек из детства, вспомнившая меня, неведомо как узнавшая адрес, приглашала к переписке. Эту возможность я глупо упустил, о чем жалел многие годы.

Расспросил новых моих знакомых, кто где служил до поступления в училище, советуясь, куда поехать. Собравшиеся в Серпухове служили везде: в Закавказье, в Средней Азии, на Черноморском побережье Кавказа, во многих других местах от Ленинграда до Комсомольска на Амуре. Посоветовали мне ехать в отпуск в Сухуми через Махачкалу, Баку, Тбилиси. Такой поезд тогда ходил. В Сухуми, расхваливали, тепло, много фруктов, вечная зелень, море.

Так и сделал — взял проездные документы до Сухуми с остановкой в Тбилиси. Снова большое путешествие на Кавказ, до Баку и дальше, но теперь уже с другой стороны Каспийского моря. Это был первый в моей жизни трудовой отпуск, и впереди интересное железнодорожное путешествие по Кавказу. Общий вагон и третья полка в нем — место не очень удобное для путешествующего, с билетами на дальние поезда, особенно на юг, тогда было очень сложно. То время — разгар послевоенного великого переселения народа: воссоединение семей, поиск родственников, разъезды демобилизованных, перемещения на юг в поиске

более легкой жизни и все другое тому подобное. Многие из средней полосы страны, разрушенной войной, подались в теплые края искать лучшей жизни, заработка, продуктов питания. Среди всей этой массы людей шныряют мелкие жулики, воришки, подозрительные дельцы. На остановках огромная масса людей высыпает на перрон за кипятком, к пристанционным базарчикам. Многие знают, на какой станции что можно дешево купить, советуют соседям по вагону.

Средняя полоса до Ростова на Дону не оставляла других впечатлений, кроме разрушенных городов, станционных зданий, пристанционных базарчиков, где продавалось что-нибудь съестное. Чаше всего топленое молоко, ряженка, вареный картофель, соленые огурцы, домашние лепешки. Рыночные отношения на тех базарчиках были тогда настоящие. Цены разные, торгуешься, выбираешь то, что тебе по карману.

Северный Кавказ проехал ночью, в светлое время оказался на Каспийском побережье, у Махачкалы. Был конец декабря, где-то в дороге наступил новый год, 1947-й. Никаких эмоций по этому поводу никто в вагоне не высказал — каждый был озабочен своими делами. Каким-то он будет у меня?

Для страны год 1947-й будет тяжелым после неурожайного 1946-го. Союзники в помощи продовольствием отказали, требовали расплатиться золотом за поставки вооружения по ленд-лизу, разворачивали холодную войну. Новый урожай дело поправил и в конце 1947 года была отменена карточная система снабжения населения, осуществлен обмен денег до определенной суммы, кажется, до 5000 один к одному, остальные — один к десяти, устанавливались также твердые государственные цены на все товары и продукты питания. Все цены были тщательно продуманы и сбалансированы. Постановление об отмене карточной системы и введении единых цен на продукты питания, товары народного потребления были подписаны председателем Совета министров И. Сталиным. (Попробуй повысь их хоть на одну копейку...). По мере развития производства товаров и продовольствия в дальнейшем каждый год происходило снижение цен. Снижение цен по мере развития экономики, серийного производства товаров — процесс естественный, закономерный, понятный всем. Нынешнее хроническое повышение цен на все товары и услуги говорит о нездоровой экономике и нездоровой тенденции к её изменению.

Пока ехали вдоль Каспия на всех станциях и полустанках продавалась вяленая рыба, лимоны, какие-то неведомые ранее кавказские фрукты. Вспомнилось, еще до войны читал в каком-то детском журнале о том, как группа пионеров из Артека были в гостях на даче у В.М. Молотова, и он угощал их селедкой с лимоном. Меня тогда такое

угощение очень удивило. В моем тогдашнем представлении лимон — это что-то очень сладкое. Теперь вижу, у меня появилась возможность самому испробовать такой деликатес. Действительно, очень стоящая закуска, просто я раньше не знал вкуса лимона и первый раз в жизни ощутил его тогда в поезде на побережье Каспийского моря.

Это сейчас лимоны продаются в каждой фруктовой палатке, а тогда это была редкость в средней полосе. До Тбилиси дорогу помню плохо, в Тбилиси сделал остановку на несколько дней. Съездил в центр города, но никакого особого впечатления не ощутил. Кавказский горный пейзаж закрыт большими домами. Удивило, конечно, обилие среди зимы фруктов на большом тбилисском базаре. Вижу — многие едят кукурузные лепешки с красными помидорами. Не сразу узнал, что красные помидоры — это вовсе не помидоры, а японская хурма. Почему-то тогда на Кавказе хурму называли непременно японской хурмой. Удивили еще совершенно коричневые яблоки шафран. Сначала думал — это начавшиеся портиться или сильно подмороженные яблоки, потом вижу — все спрашивают — шафран да шафран. Попробовал — действительно очень вкусные яблоки. Позже я такой коричневый шафран нигде и никогда, в том числе и в Москве, не встречал.

В гостиницах в Тбилиси мест по нормальной государственной цене, конечно, не было, ночевал на вокзале. К вечеру, в какой троллейбус или автобус ни сядешь, везде мужчины навеселе, часто поют, общее радостное настроение. Грузины гуляют, наверное, еще с самого победного дня 9 мая 1941 года. Встречают демобилизованных, демобилизация армии растянулась на несколько лет, принимают гостей, бывших однополчан- фронтовиков.

После Тбилиси решил отклониться от маршрута, побывать в Батуми. Там, говорят теплее всего и фрукты очень дешевые. Для этого надо было сойти с сухумского поезда в Самтредии, где закавказская железная дорога разветвляется: одна линия идет на Сухуми, другая — на Батуми. В Самтредии в гостинице свободно, заночевал. Наслышался всяких разговоров о жуликах-картежниках и даже о заказных убийствах и ценах на такую услугу: сколько стоит солдат, сколько офицер. Точно цены не помню, но, помню, — небольшие. Тогда в существование такого промысла не поверил.

Батуми не понравился. Хотя и тепло, и фруктов дешевых много, но очень уж много везде народа. Кругом торговля с рук, какие-то сделки, постоянно спрашивают — что продаешь. Побродив день по городу, сел снова в поезд до Самтредии, там пересел на Сухуми.

В Сухуми, сойдя с поезда, узнал, где расположена гостиница, добрался до неё. То была центральная гостиница города — «Абхазия», узнал — места есть, но цены высокие, вышел и сел на лавочку на самом берегу и залюбовался бушующим Черным морем. Через некоторое время ко мне на лавочку под села вышедшая из гостиницы хорошо одетая девица и на ломаном русском языке стала расспрашивать — откуда я, что здесь делаю. Рассказал ей, что отпускник, путешествую по Кавказу, только что с берега Каспийского моря, был в Тбилиси, очутился на Берегу Черного моря.

Услышав о Тбилиси, она сразу оживилась, стала очень разговорчивой. Ей явно хотелось попрактиковаться в разговоре на русском. Сказала, что очень любит Тбилиси, что она — дочь одного из руководителя польского государства, назвала знакомую

фамилию, сейчас боюсь спутать: то ли Циранкевича, то ли Гомулки, то ли еще кого, только помню, фамилия, известная по газетам. В Тбилиси она учится в университете, а здесь отдыхает на каникулах. Судя по её каникулам — был уже конец января, я же свой счет дням потерял и ориентировался только тогда, когда попадалась в руки газета. Неоднократно выражая свое восхищение Тбилиси моя собеседница заявила: в Тбилиси за деньги можно сделать все, взорвать весь город и заново его построить. Разговор с ней надолго запомнился. Человек из другого мира, для которого деньги делают все. Всякое знакомство с иностранцами в то время до добра не доводило, и я, сославшись на то, что мне необходимо ехать на вокзал, брать билет на поезд, постарался побыстрее откланяться.

В этот же день к вечеру направился в Сочи, побывал затем в Адлере, в Гаграх. Ни санатории, ни дома отдыха, ни пансионаты в то время не работали. Точнее сказать, они были, но в небольшом количестве, в них после войны долечивались тяжело раненные. Никаких путевок в них в свободной продаже тогда не было. В конце концов мое своеобразное путешествие в переполненных поездах без нормального отдыха превратилось в однообразие и изрядно мне надоело. В значительной степени этому способствовала хмурая, пасмурная южная зима. Потянуло скорей сесть за интересную учебу.

С большим трудом взял билет до Москвы, купил большой фанерный ящик — чемодан для фруктов, накупил лимонов и мандаринов и отправился в обратный путь на север через Туапсе, Армавир, Тихорецк, Сальск, Сталинград и далее до Москвы. В Сальске отстал от поезда. Раздетый, правда в шапке, при документах и деньгах. Шинель, вещмешок и большой ящик с фруктами поехали дальше. Посмотрел расписание поездов, — они идут на Москву часто.

Ушедший мой поезд был простым пассажирским, тащился он медленно. Вслед за ним идут курьерские поезда, ближайшим — через пару часов. Посоветовался с дежурным по вокзалу, он несколько успокоил, сказав, что курьерский поезд обязательно догонит пассажирский через столько-то часов. Потолкавшись по вокзалу увидел объявление местного аэропорта: начали работать местные пассажирские авиалинии во многие города области, цены указаны вполне приемлемые, есть рейсы в города, расположенные на железной дороге к северу от Сальска. Быстро созрел план: бегу в аэропорт, он расположен километрах в пяти от железнодорожного вокзала, на улице тепло, около нуля, сажусь на рейс, идущий в город, расположенный километров за двести севернее Сальска, там поджидаю на вокзале свой пассажирский и сажусь в него. Пробежать раздетым пять километров — для меня суший пустяк.

Прибежал в аэропорт, но рейсы там из-за погоды на ближайшие сутки отменены, такая досада. Бегу обратно и вскоре сажусь на курьерский поезд. На сажащегося в поезд раздетого военного человека в сутолоке посадки кондуктор не обращает внимания. Прошел несколько вагонов, сел на свободное место и через несколько часов, выйдя на платформу какой-то большой станции, где стояло несколько поездов, опознал свой. Без особого труда нашел свой вагон. Вещи мои оказались на месте, лишь соседи стали интересоваться, где так долго пропадал. С трудом поверили в то, где я все это время был и что делал.

Приехав в Москву, сразу перебрался на Савеловский вокзал, взял билет до Рыбинска. Тогда четко было налажено трамвайное сообщение между вокзалами, перебраться с одного вокзала на другой не составляло труда. Это сейчас московские власти совершенно не думают о развитии общественного транспорта в жизни огромного города. Транспорт находится в ненадежных руках, господствуют спекулянты-частники. Автомобильное движение в городе в часы пик практически парализовано, Москва перенаселена. Додумались лужковские чиновники до того, что собрались выносить Савеловский и Рижский вокзалы за черту города. Тогда жди очередной большой беды. А если в городе серьезная катастрофа? Как быстрее всего эвакуировать за город народ? Ведь совершенно очевидно — только поездами. А каково придется столичным садоводам, дачникам?

Съездил на короткое время в Рыбинск в гости к своему студенческому товарищу. Этой поездкой замкнулся маршрут моих случайных путешествий, начавшийся осенью 1941 года.

Тогда, пропутешествовав из Рыбинска в Уфу, из Уфы через Оренбург, всю нашу Среднюю Азию, через Ташкент, Самарканд, Ашхабад, Красноводск до Баку, был свидетелем великого передвижения народа, переселения, вызванного большой войной. Теперь стал невольным свидетелем послевоенного большого движения народа в направлении воссоединения разбросанных войной людей, поиска трудоустройства, мест, где приткнуться бездомным из разрушенных войной городов, в поиске краев, где видится лучший образ жизни, где теплей и сытней.

Сработало все это, в конце концов, на более глубокое мое понимание сущности и последствий войны, жизни своего народа в критические моменты его истории.

ПОСТИГАЮ АВИАЦИОННОЕ ДЕЛО

В конце февраля 1947 года все, принятые в декабре 1946 года в серпуховское авиатехническое училище, возвратились из столь долгожданного и щедрого отпуска, кто чуть раньше, кто чуть позже. Обмениваясь впечатлениями, перезнакомились поближе. Снова — гитара по вечерам, снова: «Над нивами широкими, над долами глубокими летит У-2, расчалками скрипя...»

Но вот день возвращения истек. Нас всех переобмундировывают во все новое, разбивают на взводы, на каждый взвод назначается офицер из постоянного состава училища — наши непосредственные командиры. Потом представляется нам наш командир роты. Из нашей же курсантской среды каждый командир взвода выбирает себе внештатных помощников — помкомвзводов. Из курсантской же среды назначается внештатный старшина роты. Это — самая ответственная в армии фигура. Он с утра до ночи в солдатской, в данном случае — в курсантской среде, с него спрос за дисциплину в роте и за все остальное. Он проводит все построения роты от утренней проверки до вечерней, отвечает за самовольно отлучившихся.

В танковой школе старшина роты был у нас штатный, довольно приличный старшина, по пустякам не придирался, но с нарушителей дисциплины взыскивал строго. Старшина роты сам карает и милует, к нему в первую очередь льнут все

подхалимы и приспособленцы. Очень редко старшина роты бывает всеми уважаем. Обычно для кого-то он хорош, для других плох и даже нередко — ненавистен. Уважаем, как правило, тот, кто строг, но справедлив. Временная неприязнь к такому у того, с которого он строго спросил, рано или поздно пропадает. К нашим ротным и взводным командирам еще вернемся в конце этой главы, когда с ними поживем полтора годика. А сейчас, в начале нашего пребывания в училище будем только присматриваться к ним.

Сразу, правда, бросилась в глаза одна удивившая странность в экипировке наших авиационных командиров-офицеров. В парадную форму у них входила обязательная длинная кавалерийская шашка. Нынешнему читателю, наверное, будет трудно представить кавалерийскую шашку на боку офицера — авиатора.

Но такое было. Когда там, в Серпуховском авиатехническом училище, я в первый раз увидел шашку на боку у офицера в авиационной форме у меня, наверное, как говорится, отвисла челюсть от поразившего удивления. Человек в летной форме при лихо одетой фуражке с «крабом» и с кавалерийской до земли шашкой на боку! В танковых войсках такое было немыслимо. Быть может шашка входила, как обязательный атрибут формы, лишь тем офицерам, которые участвовали в военных парадах, я точно не знаю.

Позднее мелькнула догадка — шашки в форму офицерского состава Советской Армии после войны ввели потому, что их, шашек, за многие предвоенные годы, когда в нашей армии было много кавалерийских частей, наделали невообразимо большое количество, а когда после войны кавалерия почти полностью была расформирована, шашек без надобности скопилось несметное количество, девать некуда. Даже хранение их стало проблемой. Надо теперь для них иметь не только складское место, но надо еще их время от времени осматривать — не заржавели ли, чистить и смазывать, если заржавели. Вот и додумался кто-то из высокостоящих чиновников — раздать их на руки офицерам, спрашивать с них, чтобы шашки у них не заржавели, и провели этот замысел через приказ Наркома Обороны.

По хорошей традиции серпуховского училища каждая рота сбрасывалась и покупала в свою казарму радиоприемник, что мы сразу же и сделали, купив великолепный «ВЭФ» производства рижского радиозавода. Стоил он тогда недешево. Радиоприемник был нужен, в основном, дневальным и дежурному по роте в ночное время. Он удерживал от засыпания, очень интересно было пробежаться по всем крупным радиостанциям мира и выбрать для себя интересную радиопередачу или мелодию.

Тогда же, в конце февраля, начался и учебный процесс. Поскольку срок обучения для нашего набора из младших авиаспециалистов, был вдвое сокращен по отношению к сроку обучения в нормальных средних авиаучилищах, а специальность довольно сложная и, наредкость, многопрофильная, то главное внимание — учебному процессу. До минимума сокращены все остальные учебные дисциплины общearмейского профиля: строевая подготовка, изучение уставов, наставлений, стрелковая подготовка, физическая подготовка, хотя все эти дисциплины и были в программе обучения в училище. Были в программе и тактика ВВС, и медицинская подготовка, и химическая подготовка, и даже такой предмет, как военная администрация. Все эти дисциплины

значились в программе курса обучения, но по некоторым из них выставлялся лишь «зачет» или «незачет», а по строевой подготовке, физической подготовке, уставам ВС СССР, тактической подготовке, политической и стрелковой подготовке были строгие экзамены и оценки по ним входили в список дисциплин, заносимых в свидетельство об окончании авиаучилища. Но основное внимание в серпуховском авиатехническом училище все же уделялось изучению электротехники, радиотехники, электрооборудованию самолетов, радиотехническому оборудованию самолетов, устройству и принципам действия гироскопических, анероидно- мембранных авиаприборов, автоматическим системам — автопилоту, автомату пикирования, автоматическому электросбрасывателю авиабомб, кислородному и фотооборудованию самолетов, светотехническому оборудованию самолетов и аэродромов.

С небывалым интересом включился я в изучение всех этих новых для меня, интересных дисциплин. Великолепные преподаватели, опытные методисты училища умело возбуждали интерес у курсантов к новым для многих из них предметам. До сих пор с благодарностью и искренним уважением вспоминаю серпуховских преподавателей: Спасокукоцкого, Константинова, Соколова, Кочеткова, Панаева, преподавательницу английского Романову. К сожалению, не помню и нигде не записаны у меня их инициалы. Конспекты по радиотехнике и по радиооборудованию самолетов хранятся у меня до сих пор. Радиооборудование самолетов был самым любимым у меня предметом, да, наверное, не только у меня. Целыми вечерами на самоподготовке водили мы указками по огромным схемам радиополукомпасов РПК-2Б, РПКО-Ю М, радиостанций РСИ-У, РСБ-2бис АД, разбирая каждый элемент принципиальных схем этих радиотехнических устройств, прослеживая цепи токов разных частот, не оставляя ни одного невыясненного вопроса. Много внимания еще в курсе радиотехники уделялось устройствам и работе всех существующих тогда радиоламп: диоды, триоды, пентоды, гектоды, электронные трубки катодных осциллографов и другие электровакуумные приборы.

Чуть позднее, или даже в тот же 1947 году, было создано отдельное авиационное радиотехническое училище по радиотехническому и радиоэлектронному оборудованию самолетов, и все курсы, связанные с изучением соответствующего оборудования самолетов, были упразднены в училищах по электроспецоборудованию самолетов. Нашему набору 1946 года в этом отношении повезло. Мы были, пожалуй, последним набором, где предметы по радио и радиотехническому оборудованию самолетов изучались по прежней программе в полном объеме. В дальнейшей моей работе это очень мне пригодилось. Вместе с дисциплинами «Радиоизмерения», «Материальная часть, эксплуатация и ремонт радиооборудования самолетов» эти предметы давали очень серьезную и необходимую теоретическую и практическую подготовку, позволяющую легко разбираться в любом незнакомом радиотехническом устройстве того времени.

Среди преподавателей не основных дисциплин мне почему-то запомнился лейтенант Пойда. Не из-за довольно редкой своей фамилии, а из своеобразной методики преподавания своего предмета. Вел он у нас дисциплину «Военная администрация». Предмет этот, считавшийся у нас второстепенным, мало что нам дающий, вся военная администрация, как многим из нас казалось, всем хорошо

известна по воинским уставам. Тем не менее он относился к своему предмету довольно серьезно, понимая, видимо, сущность самой администрации, то есть организации и управления любого серьезного дела. В отличие от кондового, хронического непонимания этой сущности основной массой нашего народа и хорошо понимаемого, скажем, американцами и немцами. Хорошо продемонстрировал американское отношение к администрации, мне кажется, президент США, при встрече своих космонавтов, возвратившихся с Луны. О той встрече у нас в клубе Воздушной академии демонстрировался документальный фильм. Так на той встрече президент США первым расцеловал не героев — космонавтов, а Руководителя проекта, демонстративно подчеркивая этим, что основная заслуга в успешном полете на Луну принадлежит руководителю проекта, то есть выдающемуся администратору, руководителю Дела. Это — к слову.

Лейтенант же Пойда, подчеркивая значение своего, как всем казалось, очень простого предмета, «который и так все знают», заявил, что проведем, дескать, контрольную работу, после которой многие убедятся, что они предмет «Военная администрация» знают плохо. Темой контрольной работы он назначил «Рапорт» и дал такое задание: пусть каждый напишет рапорт, кто о чем хочет, объем любой, даже — в одно предложение. Но рапорт должен быть написан строго по форме, определенной такими — то документами, с которыми мы ознакомлены. Все должно быть строго соблюдено: в каком углу — кому адресуется, в каком — от кого, на каком расстоянии сверху, с боков должно быть расположено слово «Рапорт» и так далее. И добавил: убежден, никто из вас без ошибки не напишет рапорт. Ну, думаю, нет, черта с два, я напишу рапорт без единой ошибки. Написал рапорт в одно предложение с просьбой о предоставлении мне очередного отпуска за такой-то год, с выездом туда-то. Однако лейтенант Пойда оказался прав. Никто не написал рапорт без единой, хотя бы, незначительной ошибки, никто не получил отметку «5». Я тоже в рапорте поставил одну лишнюю точку.

Хорошо и серьезно было поставлено в серпуховском авиаучилище изучение английского языка. В то время в нашей авиации на вооружении еще стояли американские самолеты, хотя их было и совсем немного. Их описания и описания оборудования, как правило, были изданы у нас на английском языке, и это было сделано правильно. До войны в Советском союзе изучался в школах почти исключительно немецкий язык, квалифицированных переводчиков с английского в нужный момент не оказалось. После войны на английский язык обратили у нас серьезное внимание и не напрасно. Почувствовал это на себе. После окончания Серпуховского авиатехнического училища я попал по своему выбору, как окончивший училище с отличием, в испытательный институт ВВС и мне довелось сразу участвовать в испытаниях систем дистанционного управления орудийными башнями самолета Ту-4 (нашего туполевского самолета, скопированного сначала один к одному с американской летающей крепости «В-29») и пришлось пользоваться описаниями этих систем, которые были скопированы с американских описаний.

Между прочим, интересный штрих в истории нашей авиации. После того, как В-29 во время войны с Японией сел на вынужденную посадку на нашей территории, и наши военные власти сразу же прибрали его к рукам, то американцы, уверенные,

видимо, в том что наши их самолет им не отдадут, официально подарили нам еще один В-29 со всей документацией к нему, в том числе и описаниями всех приборов и оборудования, естественно — на английском языке. Наше авиационное командование, по крайней мере — руководство ГК НИИ ВВС, не стало связываться с переводом описаний оборудования на русский язык, хорошо, видимо, зная, сколько несуразицы внесут переводчики в оригинальный текст. Наши специалисты стали пользоваться только американским текстом. Это был совершенно правильный шаг. С багажом английского, усвоенным в серпуховском авиаучилище, я пользовался американскими описаниями легко и свободно.

Преподавала английский у нас в училище очень добросовестная преподавательница Романова. Фамилия случайно сохранилась у меня на одной из справок, а вот имени и отчества, к сожалению, нет. Как-то легко и просто освоил я тогда не только азы нового для меня языка, но и овладел самым минимально необходимым словарным запасом, позволившим вскоре почти свободно пользоваться техническими описаниями на английском языке. Этому очень способствовал появившийся тогда в продаже маленький, компактный русско-английский и англо-русский словарь всего на три тысячи слов, но тщательно отобранных. Специальная техническая терминология запоминалась как-то быстро сама собой. Я не имею в виду разговорный язык, а язык чисто технический, очень необходимый в работе сразу после училища. И позднее в академии со специальной литературой в своей области удавалось обращаться довольно легко. Отучила многих из нас от иностранного языка позднее, в 1960 — 70-е годы обильная переводная информационная литература, которая, сейчас почти перестала выпускаться. И язык специалисты постепенно забыли, сужу по себе, и необходимой информационной литературы сейчас не найдешь. Интернету доверять нельзя, ничего нового ценного там нет и быть не может. Интернет, как мне кажется, в информационном плане тщательно контролируется.

Помимо учебного процесса курсанты серпуховского авиатехнического училища, как и всех других военных учебных заведений того времени, интенсивно использовались и на уборке урожая в колхозах и в погрузке овощей и картофеля на баржи на Оке для Москвы, и на других работах. В августе 1947 г. нас, сводную группу в семь человек, сняли с учебы из разных учебных рот и направили в довольно малолюдный колхоз за Оку в район Пущино на уборку зерновых. Две недели подряд мы сортировали, провеивали зерно на веялках. Готовила пищу нам специально выделенная председателем колхоза старушка, спали на сеновале. Запомнилась фигура председателя колхоза — однорукого инвалида войны. На собрания своих колхозников он собирал выстрелами из винтовки, которая официально была у него на вооружении. В тот голодный неурожайный год (конец 1946 — осень 1947) до сбора нового урожая появилось немало охотников поживиться за счет колхозных запасов. В конце лета 1947 года с продовольствием стало туго даже в армии. У нас в авиационном училище неожиданно на некоторое время отменили даже ужин. Урожай 1947 года, видно было, дело с продовольствием в стране существенно поправил. В конце 1947 года была отменена карточная система на продукты питания, существовавшая в средней полосе с августа 1941 года.

Участвовали курсанты училища в частых ночных патрулированиях улиц города с целью пресечения бандитизма, который тоже был следствием тяжелых первых послевоенных лет. Однажды даже всю нашу роту ночью подняли по тревоге и бросили на прочесывания прилегающего к городу лесного массива, но никаких бандитов мы тогда не изловили.

Исключительно благоприятным для учебы и жизни курсантов и постоянного состава училища было расположение училища. На самом краю города, в сосновом бору. Рядом на краю приокской поймы размещался учебный аэродром училища, недалеко большой стадион. Тут же, в двухстах — трехстах метрах от основных корпусов училища (учебные корпуса, казармы курсантов, административные здания) летом разбивался палаточный лагерь, в который перебирались курсанты на летние месяцы. Невдалеке, на припойменном озере оборудовалась купальня, где проводились занятия по плаванию. Рядом с казармами курсантов располагался спортивный гимнастический городок, на котором в весенне-летне-осенний период года устанавливались турники и брусья. Зимой прямо у крыльца казармы становились на лыжи и можно было двигаться в лес, через пойму на берега Оки. Не было лишь своей бани, приходилось ходить в городскую. В зиму 1947 — 1948 годов мы, показав сравнительно неплохие результаты в лыжном кроссе, организовали небольшую команду и по вечерам до самого отбоя много ходили на лыжах по окрестностям, по берегам Оки.

На стадионе в различные праздники устраивались спортивные состязания и массовые гулянья. Подразделения училища часто участвовали там в различных военизированных представлениях, заканчивавшихся прохождением роты курсантов перед трибунами с винтовками в положении «на руку».

На учебном аэродроме от весны до осени выстраивались все учебные самолеты того времени: Як-3, Ла-5, Ил-2, Пе-2 Ту-2, на которых с курсантами проводились практические занятия. Через год учебы мы уже чувствовали себя знатоками оборудования всех этих самолетов: всего приборного оборудования, электроагрегатов, радиооборудования и всего другого оборудования, находящегося в ведении нашей специальности. По вводным преподавателей быстро находили тот или иной элемент приборов, электро и радиооборудования конкретного самолета. Со знанием дела залезали в кабины самолетов, под капоты моторов, заглядывали в различные лючки под крыльями, на хвостовом оперении, проверяли состояние датчиков и указателей различных приборов. С интересом включали и настраивали на приводные станции самолетные радиополукомпасы. (Тогда на всех наших самолетах стояли только радиополукомпасы и радиополукомпасы-отметчики пролета приводных радиомаяков. Радиоконпасы появились позднее). Приводные радиостанции вместе со своей опознавательной морзянкой (две буквы, передаваемые азбукой Морзе в виде коротких и длинных гудков) непрерывно транслировали и популярные лирические мелодии. Их можно было часами слушать, сидя в кабине самолета, но надо было уступать место следующему курсанту.

Весной 1948 года подал я рапорт и добился разрешения сдавать экстерном экзамен в городской средней школе на аттестат зрелости — только что введенный в стране основной документ о среднем школьном образовании. Разрешение мне было

дано, но сдавать те экзамены я должен был без отрыва от основного учебного процесса авиаучилища. Позанимавшись по вечерам в городской библиотеке в течение месяца успешно сдал экстерном все экзамены вместе с основными учениками школы и получил незадолго до окончания авиатехнического училища еще и аттестат зрелости, единственный тогда документ, дающий право на поступление в ВУЗ.

ВЫПУСК

Во второй половине июля 1948 года начались для нашей курсантской роты государственные выпускные экзамены. За общетехнические и специальные предметы спокоен, полная уверенность в своих знаниях. После того, как сам сдал все эти предметы, получив все пятерки, пересдавал за кого-то физические основы электротехники. Экзамен по физической подготовке также не пугает. Все возможные экзаменационные упражнения на перекладине, на брусках, прыжок через коня давно выполняю уверенно, кроссы бегаю с отличными результатами. Опасаться приходится лишь за экзамены по стрелковой подготовке и общеармейским уставам.

В состав госкомиссии по этим предметам входят отъявленные строевики из других училищ ВВС. На стрельбе тоже легко промахнуться от волнения. Но все обошлось благополучно. На всех этих экзаменах получил только пятерки. В приподнятом настроении ждем. Воспользовавшись свободным временем, обратился в санчасть училища с просьбой проверить обстоятельно мой организм. Еще в конце 1947 года почувствовал какую-то ненормальность с пищеварением. Сдал все анализы, в том числе и анализ желудочного сока. И меня ошарашивают: хронический анацидный гастрит с нулевой кислотностью. Этого еще не хватало. Перед этим уже размышлял — попаду в испытательный институт, освоюсь и сделаю попытку перейти на летную работу. А тут такой сюрприз, да еще — хронический. В двадцать три-то года. Приуныл совсем. Стало ясно, что это — результат беспорядочного питания с самого начала войны, длительные пребывания на сухом пайке, одностороннее обильное фронтовое питание, ненормальный режим питания в течение «охотничьего» года под Фалькенбургом, все это, наконец, и сказалось. Врач посоветовал достать путевку и ехать в санаторий Ессентуки. Съездил в Москву, в какую-то курортную контору, разузнал обстановку с путевками. Путевку на ближайшее время, то есть на конец августа, на сентябрь достать невозможно, а вот курсовку купить можно.

Последовал совету, путешествия отложил, поехал после выпуска из училища по курсовке в Ессентуки. И потом еще подряд несколько лет ездил туда. В конце концов разобрался сам в своем недуге, твердо уяснил режим питания для своего организма и в конце концов забыл совсем про свой гастрит. Очень помогла в этом одна опытная медсестра в Ессентуках, посоветовавшая мне брать анализ желудочного сока не через полчаса после приема пробного завтрака, как общепринято, а через более поздний срок. Такой анализ и попросил врача назначить мне. Результат анализа оказался совсем иным, чем ранее. Кислотность спустя два часа после пробного завтрака оказалась почти нормальной. Но это случится спустя года через два.

Тогда же в ожидании приказа о выпуске из училища и присвоения нам офицерских званий расслабляемся при свободном режиме дня, разгуливаем по городу, без увольнительных, никто нам это не запрещает, хотя никто и не разрешает официально. Такая уж сложилась традиция. Тут меня и подловили мои строевые командиры. Зачем-то я потребовался им, и когда меня нашли и командир роты задал вопрос — где я был?, я откровенно ответил, что пребывал в самоволке. Такой ответ не понравился моему ротному, и он влепил мне трое суток ареста с содержанием на гауптвахте. Ведь хорошо знал, что почти все выпускники в те дни свободно разгуливали, кому где вздувается, и все же не постеснялся испортить мне предвыпускное настроение.

Так я, один единственный из всей роты, отсидел три дня на гауптвахте перед торжественным выпуском из серпуховского авиатехнического училища.

Этот инцидент оставил у меня неприятный осадок. Взаимоотношения со взводным и новым ротным, он у нас появился незадолго до выпуска, у меня сложились неприязненные. Взводного лейтенанта я не мог уважать уже потому, что на фронте он не был, всю войну проколачивался в тылу, ротному не нравился мой независимый характер. Позднее мелькнула мысль: неужели той гауптвахтой мои строевые командиры хотели испортить мне свидетельство об окончании училища с отличием? В нем же после заголовка следовали слова: «При отличной дисциплине...» А тут вдруг возникает отличник, попавший на гауптвахту при выпуске. Что с ним делать?

Не знаю, докладывали ли мои командиры обо мне начальству — никаких неприятных последствий после гауптвахты для меня не было. Никто в оставшиеся дни не вспоминал об этом. В отличие от преподавательского состава и командования училища об этих командирах у меня осталось не очень благоприятное впечатление. Сухие, малообразованные, малокультурные люди. Весь срок обучения они старались поменьше отпускать нас в увольнения, боялись, как бы кто не попался патрулям с какими-нибудь нарушениями дисциплины, боялись, как следствия этого, претензии со стороны вышестоящего командования к ним.

Их принцип — меньше увольнений — меньше нарушений. Совершенно не считались с тем, что большинство из нас многие годы служили вдали от родины, за границей, в дальних гарнизонах, оторванные от обычной жизни. Хотелось общаться, заводить знакомства с девушками, многие задумывались о создании семейных очагов. Препятствующая всему этому позиция наших строевых командиров — «меньше увольнений — меньше нарушений» просто иногда бесила.

После выпуска я никогда со своими училищными строевыми командирами не встречался, хотя после выпуска, в 1950-х годах я многократно бывал в этом училище на зимних лыжных спартакиадах ВВС Московского военного округа. У них желания, встречаться со мной тоже, похоже, не было. Наша лыжная команда Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского, куда я поступил учиться через два года и вскоре стал постоянным участником сборной команды академии по лыжам, неизменно занимала 1-е и 2-е места в лыжной эстафете, в гонке патрулей и приличные места на других дистанциях. Никто из моих бывших командиров ни разу не догадался поздравить, если не всю нашу команду, то, по крайней мере, меня как питомца этого

училища. Завидовали, наверное, и переживали за слабую лыжную подготовку своих команд.

На праздничном выпускном ужине наших ближайших строевых командиров не было видно. Не помню, были ли они на том торжественном ужине вообще. По меньшей мере у нашего столика они не появлялись.

Перед этим окончившие училище с отличием приглашались в отдел кадров училища, там нам объявили, что согласно положения о выпуске из училищ Вооруженных Сил, нам как окончившим училище с отличием предоставляется возможность самим выбрать место дальнейшей службы. Заранее нами уже продумывался этот вопрос — называю Государственный научно-исследовательский испытательный институт Военно-воздушных сил — ГК НИИ ВВС.

Наконец, объявляется торжественное построение, приказ Главкома ВВС пришел. На этом построении нам зачитывается приказ Главнокомандующего Военно-воздушными силами страны о присвоении нам военных званий «техник-лейтенант». Окончившим училище с отличием вручается специальное свидетельство и серебряный значок об окончании училища с отличием.

В том свидетельстве масса интересных деталей.

2-я МОСКОВСКАЯ ВОЕННАЯ АВИАЦИОННАЯ ШКОЛА
МЕХАНИКОВ СПЕЦСЛУЖБ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Федин Василий Тимофеевич

"25" августа 1948 г. ОКОНИЛ

2-ю Московскую Военную Авиационную Школу Механиков Спецслужб по
профилю ТЕХНИКОВ ПО СПЕЦОБОРУДОВАНИЮ АВИАЭСКАДРИЙ

С О Т Л И Ч Н Е М

При ОТЛИЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ на выпускных экзаменах и курсовых испытаниях показал следующие результаты:

1. Физические основы электротехники	5
2. Техническое черчение	5
3. Математика	5
4. Радиотехника	5
5. Радиотехнические измерения	5
6. Фотооборудование самолетов	5
7. Материальная часть самолетов и авиамоторов	5
8. Ремесленная подготовка и ремонт материальной части спецоборудования	5
9. Материальная часть и эксплуатация электрического оборудования самолетов	5
10. Материальная часть и эксплуатация радиооборудования самолетов	5
11. Материальная часть и эксплуатация авиационных и кислородного оборудования	5
12. Стрелковая подготовка	5
13. Физическая подготовка	5
14. Уставы ВС СССР	5
15. Тактико-специальная подготовка	5
16. Иностранный язык	5
17. Политическая подготовка	5
18. Стрелковая подготовка	5

На основании „Положения о порядке выпуска из Военных Авиационных Школ Механиков ВВС Красной Армии“ и приказа Главнокомандующего ВВС ВС СССР №3327 от 2 сентября 1948 г.

присвоено военное звание Механик Лейтенант
с назначением на должность техника по спецоборудованию авиаэскадрильи

Начальник Школы
инженер-полковник

Начальник Учебного отдела
инженер-майор

(БИРЮКОВ)

(ГРИНЕНКО)

4 сентября 1948 г.

Во-первых, «Школа» везде напечатана с большой буквы. Наверное, форма свидетельств об окончании военных школ была разработана и утверждена Наркомом обороны еще в 1920-е годы и не изменялась с тех пор. А тогда для малограмотной России слово Школа была действительно понятием с большой буквы, почти святым понятием. Помнили тогда — Ленин незадолго до своей смерти завещал молодежи: учиться, учиться и учиться.

Понятиями с большой буквы в те далекие годы были и Военная Авиация, и Механик, и Техник как специалисты высокого класса, очень нужные стране.

Характерно, что тогда различали и слова «эксплуатация» человека и «эксплоатация» материальной части.

Тот выпускной день был по-настоящему торжественным и радостным для каждого из нас. С того дня я становился дипломированным, высококвалифицированным авиационным специалистом широкого профиля. У меня теперь не только интересная военная специальность, но одновременно и гражданская специальность широкого профиля. Эта специальность не только формальная, официальная, дипломированная. Я ощущаю в себе силу полученных знаний, способность и уверенность успешно работать по любому направлению своей широкопрофильной специальности, со всем комплексом авиационных приборов, автопилотов, электротехнического и радиотехнического оборудования самолетов.

Здесь мне хочется отметить очень высокий уровень, как теоретический, так и практический, советского среднетехнического образования. Мне довелось учиться в авиационном техникуме (1-й, 2-й курсы), закончить танковую полковую школу, авиационное среднетехническое военное училище. Теперь с высоты прошедших лет, с позиции высшего образования и большого опыта научно-исследовательской работы могу оценить уровень и среднетехнического и высшего инженерного образования того времени. Особенно добротнo было поставлено изучение в техникумах того времени теоретической механики по известному учебнику Николаи, высшей математики по учебнику Тарасова, также весьма популярному. Не говоря уже о специальных предметах. обстоятельно изучалась физика, хорошо было поставлено черчение. В военных технических школах хорошо было организовано изучение материальной части танков, самолетов артиллерийских систем, боеприпасов. В среднетехнических военных училищах также было великолепно поставлено изучение материальной части боевой техники, а также изучение электротехники, радиотехники и конкретных радиотехнических систем.

Помнится, как сокрушался о том, что он не поступил учиться после 7-го класса школы в авиационный техникум, а продолжал учиться в 8- 10 классах мой хороший старший товарищ, бывший наш пионервожатый в ростовском пионерлагере «Борок» Володя Романов. Мы с ним снова встретились осенью 1941 года в Рыбинске, в студенческом общежитии, которое было общим и для студентов авиатехникума, и для студентов авиаинститута. Я тогда поступил после 7 классов в авиатехникум, а он после 10 — в авиаинститут. Как-то при встрече на подготовке к занятиям за одним столом в общежитии он и высказал такое свое откровенное сожаление, очень удивившее тогда меня.

В тот же сентябрьский день 1948 года, после того, как мы прикрепили к гимнастеркам погоны, состоялся прощальный торжественный ужин. Сидим не за общими курсантскими столами, а за отдельными на 4 персоны столиками, покрытыми белыми скатертями. Возбужденные, радостные, одетые с «иголочки» в офицерское обмундирование. Со мной за одним столом Александр Исаичкин, Владимир Манов, Владимир Смирнов. В течение всех полутора лет мы держались вместе.

Командование училища поздравляет нас с окончанием учебы, желает успехов в предстоящей нашей работе в интересах Советских Военно-воздушных сил. Из алюминиевых солдатских кружек пьем водку, но не пьянеем. От командования идут также товарищеские советы и наставления, как начинать новый этап своей жизни.

Подсаживаются к столику преподаватели, пьем с ними. К ним у нас самые теплые чувства благодарности за полученные знания. Они это знают и отвечают взаимностью. Идут задушевные беседы, они интересуются, кто куда назначен, дают добрые советы... Незабываемый вечер.

Глава 8. В ИСПЫТАТЕЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ

ПЕРВЫЕ ДНИ

После отпуска, в конце сентября 1948 года прибыл я в отдел кадров ГК НИИ ВВС — Государственного Краснознаменного научно-испытательного института Военно-воздушных сил СССР. Основные структуры института тогда находились рядом с платформой «Чкаловская» ярославской железной дороги. В отделе кадров получил я назначение на должность техника-испытателя старшего в 4-е Управление, которое находилось недалеко от города Ногинска (ныне Богородск) Московской области.

Управлениями в том институте именовались крупные подразделения, занимающиеся испытаниями определенного вида авиационной техники. Одно — самолетом в целом, другое — двигателем, третье определенным видом оборудования и так далее. Меня, наверное, как имевшего дело с танковыми артиллерийскими системами, кадровики посчитали наиболее подходящей кандидатурой в управление испытаний авиационного вооружения. Так, по крайней мере, мне подумалось. Конечно, сначала мне показалось, что меня назначают не по специальности, однако кадровики быстро убедили меня в обратном.

При выходе из электрички в Ногинске столкнулся с верным товарищем, однокурсником по серпуховскому же авиационному училищу — Александром Исаичкиным, назначенным туда же, куда назначен и я. Обрадовались — вместе учились, вместе будем работать.

До 4-го Управления ГК НИИ ВВС добирались сначала на трамвае до окраинного поселка Глухово, знаменитого текстильного пригорода Ногинска, затем километра три пешком до так называемого полигона. Место это мне сразу понравилось. Кругом лес,

недалеко от города, от которого до Москвы ходит электричка. Военный городок огорожен, как обычно, забором, вход через проходную. Рядом с городком, метрах в ста от его забора, в лесу же, находится гостиница для одиноких офицеров, жить нам предстоит в ней. Сам военный городок представляет собой ряд добротных кирпичных зданий современного по тому времени вида. В них находятся, как мы очень быстро узнали из разговоров с первыми же знакомыми, служебные помещения, лаборатории, администрация, столовая, различные склады. Рядом располагается аэродром. В структуру Управления входит испытательный полк. Кроме аэродрома к территории городка примыкают так называемые трассы, протяженные участки местности. На них проводятся наземные испытания авиационного стрелково-пушечного вооружения, различные взрывные работы с бомбовым вооружением и другие подобные работы. Дальше простирается огромная территория испытательного полигона, на которой выставляются различные цели, по ним идет стрельба и бомбометания с самолетов. Весь перечисленный комплекс и называется 4-м Управлением ГК НИИ ВВС. Такое же наименование значится и в открытом почтовом адресе учреждения.

Этот военный городок существовал давно, кажется еще с 1920-х годов, раньше он назывался просто полигоном, на нем испытывал различное вооружение истребителей еще сам В.П. Чкалов. Особенно понравилась гостиница, расположенная рядом с работой, в лесу. Можно будет заняться спортом на свежем воздухе, особенно лыжами. Километрах в двух от самого военного городка находится небольшой жилой поселок — дома, где живут семьи офицерского состава института.

Буквально на другой день после того, как мы оформили свое прибытие на место нашей предстоящей служебной деятельности и поселились в гостинице, нас привлекли к мероприятию, типичному в воинской службе любой воинской части — похоронам скоропостижно скончавшегося капитана, начальника испытательного полигона 4-го Управления ГК НИИ ВВС. Там же на похоронах узнали и историю его скоропостижной смерти.

После очередной испытательной бомбежки он объезжал территорию полигона. В одном месте увидели они с шофером валяющуюся неразорвавшуюся бомбу. Остановились. Капитан пошел осматривать бомбу. Постоял, походил вокруг, затем слегка пнул бомбу ногой... Раздался взрыв, и капитана не стало. Гроб на похоронах был закрыт. Это печальное событие осталось в памяти как одно из первых впечатлений о новом месте службы. Но оно поучительно и сейчас, когда всякие неразорвавшиеся боеприпасы снова вошли в нашу повседневную жизнь. Каждому читающему эти строки нелишне будет напомнить: неразорвавшийся боеприпас не любит, когда с ним обращаются непочтительно, тем более, когда его пинают ногами. Похороны несчастного капитана скоро не то, чтобы забылись, а вытеснились из памяти другими впечатлениями от нового места теперь уже офицерской службы.

Во многом хорошими были и бытовые условия на новом месте: рядом с работой жилье в гостинице, в ней живут все одинокие молодые офицеры — сотрудники института. На служебной территории прекрасная столовая. Недалеко от служебной территории — великолепный Дом офицеров, в котором почти ежедневно демонстрируются кинофильмы, устраиваются все праздничные вечера, просто вечера танцев, где собирается много молодежи. Имеется хорошая библиотека, читальные

комнаты. Но самое главное — большое внимание спорту. При доме офицеров работает специальный штатный инструктор — организатор спортивной работы, офицер, тогда — капитан Иванов. В его ведении находилась богатая база лыжного и другого спортивного инвентаря, включая охотничьи ружья. Тут же рядом волейбольные площадки, куда летними вечерам стекаются из жилого поселка и из офицерского общежития любители волейбола самого разного возраста и «режутся» до темноты. Плюс ко всему этому, любительскому, частые плановые спортивные мероприятия в масштабах всего 4-го Управления и всего ГК НИИ ВВС. Соревнования по легкой атлетике, массовые кроссы по бегу и лыжные кроссы. До сих пор храню грамоты за первые места в лыжных соревнованиях института, подписанные главным судьей соревнований П. Стефановским, известным летчиком-испытателем.

В 4-м Управлении много истинных любителей лыжного спорта, начиная от заместителя начальника управления по научно-исследовательской работе подполковника В.А. Протопопова. Среди них — ведущие инженеры-испытатели, вольнонаемные сотрудники. Условия для занятия лыжным спортом самые подходящие. Прямо у крыльца гостиницы становись на лыжи и — прямо в лес. Это я скоро увижу сам. Там постоянно держится лыжня, в немалой степени за счет того, что буду сам по ней ходить почти каждый вечер. Можно часок побегать по ней и до работы, если вечером намечается какое-либо мероприятие.

Особенно приятно удивило меня то, что во время охотничьего сезона можно взять на прокат ружье. Причем независимо от того, член ты общества охотников или нет, есть у тебя охотничий билет или у тебя его нет. Если ты берешь напрокат ружье для охоты, тебе выдается временное удостоверение на право владения ружьем и на право охоты. Это был пример заботливого, уважительного и доверительного отношения к офицеру Советской Армии, который, я думаю, сложился тогда, когда Наркомом Обороны был Климент Ефремович Ворошилов, исключительно заботившийся, как рассказывали, о командире Красной Армии и красноармейцах.

Об охоте нужен отдельный разговор, ее я не раз уже касался выше. К охоте я равнодушен с самого раннего возраста. Не как добытчик трофеев, а, в основном, как истинный любитель нашей среднерусской природы. В самом раннем возрасте, как себя помню, жизнь протекала в лесу, под Костромой, на краю торфяного болота и уходящих на север лесов. Недалеко располагалась истинно русская деревня Ломовская с большой ветряной мельницей. Среди самых первых детских воспоминаний — весенний вечер на крыльце одинокого дома, слышится блеяние бекасов, в небе пролетают стаи журавлей, уток, гусей... Отец постоянно с ружьем. Потом уже, взрослым я узнаю, что он и десятник на торфяных разработках, и сторож торфодобывающей машины, и внештатный обходчик леса, и внештатный егерь. В охотничий сезон к нему едут охотники из Москвы, собираются местные охотники. Для него охота, конечно, и дополнительный источник для пропитания семьи. Недалеко от нашего болота много озер, соединяющихся небольшими ручьями. Весной в половодье до этих мест достает Волга, протекающая в пяти километрах, и озера превращаются в сплошное море. Детские впечатления от всего этого привязали навсегда к костромской и ярославской природе. Никакие заморские красоты, красоты жарких стран, Кавказа и Крыма не

поколебали этой привязанности. Охота лишь укрепила эту привязанность к лесам средней русской полосы, к лесным болотам, к берегам наших разлившимся рек.

Еще в детстве пришел опыт утиной охоты на озере Неро в Ростове-Ярославском, во время и сразу после войны довелось поохотиться на крупную лесную дичь в Польше и Германии. Но только в начале 1960-х годов стал я официально охотником, накопил постепенно ружей. Присмотрел в лесной деревушке пристанище и обосновался с семейством, в нем в качестве москвича-дачника в окружении старых больших лесов и болот. Довелось ощутить там, в компании с местными охотниками и друзьями московскими охотниками и буйный гомон больших тетеревиных токов, и ночные выходы на глухаринные тока, и незабываемую ночную охоту на них.

Но все это было или до работы в ГК НИИ ВВС, или много лет спустя после того. С момента моего перехода в авиацию, то есть с момента поступления в военное авиационное училище, во время работы в ГК НИИ ВВС и до окончания Воздушной академии и адъюнктуры (аспирантуры) при ней на свое увлечение охотой я наложил твердый запрет. Хорошо знал — для охоты необходимы определенные условия и жертвы: жить в сельской местности или вблизи охотничий угодий и иметь много свободного времени. Трата времени — это и есть основная жертва. И хотя первое условие при работе в 4-м управлении было, свободного времени для охоты не оставалось. Тратить его на охоту тогда было нельзя. Необходимо было как следует войти в новую свою работу и стремиться поступить в Воздушную академию — так кратко называли когда-то в начале 1930-х годов Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Жуковского. Потом этот, более чем десятилетний пропуск в активном общении с родной природой, с нашими лесами средней полосы я, все же, наверстаю.

Тогда же, у дальней окраины Ногинска предстояла интереснейшая работа и богатая возможность заниматься спортом. Зимой хоть каждый день, хоть по два раза в день ходи на лыжах. Возможность тоже редчайшая, не требовала затраты лишнего времени, и я использовал эту возможность в полную меру. Всю осень отрабатывал лыжные упражнения для рук, много бегал по лесу. На первых же осенних кроссах, в которых принимали участия все подразделения института, показал хорошее время. На первых же лыжных соревнованиях зимой 1948 — 49 годов тоже получились неплохие результаты. Сразу вошел в сборные команды Управления и по бегу, и по лыжам. Это стимулировало к еще более интенсивным занятиям лыжным спортом, и уже следующей зимой я занял сначала второе, а затем и первое место на общеинститутских соревнованиях в поселке Чкаловский. Правда то первое место за мной официально не значилось. Я сдавал предварительные окружные отборочные экзамены поступающих в академии в Москве, и в заявку на лыжные соревнования включен не был. А один из вьюоченных в заявку не смог поехать на соревнования, под его фамилией и пришлось идти мне. И приз за первое место — часы достались ему. Вот такие курьезы случались в спорте.

Особенностью спортивной работы в армии, да и вообще в стране, в те времена была его массовость, доступность к нему всех желающих, постоянное внимание к спорту со стороны командования всех инстанции, хорошая обеспеченность инвентарем. Спорт способствовал высокой работоспособности, сохранял здоровье, был

необходимым элементом здорового образа жизни военного человека. Такая традиция зародилась еще в далекие 1920-е 1930-е годы.

Наверное, несправедливо будет не назвать руководство 4-го Управления ГК НИИ ВВС того времени. Начальником 4-го Управления был в то время генерал-лейтенант М.В. Гуревич, начальник штаба — полковник Янчук, заместитель по летным испытаниям — полковник Лось, начальник политотдела — полковник Пугин, заместитель по научно исследовательской работе — подполковник В.А. Протопопов, Заместитель по хозяйственной части — полковник Хандурин.

ТЕХНИК-ИСПЫТАТЕЛЬ СТАРШИН

Попал я в отдел управления, который занимался в то время испытаниями следящих систем дистанционного управления орудийными башнями самолета Ту-4. Сразу же меня посадили за изучение описаний таких систем. Удивило и обрадовало то, что эти описания представляли собой сброшюрованные, так называемые, синьки — копии с оригиналов текста на английском языке. Большинство слов в описаниях было либо уже знакомо ранее, либо легко угадывалось.

Сама система дистанционного управления стрелково-пушечными орудийными башнями самолета Ту-4 была чрезвычайно интересной и новой для меня. Ранее ни с чем подобным в училище не приходилось сталкиваться. Это был, как позднее станет понятным, классический комплекс следящих систем автоматического регулирования с развитыми обратными связями. Именно они, системы дистанционного управления орудийными башнями самолета Ту-4, стимулировали в дальнейшем бурное развитие и внедрение подобных следящих систем во многие области техники, производства в нашей стране, приблизили теорию автоматического управления к конкретным реальным объектам техники. Позднее все это стали называть технической кибернетикой.

Нельзя было не восхищаться тем, как воздушный стрелок экипажа самолета — бомбардировщика, находясь далеко от пушечных установок, прицеливается в атакующий самолет, управляя прицельной станцией с оптическим коллиматорным прицелом, и в это же время на цель наводятся стволы тяжелой орудийной башни и даже, при желании, одновременно двух башен, расположенных в разных местах на самолете. (Всего на самолете было 5 двухпушечных орудийных башен). При этом в следящую систему орудийных башен автоматически вводились все необходимые переменные параметры стрельбы, от которых зависит точность попадания снаряда в цель, относительная угловая скорость перемещения атакующего и атакуемого самолетов, дальность до цели, смещение орудийной башни по отношению к прицельной станции, высота полета, плотность воздуха и еще масса всяких других параметров. Высшая степень настоящей автоматизации, живая техническая кибернетика.

В то время 4-е Управление ГК НИИ ВВС, да, наверное, и весь институт были богато оснащены ценным трофейным немецким испытательным оборудованием, полученным сразу после войны по репарациям из Германии. Помнится, среди

уникального оборудования была так называемая «цейт-лупа», позволяющая получать фотографическое изображение скачка уплотненного воздуха, отходящего от носка снаряда при вылете снаряда из ствола пушки или пули из ствола пулемета. Электронные часы, позволяющие измерять и фиксировать отрезки времени между двумя сигналами с точностью до миллионной доли секунды, и многое другое подобное уникальное оборудование. Особенно богато были оснащены испытатели магнитоэлектрическими или, как иначе их называли, шлейфовыми (шлейфными) осциллографами. В основном — производства немецкой фирмы «Сименс».

Электронные осциллографы к тому времени у нас в стране производились и использовались и в НИИ, и в учебных заведениях. По крайней мере, мы в училище с ними уже имели дело. Электронный осциллограф позволяет наблюдать исследуемый процесс на экране, но с регистрацией, документированием этого процесса там возникают проблемы. Фиксировать процесс можно только путем фотографирования экрана осциллографа с использованием специальной фотопленки и специального приспособления. При этом получалось лишь мгновенное изображение процесса. Это был существенный недостаток электронных осциллографов.

Шлейфные осциллографы позволяли наблюдать исследуемый процесс или отдельные его параметры во времени и регистрировать их на фотопленку или фотобумагу. Это был, да и сейчас во многих случаях остается, ценнейший инструмент для научных исследований и испытаний различных видов техники. В то время (конец 1940-х годов) в нашей стране шлейфные осциллографы, по моему, не производились. В испытательном институте, по крайней мере, в 4-м управлении ГК НИИ ВВС, пользовались только немецкими и американскими шлейфными осциллографами. По принципу действия шлейфный осциллограф очень прост. Он преобразует сигнал, представленный электрическим током, в угловое отклонение рамки, находящейся в магнитном поле постоянных магнитов. На одной из сторон рамки наклеено маленькое зеркальце, на которое падает луч света, зайчик от которого падает на движущуюся фотопленку или фотобумагу. Чем больше ток в рамке, тем больше угол отклонения рамки, тем больше величина перемещения «зайчика» от зеркальца поперек движущейся пленки. В очень чувствительных шлейфах рамка состоит всего из одного витка очень тонкой серебряной нити, и проблема заключалась в технологии изготовления рамок шлейфов. С другой стороны, такая рамка допускала прохождение по своей цепи только очень слабых электрических токов. Чем слабее электрический сигнал от какого либо датчика, задействованного в испытательном процессе, тем чувствительнее к току, к его изменениям должен быть шлейф осциллографа. Тем легче его пережечь при неосторожности или при ошибке в расчете пределов изменения измеряемых токов. В поле таких противоречий и работал тогда техник-испытатель. Да и сейчас, я думаю, он нередко сталкивается с такой ситуацией, несмотря на широкое внедрение в испытательный процесс ЭЦВМ. Тогда ЭЦВМ у нас вообще не было, зарождались только — только аналоговые ЭВМ, так называемые интеграторы. Они только начинали применяться при моделировании динамики полета самолета.

Основное в работе техника-испытателя нашего профиля в то время было осциллографирование измеряемых параметров. Главная забота при этом заключалась в том, чтобы правильно определить (рассчитать) возможные пределы изменения токов в

цепях шлейфов, соответствующие пределам изменений измеряемых параметров, предусмотреть все возможные непредвиденные скачки тока в цепях измерения и не сжечь шлейфы.

Когда объект приходил на испытания, создавалась и проводилась приказом бригада на испытания этого объекта. Главным лицом в этой бригаде был ведущий инженер по испытаниям. Он распределял обязанности по исполнителям, разрабатывал вместе с ними программу и методику испытаний, оформлял акт об испытаниях. В конце всей этой работы писал отчет об испытаниях с выводами о соответствии или несоответствии измеренных характеристик представленного на испытания объекта техническому заданию на его разработку. Все это подписывалось еще различными начальниками (отделов, отделений) и утверждалось начальником Управления. На долю техника-испытателя старшего, кроме обеспечения осциллографирования, приходилась вся конкретная работа по выполнению программы испытаний. Тарировка всех датчиков, расчеты пределов изменений напряжений и токов датчиков измеряемых параметров, выбор шлейфов для осциллографирования, разработка мер по предотвращению выхода из строя (пережигания) шлейфов, первичная обработка и оформление результатов осциллографирования, анализ полученных результатов и представление их в акт испытаний и много еще подобных забот. С этими задачами хорошо справлялись только опытные и грамотные в области электротехники техники-испытатели нашей специальности. Или инженеры-испытатели такого же профиля, если они были в составе испытательной бригады. Эта работа была очень интересной, очень ответственной и находилась под присмотром ведущего инженера, а часто и всех вышестоящих начальников.

Наиболее распространенной ошибкой в этом процессе были ошибки в определении предельно возможных токов, которые могут проходить в цепи записи измеряемого параметра, или неучет непредусмотренных режимов работы испытываемого объекта в целом или отдельных датчиков, сигналы которых регистрируются на шлейфном осциллографе. Неизбежный результат этих ошибок — шлейф перегорел.

За все время своей работы в ГК НИИ ВВС я ни разу не сжег ни одного шлейфа. Но курьезный, неприятный случай, связанный с осцилло- графированием, все же у меня был.

Мне предстояло записать на осциллографе процесс и пределы отклонения от номинального значения напряжения нового стабилизатора напряжения какой-то прицельной станции. Требовалось зафиксировать эти отклонения, очень небольшие по ТЗ, с высокой точностью. Быстро разработал схему измерений отклонения напряжения стабилизатора от номинального значения, скомпенсировал номинальное напряжение стабилизатора от батареи постоянного тока, нашел и включил в цепь измерения блокирующие реле, которые должны были отключать цепь осциллографа при превышении или понижении напряжения стабилизатора выше или ниже допустимого значения или при внезапном выключении стабилизатора напряжения. В цепь измерения отклонений стабилизатора напряжений пришлось включить большое сопротивление, чтобы исключить влияние цепи осциллографирования на работу стабилизатора напряжения. В результате этого максимальный ток в цепи шлейфа при

допустимых отклонениях напряжения стабилизатора получался порядка одного микроампера.

Во всем Управлении шлейфов такой чувствительности оказалось всего два, и оба в нашем отделе. Это были уникальные, сверхчувствительные шлейфы немецкой фирмы «Сименс», попавшие в институт, надо полагать, в порядке репараций из поверженной Германии. Максимально допустимый ток у них был всего 2 микроампера. Начальник лаборатории после неоднократных и строгих предупреждений о том, что это — единственные два шлейфа во всем институте, что их надо очень беречь и что в случае, если я их пережгу, я понесу серьезную материальную ответственность, доверил их мне.

Я тщательно спаял всю схему, проверил еще раз все элементы схемы, особенно тщательно проверил по микроамперметрам срабатывание блокирующих реле. Все работало исправно и надежно. Провел первые замеры при работающем регуляторе напряжения, показал первые результаты ведущему инженеру, получил похвалу. Но тут подоспели майские праздники, нам объявили два дня выходных. Шлейфы я из осциллографа вынул и, от греха подальше, отдал на время праздников на хранение. Он запер их в железный сейф, стоящий на окне с выставленной рамой.

После праздника работы с регулятором напряжения продолжались. Получил я снова в свое распоряжение драгоценные шлейфы, поставил в осциллограф, начал было записи, но сразу обнаружил: шлейфы неисправны. «Прозвонил» их (термин, думаю, известен всем) — непрерывность цепей отсутствует. Екнуло сердце — неужели пережег? Тщательно все проанализировал, нет, пережечь не мог. Докладываю начальнику лаборатории, так и так, пережечь не мог, но оба шлейфа неисправны. Чуть не с кулаками набросился на меня начальб: «Все же пережег шлейфы, такой — сякой!». Уверяю — не мог пережечь, — не верит. Доложил он начальнику отдела, тот тоже с упреками. Вылезли и недоброжелатели-завистники, поддакивают начальнику. Я настаиваю на том, что не пережигал. Начальник отдела назначает специально комиссию по расследованию этого факта и грозит мне наказанием и привлечением к материальной ответственности. Я твердо уверен в том, что не пережигал, и анализирую возможные другие причины. Комиссия сообща решает шлейфы разобрать и осмотреть нити рамок. Всем известно, что когда нить шлейфа перегорает, в том месте кончики разорвавшейся нити оплавляются, и это хорошо всегда видно. Признак самый верный, свидетельство того, что шлейф пережжен, всеми признаваемый. Нейтральный в споре техник аккуратно разбирает шлейф, все с любопытством и нетерпением ожидают. Наконец рамка извлечена из корпуса шлейфа и видно, что очень тонкая нить рамки оборвана. Место разрыва тонкой серебряной нити рассматривается через лупу большого увеличения. Всем видно, что оплавления концов разорвавшейся нити нет. Я настаиваю на том, чтобы в акте комиссии этот факт был четко записан. К акту прилагается мое объяснение, в котором я выдвинул свою версию обрыва шлейфов. Я ее уже к тому моменту тщательно продумал и пришел к такому заключению.

В тот год на майские дни случился заморозок, железный сейф, стоящий на окне с одной только летней рамой, сильно охладился, сильно охладилась и шлейфы, корпуса которых тоже металлические. Нити сверхчувствительных рамок сильно натянулись. В конструкцию рамки входил специальный грузик, который поддерживал нить в

состоянии постоянного натяжения. При первых же небольших толчках нити под действием этих грузиков и оборвались. Никаких документов по эксплуатации шлейфов у нас тогда не было. В них, наверное, были оговорены условия хранения шлейфов, исключаящие их эксплуатацию в состоянии сильного переохлаждения. Комиссия вынуждена была согласиться с моей версией. Моя профессиональная честь была реабилитирована.

Основная работа по выявлению соответствия параметров конкретного изделия, представленного на испытания, техническому заданию на него, проводилась на земле: в лабораториях, на трассах стрельб, в термобарокамере, где создавались условия, близкие к условиям высотного полета. И везде среди самых ответственных исполнителей были техники-испытатели.

Иногда в Управление приходили сверхсрочные оперативные задания от высокого командования. В выполнении нескольких таких заданий мне довелось участвовать. Было это, кажется, весной 1949 года. Поступило срочное распоряжение в институт от Министра обороны — переиспытать силу отдачи новой пушки (вроде это была пушка НР-23), установленной на последней модели истребителя Ла-5. При стрельбе из новой пушки начали ломаться ее лафеты, то есть та часть конструкции, стрелково-пушечного комплекса, с помощью которой пушка крепится к самолету или двигателю.

Как часто бывало в таких случаях, конструкторы лафета пушки, которым, естественно, предъявили претензии в первую очередь, доказывали, что им была задана неверная сила отдачи пушки, что она при разработке пушки была неверно замерена, и что виноват разработчик пушки. Нашему управлению и было приказано в самом срочном порядке переиспытать силу отдачи пушки новейшими методами. Каким методом испытывали силу отдачи раньше, я не знал, был далек от этого. Надо было изобрести новый метод..

Была срочно создана бригада на выполнение этого оперативного задания, руководителем ее был назначен заместитель начальника управления по научно-исследовательской работе подполковник В.А. Протопопов. Ведущими инженерами, кажется, были назначены капитаны Быковский и Орденков. Я в этой бригаде должен был произвести осциллографирование силы отдачи и представить в акт по испытаниям обработанную осциллограмму. Работа эта заняла у нас тогда целые сутки. Начали мы работу в середине дня, когда Протопопов где-то достал пермалловые датчики, применявшиеся тогда при взвешивании самолетов. Мы их протарировали под какими-то прессами, то есть сняли зависимость выходного напряжения датчика от силы его нагружения, приспособили к специальному стандартному лафету авиационной пушки. Опробовали наше приспособление стрельбой из пушки.

К этому моменту наступила уже глубокая ночь. Перед самым ответственным этапом работы — контрольными отстрелами, нас с испытательной трассы свозили в столовую, вспомнив, что мы провозились с тарировкой и приспособлением и без обеда, и без ужина. Хорошо нас покормили (для этого специально организовали дежурство в столовой работника кухни и официантки). Возвратились на трассу стрельбы, но тут, как на грех, выключилось силовое электропитание лаборатории. Пришлось разбираться, в чем дело, лазать по щитам электропитания, находить и устранять

неисправность. Это тоже заняло немало времени. Вот так и протянулось время до утра. Только ранним утром, после нескольких проб записали чрезвычайно кратковременный электрический сигнал, характеризующий процесс отдачи пушки во времени, на осциллограмму. И только ко второй половине дня, то есть ровно через сутки практически непрерывной работы, представил я проявленную и размеченную осциллограмму испытаний.

Помнится другая подобная работа, типичная для старшего техника- испытателя моего профиля. Она была связана с замером времени полета снаряда авиационной пушки орудийной башни самолета Ту-4 от момента выстрела с летящего самолета до момента попадания снаряда в наземную цель. Задача возникла в связи с тем, что было замечено увеличение промаха снарядов при стрельбе с борта самолета Ту-4 по целям, находящимся под курсовыми углами, близкими к 90 градусам. Возникла гипотеза о том, что при стрельбе с борта под такими углами возникает так называемый «бортовой эффект». Суть этого эффекта заключается в том, что при стрельбе с борта под прямым углом к продольной оси самолета вылетевший снаряд, представляющий собой гироскопическое тело, претерпевает боковое воздействие потока забортного воздуха, в результате чего у него возникают нутационные движения вокруг продольной оси, увеличивается его лобовое сопротивление и время полета, по отношению к расчетному. Наша задача заключалась в том, чтобы замерить это время при реальной стрельбе во время полета самолета над полигоном.

Разработали с ведущим инженером методику и схему эксперимента. Она сводилась, примерно, к следующему. В момент одиночного выстрела с борта самолета посылается, а на земле в районе трассы, на которой выставлена цель, принимается радиосигнал момента выстрела. На земле момент взрыва снаряда фиксируется с помощью специального микрофона. При поступлении радиосигнала в момент выстрела запускаются специальные электронные часы высокой точности, при поступлении сигнала о взрыве снаряда электронные часы останавливаются. По интервалу времени между этими двумя событиями определяется действительное время полета снаряда.

Подобрали аппаратуру, тщательно ее проверили. Микрофоны у цели, по которой будут производиться выстрелы, соединили с лабораторным корпусом, запитали от автономного источника электропитания, настроили приемник радиостанции. Все проверили — перепроверили, установили связь с бортом самолета. Местоположение самолета, высота его полета контролируются наземной службой, обеспечивающей испытания.

Начали стрельбу с борта одиночными выстрелами, смотрим в окно лаборатории на мишень, она метрах в 70-ти от нас, и на блок включения электронных часов от микрофонов. К этому блоку мы пристроили электронную лампу тиратрон, которая и включает непосредственно электронные часы. Она в момент своего срабатывания вспыхивает лиловым светом. И визуально видно: тиратрон вспыхивает явно раньше разрыва снаряда. Пронаблюдали подряд несколько выстрелов — то же самое. Останавливаем эксперимент, обдумываем результат и единодушно приходим к выводу: датчики-звукоулавливатели срабатывают от баллистической волны маленького снарядика, когда он находится еще за несколько десятков метров от земли.

Досадно за потерянное время, но, как говорится, ничего не попишешь, зато приобрели редкий опыт. Через некоторое время нашли датчики от сейсмической станции и завершили эксперимент удачно.

Вот так, в иной ситуации мне снова пришлось встретиться с баллистической волной артиллерийского снаряда.

Напряженной была работа, связанная с осциллографированием различных режимов работы стрелково-пушечных самолетных установок, помещенных в термобарокамеру. Так определялась работоспособность установки применительно к полету самолета в высотных условиях, и фиксировались изменения режимов ее работы в таких условиях. Создавалась в ТБК температура около 60 градусов Цельсия, имитировался обдув стволов пушек встречным потоком холодного воздуха. Установка помещалась в ТБК на несколько часов, и в течение этого времени техники по очереди заходили в нее во всем теплом летном обмундировании управлять установкой и осциллографировать режимы ее работы. При 60-ти по Цельсию и ураганном ветре более 5 минут нахождения в ТБК не выдерживали. Мне довелось возиться в ТБК с кормовой стрелковой установкой Ил-кб, предназначенной для установки на самолет Ил-28. Надолго запомнились ночные заходы в ТБК, в которой был ветерок и температура около минус 60-ти.

На земле — в лабораторных условиях, в термобарокамере, на трассах полигона проводился практически весь комплекс испытаний стрелково-пушечного вооружения всех наших военных самолетов того времени. В лабораториях проводились также дополнительные исследования различных режимов, не предусмотренных программой испытаний. На летные испытания стрелково-пушечного вооружения отводилось немного времени, они проводились в комплексе с другим оборудованием. Летные испытания проходило, в основном, бомбардировочное вооружение самолетов.

В то время — вторая половина 1940-х годов — основные летно-полигонные испытания авиационного вооружения проводились в Крыму с базированием на аэродроме Саки. Кто из сослуживцев часто там бывал, видел: над Саками, на большой высоте постоянно крутился американский самолет-разведчик. Нигде официальных открытых сообщений об этом не было — наши истребители американских самолетов-разведчиков в то время не доставали. Зенитных управляемых ракет в то время тоже еще у нас не было. Американцы этим тогда демонстративно и безнаказанно пользовались. Из-за этого испытательный аэродром оттуда в конце 1940-х годов перенесли за Волгу. В начале 1950-х годов перенесли из Ногинска и испытания авиавооружения.

Незадолго перед этим мне неожиданно представилась возможность перейти на летную работу. В нашей гостинице обычно останавливались и экипажи военных самолетов, прилетающих на аэродром 4-го Управления ГК НИИ ВВС. Либо на специальное дооборудование, либо на испытания оружия на Ногинском полигоне. Бортинженер одного из таких самолетов Ту-4, узнав, что много молодых техников-испытателей живет в этой гостинице, стал знакомится с нами с целью подобрать себе в экипаж борттехников. После беседы со мной предложил перейти в борттехники и мне, заверив, что с переводом проблемы не будет.

Предложение это было очень заманчивым, всколыхнуло с новой силой давнишнюю мечту летать. Размышлял всю ночь, но здравый смысл тогда удержал от нового, но уже запоздалого зигзага на своем жизненном пути.

Научно-исследовательская и испытательная работа, с которой к тому времени пришлось соприкоснуться вплотную, тянула к себе. Созрело к тому времени и твердое стремление поступать в Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н. Е. Жуковского. Переход в борттехники отложил бы на несколько лет поступление в академию.

У НИХ БЫЛО ЧЕМУ УЧИТЬСЯ

Два года работы в 4-м Управлении ГК НИИ ВВС в Ногинске вспоминаю всегда как период напряженной, ответственной и плодотворной работы, общения с интересными людьми, здорового спортивного образа жизни в окружении природы. Поступая в 1950-м году в Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н. Е. Жуковского, я с большим сожалением расставался с местом своей первой офицерской службы, со всем тем, что стало близким: гостиницей в лесу, уютным домом офицеров, лесной лыжней от крыльца до крыльца, тесовым тротуаром от места работы к пригороду Ногинска.

И, конечно, всегда трудно расставаться с людьми, с которыми сработался, к которым привык, которых уважаешь, у которых было чему поучиться.

Сначала нельзя не вспомнить начальника 4-го Управления ГК НИИ ВВС того времени (1948 — 1949 годы) генерал-лейтенанта Михаила Васильевича Гуревича. У меня сложилось впечатление, что все хорошее, что было тогда в интенсивной и плодотворной испытательной работе, в оснащении Управления уникальной аппаратурой и оборудованием, в создании дружного коллектива, условий жизни, досуга небольшого военного гарнизона, все это было связано, в первую очередь с именем М.В. Гуревича. И большой неожиданностью для всех тогда, в 1949-м году, было снятие генерала Гуревича с должности начальника 4-го Управления ГК НИИ ВВС, а затем, по слухам, и его арест. О причинах снятия его с той высокой должности ходили такие разговоры: за хозяйственные злоупотребления. Одновременно с ним были арестованы еще два довольно второстепенные сотрудники управления в звании капитанов, занимавшиеся размещением различных заказов на изготовление вспомогательного оборудования в каких-то негосударственных мастерских.

Все, кто хорошо знал Гуревича, очень сожалели о снятии его с должности начальника управления. Ходили слухи о том, что его заместители, помощники и все ведущие инженеры собрали деньги и купили ему на прощание ценный подарок — какую-то дорогую статуэтку. Говорили также, что все они подверглись вскоре крутой партийной проработке и многие получили партийные взыскания. Надо полагать — за утерю бдительности. Потом ходил слух, что в тюрьме Гуревич вскоре умер.

Мне трудно судить о виновности или невиновности в чем — либо М.В. Гуревича. Пишу потому, что убежден: промолчать о когда-то крупном руководителе известного военно-авиационного учреждения будет нечестно. Думается, однако, что в те

послевоенные годы за хозяйственные упущения, самодеятельность и злоупотребления пострадать было очень легко.

Была хозяйственная самодеятельность и в 4-м Управлении института. Мне одно время было поручено быть вроде прораба в бригаде строителей от отдела, для которого они должны были построить башню для испытания нижних пушечных установок самолетов. Бригада эта была невесть откуда появившаяся, похоже — с Украины. Помню, бригадиром в этой бригаде был молодой энергичный парень по фамилии Кобзарь. Работали они хорошо, добросовестно, потому как сдельно. Когда строили фундамент котлована, в который должна была вестись стрельба, никакого обеспечения материалами не было. Хватали все, что казалось бесхозным поблизости. На полигон вела железнодорожная ветка, изрядно заросшая травой. По бокам этой ветки во многих местах были положены запасные рельсы. Строители посчитали эти рельсы бесхозными и пустили на столбы по периметру котлована. Таким же путем добывался для строительства песок, щебенка, камень. Это, конечно, было не очень нормально, но никто над этим не задумывался. Я к вопросам материального обеспечения и финансовых расчетов не касался. Моею обязанностью была связь строителей с нашим отделом как заказчиком, наблюдение за качеством строительства, хотя в этом деле я ничего тогда не смыслил. Мог проконтролировать только глубину котлована, толщину бетонной подушки, глубину забивки свай ограждения и тому подобное. Закончив строительство котлована и фундамента под опоры башни, я еле-еле отделался от такого поручения, несвойственного моей специальности.

Подобный стиль хозяйственных работ, видно было, часто тогда практиковался, даже иногда поощрялся и оправдывался как оперативный метод решения поставленной задачи. Но до поры до времени. В определенной обстановке он мог быть поставлен и в вину руководству учреждения. Что-то подобное, наверное, и произошло при снятии М.В. Гуревича с должности. Но это лишь мое предположение, не более того. Могли поставить в вину Гуревичу и полеты его команды охотников на институтском самолете на охоту на Кавказ. Но это тоже лишь мое предположение.

На виду у всех сотрудников управления были летчики-испытатели 4-го Управления: полковник Звонарев, командир испытательного полка, ведущие летчики-испытатели — Мошковцев, Молотков, Чемоданов... Другие фамилии забылись. Звонарев был известен еще как участник боев в небе Халхин-Гола. О нем стали особенно часто говорить, показывать новичкам после того, как он промелькнул в кадрах вышедшего тогда кинофильма «Беспокойное хозяйство» с участием известных киноартистов — М. Жарова, С. Филиппова, Людмилы Целиковской, ставшего сразу очень популярным. К тому же фильм этот частично снимался на ногинском полигоне ГК НИИ ВВС.

Полковник Звонарев был всегда ведущим летчиком-испытателем всех летных испытаний, проводившихся в 4-м Управлении института. Ему шли, как говорили, основные и немалые гонорары за испытания, из-за чего у него было много завистников.

Многие из нас, техников-испытателей, тоже, конечно, завидывали летчикам-испытателям, но завидывали здоровой завистью их прославленной летной профессии.

После ухода с испытательной работы на виду у авиаторов был А.П. Молотков, ставший в 1980-х годах начальником Центрального научно-исследовательского института ВВС, генерал-майором. Тогда же в 4-м Управлении я знал его капитаном, летчиком-истребителем, летавшим на американском истребителе «Томогавок». Ныне он работает в Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского, передает свой всесторонний богатейший опыт работы в авиации молодому поколению исследователей авиационной техники и преподавателей.

Многим известен А.П. Молотков, как автор критической статьи о повести И. Грековой «На испытаниях» (опубликована повесть была в журнале «Новый мир», № 7 за 1967 год). Я сразу тогда же прочитал эту повесть, прочитал с пристрастием, потому как в ней речь шла об испытаниях образца авиационного оружия именно в 4-м Управлении ГК НИИ ВВС. В авиационных кругах сразу же узнали за псевдонимом и автора книги, и основных действующих лиц повести. В ней были сведены воедино события разных эпох того времени, когда Управление испытаний авиавооружения находилось в Ногинске, и события более позднего периода, когда это управление находилось уже в другом месте. В то же время в повести фигурируют одни и те же действующие лица, некоторые из которых уже умерли к тому времени, о котором повествовала автор.

Повесть И. Грековой мне не понравилась потому, что в ней неправдиво показан весь процесс испытаний образца авиационного вооружения, взаимоотношения между разработчиком вооружения или его элементов и испытателями. Не было в повести того самого существенного, что видел я в период работы в 4-м Управлении ГК НИИ ВВС: высокого профессионализма, энтузиазма и самоотверженности испытателей, ритма их работы, чувства государственной ответственности за порученное дело. Совершенно нереально в повести были представлены взаимоотношения разработчика представленного на испытания образца и техника-испытателя. Разработчик (это главный конструктор или его ближайшие помощники) общался обычно с руководством Управления, в крайнем случае — с ведущим инженером по испытаниям. С техником-испытателем он не должен был общаться через голову руководителя испытаний. И уж совсем неправдоподобно описан случай доноса техника о каких-то антисоветских высказываниях профессора-разработчика испытанного образца вооружения на банкете по случаю успешного завершения испытаний, на который был приглашен этот самый доносчик-техник. О совместных банкетах разработчиков испытывавшихся образцов и испытателей я вообще не слышал в то время. Такие банкеты противоестественны, не этичны, не традиционны. По крайней мере, в то время, в которое мне довелось работать в том испытательном институте. И. Грекова в рассматриваемой повести походя отдала дань скверной моде, если это можно назвать модой, начавшей созревать в 1960-е годы, — тенденции раздувания темы «невинно пострадавших в сталинские времена».

Можно понять авторов, писавших на эту тему, которые сами близко пережили такие события или соприкасались близко с ними. Нельзя понять людей, пристраивающихся к общественной кампании, ничего не знающих о существе дела, судящих о нем с чужого слова. Такой мне показалась и И. Грекова, сочинившая повесть «На испытаниях».

Вскоре после выхода повести в «Комсомольской правде» появилась большая статья Молоткова, летчика-испытателя 4-го Управления, с обстоятельной, но нелицеприятной критикой автора повести. Я полностью был согласен с позицией Молоткова.

В августе 1950 года я убыл из ГК НИИ ВВС на учебу в ВВИА имени проф. Н.Е. Жуковского, но еще несколько лет поддерживал связь с институтом через своих товарищей по работе в нем. Кажется, в 1952 году 4-е Управление испытательного института из под Москвы было перебазировано в более отдаленные от столицы места. Перебазировались из- под Москвы и почти все другие Управления ГК НИИ ВВС. После этого я потерял связь с этим интереснейшим центром научных исследований и испытаний авиационной техники.

Добрая память сохранилась у меня о работе в ГК НИИ ВВС, об интересной, насыщенной спортом на свежем воздухе, общении с интересными людьми, здоровыми развлечениями, жизни в небольшом военном гарнизоне под Ногинском. Помню близких своих товарищей по работе, молодых лейтенантов — Александра Исаичкина, Колю Поликарпова, Николая Тихонова, Тараса Прокопенко, Алексея Залетова, Владимира Анхима... С благодарностью вспоминаю старших товарищей по работе, ведущих инженеров — выпускников Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского, моих ближайших начальников, у которых многому можно было поучиться: А. Деева, В. Быковского, И. Орленкова,... Более старших товарищей по совместному участию в спортивных командах и общественной работе Б.В. Глебовича, С.С. Маркова, В.И. Шишкина...

Но с особенной теплотой я вспоминаю начальника нашего отдела Галину Михайловну Волову, исключительно внимательную, доброжелательную, в высшей степени интеллигентную женщину, полковника ВВС, выпускницу ВВИА имени Н.Е. Жуковского 1937 года. Лишь много лет спустя после того времени я узнал: Галина Михайловна во время войны была инженером по вооружению 587-го женского бомбардировочного полка, которым до момента своей гибели командовала легендарная Марина Раскова. Удивительной душевной красоты и скромности была Галина Михайловна Волова. У таких людей было чему поучиться.

Глава 9. В ИМЕНИ ЖУКОВСКОГО ВОЗДУШНОЙ АКАДЕМИИ

МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ

Добившись, после неоднократных отказов, положительной резолюции на рапорте с просьбой о направлении меня на учебу в Военно-воздушную инженерную академию

имени Н.Е. Жуковского, я поехал как-то из Ногинска в Москву, чтобы узнать заранее, где расположена академия, как к ней удобнее добираться, да и просто посмотреть на нее с близкого расстояния. Из этой поездки врезалась в память и помнится до сих пор вот такая деталь. На указателе внизу метро «Динамо», перед подъемом на эскалатор большими буквами было начертано: «К СЕВЕРНЫМ ТРИБУНАМ И ВОЗДУШНОЙ АРШЕМИИ». Было в этом обычном указателе, в словах «и воздушной академии» что-то необычное: государственная оценка значимости Воздушной академии имени Жуковского, ее широкая популярность. В народе широко было известно, что прославившиеся во время Великой Отечественной войны самолеты Ил-2, Ил-4 (ДБ-Зф), Як-1, Як-3, МиГ-3 были созданы под непосредственным руководством питомцев и выпускников Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Николая Егоровича Жуковского — С.В. Ильюшина, А.С. Яковлева, А.А. Микояна.

Через некоторое время после смерти И.В. Сталина слова «и воздушной академии» с указателя в метро исчезли.

В Рыбинском авиационном техникуме, куда поступил я учиться в августе 1941 года, старшекурсники с восхищением говорили о капитане-военпреде рыбинского авиационного моторостроительного завода. Он, выпускник академии имени Жуковского, читал на старших курсах техникума «Конструкцию авиадвигателей». Молодой, высококультурный, всесторонне грамотный, в аккуратной военной авиационной форме — он завораживал слушателей. Фамилию его, к сожалению, не помню. Не нынешняя легковесная самореклама, а вот такие люди своим обликом, безукоризненным поведением и квалифицированной деятельностью и создавали добрую славу в народе, делали знаменитой «Жуковку».

В ГК НИИ ВВС я уже вплотную соприкоснулся с выпускниками Академии имени Жуковского — ведущими инженерами по испытаниям, руководителями отделений и отделов — инженер-капитанами А.А. Деевым, И.Орленковым, В.С. Быковским, инженер-подполковниками Б.В.Глебовичем, С.С. Марковым, многими другими инженерами, ее питомцами. Так что к моменту поступления в Академию Жуковского я уже имел достаточное представление о высокой квалифицированности, высокой общей и инженерно-технической культуре ее выпускников. Все это призывало, манило в Академию.

Зимой 1950 г., где-то в конце января всех, получивших «добро» на таких своих рапортах, вызвали из учреждений и частей МВО в Москву на предварительные экзамены и комиссии. Около 10 дней мы провели в ЦДСА, сдавая предварительные вступительные экзамены и проходя необходимые, установленные специальными приказами, комиссии. И вот, в середине июля того же года мы вызваны вновь в Москву, теперь уже на основные вступительные экзамены.

Поселили нас, иногородних, в корпусе «Е», называвшемся тогда 30-м корпусом, на втором этаже. Администрация академии тогда располагалась там, куда ее выдавили сейчас после отнятия Петровского дворца — в корпусе «Ж», переименованном сейчас в корпус «А». Нарядом расположенном стадионе «Динамо» соблазнительно, почти ежедневно по вечерам идут футбольные матчи, многие из поступающих неизменно ходят их смотреть. Я из принципа на них не хожу, к футболу равнодушен. Спорт люблю, но не люблю футбольных болельщиков, среди них выделяются какие-то

кретины, глупыми выкриками оскорбляют игроков той команды, против которой они болеют, не имеют никакого представления о порядочности.

В первый же день, как поселился в общежитии корпуса «Е», пошел в читальный зал, располагавшийся в том же корпусе, за учебниками. И у входа туда встретил, по истине знаменательно, ростовского близкого товарища по пионерскому лагерю, Валентина Розонова, тоже из поколения мальчишек тридцатых годов, бредивших авиацией, о которых писатель Ю. Идашкин, сам из того же поколения, проникновенно сказал: «... я твердо знаю, что мое поколение на всю жизнь сохранит особое отношение к авиации. Потому, что она для нас — часть нашего детства, окрашенного радостью осознания своей принадлежности к стране героев, она для нас — символ преодоления пространства и времени, порыв, который не отделим от эпохи бурного социалистического штурма тридцатых годов». Он, тоже техник-лейтенант, уже слушатель 2-го курса факультета самолетов и двигателей. Удивил его рассказ о том, что на его курсе учился и сын знаменитого летчика Валерия Чкалова — Игорь Чкалов. Как же так, четыре года тому назад, в 1946 году видел я его фотографию — слушателя академии имени Жуковского на обложке «Огонька», а сейчас он только на втором курсе? Оказывается, его неоднократно за нерадивое отношение к учебе отчисляли из академии, направляли в строевую часть и снова возвращали в Академию. Будто бы, Сталин сказал, что в память о выдающихся заслугах перед Родиной его отца, сына нужно выучить, сделать из него человека.

Конкурс в Академию Жуковского в тот год быш 12 человек на место, не считая окончивших подготовительный курс (200 человек для всех факультетов), которые практически поступали вне конкурса. Первый вступительный экзамен в нашей группе — физика, и билет мне попался № 13, а первый вопрос — «Переменный ток, работа трансформатора». Немного стало не по себе. Переменный — то ток я и не готовил к вступительным экзаменам. Кто-то говорил, что переменного тока не будет на экзаменах. Да я за него и не беспокоился, надеялся на багаж серпуховского училище. Работу-то трансформатора мы в училище изучали досконально. Но цел ли тот багаж? Мельком назвав общие характеристики переменного тока, скорее перешел к работе трансформатора: переменный электрический ток, проходящий по первичной обмотке создает переменное магнитное поле, которое наводит во вторичной обмотке ЭДС, действующее против причины, его вызвавшей... И далее в том же стиле. Экзаменующий, это был подполковник Бутенко, сотрудник учебного отдела, премного удивившись, лишь спросил, откуда я так хорошо знаю работу трансформатора, где учился. Узнав, что я окончил серпуховское училище по электроспецоборудованию самолетов, поставил мне жирную пятерку и больше ни о чем не спрашивал. Чувствовалось и позднее: авторитет серпуховского авиатехнического училища в авиации был очень высоким. Все другие экзамены сдал также успешно, для мандатной комиссии все у меня в биографии было чисто.

Хорошо помнится 1-й день начала учебы в Академии — 1-е сентября 1950 года. Первая лекция — высшая математика. Ее читал тогда для всего потока профессор В.В. Голубев — заведующий кафедрами математики и в ВВИА имени проф. Н.Е.Жуковского, и в МГУ. Читал просто, но изящно и доходчиво. О нем были уже

наслышаны от товарищей, ранее поступивших в Академию: еще до революции учился и работал в Сорбонне, верующий, беспартийный.

Только ли на нашей первой лекции или еще и на других своих лекциях, он провозгласил во вступительном слове тезис, необычный для того времени. Этот тезис примерно звучал так: одним из главных стимулирующих факторов развития математики были войны. Тезис по существу справедливый и понятный для военного человека. Но как за этот «непартийный» тезис на профессора В.В. Голубева партлитработники, преподаватели кафедры ОМЛ. Долго склоняли беспартийного В.В. Голубева и на партийных собраниях в Академии.

В дальнейшем все разделы высшей математики (мат. анализ, аналитическая геометрия, векторная алгебра, теория поля) 4 семестра читал нам профессор Г.Ф. Лаптев, прекрасный лектор, педагог и человек. Он нередко значительную часть своей лекции диктовал. Это нравилось всем. Но в конце курса, как стало очевидным позднее, он не укладывался в срок и сложную «Теорию поля» прочитал все же торопливо.

Среди других предметов 1-го семестра были: химия, физика, машиностроительное черчение, физическая и стрелковая подготовка. Химию нам читал известный профессор Шемякин. Читал он, на мой взгляд, хорошо, доходчиво, но почему-то его не любили многие слушатели, видимо, восприняв мнение старшекурсников. Профессора на лекциях часто сопровождала ассистентка, демонстрируя некоторые опыты по ходу лекции. Когда профессор объяснял нам сущность какой-то гремучей смеси, он мимоходом заметил, что вот сейчас ее проявление можно будет увидеть воочию. Ассистентка поставила впереди кафедры на стул какой-то небольшой ящик с защитным спереди стеклом, что-то в ящике поколдовала и молча ушла. Все думали, что фокус не удастся, профессор продолжал лекцию дальше, и про ящик все забыли. Но минут через 10 раздался довольно мощный взрыв, защитное стекло разлетелось вдребезги, ящик тоже вслед за осколками стекла полетел на головы слушателей. Кто-то вскрикнул, кто-то возмущенно ругался, кто-то смеялся, кто-то аплодировал. Эффект был потрясающий. Как потом выяснилось, это был любимый «конек» ассистентки. Мне подумалось: таким путем преданная профессору ассистентка мстила слушателям за нелюбовь к профессору. Жаловаться на ассистентку, конечно, никому не пришло в голову.

Со 2-го семестра добавились основы марксизма-ленинизма, иностранный (английский) язык, технология металлов, теоретическая механика. На 3-ем семестре — теория механизмов и машин, сопромат. Каждый преподаватель — колоритнейшая фигура. Из всех преподавателей общетеоретических дисциплин на меня произвел самое хорошее впечатление преподаватель теоретической механики Владимир Карлович Больцман, спокойный, скромный, но строгий, глубоко знающий свой предмет, прекрасно преподносящий его слушателям.

Иное впечатление оставил, думаю не только у меня, профессор В., преподаватель сопромата. Лекции читал он великолепно, казался человеком высококультурным, интеллигентным, был известен как один из авторов только что изданного тогда фундаментального трехтомника «Справочник машиностроителя», который многие из нас по его рекомендации купили. Но на одной из своих лекций, советуя, как лучше запомнить формулу, он... разрядился непристойными словами. На меня это произвело

настолько отвратительное впечатление, что до сих пор, хотя этот профессор давно уже умер, не могу подавить в себе недоброе чувство к нему.

В детдомовском детстве мне пришлось слышать много самой грязной, самой изощренной матерщины. Выделялись этим всегда самые недоразвитые, самые тупые, и неприязнь к отъявленным матерщинникам у меня осталась на всю жизнь, как к людям слабоумным. И вдруг «мат» на лекции профессора в прославленной «Жуковке»! Даже на фронте, в нашей танкистской среде «мат» не был особенно популярен. А тут, в столице, в знаменитой Академии... непостижимо.

Этот экскурс я сделал в назидание молодым нашим педагогам. Не берите пример с некоторых наших старших по возрасту преподавателей' хорошо владеющих сейчас матерщиной, хотя общая обстановка в стране в какой-то степени и оправдывает такой лексикон. Но помните, плохое впечатление от этого и от преподавателя останется кое у кого из слушателей на всю жизнь, и его вспомнят подобным словом. !

Рассказывая об Академии 50-х годов, нельзя не коснуться общей атмосферы жизни тех лет в Москве, времяпровождения и быта слушателей, словом, всего того, что сопровождало учебный процесс за пределами академических аудиторий. \

Слушателям-офицерам сохранялось денежное, вещевое и продовольственное (тоже в денежном, правда, в урезанном размере) содержание по занимаемым до поступления в Академию должностям. Всем одиноким предоставлялось общежитие в корпусах академии. Но для семейных иногородних слушателей жилищный вопрос был тяжелой проблемой. Практически все семейные слушатели снимали жилье у местных жителей, которые бессовестно драли за это чрезмерную плату. И когда правительство '< стало компенсировать слушателям военных академий затраты на съём : жилья, местные обыватели мгновенно увеличили цены за сдаваемую жилищную площадь на эту сумму. Свыше 10 раз многим семейным слушателям, особенно с малолетними детьми, приходилось менять снимаемое жилье. Конечно, это сильно отражалось на учебе, э

Мы, несемейные слушатели всех факультетов, жили тогда в корпусе «Е» на 2-м этаже. В этом же корпусе, в подвальном помещении, куда сейчас переведен УОЗ, работала большая столовая, в которой мы и питались (и, конечно, все, кто находился в корпусе «Е») утром, днем и вечером. Большая столовая была и в корпусе «Д». Там даже имелось тогда диетическое отделение, куда давали направление врачи академической | поликлиники.

В буфетах при столовых, кроме достаточно широкого ассортимента ■ продуктов питания, всегда, что сегодня покажется невероятным, в наличии были в широком ассортименте сухие вина, пиво, коньяк, кажется, была и водка. Но, само собой разумелось, что принимать спиртное можно только после занятий и в очень умеренных дозах. Такая традиция держалась на полном доверии к офицерам и на их твердом чувстве самоконтроля. Кроме того, за слушателями зорко присматривали начальники курсов, те же, кто занимался по настоящему спортом (о спорте отдельный рассказ ниже), знали, что выпивка — его злейший враг.

У входов в столовые часто сидели кассирши театральных касс и продавали билеты во все театры Москвы, включая Большой театр, на все его оперы и балеты, в том числе с участием блиставших тогда Г. Улановой, М. Плисецкой, О. Лепешинской,

С.Я. Лемешева, И.С. Козловского и всех других выдающихся мастеров сцены. Театральные кассы работали тогда и во многих вестибюлях метро. При желании на любую театральную постановку билеты можно было взять заранее, а часто и в день спектакля. Билеты были недорогие (от 1 р. до 3 р., при моей, например, зарплате техника-лейтенанта свыше 2000 р.), на верхние ярусы даже очень дешевые, специально для студенчества. И в Москве, и в Подмоскovie (в Архангельском, в Абрамцево, в Кусково, в других старинных усадьбах) работало много музеев. Так что слушатели военных академий, студенты, аспиранты, все население и гости столицы при желании имели возможность, редкую теперь, существенно повысить свой общеобразовательный и культурный кругозор, свою интеллектуальность, если можно так сказать.

Общетехническая библиотека и читальный зал корпуса «Е» были тогда значительно богаче, чем сейчас. В них были практически все выходившие в то время и ранее, в том числе многие зарубежные, общетехнические и специальные журналы и книги, военная и военно-историческая литература. Был свободный доступ к энциклопедиям в читальном зале. В академическом «Доме офицеров» (Красноармейская, д.1) работала богатая художественная библиотека. Во всех библиотеках работали очень добросовестные, доброжелательные сотрудники, быстро находившие любую книгу, нужную обратившемуся читателю.

В книжных магазинах Москвы всегда имелся богатый выбор научно-технической литературы, в том числе учебников и справочников по всем общетехническим дисциплинам. Особенно популярным был специализированный магазин учебников и учебных пособий в Театральном проезде. Недалеко от Политехнического музея работал прекрасный букинистический магазин с очень внимательными и доброжелательными сотрудниками. В нем можно было оставить открытку об интересующей тебя книге и, как только такая книга появлялась в магазине, тебе сразу же высылали оставленную открытку.

С первого же семестра, с середины сентября — парадная подготовка для участия в военном параде на Красной Площади 7 ноября; с апреля — для участия в майском военном параде. Со второго семестра слушатели настойчиво привлекались к научно-исследовательской работе на кафедрах.

Помню, как преподаватель технологии металлов Лоцманов, очень солидный человек, лауреат Сталинской премии (кажется, единственный тогда в Академии), получивший ее за разработку технологии пайки алюминия, узнав, что я лыжник, настойчиво пытался увлечь меня идеей создания дюралевых складных лыж для десантников. Конечно, идея была заманчива, практическая ценность ее очевидна, и об этом нельзя было не сказать автору идеи. Но меня интересовало давно другое. В ГК НИИ ВВС я уже вплотную столкнулся с новейшей и электроникой, и уникальной регистрирующей аппаратурой, поступившей туда и по репарациям из Германии, и закупаемой в США. «Цейт-Лупа», позволяющая наблюдать и регистрировать баллистические волны пули и снаряда авиационной пушки вылетающих из ствола; электронные часы, фиксирующие интервал времени с точностью до 6-8 знака после запятой, и сверхчувствительные сименсовские шлейфы для шлейфных немецких осциллографов, и 12-ти шлейфный осциллограф американской фирмы «Консолидейтед», и много другой уникальной аппаратуры. Да и сама электроника

систем дистанционного управления орудийными башнями самолета Ту-4, с которой пришлось столкнуться в ГК НИИ ВВС, восхищала и манила к себе. Так что с большим трудом, но все же мне удалось отбиться от заманчивого предложения заняться созданием складных дюралевых лыж для десантников.

Само же стремление преподавателей академии как можно раньше привлечь слушателей к научно-исследовательской работе было очень правильным и остается таковым по сей день. В академию в то время приходили люди с очень богатым опытом работы и с авиационной техникой и опытом научно-исследовательской работы в различных областях.

К моменту разговора с Лоцмановым я уже занимался научно-исследовательской работой по кафедре электрооборудования самолетов, исследовал процесс образования и гашения электрической дуги в высотных условиях. Мне тогда удалось заосциллографировать кратковременный процесс изменения тока в размыкаемой цепи и процесс возникновения перенапряжения на контактах мощного выключателя, помещенного в барокамеру, наглядно представить и проанализировать физику этого процесса. Это была моя первая слушательская НИР, выполненная на втором курсе академии в 1952 году, опубликованная позднее в трудах академии. К слову заметить, издана редакционно-издательским отделом академии она была в смысле оформления более качественно (печатным способом, в твердой обложке, на хорошей бумаге) чем те, более серьезные и более содержательные работы конца 1980-х — начала 1990 годов. Если сравнить качество изданий трудов Академии Жуковского того периода и периода начала перестройки, то неизбежно возникнет злая мысль: в последнем случае доступ к опубликованию научных трудов в академии находился в недобросовестных руках.

Кроме всего перечисленного, общественно-партийная работа, участие в предвыборных кампаниях в качестве агитаторов, лекции и политические занятия на предприятиях Москвы по путевкам райкомов. Так что жизнь за пределами учебных аудиторий в то время была довольно насыщенной, всесторонне содержательной и интересной.

Академия имела тогда свой дом отдыха на берегу Черного моря в чудесном тихом местечке «Чемитоквадже», в 5-ти км от поселка Лазаревское, недалеко от Сочи. В этом доме отдыха реально имел возможность побывать (получить путевку по невысокой цене) не только каждый преподаватель, научный сотрудник или любой другой человек из постоянного состава Академии, но практически и любой слушатель. Я, например, был там в годы учебы несколько раз.

На 5-м семестре у нас появился курс «Основы автоматики» и немного позднее — «Авиационная телемеханика». Эти два предмета отличались ото всех предыдущих тем, что рассматривали объект как динамическую систему в целом. До поступления в Академию в ГК НИИ ВВС мне уже часто приходилось иметь дело с системами дистанционного управления орудийными установками самолета Ту-4 (аналога-копии американской «летающей крепости» В-29). С сельсинными передачами, связывающими прицельные станции с приводами пушек, сервоусилителями, амплидинами, сервоприводами, осциллографировать переходные режимы, ошибки слежения и т.п. Теперь все это рассматривалось в теории, все было интересно и просто.

Очевидна была универсальность подхода к математическому описанию регулируемых процессов вне зависимости от их физической природы.

Основы автоматики читал у нас Гермоген Сергеевич Пospelов. Читал просто, доходчиво, не допуская вместе с тем упрощенчества. В 1954 г. в издательстве ВВИА им. проф. Н.Е.Жуковского вышел его фундаментальный, хорошо написанный учебник «Основы автоматики» под редакцией А.А.Красовского. Это был на то время, пожалуй, первый и единственный в стране строго систематизированный учебник в области, которую чуть позднее стали называть технической кибернетикой. И до чего же было отвратительно слышать с началом пресловутой перестройки, да и сейчас тоже, в электричке, в автобусе, в какой-нибудь очереди безграмотные суждения о том, что, вот де, коммунисты игнорировали кибернетику, и поэтому страна отстала от мирового уровня развития науки. Вульгарная болтовня о кибернетике бесила. Сколько раз приходилось резко вмешиваться в разговоры, уличая ретивого оратора в том, что он не понимает ничего в том, о чем говорит. Доказывать, что у нас критиковались лишь философские основы кибернетики, а дело делалось. И первым примером я приводил учебник автоматики Г.С. Пospelова, в котором по существу и были хорошо изложены основы так называемой технической кибернетики.

Дискуссии о кибернетике в конце 50-х годов действительно были нередки. Вышла тогда (1952 г.) небольшая книга профессора МВТУ В. Солодовникова «Введение в статистическую динамику систем автоматического управления». В ней во введении (к своему «Введению...») он высказался так: «...Реакционные зарубежные ученые, находящиеся в плену идеализма и метафизики, отличающиеся профессиональной узостью взглядов и склонностью выдавать за реальную действительность игру своего собственного воображения, стремятся использовать статистические методы ... для создания теорий, не имеющих ничего общего с наукой... . Уподобляя человеческий мозг сложной счетной машине, а самого человека — совокупности громадного числа его управляемых следящих систем, они приходят к дико звучащим для советского человека выводам о том, что «человеческий мозг с течением времени будет становиться все меньше и меньше», что «наступит такой период, когда машины будут править людьми», и т.д.».

В таком суждении он был прав и не прав. Прав в том, что обвиняет не зарубежную науку вообще, а лишь «реакционных зарубежных ученых», которые утверждают, что «человеческий мозг с течением времени будет становиться все меньше ...» и «...машины будут управлять людьми». Не прав в том, что упрекал зарубежных ученых за то, что они уподобляют человеческий мозг сложной счетной машине, а самого человека — «совокупности громадного числа его управляемых следящих систем». Т.е. упрекал зарубежных ученых за то, что они подступились к моделированию процессов, протекающих в человеческом организме.

Было ясно, конечно, что приведенный тезис В.В. Солодовникова во введении к книге — всего лишь его дань партийности в преподавании и науке.

Главное же было в том, что критиковать-то буржуазных ученых у нас критиковали, а дело делали. Все новое и в теоретических науках и, особенно в прикладных, перенимали. Все основные зарубежные научные журналы в области физики, математики, техники тогда закупались и направлялись не только в

центральные библиотеки, но и в библиотеки ВУЗов. По крайней мере, в нашей библиотеке в 50-е годы были практически все зарубежные основные научные и технические журналы.

Интересно и то, что еще в 1930-е годы в СССР издавался журнал «Автоматика и телемеханика».

Но В.В. Солодовникову за «буржуазных лжеученых» досталось. Вроде в открытую на него не очень нападали, но втихую ему вредили изрядно. В том числе и некоторые наши академические профессора. В академию наук его, кажется, так и не пропустили.

Читаемые кафедрой дисциплины, великолепный кафедральный учебник «Основы автоматики», которым, кстати, пользуются многие преподаватели, научные сотрудники, докторанты и сейчас, манили к себе новизной, наукоемкостью, универсальностью подхода к системам автоматического регулирования различных классов. Очевидна была и реальная практическая применимость теории. Меня, например, особенно привлекали системы самонаведения ракет с инфракрасными координаторами целей. Тогда такая тематика полностью находилась в ведении кафедры Красовского. К тому времени нам было уже прочитан профессором Б.Ф. Федоровым курс авиационной лучистой техники, в котором много внимания уделялось инфракрасной технике. Манили к себе доброжелательной общительностью и начавшиеся собираться на кафедре интересные люди: Ю.А. Вавилов, А.И. Сучков, Н.К. Бодунов, В.В. Богданов, А.А. Малевич, А.Е. Акиндеев, А.А. Белобородов и многие другие.

С осени 1954 года я стал заниматься научно-исследовательской работой на этой кафедре, интегрирующим приводом для электромеханического моделирования. Затем, уже на войсковой стажировке, системой стабилизации автопилот АП-5 — бомбоприцел ОБП-6 на самолете Ил-28.

Эта последняя сугубо практическая задача была связана с реальной «живой» системой автоматического регулирования. Сразу же, когда я летом 1955 года прибыл на войсковую стажировку в полк фронтовых бомбардировщиков Ил-28 в город Черняховск и представился по прибытии командиру полка полковнику Архарову, он мне заявил следующее: «Давай выручай, «академик», нам, всему полку, за бомбометания с больших высот ставят двойки. Как только штурман выходит на боевой курс по автопилоту, самолет начинает неукротимо рыскать, раскачиваться в горизонтальной плоскости». Я к просьбе командира полка отнесся с должной серьезностью. Засел за изучение механической цепи сочленения автопилота с бомбоприцелом, набросал структурную схему всего замкнутого контура автоматического регулирования: штурман — бомбоприцел — автопилот — самолет — штурман.

Через пару дней мне стало ясно причина раскачивания самолета в режиме выхода на цель по автопилоту на большой высоте. Еще в ГК НИИ ВВС я знал, что автопилот АП-5 — это хорошо зарекомендовавший себя автопилот самолета Ту-4, стратегического нашего бомбардировщика того времени. А самолет Ил-28, на который этот автопилот тогда тоже поставили, самолет более легкий, более скоростной, площадь хвостового оперения, особенно кия у него значительно меньше, чем у Ту-4.

Следовательно, у него демпфирование боковых колебаний, особенно в условиях разреженного воздуха более слабое. Да еще в цепи механической шестеренчатой связи бомбоприцела и автопилота (в цепи обратной связи контура автоматического регулирования) имеются явно заметные люфты, приводящие к запаздыванию сигнала обратной связи. Надо это как-то искусственно компенсировать. Как, пока неясно.

Изложил все эти соображения командиру полка, он сразу все понял и согласился с моей трактовкой злополучного явления. Я ему сказал, что для большей убежденности мне надо бы посмотреть процесс болтанки самолета в воздухе. Он на это ответил, что такое невозможно, брать на борт 3-х местного боевого самолета постороннего человека строжайше запрещено, но потом все же сказал: «Подумаем». И на другой день приглашает: «Полетели». Смелый и решительный был полковник Архаров. Принял неординарное решение под свою ответственность. Много лет спустя в книге Э.К. Пусэпа «Тревожное небо» встретил имя майора Архарова в числе командиров тяжелых наших бомбардировщиков Пе-8 (ТБ-7), участвовавших в успешных боевых действиях на Курской дуге...

И вот мы взлетаем. Я — впервые на борту скоростного бомбардировщика. До этого момента мне приходилось летать только на По-2, Ли-2, Ил-14, в основном, лишь в качестве пассажира. Вдвоем со штурманом в его кабине, он посадил меня на катапультное сидение, сам расположился на откидном сидении-пяточке у бомбоприцела. Уже на разбеге чувствуется необычно большая скорость реактивного самолета. Взлет проходит над окраиной города. Это бывший Инстербург. Промелькнула река Прегель, катящая свои воды в Кенигсберг. В 1945-м немного западнее этих мест я воевал в танке...

Набираем высоту, перевожу взгляд из-за борта самолета на пульт управления автопилота, он справа от меня. Пора его настраивать, но в этот момент ощутил какой-то толчок. Перевожу взгляд за борт и вижу, что мы вместо набора высоты идем на посадку. Значит — толчок — это выпуск шасси. Непонятно. На земле командир коротко объяснил: нас вернули из-за неблагоприятной погоды в отведенной для нашей работы зоне. Погода весь день простояла вполне летной, слегка облачной. На другой день командир почему-то неожиданно ушел в отпуск, его же заместитель сказал, что до возвращения командира всякая работа с автопилотом откладывается. Мне вся эта история показалась странной. Подумалось: кто-то, видимо, «стукнул» на командира, что он грубо нарушил порядок производства полетов, взял в полет на боевом трехместном самолете лишнего человека, поэтому последовал запрет на такую самостоятельность. Аэродром-то, по существу находился в приграничной зоне, с него почти каждую ночь один экипаж уходил на спецзадание. Наверное, прощупывать зоны ПВО соседних стран. Шел тогда разгар холодной войны. Очень жалел я тогда за неосуществившуюся возможность приложить свои знания для решения сугубо практической важной задачи. В теоретическом плане я еще долго ломал голову над этой задачей. По возвращении со стажировки выступил с докладом на конференции по итогам стажировки, и позднее опубликована была моя статья на эту тему. К сожалению, к этой интересной задаче больше не пришлось возвращаться. Меня ждало задание на дипломное проектирование.

В процессе выполнения слушательских НИР почувствовалось внимание к ним и профессора А.А. Красовского. Дипломный проект — вращающийся самонаводящийся снаряд для защиты самолета с задней полусферы — я выполнял уже под его руководством. Об этом ниже будет отдельный разговор.

Научная деятельность профессоров Г.С. Поспелова и А.А. Красовского, самые современные по тем временам дисциплины — «Авиационная автоматика», «Авиационная телемеханика», уникальный фундаментальный учебник Г.С. Поспелова «Основы автоматики», фактически общеакадемический статус кафедры в те годы — все это являлось большой притягательной силой к кафедре.

ЛЫЖНИКИ

Приятным (по крайней мере, для меня) сюрпризом первого дня занятий в Академии 1 сентября 1950 года была последняя пара «физкультура», и, как выяснилось позднее, то, что преподавателем этого предмета был Александр Владимирович Семеновский. Неутомимый энтузиаст лыжного спорта, сам опытейший и страстный лыжник, кандидат в мастера спорта, веселый^ жизнерадостный, никогда не унывающий человек. К концу занятий он записал всех желающих заниматься в лыжной секции и объявил о том, что будем заниматься в парке сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Я это воспринял с величайшей радостью, потому как был уже большим любителем лыж, убежденный в том, что лыжный спорт — лучший спорт, лекарство от всех болезней, элемент самого здорового образа жизни, табу на курево и неумеренное увлечение спиртным.

С первых сентябрьских дней 1950 года и на протяжении почти десятилетия лыжная секция А.В. Семеновского бесперебойно занималась 3 раза в неделю, включая воскресенье. В любую погоду, в лютый мороз, в снегопад и зимний дождь, осенью, зимой и весной. В зимние студенческие каникулы — лыжные сборы, неизменно во главе с А.В. Семеновским, в одном из подмосковных домов отдыха Министерства обороны (в ДО на Ленинских горах, в Покровском-Стрешневе, в Звенигороде, в Марфино, еще где-то). По воскресеньям — частые выезды за город, в район Куркино, Подрезково, Планерное. Всегда беспрепятственно для этих целей выделялся академический автобус.

В результате неутомимой деятельности Александра Владимировича Семеновского, в Воздушной академии им. Жуковского успешно действовала сильнейшая в московском гарнизоне лыжная команда, почти всегда, по крайней мере в течение всех 1950-х годов, занимавшая первые места на соревнованиях среди военных ВУЗов Москвы, а также на соревнованиях лыжников Военно-воздушных сил МВО и на других крупных соревнованиях. Среди лыжников Академии в то время были два сильнейших лыжника страны: инженер-капитан П.А. Володин, заслуженный мастер спорта СССР (сотрудник 2-го факультета), и капитан А.Н. Николаев, мастер спорта СССР (преподаватель кафедры физ- подготовки Академии), оба неоднократные чемпионы страны. Это у них я впервые увидел и «пощупал» настоящие гоночные лыжи «Жарху» и «Лямпинен» и первосортную лыжную мазь «Свикс». Для сборной

команды страны власти наши закупали за рубежом современный тогда лыжный инвентарь и лучшие мази.

Мы же все, простые грешные (слушатели и почти весь постоянный состав академии), ходили тогда на обычных ширпотребовских прогулочных лыжах и пользовались обычными мазями, которые продавались в спортивных магазинах. Постепенно хорошие финские и шведские мази стали появляться кое у кого из постоянного состава и тогда, не очень сильные, стали вырываться вперед. К сожалению, наши настоящие мастера спорта весь зимний период находились то на всесоюзных сборах, то на всесоюзных соревнованиях, и общаться с ними на лыжне приходилось очень редко.

На нашем первом курсе 3-го факультета (набора 1950 года) обнаружилось сразу несколько заядлых любителей лыжного спорта. Среди них один оказался кандидатом в мастера спорта — Г. Гусев и 2 перворазрядника — А. Алипов и В. Федин. (Норма для получения 1-го разряда тогда была на дистанции 10 км — 41 минута). Вокруг этой тройки стали формироваться и другие любители лыж.

Начиная с лыжного сезона 1953/54 г.г., в нашей четверке твердое место стал занимать Михаил Потапов. Один раз в 1952 г. и один раз в 1953 г. он появлялся в первой десятке, а в 1955 г. — появился в первой пятерке Академии. С тех пор и до сегодняшнего дня (то есть уже более полувека!!) он является одним из сильнейших лыжников нашей академии (сейчас, естественно только в своей и близких возрастных группах).

Результаты уже первых 3-х месячных интенсивных занятий в лыжной секции А.В. Семеновского дали зримые плоды. У меня сохранилась краткая заметка, вырезанная из одного из январских 1951 г. номеров газеты «Сталинский сокол» (в то время — основная центральная ежедневная газета ВВС СССР). Вот как она отмечала успехи лыжников нашей академии в заметке «Упорная борьба за первенство на лыжне»:

«Состоялись соревнования наличное первенство Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского по лыжам. В соревнованиях приняли участие более 100 спортсменов.

Первое место и звание чемпиона академии на 1951 г. завоевал заслуженный мастер спорта инженер-капитан Володин. Он прошел 10-ти километровую дистанцию за 35 минут. Второе место занял мастер спорта капитан Николаев. Его время — 36 минут 50 секунд. Капитан Семеновский прошел 10 км за 38 мин. и занял третье место.

В минувшее воскресенье слушатели академии провели лыжные соревнования, посвященные выборам в Верховный Совет РСФСР. Лучшее личное время показали на 10-ти километровой дистанции офицеры: Федин (время 38 мин.54 сек.), Смиркин (39 мин. 55 сек.), Селиверстов (40 мин. 4 сек.)».

Из моего архива 1950-х годов сохранилась еще грамота, подписанная 3 марта 1951 г., за 2-е место на зимней спартакиаде ВВС МВО в эстафетном беге 4x10, с общим временем 2 ч. 49 мин. 47 сек. В той эстафете 2 сборные лыжные команды ВВИА им. Н.Е. Жуковского завоевали тогда первое и второе общие места среди всех команд ВВС МВО. В первой команде бежали — заслуженный мастер спорта П.А. Володин, мастер спорта А.Н. Николаев, Ю.П. Доброленский, Е. Фадеев. Во вторую

команду входили А.В. Семеновский, В. Федин, И. Смиркин, А. Егоров. К сожалению, не сохранились индивидуальные результаты этих соревнований.

Начиная с лыжного сезона 1951/52 года и на протяжении 15 лет я вел спортивный дневник, в котором, в числе прочего, записывал индивидуальные результаты лучших лыжников, занявших 10 первых мест на общеакадемических соревнованиях, соревнованиях на первенство ВВС МВО, на первенство военных академий Москвы, на первенство московского гарнизона и на некоторых других крупных соревнованиях, а также лучшие результаты академических соревнований по офицерскому многоборью, весеннему и осеннему кроссу. Через полвека эта спортивная хроника соотрится очень интересно.

С первого же лыжного академического соревнования я прочно вошел в первую десятку лучших лыжников сборной команды Академии и выступал в этой команде, отстаивая спортивную честь Академии с небольшими перерывами 13 лет. За этот период в соревнованиях занимал несколько раз первые места на академических соревнованиях на дистанции 10 км., трижды входил во вторую сборную команду по эстафетному бегу на спартакиадах ВВС МВО, дважды занимал 2-е личное место в лыжных соревнованиях военных вузов Москвы, входил в состав сборной команды ВВИА имени Н.Е. Жуковского на зимней спартакиаде ВВС страны (г. Горький) в 1954 году.

Поступая в 1956 г. в адъюнктуру по кафедре 36, я уже настроился умерить свой лыжный состязательный гоночный пыл, который требовал и регулярных серьезных тренировок, и специального гоночного спортивного инвентаря, и высококачественных лыжных мазей. А главное — большой затраты времени на все это. Мои товарищи по курсовой лыжной команде отошли от интенсивного спорта еще раньше. Лишь неугомонный наш Михаил Дмитриевич Потапов принял иное решение и продолжал интенсивные лыжные тренировки и регулярное участие в лыжных соревнованиях.

Естественным продолжением лыжного спорта для многих из нас стал лыжный туризм. Однажды, где-то в декабре 1956 года, когда я был уже в адъюнктуре Академии, ко мне подошел профессор Г.С. Поспелов и высказал мне свою мечту о том, что хорошо бы организовать лыжный поход куда-нибудь в хорошие леса. Я эту идею воспринял с большим встречным пониманием и рвением. Конечно, даешь многодневный лыжный поход! С кострами на привалах, с ночевками в лесу... Поговорил с Ю.П. Доброленским, А. Сучковым, А. Малевичем, Ю. Вавиловым, Н. Бодуновым, М. Коробковым, В. Варыгиным — все двумя руками «за». Начальник кафедры профессор А.А. Красовский тоже был за поход и пожелал также участвовать в нем. Начальник факультета Н.И. Полканов, вопреки ожиданию некоторых скептиков, одобрил нашу инициативу.

Начали готовиться. Добыли на всех спальные мешки. Ю.А.Вавилов закупил на всех добротные австрийские рюкзаки, проверили у всех лыжи и крепления. Целый месяц жили только этой новой для кафедры затеей. Вот так началась зимняя лыжно-туристская эпопея на кафедре А.А. Красовского, к которой сразу стали примыкать люди и с других кафедр и даже факультетский врач Н.С. Симонов.

Первый поход, в январе 1957 г., в котором участвовали Н. Бодунов, Ю. Вавилов, Ю.П. Доброленский, А.А. Красовский, А. Малевич, В.Д. Нагорский, Г.С. Поспелов, В.

Федин, получился не совсем удачным. Наметили маршрут от Александрова с Ярославской ж.д. через Переславль Залесский лесами на Углич. Начальник факультета даже настоял на том, чтобы каждый взял с собой свой личный пистолет. (Эти личные пистолеты тогда только назывались личными, но никогда на руки не выдавались, а хранились на складе боепитания Академии). Я взял дополнительно к этому еще и ружье. Однако измотавшись в первом же переходе, после беспокойного ночлега в какой-то убогой деревушке, застряли в Переславль Залесском, снизойдя до лучевых дневных вылазок из теплой гостиницы. Зато на будущий 1958 год зимний поход из Переславль Залесского до Углича получился по полному профилю. И с ночевкой в лесу твердого ядра группы при 23-х градусном морозе, и бегством в деревню испугавшихся ночевать в лесу, и с некоторыми трагикомическими приключениями. Два неумехи-интеллигента взялись рубить небольшую елку для устройства ночлега. Один нагнул макушку почти до земли, изогнув елку дугой, другой стал рубить елку у комля. Рубил- рубил до тех пор, пока елка не взбрыкнула и надрубленным комлем, видно в отместку за надругательство над собой, не врезала по переносице рубившему. Тот, естественно, с катушек, руки-ноги в сторону, кровь из перебитой переносицы ручьем. Еле уняли.

Пришлось нам с В. Винокуровым сопровождать пострадавшего к группе сбежавших на ночлег в деревню, находящуюся где-то впереди: среди них находился наш факультетский врач. На обратном пути к ночлежному нашему стойбищу (8 км до деревни и 8 км обратно) обнаружили на нашей лыжне следы только что побывавших здесь 7 волков. Не просто они перешли лыжню, а посидели на ней, оставив глубокие вмятины и признаки своей брачной поры. Хорошо, что я взял с собой и на этот раз ружье.

Образовавшаяся в 1957-58 г.г. на кафедре постоянная лыжно-туристская группа (А. Малевич, М. Коробков, В. Варыгин, В. Федин) втянулась после лыжного сезона уже самостоятельно в отведенное для обязательной физической подготовки офицерского состава Советской армии время в регулярные продолжительные пробежки в Тимирязевском парке и весной, и летом, и осенью. К этой группе часто присоединялись многие и другие сотрудники кафедры, и товарищи с других кафедр (А. Сучков, Н. Бодунов, В. Крашенинников, В.Д. Нагорский, И.И. Чугунов, многие другие). Очень частым участником был Ю.П. Доброленский, иногда и А.А. Красовский. Это в конце концов вылилось в массовую спортивную активность коллектива кафедры в те годы и сравнительно приличные спортивные достижения кафедры в пределах не только факультета, но и Академии. Убедительным доказательством тому служили результаты весенних и осенних массовых общеакадемических кроссов на 3000 м.

Массовость спорта на кафедре А.А. Красовского, особенно массовость лыжного спорта, который в весенне-летне-осенний период трансформировался в бег на длинные дистанции с перерывами на специальные интенсивные физические упражнения, выливался в устойчивую физическую закалку, в существенной мере способствовал сохранению постоянной высокой работоспособности, здоровому образу жизни значительной части коллектива. Начиная с зимы 1957-58 г.г., как только устанавливался снежный покров, кафедральные «лыжные фанатики», с неизбежно

примыкавшими любителями лыжного туризма с других кафедр, почти каждое воскресенье на протяжении всей зимы и солнечного марта, обязательно совершали однодневные лыжные походы по живописным местам Подмосковья. Из Дмитрова до Загорска, из Абрамцева до Яхромы, от Истры до Звенигорода, от Сходни до Опалихи, и еще многократно от и до. С мая возобновлялись однодневные байдарочные плавания по Клязьме, по Истре, по Москве-реке, по Оке и многим другим близлежащим рекам.

Кульминацией всего этого были незабываемые байдарочные многодневные походы в отпускной период по рекам Мещеры, по Селигеру, по Костроме, по Ярославскому Устью. Но о таких многодневных байдарочных плаваниях нужен отдельный разговор.

В АДЬЮНКТУРЕ

За два года научно-исследовательской работы на кафедре профессора А.А. Красовского (1954 — 56 годы) я уже хорошо знал кафедру, ее личный состав, материальные возможности для научных исследований и чувствовал ближайшие перспективы развития кафедры. Манил к себе и чрезвычайно высокий научный уровень проводившихся на кафедре исследований. Был осведомлен я и о серьезных работах кафедры в области самонаводящихся вращающихся снарядов, проводимых под руководством начальника кафедры профессора Красовского, а также о работах профессора Г.С. Пospelова над автоматизацией слепой посадки самолетов. Работы группы профессора, позднее — академика РАН, А.А. Красовского совместно с рядом ОКБ промышленности привели в конце концов к созданию отечественных малогабаритных вращающихся одноканальных самонаводящихся зенитных ракет — ПЗРК типа «Стрела» и «Игла». Менее известна, но очень поучительна научно-исследовательская работа, проводившаяся тогда на кафедре заместителем начальника кафедры, подполковником, профессором, позднее академиком АН СССР, Пospelовым. Вот что он писал:

«Докторская диссертация была посвящена автоматической слепой посадке самолетов. До этого слепая посадка осуществлялась по системе «Материк»... Летало по этой системе не более 5% от всего летного состава. Один из генералов сказал: «Летать по системе «Материк» — это все равно, что протянуть канат между ангарами и заставить летчика идти по этому канату». Мы воспользовались известным уравнением самолета и разработали электромеханическое счетно-решающее устройство. Проверили все на тренажере. Я обратил внимание на слишком медленное сближение с глиссадой планирования. И здесь хотел бы отметить интуицию моего начальника кафедры А.А. Красовского. Он мне сказал: «А возьмите еще интеграл отклонения от глиссады». Мы это сделали и, все стало на свои места. Работы наши проходили как в академии Жуковского, так и в ГКНИИ ВВС. Я доложил о готовности нашей системы генералу Благовещенскому, начальнику ГКНИИ ВВС. Он сказал: «Дождемся плохой погоды и полетим». Была осень, и долго ждать плохой погоды не пришлось. Когда облачность стала 10-15м, полетели. Генерал заходил в створ аэродрома, полностью бросал управление и сидел, как и мы (нас было 5-6 человек). Все прошло хорошо. Раз

30 Благовещенский таким образом бросил полностью управление, снижался 5-10 метров и снова взлетал. Потом Благовещенский сказал: «Все хорошо, будем докладывать главному ВВС». Я приготовил плакаты и у главного доложил. Он меня поздравил. Но мне не давало покоя то, что летчик полностью бросал управление. Тогда мы перешли на так называемое директорное управление. В этом случае летчик не бросал управление, счетное устройство показывало прибору, держи такой-то крен и такой-то угол тангажа. Это настолько просто, что во время отработки директорного управления летчик предложил Тарасову (участнику эксперимента от кафедры 36, не имеющего никакого опыта пилотирования — В.Ф.) самому управлять самолетом. Но самое важное, что летчик никогда не бросал управление самолетом.

Потом была командировка в Лондон, и ко мне прилетел из США профессор Гарднер. Оказалось, что у них те же проблемы с системой типа «Материк». Мне же было разрешено рассказать все о слепой посадке и директорном управлении. Оказалось, что мы идем с американцами «ноздря в ноздрю». Когда в июле 1961 г. Я возвратился из Лондона, меня встречали жена и еще один товарищ. Они поздравили меня с избранием в члены-корреспонденты академии наук...»

Вот такие примеры научных исследований были в моем поле зрения в момент поступления в адъюнктуру на кафедру профессора А.А. Красовского осенью 1956 года. Было на кого равняться.

К этому следует добавить, что директорное управление, в основе разработки которого стоял профессор кафедры Гермоген Сергеевич Пospelов, в настоящее время широко применяется в системах пилотирования многих типов современных самолетов. Фрагмент из воспоминаний Г.С.Пospelова я привел, между прочим, и для того, чтобы показать в сравнении, какая пропасть лежит между уровнем нынешних абстрактно-теоретических докторских диссертаций и уровнем докторских диссертаций 1950-х годов и вообще уровнем научно-исследовательских работ того и нынешнего времени.

Этим я не хочу бросить упрек за очевидную оторванность нынешних диссертаций от конкретной авиационной техники только защитившим такие диссертации. Причины во многом другом. Во-первых, в том, что резко подорвана экспериментальная база в части доступа к конкретному новому авиационному оборудованию, к самолету, к летному эксперименту. Во-вторых, в том, что стала легко доступной лишь компьютерная техника, в частности, ПЭВМ, дающая действительно богатые возможности в области математического моделирования. И в то же время — недостаточная развитость и, в силу этого, трудная доступность к устройствам сопряжения ПЭВМ с реально действующим оборудованием, измерительной техникой и другими действующими устройствами, т. е. доступность к аналого-цифровым преобразователям (АЦП) и цифро-аналоговым преобразователям (ЦАП). Точнее, видимо, сказать, слабая развитость программирования процессов сочленения АЦП и ЦАП с ПЭВМ. Или — умышленное затормаживание развития такого программирования с целью поддержания непомерно высокой стоимости такой работы по сравнению со стоимостью самой техники. Конечно, существует масса и других причин возникновения в нынешнее время проблем в области научных исследований...

В первые же дни моего пребывания в адъюнктуре моим научным руководителем, профессором А.А. Красовским, была предложена мне, а затем официально задана тема диссертационной работы «Исследование возможности создания координаторов теплового радиоизлучения целей для систем самонаведения самолетов и снарядов». Тема по ее физической сущности была совершенно новой, тепловым радиоизлучением до этого момента никто в академии не занимался. Меня же пассивные, то есть неизлучающие координаторы целей, стали занимать, после того, как прослушал я курс «Основы лучистой техники», прочитанный нам профессором Б.Ф. Федоровым. В процессе дипломного проектирования я уже использовал в системе самонаведения своей ракеты пассивный координатор длинноволнового инфракрасного диапазона электромагнитного спектра.

Одновременно профессором А.А. Красовским была высказана идея о возможности построения приемника естественного теплового радиоизлучения на принципе циклотронного резонанса. Сущность этой идеи сводилась к следующему. Из физики известно, что свободный электрон находящийся в вакууме под воздействием скрещенных электрического и магнитного полей примет состояние вращательного движения, круговая частота которого определяется лишь отношением заряда электрона к своей массе и модулем вектора магнитной индукции магнитного поля. Если на электрон или пучок электронов, находящихся в таком состоянии будет воздействовать электромагнитное поле, круговая частота которого близка к круговой частоте вращения электронов, то электрон должен воспринимать энергию электромагнитного поля. Наступит состояние циклотронного резонанса между вращающимся электроном и воздействующим электромагнитным полем.

Моя задача заключалась в том, чтобы экспериментально подтвердить теоретическую концепцию и найти способ регистрации состояния циклотронного резонанса и попытаться создать приемник электромагнитных излучений на этом совершенно новом тогда принципе.

Идея была заманчивой, вырисовывалась интереснейшая работа на стыке инфракрасной техники и радиолокации, насыщенная радиоэлектроникой.

С помощью, что называется, подручных средств удалось очень быстро осуществить прием электромагнитного излучения фиксированной частоты с помощью циклотронного резонанса, причем, в довольно широком диапазоне длин волн. На первом же этапе — от 10 см до 75 см. В качестве чувствительного элемента вначале я использовал обычную пальчиковую радиолампу с подходящим расположением электродов. В дальнейшем удалось, правдами и неправдами, изготовить на радиоламповом заводе специальные электронные лампы в колбах радиоламп типа «дробь» с особым расположением электродов. Этому предшествовали длительные и безуспешные поиски организации, где можно было бы изготовить специальные малогабаритные высоковакуумные лампы с заданным особым расположением электродов. В процессе этих поисков побывал в МГУ, в институте радиотехники и радиоэлектроники АН СССР, в каких-то еще НИИ. Везде одна из самых дефицитных специальностей — стеклодув. Он либо в командировке, либо выполняет сверхсрочную работу, либо, как совместитель, редко бывает на месте.

На основе с трудом изготовленных специальных электронных ламп и удалось построить простой по составу элементов циклотронно-резонансный приемник электромагнитных волн сантиметрового и миллиметрового диапазона. Быстро удалось и довести его пороговую чувствительность в 3-х сантиметровом диапазоне волн до величины десять минус в десятой степени Ватта, а полосу пропускания — до 2-х тысяч мегагерц.

Думаю, и сейчас такого типа всеволновый, легко перестраиваемый приемник электромагнитных волн может найти широкое использование в научных исследованиях, и не только. Его без особого труда можно изготовить в любой научно-исследовательской лаборатории (НИЛ), связанной с электроникой.

Однако осуществить прием шумоподобного электромагнитного излучения, даже от сравнительно мощного генератора шума, построенного на газоразрядной трубке ГШ-2, не удалось. Пришлось при решении поставленной задачи переориентироваться на обычные радиометры супергетеродинного типа, которые в единичных экземплярах начали изготавливать тогда некоторые наши НИИ, в частности НИРФИ при Горьковском университете.

В июне 1957 года профессор А.А. Красовский опубликовал в специальном журнале статью с теоретическим обоснованием возможности получения изображения земной поверхности с помощью СВЧ радиометра 3-х см диапазона волн, установленного на самолете. Для решения этой задачи был определен и основной параметр бортового радиометра — значение нормированной пороговой чувствительности, равное 0,5 градуса Кельвина. Принципиально то, что статья А.А. Красовского вышла в свет до появления в июльском номере американского журнала Aviation week статьи, в которой демонстрировалось изображение участка местности с водоемом, полученное в полете с помощью бортового радиометра 3-х см диапазона волн.

В этот момент под влиянием работ, начавшихся на кафедре А.А.Красовского, в направлении практического использования теплового радиоизлучения, адъюнкт кафедры светотехники и инфракрасной техники В.И.Зуйков начинает работу над близкой темой, связанной с исследованием теплового излучения радиочастотного диапазона в интересах создания приборов наблюдения.

Под влиянием этих работ кафедры, опираясь главным образом на теоретическую работу проф. А.А.Красовского, заказывающим управлением ВВС в 1959 г. задается одному из НИИ разработка бортового самолетного радиометра 3-х см диапазона с нормированной пороговой чувствительностью 0,5 градуса Кельвина. Военно-техническое сопровождение этой работы осуществлялось В.И.Зуйковым и мной.

Немного ранее, благодаря настойчивости и инициативе В.И.Зуйкова, хорошо знакомого с управленческой структурой ВВС, НТК ВВС выделяет нашей академии один из 4-х комплектов радиометра ИМШ-1 3-см диапазона, изготовленных по заказу ВВС для целей измерения коэффициентов шума приемников радиолокационных станций. Комплект ИМШ-1 состоял из 4-х довольно громоздких блоков (блока питания и управления и трех СВЧ блоков: 3-х см, 10 см и 30-ти см диапазонов волн) и имел нормированную пороговую чувствительность всего лишь 12 К, то есть далекую от той, которая была необходима для целей исследования РТИ с борта самолета (0,5 К). Но

для исследования многих вопросов теплового радиоизлучения, параметров СВЧ трактов радиометра он был очень нужным.

Комплект ИМШ-1 мы с В.И.Зуйковым получили прямо в НИИ, еще «тепленьким», минуя всякие промежуточные снабженческие инстанции, привезли на поезде из Горького (из института на вокзал — на выделенной автомашине, до Москвы — в отдельном купе на поезде, от Казанского вокзала до корпуса Е академии — на такси). Этот радиометр хорошо послужил нашим диссертационным работам в лабораторных условиях. Позволил детально вникнуть во все тонкости построения радиометра как сверхчувствительного приемника шумоподобного излучения — гетеродинного фильтра, выделяющего слабые сигналы на фоне шумов значительно большей интенсивности.

В комплексе с генератором 3-х см излучения И-51, специально модернизированным многодиапазонным высокочувствительным резонансным УНЧ 28-ИМ и другими приборами, радиометр ИМШ-1 позволил мне провести множество лабораторных экспериментов, разработать и сделать макет генератора шумов низких и инфранизких шумов для целей исследования радиотеплового излучения, обнаружить СВЧ шумовое излучение у трущихся металлических поверхностей.

Наконец, В.И.Зуйков организовал с ИМШ-1 летный эксперимент на вертолете Ми-4. Но из-за грубой пороговой чувствительности этот эксперимент мало что тогда дал.

Лишь в 1962 г. после получения макета радиометра ИМШ-2, специально разработанного по заданию НТК ВВС для работ, проводимых в ВВИА имени Н.Е.Жуковского, началась серия успешных летных тепло- радиометрических (ТРМ) исследований земной поверхности.

Одновременно с лабораторными исследованиями всех особенностей радиометра как динамического звена пришлось обстоятельно знакомиться с достижениями радиоастрономии, поскольку там СВЧ радиометры успешно применялись для приема слабых космических излучений, в том числе и в сантиметровом диапазоне электромагнитного спектра. Знакомство с радиоастрономией не ограничивалось только изучением соответствующей специальной литературы. Довелось побывать на радиоастрономической станции горьковского НИРФИ в местечке «Зи- менки» под Горьким. С интересом наблюдал там, как выходной сигнал радиотелескопа 3-х сантиметрового диапазона волн изменяется в широких пределах при изменении угла наклона параболической антенны от зенитного угла до горизонта. Стало ясно — в таком сигнале содержится богатая информация о радиоизлучении атмосферы, на фоне которой придется решать задачу об обнаружении воздушной цели с помощью радиотеплового координатора целей. Есть пища для размышлений. Затем, вместе с В.Н. Зуйковым побывали на строительстве большой 22-х метровой антенны радиотелескопа ФИАН имени Лебедева в поселке Пущино на Оке за Серпуховым. Спустя некоторое время побывали там и на уже работающем радиотелескопе.

Развитие и радиоастрономии, и зарождающейся пассивной (неизлучающей) локации сдерживала недостаточная чувствительность единично изготавливаемых экземпляров радиометров того времени. Чтобы продолжить экспериментальные исследования в интересах военной авиации на заданную тему оставалось ждать нового

опытного образца радиометра, разрабатываемого при нашем военно-техническом сопровождении в одном из НИИ радиотехнической промышленности.

В то же время более детальный анализ взаимодействия пучка электронов, эмитируемых катодом электровакуумной лампы, находящегося в состоянии циклотронного резонанса облучаемого шумоподобного электромагнитного потока, приводил к выводу: такой пучок электронов и не должен принимать шумоподобное излучение. Причина в том, что на электронный пучок, вращающийся в скрещенном электромагнитном поле, при облучении его шумоподобным электромагнитным полем типа «белого шума» равновероятно воздействие как синфазных составляющих этого поля, так и противофазных составляющих. Результирующий эффект — взаимная компенсация таких взаимодействий. Пришлось в теоретических расчетах ориентироваться на параметры существующих радиометров и прогнозируемых на ближайшее будущее, а также с нетерпением ждать разрабатываемого для нас радиометра.

Однако срок адъюнктской подготовки неумолимо приближался к концу. Пришлось подналечь на теоретическую проработку динамики следящего контура самонаведения системы обнаружения цели при использовании в ней радиометра — нелинейного и нестационарного элемента структурной схемы системы. Оценить возможности системы самонаведения с современными радиометрами и радиометрами ближайшего будущего. Параллельно я продолжал все же и лабораторные эксперименты с радиометром ИМШ-1. В этот последний период работы над диссертацией удалось обнаружить новый источник шумоподобного излучения — излучение трущихся металлических поверхностей.

Эта последняя часть моей диссертационной работы проходила в авральной, нервной обстановке. Перессорился со всеми чиновниками, пытающимися поставить себя над наукой, нажил немало недоброжелателей среди них. Как следствие этого мне был назначен дополнительный, третий оппонент с радиотехнического факультета академии, профессор, доктор технических наук, которого в то время я мало знал. Как потом я убедился, человек он был очень принципиальный и очень порядочный, но мою защиту он поставил под неожиданный удар. После просмотра моей диссертации он пригласил меня на беседу, это было буквально за несколько дней до объявленной защиты. Не сделав никаких замечаний по теоретической части диссертации, он заявил мне, что электронные лампы моей конструкции не могут в принципе работать.

Я буквально остолебенел от такого заявления и не сразу пришел в себя, чтобы задать вопрос о причине такого заключения. Оказалось дело вот в чем. У меня в тексте диссертации был приведен фотоснимок моих ламп с разбитыми частично колбами для того, чтобы лучше была видна конструкция и расположение электродов. Через стеклянные колбы, покрытые внутри распыленным блестящим веществом, появляющимся в результате технологической операции по улучшению вакуума колбы, внутренняя конструкция на фотографии видна плохо. Поэтому мне и пришлось разбить колбы. Мой же новый уважаемый оппонент понял ситуацию так, что я и работал с такими разбитыми колбами. Не помню, что я ответил в тот момент своему оппоненту, потому как в голове у меня мгновенно промелькнуло множество мыслей. Я был доволен тем, что по теоретической части диссертации практически не было замечаний,

а я больше всего боялся за эту часть работы, за недостаточную корректность оперирования с элементами статистической радиотехники, в которой, как хорошо было известно, мой новый оппонент был великим специалистом. Кроме того, математические выкладки по этой части не были у меня упорядочены должным образом. Стало мне сразу ясно и то, что оппонент не может поверить, что адъюнкт электротехнического факультета мог сам каким-то путем создать специальные электровакуумные лампы и с ними экспериментировать. Таких прецедентов в истории радиотехнического факультета, а, следовательно, и в истории всей Академии еще не было. Первым моим порывом было сразу пригласить недоверчивого оппонента в нашу лабораторию и показать в действии мой приемник и злополучные лампы. Но тут же подумал — это лучше сделать на защите. С такими мыслями я и отклонялся.

На защите диссертации два моих оппонента высказали полностью положительные мнения и выводы по работе. Третий же оппонент провозгласил такой вывод: поскольку, дескать, он не может оценить корректность эксперимента, он воздерживается от какого либо вывода по всей диссертации. Такой вывод дополнительного оппонента вызвал бурное неудовольствие всего факультетского ученого совета и сработало в мою пользу. Почти все члены совета знали о моих экспериментах, одни со слов профессора А.А. Красовского, другие бывали в нашей лаборатории и видели работу нашего циклотронно-резонансного приемника в действии. Голосование было единогласным в мою пользу. В дальнейшем с моим «черным» оппонентом у меня были самые добрые отношения.

СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК

(Материал несколько специальный, для тех, кто небезразличен к истории Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н.Е. Жуковского)

В конце 1957 года на кафедре профессора А.А. Красовского организуется одна из первых в академии научно-исследовательская лаборатория со штатом 13 человек : 3 — старших научных сотрудника, 2 -младших, инженеры, техники — военные и вольнонаемные. Начальником этой НИЛ назначается только что закончивший адъюнктуру и защитивший диссертацию инженер-майор А.А. Малевич, очень энергичный человек, прекрасный организатор научных исследований. С этого момента моя научно-исследовательская деятельность проходила в составе этой лаборатории. Вслед за тематикой, связанной с авиационной тепло- радиометрией (радитеплолокацией), я в составе этой лаборатории занимался и инфракрасными координаторами целей, разыскивая и сосредотачивая в ней необходимую для исследований аппаратуру. В эту лабораторию в первую очередь и попал трехдиапазонный комплект радиометра ИМШ-1, уникальный измерительный прибор того времени. Его паспортная пороговая (предельная) нормированная чувствительность, то есть чувствительность при постоянной времени выходного фильтра, равной одной секунде, составляла 12 градусов Кельвина. Но это достигалось

ценой большой инерционности выходного сигнала. В силу этого такой прибор подходил только для лабораторных исследований. Для измерений быстроменяющихся сигналов на борту самолета или другого летательного аппарата он не годился.

Постепенно удалось собрать в лаборатории и много другой необходимой для работы с тепловым радиоизлучением аппаратуры, (некоторой — уникальной), и элементов высокочастотной техники. В числе этой аппаратуры — перестраиваемый селективный очень чувствительный низкочастотный усилитель (28-ИМ), источники когерентного излучения сантиметрового и 8-ми миллиметрового диапазона длин волн (51-И; 31-И), источники СВЧ шумоподобного излучения (газоразрядные трубки ГШ-2, ГШ-8), ферритовые модуляторы, параболические антенны. В том числе удалось приобрести (выпросить) в одном из НИИ двухлучевую дубль-антенну нашего ИСЗ, запущенного к Венере. В процессе моей диссертационной работы с привлечением сотрудников НИЛ было разработано и изготовлено достаточно много вспомогательной аппаратуры и специальных устройств. Несколько вариантов электромагнитов для нашего циклотронно-резонансного приемника электромагнитных волн, блок зажигания газоразрядных трубок типа ГШ-2, генератор инфранизкочастотных шумов, построенный на основе использования синхронного детектирования[^] для целей преобразования спектра шумов из области стабильного их генерирования в область самых низких частот. В качестве первичного источника электрического шума в этом генераторе было использовано фотосопротивление. К сожалению, в период моей длительной зарубежной командировки значительная часть собранной ценной аппаратуры была разбазарена недобросовестными сотрудниками лаборатории и кафедры, которых стало все больше и больше появляться на кафедре и крутиться вокруг профессора А.А. Красовского.

В конце 1959 года, еще до защиты диссертации я был назначен на должность старшего научного сотрудника этой НИЛ. Фактически же я исполнял эту должность, начиная со второго года нахождения в адъюнктуре, с самого основания научно-исследовательской лаборатории, формировал под руководством профессора А.А. Красовского новое для кафедры научное направление — пассивную, то есть, неизлучающую теплорадиолокацию: вел экспериментальные и теоретические исследования, связанные с изучением естественного теплового радиоизлучения, интенсивно занимался оснащением лаборатории необходимой для этого аппаратурой, измерительными приборами и приспособлениями.

Начальник лаборатории инженер-майор А.А. Малевич много внимания уделял оснащению лаборатории вычислительной техникой, различными стендами, предназначенными для исследования динамики элементов пилотажно-навигационных комплексов, и моделирования полета самолета.

В начале 1960-х годов в этой лаборатории было выполнено несколько НИР, связанных с использованием инфракрасных координаторов целей в системах обнаружения целей, в том числе — в системах обнаружения запусков баллистических ракет. Было установлено, что стартующую баллистическую ракету, после того, как она начнет выходить за пределы последних слоев тропосферы, легко можно обнаруживать по инфракрасному излучению факела работающей второй ступени на больших расстояниях с ИСЗ и патрулирующих высотных самолетов. В этих работах мне также

пришлось принять активное участие. Та наша работа, как представляется, была также одной из самых приоритетных в этой области. К сожалению, работы по этой очень интересной и перспективной тематике у нас на кафедре вскоре прекратились, материалы наших исследований были переданы в другие организации.

В конце 1961 года, наконец, была завершена разработка по нашему ТТЗ авиационного бортового радиометра 3-х сантиметрового диапазона радиоволн. Был изготовлен и макет этого прибора, названный, по аналогии с ИМШ-1, ИМШ-2. Прибор этот в конструктивном плане был далек от совершенства. Он состоял из двух больших, сравнительно тяжелых блоков, все элементы от СВЧ смесителя до выходного фильтра нижних частот были смонтированы в одном блоке. В том числе и генератор шумов на газоразрядной трубке ГШ-2, выполняющий роль источника калибровочного сигнала и ряд других функций. Он обладал, вместе с СВЧ излучением, очень мощным инфракрасным излучением и сильно перегревал все другие элементы радиометра, из-за чего коэффициент усиления радиометра существенно изменялся, «плыл» во времени. Эти недостатки выявились только в процессе эксплуатации прибора, а при его приемке нас интересовал, в основном, только один параметр — нормированная пороговая чувствительность. Она оказалась точно соответствующей заданному значению 0,5 градуса Кельвина. В январе 1962 года на кафедру сообщили, что мы можем получить у разработчика макет прибора ИМШ-2. По поручению начальника кафедры я один быстро съездил в Горький, прямо в НИИ получил радиометр и, что называется, на перекладных привез его прямо на кафедру, имея уже аналогичный опыт при получении прибора ИМШ-1. Этот радиометр существенно обогатил приборно-измерительную базу теплорадиометрического направления лаборатории многопрофильной кафедры профессора А.А. Красовского. Теперь можно было выходить на летные эксперименты в области теплорадиометрии.

В этот момент на кафедре начинаются работы по исследованию корреляционно-экстремальным системам навигации — КЭНС, инициатором и научным руководителем которых был, как и подавляющего количества других НИР, профессор А.А. Красовский. Начались эти работы с опубликования в специальном журнале «Военная радиоэлектроника» его статьи об оригинальном дифференциальном способе построения таких систем на основе использования физических полей земной поверхности. В этой статье обосновывалась сверхвысокая точность определения координат таким способом, предельно достижимая — порядка метров. У меня, естественно, сразу пришла мысль использовать в КЭНС и радиотепловое поле земной поверхности.

Летом 1962 г. силами НИЛ совместно с воронежским НИИ и летным подразделением при нем организуются довольно обстоятельные летные экспериментальные исследования физических полей земной поверхности с самолета Ли-2 в интересах КЭНС. Первыми энтузиастами и исполнителями этого эксперимента были А.А. Малевич (поле рельефа местности, поле радиолокационных контрастов, он же основной организатор летного эксперимента), В.Т. Федин (поле радиотеплового излучения земной поверхности), Л.В. Чесноков (тонкая структура магнитного поля Земли и поле естественного гамма-излучения земной поверхности). На первом этапе в

организации летного эксперимента и в первых полетах принимали участие и некоторые сотрудники кафедры светотехники и инфракрасной техники Академии.

В первом летном эксперименте, организованном в интересах НИР по КЭНС в 1962 г., радиометр сочленялся гибким волноводом с неподвижной большой параболической антенной, подвешенной под центропланом и закрытой «радиопрозрачным» обтекателем. В горизонтальном полете антенна была направлена вертикально вниз, ракурс главного лепестка ее ДНА по уровню половины мощности равнялся $1,6^\circ$. В качестве регистрирующего устройства использовался бумаголенточный самописец АРС-2 от аэрогеофизической станции «АГС-25». Постоянная времени этого самописца, определенная по ступенчатому сигналу, равнялась 4 сек. Она и определяла постоянную времени всего бортового радиометрического тракта, хотя минимальная постоянная времени собственно радиометра была равной одной секунде.

Таковыми параметрами и ограничивались возможности первого в стране летного эксперимента с радиометром на борту самолета. Тем не менее, он дал очень много для развития радиотеплолокации в нашей стране. В августе и сентябре с ним было выполнено достаточно много полетов (в общей сложности 25 летных часов) в районе г. Воронежа, на перелете Воронеж — Кача (Крым), на Крымском полуострове, на перелетах Кача — Воронеж и Воронеж — Москва.

Бессменным оператором этого радиометра на борту самолета и вертолета во всех экспериментах 1962-1966 г. г. был автор этих строк, что позволило ему вникнуть во все тонкости самолетной теплорадиометрии (ТРМ), наблюдать через открытую дверь самолета взаимосвязь сигналов радиометра и пролетаемой местности. Например, неоднократно было подмечено повышение выходного сигнала радиометра при подлете к берегу со стороны моря. Последующий анализ этого явления показал, что оно обусловлено «наполнением» на берег ближних боковых лепестков антенны в то время, когда главный лепесток был направлен еще на водную поверхность. Позднее на основании этого явления была разработана мной методика калибровки антенны бортового теплорадиометрического устройства по радиотепловому контрасту берегов и методику авиационной теплорадиометрии вообще. В этом же первом эксперименте удалось подметить интересное, необъяснимое с первого взгляда явление возрастания кажущейся температуры под самолетом в момент посадки. Позднее, при внимательном анализе составленной физико-математической модели этого явления удалось объяснить его: самолет при посадке фокусирует на небольшую площадку под собой дополнительно тепловое радиоизлучение, собираемое обшивкой с большой поверхности вокруг самолета. Эта дополнительная доля естественного радиотеплового излучения суммируется с основным излучением площадки пролетаемой местности, зондируемой главным лепестком диаграммы направленности самолетной антенны.

Первый летный эксперимент, проведенный НИЛ кафедры А.А. Красовского в августе-сентябре 1962, позволил сделать ряд важных выводов, определивших перспективу развития авиационной теплорадиометрии (неизлучающей теплорадиолокации) в нашей стране:

1. Было установлено и зарегистрировано налейте самописца, что водоемы на фоне полей, лугов, леса, крымской степной местности выделяются резким радиотепловым контрастом, свыше 150-200К.

Еще большим ТРМ контрастом выделяются на окружающем фоне металлические покрытия: крыши жилых домов, церквей, соборов, заводских зданий и т.д., в том числе и покрытая решетчатым металлическими листами ВПП Качинского аэродрома.

2. На основании этих результатов сразу же был сделан вывод о том, что реки, берега больших озер и морей, а также острова, дамбы, отмели, выделяющиеся над поверхностью воды, и т.п. могут быть основными ориентирами для бортовых навигационных комплексов, имеющих радиотеплометрические устройства коррекции местоположения самолета и иного ЛА..

Такой вывод был в том же 1962 году зафиксирован в отчете по НИР «Полет», а позднее неоднократно повторялся и в других наших работах.

3. Самолетное бортовое радиотеплометрическое устройство может успешно использоваться для разведки военной техники: танков, БТР, самолетов на открытых стоянках, топливозаправщиков, кораблей в акваториях морей и океанов.

4. Равнинная безводная местность, занятая сельскохозяйственными угодьями (чередующиеся неубранные поля, озимые, пашни в сочетании с перелесками, лесозащитными полосами и т.п.) обладают хотя и значительно меньшей радиотепловой контрастностью, чем водоемы (в сентябре в 3-х см диапазоне — порядка 10-20 К), но все же достаточно выраженной для того, чтобы использовать такую контрастность, как для изучения радиотеплового поля такой местности, так и для использования в КЭНС самолетов и других ЛА. В этом последнем случае эталоны для КЭНС легко могут быть составлены по аэрофотоснимкам и космическим снимкам.

5. Лесные массивы выделяются на окружающей местности наибольшим значением кажущейся температуры, практически равной обычной средней (термодинамической) температуре листвы или хвои. Вследствие этого лесные массивы могут служить опорной средой при измерениях контрастности всех других участков местности и искусственных покрытий.

6. При полете над спокойной водной поверхностью выходной сигнал радиометра обладает минимальными по величине колебаниями. Из этого следовало, что по этим колебаниям выходного сигнала можно определять и динамическую пороговую чувствительность.

Первый летный эксперимент дал и ответ на неясный в то время вопрос: в какой степени может влиять на поле радиотепловых контрастов земной поверхности отраженное солнечное излучение? Теоретические прикидки показывали, что, если атмосферное облучение земной (водной) поверхности не может значительно колебаться ни в течение суток, ни в течение сезона года, за исключением дождей и периода таяния снега, то отраженное солнечное излучение от водных поверхностей и металла может очень заметно менять контрастность этих поверхностей на окружающем фоне. К этому выводу привел и строгий теоретический анализ этого явления, выполненный почти одновременно с проведением летного эксперимента.

Тем не менее, первый летный эксперимент, точнее, многочисленные полеты над морем показали, что вероятность влияния отраженного солнечного излучения на

измерение теплорадиометрического контраста водных поверхностей невелика. Дело в том, что зеркально отраженное от водной или металлической поверхности солнечное излучение (сантиметрового или миллиметрового диапазона волн) может оказать сильное воздействие на процесс измерения РТМ контрастности этих поверхностей только в том случае, если угол возвышения Солнца и угол зондирования этих поверхностей со стороны самолетного радиометрического устройства лежат в одной плоскости. Что очень маловероятно. В течение многочисленных полетов над морем в эксперименте 1962 г. был только один такой случай во время разворота самолета над морем.

В летных экспериментах, проведенных в последующие годы с радиометром на борту, не наблюдалось ни одного случая заметного воздействия Солнца на измерение контраста земля-вода.

В 1963 г. экспериментальные исследования радиотепловых полей земной поверхности продолжились в Иркутской области (район Нижне-Илимска) и в Забайкалье (Улан-Удэ — озеро Гусиное). Исследования в тот период проводились совместно с центральным НИИ путей сообщений (ЦНИИС) на самолете Ли-2 летно-испытательного центра МРП, руководимого В. Гризодубовой.

Этот эксперимент проводился, с одной стороны, с целью изучения возможностей использования авиационной теплорадиометрии в интересах проектирования трасс сообщений, с другой — в интересах КЭНС. Вместе с тем он много дал и для отработки методики экспериментальных исследований радиотепловых полей земной поверхности с самолета.

Наиболее интересным результатом в этом эксперименте было обнаружение радиометров вечномерзлотных участков местности, выходящих к поверхности.

Летные эксперименты 1963 года проходили для меня тяжело и во многих деталях запомнились надолго. Собрались в полеты быстро, вся аппаратура, с которой летали в минувшем году, находилась в рабочем состоянии, использовалась почти непрерывно в лабораторных экспериментах. Аппаратуру, смонтированную на самолете, проверили еще раз перед полетом на земле. Все работает нормально. Взлетели, набрали высоту, взяли курс на восток. Включаю скорей свой радиометр, стремясь не пропустить ни одной минуты, представившейся уникальной возможности получить сечение радиотеплового поля земной поверхности «от Москвы до самых до окраин». Но вскоре замечаю периодически появляющиеся аномальные шумы в выходном сигнале. Все шумы и «нормальные» и «ненормальные» (аномальные) и помехи от радиолокаторов я к тому времени хорошо изучил и различаю их визуально. Новые шумы то исчезают на длительное время, то снова появляются. Природа их непонятна.

Гляжу через открытую дверь самолета за борт — никаких видимых причин появления таких шумов не наблюдается, совершенно очевидно, что они внутреннего происхождения. При первой же посадке на ночлег (дольше 8 часов экипажу лететь запрещалось), кажется, в Казани, тащим блоки радиометра в гостиницу, и я полночи проверяю его под напряжением, но он работает нормально. Утром взлетаем, и вчерашняя история снова повторяется: прибор то работает нормально, то начинает «ненормально» шуметь. Вскрываю измерительный блок, наблюдаю внутренние каскады под напряжением, в полете, но никаких видимых признаков ненормальной

работы отдельных каскадов не наблюдается. Между тем проклятые шумы в выходном напряжении прибора то появляются, то исчезают.

Часами, забыв о еде, пытаюсь найти причину и не нахожу, начинает гудеть голова, острее ощущается болтанка, так как мое рабочее место в хвостовой части самолета. Остро переживаю за испорченные большие куски регистрограмм выходного сигнала радиометра, забитого аномальными шумами. И так все повторяется изо дня в день. Значительная часть нашей бригады едет поездом, о моих страданиях не знают, встретиться мы должны в Улан-Удэ. У Малевича, занятого исследованием поля рельефа местности, дела идут вроде нормально. Он часто общается с летчиками, ему даже дают «порулить» самолетом на месте второго пилота.

Я завидую ему, но мне не до этого, все время торчу у своего радиометра. Хочется поближе познакомиться и с экипажем, в нем очень интересные, бывалые люди. Командир корабля заслуженный летчик-испытатель Освальд, штурман — Лужин, заслуженный штурман-испытатель. Второй пилот у нас — Юрий Хрущев, внук Никиты Сергеевича. Он еще не очень освоил Ли-2, и на посадке у него почти всегда получается, хотя и небольшой, но все же «козел». То есть в момент касания шасси самолета ВПП он несколько раз подпрыгивает, прежде чем ровно покатиться по бетонке. Командир корабля ему строго выговаривает, но все чаще и чаще доверяет ему штурвал на посадке, а мы в это время стараемся схватиться, кто за что может. Мы же без привязных ремней, и лбом ткнуться в какой-нибудь блок на посадке очень даже можем. Юру Хрущева командир неизменно посылает после посадки на диспетчерский пункт с заявкой на дальнейший вылет. Фамилия срабатывает, нас направляют бензином без задержки и стараются поскорее выпроводить поскорее, от греха подальше. В остальном же командир держит Юру в ежовых рукавицах.

На земле Юра человек веселый и общительный, расслабляется, вдали от жены — маршальской дочки и строгой бабки Марии Петровны, старается держаться подальше от командира. На вопрос, как к нему относится высокопоставленный дед, отвечает, что нормально, но вот, бабка — та круто. Между тем долетели и заночевали в Тюмени, в Красноярске. Тут нас попридержали из-за погоды, чему я обрадовался. Надо было отвлечься от гнетущего состояния, немного отдохнуть и расслабиться. Расспросили таксистов, как нам ближе всего добраться до Красноярских столбов, о них, конечно, были многие из нас слышаны. Один из таксистов взялся нас доставить по шоссе до того места, откуда идет по тайге тропа до знаменитых столбов, длиной километров 15.

Втроем быстро переоделись в спортивные костюмы и в путь. Таксист действительно высадил нас у знаменитой тропы, взяв с нас плату только по счетчику, и мы с большим удовольствием в легком беге устремились по хорошо проторенной тропе. Через пару часов без какого либо напряжения достигли цели, многолетняя спортивная тренировка сработала хорошо. Впечатление от Красноярских столбов осталось надолго. Особенно запомнились мальчишки-скалолазы. По узкой расщелине между двумя огромными скалами они без страховки, упираясь ногами в кедах и руками в крутые гранитные стены, поднимаются почти до скальных вершин. Обратный путь по другой тропе оказался более короткий, и мы вскоре оказались в центре Красноярска, видно сам Бог привел нас прямо к дверям ресторана. Хорошо поужинав, на такси же прибыли в аэропорт. Разрядка у меня получилась хорошей...

Перелетев в Иркутск, повернули на север и вдоль Ангары долетели до Нижне-Илимска. Опять мой радиометр то работал нормально, то неукротимо шумел. Там я, наконец, после очередного внутреннего осмотра обнаружил небольшую трещину в высокочастотном волноводном направленном ответвителе. Страшно обрадовался, но новая заковыка: в аэропортовской гостинице нет электропитания.

К счастью в поселке оказалась кузница. Нашли кузнеца, он согласился спаять наш волновод кузнечным паяльником. Разобрал волноводный тракт, отсоединил и вынул направленный волноводный ответвитель и с ним — в кузницу. И, действительно, кузнец на совесть очень осторожно запаял нам трещину в волноводе своим полупудовым паяльником. Но когда взлетели в очередной раз... аномальные шумы снова продолжали периодически возникать, правда, вроде меньшей интенсивности. Из Нижне-Илимска перелетели снова в Иркутск, затем — через Байкал в Улан-Удэ.

Здесь однажды я и обнаружил злополучную неисправность. После одного из полетов, измученный до предела болтанкой, будучи психически, наверное, накануне помешательства — прибор мой непрерывно прошумел весь полет — я решил в следующий вылет выбросить его за борт. Но все же решил в последний раз проверить его на земле после посадки. Он, скотина, на земле заработал нормально, без злополучных шумов. Тогда я грохнул в сердцах по нему кулаком. И надо же, стрелка встроенного прибора, на который параллельно поступает выходной сигнал, резко качнулась. Повторил кулачную проверку несколько раз, обстукал измерительный блок со всех сторон и установил, что он реагирует чувствительнее всего на кулак только в одном месте.

Сняв кожух блока, установил: на кулак реагирует большая вакуумная колба, внутри которой расположена довольно длинная кварцевая пластина, все вместе — это кварцевый калибратор, то есть стабилизатор частоты модулятора и синхронного детектора. Ага, дело в нем. Кварцевая пластина приварена к длинным ножкам-держателям с четырех сторон. «Прозваниваю» все четыре контакта, они исправны. На вид тоже все нормально. В чем же дело? Взял злополучный стабилизатор с собой в гостиницу. Снова тщательно «прозвонил» все подводящие цепи — все в норме. Догадался просмотреть всю внутреннюю конструкцию через лупу... и обнаружил, наконец, истинную причину моих злоключений. Одна из 4-х подходящих к кварцевой пластине ножек отпаялась, но плотно прилегает к месту припайки, без лупы это совершенно не заметишь. Теперь стала ясна причина аномальных шумов. В спокойном состоянии контакт в месте отпайки сохраняется, и прибор работает нормально, нормально он работает даже и в воздухе до тех пор, пока вибрации не достигают такой частоты, когда они начинают передаваться на прибор, на его внутренние элементы. В этот момент колба и ее внутренняя конструкция начинают вибрировать.

Но после этого возникла новая проблема: запасного кварцевого калибратора у нас нет. Есть комплект всех запасных радиоламп, а этой нет, она редко где применяется. Звоню в Москву, в Академию — обещают организовать поиск. Посылаю телеграмму-молнию в Горький, в НИИ, где разрабатывался наш радиометр, молю: выручайте!

В разгар летного эксперимента вышел из строя кварцевый калибратор, безвыходное положение! Через неделю приходит оттуда авиапочтой на адрес гостиницы, на мое имя маленькая посылочка — небольшой фанерный ящичек.

Аккуратно вскрываю, и снова — ужас. Колба стабилизатора разбита, в нее при заколачивании крышки попал гвоздь...

Снова угнетенное состояние. Решаюсь на крайнюю меру. Кто-то подсказал, что в стеклянной колбе можно аккуратно напильником пропилить маленькую щель и через нее попытаться припаять отпаявшийся контактный провод. Попробуем работать со стабилизатором без вакуума. Действительно, этот вариант сработал. В очередном полете проверил, коварные шумы больше не возникали. Частота синхронного детектирования изменялась, влияя на уровень выходного сигнала, но очень медленно, пришлось лишь чаще ее подстраивать вручную. Удалось после этого получить ряд интересных регистрограмм, в частности, радио- тепловой контраст озера Гусино на фоне бурятской степи. Затем удалось побывать на этом озере вместе с начальником коллектива экспериментаторов от ЦНИИСа. Там у них была организована опорная точка их полигона, и на ней дежурил их сотрудник.

Начальник вез ему зарплату и пригласил меня посмотреть местность. Я этим с удовольствием воспользовался, мне интересно было взглянуть на те места, своеобразный рад йоте пловой «портрет» которых был теперь в наших руках. После осмотра местности заночевали в бурятской деревушке. Пригласил нас на ночлег молодой бурят, как оказалось потом — председатель местного сельсовета. Очень культурный, очень располагающий к себе человек, хорошо говорящий по-русски.

Меня сразу удивил вид и ближайшие окрестности деревни. Деревня не кочевая, дома, как и в нашей среднерусской местности, деревянные, просторные, но вокруг деревни нет ни садов, ни огородов, даже ни единого деревца, все вокруг истоптано овцами. На вопрос об этом наш собеседник пояснил, что овцеводство — традиционный промысел местных жителей, заводить какую либо растительность, сад, огород — занятие бесполезное. Овцы все съедят и вытопчут. В связи с этим моим вопросом он рассказал нам о своей недавней поездке в Монголию на какой-то юбилей (сейчас не помню, какой).

В столице Монголии после торжественного заседания руководитель советской делегации увел всю свою группу осматривать город, заверив, что к праздничному банкету они вернутся. Был руководитель делегации человеком опытным, не раз возглавлявший делегации в Монголию, знал, что делал. Когда наша делегация после осмотра города возвращалась во дворец на банкет, то стала свидетелем такого зрелища. Во дворце стоял невообразимый шум (банкет был уже в разгаре), окна на верхних этажах со звоном битых стекол распаивались, из них вылетали стулья, какие-то еще предметы, даже, кажется, люди. На банкете нашей делегации побывать не пришлось. Руководитель делегации объяснил своим подопечным, а наш собеседник — нам, что такая картина — обычное явление в Монголии в конце банкетов.

И дело тут вот в чем. Многие монгольские девушки стараются выйти замуж за китайских парней. Те, как и все китайцы, очень трудолюбивые, умелые огородники, труженики земли. Та семья, где глава семьи китаец, живет хорошо, в достатке, часто даже зажиточно. Женщина же, муж у которой монгол, мается, как правило, всю жизнь. У него к оседлой жизни, к домашнему хозяйству, к огородничеству никакого прилежания. На коня и в степь, а жена целый день одна мается с ребятишками. Поэтому молодые парни-монголы не любят парней-китайцев, знают, что все самые

красивые девушки-монголки предпочитают их. И как только и те, и другие парни окажутся вместе, и будет выпивка, то обязательно так или иначе начнется выяснение отношений.

На обратном пути в Москву удалось тоже получить много интересных записей радиотепловых полей на различных участках местности. Правда не очень много, так как антенна использовалась и при измерениях и записях рельефа местности.

Подробно о некоторых деталях летного эксперимента я рассказал для того, чтобы лишний раз показать, насколько непроизводительно приходилось тратить иногда время при производстве экспериментальных исследований. Поэтому-то и существует очень мало людей, занимающихся серьезными экспериментами. Сейчас особенно. Мало кому удастся сочетать экспериментальные исследования с теоретическими.

В течение 1964-1966 гг. летные эксперименты с радиометром ИМШ- 2 продолжались. Правда, летный эксперимент 1964 г. на самолете Ан- 12, в котором предполагалось облетать Гороховецкий полигон с выставленной там военной техникой, не получился. Антенно-волноводный тракт был смонтирован неверно, на земле его проверить не удалось, ошибка проявилась лишь в воздухе, в единственном полете.

В 1965 и 66 гг. экспериментальные теплорадиометрические исследования проводились нами совместно с Всесоюзным НИИ гидрогеологии и инженерной геологии (ВСЕГИНГЕО) министерства геологии на вертолете Ми-4 в Переславль-Залесском и Нагорьевском районах Ярославской области. В этом районе у ВСЕГИНГЕО был один из естественных полигонов, в пределах которого геологическая структура местности изучалась путем многочисленного бурения. В процессе этих летных экспериментов выявились определенные взаимосвязи гидрогеологической структуры местности с полем ТРМ контрастов. К сожалению, дальнейшие летные эксперименты в этом направлении с геологами продолжить не пришлось.

Одним из интересных результатов летного эксперимента 1966 года было определение теплорадиометрического контраста замерзшего озера Плещеева и измерение ТРМ контраста берег-лед, покрытых снегом.

Летные экспериментальные исследования с помощью радиометра после восьмилетнего перерыва (был в зарубежной командировке, после работал на других кафедрах) возобновились (по инициативе автора этих строк) лишь в 1974 г. и на другой кафедре совместно с научно-исследовательским институтом гражданской авиации (НИИ ГА) на его летноэкспериментальной базе аэродрома «Шереметьево». Исполнителем этого эксперимента от ВВИА имени Н.Е. Жуковского, кроме автора этих строк, был В.М. Новиков.

На тот раз летный эксперимент проводился с целью изучения возможности дистанционного обнаружения с борта самолета опасных для полета атмосферных явлений: кучево-грозово-облачности, при-облачной и иной турбулентности, снежных зарядов и других атмосферных аномалий по маршруту полета. Летный эксперимент проводился на самолете Як-40. Существенной особенностью этого эксперимента было то, что радиометр ИМШ-2 включался непосредственно в волноводный тракт бортовой РЛС «Гроза» на участке антенный блок — блок приема-передатчика локатора. Включение и отключение радиометра в антенно-волноводный тракт бортовой РЛС

осуществлялось посредством 4-х плечевого волноводного механического переключателя.

Такое подключение радиометра позволило держать бортовую РЛС постоянно в рабочем состоянии и обеспечивать 2 автономных режима работы бортовой РЛС:

1. Сохранять обычный режим работы бортовой РЛС;
2. Переключить антенну РЛС на радиометр, сохраняя РЛС в состоянии готовности к немедленной работе в любом из своих режимов.

При подключенном радиометре к локатору, управление антенной сохранялось таким же, как и у РЛС, а приемно-передающий блок переключался на эквивалент антенны. В режиме радиометрического зондирования атмосферы антенна обычно поворачивалась на 90° от курса полета, и таким образом осуществлялось одномерное зондирование облачной атмосферы в горизонтальной плоскости.

Этот эксперимент, видимо, был первым в стране успешным экспериментом с использованием радиометра в комплексе с бортовой РЛС в режиме ее молчания.

Одним из интересных результатов этого эксперимента был замер радиояркостной контрастности кучевой облачности на высотах 5-7 км при зондировании ее в горизонтальной плоскости. В июле 1974 г. в центральных и южных районах европейской части страны такая контрастность составляла 40-90 К при нахождении зоны облачности на расстоянии 20-50 км от самолета.

В период 1984-1986 гг. также по инициативе автора этих строк и под его организационным, методическим и прочим руководством, была проведена, совместно с другими кафедрами Академии, серия экспериментальных исследований теплорадиометрической контрастности самолетов и вертолетов, находящихся в воздухе и на земле под малыми углами к горизонту.

От кафедры А.А. Красовского в этих экспериментах принимали участие уже активные мои помощники — адъюнкты Ю.В. Василевский и М.В. Бегитов, в диссертациях которых и были использованы некоторые результаты экспериментов.

Смысл этого эксперимента заключался в том, чтобы оценить уровень ТРМ контрастности самолетов и вертолетов, зондируемых под малыми углами от горизонта, и определить критические углы, при которых ТРМ контраст низколетящих ЛА должен исчезать. Такая проблема возникает из-за того, что количественно ТРМ контрастность нельзя оценить теоретически, т.к. практически невозможно точно учесть влияние на формирование ТРМ контраста всех элементов ЛА.

Эксперименты этих лет проводились в 8-ми миллиметровом диапазоне длин волн с помощью радиометра «Объем», предоставленном академии для проведения эксперимента одним из московских НПО.

Радиометр «Объем» оказался достаточно отработанным, очень надежным прибором. В течение 8 часов он держал стабильный режим работы. Антенна радиометра имела 2-х лучевой облучатель с разнесенными в плоскости Е на 4° двумя лучами (2-мя главными лепестками ДНА). Это позволяло кроме обычной внутренней модуляции осуществлять диаграммную модуляцию. Такая модуляция оказалась предпочтительнее внутренней модуляций, так как она исключает влияние изменения радиояркостной температуры фона на процесс измерения контрастности пролетаемого самолета или вертолёта при изменении угла зондирования в вертикальной плоскости.

В процессе эксперимента, в числе прочего, по нашим методикам были определены реальные характеристики антенны: эффективный КПД антенны, коэффициент использования площади апертуры антенны, коэффициент рассеяния антенны по нулевому уровню, коэффициент усиления антенны. Экспериментальные исследования ТРМ контрастов пролетающих самолетов проводились на Монинской учебно-аэродромной базе Академии, а также на учебно-лабораторной базе авиационной техники на краю спортивного аэродрома ДОСААФ «Тушино».

Места для проведения экспериментов были выбраны нами очень удачно. Вблизи аэродромной площадки (рядом с ВПП Монинского аэродрома) проходила глиссада аэродрома «Чкаловский» с интенсивным воздушным движением в то время. Рядом с лабораторной территорией в Тушино находились стоянки самолетов, вертолетная площадка, рулѐжные дорожки и ВПП Тушинского аэродрома. На этом аэродроме в то время также достаточно интенсивно осуществлялось воздушное движение спортивных самолетов. В результате этого удалось наблюдать и зондировать с помощью радиометра достаточно большое количество пролетающих и садящихся самолетов и вертолетов и зарегистрировать их ТРМ контрасты при широком диапазоне углов места от 0 до 25°.

Некоторые регистрограммы ТРМ зондирования, полученные в процессе проведения этого эксперимента, приводились в журнале ТЭЧ.

На основе анализа исследований, проведенных на кафедре А.А. Красовского, периодически, совместно с другими кафедрами Академии, определены основные направления прикладного использования авиационной теплорадиометрии (теплорадиолокации). Они приведены в журнале «Автоматика и телемеханика».

Определенные вопросы использования теплорадиометрии в интересах авиационной навигации и в различных системах самонаведения рассматривали в своих диссертационных работах адъюнкты кафедры М.В. Бегитов, В.И. Бондарцов, Ю.В. Василевский, П.В. Новокшенов, Ю.Е. Тельканов, М. Токарский.

К сожалению, никто из них не продолжил работу в этом направлении после защиты диссертации. Сразу же после защиты диссертации еще в начале 1960-х годов отошел от теплорадиолокационной тематики В.Н. Зуйков, назначенный на должность НИЛ другого профиля.

На базе перечисленных выше работ автором этих строк были разработаны и постоянно совершенствовались основные методики практического использования естественного теплового радиоизлучения в интересах авиационных систем навигации и наведения:

методика исследования радиотеплового излучения земной поверхности с самолетов и вертолетов, включая аэроспособ измерения коэффициентов излучения пролетаемой местности;

методика калибровки антенн бортовых теплорадиометрических (ТРМ) устройств в полете по теплорадиометрическому контрасту берег- вода;

методика исследования опасных для полета атмосферных явлений в полете с использованием бортовой РЛС в режиме радиомолчания;

методика калибровки узконаправленных антенн на основе использования эффективного КПД антенны;

методика расчета радиояркой температуры атмосферы с использованием переменного по высоте эффективного радиуса Земли;

методика расчета ТРМ датчика поля для бортовых навигационных систем;

методика расчета ТРМ координаторов целей, предназначенных для использования во вращающихся координаторах целей.

Некоторые приоритетные результаты перечисленных выше исследований были приведены в работах. [34, 35, 37, 39, 40, 41, 46].

В конце 1970-х — начале 1980-х годов стали разворачиваться в некоторых КБ с участием сотрудников кафедры (В.Т.Федин, Е.Н.Рябов) работы по созданию конкретных пассивных ТРМ координаторов целей. Но эти работы прервались с началом пресловутой перестройки и прекращением финансирования хозрасчетной НИЛ кафедры.

Таков мой основной вклад в развитие авиационной пассивной, то есть неизлучающей, теплорадиолокации, инициатором возникновения которой был профессор, позднее академик РАН А.А. Красовский.

Глава 10. В ГОДЫ КОВАРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

НЕЛЬЗЯ БЫЛО ПОСТУПАТЬСЯ ПРИНЦИПАМИ

Перестройка была нужна, но здоровая перестройка. Слишком много укоренилось негативного в нашем обществе к 1980-м годам. И в партии, и в административном аппарате всех уровней. Начиная от повседневного мелкого взяточничества и взяткодательства до явных, разрушающих советскую мораль, незаслуженного возвеличивания партийных чиновников. Членство в партии становилось необходимой ступенькой отъявленных карьеристов. Наблюдались и более серьезные тревожные явления. В брежневские времена стали открыто обнажаться отдельные явно антисоветские, антисоциалистические акции, происходящие в обществе.

Такие явления надо было пресекать на корню. И, казалось, перестройка была нацелена на искоренение разрушительных пороков. Думается, инициативу Горбачева поддержала вся здоровая часть КПСС и большинство народных масс. С удовлетворением были восприняты решения первого при Горбачеве пленума ЦК КПСС, направленные на оздоровление экономики страны, которая к тому времени, явно было видно, претерпевала застой. Стал, вроде бы, обозначаться и плюрализм мнений. В печати можно было высказать свое мнение по острым вопросам политики и истории, не испытывая давления цензуры.

Но вот появилась в «Советской России» статья Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», и сразу же в «Правде» — окрик.

На другой день после того, как в «Правде» появилась эта статья с резкой оценкой позиции Андреевой, статья наглая и глупая по своему содержанию, в нашей

Воздушной академии была организована встреча с редакцией журнала «Коммунист». Коллектив пожаловавшей к нам редакции возглавлял ее главный редактор, в составе ее членов перед большой нашей академической аудиторией сидел и Егор Гайдар, молчаливый, глупо улыбающийся, никакими благими делами никому неизвестный, кроме своей фамилии. Я тогда подал в президиум очень короткую записку с изложением своего отношения к статье в «Правде», заявив, что на меня эта статья произвела тяжелое впечатление: не успел человек высказать свое мнение, я имел в виду Н. Андрееву, как тут же последовал окрик, попытка, как говорится, заткнуть ей рот. Где же плюрализм мнений?

Мою записку прочитали многозначительно последней, после ответа на все другие вопросы. Прочитали без комментариев. Многочисленная аудитория тоже молчала. Мне показалось это странным.

Странности перестройки продолжали нарастать. К руководству в партии нагло стал рваться Ельцин, ничем не известный публичным партийный чиновник. В 1987 г., к удивлению многих, он попал на должность 1-го секретаря Московского горкома КПСС, был избран кандидатом в Политбюро ЦК КПСС. Сразу же проявил агрессивный свой нрав, начав без разбора менять секретарей московских райкомов партии, зарвался. В 1987 г. его остановили, вывели из состава Политбюро и отстранили от высоких должностей в партии. Этим воспользовались враждебные КПСС силы, стали создавать ему популярность борца за справедливость. В 1990 г. он вышел сам из КПСС, чувствуя, видимо, что он будет все равно, рано или поздно, исключен, из ее рядов. В том же году на волне демагогии, при активном выталкивании его наверх антисоветскими силами, он был выдвинут на пост председателя Верховного Совета РСФСР. Тут он и начал активную деятельность по развалу СССР.

Вместе с тем, в конце 1980-х годов разворачивается яростная критика нашего советского прошлого в некоторых центральных газетах и журналах. Но критика не пороков последнего времени, а событий 1930-х годов, «неподготовленности» к войне, больших потерь в войне, депортации кавказских народов и крымских татар во время войны. Раздувалась вражда у этих народов к Советскому Союзу. Возбуждалась с новой силой яростная критика «культы личности» Сталина.

Все яснее и яснее становилось явным: в руководстве КПСС стали верховодить антисоветские силы. Эти силы захватили многие центральные газеты и журналы, радио и телевидение, после чего в этих СМИ развернулись оголтелые кампании клеветы и фальсификаций на основные достижения и ценности советского социалистического строя, на победу Советского Союза над немецким фашизмом. Подняли голос обиженные и недовольные, из всех щелей вылезли явно враждебные элементы. Нарастала и транслировалась во всю клевета на советскую социалистическую экономику, коллективную систему сельского хозяйства, превозносилось фермерство и частное сельское хозяйство. Власти в центре и на местах стали усердствовать в разрушении колхозов и совхозов, а антисоветские СМИ всячески поддерживать этот процесс. Значительная часть многомиллионной армия членов КПСС трусливо молчала.

МОЯ ПРОТЕСТНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

В газете «Красная звезда» 22.06.1988 г. была опубликована статья д.и.н., профессора В. Анфилова «Начало». Эта статья сразу вызвала мое недоумение и протест своей тенденциозностью, противоречивыми утверждениями. В самом начале статьи утверждалось, например: «... Начало Великой Отечественной войны было трагическим, чрезвычайно тяжелым для нашего народа, прежде всего из-за грубейших ошибок и просчетов И.В. Сталина и его окружения... Непростительные ошибки были допущены лично Сталиным при определении главного удара агрессора в будущей войне. Вопреки данным разведки, он полагал, что этот удар будет нацелен на юго-запад, на Украину. Сталин потребовал именно там разместить наши главные силы за счет существенного ослабления западного направления».

Сразу возникал вопрос: разве определение главного удара противника на том или ином театре военных действий не главнейшая задача Генерального штаба Вооруженных сил страны, его Главных разведывательного и оперативного управлений, других высших органов Наркомата Обороны? Главного военного совета, наконец? Размещение вооруженных сил также задача в первую очередь этих же главных органов Наркомата Обороны. Я думаю, это очевидно для каждого военного человека. К тому же, автор неверно оценивал размещение наших войск на западной границе к моменту нападения фашистской Германии на нашу страну. В этом легко мог убедиться каждый, кто мог заглянуть хотя бы в «Краткую историю Великой Отечественной войны», изданную большим тиражом ВИМО в 1965 г.

Эта книга была подготовлена к изданию в период бесцеремонного развенчивания «культы личности» Сталина Хрущевым и его окружением. Так вот, в этой книге на карте между страницами 64 — 65 хорошо было показано расположение и фашистских и наших войск к началу войны. Группа армий «Центр», нацеленная на Москву, имела 2 полевые армии и 2 танковые группы, всего 50 дивизий, в том числе 15 танковых и моторизованных (по книге Типпельскирха «История Второй мировой войны» танковых дивизий было).

Из мемуаров командующих немецкими 2-й и 3-ей танковыми группами Гудериана и Гота было известно, что первый из них имел в своей танковой группе 2 танковые и 3 механизированные дивизии, второй — 2 танковые и 2 механизированные дивизии, то есть всего 9 дивизий. В число 15-ти, указанных на карте, включены, похоже, еще отдельные механизированные полки и бригады, приданные полевым армиям.

В состав этой ГА входило 1680 самолетов. Группе армий «Центр» противостояло непосредственно 3 наших армии Западного фронта (3, 4, 10) и одна резервная, формирующаяся (13-я), всего 44 дивизии, в том числе 5 механизированных корпусов, в которые входило 12 танковых дивизий. В группе армий «Юг», нацеленной на Украину, немцы сосредоточили 5 армий и одну танковую группу, всего 57 дивизий и 13 бригад, в том числе 9 танковых и моторизованных дивизий, 1300 самолетов. Этой группе армий противостоял наш Юго-Западный фронт: 4 общевойсковые армии (5, 6, 12, 26),

всего 58 дивизий, в том числе 16 танковых, объединенных в 5 механизированных корпусов (4, 8, 9, 15, 19).

Принципиально важным представляется то обстоятельство, что в тылу на стыке Западного и Юго-Западного фронтов, на рубеже Великие Луки — Витебск — Гомель — Чернигов были сосредоточены и 25.06.41г. сведены в группу резервных армий еще 4 наши армии (22, 19, 20, 21).

Свою протестную против статьи В. Анфилова позицию я изложил в письме в редакцию «Красной Звезды». Оттуда поблагодарили за письмо и сообщили, что оно передано автору статьи. Он не ответил, как я понял, полемики побоялся.

Другими статьями клеветнического толка, попавшими мне на глаза в тот период, были статья П. Воцанова «Рекордомания» в газете «Комсомольская правда» за 22.01.89 г. и статья «Чистое небо» — интервью генерал-полковника В. Царькова, кандидата в народные депутаты, корреспонденту «Московского комсомольца», опубликованная в № 40 за 16.02.89 г. Мой решительный протест против этих статей был опубликован в газете Военно-воздушной инженерной академии имени проф. Н.Е. Жуковского «Вперед и выше» за 7.04.1989 г., 21.02.89 г. и 24.03.89 г. соответственно. Вторая и третья из этих статей небольшие, и я приведу из здесь полностью, так как они не устарели, думается и сейчас. Этим мне хочется, к тому же, показать людям мой, некоторым образом, протестный приоритет против фальсификаторов нашей истории, проникших к тому времени под флагом перестройки во многие центральные газеты. В первую очередь — в молодежные газеты и журналы.

Первая моя протестная заметка была опубликована под рубрикой «Реплика», вот ее содержание:

« О «ФАНЕРНЫХ» САМОЛЕТАХ И ЛЕГКОМЫСЛЕННЫХ МАТЕРИАЛАХ ПОД ФЛАГОМ ПЕРЕСТРОЙКИ»

В последнее время под флагом перестройки в нашей прессе появляются все чаще и чаще легкомысленные материалы, касающиеся серьезных вопросов нашей советской истории и военного строительства.

Один из последних примеров — ядовитая ирония по поводу наших танков и самолетов начала 2-й мировой войны в газете «Комсомольская правда» от 22.01.89 г. (статья П. Воцанова «Рекордомания»),

В этом материале под фотографией старого нашего танка типа БТ-5 имеется такая текстовка: «Этот танк — гордость отечественной индустрии в год начала второй мировой войны. Еще — фанерные самолеты и винтовка начала века».

Представляю, какое злорадство и ехидство вызвали эти строки у тех, кто стремиться нашу историю выкрасить лишь в один черный цвет.

Убежден, что подобные публикации оказывают негативное влияние на тех молодых людей, у которых нет достаточно твердых знаний о состоянии вооружения Красной Армии к началу 2-й мировой войны. Поэтому нельзя не возразить автору едкой надписи под фото танка.

В первую очередь возникает такой вопрос: разве этот танк был «гордостью отечественной индустрии в год начала второй мировой войны?»

В год начала второй мировой войны были приняты (в декабре 1939 г.) на вооружение великолепные и могучие в то время наши танки КВ и Т-34! Вот эти танки (особенно Т-34) действительно были гордостью отечественной индустрии, и это признано во всем мире. Но даже наши старые танки типа БТ, Т-26 способны были уничтожать такого же типа немецкие танки Т-11, Т-111, находившиеся на вооружении у немцев в тот же период.

Фанерные же самолеты были у нас далеко не все. Фанерными (из особой авиационной фанеры) были истребители ЛаГГ, Ла-5 и некоторые другие. Эти «фанерные», самолеты, что нельзя не заметить, успешно воевали до конца войны, сбивали первоклассные немецкие истребители Ме-109, в том числе последней модели, и ФВ-190, не говоря уже о бомбардировщиках. Это также широко известно, и это нормальное явление в авиации. Следует сейчас к этому добавить, что именно на «фанерном» Ла-5 И.Н. Кожедуб за первые свои 4 месяца непосредственного участия в боевых действиях сбил 26 немецких самолетов, продолжал их сбивать и далее, получив вскоре высокое звание Героя Советского Союза, провоевал он до конца войны на Ла-5 и немного на Ла-7, сбив в общей сложности 62 немецких самолета, в том числе и один реактивный. Удивительно, как это автор статьи П. Воцанов не додумался до того, чтобы написать, что у нас были не только фанерные, но и тряпочные (т. е. матерчатые) самолеты в год начала 2-й мировой войны, например, У-2 (По-2). Он был деревянный, оклеенный перкалем. Но так же широко известно, что этот маленький самолетик при умелом его использовании успешно воевал в качестве легкого бомбардировщика до последних дней войны. Гордостью же отечественной индустрии были принятый на вооружение задолго до начала второй мировой войны цельнометаллический ДБ-3, а также Пе-2 и бронированный Ил-2, принятые на вооружение вскоре после начала 2-й мировой войны.

А винтовка была у нас не просто «начала века», а образца 1891/33 года, и была она хорошо.

Но не винтовки решали судьбу 2-й мировой войны и даже не танки и самолеты, а нечто и многое другое. Однако об этом — разговор отдельный».

Вторая моя статья была опубликована под рубрикой «дискуссионная трибуна». Вот ее текст:

«БОЛЬШЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ВОПРОСАХ ИСТОРИИ (или еще раз о легковесных материалах в печати)

Кандидат в народные депутаты В.Г. Царьков в беседе с корреспондентом «Московского комсомольца» заявил, что к началу Великой Отечественной войны «мы были самой отсталой страной по индустрии. В технике, в технологии — везде отставали».

Разве могла бы «самая отсталая страна по индустрии» быстро восстановить невероятно большие потери в самолетах, танках и другой военной технике, которые понесла наша Красная Армия в первые дни и недели войны?

(Потери эти были не потому, что было плохое наше вооружение, а из-за того, что мы подставили почти всю авиацию в приграничных военных округах под бомбовые удары, а танки пришлось в большом количестве бросить без горючего и боеприпасов).

Могла ли отсталая страна восполнить понесенные потери в условиях эвакуации значительной части наших танкостроительных, самолетостроительных, моторостроительных и других военных заводов из западных районов страны, а также из Москвы, Коломны, Тулы, Рыбинска, Ярославля и многих других городов?

На 1 июля 1941 г. в германских вооруженных силах насчитывалось 5639 танков всех типов (поданным СВЭ, т.7, стр. 664). Примерно такая же оценка и по другим источникам. Красная Армия к этому времени имела в строю около 20 тыс. танков разных типов. Из этих двадцати тысяч 1854 были могучие КВ и Т-34.

По данным той же СВЭ, (том 7) за время войны произведено танков: СССР — 95099 (танки плюс САУ с 1.07.41 г. по 30.06.45 г., по другим источникам — 105000), Германия — 65110 (за период с 1939 по 1945 гг.), США -103096 (за период с 1939 по 1945 гг.), Англия — 25160, Канада— 5815, Япония — 3648.

Эти известные данные убедительно показывают, что наша танковая промышленность за годы второй мировой войны (1939 — 1945) выпустила танков больше, чем любая другая воюющая и невоюющая страна нашей планеты (95110 плюс более 10 тыс. танков за последний квартал 1939 г., 1940 г. и первое полугодие 1941 г.). И больше, чем Германия, Англия, Япония и Канада вместе взятые!

Мы меньше производили в тот период стали, чугуна, многого другого по сравнению, скажем, с фашистской Германией. Это так. Но мы умели эффективно использовать металл, и его хватило и на танки, и на корабли, и на самолеты. Это также не говорит об отсталости в технике и технологии.

К началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе был создан мощный военно-промышленный потенциал. Как можно не признавать этого? И этим надо гордиться, а не чернить тот период в угоду нездоровой конъюнктуре, нагнетаемой некоторыми безответственными элементами нашего общества, выступающими под флагом перестройки»

С этих первых моих статей начались мои протестные публикации против фальсификаций и клеветы на наше советское прошлое, на советский социалистический строй. Я отложил в сторону многое из своих личных планов, в частности, готовую на 80 % докторскую диссертацию в области пассивной (неизлучающей) теплорадиолокации, и до настоящего времени основное свое внеслужебное время отдаю своей протестной публицистике. К настоящему времени опубликовано свыше 80 моих статей в газетах «Вперед и выше» — (газета Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского, 30 статей), «Советская Россия» (в 1963 — 1995 гг., — 5), «Аль-Кодб» (русско-палестинская газета, выходившая в период 1994 — 1996 гг. — 5), «Дуэль» (28 — в период с 1996 до 2003 г.), «Патриот» (бывшая газета «Советский патриот» — 13 в 1999 — 2003 гг.) и в ряду других патриотических СМИ.

Интересной была русско-палестинская газета «Аль-Кодс», в переводе на русский — «Святой город». Историю возникновения этой газеты я не знаю, но она была с явно выраженной направленностью на защиту всего советского, на защиту великой дружбы народов СССР с русским народом.

Мне случайно попался на глаза № 3 этой газеты, вышедшей на русском языке в 1994 году. На первой странице того номера была напечатана статья Л. Сбродова об узбекском поэте советского периода Батыре Джураеве. Называлась статья «О друге своем расскажу». В ней не было никакого многословия о том, что в СССР действительно существовала великая дружба народов, дружба русского народа со всеми народами союзных республик, о влиянии русской культуры и литературы на культуру и литературу этих народов. Обо всем этом говорило приведенное в статье небольшое стихотворение Батыра Джураева — «Есенину. Приснились березы», его первые вот эти четыре строки:

«Ах, Сережа, Сережа, Сережа,

Растревожил ты душу мою.

Мне сегодня приснились березы И луна, как в твоём краю...»

Сразу угадывалось проникновенное влияние на узбекского поэта поэмы Сергея Есенина — «Анна Снегина». Поэмы великой лирической и духовной силы о Большевицской революции 1917 года, о сущности Первой мировой войны, о восприятии народом революции, о Ленине и настоящей любви.

Именно в таком понимании поэма «Анна Снегина» была всегда и моим любимым творением Сергея Есенина. И это несомненно повлияло на то, что я сразу же проникся глубоким уважением и к автору статьи, и к узбекскому поэту Батыру Джураеву, и к газете «Аль-Кодс».

В тот же день позвонил я в редакцию этой газеты, сразу попал на главного редактора одной из серий выпусков газеты Владимира Владимировича Степанова, выразил свое восхищение газетой и предложил для опубликования готовую свою статью, направленную против фальсификаций истории советско-финляндской войны, и стал регулярно печататься в этой газете до ее закрытия ельцинской челядью.

В 1989 году вышел в свет журнальный вариант, а позднее и отдельная книга В.В. Карпова «Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира. (Литературная мозаика)». Книга выпущена в свет была в 1992 году, но сдана в набор — еще в 1990-м году. Похоже, издавалась эта книга Карпова трудно, что не удивительно. Она производила, мягко говоря, неоднозначное впечатление, и, надо полагать, было немало тогда противников ее издания.

На многих несостоятельных, с моей точки зрения, положениях книги Карпова я останавливался в ранее изданной книге, здесь повторяться не будем. Поведаю лишь о том, как я безуспешно пытался опубликовать свою статью об этой книге в 1992 -93 годах. Не помню уж, в какой последовательности, но обращался в журналы «Молодая гвардия», «Наш современник», газеты «Ветеран», «Красная Звезда», «Советская Россия», еще куда-то. За исключением «Советской России» отказали везде под разными предлогами. Чувствовалось — везде смотрят на тонкого критикуют, а не на содержание статьи. Это удручало: издания-то все были, казалось, патриотические.

Лишь Сергей "Гурченко в «Советской России» сразу оценил мою протестную сущность и фактологическую содержательность статьи, сразу согласился представить ее к опубликованию, предложив лишь сократить ее с 20 до 8 страниц, что я быстро и сделал, уехав затем в отпуск.

Это было в последних числах сентября 1993 года. После моего возвращения из отпуска С. Турченко рассказывал, что редакцию «Советской России» 3 октября собрались штурмовать бейтаровцы, сосредоточившись перед зданием редакции на улице Правды. В этот момент он все подготовленные к печати рукописи статей уничтожил, чтобы не засветить перед ними авторов «Советской России».

Сведения С. Турченко о том, что во время событий 2 и 3 октября 1993 г. в Москве на стороне ельцинских путчистов активно действовали бейтаровцы, нашли подтверждение в содержательном очерке Алексея Пузицкого «Белый дом», опубликованном в журнале «Наш современник», № 10 за 1998 год.

Пламенный очерк полковника ВВС Алексея Владимировича Пузицкого, преподавателя Военно-воздушной инженерной академии имени проф. Н.Е. Жуковского, подробная, час за часом, хронология последних двух дней существования законной власти — Верховного Совета Российской Федерации — перед его расстрелом преступным режимом Ельцина, представляет собой важнейший документ о тех событиях. Разбор тех событий, точный подсчет числа жертв ельцинского террора и наказание всех участников того преступления еще впереди. Истечения срока давности того преступления не должно быть.

Это не единственный представитель Военно-воздушной академии, участвующий в защите законной власти от ельцинского террора. Были и другие формы протеста против ельцинского режима и его защитников. Запомнилась небольшая заметка в газете «Советская Россия» за 28 марта 1995 года — «С гордостью и горечью», — подписанная группой сотрудников ВВИА имени проф. Н.Е. Жуковского, участников Великой Отечественной войны. В этой заметке с возмущением говорилось о том, что СМИ не дают отпора явным клеветникам на величие победы советского народа в Великой Отечественной войне. В ней были такие слова: «... нас огорчает то, что попыткам шельмовать подвиг народа, уравнивать победителей и побежденных, Сталина и Гитлера, коммунистов и фашистов не дают аргументированного отпора в средствах массовой информации. Продолжается глумление над исторической истиной, над подвигом многонационального советского народа и его Красной Армии». Приводились известные слова У. Черчилля о величайших заслугах Сталина перед Россией... В заключение статьи говорилось: «...считаем правомерным следующее требование: снять почетные имена с дивизий, частей, подразделений, представители которых принимали участие в разгроме Советской власти».

Заметка эта была подписана дважды Героем Советского Союза, доцентом, кандидатом технических наук, генерал-майором авиации Г. Сивковым; Героем Советского Союза, доцентом, кандидатом технических наук, генерал-майором авиации Г. Баевским; Героем Социалистического труда, кандидатом технических наук, генерал-полковником авиации в отставке В. Скубилиным; заслуженным деятелем науки и техники РФ, профессором, доктором технических наук генерал-майором авиации в отставке К. Туркиным; профессором, доктором технических наук, полковником в отставке П. Лисицким; заслуженным деятелем науки РФ, профессором, доктором технических наук, полковником в отставке С. Вакиным; доцентом, кандидатом технических наук, полковником в отставке, председателем секции авиации и космонавтики ВНО при ЦДРА Ю. Кириленко; полковников в отставке С. Логиновым;

экс. ученым секретарем секции авиации и космонавтики при Музее ВС СССР, старшим сержантом А. Тараскиным; кандидатом исторических наук, генерал-майором авиации в отставке В. Тюхтяевым, участницей Великой Отечественной войны Е. Тюхтяевой.

Но есть среди нынешнего постоянного состава академии и иные люди. Вот уже много лет сотрудник академии И.И. Пстыго, маршал авиации и Герой Советского Союза брежневского периода, в последние годы выпустил около десятка книг, в которых коснулся многих сторон истории России. Я не могу не коснуться последней (или одной из последних) его книг «Россия и ее правители» (Москва, 2004). Книга эта на редкость противоречива, неоднозначна, местами примитивно-вульгарна. В ней автор затронул многие сложнейшие моменты нашей истории, высказывает по ним свои суждения, как правило, поверхностные, а подчас, явно ошибочные.

С одной стороны он хорошо говорит об Октябрьской революции, называет царя Николая II «кровавым», везде с восхищением говорит о Ленине, отмечает многие выдающиеся заслуги И.В. Сталина. И с этими, когда-то общеизвестными истинами нельзя не согласиться. Но везде у него поверхностные, субъективные суждения. Так в параграфе «Император Николай II («Кровавый»)» он пишет на стр. 97: «Бездарно вел Первую Мировую войну и привел к краху империю, отрекся от власти, предал народ. Допустил править страной не только немку, но, что гораздо хуже, невежественного бандита Гришку Распутина. Народ его расстрелял».

Во-первых, Распутина, если в последней фразе он имеет в виду его, расстрелял не народ, а кучка аристократов во главе с князем Ф. Юсуповым и участием, как сейчас утверждают, английской разведки. Если он имеет в виду царя, то его тоже расстрелял не народ, а местные чекисты. Страну же к краху вел не столько сам император, сколько прогнивший буржуазно-помещичий режим, чуждый народу, пронизанный иностранными разведками и агентами влияния, как бы сейчас сказали, стремящимися разрушить Россию.

О Сталине на той же стр. 97 пишет так: «Сталин сделал много для России: отстоял марксистско-ленинское учение, не раздавал, а приобщал земли и расширял СССР, организовал грандиозные индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, стоял во главе СССР и его войск и возглавил победу над немецко-фашистскими варварами. Но и бед наделал немало: депортация народов, раскулачивание, репрессии всего лучшего, что было в стране».

Сам же Пстыго подчеркивает на стр. 122, что «Троцкизм был главным врагом СССР», но ни слова не говорит он о том, что репрессии в середине 1930-х годов были направлены против происков троцкистов. Беда была в том, что в процессе этой борьбы троцкисты сумели оклеветать много невинных людей, рассчитывая отвести карательный меч как можно дальше от себя. И основной спрос за невинно репрессированных должен быть не со Сталина, а с тех, кто по долгу своей службы обязан был разобраться в этом. Очевидно, что именно те, кто повинен в этом, и свалили все на Сталина. Известный английский публицист М.Соуса опровергая провокационный бред Р.Конквеста о репрессиях в СССР вообще, пишет так о репрессиях в Красной армии.

«Общее число осуществлявших руководство в Красной Армии и ВВС, т.е. офицеров и комиссаров, составляло в 1937 г. 144300 человек, увеличившись до 282300

в 1939 г. За период чисток 1937-1938 гг. 34300 офицеров и комиссаров были удалены по политическим мотивам. К маю 1940 г., однако, 11596 из них уже были реабилитированы и восстановлены на своих должностях. Это значит, что в ходе чисток 1937-1938 гг. 22705 офицеров и комиссаров были уволены (13000 офицеров сухопутных войск, 4700 офицеров ВВС и 5000 комиссаров), которые дают 7,7% всех офицеров и комиссаров, а не 50%, как утверждает Конквест. Из этих 7,7% некоторые были осуждены как предатели, но огромное большинство из них, как следует из имеющихся в распоряжении исторических материалов, просто вернулись к гражданской жизни...» И еще есть важное свидетельство в рассматриваемых публикациях М. Соуса. Тогдашний посол США в СССР Д. Дэвис, «хорошо известный юрист,... который присутствовал на всех заседаниях» (процесса над Бухариным) «написал в Вашингтон, что в ходе процесса было доказано, что осужденные были виновны в преступлениях, которые им были предъявлены, и что общее мнение среди дипломатов, присутствовавших на заседаниях суда, сводилась к тому, что наличие очень серьезного заговора было доказано».

О книге Пстыго «Россия и ее правители» нужен, конечно, отдельный разговор.

На стр. 92 Пстыго пишет: «Репрессии пошли по всем направлениям, но мне, военному человеку, почему-то кажется, что начались они и унесли на тот свет больше всего военных людей. Надо иметь какую-то патологическую необузданную злобу, чтобы репрессировать 42 тыс. командиров РККА... Остались недоумок Ворошилов и совсем пустой человек Буденный, дурак Кулик и палач Мехлис. Они-то и стояли во главе, виновны за наши провалы в начале Великой Отечественной войны». Эти слова Пстыго, вызывают недоумение и протест. Что же касается маршалов Ворошилова, Буденного и Кулика, то надо заметить, что они, выдающиеся военные деятели 1920 — 1930-х годов, создатели РККА, герои гражданской войны, самородки из народа, перед войной не занимали непосредственно командные должности в войсках. К.Е. Ворошилов был заместителем Председателя Совнаркома и председателем Комитета обороны. С.М. Буденный занимал перед войной должности первого заместителя Наркома обороны (по кавалерии), члена главного военного совета.

О К.Е. Ворошилове полковник А.М. Балакаев, преподаватель ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского, автор учебного пособия «Роль К.Е. Ворошилова в развитии советской авиации в годы первых пятилеток» (изд. ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского, 1987 г.) приводит вот такие строки:

«Владимир Ильич чрезвычайно любил тов. Ворошилова, — писал В.Д. Бонч-Бруевич. — Он о нем говорил всегда с какой-то особой нежностью... Когда Климент Ефремович бывал в Москве, его всегда принимал Владимир Ильич и подолгу с ним беседовал». Автор воспоминаний приводит следующие слова Владимира Ильича о К.Е. Ворошилове: «... Кто мог предположить, что вот в нашем товарище, члене нашей партии, рабочем-токаре Луганского завода, казалось совершенно мирном и штатском человеке, и вот в нем-то кроется не только военная склонность, но и несомненный военный талант. Революция выводит людей на их истинную дорогу...»

После того, как в полосе Западного фронта и на некоторых участках других фронтов была преступно допущена нашим командованием внезапность немецкого нападения, подставлена под удар на аэродромах авиация, немцы сумели нанести

нашим войскам Западного фронта разгромное поражение в первую неделю войны, завладеть полным господством в воздухе и стратегической наступательной инициативой. После того, как командование Западного фронта было отстранено от командования фронтом и предано суду военного трибунала, лишь после этого на спасение положения были брошены Ворошилов, Буденный и Нарком обороны Тимошенко в качестве Главкомов, соответственно, Северо-Западного, Юго-Западного и Западного стратегических направлений. Кулик был назначен командовать 54-й армией. Но поправить дело в сложившихся условиях было практически невозможно. Тем не менее, ни на Северо-Западном, ни на южном фронтах немцам не удалось окружить наши войска. И лишь в сентябре 1941 года, после того как немцы внезапно для нашего командования повернули свою 2-ю танковую группу Гудериана с севера и первую танковую группу Клейста с юга на окружение войск Юго-Западного фронта и быстро завершили это окружение, наступила киевская катастрофа. Сейчас такую сложившуюся к середине сентября 1941 года обстановку мало кто будет оспаривать.

Тем не менее Пстыго на стр. 97 пишет: «Ни за что, ни про что расстреляли Командующего Западным фронтом, генерала армии, Героя Советского Союза Д.Г. Павлова с большой группой генералов вместе с начальником штаба фронта Фоминых». Этот тезис Пстыго столь же безответственен. Начальником штаба Западного фронта у Павлова в момент начала войны был не Фоминых, а Климовских. А чтобы разобраться в том, было ли командование Западного фронта повинно в быстром разгроме немцами этого фронта, следует порекомендовать Пстыго внимательно изучить книгу Л.М. Сандалова «Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 года».

Касаясь киевской трагедии 1941 года, Пстыго задается таким вопросом: «Небольшая, но важная деталь. В Киеве был главнокомандующий Юго-Западным направлением, прославленный Маршал Советского Союза Буденный, там же был член Военного Совета направления и фронта Член Политбюро ЦК ВКП(б) Хрущев. Генштабом руководил Шапошников. Кто мне ответит, что они делали, с какими предложениями они выступали, какова их роль в трагедии Киевской группировки.». И здесь Пстыго обнажает незнание истории Великой Отечественной войны. Ответ на этот вопрос имеется, например, в книге бывшего в то время начальника оперативного отдела фронта И.Х. Баграмяна «Так начиналась война». Там сказано, что Ставка ВГК 11 сентября 1941 года практически была готова дать согласие на отвод Юго-Западного фронта на линию подготовленной обороны по реке Псел, о чем ставку просили и Кирпонос, и Главком Юго-Западного направления Буденный. Но командующий фронтом неожиданно в последующем разговоре со Сталиным отказался от своей просьбы и тем самым подвел Буденного, который после этого разговора немедленно и был отстранен от командования направлением и заменен С.К. Тимошенко. Документы об этом (переговоры по ВЧ Ставки и генштаба с фронтами) сохранились. Кстати сказать, Хрущев в то время не был членом Военного совета Юго-Западного фронта. Членами Военного совета фронта тогда были М.А. Бурмистенко и Е.И. Рыков, они вместе с Кирпоносом попали в окружении и погибли в бою. Это тоже общеизвестный факт.

Какое крупное событие из истории Великой Отечественной войны ни возьми, Пстыго обязательно обнажает незнание серьезной литературы. Приведем еще несколько примеров из его книги. На стр. 95 он утверждает: «В ходе Великой Отечественной войны Сталин делает подряд две глобальных стратегических ошибки (так у него в тексте), неверно определяя направление главных ударов немцев, а значит и наших усилий. В 1941 году Сталин и слышать никого не хотел, определяя и декретируя, что главный удар немцев пройдет по направлению Киев, Харьков, Донбасс и на Кавказ за Бакинской нефтью. А немцы пошли главным ударом на Москву и вспомогательным ударом на Ленинград... В 1942 году Сталин допускает второй не менее судьбоносный просчет, считая, что немцы будут рваться к Москве, и держал основные военные силы на этом направлении».

Тут все перепутано. Во первых, определение направления главного удара, повторим, это дело не главы государства, а, в первую очередь, дело Генштаба и других высших военных инстанций (Главного военного совета, ГРУ, Главного оперативного направления, Наркома обороны). Во вторых, по плану «Барбаросса» немцы в первую очередь планировали разгромить советские войска, расположенные севернее и южнее Припятских болот на территории между границей и Днестром и Западной Двиной, захватить Ленинград, изолировать наш Балтийский флот и создать лишь условия для последующего наступления на Москву. Гитлер не ставил в числе первых целей захват Москвы. Такую цель, не соглашаясь с ним, ставила только часть военной верхушки. И действительно, немцы начали наступление на Москву в 1941 году лишь после разгрома наших войск Западного фронта, окружения и разгрома Юго-Западного фронта и захвата Киева.

«ДУРНАЯ ГОЛОВА НОГАМ ПОКОЯ НЕ ДАЕТ»

(О книге В.Фалина «Конфликты в Кремле»)

Получилось так, что книга В.Фалина «Конфликты в Кремле» [48], обозначенная изданной в 1999г., мне попала в руки после того, как пришлось прочитать его книгу «Второй фронт...», изданную в 2000г., и высказать свое мнение о ней. Сейчас видно, что «Второй фронт....» написан им значительно раньше, чем «Конфликты в Кремле», похоже, до середины 1980-х годов. Фалинская позиция в ней явно просоветская, антиамериканская. В книге же «Конфликты в Кремле» В.Фалин — ярый антисоветчик, антисталинист. В аннотации появился и неизвестный мне ранее штрих биографии В.Фалина: в период 1988 — 91гг. он был, оказывается, заведующим Международного отдела ЦК КПСС и советником М.С.Горбачева по геополитическим проблемам.

В книге Фалина «Второй фронт...» достаточно убедительно было показано коварство Черчилля и его высокопоставленных единомышленников из числа союзников, давших обещание Советскому Союзу, Сталину открыть второй фронт в Западной Европе в 1942 году, но так и не открывших его ни в 1942-м, ни в 43-м году. Открыли союзники этот фронт только 6 июня 1944г. высадкой на западном побережье Франции. И то, когда стало очевидным, что Советские войска, разгромив Германию в одиночку, могут выйти к Атлантическому океану и могут оккупировать всю Европу.

Книга «Второй фронт», с моей точки зрения, ценна и тем, что в ней разоблачается стремление США (еще в те годы) к глобализму своей политики. Вместе с тем, в той же книге обращали на себя внимание поверхностные суждения автора о довоенном состоянии Красной Армии, о её готовности к войне с Германией, о репрессиях 1937 — 38 годах в армии, о некоторых событиях Великой Отечественной войны, о Сталине. Тогда показалось, что такого рода отступления у Фалина — дань перестроечному антисталинскому зуду с целью откупиться от критиков — антисталинистов и стремление поскорее издать книгу и довести до читателей основной свой замысел в эпоху, когда американский глобализм полностью обнажился.

Основное содержание книги «Конфликты в Кремле» — пересказ Фалиным, с пространными отступлениями, своих служебных записок М.С.Горбачеву, написанных в период с 1986 по 1990г. В приложениях книги, занимающих почти её половину, приводятся тексты 15-ти из общего числа «около пятидесяти записок (меморандумов)», направленных им Горбачеву. Фалин пишет Горбачеву служебные записки буквально по всем вопросам состояния и развития общества и громким событиям: о глобальной политике, о радикальных шагах к цивилизации без войн и насилия, о ликвидации ядерного оружия к 2000 году «с тем, чтобы в XXI век человечество вошло освобожденное от гнетущей опасности», о восстановлении «ленинизма в полном объеме», о необходимости разоблачения культа личности Сталина, о секретных договорах Молотова — Риббентропа, о необходимости «разговорить» Молотова и Кагановича, об экономике и религии, о расстреле поляков в Катыни, о перелете границы Рустом и о его посадке на Красную площадь, и еще много о чем. Естественно, при таком замахе — размахе в книге много поверхностного, необоснованных, часто противоречивых суждений, фактологических нестыковок, тенденциозности. Обращает на себя внимание и то, что Фалин в своей советнической деятельности тесно контактировал, он об этом часто упоминает, с пресловутым А.Н. Яковлевым, и выглядит местами в своей книге более оголтелым антисталинистом, чем сам Яковлев. Возникает предположение: уж не сам ли Яковлев рецензировал книгу Фалина «Конфликты в Кремле».

Основной лейтмотив книги все же такой: без развенчания личности Сталина перестройка, переход к рынку невозможен. (А уж сколько до этого развенчивали — развенчивали «культ личности Сталина», оказывается, так и не развенчали?). Фалинская антисталинская лексика и логика выглядят так: «При Сталине... Позитивный капитал Октября был пущен на ветер. Военный коммунизм довели до степени единоличной тирании» (Квоенному коммунизму, заметим, Сталин, кажется, не имел никакого отношения). «Пример Советского Союза осядет во всех хрестоматиях, может быть, как самая показательная иллюстрация к безыскусной аксиоме — от великого до смешного нас отделяет полшага». Это победы Советской России, Советского Союза над своими врагами в 1918 — 20-х годах и в годы Великой Отечественной войны, над голодом и холодом кажутся Фалину как «от великого до смешного?» Поразительно. Листаем Фалина дальше... читаем: «После реформ Петра I, заложившего основу тоталитарной государственности, украсть у государства для многих людей — от крепостного до губернатора — стало делом доблести. Сталин, строя не по Марксу, а по Петру нынешнюю государственность, постоянно принуждал

народ ловчить...». Опять тут у Фалина извращение истины ради красного словца, мошенничество, обман государства, за расхищения при Сталине наказывали очень сурово. Помните, как те же оголтелые перестройщики вопили: «сажали за сбор колосков!». Хотя тогда сажали не за сбор колосков, а за стрижку колосков на созревшем колхозном поле под видом сбора колосков. Это сейчас лафа всем жуликам и казнокрадам... Читаем, однако, дальше: «К 1925 - 1926 годам Сталин, коварно и умело сталкивавший Троцкого, Преображенского, Зиновьева, Каменева с Бухариным, Рыковым, Пятаковым, Дзержинским, присвоил фактически непререкаемую власть и обратил её первым делом на демонтаж ключевых звеньев из политэкономического наследства Ленина. Смертельный удар пришелся по НЭП У» Тут по Фалину получается, что Троцкий и все другие перечисленные были дурачками. Как бы не так. Дело было в том, что Сталина тогда поддерживало подавляющее большинство и партии, и народа. Нынешняя реставрация НЭПа наглядное тому подтверждение. И еще про НЭП у Фалина: «... не случайно отмене непа (так в оригинале — строчными буквами) сопутствовала отмена также «сухого закона», введенного Николаем II с началом Первой мировой войны. Этот закон, устоявший в годы гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией, пал по инициативе Сталина, который бил дуплетом по двум целям: пьянство гасило политическую активность и пополняло казну шальными рублями». То-ли безнадешный теоретик этот Фалин, то-ли прикидывается таковым? Ба, да ведь, он же, наверное, один из главных инициаторов сухого закона при Горбачеве!

Приходится напоминать Фалину о том, что ни один «сухой закон» не сработал нигде и никогда. Просто при таком законе бесконтрольно наживались самогонщики и всегда активно поддерживали этот закон. Сталин это хорошо знал, среди простого народа пожил многие годы. Он вырвал тогда большие деньги у спекулянтов и направил их в казну государству, то есть, в общественную казну. Это не могли не понимать ни Фалин, ни Горбачев, ни Яковлев, ни все другие, протавившие сухой закон при Горбачеве. Тогда многим стало ясно, мне в том числе, что этот закон — вражеский удар по экономике Советского Союза. Однако разговоры об этом на партийных и иных собраниях ни к чему не приводили.

Про экономику у Фалина много еще сказано всякой несусазицы, не перечить здесь. Нельзя пройти мимо его перлов другого плана. Пишет он на странице 61:

«Протяжная песня сталинизма — презумпция виновности советского человека... Он виноват всегда и везде...» Как и все вышеприведенное, этот выкрик — безответственное словоблудие, подобное многократно опровергалось. Вот самый свежий конкретный козырь из статьи М.В. Малинина «Генерал Григоренко» в № 5 «Дуэли» за 4.02.03г. Автор статьи пишет: «Добиваясь пресечения злоупотреблений властью сотрудниками запорожской следственной тюрьмы НКВД, куда случайно угодил его брат Иван, П. Григоренко дошел до Прокурора СССР А.Я. Вышинского. Дело было в 1938 году... На приеме А.Я. Вышинский, «приветливо улынувшись», сказал:

Вы не торопитесь, майор, у нас с Вами времени достаточно. Рассказывайте спокойно... «С чувством горячей признательности и глубокого уважения, — пишет Петр Григоренко, — уходил я от этого человека,.. Нарушители были наказаны.»

На протяжении всей книги «Конфликты в Кремле» преобладает подобная приведенной выше голословная демагогия. Нет ни одного факта, тем более — фактологического анализа. А как только Фалин касается конкретных фактов, цифр, то его сразу можно легко уличить в тенденциозности, в фальсификации. Вот, например, на стр. 89 он бросает: «Какую социально-экономическую формацию являл собой Советский Союз при Сталине?... Если уничтожение миллионов невинных жертв...». Стоп! Врешь! Никаких миллионов уничтоженных невинных жертв в тот период, когда у руководства страны был Сталин, не было. Сейчас это доказано — передоказано в патриотической печати. Но еще в докладной записке Хрущеву от 1.02.1954г., подписанной генпрокурором Р. Руденко, министром внутренних дел С. Кругловым и министром юстиции К. Горшениным, было указано число осужденных всеми карательными органами СССР (Военной коллегией Верховного суда, коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, другими судами, военными трибуналами и спецкомиссией) по политическим мотивам за время с 1921 года по февраль 1954г. Всего осуждено 3777380 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642980 человек. («Гласность», № 20 за 4- 10 1992г.)

Дальнейшие уточнения по сегодняшний день лишь немного изменили это последнее число. Так что, «миллионы уничтоженных невинных жертв в СССР при сталинском режиме» — это давно опровергнутая ложь.

Или еще у Фалина на ту же тему на стр. 43-44: «... Кулачество ликвидировали, тех, кто победнее, «коллективизировали, заставив трудиться на отнятой у них земле фактически безвозмездно». Опять, каналья, по крупному передергивает. Кулака-то, на самом деле, ликвидировали как класс, а не физически ликвидировали, ликвидировали тех, кто оказал вооруженное сопротивление, или был уличен как вредитель. А те, кто победнее, работали далеко не безвозмездно. У них был хороший надел для ведения приусадебного хозяйства, колхоз вспахивал этот надел, помогал семенами, помогал лошадью при уборке урожая, выделял бесплатно или за небольшую плату транспорт для поездки со своим урожаем на рынок. Не у всех и не всегда, особенно в самом начале организации колхозов, все это получалось удачно, но постепенно ведь все наладилось. В иных колхозах на трудод получали тонны зерна. И колхозный рынок был всегда настоящим рынком, не то, что нынешний, где царит перекупщик товара и криминал. Колхозный рынок очень помогал всегда, особенно в войну, кормить городское население.

Вот еще Фалин размахивает цифрами в претенциозной записке вместе с Г.В. Писаревским:

«Вектор цивилизованного развития страны» на стр. 238, датированной маем 1988г.: «В СССР 43 миллиона нищих людей. И примерно 40 миллионов ненужных рабочих мест...» (11 — В.Ф.). В 1988-м то году 43 млн. нищих людей?? Ну и борзописцы подлецы — советники! Не было перед идиотской горбачевско-ельцинской перестройкой в СССР нищих людей. Нищие люди, и много, появились после первых перестроечных денежных реформ, умышленного припрятывания ходовых товаров, обесценивания денежных сбережений в сберкассах и обманной ваучеризации.

Или вот, из глобального фалинского мировидения, тоже из докладной записки от 11.10.1988г.: «Мир полон парадоксов. Японцы-самураи и немцы-тевтоны стали

лучшими на свете торгашами, а евреи — воинами». (Знают советчики кому польстить, не гнушаясь извращения сущности явления.). Дело то в том, что и японцы, и немцы торгуют, в основном, своим, а не чужим товаром. То есть, они сначала развили свое производство товаров, а горе-советники толкали Горбачева на рынок без своего товара, на спекулятивный рынок, да на распродажу природных ресурсов.

Еще. В своем «Вместо эпилога» на стр. 199 автор книги пишет: «... В тридцатые — сороковые годы советская пропаганда пела осанну «сталинской демократии», всех затмившей в солнечной системе. Слава Богу, Н. Хрущев осмелился обрить диктатора как матерого преступника». На это Фалину следует сказать вот что. Во-первых, Н. Хрущев сам перешеголял, наверное, всех в восхвалении Сталина в 1930-е, 1940-е годы (до 1952-го года). Посмотрите, например, его доклад об Уставе партии на XIX съезде КПСС. Тут и там «Великий Сталин», «Мудрый вождь»... Во-вторых, осанну Сталину и его соратникам — Ворошилову, Буденному,... пела главным образом творческая интеллигенция - поэты, писатели, композиторы, художники: С. Михалков, А.Сурков, Сулейман-Стальский, А. Вертинский, А.Толстой, Л.Фейхтвангер, А.Барбюс, К. Симонов, А.В. Александров, Т. Хренников, И. Дунаевский, В. Соловьев-Седой, С. Туликов, И. Фрадкин, А.С. Герасимов, И. Грабарь, И. Бродский, Б. Иогансон, художники студии им. М. Грекова и многие — многие еще другие. В-третьих, — было за что: под руководством и, часто при его непосредственным участии, дела делались великие.

А Никита Сергеевич оказался в этом деле явно не на высоте. Он вовсе и не «обрил диктатора», а, если пользоваться фалинской терминологией и пословицей, то можно сказать так: пошел по шерсть, а вернулся стриженным. Его бредовые выпады против Сталина давно-давно уже опровергнуты.

Касаясь сугубо философских вопросов, Фалин тоже допускает проколы. Например, на стр. 11 он пишет: «Вычислить общее, соединяющее судьбы наций, удастся, возможно легче, если вникнуть в мысль Нильса Бора: противоположности не исключают одна другую, а дополняют». Причем же тут Нильс Бор? Приписываемое Фалиным ему — один из основных законов диалектического материализма — закон единства и борьбы противоположностей, широко проработанный еще Платоном в 4-м веке до нашей эры (см., напр., Философский энциклопедический словарь. «Советская энциклопедия», М. 1983, стр. 183).

И дальше еще долго можно продолжать опровергать, голословные тезисы Фалина, направляемые Горбачеву, часто носящие характер глубокомысленных сентенций. Но на это не хватит места даже в книге. Нельзя пропустить лишь вот такие слова, приведенные им в самом начале его сопроводительной записки к его же собственному докладной записке Горбачеву, посланной в ноябре 1986 г.:

«Уважаемый Михаил Сергеевич! Дурная голова ногам покою не дает. И рукам тоже, и глазам. Причем, как Вы, возможно, убедитесь, не только моим». Что верно — то верно. Иногда, надо отдать ему должное, он бывал и прав. Нельзя пройти еще мимо трех докладных записок Фалина Горбачеву по так называемому катынскому делу. Одна из них (приложение 13) от 6.03.1989г. названа «О намерении польской стороны перенести в Варшаву символический прах из захоронений польских офицеров в Катини (Смоленская обл.)». Две другие — «К вопросу о Катини. Докладная записка

3.Шеварднадзе, В.Фалина и В.Крючкова в ЦК КПСС. 22 марта 1989 года» и «Дополнительные сведения о трагедии в Катыни. Докладная записка В.М.Фалина М.С.Горбачеву 22 февраля 1990 года.» Из текста этих записок видна их цель: возбудить к 50-ти летию начала 2-й мировой войны геббельсовскую фальшивку о том, что в 1940 году вблизи Катыни под Смоленском НКВД, якобы, были расстреляны тысячи польских офицеров. В записке от 22.02.1990г. Фалиным прямо предлагается «Сообщить В.Ярузельскому, что... в архивном наследии Главного управления НКВД по делам военнопленных и интернированных, а также Управления конвойных войск НКВД за 1940 год обнаружены индиции, которые подвергают сомнению достоверность «доклада Н.Бурденко». Эти «индиции», опубликованные в прессе в 1992г., не что иное как примитивная фальшивка, о чем ниже. Вопрос о катынском расстреле поляков до записок Фалина обсуждался многократно: и на Нюрнбергском процессе над гитлеровскими преступниками в 1946 году, и комиссией Бурденко в 1944г., и конгрессом США в начале 50-х годов, и неоднократно позднее. Но он снова и снова возбуждается теми, кто хочет свалить вину за расстрел поляков на НКВД СССР. Многие поляки и немцы, и американцы из-за корыстных соображений, пытались оправдать немцев, учинивших этот расстрел. Но у этой стороны очень хлипкие доказательства. Наиболее обстоятельно, причем обе версии, рассмотрел в небольшой книге «Катынский детектив» Ю.Мухин. В этой книге приводится и хронология истории вопроса о расстреле поляков в Катынском лесу, и обширный фактологический анализ аргументаций той и другой стороны, и собственные четкие выводы. Приводятся в книге также сведения и о том, что в 1941г. архив УНКВД Смоленской обл. захватили немцы, а у них его захватили американцы и спекулируют этим архивом уже в течение 60 лет. Мухин на основании обстоятельного рассмотрения множества фактов приходит, и с этим нельзя не согласиться, к следующим выводам:

1. «Появившиеся в 1992 году так называемые «документы» Политбюро, якобы подтверждающие факт расстрела поляков НКВД, — фальшивка. В одном из них — записке А.Шелепина, председателя комитета госбезопасности при СМ СССР, Хрущеву есть фраза-улика: «... Вся операция по ликвидации указанных лиц (21857 чел. поляков...) проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года».

Люди старших поколений поймут, где фальшь в этой последней фразе, для нынешних придется подсказать: в 1940 году КПСС не существовало, была ВКП(б)».

2. «... впоследствии ни один из 12 судмедэкспертов, «приглашенных» немцами в 1943 году, не подтвердил время убийства 1940 год. Их бы после этого перестали считать судмедэкспертами, в глазах коллег они были бы людьми, не имеющими элементарных понятий об азах своей работы.»

3. «... трупы в Катынском лесу не могли быть погребены за три года до этого, но были погребены только за год, самое большее за полтора года до нашего прибытия (апрель 1943г.)» Это слова чешского профессора Ф.Гаека, который был в «комиссии» судмедэкспертов в 1943 году.

4. «Польские офицеры убиты немецким оружием».

Фалинско-шеварднадзевские записки 1986 гг., провоцировавшие Горбачева на признание вины СССР за расстрел поляков в Катынском лесу, по сравнению с книгой

Мухина выглядят слабо аргументированными. Тем не менее, Горбачев пошел на эту провокацию. Цель этих трех записок представляется очевидной: угодить и Горбачеву — «лучшему немцу», и самим представиться немцам, что тоже работают на них. Недаром, видимо, Фалин с 1993 года живет и работает в Германии.

Насоветовав Горбачеву всякой всячины — и настоятельную необходимость развенчать окончательно культ личности Сталина, и мрачные односторонние оценки советского социализма, приписав советскому социализму в своих записках все мыслимые и немыслимые пороки, предсказав райскую жизнь при рыночной экономике, он всю вину за перестроечный развал Советского Союза свалил на Горбачева, заявив: «Настоящая публикация не есть сведение счетов с кем бы то ни было. Куда важнее показать, что крушение Советского союза обуславливалось... спецификой властных структур и личными качествами, присущими последним руководителям СССР... На каждой ступени перестройки давались варианты, имелся выбор. Право решающего вердикта принадлежало, однако, единолично М.С. Горбачеву. Он не делился этим правом ни с кем — ни с парламентом, ни с правительством, ни с коллегами в Политбюро ЦК партии, ни с партией как институтом. Приняв сан президента, М.С. Горбачев и вовсе вознесся над Конституцией и народной волей, выраженной в ходе общесоюзного референдума». Свалив в такой форме весь развал страны на Горбачева, Фалин приводит еще малоизвестный (и достоверный ли?) убийственный факт — признание самого Горбачева: «В интервью Марион Дёнхофф, издательнице еженедельника «Ди Цайт», М. Горбачев поведал, что он «использовал пост генерального секретаря для реформирования партии». Из коммунистической она, по его словам, должна была стать социал-демократической, а в ноябре 1991 года быть раздробленной на две, три, возможно, даже на пять партий. Это был, заявил М. Горбачев, «действительно тщательно продуманный расчет». Или, вернее, мина, на которой подорвался Советский Союз». Эти последние фалинско-горбачевские строки многое объясняют из событий последних наших восемнадцати лет. Тут есть над чем задуматься.

Бросается в глаза то, что ни слова Фалин не говорит о своей вредоносной советнической деятельности, о том, что Горбачев-то и А. Яковлев многие советы Фалина все же воплотили в жизнь. Например, подняли невообразимый шум и возбудили с новой силой так называемое дело о расстреле поляков НКВД в Катынском лесу, используя при этом явно фальшивые «документы».

В 1993 году бывший член ЦК КПСС, бывший секретарь Международного отдела ЦК В. Фалин подался к немцам и сейчас живет и работает в Гамбурге. За клевету на Советский Союз на Советский социалистический строй немцы, похоже, приняли его с распростертыми объятиями. Этот уж точно «красно-коричневый», как и Горбачев, А. Яковлев и Ельцин.

КТО ПОСЯГНУЛ НА СВЯТОЕ ИМЯ?

В конце XIX века инженерная мысль в России, Франции, Германии, Америке и Англии вплотную подошла к созданию летающей машины. Одним из первых в мире

теорией полета птиц и аппаратов тяжелее воздуха стал заниматься профессор Московского университета Н.Е. Жуковский. В 1891 году он публикует работу «О парении птиц», затем выступает с докладом «О воздухоплавании» на съезде русских естествоиспытателей и врачей. В 1904 г. возглавляет проектирование и постройку аэродинамического института под Москвой на средства промышленника П.П. Рябушинского.

В этом институте, а также в МГУ и . Императорском техническом училище (позднее — МВТУ) он руководил постройками аэродинамических труб, необходимых для исследования аэродинамических качеств моделей летательных аппаратов. Жуковский становится признанным теоретиком зародившейся авиации и неустанным энтузиастом ее развития в России. Между тем конструирование и массовое производство аэропланов и авиамоторов иностранный капитал крепко держал в своих руках. Устремившиеся в полет русские парни вынуждены были летать на иностранных машинах, приобретаемых богачами. Появившиеся в России небольшие авиазаводы и сборочные мастерские довольствовались сборкой иностранных лицензионных машин, находясь в патентной зависимости от зарубежных фирм. Лишь неугомонный бездипломный инженер, конструктор-самоучка Игорь Сикорский на Русско-балтийском вагоностроительном заводе и Дмитрий Григорович на петербургском заводе Щетинина начинали пробивать барьер иностранной зависимости.

После Октябрьской революции энтузиасты авиационного дела взялись за осуществление давнишней мечты — создание авиационного вуза и специального научно-исследовательского центра. Вдохновителем и организатором этих устремлений выступал 70-летний профессор МГУ и МВТУ Николай Егорович Жуковский, к этому времени уже 20 лет занимавшийся аэромеханикой и динамикой полета птиц и аэропланов. Энтузиастов активно поддержал В.И. Ленин.

В разгар гражданской войны и иностранной военной интервенции принимается решение (и сразу же реализуется) о создании ЦАГИ (конец 1918г.) и Московского авиатехникума (1919 г.). Во главе их становится Н.Е. Жуковский. Через год авиатехникум преобразовывается в Институт инженеров Красного Воздушного флота. Осенью-1922 года институт становится Академией, и ей присваивается имя Н.Е. Жуковского.

И по форме, и по содержанию, и по времени это был первый авиационный ВУЗ России. В июне 1941 года ВВИА имени проф. Н.Е. Жуковского произвела 17-й выпуск своих питомцев. В предвоенные годы академия подготовила 962 инженера ВВС. В ее стенах получили авиационное образование многие руководители авиационной промышленности и высшие руководители Военно-Воздушных Сил СССР.

За годы войны академия подготовила 2500 авиаинженеров и переподготовила более 800 инженеров на курсах усовершенствования. Она выполняла также важнейшие оперативные правительственные задания в интересах фронта.

В 60-х годах в Академии получили инженерное образование и первые летчики-космонавты СССР во главе с Юрием Гагариным. Готовились здесь авиационные военные инженеры и для других стран.

Многие питомцы ВВИА не отстали от своих учителей по заслугам перед Отечеством. Среди них по состоянию на 1990 год — восемь дважды Героев Советского

Союза, тридцать девять Героев Советского Союза, пятнадцать Героев Социалистического Труда, шестнадцать лауреатов Ленинской премии, девяносто восемь лауреатов Сталинской и Государственной премий. Тринадцать выпускников стали академиками АН СССР.

Но Академия имени Н.Е.Жуковского — это все же и прежде всего многочисленный отряд высококвалифицированных специалистов авиационного дела: преподавателей, научных сотрудников, инженеров и техников научно-исследовательских и учебных лабораторий. Все вместе — это рабочий класс науки и педагогики, ныне в большинстве своем опролетаризированная интеллигенция...

Да, Военно-воздушная инженерная имени Н.Е.Жуковского академия — это полностью советское детище. Она возникла, росла, крепла и развивалась вместе со становлением в стране социалистического строя. Поэтому-то ельцинский правящий режим делал все для того, чтобы ликвидировать этот символ Советской державы. Враждебный России режим подрезал крылья нашей авиации, разваливал наш авиационный промышленный потенциал. Такого рода злонамеренные устремления постоянно ощущались и в Академии. В 1990-е годы ее одолевали частые и многочисленные комиссии. К ней присматривались «реформаторы» разных мастей. Постоянно муссировались слухи то о слиянии ее с другим ВУЗом, то о передаче в ГВФ, то...

Под преобразовательский шумок исчезло у Академии имя отца русской авиации — Н.Е.Жуковского, академия издевательски была наречена ВАТУ. Ранее такая аббревиатура обозначала — военное авиационное техническое училище, теперь же интерпретировалась как военный авиационный технический университет. Без имени Жуковского, без всяких признаков того, что так переименована славная Военно-воздушная инженерная академия. Отнят у академии и Петровский дворец, переданный ей в начале 20-х годов по декрету, подписанному Лениным...

Не все, конечно, смирились с черным беспределом ельцинского режима. Есть свои непримиримые борцы с разрушителями Отечества и в Академии. В двадцатых числах марта 1996 года, в пятую годовщину всесоюзного референдума, на котором народ проголосовал за сохранение СССР, под носом у администрации и дежурных на главном куполе Петровского дворца неизвестными патриотами был водружен Красный советский флаг. Подобно тому, как это было сделано в Краснодаре во времена фашистской оккупации: долго суежилась администрация, прежде чем удалось его снять.

«Злоумышленники» до сих пор, говорят, не обнаружены. Но придет время, и люди с восхищением узнают имена удалых смельчаков. Я тоже надеюсь горячо позжать им руки. А сейчас приходится с болью в сердце сказать: «Славно ты послужила России и всему Советскому Союзу, «Жуковка»! Память о тебе в народе сохранится навсегда». Эти строки были написаны мной к 80-летию академии.

На торжественном заседании сотрудников, слушателей и гостей академии в ЦДСА 23 ноября 2000 года представитель Министра обороны Монгольской республики, поздравляя Академию имени Жуковского со славным юбилеем, передал ей в подарок портрет Н.Е. Жуковского, искусно вышитый монгольскими умелицами, в знак того, что военные авиаторы Монголии помнят и будут помнить всегда Академию,

именно как Академию имени Николая Егоровича Жуковского. Командующий ВВС московского военного округа, поздравляя нашу Академию по случаю знаменательного юбилея, также передал академии портрет Н.Е. Жуковского, написанный маслом, с пояснением: в качестве символа в борьбе с врагами Академии. Подавляющее большинство выступающих с болью говорили о переименовании ВВИА имени проф. Н.Е. Жуковского в безликое ВАТУ. Лишь ельцинский «маршал авиации» Шапошников в своем выступлении ни разу не назвал академию своим именем, подтвердив тем самым муссирующийся в то время слух о том, что он — один из главных инициаторов переименования академии имени Жуковского в ВАТУ.

В ноябре 2002 года, благодаря протестам широком общественности, верных друзей академии, правительство РФ вынуждено было принять решение о возвращении всемирно известной академии прежнего славного имени. Спасибо.

Спасибо всем, кто бился за честь и достоинство этого старейшего военно-учебного заведения, за сохранение его традиций. И проклятья тем, кто в смутное ельцинское время посягнул на нашу гордость — кузницу авиационных кадров России, и кто еще продолжает разрушать ее материальную базу. Летом 2001 года между оградой стадиона «Динамо» и одним из корпусов Академии — корпусом «Е» (Петровско-Разумовская аллея, дом 12/8), на узком отрезке земли, где временно располагалась спортивная площадка для занятия физкультурой слушателей и курсантов Академии, лихорадочными темпами начали строить элитный жилой комплекс.

Здесь в 1980-х годах планировалось построить служебный корпус и спортзал для академии. Нынешнее, чужое строительство вплотную подступило к стенам академического корпуса «Е», перекрыв подходы к корпусу и превратив нормальный вход в узкую калитку на задворках корпуса «Е». Громадные подъемные краны, возводимые стены затеяют учебные аудитории и лаборатории. Строительный шум мешает учебному процессу и научно-исследовательской работе. Включение мощных электроагрегатов на стройке часто нарушает нормальный режим работы компьютеров в учебных и научно-исследовательских лабораториях, приводит к потере текущей рабочей информации. Слушатели и офицеры постоянного состава лишены удобной, рядом расположенной спортивной площадки. Явно проглядывает замысел заказчика строительства снести в будущем этот академический корпус, вполне добротный, и захватить его территорию.

С 1947 года по сей день здесь находятся два, а с 1950 года — три факультета академии. На крыше этого достаточно высокого корпуса над специальной пристройкой с давних времен удобно располагается антенный комплекс, необходимый и для учебного процесса, и для проведения научных исследований. В этом корпусе в тревожные октябрьские дни 1941 года легендарная Марина Раскова формировала женские авиационные полки...

С 1960 по 1968 год в академии, в том числе и в этом корпусе, получили инженерное образование первые летчики космонавты СССР Ю.А. Гагарин, В.Ф. Быковский, Б.В. Волинов, В.В. Горбатко, А.А. Леонов, А.Г. Николаев, П.Р. Попович, В.В. Терешкова, Г.С. Титов, Б.В. Хрунов, Г.С. Шонин. В 70-е годы в ряды космонавтов вошли два сотрудника академии Ю.П. Артюхин и Л.С. Демин, длительное время

работавшие в этом корпусе ВВИА имени Н.Е. Жуковского. Сегодня в Академии Н.Е.Жуковского пока сохраняется сильный научно педагогический состав. В ее стенах трудятся около 600 кандидатов и докторов технических наук, более 100 профессоров, около 300 старших научных сотрудников и доцентов, много ветеранов Военно-Воздушных Сил. Но времена нынче тяжелые. Кроме перечисленных выше бед, произошло отторжение громадного по площади Петровского дворца, в котором располагались многочисленные службы академии (администрация, отделы кадров, строевой, учебный, научно-исследовательский, редакционно-издательский, финансовый...), а в подсобных помещениях работали типография и учебно-опытный завод, все это резко отрицательно сказалось и на учебном процессе, и на уровне научно-исследовательских работ.

Среди основных инициаторов разрушения Академии неофициальные источники из авиационной общественности называют ельцинско- грачевского «маршала авиации» Шапошникова и недавно сменившегося начальника самой академии В.В. Коваленка. При их начальствовании известная на весь мир Академия превратилась в безликий ВАТУ, у нее, нуждающейся в существенном расширении, отнята огромная площадь. Многие жизненно важные службы пришли в упадок.

Первый шаг к возрождению Академии сделан — прежнее доброе имя возвращено, но суровый спрос с разрушителей Академии должен быть.

Часть вторая.

ИЗБРАННАЯ

ПУБЛИЦИСТИКА

Глава 11.ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ

ФОН ТРИДЦАТЫХ

ГОДОВ

К ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ ПОДКРАДЫВАЕТСЯ ВРАГ

Тридцатые годы для Советского Союза ознаменовались необыкновенным подъёмом всех отраслей народного хозяйства.

Большое внимание уделялось механизации сельского хозяйства, в первую очередь, оснащению его тракторами. Строятся гиганты тракторостроения: в 1930-м году — Сталинградский тракторный завод (СТЗ), в 1931-м — Харьковский тракторный завод (ХТЗ), в 1933-ем — Челябинский тракторный завод (ЧТЗ). Нарастивал производство мощных тракторов Ленинградский Кировский (бывший Путиловский) завод.

Всем было видно, куда тратились государственные народные деньги, и каков был результат этих затрат.

Всем было понятно и то, что стране, находящейся в капиталистическом окружении, нужна была и мощная армия, оснащенная новейшими самолетами, танками и артиллерией. Для этого нужны были авиационные, танковые и современные артиллерийские заводы. Их строительство могла обеспечить только тяжелая индустрия.

Пятилетние планы развития народного хозяйства и их выполнение широко обсуждалось на съездах ВКП(б) и доводилось до сведения народа. Все было на виду и поддерживалось широкими массами трудящихся.

Все было ясно, немногословно, понятно.

Широкие народные массы разбирались и в сущности демократии, советской и буржуазной. Еще совсем недавно на своей, как говорится, шкуре испытало старшее поколение советских людей прелести буржуазной демократии. А молодежи о ней, кроме того убедительно говорили в школе, да и зарубежной литературы на эту тему было в стране достаточно. Я, например, в 7-м классе с интересом прочитал несколько книг Эптона Синклера об американском образе жизни, американской демократии: «Король — уголь», «Стопроцентный американец», что-то еще. Позднее — о сущности гражданской войны в Испании 1936 — 1939 годов — «Но пасаран». В этих книгах четко было прописано, что такое буржуазная демократия, и кто есть кто в капиталистическом мире.

Никто тогда не сомневался и в том, что в стране продолжается классовая борьба, что в стране имеются политические силы, стремящиеся свергнуть существующее советское правительство и захватить власть в свои руки. (Об этом, кстати, в перестроечные годы было достаточно признательных публикаций). Поэтому призывы быть бдительными против происков внешних и внутренних врагов советского социалистического строя, происков троцкистов были понятны.

Но это все было в 1930-е годы.

О войне был у нас разговор в предыдущих главах будет еще и ниже.

После смерти Сталина, о чем искренне скорбели тогда огромные массы многонационального советского народа, я говорю это как свидетель этой скорби в Москве, вскоре началась борьба за руководство в партии и хрущевская самодеятельность. Она привела, в конце концов, к отстранению от руководящих постов в партии верных соратников Сталина — известных партийных и государственных деятелей — Молотова, Маленкова, Кагановича, позднее Ворошилова.

У меня создалось мнение, что в процессе этой борьбы на высокие посты в аппарат ЦК партии начали проникать враждебные партии и советскому социалистическому строю элементы. Как неизбежное следствие этого КПСС начала терять свою

организующую и контролирующую государственный и партийный аппарат роль. В ней стали наблюдаться негативные тенденции: отрыв руководящей верхушки от народа, самовосхваление, стремление свалить все негативное, имевшее место в прошлом, на Сталина, неумное возвеличивание новой партийной верхушки и всего политбюро. Особенно это проявилось в бытность генеральным секретарем Брежнева. Чиновничество различных мастей становилось над партией, вовлекая в мелкое взяточничество и другие подобные аморальные акты рядовых, да, может быть и не только рядовых членов партии. Партия медленно, но неуклонно разлагалась.

С этим надо было кончать. Идея перестройки всей нашей жизни вынашивалась в недрах самой же партии и была поддержана широкими массами советских людей. Но, как стало понятным позже, не дремал и наш враг. Он ловко использовал настроение широких масс и умело повернул дело на развал страны.

Ошибкой, я считаю, был выход из состава ЦК КПСС в 1988 году большой группы истинных коммунистов под официально объявленным предлогом — освободить дорогу для творческой деятельности молодым партийным кадрам, а в действительности, наверное, под агрессивным нажимом горбачевского окружения. Тем самым была предоставлена Горбачеву и его сообщникам полная свобода для авантюристической деятельности в партии. К высшей власти между тем подкрадывался и затаившийся было враг страны и народа Ельцин.

Так подошла страна к 1991-му, а затем и к 1993-му годам.

И явные враги советского социалистического строя, и беспринципные представители так называемой интеллигенции, бывшие репрессированные и их потомки пустились в публикациях на все советское клеветать, раздувать масштабы репрессий, включать в политические репрессии уголовно наказанных лиц, называя всех «жертвами сталинских репрессий».

В этой компании вместе с одиозными фигурами — А.Н. Яковлевым, Б. Ельциным, М. Горбачевым оказались и такие маститые интеллигенты, как Д. Лихачев и А. Сахаров.

Дрогнул бывший когда-то верным ленинцем Владимир Солоухин, к заурядному, вульгарному низвергателю величия нашей Победы над немецким фашизмом и поджигателями 2-й мировой войны вообще, скатился Виктор Астафьев. К чему это привело — всем теперь известно.

Но, помимо всего прочего, наш народ и коммунистическое движение вообще в последнее 20-ти летие прошли уникальную практику по марксизму-ленинизму. Теперь все честные люди убедились, я думаю, в сущности капиталистической демократии: грабь, кто как может; только нажива — любой ценой, обман и разбой.

Народ увидел и звериную сущность американского империализма.

Наряду с оголтелой клеветой на советскую действительность, в последнее время появилось немало серьезных книг, в которых авторы пытливно, неформально, независимо исследуют последний период истории России, включая историю Советской России — СССР. К числу самых ценных из этих книг я бы отнес двухтомник Вадима Кожина: «Россия. Век XX. 1901 — 1939. От начала столетия до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования» и вторая его книга — «Россия. Век XX.

1939 — 1964. Опыт беспристрастного исследования». А также — книгу А. Б. Мартиросяна «Заговор маршалов. Британская разведка против СССР».

Мне представляется очень интересным взглянуть на геополитический фон 1920-х 1930-х годов глазами этих авторов.

ЖЕРТВЫ БЫЛИ. НО КАКИЕ?

(По книге В. Кожина — «Россия. Век XX. 1901 — 1939».)

Великолепный подарок читающим патриотам, всем думающим соотечественникам сделал к новому 2000 году известный писатель, историк, публицист Вадим Валерианович Кожин и вместе с ним, конечно, издательство «Алгоритм», выпустив в свет двухтомник «Россия. Век XX...». Две эти книги Вадима Кожина в высшей степени информативно емкие, познавательные, необычайно интересные. В них затронуты, и большей частью достаточно обстоятельно рассмотрены, самые сложные, малоизвестные события полувековой истории нашей страны. Автор характеризует свою книгу как «опыт беспристрастного исследования», а свою методологию исследования — как «мышление в фактах». В такой методологии он представляется последователем скромного советского философа — логика, старшего научного сотрудника Института философии АН СССР Э.В. Ильенкова (1924-1979), называя его «одним из очень немногих мыслителей того времени».

Начинает Кожин свои исследования с анализа социально-политических движений конца XIX— начала XX века. Совершенно по-новому представляет основные движущиеся силы революционного нарастания начала века — это предприниматели, интеллигенция и наиболее развитые слои рабочих, все они стремятся сокрушить существующий в стране порядок. И происходит это, по словам автора, в годы бурного экономического и культурного расцвета России, в период 1893-1913 гг. «преуспевающие российские предприниматели и купцы полагали, что кардинальное изменение социально-политического строя приведет к совсем уже безграничным достижениям, и бросали миллионы антиправительственным партиям (включая большевиков)».

Много страниц книги отводится таким малоизвестным, малоизученным движениям, как черносотенное. Его происхождение в глубокой древности — XII век. Рассматривается масонство. Показаны черты социалистического прошлого русского крестьянства — извечное стремление к общественной собственности на землю и неприятие, в конечном счете, широкими массами крестьянства столыпинской земельной реформы. Несколько по-иному, нежели было принято ранее, интерпретирует автор сущность Первой мировой войны, февральской революции, гражданской войны, социальные основы белого движения и Белой армии, рассматривает роль евреев в Февральской, Октябрьской революциях и гражданской войне. Все события от начала века он анализирует с использованием множества философских, мемуарных, публицистических источников дореволюционных лет, зарубежных эмигрантских и не эмигрантских книг, монографий и самых последних публикаций нашего времени по всем рассматриваемым проблемам. Кожин часто

обращается к выдающимся русским мыслителям начала века и более позднего времени вплоть до наших дней, многократно ссылается на В.В. Розанова, К. Леонтьева, Н.Л. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.Л. Флоренского, Л.П. Храповицкого, Г.П. Федотова, М.М. Бахтина. Обозначает выдающихся, но малоизвестных современных мыслителей. Книги Кожина изобилуют множеством малоизвестных событий, фактов, имен, цифр, неожиданных оригинальных выводов. Все это воспринимается с неослабевающим интересом. Только очень жаль лишь, и непонятно почему, при анализе двух первых десятилетий XX века совершенно выпала у него Русско-японская война 1904-1905 гг.

Много нового приводит автор о периоде коллективизации и индустриализации СССР, касается репрессий 1937-1938 гг., обращает внимание на изменение партийно-политической политики Сталина в конце 30-х годов, положительно оценивает договоры с Германией 1939 года — все это представлено в первой книге двухтомника. О каждом из названных событий надо говорить отдельно, мы же коснемся лишь тех, которые связаны с периодом 1914-1922 гг.

Вадим Кожин неоднократно подчеркивает: главная сущность Первой мировой войны, иностранной военной интервенции в России — стремление Запада расчленить Россию, уничтожить могучее государство и превратить ее территорию в свои колонии. Таков же основной смысл и Второй мировой войны. Развязывание ее Гитлером, захват Чехословакии, Австрии и Польши — не что иное, как прямая подготовка к походу на Россию, к чему и подталкивала его вся Европа. И основная цель и смысл гитлеровского нашествия — не уничтожение большевизма, а разрушение Советской России как великого государства, расширение жизненного пространства не только для себя, но и для всей Европы. Не поэтому ли Западная Европа так легко и покорилась Гитлеру в ожидании кусочков от богатого пирога?

Достаточно обстоятельно представляется в первой книге февральская революция 1917 года как переворот, в котором активнейшую роль играли масоны-кадеты и масоны-эсеры. Деникин, Корнилов, Колчак порождены февральской революцией, ее выдвиженцы, все они — революционеры-антимонархисты. Многие политические лидеры черносотенного движения, выступавшие под лозунгом: самодержавие — православие — народность, после февральской революции (еще до Октябрьской) подверглись жестоким репрессиям. В результате февральского переворота не только была свергнута монархия, но и разрушена государственность и армия, в России воцарилась всеобщая анархия. Не похоже ли все это на нынешние времена?

Анализируя историю Учредительного собрания, Кожин приходит к важнейшему для нашего времени выводу: «...в 1917 году Россия в точном смысле слова выбрала (всецело свободно выбрала) социализм: почти 85 процентов голосов на выборах в Учредительное собрание получили партии, выступающие против частной собственности на основные средства производства — прежде всего на землю — то есть социалистические партии».

Иногда, вопреки заявлению о беспристрастности, все же проглядывает социально-политическая позиция автора книги — антиреволюционность в широком смысле, то есть отрицание Революции вообще как самой разрушительной и кровавой стихии. Здесь он, мне кажется, непоследователен. Февральская революция (февральский «переворот» — у него) — зло, с чем согласятся, по-видимому, многие.

Октябрьская же революция (тоже «переворот» у него) — революция совершенно бескровная, о чем почему-то не сказал автор — великая созидательная миссия, создавшая могучую Россию — СССР. Что же касается человеческой жестокости после 1917-го года, в годы гражданской войны, то возвращена она, эта жестокость, в предшествующие годы и вершилась людьми дореволюционных поколений, выросшими, что нельзя не заметить, в период господства Православия.

Давно сказано, давно и доказано, что в капиталистическом обществе, особенно в эпоху империализма, войны захватнические неизбежны. Это подтверждает на примере многократного посягательства Запада на земли России и сам автор. Следовательно, неизбежны и антиимпериалистические революции. Уместно, думается, вспомнить в связи с этим великого мыслителя Фридриха Энгельса. В середине 80-х годов XIX века, когда Европа вступила в стадию империализма, он предсказал и общеевропейскую войну, и, самое удивительное, — революцию в России. Размышляя о неизбежности европейской войны, он писал К.Либкнехту в 1888 году: «...война с переменным успехом на французской границе, наступательная война на русской границе, с овладением польскими крепостями, и революция в Петербурге».

Анализ послефевральских событий, всесторонне рассмотренных Кожинным, приводит (хотя он об этом прямо и не говорит) к выводу: партия Ленина, взявшая власть в стране в свои руки, отогнав от себя болтунов, демагогов, анархистов, любителей пожить в смутное время, спасла Россию от гибели, от превращения ее, растерзанную на куски, в колонии Запада, быстро прекратила разрушение и анархию и затем неимоверными усилиями, шаг за шагом возродила Великую Россию — Советский Союз. Рано или поздно это признали многие разбежавшиеся, некогда видные политические деятели того времени и выдающиеся деятели русской культуры за рубежом.

Вадим Кожин приводит слова В.В. Шульгина, сказанные им в 1921 году: «Знамя Единой России фактически подняли большевики». Потом приводит слова из мемуаров бывшего военного министра Сухомлинова: «Залог для будущего России я вижу в том, что в ней у власти стоит самонадеянное, твердое и руководимое великим политическим идеалом правительство... Слава Богу, что во главе России эти самые большевики, а не Гучков с Милюковым и Керенским». Добавим от себя: Бердяев в 1937 году, находясь в зарубежном изгнании, писал: «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться». Доброжелательно отзывался о советской власти и ярый антикоммунист, бывший секретарь Керенского (в 1917 году) Питирим Сорокин в своей автобиографической книге «Дальняя дорога»: «...с конца 20-х годов русская революция начала входить в свою конструктивную фазу, которая в настоящее время находится в полном развитии. Советская внутренняя и внешняя политика сейчас более конструктивна и созидательна, чем политика многих западных и восточных стран. Весьма жаль, что эта важная перемена все еще не замечается политиками и правящей элитой этих государств».

Созидательный характер Октябрьской революции и правое дело большевиков так или иначе признала значительная часть офицеров и генералов Русской армии. В книге приводятся убедительные цифры: примерно половина офицеров и генералов,

приписанных к Генштабу Русской армии, перешла служить в Красную Армию (739 чел), половина, примерно (750 чел.), — служила в Белой армии. Примерно такое же соотношение и по всему офицерскому составу.

Новую, оригинальную характеристику гражданской войны 1918-1920 гг. дает Кожин в таком виде: «...борьба Красной и Белой армий вовсе не была борьбой между «новой» и «старой» властями; это была борьба двух «новых» властей — Февральской и Октябрьской». При этом он отмечает и еще важную особенность гражданской войны: «Запад издавна и даже извечно был категорически против самого существования великой — мощной и ни от кого не зависящей — России и никак не мог допустить, чтобы в результате победы Белой армии такая Россия восстановилась. Запад, в частности, в 1918 — 1922 годах делал все возможное для расчленения России, всемерно поддерживая любые сепаратистские устремления». Как это похоже на нынешнюю подлую позицию Запада!

Приводится Кожинным и свой подсчет цены революции и гражданской войны: 17,4 млн. человеческих жизней за годы 1918-1922, включая жертвы голода 1921 года, — 12 процентов населения России 1917 года. Для сравнения дается куда меньший процент жертв 1937-1938 гг. — 681692 смертных приговора (0,4 процента населения). Но мне кажутся и эти 0,4 процента большим преувеличением. И вот почему. Как ни старался «историк» «новой демократии» Д. Волкогонов первым назвать полные цифры репрессий 1937-1939 гг., но в первом журнальном варианте своей книги «Триумф и трагедия» он назвал около 31 тысячи расстрелянных в период с конца 1936-го до конца 1939 года. Правда, он сделал тогда какую-то странную оговорку: по 60 крупным городам. На встрече Д. Волкогонова с читателями в Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского я задал ему прямой вопрос: «Поданным Вашей книги «Триумф и трагедия», опубликованной в журнале «Октябрь», получается число смертных приговоров за 1936-1939 годы около 31 тысячи. Почему же идет болтовня в печати о миллионах расстрелянных в то время?»

Он не стал отрицать этой цифры, а вдался в рассуждения о том, что говорят о миллионах погибших в лагерях, при коллективизации и т.д. Я его спросил про одно, он же стал говорить о другом. Совсем как в поговорке: я — про Фому, а он — про Ерему. В отдельной же, изданной в 1989 году книге у него совсем не то, что было в журнальном варианте. Он пишет: «Я не располагаю официальными данными о количестве жертв в 1937-1938 годах. Возможно, их пока и нет». Данных нет, и он их выдумывает: «...в эти трагические два года — 1937-й и 1938-й — по моему мнению, подверглись репрессиям порядка 4,5-5,5 миллиона человек. Из них погибло в результате смертных приговоров 800 — 900 тысяч человек». Эту волкогоновскую стряпню, видно, надо было понимать как сигнал перестроечным фальсификаторам истории: данных нет (они к этому времени могли быть уже уничтожены теми же волкогоновцами из Института военной истории), но они должны быть вот такими.

Вот почему в книге Кожина цифры приговоренных к расстрелу в 1937-1938 гг. — 681 692, «не столь давно рассекреченные», представляются преувеличенными и требуют, как мне кажется, тщательного публичного анализа.

Мы коснулись лишь очень немногих материалов книги, которые очень актуальны в наши дни.

НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ВОЙНЫ

(По книге В. Кожина — «Россия. Век XX. 1939 — 1964»)

Во второй своей книге «Россия Век XX» Вадим Кожин рассматривает, оперируя богатым фактологическим материалом, такие глобальные проблемы, как война и геополитика, сущность второй мировой войны и ее итоги, политика и социология послевоенного 20-летнего периода, послевоенная геополитическая агрессивность США, хрущевское десятилетие. Исследуя послевоенное десятилетие, автор опровергает упорно распространяемое ныне утверждение об антисемитизме Сталина, затрагивает в связи с этим такие щекотливые темы, как война и евреи, антипатриотизм и еврейский вопрос, кратко касается истории создания еврейского государства Израиль и роли в этом Сталина, опровергает бытующее мнение о причастности Берия к послевоенным политическим репрессиям.

Анализируя перечисленные события, Кожин выделяет в каждом из них несколько существенных, с его точки зрения, моментов и рассматривает их детально. После этого делает неожиданные выводы, опровергающие, казалось бы, давно установившиеся истины, разоблачает фальсификаторов советской истории, вылезших из темных щелей в пресловутые перестроечные годы, обличает клеветников на Сталина и советский социалистический строй — Б. Соколова, А. и Л. Мерцаловых, З. Шейниса, Э. Радзинского, Антонова-Овсеенко и других. Остановливаясь на предвоенном периоде, Вадим Кожин приводит все новые и новые доказательства того, что сущность и цель второй мировой войны — давнее стремление Запада (Европа плюс США) завоевать Россию, расчленив ее, превратить в свой сырьевой придаток.

В историческом плане Вадим Кожин это явление представляет так: «Натиск на Восток особенно усилился, начиная с XIV века, и шел он тогда под знаком борьбы Католицизма с Православием; атака нацизма на большевизм — это только исторически — конкретная форма многовекового натиска под разными девизами». Добавим к этой четкой формуле: в наше время девиз Запада тоже обозначился — «борьба за демократию, за соблюдение прав человека в России». И Католицизм тут как тут: идея экуменизма и прочее. Гитлер тоже шел на СССР под внешним лозунгом освобождения России от большевизма, в действительности же он был ударной силой нового натиска Запада на Восток. Фельдмаршал Манштейн в своих мемуарах «Утерянные победы» приводит слова Гитлера, сказанные им на совещании высшего состава перед началом операции «Цитадель» — наступления на Курской дуге: «наши солдаты должны знать, за что они борются, а именно — за жизненное пространство для своих детей и внуков. В Первую мировую войну мы ошиблись, не поставив себе никакой цели». В этих словах Гитлера сущность геополитических устремлений фашистской Германии, и Германии вообще.

Предвоенному пятилетию в книге уделено больше страниц, чем Великой Отечественной войне, которую автор называет просто Великой войной. И это, с одной стороны, вроде понятно: Патриоты страны к сегодняшнему дню отразили все посягательства врагов России — СССР, предателей Родины и всякой другой политиканствующей нечисти на величие исторической миссии Великой Отечественной

войны. С предвоенными событиями сложнее, тут фальсификации и вранье о репрессиях невинных, уничтожении «лучших военных кадров» перед войной, о сговоре с Гитлером в 1939 году укоренились глубже, подтасовки документов и «свидетельства» очевидцев проходят легче, разоблачать все это сложнее. Тем не менее представляется бесспорным, что Великая Отечественная война была самым значительным событием в истории России XX века. Нашествие фашистской Германии на СССР, масштабы и необычная жестокость военной схватки явились самым серьезным испытанием нового геополитического социалистического строя. И это испытание Советская многонациональная Россия выдержала в тяжелой военной и военно-экономической борьбе с Германией, на которую работал промышленный и военно-экономический потенциал всей континентальной Европы, а после захвата значительной части территории СССР и его богатые промышленные и продовольственные ресурсы.

В Кожинев подчеркивает «Геополитические цели войны 1941-1945 годов фактически осуществляли не 70 млн. немцев, а более 300 млн. европейцев, объединенных на различных основаниях — от вынужденного подчинения до желанного содружества». И приходится с досадой сожалеть, что в книге, посвященной историческому отрезку 1939 — 1964 годов, непомерно мало места отведено собственно событиям «Великой войны»-три небольшие главы из 9-ти (глава 2-я — «Внезапность или неготовность», глава 3-я — «Москва — Ржев — Берлин» и глава 4-я — «Итоги войны»), в общей сложности 64 стр. из 396-ти. В этих главах рассматриваются лишь некоторые, хотя, быть может, и самые сложные события, информация о которых остается искаженной до сих пор, умышленно запутана нашими врагами. Основное внимание уделено таким вопросам, как степень подготовленности страны к войне, причины тяжелого ее начала, потери в войне. Из сугубо фронтовых событий рассмотрены наступательные операции Красной Армии на Ржев в 1942-м — начале 1943-го года. Эти операции автор книги представляет как важнейшие операции первого периода войны, приковавшие к себе значительные силы немцев — 42 дивизии, не допустив их участия в наступлении на Сталинград и Кавказ.

Анализируя и отвергая полностью или частично наиболее распространенные объяснения трагического для нас развития начала войны, автор книги выдвигает свою трактовку — «враг был сильнее». Мне представляется, что в такой оценке Вадим Кожинев далеко не прав. Простая логика говорит о другом: мы были слабее, понесли невероятно большие потери в первые месяцы войны, потом в 42-м отступили еще дальше, еще много всего потеряли и вдруг почему-то стали сильнее. Так не бывает. Единственное остается предположить: нас спас Господь Бог. Но на Бога автор книги нигде не ссылается. Во всем другом же поражает неотразимая логика автора, его тонкий фактологический анализ событий. Например, не вдаваясь в долгие рассуждения о том, насколько были выдающимися военачальники, репрессированные в 1937 — 1938 годах, он лишь заметил: «... репрессированные Я.Б. Гамарник, В.М. Примаков, М.Н. Тухачевский, И.Ф. Федько, И.Э. Якир родились в 1893-1897 годах; и в те же самые годы, в 1894 — 1897-м, родились Г.К. Жуков, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, К.К. Рокоссовский, Ф.И. Толбухин. Но первые, исключая одного только Тухачевского, провоевавшего несколько месяцев в качестве подпоручика, не участвовали в Первой

мировой войне, а вторые (кроме окончившего школу прапорщиков Толбухина) начали на ней свой боевой путь простыми солдатами. Далее, первые оказались вскоре после революции на наиболее высоких руководящих постах, хотя им было тогда всего от 21 до 25 лет...), — без сомнения по «идеологическим», а не собственно «военным» соображениям, — а вторые медленно поднимались по должностной лестнице, обретали реальное умение управлять войсками». Тут, как говорится, комментарии излишни, а вывод очевиден: широко распространяемые фальсификаторами истории, политиканами разных мастей и перестроечными антинародными СМИ утверждения о том, что в 1937-1938 годах был уничтожен «цвет армии», — это вранье.

Цвет армии был рангом ниже и блестяще проявил себя во время Великой Отечественной войны. Останавливаясь на личности Тухачевского, Кожин утверждает, что его военный талант проявился лишь при подавлении антибольшевистских мятежей в Симбирске в 1918 году, в Кронштадте и на Тамбовщине в 1921 году, но «в единственной выпавшей на его долю войне с иностранной польской армией летом 1920 года... потерпел сокрушительное поражение». И еще, он обвиняет Тухачевского в том, что, будучи замнаркома, он преследовал выдающихся теоретиков военного дела — военачальников первой мировой войны, перешедших на службу в Красную Армию: А.А. Свечина, А.Е. Снесарева, В.Н. Егорьева и других. Подвел их под трибунал и под расстрел.

Теперь еще о том в книге, с чем, как представляется, нельзя согласиться. В. Кожин утверждает: «...тот факт, что в 1941-м не менее трети наших тогдашних вооруженных сил так или иначе «сдались», свидетельствует, увы, о мощнейшем превосходстве врага». Во-первых, надо заметить, большое количество наших войск попало в плен в окружениях, в большей части измотанные, раненые, голодные, израсходовав боеприпасы. О мощи противника здесь тоже, мне кажется, не следует говорить. Превосходство немцев было в лучшей подготовленности войск к боевым действиям, в организованности и агрессивной целеустремленности, боевой многоопытности высшего командования. Это они агрессивно, дерзко, сильно рискуя зарваться, устремились вперед через сохраненные кем-то для них мосты и переправы на границе, тактические успехи, явившиеся следствием первых ударов, для многих наших командиров — внезапных ударов, мгновенно развили в оперативные и оперативно-стратегические успехи. В противовес у нас — бездеятельность, безынициативность, беспечность командующих фронтами в последние предвоенные дни, приведшие к тому, что авиация, особенно в полосе Западного фронта, была подставлена под удар немецкой авиации и погибла, растерянность их и потеря управления своими войсками. Следствием этого явилась потеря управления фронтами со стороны Наркомата обороны и Генштаба.

Сталин в тот момент не занимался управлением войсками, чисто военными вопросами, сваливать на него перечисленные промахи нашего командования — подло. Его величайшая заслуга перед Отечеством в том, что он много внимания уделял главному в предвоенный период — он ковал военно-промышленный потенциал страны. Мы не были слабее немцев в основных видах вооружения армии и в соотношении военно-промышленных потенциалов. Уступали немцам несколько в стрелковом авиавооружении, существенно — в развитости радиосвязи. Уступали также

в войсковой ПВО, в моторизации пехоты, т.к. на Германию работала автомобильная промышленность Франции и Чехословакии. Нельзя не признать и тот факт, что немецкая промышленность, в том числе и военная, была более развита в технологическом отношении, обеспечивающим высокое качество машиностроения. Это традиционное преимущество немцев, начиная с прошлых времен, со швейной машинки «Зингер». Но в оперативном развитии серийного производства военной техники, особенно танков, советская промышленность оказалась значительно сильнее. К величайшему сожалению и всеобщему недоумению, в первые же недели войны колоссальное преимущество в оснащенности армии боевой техникой было утеряно.

Разгромив нашу авиацию на аэродромах и захватив господство в воздухе, немецкая авиация смогла парализовать обеспечение наших танковых частей и воюющих фронтов вообще горючим и боеприпасами. Немецкие танковые клинья, замкнув окружения приграничных войск, устремились внутрь страны, надолго захватив инициативу в свои руки. К концу 1941 года армия потеряла 20 000 танков из более чем 22000. Значительное количество военных заводов было в стадии эвакуации на колесах. Перевес в оснащенности и бесперебойном снабжении армии боевой техникой после этого оказался на стороне врага. К моменту оборонительных боев под Москвой Красная Армия оказалась существенно слабее немецкой. (В контрнаступлении под Москвой участвовало всего около 700 танков.) И все же под Москвой не только выстояли, но и нанесли противнику значительный урон, отогнав его на 200 — 250 км от столицы за счет умелых действий выдвигающихся на первый план полководцев — Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, Д.Д. Лелюшенко, П.А. Белова, М.Е. Катукова, многих других....

Вызывает сожаление также то, что, говоря о выдающихся примерах борьбы с врагом в первые месяцы войны, Вадим Кожин ограничился лишь мимолетным упоминанием «знаменитой обороны Брестской крепости». Увы, много героического из 1941-го года не стало знаменитым, осталось малоизвестным. На стыке Западного и Юго-Западного фронтов юго-западнее Бреста с первых часов войны держала упорную оборону 75-я стрелковая дивизия генерала С.И. Недвигина. Дивизия в течение первой недели войны не только не покинула свой рубеж обороны, но и активно несколько дней контратаковала 53-й немецкий армейский корпус 4-й армии группы армий «Центр». Об этих контратаках есть упоминание в мемуарах знаменитого Гудериана «Воспоминания солдата» на стр. 133 (изд. «Феникс», Ростов-на-Дону, 1998 г.): «В 20 час. 15 мин. (24.06.41 г.) я снова был в своем штабе. Там я узнал о тяжелых боях на нашем правом фланге, где с 23 июня у Малориты 53-й армейский корпус успешно отбивал атаки русских». То есть второй день целый корпус (кстати, это резервный корпус 4-й армии) в тяжелых боях отбивал атаки одной нашей дивизии (а других войск у Малориты не было). И слово «успешно» тут явно не к месту сказано. Нельзя не назвать также в числе самых блестящих примеров борьбы с немецким нашествием 99-ю стрелковую дивизию полковника Дементьева, оборонявшую Перемышль, 388-й полк полковника С.Ф. Кутепова, стоявший насмерть перед Могилевом. О беспримерной стойкости этого полка в обороне перед Могилевом Константин Симонов писал: «Я лично своими глазами видел 13 июля 41-го года тридцать девять немецких танков и бронетранспортеров, сожженных и разбитых перед позицией полка и на позициях,

причем полк в этом бою не отступил ни на шаг». К числу малоизвестных героических событий 1941 года принадлежит контрудар 2-го кавалерийского корпуса П.А. Белова по одной из дивизий танковой группы Гудериана под Штеповкой, что восточнее Киева, в конце августа — начале сентября 1941 года. В результате этого удара были освобождены и удерживались в течение недели 20 населенных пунктов. Да мало ли еще было подобных успешных боевых действий отдельных частей и соединений в тяжелом 41-м. Именно они сбили темп немецкого блицкрига и значительно обескровили войско оккупантов. Беда в том, что эти героические усилия были разрозненными и многие из них остались малоизвестными или вовсе безвестными.

Среди многих малоизвестных событий, связанных с «Большой войной», которые анализируются в книге, есть материал о репрессиях кавказских народов. Вадим Кожин приводит немецкие документы о том, что адыгейцы, черкесы, кабардинцы, осетины враждебно встретили пришедших на Кавказ в 1942 году немцев, не сотрудничали с ними, и поэтому не выселялись в отличие от карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, которые с немцами сотрудничали и за это были выселены во время войны в среднеазиатские районы. Возникает вопрос: не на этой ли почве в наши дни развиваются противоречия между черкесами и карачаевцами? Черкесы, похоже, не хотят иметь во главе своей республики представителя народа, который запятнал себя сотрудничеством с оккупантами.

Наконец, никак нельзя не обратить внимание на очень короткую главу книги — «Итоги войны». В ней, опираясь на самые новейшие добросовестные зарубежные и отечественные демографические исследования, Вадим Кожин приводит новый расчет потерь СССР в период Великой Отечественной войны и потерь западных стран в период второй мировой войны. Основные цифры нового расчета потерь таковы: в годы войны из потерь населения СССР (боевые потери вооруженных сил и погибшее гражданское население) погибло 19,9 млн. человек. К подобной цифре общих потерь (20 млн. чел.) давно пришел известный демограф Б.И. Урланис. Она приводилась, например, в его книге «Народонаселение. Исследования. Публицистика». Это при Горбачеве уже высосали из пальца уже 27 млн. потерь. Общие потери Запада (включая Германию и ее союзников) В. Кожин оценивает в 17,9 млн. человек.

Приведенные самые новейшие данные о наших общих потерях в войне с немецким фашизмом, понятно, не замечают ни нынешние «историки», ни челядь, готовившая материал для выступления президента В. Путина на юбилейных торжествах по случаю дня Великой Победы советского народа над фашизмом.

Если кратко оценивать книги Вадима Кожина «Россия. Век XX» в целом, то можно сказать так: это ценнейший, предельно информативный труд по истории России, очень нужный патриотам в борьбе с махровыми фальсификаторами Советской истории, с врагами России.

Глава 12. БЫЛ ЛИ «ЗАГОВОР» МАРШАЛОВ?

МАРТИРОСЯН УТВЕРЖДАЕТ

Троцкистский заговор маршала Тухачевского и его сообщников против сталинского руководства детально рассматривается в книге А. Мартиросяна «Заговор маршалов» в тесном переплетении с геополитической борьбой основных капиталистических держав Европы, США и Японии против России, СССР и между собой.

Книга предельно насыщена, местами кажется даже перенасыщенной, малоизвестной информацией, фактологическим материалом о геополитике основных капиталистических государств, начиная с 16 века и до наших дней. В ней фигурирует масса малоизвестных и совсем неизвестных ранее фактов из области дипломатии, взаимосвязи разведок Великобритании, Германии, Франции, Японии, США, дореволюционной и послереволюционной России и СССР. Если записанное обобщить кратко с привлечением других источников, энциклопедии и справочников, то вырисовывается такой исторический геополитический фон, на котором рассматривается одно из сложных событий предвоенного периода нашей страны, — антисоветский заговор Тухачевского.

Великобритания. «Владычица морей» и колонии по всему земному шару стремилась сохранить и приумножить свое могущество и зорко следила за противодействием этому. Её геополитика сводилась к трем основным принципам: 1 — соблюдение «равновесия сил»; 2 — недопущение господства каком-либо великой державы на сухопутных и морских коммуникациях, ведущих из Европы в Индию и обратно; 3 — сохранение британского господства на морях... Со времен образования единого русского государства, вставшего естественным путем на сухопутном проникновении Великобритании в Индию и другие страны Востока, Великобритания всеми силами стремилась разрушить российское государство.

В начале книги приводится довольно обстоятельный, многостраничный экскурс в многовековое прошлое антироссийской дипломатии Британской империи и деятельности её знаменитой разведывательной службы Сикрет Интеллидженс Сервис — СИС, начиная с эпохи Ивана Грозного. Англия в те давние времена пыталась завладеть кратчайшим сухопутным торговым путем в Индию и вообще на средний и дальний Восток. В первые годы царствования Ивана Грозного ей это удавалось. Была организована беспоплибно торгующая структура — Московская торговая кампания, выгодно для себя использовавшая волжско-каспийский путь и просуществовавшая до 1649 года. Окончательно выгнали ее при царствовании Алексея Михайловича, и было за что: в ответ на благодеяния Ивана-1У английская дипломатия, разведка и алчные торговцы настроились на разрушение российской государственности. В книге приводится масса фактов, свидетельствующих о том, что Иван Грозный, создавший

основы Российской империи, его сын и жены были отравлены британским врачом — разведчиком. Утверждается, что «Агенты именно этой кампании... пытались навязать России английский протекторат в разгар Смуты, а в 1612 г. ... именно этой кампанией был выдвинут проект военной экспансии, преследовавший цель, под видом оказания помощи Москве в отражении очередного, инспирированного Западом, нашествия польских и шведских войск, захватить Русский Север — единственный тогда выход к морю. Проект этот был решительно отклонен великими патриотами Земли Русской — Мининым и Пожарским».

В книге многократно повторяется тезис: и Первая, и Вторая мировые войны — спровоцированы Великобританией. Их же дело рук и Февральская, и Октябрьская революции 1917 года, и развал СССР в 1990-е годы, при этом «... Великобритания после каждой ею же инспирированной войны пытается на кого-нибудь да спихнуть всю ответственность за эти преступления против человечества».

Германия. Стремилась активно противодействовать геополитическим устремлениям Великобритании, пыталась вытеснить её из Южной Европы и других районов. С давних времен мечтала о расширении своего жизненного пространства на Востоке. Но не всегда — путем агрессии. Бисмарк, выдающийся политический деятель Германии, дипломат, бывший послом в России в 1860 -1862 годах, канцлер Германской империи в 1871 — 1890 года, был последовательным сторонником сближения с Россией. Его кредо — «На Востоке у Германии врагов нет». Эта геополитическая линия Германии в какой-то степени возродится после окончания Первой мировой войны.

Активным сторонником восточной ориентации в Германии в то послевоенное время, вернее сказать, уже с начала XX века, был Карл Хаусхофер, «Выдающийся германский геополитик, один из основоположников — классиков этой, почти весь XX век не признававшейся в России науки... Профессиональный военный разведчик: с 1897г. выполнял различные военно-дипломатические и разведывательные функции и поручения в Юго-Восточной Азии, Индии, Тибете, Монголии, Синьзяне (Китае), Манчжурии, Японии. С 1908 по 1910г являлся германским военным атташе в Японии и с тех пор располагал в этой стране колоссальными связями во всех кругах японского общества... с 1921г. профессор Мюнхенского университета и одновременно основатель и бессменный руководитель знаменитого в те времена Института геополитики при том же университете... основатель и бессменный издатель знаменитого в первой половине XX века, обладавшего громадным авторитетом в международных политических, дипломатических и разведывательных кругах журнала «Геополитика»... имел звание генерал-майора...

Еще до Первой мировой войны Хаусхофер являлся личным советником кайзера Вильгельма II по дальневосточным проблемам. Уже с тех пор являлся убежденным сторонником союза Германии и Японии при участии России. Участник Первой мировой войны — I августа 1914 г. был восстановлен на военной службе, командовал дивизией, в т.ч. и на Восточном фронте... Великолепно разбирался и легко ориентировался в вопросах астрологии, оккультных наук, конспирологии, истории и современности различных тайных обществ, в т.ч. и особенно масонских, сам являлся членом «Германенорден» и созданного под его эгидой на манер масонской ложи

«Общества Туле», в конце 20-х годов уже сам создал пресловутую «Ложу Врил» (ложу Света), в которую входили многие руководящие деятели нацистского рейха. Принял посвящение в буддизм... был посвящен в члены японского тайного общества «Зеленый Дракон», имел очень тесные связи с другими тайными японскими обществами — «Обществом реки Амур», «Обществом Черного Дракона»... сам создал в Берлине и Мюнхене Тибетское Общество. Себя называл не иначе как «учеником Восточной Империи»... И при всем при этом Хаусхофер был теснейшим образом связан, являясь фактически её членом, с одной из самых могущественных масонских лож Великобритании и всего Запада — «Герместическим Орденом Золотой Зари». Владел немецким, английским, японским, а также санскритом.»

Нельзя не обратить внимание и на такое утверждение Мартиросяна: «... Хаусхофер лично обучал геополитике Адольфа Гитлера... но кровавой славянофобии коричневому диктатору Хаусхофер не прививал. Гитлер уже сам сделал свой выбор, полностью извратив все то, чему его обучали...»

К этому следует добавить вот что. В мемуарах Черчилля «Вторая мировая война» приводятся сведения о том, что К. Хаусхофер был также политическим советником и астрологом ближайшего соратника Гитлера — Гесса. В связи с перелетом Гесса 10 мая 1941 г. в Англию Черчилль пишет: «... Гессу было известно (через Хаусхофера — В.Ф.), что герцог Гамильтонский является одним из высокопоставленных придворных чинов. Такое лицо, вероятно, каждый вечер обедает с королем и лично беседует с ним. Через него он сможет найти прямой доступ к королю... Объяснения, которые сам Гесс дал врачу (о целях перелета в Англию - В.Ф.) вряд ли проливают больше света на этот вопрос. 22 мая его (Гесса — В.Ф.) врач сделал следующее сообщение: «Он (Гесс — В.Ф.) заявил, что его приводили в ужас сообщения об ожесточенных налетах на Лондон в 1940 году и ему страшно было думать о том, сколько детей и матерей погибло в результате этих налетов... Именно в таком настроении ему пришлось услышать, как его астролог Хаусхофер высказал аналогичные мысли и упомянул при этом о герцоге Гамильтонском как о человеке здравого ума, которого тоже, вероятно, приводит в ужас эта бессмысленная бойня. Хаусхофер также рассказал ему, что он три раза видел во сне, как Гесс управляет самолетом, который летит куда-то в неизвестном направлении. Гесс понял замечание, исходящее от этого человека, как сигнал о том, что он должен вылететь в нашу страну в качестве эmissара мира, чтобы найти герцога Гамильтонского, который доставит его к королю Георгу. Нынешнее английское правительство будет смещено, а вместо него власть возьмет в свои руки партия, стремящаяся к миру». Из приведенных строк трудно сразу определить, какой ориентации в действительности был К. Хаусхофер в момент нападения фашистской Германии на нашу страну. Впрочем, Черчилль тоже был великим мастером прятать истину за словесной эквилибристикой.

Другим сторонником «восточной ориентации» послевоенной Германии был Брокдорф-Ранцау. Мартиросян так его характеризует: «... граф, профессиональный германский дипломат, специалист по дальней дипломатии — именно на него замыкались « все основные связи интриги Германии с Лениным и К0. На дипломатической службе с 1894 г., в 1897 — 1901гг. — секретарь германского посольства в Петербурге... С 1912г., по 1918г.- германский посланник в Копенгагене

(Дания), откуда руководил основной работой по использованию Ленина и КО в подрывных антироссийских целях. С конца декабря 1918г. исполнял обязанности министра иностранных дел Германии, а с 12 февраля по 20 июля 1919г. министр иностранных дел Веймарской республики... С 1922 по 1929г. Брокдорф-Ранцау был первым послом Веймарской республики в СССР».

Тут нельзя не заметить тенденциозность Мартиросяна по отношению к Ленину. Совершенно же очевидно, что именно Ленин использовал в интересах революции Ранцау, а не наоборот.

Далее Ранцау характеризуется автором книги несколько с иной стороны. Он говорит о нем и о наркоте по иностранным делам Г. Чичерине как о психически ненормальных людях, отъявленных пьяницах и гомосексуалистах, известных и Ленину, и... «абсолютно всем». Такая характеристика представляется странной и вряд ли соответствующей действительности. Скорее всего — сочиненной и пущенной в оборот британской СИС. Хватило же у них, то есть у «психически ненормальных» Ранцау и Чичерина здравого смысла и трезвости в самом экстренном порядке подготовить и заключить в апреле 1922 года крайне важный и для Веймарской Германии и, для молодой Советской России, блокированной капиталистическим миром, Рапальский договор.

Такую подробную выдержку из биографии Хаусхофера и Ранцау я привел с той целью, чтобы показать, между прочим, какие выдающиеся деятели прошлого стояли за тесное взаимодействие России и Германии: Бисмарк, Хаусхофер, Брокдорф-Ранцау, Ленин, в конце концов. Так что нынешнее «братание» Путина и Шредера, если бы не ельцинское предательство и его кровавый след, тянувшийся за Путиным, не выглядело бы легкомысленной затеей.

Франция. Всегда испытывала и экономическое, и политическое давление либо со стороны Германии, либо со стороны Великобритании. После поражения Германии и окончания Первой мировой войны Франция укрепила свое положение, что не могло не тревожить Великобританию.

Япония. С давних времен стремилась расширить жизненное пространство за счет Китая. Стремилась вытеснить оттуда и из тихоокеанского региона Великобританию и другие европейские государства, а также США и захватить там господство. В Японии всегда бывали политические деятели евроазиатской ориентации, стремящиеся решить свои проблемы в союзе с Россией и Германией. Например, «антисталинист» и убежденный евразиец принц Коноэ.

США. Всегда они были против геополитических союзов крупных государств, так как это редко было не в ущерб их государственным интересам.. На океанских просторах США боялись усиления Японии, её экспансии в юго-восточном регионе. С начала XX века одним из главных, если не самым главным, из геополитических интересов США было стремление вытеснить Великобританию из её обширных владений на Востоке. Одной из главных причин этого было то обстоятельство, что финансы США уже в то время находились в руках еврейских финансистов, выходцев из Германии. Автор книги так представляет эту ситуацию. «О том, какой она (очень сплоченная, чрезвычайно влиятельная еврейская группировка американского финансового и торгово-промышленного капитала, которая почти поголовно была

представлена выходцами из Германии, сохранившими свои обширные интересы и в этой стране) имела вес во всех сферах жизни США того времени, может дать представление один пикантный факт... в начале XX века в США всерьез стоял вопрос о том, какой же язык должен быть государственным — английский или немецкий. С небольшим перевесом Америка склонилась тогда к более привычному английскому...»

Далее Мартиросян так оценивает роль американского финансового капитала в развитии событий в конце и после Первой мировой войны:

«Если все... проявления (США — В.Ф.) в высшей мировой геополитике того времени вкратце свести к единому знаменателю, то получим следующее: за счет активнейшего в дальнейшем использования ими же инспирированной «русской революции» в глобальном масштабе разрушить Британскую империю, особенно на Востоке, и тем самым обеспечить максимальное проникновение американского капитала в эти регионы мира! ...Несмотря на то что у американского капитала еще в самом начале XX века развилось стремление к мировому господству, особенно на востоке, в те времена, даже при всей уже тогда очевидной мощи, сыгравшей колоссальную роль еще в Первой мировой войне, США все-таки не были готовы полностью перехватить у Великобритании глобальную инициативу в борьбе за мировое господство (это случится только в 1945г.)... Поэтому не случайно, что именно американскими деньгами, хотя и через германские банки, осуществлялось «спонсирование» т.н. «русской революции». Также не случайно в первые годы Советской власти и вплоть до смерти Ленина золото перекачивалось из России в США в прямом смысле слова пароходами — то были два акта одного и того же спектакля под названием «Всемирная финансовая Революция», необходимость которой столь вождь и долго алкал американский капитал (сейчас уже идет Третья Всемирная Финансовая Революция, и опять-таки в пользу США)».

Россия. Со времен своего образования как централизованного государства была помехой геополитическому интересу Великобритании — иметь кратчайший сухопутный путь в Индию и вообще на Восток к Средней Азии и Китаю и вынуждена была противостоять этим британским устремлениям. После победы Октябрьской революции в России к этой геополитической ситуации, длившейся веками, добавилось еще множество других проблем, порожденных неизбежным противостоянием между капиталистическим и социалистическим миром, перераспределением взаимоотношений России с крупными и некрупными странами Европы, Азии и Америки, а также внутригосударственной межклассовой борьбой.

Непризнанная ни Западной Европой, ни США молодая Советская российская республика, общипанная со многих сторон, после иностранной военной интервенции и гражданской войны крайне нуждалась в прорыве экономической блокады капиталистических государств, в создании своей сильной регулярной армии и в её вооружении. Установленные во время эмиграции Ленина в Швейцарию политические контакты с некоторыми видными политиками Германии, в том числе и с Брокдорф-Ранцау, а также встречное устремление политиков, дипломатов и высокопоставленных военных, униженной, оскорбленной и обобранной германской Веймарской республики способствовало решению этих задач. Сторонниками «восточной ориентации» в то время были и многие генералы рейхсвера: генерал фон Сект, командующий

сухопутными войсками рейхсвера Веймарской республики в 1920 — 26 гг., и генерал фон Фрич, будущий главнокомандующий сухопутными войсками вермахта в 1930-х годах, последовательный сторонник Секта, возглавивший в 1936 — 37 гг. промонархический заговор против Гитлера.

К сожалению, Мартиросян оценивает роль Ленина иначе, резко негативно, как ставленника Ранцау, с чем, конечно нельзя согласиться. На протяжении всей книги он к Ленину относится крайне отрицательно, говорит о нем только в оскорбительном тоне, считает его разрушителем России. В этом Мартиросян противоречит часто самому себе. Он пишет, например, что Февральская революция — дело рук британской разведки, начало разрушения государственности России, её армии. Это так, но Мартиросян не может или не хочет понимать, что именно Ленин, большевики, взяв крепко власть в свои руки в октябре 1917 года, спасли Россию от полного краха. Именно такую оценку большевикам давали многие видные представители послереволюционной российской эмиграции.

Вездесущая разведка Великобритании не могла не обратить внимания на германо-советское сотрудничество. Мартиросян так характеризует этот момент: «... Надо признать, что с первых послеоктябрьских дней подозревавшая возможность такого поворота события (это отчетливо видно по первым послеоктябрьским донесениям британского посольства в Петербурге) британская разведка оказалась на высоте и с того момента уже не выпускала из поля своего зрения весь процесс зарождения, становления и развития германо-советского сотрудничества, в т.ч. и перерождения его военной части в грозящий высшим национальным интересам Великобритании заговор военных. Причем в кооперации не только с германскими генералами, но также в союзе с милитаристски настроенными японскими евразийцами».

Как известно, на протяжении всех 1920-х годов советско-германские отношения успешно развивались, в том числе и в авиастроении, в организации военно-учебных центров, осуществлялась подготовка военнотехнических специалистов в советских военных школах для рейхсвера. Проводился частый обмен военными делегациями, стажировками специалистов. Успешно развивались в начале 1920-х годов и добрососедские отношения Советского союза с Китаем и Японией. В 1924 г. был заключен договор о ненападении и взаимном сотрудничестве с Китаем. В 1925-м — аналогичный договор с Японией. Это также очень встревожило Великобританию, и её дипломатия ринулась небезуспешно противодействовать дальнейшему развитию дружественных отношений СССР с этими странами. «Уже в начале 1927 г. отчаянными усилиями Великобритании удалось добиться резкого осложнения советско-китайских отношений — известное нападение на советское консульство в Китае... кровавая резня китайских коммунистов, устроенная Чан Кай- ши по прямому наущению британской разведки привела к резкому снижению активности Москвы в регионе».

В сноске к этим словам Мартиросян поясняет: «... в то время Москва и Коминтерн готовили китайскую революцию силами компартии Китая, и свершись она по московско-коминтерновскому сценарию, Лондону из Китая пришлось бы убираться еще в 1927 г.» Антисоветская деятельность Великобритании в Японии тоже оказалась успешной. В 1927 г. появился «Меморандум Танаки»... в котором четко были обозначены агрессивные планы Японии против СССР... Одновременно Лондон

нагнетал антисоветскую истерию по всей Европе — советских послов убивали (Воровского в Варшаве), выгоняли (Раковского из Франции), на полпредства СССР за рубежом осуществлялись вооруженные налеты (на «Аркос» в Лондоне, Китае) и т.д. Вопрос о войне против СССР при активном содействии Великобритании всерьез встал в повестку дня международной жизни».

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИМИДЖА ТУХАЧЕВСКОГО

В 1920-е годы, а точнее, сразу после Октябрьской революции всплывает и делает головокружительный взлет, что называется, с места в карьер, Тухачевский. В книге подробно прослеживается его карьера, начиная с 1915г., с момента попадания его в плен к немцам. Автор книги утверждает, приводя в доказательство множество фактов, свидетельствующих о том, что Тухачевский, будучи в германском плену с 1915 по 1917 год, был тщательно обработан и сформирован немецкой разведкой как агент влияния. Последний лагерь, в котором очутился после многочисленных «побегов» Тухачевский, Ингольштадт находился под постоянным пристальным вниманием «Общества Туле» К. Хаусхофера. Мартиросян утверждает, что сам К. Хаусхофер встречался в то время с Тухачевским. Солагерники отмечали позднее наличие у него диктаторских убеждений с антибританским уклоном. А автор книги утверждает, что Тухачевского начиная с того времени вела и английская разведка. Прослеживается в книге перемещение Тухачевского после его побега из лагеря Ингольштадт 18.09.1917г. через Швейцарию и Францию в Россию. При этом обращается внимание на ряд странных обстоятельств: Тухачевский, находясь после побега целый месяц в Швейцарии, не обратился в русское посольство, а направился во Францию, и только там он 12 октября обратился к послу А.А. Игнатьеву, после чего он и вернулся в Россию в 20-х числах октября 1917г.

Внимательно прослеживается автором книги путь Тухачевского и в первые месяцы Советской России. В феврале 1918г. Тухачевский встречается с Н.Н. Кулябко, «членом ВЦИК по работе с военными комиссарами, одновременно военным комиссаром обороны Москвы.» (В прошлом — подполковник, начальник Киевского охранного отделения, оказавший, как утверждает Мартиросян, максимальное содействие революционерам-террористам в организации убийства Столыпина). Тут же Мартиросян высказывает свое подозрение Кулябко в убийстве С.М. Кирова 1.12.1934 года. Его аргументация: «На тот момент прошло 23 с небольшим года после убийства Столыпина, но если сравнить «технологический почерк» в организации убийства Петра Аркадьевича и Сергея Мироновича, то, к удивлению многих, он окажется идентичным. Разница только в именах убитых, исполнителей и мест совершения преступления».

Характеризуя Кулябко Мартиросян выдает и такое: «... Кулябко, как и все члены ВЦИК, был избран по прямому согласованию и утверждению его кандидатуры представителями германской разведки при Ленине — майором Любертсом (шифрованная подпись «Агасфер») и его помощником... А они, в свою очередь, получили прямые указания на сей счет непосредственно из Генерального штаба Германии, куда, естественно, заблаговременно сообщили имена кандидатур в члены

ВЦИК и, конечно же, свои соображения и характеристики, которые были составлены на основании данных самой германской разведки. Жаль, что именно характеристики-то и не публикуются, а было бы очень интересно, как германская разведка характеризовала октябрьский костяк «ленинской гвардии». Кстати говоря, Сталина там нет».

Такая интерпретация события автором книги мне представляется уж слишком вольной и явно несостоятельной. Мне кажется, приведенным фактам можно дать иное толкование. Конечно, Ленин, формируя вокруг себя первую высшую советскую власть, стремился проверить всех людей, намеченных в её состав. Достаточных сведений об их прошлом у него, конечно, не было. Но он, похоже, хорошо знал, что такие сведения есть у иностранных разведок, в частности, у немецкой, и он просто воспользовался этими сведениями через преданных ему единомышленников — сотрудников германской разведки и работников германского генштаба. Они и предоставили ему нужные сведения.

После встречи с Кулябко Тухачевский оказывается в военном отделе ВЦИКа. В апреле 1918г., по рекомендации того же Кулябко, вступает в члены компартии. В мае 1919 года назначается военным комиссаром обороны Московского района. В июне — декабре 1918г. — командующий 1-й армией Восточного фронта. С декабря 1918 по январь 1919г. помощник командующего Южного фронта... Такая головокружительная карьера поручика, недавно выпустившегося из военного училища, имевшего всего полугодовой срок службы в армии, хотя и фронтовой службы, взлет от пом комвзвода до командующего армией и помощника командующего фронтом всего менее чем за год, представляется, по крайней мере, очень странной. Какие-то руки безоглядно выталкивали его в верхние эшелоны комсостава Красной Армии. Судя по дальнейшей его деятельности главными из таких рук были Троцкий и Кулябко. Помимо всего прочего, карьера Тухачевского в годы гражданской войны говорит и о том, что командование армиями в то время играло очень слабую роль в управлении такими объединениями. Это представляется естественным при уровне связи того времени: с помощью телеграфа, конных нарочных, ненадежной авиации, управление войсками, разбросанными на большие стояния, было малоэффективным, малооперативным. Основную роль в организации боевых действий играли тогда командиры на местах: командиры полков, дивизий, конных корпусов, но последних, конечно, было единицы.

Поданным СВЭ, т.8 (Изд. МО СССР, 1980г.) дальнейшая военная карьера Тухачевского развивалась также стремительно. Январь — март 1919 г. он командует 8-й армией Южного фронта; апрель — ноябрь 1919- го — командующий 5-й армией; январь — апрель 1920 г. — командующий Кавказским фронтом; апрель 1920 — август 1920 — командующий Западным фронтом. Здесь он сначала организует стремительное наступление вплоть до Варшавы, ожидая, что пролетариат Запада выступит в поддержку Красной Армии (обнажая себя последователем теории «перманентной революции» Троцкого), о чем пишет подробно в своем очерке «Поход за Вислу». Затем терпит сокрушительное поражение от поляков, о чем уже пишет маршал Польши Пилсудский в книге «Война 1920 года», очень нелестно оценивая действия Тухачевского как командующего фронтом.

После своего поражения под Варшавой Тухачевский отличается уже в карательных операциях против своего народа, отличается безжалостностью и жестокостью. В марте 1921г. — командуя 7-й армией при подавлении кронштадского мятежа; в апреле — мае 1921 — командуя войсками Тамбовского района при подавлении крестьянского восстания, так называемой антоновщины. Известен изуверский приказ войскам, участвующим в подавлении восстания, № 116 от 12.06.1921г., подписанный Антоновым-Овсеенко и Тухачевским, об оцеплении войсками мятежных волостей, взятии и расстреле заложников. После окончания гражданской войны карьера Тухачевского продолжает расти. В 1921 г. он назначается начальником Военной академии РККА, с января 1922 г. по апрель 1924г., он вновь командующий Западным фронтом.

В марте 1924 г. на пост Наркома по военным и морским делам и одновременно заместителем председателя РВС СССР назначается Фрунзе. С апреля 1924г. Фрунзе одновременно и начальник штаба РККА, и начальник Военной академии. В этот же период Тухачевский с апреля 1924г. — член РВС, помощник Фрунзе, с июля 1924г. — зам. н-ка штаба РККА. В январе 1925г. Троцкий снимается с постов Председателя РВС и наркома по военным и морским делам. На эти посты назначается Фрунзе. Мартиросян это событие рассматривает со своей позиции, подчеркивая: «Когда Троцкого прогнали со всех постов, особенно с поста Председателя РВС, немцы всерьез всполошились... Ведь все ставки прагматичного «русофильства» и «восточной ориентации» германского рейхсвера были сделаны на Троцкого как на стержня влиятельной группы германофилов в советском военно-политическом руководстве... Следовательно, практичные немцы обязательно должны были искать замену Троцкому в смысле налаживания нового канала влияния, ... Так оно и было. И то, что впоследствии «гениальный стратег» собственноручно написал, что «отношения с немцами были установлены в 1925г.» — есть не только честное признание самого факта, но и того обстоятельства, что немцы практически мгновенно сориентировались: ведь бурно восходящая новая «звезда» советского военного Олимпа как раз в 1925г. и отправилась на выучку в Германию». Тухачевский прибыл в Германию в качестве помощника Фрунзе. И тут, как утверждает Мартиросян, «скорее всего и... произошло окончательное оформление отношений немцев с Тухачевским...», на роль тривиального шпиона он уже не годился, но слишком уже заманчива была перспектива заполучить мощного в недалеком будущем «агента стратегического военно-политического и даже геополитического влияния в тех глобальных геополитических комбинациях рейхсвера, основы которого были разработаны У. Брок-дорф-Ранцау, К. Хаусхофером и Г. фон Сектом». По возвращении из Германии в ноябре 1925г. Тухачевский назначается начальником Генерального штаба РККА.

Фрунзе сразу начинает проводить в жизнь военную реформу. Мартиросян так говорит: «... Не успев возглавить РВС республики, Фрунзе первым делом начал давно назревшую военную реформу, среди самых первых шагов по реализации которой были: а) резкое сокращение вооруженных сил, практически в 10 раз — с более чем 5 миллионов человек до 500 тысяч; б) резкое сокращение центрального военного аппарата, неимоверно разбухшего за годы правления Троцкого в основном за счет его сторонников из числа прежде всего соплеменников; в) соответственно, столь же резко

была сокращена и численность РВС, Наркомата по военным и морским делам, а также Генштаба также перенасыщенного троцкистами... Стоит ли после этого удивляться, что уже летом 1925г.... Фрунзе «удалось» дважды попасть в автомобильную катастрофу, в результате которых он получил ушибы рук, ног и головы, и в итоге у него вновь открылось кровотечение язвы желудка».

31 октября 1925г. Фрунзе неожиданно умирает на операционном столе. Наркомом по военным и морским делам становится Ворошилов. Тухачевский назначается на должность начальника генерального штаба РККА. Деятельность его на этом посту весьма любопытна. В этот момент в ответ на успехи советской дипломатии на Дальнем Востоке британская дипломатия и разведка провоцируют серьезные конфликты против СССР по всей Европе и в Китае, создав очень напряженную политическую обстановку вокруг СССР. Отстранение Троцкого и его сторонников от высших политических и государственных органов, а затем и высылка его из страны привели к резкому обострению внутривнутриполитической обстановки в стране. Мартиросян отмечает: «Вопрос о войне против СССР при активном содействии Великобритании всерьез встал в повестку дня международной жизни...»

А Тухачевский в 1927 году выступает с более чем странным, нелепым предложением — оснастить РККА 100 тысячами танков. Послушаем по этому поводу снова Мартиросяна. «И вот именно в этот момент, на фоне всех остальных, не менее тяжелых внешних и внутренних проблем СССР, начальник Генерального штаба Тухачевский выходит со своим неадекватным предложением о 100 тысячах танков... Тухачевский этим предложением едва ли не копировал провокационные затеи своего только что изгнанного (27. XI.27г.) со всех постов кумира — Троцкого. Более того, именно тогда, в 1927г., Троцкий заявил о необходимости брать власть... На таком фоне сугубо милитаристское предложение Тухачевского, прими его Кремль, а скрыть такую программу было бы нереально, давало бы козырь всему Западу обвинить СССР в развязывании гонки вооружений... «красный милитаризм» Тухачевского мог спровоцировать тот же Запад на использование вооруженной силы в целях якобы устранения такой милитаристской угрозы, тем более идейно, в моральном плане Запад готов был разобратся силой с той же Москвой. И что тогда? Армии еще толковой нет, индустрии нет, хлеба нет, крестьянство жестко выступает против государства, оппозиция агрессивно и методично разворачивается по очередному боевому плану, международная обстановка накалена до предела — и вооруженное нападение Запада на СССР!... Вот что таило, казалось бы, лишь только внешне неумное предложение начальника Генштаба Тухачевского — даже по количеству вкратце затронутых аспектов очевидно, насколько все было сложно, запутано и перепутано».

С мая 1928 до конца 1930 г. Тухачевский находится на посту командующего войсками ЛВО. В январе 1930г. он выступает с новым странным, а в действительности, коварным предложением правительству. А.Б. Мартиросян: «... Вновь демонстрируя, на первый взгляд, полную неадекватность, «стратег» предложил в мирное время создать армию из 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 артиллерийских дивизий, 225 пулеметных батальонов, 40 тысяч самолетов и 50 тысяч танков ... Ведь это был самый разгар коллективизации, когда подавляющая часть секретарей партийных организаций на местах как по команде перешла к жесточайшему насилию на деревне, откровенно

провоцируя гражданскую войну в стране. И вот в такой обстановке «стратег» предложил призвать в армию несколько миллионов до крайности озлобленных крестьян?! Зачем?... Никакого иного ответа, кроме как прямого расчета повернуть с их помощью оружие против центральной власти — нет и быть не может! Хотя бы потому, что уже в 1930 г. в отношении Тухачевского пошла волна сообщений о вынашивающихся им планах военного переворота в стране».

Троцкистская оппозиция в те годы была очень активной, а Тухачевский еще со времен гражданской войны был ярким сторонником Троцкого, почему так успешно и продвигался при нем по военной стезе.

О Троцком Мартиросян говорит очень определенно во многих местах своей книги, начиная вот так: «Как-то само собой в нашей исторической литературе, особенно посвященной сотрудничеству рейхсвера и РККА, сложилось навязываемое мнение о том, что Троцкий был германофилом сугубо прагматического толка. В действительности же Троцкий... всегда был германофильствующим, по определенным политическим и иным соображениям прагматиком проамериканского толка... Корни такой его позиции в длительном пребывании в эмиграции в Америке, но в еще большей и определяющей степени в его личных, перемешавшихся с деловыми (политическими), связях с финансовой элитой США того времени, в т.ч. и с очень сплоченной, чрезвычайно влиятельной еврейской группировкой американского финансового и торгово-промышленного капитала, которая почти поголовно была представлена выходцами из Германии, сохранившими свои обширные интересы в этой стране... Троцкий... был очень сильным политическим бойцом — чтобы просто так оставить столь необъятную власть (тем более военную). Даже более поздние документы британской и германской разведок однозначно свидетельствуют, что таких попыток он не оставлял до последней секунды своей жизни... Да и засылали его в Россию, в конце- то концов, вовсе не для того, чтобы опускать руки — слишком много денег вложили лично в него, чтобы он просто так отдалился от борьбы... Только в последние годы отечественные историки, наконец, стали понимать, что во время Гражданской войны Троцким и его сторонниками целенаправленно и планомерно уничтожались, в т.ч. и чужими руками, не исключая и белогвардейских, наиболее талантливые полководцы из народа — Чапаев, Щорс, Тимофей Черняк, В. Боженко, А. Богунский, впоследствии Фрунзе, Котовский и другие».

Уже в 1930 г. Тухачевского подозревали в антисоветской деятельности, и были о том сигналы его сослуживцев. Тем не менее Сталин, видимо, не верил в явное предательство Тухачевского.

В начале — середине 1930-х годов СССР, зная коварство основных капиталистических государств, усиленно продолжал укреплять свои международные связи, заключая с ближайшими соседями и другими странами договоры о ненападении, нейтралитете и взаимопомощи. Обратившись к БСЭ-1, устанавливаем: в 1932 заключены договоры о ненападении с Латвией, Эстонией, Финляндией и Польшей, а также с Францией. В 1933 — договор о ненападении с Италией. В этом же году устанавливаются дипломатические отношения с Испанией, Чехословакией, Румынией, Венгрией, Болгарией. По инициативе Рузвельта в 1933 г. начинаются переговоры с США, которые приводят к установлению дипломатических отношений между СССР и

США. В 1939 г. СССР по приглашению 34-х государств вступает в Лигу Наций. С 1926 по 1936 г. действует договор о ненападении между СССР и Германией. В мае 1935 г. заключаются советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи в отражении агрессии. Мартиросян в связи с этим замечает: «Тухачевский, как известно, не был в восторге от предполагавшегося военного союза с Парижем — ему больше импонировал союз с Германией».

К концу 1932 г. в СССР был выполнен досрочно первый пятилетний план развития народного хозяйства. Страна становилась индустриальной. За годы 1-й пятилетки в стране появилось 16 новых домен, вместо 3,2 млн. т. чугуна в 1928 г. в 1932 было вылущено 6,2 млн. т., 2-е место в мире страна заняла по общему машиностроению. Были построены Харьковский и Сталинградский тракторные заводы, автомобильные заводы в Москве и Нижнем Новгороде, Магнитогорский и Новокузнецкий металлургический комбинаты. 10.10.1932 г. вступила в строй Днепрогэс. По данным БСЭ-1 — «самое грандиозное сооружение этого рода не только в СССР, но и во всем мире». Явно обозначилось преимущество Советского Социалистического строя перед капиталистическим, который в те годы был охвачен жестоким экономическим кризисом. И как следствие этого в том мире обостряются захватнические устремления и возникают планы решить свои проблемы за счет Советского Союза.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В 1933 г. к власти в Германии приходит Гитлер и его партия. И сразу проявляются новые милитаристские геополитические устремления, не совпадающие с устремлениями верхушки рейхсвера. Мартиросян отмечает: «Едва только Великобритания привела Гитлера к власти, как тут же началось резкое ухудшение германо-советских отношений при формально пролонгированном еще на пять лет Договоре о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 г.» Стало ясно, что несмотря на усилия Хаусхофера, Гитлер не воспринял его идеологию тройственного военно-политического союза (Германия — Россия — Япония) против Великобритании. В книге приводится такое донесение советской разведки о тайном предложении Гитлера английскому правительству от 4.06.1933 г.: «Секретные переговоры национал-социалистов с английским правительством, начатые еще во время пребывания в Лондоне Розенберга, энергично продолжаются... Хозяйственное соглашение Англии и Германии. Как сообщалось, особый проект предусматривает раздел русского рынка. По мнению германских кругов, следует ожидать скорого изменения политического положения в России и соответственно этому желательно заблаговременно разделить эту громадную область сбыта». У англичан аппетит тоже разгорается:

«21 мая 1934 г. на стол Сталина ложится донесение из Лондона, в котором сообщалось о заявлении лорда Ллойда, посмеявшегося во всеуслышание произнести следующее: «Мы предоставим Японии свободу действий против СССР. Пусть она расширит корейско-манчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит дальневосточную часть Сибири... мы откроем Германии дорогу на Восток

и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии. Это отвлечет от нас японцев и Германию и будет держать СССР под постоянной угрозой». Мартиросян поясняет: «Великобритания пошла ва-банк, стремясь вместо... до упомрачения страшившего её якобы возможного геополитического трио Берлин — Москва — Токио, сконструировать подконтрольный ей дуэт Берлин — Токио, направленный против СССР.»

Воодушевленный доброжелательностью Англии Гитлер 9.03.1935 г. объявляет о существовании в Германии военной авиации. 15 — 16 марта этого же года следует заявление Гитлера «о создании вермахта вместо рейхсвера, введения всеобщей воинской повинности и создании целой армии из 12 корпусов и 36 дивизий». Добавим к этому: небезызвестный Гудериан в своих мемуарах «Воспоминания солдата» с восхищением писал: «... к 15 октября 1935 г. были сформировали три танковые дивизии...» Дальше- больше. В том же 1935 г. между Англией и Германией заключается Военно-морское соглашение, которое почему-то Мартиросян упустил из вида. Гитлеровский же адмирал Дениц так оценивает это соглашение в своих мемуарах «Подводный флот рейха»: «Англо — германское морское соглашение 1935 года было обусловлено политическими причинами. Оно явилось типичной политической акцией, преследовавшей цель привлечь Англию к проведению совместной политики. Соглашение предусматривало, что общее водоизмещение германских военно-морских сил будет равно 35 процентам английского. В результате командование германских военно- морских сил фактически отстранялось от принятия решений по первому коренному вопросу в отношении Англии. Она исключалась из числа потенциальных противников...» Такая политика Гитлера привела его к противостоянию верхнему эшелону командования рейхсвера — сторонниками тройственного союза против Великобритании: Бломбергом, фон Сектам, Фричем и их единомышленникам. Но значительная часть молодых офицеров с энтузиазмом, надо полагать, восприняло идеологию и политику Гитлера, нацеленную на решительное возрождение вооруженных сил и на освобождение страны от кабалы Версальского мирного договора 1919 г. Опираясь на эту часть общества, Гитлер, в конце-концов, расправился со своими противниками. Но это будет позднее, в 1938 году.

ТУХАЧЕВСКИЙ ФОРСИРУЕТ СОБЫТИЯ

В 1936 году Тухачевский, развивая бурную деятельность, пошел на прямой заговор с верхушкой вермахта, которая состояла еще полностью из верхушки рейхсвера. Много страниц автор книги уделяет этому заговору, логической связи фактологического материала, подтверждающего собственноручные показания Тухачевского о разработке им в 1936 г. плана поражения Красной Армии в случае нападения Германии на СССР. Тут и встречи Тухачевского с Рунштедтом во время участия в церемонии похорон английского короля Георга V в Лондоне, и дружеское общение советского и немецкого атташе в Лондоне Путны и фон Швеппенбурга (и Рунштедт, и Швеппенбург принадлежали к кругу германских заговорщиков). И то, что Тухачевский по возвращении из Лондона провел стратегические игры, основными

участниками которых были его единомышленники. И участие Уборевича по его настоятельной неофициальной просьбе в маневрах вермахта в конце 1936 года. Причем Уборевич «... еще в январе 1936 г. при встрече с помощником германского военного атташе в Варшаве майором Кинцлером высказал такую просьбу... Кинцлер, к моменту нападения Германии на СССР — полковник... глава специальной службы генштаба по контролю за деятельностью разведок на русском направлении. Наиболее существенным из его предвоенной биографии является то обстоятельство, что именно он представил подробный доклад об укрепленных районах СССР на западных границах, боевом расписании советских войск, мобилизационных мерах СССР, промышленных резервах Советского союза и возможных стратегических планах Москвы. Именно доклад Кинцлера послужил основанием для более тщательной доработки «Плана Барбаросса».

Тут, конечно, у каждого читающего эти строки возникнет неизбежно вопрос: а где он взял все это? Прямого ответа на такой вопрос у Мартиросяна нет, но подозрение прямо падает на Уборевича. Очень интересна и такая информация, приведенная в книге: «... в период присоединения территории Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР в 1939 г., советскими органами госбезопасности в одной из Львовских тюрем было захвачено доверенное лицо главы абвера Канариса, — бывший штабс-капитан царской армии, граф Александр Сергеевич Нелидов, угодивший в польскую кутузку по обвинению в шпионаже в пользу Германии (что соответствовало действительности) — он был направлен в Польшу с разведывательным заданием лично от Канариса». Тут мне не терпится высказать такую мысль. Среди послереволюционных эмигрантов из высших слоев того общества, надо полагать, было много не только парижских таксистов, о чем широко известно, но и тех, кто подался, конечно, по приглашению, в разведки французские, германские, английские и другие. И они, думается, при своем великолепном образовании и знании многих иностранных языков небезуспешно отработывали неплохую плату за свой труд. Это так, к слову.

Послушаем, однако, Мартиросяна дальше: «Пройдя по контрразведывательным инстанциям Нелидов, в конце концов, оказался в руках разведки Лубянки. В первой половине 1941 блистательные асы советской разведки Василий Зарубин, Зоя Воскресенская и Павел Журавлев «разговорили» Нелидова, и выяснилось следующее. Александр Сергеевич, оказывается, принимал участие в командно-штабных учениях на рубеже 1936 — 1937 гг. и, обладая великолепной памятью и военной эрудицией, в точности изложил всю игру на карте с указанием дислокации германских войск, в т.ч. и по номерам, количеству вооружения и т.д. Как вспоминает в своих мемуарах З. Воскресенская, в память ей запали синие стрелы, направленное к границам Белоруссии, на вопрос о смысле которых Нелидов пояснил, что на финальном этапе этих игр Минск предполагалось занять на пятый день после внезапного вторжения германских войск в СССР... (Минск, как известно из истории, пал, правда, на шестой день...). Подчеркиваю (это слова Мартиросяна — В.Ф.), что игры происходили на рубеже 1936 — 1937 гг., когда у Германии еще не было общей границы с СССР, когда сам вермахт еще мало был похож на тот, что вторгся в нашу страну 22 июня 1941 г., когда еще сам Гитлер даже не знал, когда он сможет начать войну...»

Поясняя приведенные факты Мартиросян резюмирует: «дело тут в следующем. В собственноручных показаниях от 1 июня 1937 г. Тухачевский сообщил следствию, что во время проходивших под его руководством весной 1936 г. стратегических игр в Генштабе он вместе со своими сообщниками обсуждал вопрос о вредительско-подрывных действиях на западных границах СССР в случае войны с Германией. Чудом сохранившиеся скудные сведения об этих играх свидетельствуют о том, что Тухачевский составил задание для игр на редкость неадекватно как международной, так и военной ситуации вокруг СССР. И вот после этих игр в нашем Генштабе немцы проводят в конце 1936г. свои командно-штабные игры и приходят к тем выводам, которые указаны выше.

Как прикажете расценить такую ситуацию, если до весенних 1936 г, игр в нашем Генштабе Тухачевский и Уборевич встречаются с германскими генералами и обсуждают с ними какие-то вопросы, а до игр в германском Генштабе в конце того же 1936 г. Уборевич посещает военные маневры в Бад-Киссингене, на которые неофициально напрашивается сам в начале года?! Едва ли есть хотя бы малейшая возможность не заподозрить прямую связь между этими событиями», И очень любопытно еще вот такое умозаключение Мартиросяна: «...чем другим возможно объяснить столь поразительную картографическую прыть германских генералов за пять лет до фактических событий, до падения Минска, кроме как передачей нашими заговорщиками соответствующих сведений о том, как и насколько вредительски будет организована оборона на белорусском направлении?! Даром фантастического предвидения герров генералов?! Начисто исключено, даже невзирая на то, что профессионалы они были очень высокого класса!...

Стоит ли тогда так возмущаться, что-де едва только война началась, а Сталин опять генералов к стенке поставил, на этот раз Павлова и его помощников?! Ведь тут же всплыл вопрос о связи Павлова с заговором Тухачевского, и не просто всплыл, а именно на фоне данных Нелидова — они ведь были доложены на самый верх».

Предположение Мартиросяна о связях Павлова с заговором Тухачевского, даже в вопросительной форме, появилось в нашей открытой литературе, кажется, впервые. Бытовало до этого твердое мнение о том, что когда Сталин ознакомился с результатами расследования уголовного дела по разному нашего Западного Фронта он, якобы, отверг обвинения Павлова в прямом предательстве, согласившись со всеми другими обвинениям. Тут есть над чем поразмыслить.

В ответ на фашистскую германо-итальянскую интервенцию против Республиканской Испании Советский Союз по просьбе испанского правительства посылает туда своих добровольцев и военную технику. В этот период Великобритания с новой силой вспыхнула мечтой о схватке СССР и фашистской Германии. Мартиросян дает такую свою оценку той ситуации:

«... Январские 1937 г. ожидания Лондоном войны не позднее 1938 г. были отнюдь не случайными, ибо уже шла проработка вопроса о том, как максимально эффективно в интересах Великобритании использовать подвернувшуюся возможность. Высоколобые умы в Лондоне давно искали возможность начисто вспороть мощный бронезилет внешней безопасности СССР, сотканный дипломатией Сталина из многочисленных перекрещивающихся между собой как двухсторонних, так и многосторонних

договоров о ненападении, нейтралитете, взаимопомощи и недопущении войны как средства решения международных споров. Этим бронежилетом были перекрыты все пути для агрессии против СССР с Запада... Но даже при этих обстоятельствах до Мюнхена Гитлер ничего не мог сделать и хоть как-то приблизиться к советским границам».

В этой ситуации в геополитическом раскладе сторонников военного союза против Великобритании появились новые устремления: Германия без Гитлера, СССР без Сталина под идейным руководством Троцкого и Тухачевским и его сторонниками во главе армии. Мартиросян утверждает: «Троцкий располагал разведывательной сетью своих сообщников, которые систематически поставляли ему секретную информацию из Советского Союза. Так одни из подобных каналов получения информации были сестры Е.С. и Р.С. Коган. Последняя работала техническим секретарем в ЦК ВКП(б), а первая — шифровальщиком советского посольства в Осло»... Разведка и дипломатия Великобритании четко следили за деяниями своих геополитических противников и развивали свою линию сраживания Германии и СССР. Этот момент в книге очень четко прописан, точнее не скажешь: «... Тухачевский заявит германским генералам весной 1936 г.: «Если Германия изменит свою позицию (т.е. если генералы уберут бесноватого фюрера — А.М), ничто не мешает дальнейшему советско-германскому сотрудничеству, как это было тогда, когда в прошлом обе страны ощущали преимущества своей дружбы, ведь тогда они могут диктовать свои условия всему миру».

И тем самым подписал себе смертный приговор, потому что именно с весны 1936 г. давно наблюдавшая за ним британская разведка начала... многоходовую операцию по разоблачению двойного заговора советских и германских генералов, нацелившись прежде всего на последовательную, аргументированную и документально обоснованную дискредитацию в первую очередь именно Тухачевского в глазах Кремля...». Не случайно первые аресты ближайших сторонников Тухачевского (Примаков, Путна, Шмидт) начались уже осенью 1936 г. Тогда же произошла смена наркома НКВД. Вместо Ягоды был назначен Ежов. В начале 1937 г. умирает немецкий генерал фон Сект, военный министр Германии в 1930-х годах. Мартиросян обращает на это событие внимание, подчеркнув: «... умер знаменитый генерал фон Сект, оставив после себя на редкость сильно возбудившее все основные разведки мира, а также военные круги ведущих европейских государств, завещание, главный вывод которого был выдержан в духе самого Бисмарка — «на Востоке врага нет», и, следовательно Германия должна держаться за Россию, хотя бы и Советскую».

Далее автор книги раскрывает значение этого события: «... Завещание Секта появилось на фоне резко усилившегося с осени 1936 г. просоветского брожения в вермахте, что зафиксировали многие разведки, в т.ч. в первую очередь советская и британская. Советская разведка именно в это время получила данные о том, что генералы Гаммерштейн-Экворд, Фрич, Рейхенау, Бек, Бломберг принадлежат к той группе германских генералов, которые хотели бы «по-хорошему договориться с Красной Армией». Аналогичную информацию получила и разведка НКВД... Точно такой же информацией располагала и британская разведка. Более того, у британской разведки в тот момент скапливалось все больше и больше фактически

неопровержимых данных о реальности угрозы едва ли не одномоментных военных переворотов в Германии и СССР, а с учетом развития обстановки в Японии вообще складывалось чуть ли не категорическое убеждение в том, что «двойной заговор» перерос в «тройной».

Эта информация, я думаю, между всем прочим, лишний раз показывает, почему Сталин был так озабочен, чтобы нам первым не спровоцировать Гитлера на нападение. Как показывает Мартиросян в своей книге, он очень хорошо был в курсе всех козней Великобритании против СССР. Поэтому-то и смело пошел в 1939 г. на необычные, весь мир возбудившие договоры о ненападении и дружбе с Германией. Гитлер — не вся Германия и не весь даже вермахт, как хорошо показал Мартиросян в своей книге. Кто знает, не думал ли Сталин и о том, заключая договоры с Германией в 1939 году, чтобы при случае отстранить Гитлера от власти и предотвратить надвигающуюся катастрофу, кто знает. (Это мысли мои, у Мартиросяна этого нет). Не случайно в Германии в 1944 г., как показывает В. Фалин в книге «Второй фронт», когда дело дошло до свержения Гитлера и поисков путей выхода из войны, появились просоветски настроенные группировки.

Однако вернемся снова к событиям 1937 года и послушаем Мартиросяна: «... Англия, как гласят ее же секретные документы, ожидала войны, большой войны не позднее 1938 г. Причем войны именно между Германией и СССР, и будучи прирожденным врагом России, буквально жаждала руками именно нацистов задушить гиганта на Востоке. Заговор же, в случае успеха, разрушил бы все ее планы по сраиванию Германии и СССР и развернул бы объединенную мощь двух государств против Великобритании. А к этому дуэту должна была присоединиться и Япония, в которой с февраля 1937 г. одерживали верх мощные евразийски настроенные силы... Поэтому-то в первую очередь и был сдан именно заговор Тухачевского как центральное звено намечавшейся к реализации геополитической комбинации Берлин — Москва — Токио, более всего страшившей Великобританию. Черчилль ведь и во время войны открыто признался Сталину, что более всего в Лондоне опасались именно германо-русско-японского союза. Кроме того, совершенно очевидно, что британская разведка всерьез рассчитывала на неминуемое ослабление военной мощи СССР в результате неизбежных репрессий против высшего командного состава. В итоге и нацистам облегчалось бы решение задач уничтожения СССР... Чемберлен тогда буквально из кожи лез, едва ли не пинками толкая Гитлера на агрессию против СССР. Британская разведка прекрасно знала, — к сожалению, с помощью товарища Троцкого — ушей и глаз у него хватало в высшем кремлевском эшелоне с самых первых дней советской власти, — что Сталин и сам давно идет по следам этого заговора, и потому «сливала» информацию о нем что называется «на ура».

Но и Сталин прекрасно знал из донесений разведки, что Великобритания с нетерпением ждет войны между гитлеровской Германией и СССР не позднее 1938 г., и не только ждет, но и все делает для этого. Однако он не только знал, но и обладал всей многократно перепроверенной информацией о заговоре... Точная, абсолютно точная разведывательная информация, в т.ч. и о том, что нападение все-таки пока не произойдет, позволила ему в самый последний момент ликвидировать мятеж». Но это

произойдет чуть позднее, а сейчас вернемся к текущим событиям, которые стали развиваться стремительно.

В изложении Мартиросяна они происходили в такой последовательности: «Бломберг возглавлял делегацию нацистской Германии на церемонии коронации нового английского короля Георга VI в начале мая 1937 г... в самый последний момент от поездки в Лондон был отведен Тухачевский, который вполне официально встретился бы с тем же Бломбергом в Лондоне... Запрос в МИД Великобритании о выдаче Тухачевскому въездной визы был представлен через британское посольство в Москве 3 мая 1937 г. В тот же день из Берлина было получено официальное сообщение о составе и главе германской делегации на коронационных торжествах. 4 мая в срочном порядке и внезапно запрос о выдаче визы Тухачевскому был аннулирован советской стороной. И в тот же день на квартире наркома внешней торговли А. Розенгольца (активного троцкиста и не менее активного заговорщика) Тухачевский, уяснивший, что Сталин с Ежовым обставили его, стучал кулаком по столу и орал: «Вы что, ждете, когда нас к стенке поставят, как Зиновьева, я пятого начинаю переворот!» Естественно, что запись этого разговора немедленно попала на стол Сталина... И надо отдать должное его нечеловеческой выдержке в условиях смертельной опасности — никаких репрессивных мер в отношении Тухачевского он тогда не предпринял, отлично понимая разницу между словами и конкретными преступными действиями».

РАЗВЯЗКА

Подходя к развязке той сложнейшей внутривластной ситуации! 930-х годов, автор книги «Заговор маршалов» повествует:

«8 мая пришло досье от Бенеша — и опять ничего в отношении Тухачевского не было предпринято. Судя по всему, Сталин до последней секунды тянул с его арестом, и только тогда, когда стало известно о том, что он в срочном порядке объявил военные маневры на 12 мая 1937 г., только тогда Сталин окончательно убедился, что заговор — смертельная реальность и более медлить нельзя. 11 мая Тухачевский был снят с поста замнаркома обороны и назначен командующим Приволжским военным округом с приказом немедленно отбыть к месту новой службы. И опять Сталин пошел на смертельный для себя риск — 13 мая он дал аудиенцию Тухачевскому... До 24 мая шла еще одна проверка — на этот раз материалов досье Бенеша. Лишь после того как все точки над 1 были расставлены, когда наступила абсолютная ясность, только тогда из Кремля последовал приказ об аресте Тухачевского, 25 мая он был арестован». Досье Бенеша Мартиросян оценивает так: «... нельзя также не отметить, что, во-первых, Бенеш прекрасно знал, что и кому он сообщает, т.е. что Сталин при любых обстоятельствах не поверит ни одному слову, пока сам не проверит все до последнего микрона, а во-вторых, что Сталин так и сделал — проверил... Не Сталин насильно вручил Бенешу досье, а именно Бенеш добровольно сначала передал устную информацию, а затем и подробное досье, также содержащее чистую правду... Информация была заслушана на заседании Политбюро 24 мая 1937 г. — до этого также шла перепроверка всех данных, — и только 25 мая Тухачевский был арестован, а уже

26 мая без малейшего физического принуждения, ровным спокойным почерком, с соблюдением всех правил орфографии и синтаксиса дал самые подробные письменные показания о заговоре, которые из-за их содержания даже самые оголтелые антисталинисты ну никак не могут списать на костоломов с Лубянки. Расстрелян он был в ночь с 11 на 12 июня 1937 г. Следов досье не найдено до сих пор: при Хрущеве очень основательно почистили архивы».

Мартиросян подчеркивает, что все контакты по линии создания анти- британской коалиции Берлин — Москва — Токио с советской стороны «осуществлялись преимущественно сторонниками и последователями Троцкого, и поэтому совершенно не случайно, что 1937 — 1938 г.г., буквально выкосили всех, кто имел хоть какое-либо отношение ко всем этим «играм».

Мартиросян приводит еще один убедительный факт, свидетельствующий о том, что Тухачевский и его сообщники по антисоветского заговору не были безвинно репрессированы. Он пишет: «Не случайно и то, что американский посол в Москве Дж. Дэвис, сообщая Рузвельту о разгроме заговора Тухачевского открыто подтвердил, что предъявленные заговорщикам обвинения обоснованы и объективны, ибо и сам точно знал, что это абсолютно соответствует действительности, особенно в части, касающейся геополитической подоплеки заговора». Мартиросян также отмечает, что Сталин не случайно пригласил в Москву в 1937 году знаменитого писателя Лиона Фейхтвангера, видного деятеля одной из самых могущественных в мире еврейских масонских лож «Бнай Брит» («Сыны Завета»)… чтобы он собственными глазами убедился в объективности предъявленных оппозиции обвинения и затем сообщил куда надо. Так, собственно говоря, появилась знаменитая книга Л. Фейхтвангера о 1937 г. (Фейхтвангер — «Москва. 1937 год» — В.Ф.), которую все непрерывно цитируют. Книга получилась действительно объективной».

Несмотря на столь подробное освещение Мартиросяном событий, связанных с разгромом заговора Тухачевского, возникает вопрос, почему там не упоминается, что Тухачевского и первых его сообщников (Якир, Уборевич, Примаков, Путна, Корк, Эйдеман, Фельдман) не просто расстреляли, а их судила Военная коллегия Верховного суда и в числе присутствовавших на этом суде были маршалы Будённый, Блюхер, командармы первого ранга Шапошников, ставший вскоре также маршалом, И.П. Белов, командармы второго ранга Я.И. Алкснис, П.Б. Дыбенко, М.Д. Каширин, комдив Е.И. Горячев и некоторые из них, например, Алкснис, очень дотошно допрашивали подсудимых. Об этом в последнее время почему-то перестали говорить и писать. К слову, следует заметить, что в книге речь о заговоре маршалов не идет, фигурирует лишь один маршал. Позднее были репрессированы еще два маршала: В.К. Блюхер и А.И. Егоров, но все говорит о том, что они не входили в группу Тухачевского. По крайней мере, Блюхер был репрессирован, думается, совсем по другому поводу: из-за негодного командования войсками во время событий на озере Хасан, а главное, похоже, из-за того, что начальник контрразведки ДВКА Люшков сбежал к японцам и выдал им государственные секреты.

Год 1938-й также был богат бурными политическими событиями, дирижировала которыми Великобритания. В начале того года Гитлер отстраняет от руководства вермахтом военного министра фельдмаршала Бломберга и командующего

сухопутными войсками фон Фрича. Формальная причина — моральные обстоятельства, действительная — «бархатный» разгром оппозиции в армии. Март 1938 г. — аншлюс Австрии, в октябре — Мюнхенский сговор между Германией (Гитлер], Великобританией (Чемберлен), Францией (Даладьё) и Италией (Муссолини) — о присоединении к Германии Судетской области Чехословакии, посягательство Гитлера на польский коридор. Гитлер явно разворачивал свои агрессивные устремления все более и более на Восток. Мартиросян замечает:

«Рузвельт в тот момент прекрасно знал, абсолютно точно знал, что Гитлер нападет на Польшу при любых обстоятельствах (кстати говоря, знал это и Сталин, в том числе и о том, что об этом знает и Рузвельт). То есть налицо прямое свидетельство того, что Запад со всей решительностью и принципиальностью нацелился на развязывание Второй мировой войны — войны, у которой, не будь договора о ненападении от 23 августа 1939 г., маршрут уже тогда, в сентябре 1939 г., был бы такой же, что и 22 июня 1941 г.»

Много страниц в книге отводится опровержению различных версий, настойчиво распространяемых с началом пресловутой перестройки, о том, что компрометирующие Тухачевского материалы поступившие из-за рубежа, в том числе и через Бенеша, — фальшивки, подброшенные то немецкой разведкой, то разведкой советского КГБ через белоэмигранта Скоблина. Автор книги показывает, что впервые эти версии возникли в октябре 1939 г., то есть вскоре после заключения договоров о ненападении и дружбе между СССР и Германией. Появились они в «мемуарах» беглого бывшего советского разведчика иностранного отдела Глазного управления госбезопасности НКВД Кривицкого (Гинсбурга). Мартиросян доказывает, что мемуары эти, вышедшие на английском языке, он не мог сам написать, английского он не знал. Они — дело рук британской СИС. Также, как и мемуары Шеленберга «Лабиринт», написанные СИС по отдельным наброскам Шеленберга и материалам его допроса.

Решительно отвергает Мартиросян и версию В. Суворова (Резуна) о том, что Сталин в 1937 — 38 годах освободился от самых бездарных и ненадежных военачальников потому, что он не мог положиться на них, начиная Вторую мировую войну. Мартиросян пишет: «Главная цель этого мифа (т.е. только что обозначенной версии Резуна — В.Ф.) — свалить в глазах позабывшего все на свете общественного мнения, в т.ч. и в России, ответственность за развязывание Второй мировой войны на И.В. Сталина и СССР. А в итоге полностью ликвидировать весь геополитический расклад в мире, выкованный грандиозными победами Советской Армии...). Тут следует заметить: к деятельности Резуна, как ни к кому другому, можно адресовать мартиросяновские слова, приведенные в начале статьи о том, что «Великобритания после каждой, ею же инспирированной войны пытается на кого-нибудь спихнуть всю ответственность за эти преступления против человечества».

В последнее время появилось много публикаций, в которых противоречиво, пожалуй, даже более отрицательно оценивается роль бывшего царского генерала Скоблина и его супруги, известной певицы Плевицкой, в разоблачении сговора Тухачевского. Мартиросян так пишет о роли Скоблина в тех событиях: «Николай Скоблин никогда не состоял в агентурных отношениях с нацистской разведкой и уж тем более никогда не был агентом — двойником. Это был искренний и честный

патриот России, высокопрофессиональный разведчик — в Российском Общевоинском Союзе Скоблин сам возглавлял всю разведку и контрразведку, — который внес громадный вклад в обеспечение государственной безопасности СССР. Приводятся, в частности, сведения о том, что о нелегальной встрече Тухачевского весной 1936 г. по пути в Москву после похорон английского короля Георга V с рейхсверовскими генералами и представителями белоэмигрантских кругов Скоблин срочно сообщил в Москву. Он же нелегально встретился в Лондоне в июле 1936 г. с военным атташе СССР в Великобритании К. Путной, устанавливавшим по указанию Тухачевского нелегальные связи с белой эмиграцией. Сразу после встречи Путьна был арестован в августе 1936 г.

В книге «Заговор маршалов» масса других интереснейших сведений, неизвестных ранее фактов, суждений, неожиданных выводов, остановиться на которых подробно не представляется возможным. Это и то, что К. Ра-дек, якобы, организовал в Германии в 1919 г. убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, и то, будто бы К. Либкнехт имел какие-то компрометирующие материалы на Ленина и собирался их обнародовать, и то, что покушение на Ленина в 1918 г. Ф. Каплан организовано Троцким и то, что антикоминтерновский пакт был направлен главным образом против Великобритании и США, а не против СССР, и много еще других подобных неожиданных выводов. Такое многообразие неизвестной или малоизвестной ранее информации, естественно, не воспринимается сразу на веру, оно требует проверки, подтверждений, осмысливания, но в память все западает. Во всяком случае книга Мартиросяна «Заговор маршалов» побудит у многих людей стремление найти подтверждение или опровержение приведенной неожиданной информации, к исследованиям отдельных мгновений нашей истории.

В заключение еще раз следует заметить, что книга А.Б. Мартиросяна «Заговор маршалов» чрезвычайно многоплановая, сложная по композиции, перенасыщена множеством известных и неизвестных ранее фактов, необычным толкованием известных событий из эпохи советского периода нашего государства. Поэтому читается она и с интересом, и трудно. Позиция автора книги в оценке некоторых, правда немногих, событий нашей недавней истории вызывает массу вопросов и часто несогласие. В первую очередь — его отрицательные оценки личности Ленина без какого-либо анализа того или иного события, в связи с которым Ленин мельком упоминается, просто провозглашается отрицательный штамп, и все. При каждом таком упоминании Ленина я выразил свое протестующее суждение. Вместе с тем, глубокое исследование главной темы книги — происхождение, развитие и геополитическая основа антисоветского, антисталинского заговора Тухачевского и его сообщников вызывает, с моей точки зрения, полное доверие и поможет многим людям разобраться в этом, очень непростом событии нашей истории.

Глава 13. В ПОИСКАХ ОТВЕТА НА ЖГУЩИЕ ВОПРОСЫ

НЕИЗБЕЖНА ЛИ БЫЛА ЭТА ТРАГЕДИЯ?

Я снова и снова задаю себе этот вопрос, мучающий меня все минувшие послевоенные годы. И с твердой убежденностью отвечаю себе и всем моим собеседникам и оппонентам — нет. Этого не должно было быть! Отвечаю с позиции участника Великой Отечественной войны, ветерана Советских вооруженных сил, с позиции много читавшего и размышлявшего о войне и предвоенных годах. Но сначала о самом трагическом.

Уверен, немногие из советских людей имели истинное представление о первых мгновениях начала войны на нашей западной границе и о последующих тяжелых поражениях нашей армии в первое полугодие войны, особенно в полосе нашего Западного фронта. Не знает тех события или знает в невероятно искаженном виде и нынешнее поколение.

Те трагические события в самом сжатом виде я пытался представить в своей книге «Публицистика 1997 — 2003...», изданной в 2003-м году. Остановимся на них, стараясь не повторяться, и здесь, При этом очень желательно, чтобы каждый читающий эти строки положил перед собой крупномасштабную карту Брестского района или Брестской области.

Сам я давно, ещё со времен войны начавший задумываться над трагедией начала войны, по настоящему ощутил её лишь в 1971 году, когда впервые прочитал в 3-ем томе «Военного дневника» Ф. Гальдера — начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии, вот это:

«22 июня 1941 года (воскресенье) 1-й-день войны... 13.30... Командование ВВС сообщило, что наши военно-воздушные силы уничтожили 800 самолетов противника... Немецкие потери составляют до сих пор 10 самолетов».

В примечании редактора перевода к этой записи Гальдера сказано:

«Потери немецкой авиации Гальдер занижил... Всего по донесениям фронтов 22 июня 1941 г. было уничтожено не менее 120 немецких самолетов».

Редактором перевода дневника Гальдера был генерал-лейтенант П.А. Жилин. Цена его слова к тому времени была хорошо известна всем, кто читал его публикации о событиях Великой Отечественной войны. В первые послевоенные годы он даже доказывал: наше отступление 1941 года было планомерным с целью заманить противника вглубь своей территории и там его разгромить. Поэтому слова примечания Жилина не казались убедительными.

Указанное Гальдером число сбитых немецких самолетов настолько невероятно, что до сегодняшнего дня я больше нигде не встречал его упоминания ни в мемуарах, ни в другой военной литературе, посвященной началу войны; в своих же публикациях

я неоднократно указывал его, начиная с 1989 года, и пытаюсь найти объяснение этому невероятному событию и не нахожу его до сих пор.

Потери нашей авиации за 22 июня 1941 года советская военно-историческая литература оценивала неизменно в 1200 самолетов, немецкие авторы наши потери за весь день 22 июня 1941 года оценивали по-разному.

По самым последним данным, приведенным, например, в книге В. Фалина «Второй фронт», соотношение потерь сторон в авиации за 22 июня 1941 года характеризуется такими цифрами: уничтожено 1811, в том числе 1439 на земле, советских самолетов и 35 сбитых и около 100 поврежденных немецких самолетов. Не намного утешительнее для меня и эти последние цифры.

Неизмеримо тяжелее, чем где либо, сложилась обстановка в первые часы войны на нашем Западном фронте. Наиболее обстоятельно описание первых часов войны на Западном фронте и, в частности, в районе Бреста и Брестской крепости, дал Л.М. Сандалов, бывший начальник штаба 4-й армии, прикрывающей Брестское направление, в книге «Первые дни войны», посвященной описанию боевых действий 4-й армии в период с 22 июня по 10 июля 1941 года. Следует заметить, что в повести С.С. Смирнова «Брестская крепость», в последующей художественной литературе и публицистике события первых часов войны представлены, на мой взгляд, далеко не во всем объективными, за исключением, пожалуй, повести Бориса Васильева «В списках не значился». Причины этой запутанности Л.М. Сандалов объясняет так в своей книге:

«Крайне ограниченное количество, нередко противоречивость и недостаточная объективность сохранившихся архивных материалов 4-й армии и Западного фронта начального периода Великой Отечественной войны, осложнили написание труда и не позволили автору с достаточной полнотой исследовать и осветить методы организации связи и управления войсками, работу тыла и материально-технического обеспечения войсками, использование родов войск в ходе отступления и другие вопросы».

С такой оценкой архивных материалов о начальном периоде Великой Отечественной войны на Западном фронте я полностью согласен, распространил бы ее на многие участки других наших фронтов. И еще добавил бы: особенно неясной до сих пор остается организация противовоздушной обороны войск 4-й армии и Брестской крепости и многие другие вопросы.

Сандалов в своей указанной книге обрисовал общую обстановку в полосе прикрытия 4-й армии, противостоящей основным силам немецкой группы армии «Центр» — 2-й танковой группе и 4-й полевой армии, совместно действующей с танковой группой, прикрывая от этих сил брестское направление. Правильнее сказать, направление по обе стороны от Варшавского шоссе, идущего от Варшавы через Брест, Барановичи, Минск, Смоленск, Ярцево, Вязьму, Можайск на Москву. С юга наша 4-я армия граничила по линии Влодава — Нежеж (на Припяти) и далее по реке Припять с Киевских Особым военным округом — КОВО. Непосредственно на стык ЗОВО и КОВО весной 1941 года была поставлена 75-я стрелковая дивизия генерала С.И. Недвигина. Поставлена там эта дивизия была явно в ряду мероприятий по усилению прикрытия стратегического московского направления. На севере и северо-западе 4А граничила с 10-й армией ЗОВО по линии Дорохиничи, Беловежа, Коссово. Ширина фронта прикрытия границы, отведенного 4А от Дорохиничей до Влодавы с центром —

Брест и Брестская крепость,- составляла около 150 километров. По данным Сандалова в состав 4 А входили:

28-й стрелковый корпус (42, 6, 75 и 100-я стрелковые дивизии);

14-й механизированный корпус (22-я, 30-я танковые и 205- моторизованная дивизии);

120-й и 136-й отдельные гаубичные артполки резерва Главного командования;

62-й Брестский укрепленный район;

10-я смешанная авиационная дивизия;

89-й пограничный отряд.

Перечислив состав боевой техники, вооружение частей и соединений 4-й армии Сандалов отмечает:

«Из приведенных данных видно, что армия располагала большими силами. Если учесть, что полоса прикрытия государственной границы армии не превышала 150 км, из которых около 60 км были почти непригодными для действия войск, то армия могла создать оборону с большой плотностью войск и техники на 1 км. фронта.

Однако нужно было много сделать, чтобы имеющиеся силы и средства максимально использовать для отражения возможного нападения.»

Сделано было немного. Это и привело к трагедии. Война ворвалась к нам именно через брестское направление.

Одной из причин разгрома немцами авиации Западного фронта является, конечно, неоправданно близкое к границе расположение его аэродромов. Бывший начальник штаба армии так высказался по этому вопросу:

«Аэродромная сеть Западной Белоруссии была развита очень слабо. Имеющиеся аэродромы были низкого качества, без бетонированных взлетно-посадочных полос, малых размеров и не пригодны для посадки и взлета новых более совершенных самолетов. Поэтому в начале 1941 года Советское правительство приняло решение о постройке новых аэродромов с бетонированными взлетно-посадочными полосами размером 1200 на 80 м. На брестском направлении намечено было построить 15 и на белостокском — 12 аэродромов... Постройка аэродромов началась в мае 1941 года. На 1 июня было охвачено только 50% утвержденного... плана строительства аэродромов на 1941 год. Естественно, что к началу войны ни один из вновь строившихся аэродромов не был закончен».

Здесь следует обратить внимание на то, что Сандалов ни слова не говорит о подготовленности для действий авиации ЗОВО полевых аэродромов, особенно для новейших самолетов. Были ли они вообще в ЗОВО? Так или иначе первыми бомбовыми ударами немцы накрыли самолеты 10-й смешанной авиадивизии 4-й армии на стационарном аэродроме. В этом очевидная вина не только оперативных структур командования, но и руководства авиацией ЗОВО.

В противовес такому положению в ЗОВО совсем по другому обстояло дело в КОВО и ОдВО. Я уже не раз обращал внимание читателей на важное свидетельство А.И. Покрышкина в его книгах «Небо войны» и «Познай себя в бою». Его истребительный полк смешанной авиадивизии ОдВО стоял в самом начале войны совсем рядом с советско-румынской границей. И вот что он писал в этих книгах о

полевом аэродроме у местечка Маяки под Котовском, на который его полк, оснащенный самолетами МиГ-3, перелетел в июне 1941 -го незадолго до начала войны.

“Маяки” - один из тех аэродромов, которые десятилетиями обозначались лишь на секретных картах, а использовались колхозами для сенокосов и выпаса скота. «Их было много разбросано по степной Украине, на них годами не приземлялся ни один самолет, и кое-кому могло показаться, что они не нужны. Но пришло время, когда военной авиации понадобилось это поле, покрытое молодым клевером. Слово рои пчел приземлился на нем наш полк».

Касаясь особенностей дислокации своей армии, как составной части Западного, ранее Белорусского особого военного округа, Сандалов подчеркивает:

«... дислокация советских войск в Западной Белоруссии вначале была подчинена не оперативным соображениям, а определялась наличием казарм и помещений, пригодных для размещения войск. Этим, в частности, объяснялось скученное расположение половины войск 4-й армии со всеми их складами неприкосновенных запасов НЗ на самой границе — в Бресте и бывшей Брестской крепости. Даже окружной военный госпиталь находился в помещениях крепости».

И к моменту нападения немцев в Брестской крепости находилось неоправданно большое количество боевых частей 4-й армии, отдельных боевых частей окружного подчинения, боевой и вспомогательной техники. Сандалов перечисляет эти части, почти все погибшие в стенах Брестской крепости от артобстрелов и интенсивной бомбардировки врага.

Расположение основного состава двух стрелковых дивизий, большого количества отдельных дивизионных, армейских и других частей в тревожное напряженное время в Брестской крепости, а не на своих позициях кажется более чем странным. Почему-то 75 стрелковая дивизия генерала С.И. Недвигина, прибывшая совсем недавно в состав 4-й армии, находилась к моменту нападения немцев на своих боевых позициях. И достойно встретила врага на границе южнее Бреста в районе населенных пунктов Малорита-Медная — Черск. Небезынтересно посмотреть, в каком же состоянии застигло немецкое нападение другие соединения и части 4-й армии. Информация об этом представляется настолько важной для понимания тех трагических событий, что не будем её пересказывать, а снова и снова процитируем Л.М. Сандалова.

«В 14-м механизированном корпусе... Танковые полки танковых дивизии закончили полковые учебные сборы. Танковые полки 30-й танковой дивизии остались 21 июня на ночлег в лесу западнее Пружан (случайно ли ? — В.Ф.), а 22-й танковой дивизии возвратились со сборов к месту своей дислокации» (в южный военный городок, расположенный недалеко от южной окраины Бреста — В.Ф.) Здесь, забегаю вперед, заметим: 30-я танковая дивизия 14 МК не попадет под первые бомбежки, 22-я танковая дивизия, военный городок которой находился в 2,5 — 3-х км. от границы, попадет сразу под первые артоналеты и бомбежки, практически сразу потеряет боеспособность и будет беспорядочно отходить к месту своего сбора по боевой тревоге, в Жабинку, что километрах в 30 восточнее Бреста. Читаем дальше у Сандалова: «Авиационные полки 10-й смешанной авиационной дивизии, за исключением штурмового полка, который к 21 июня был полностью перебазирован из Пружан на полевой аэродром в 8 км от государственной границы, оставались на

стационарных, известных немцам, аэродромах. Новые истребители и штурмовики, поступившие в полки, еще не были опробованы, а новые бомбардировщики (Пе-2) даже не заправлены горючим». Обратим внимание на важное свидетельство бывшего начальника штаба 4-й армии: штурмовой полк 10-й смешанной авиадивизии полностью до 21 июня перебазировался со стационарного аэродрома в Пружанах на полевой аэродром. С чего бы это вдруг он перебазировался на полевой аэродром? Да потому что этого постоянно требовала Москва. И последнее требование такого рода было спущено в западные военные округа 19 июня 1941 года. Об этом имеется масса свидетельств участников тех событий. К сожалению, об этих свидетельствах умалчивает Сандалов. Я их собрал и привел в своей книге.

Полки 10-й авиационной дивизии, которые остались на своем постоянном аэродроме, были разгромлены на земле. То же самое произошло и с другими авиадивизиями Западного фронта в первые часы 22 июня 1941 года. Еще есть одно мимоходом оброненное принципиально важное свидетельство в книге Сандалова на стр. 58 — 59 о том, насколько внезапным было нападение немцев. Вот его слова:

«Нужно сказать, что командиры считали возможным вторжение фашистов еще 14 — 16 июня, но после сообщения ТАСС в газетах от 14 июня 1941 года их тревожное состояние стало сменяться уверенностью, что есть какие-то неизвестные им обстоятельства, которые дают право правительству СССР и Генеральному штабу оставаться спокойными. Во многих частях, дислоцированных в Брестской крепости, красноармейцы в первой половине июня спали одетыми, а в последние дни перед войной получили разрешение эту «напрасную бдительность» прекратить»... Но тут же Сандалов добавляет:

«Однако следует указать, что в то время как приграничные армии не принимали никаких мер по приведению войск в боевую готовность, стрелковые корпуса, дислоцированные в восточных областях Белоруссии, по указанию Генерального штаба 18 — 21 июня начали выдвижение походным порядком и по железной дороге ближе к границе. Об этом знали и военнослужащие, и гражданское население Западной Белоруссии. Имелись также сведения о начавшейся в середине июня перевозке войск Уральского военного округа в район Опочка, Полоцк, Витебск, Невель — на стык Западного и Прибалтийского военных округов (соединения и части 22-й армии).

Почему же при явных признаках готовящегося на СССР нападения фашистской Германии не была своевременно приведена в боевую готовность 4-я армия, как и другие армии?».

А ответ-то на этот вопрос, который следовало бы задать самому начальнику штаба 4-й армии, предельно прост. Приграничные войска всегда, днем и ночью, зимой и летом, в любую погоду, особенно в беспокойное время, каким была обстановка в последние месяцы перед войной, должны находиться в боевой готовности. Этого требуют не только военные уставы, но и вся сущность воинской службы.

Нельзя не обратить внимания и на такие слова Сандалова:

«Так или иначе, но войска Западного Особого военного округа, как и 4-й армии, входившей в его состав, не были приведены в боевую готовность, и 21 июня занимали крайне невыгодное положение, которое не позволило отразить первые мощные удары врага и повлекло большие потери и серьезные поражения в приграничных сражениях».

Крайне невыгодное положение, занятое войсками задолго до начала войны — это уже очень серьезный просчет командования ЗОВО.

Остановившись кратко на всех узловых вопросах, связанных с состоянием и расположением войск на брестском направлении, мы подошли к последнему моменту мирного времени. Об этом моменте в книге Сандалова написано так.

«... вечером 21 июня ни командование 4-й армии, ни командиры соединений и частей, ни советские и партийные организации Брестской области не ожидали вторжения немецко-фашистских войск и не думали, что оно произойдет через несколько часов. Поэтому никаких мер по приведению войск в боевую готовность вечером 21 июня на брестском направлении не проводилось».

Такое поведение военного командования и брестских городских и областных властей кажется, по меньшей мере, странным. Уж кто-кто, а они-то складывавшуюся обстановку, тревожную и напряженную, не могли не чувствовать. Да об этом дальше на той же странице пишет и сам автор книги:

«Между тем обстановка настоятельно диктовала необходимость осуществления срочных мер по приведению войск, государственных, партийных, общественных и других организаций в готовность на случай быстрого развертывания грозных событий. Командующим войсками 4-й армии и Западного Особого военного округа, также как и Генеральному штабу, было известно, что против наших войск, находившихся в Западной Белоруссии, сосредоточено 45 — 47 немецких дивизий. Эти данные почти полностью соответствовали действительному количеству войск в немецкой группе армии «Центр» (51 дивизия}. Более того, НЕ ОСТАЛОСЬ НЕЗАМЕЧЕННЫМ ЗАНЯТИЕ В ПОСЛЕДНИЕ НОЧИ ЭТИМИ ВОЙСКАМ ИСХОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЯ» — (выделено — В.Ф.) Тем не менее, читаем у Сандалова вот это:

«Несмотря на достаточное количество данных о скором нападении немецко-фашистских армий, указания Народного комиссара обороны о том, что приведение войск в боевую готовность спровоцирует войну, даст повод фашистской Германии к нападению на Советский Союз, лишило командование всех степеней самостоятельности в принятии решения на приведение войск в боевую готовность. Поэтому до 24 часов 21 июня никаких мероприятий по приведению войск армии в боевую готовность не проводилось. Аналогичная картина, видимо, была и по линии государственных органов».

Указания указаниями, а голова у каждого должна быть на своем месте. Указания могли задержаться в пути, их умышленно могли задержать в какой-то инстанции — разведка врага не дремала, — обстановка была слишком серьезной, чтобы молчаливо ожидать указания сверху. В других местах пошли на риск под свою ответственность и не проспали врага. На северном флоте, например, на других флотах. Да и в самом ЗОВО известны факты иного рода. В своей книге я приводил свидетельство генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза С.Ф. Долгушина, бывшего летчика-истребителя одной из авиационных частей ЗОВО, расположенной в 17 км от границы, о том, что на его аэродроме тревога была объявлена 22 июня 1941 года в 2 часа 30 минут.

Дочитаем все же до конца рассказ бывшего начальника штаба 4-й армии о последних предвоенных часах в его армии.

«В 24 часа командующий и начальник штаба армии, а несколько позднее и остальные генералы и офицеры армейского управления были вызваны по распоряжению начальника штаба округа в штаб армии. Никаких конкретных распоряжений штаб округа не давал, кроме как «всем быть наготове». Командующий армией под свою ответственность приказал разослать во все соединения и отдельные части опечатанные «красные пакеты» с инструкцией о порядке действий по боевой тревоге, разработанной по плану прикрытия РП-4. Эти пакеты хранились в штабе армии и не вручались командирам соединений потому, что не было еще утверждено округом решение командующего армией. Однако командиры соединений знали содержание документов в пакетах, так как являлись участниками их составления».

Последняя фраза — тоже важное свидетельство. Многие нынешние пишущие о начале войны одной из причин запоздания с приведением частей в боевую готовность называют то, что «красные пакеты» не были вовремя вскрыты. Все ближе и ближе Сандалов подходит к роковому часу.

«Примерно в 2 часа ночи 22 июня прекратилась проводная связь штаба ; армии с округом и войсками. Связь удалось восстановить только в 3 часа 30 минут... После восстановления связи командующий армией получил переданное открытым текстом по телеграфу (БОДО) приказание командующего войсками Западного Особого военного округа о приведении войск в боевую готовность. Одновременно указывалось в первую очередь бесшумно вывести из брестской крепости «пачками» 42-ю стрелковую дивизию и привести в боевую готовность 14-й механизированный корпус; авиацию разрешалось перебазировать на полевые аэродромы.

До 3 часов 45 минут командующий армией сам лично по телефону отдал два приказа: начальнику штаба 42-й стрелковой дивизии поднять дивизию по тревоге и вывести ее из крепости в район сбора; командиру 14-го механизированного корпуса привести корпус в боевую готовность... командирам 28-го стрелкового корпуса, 49-й и 75-й стрелковым дивизиям приказ был послан с нарочными».

На этом закончилось мирное время в 4-й армии. Самые необходимые распоряжения отданы, но не все они выполнимы в короткое время, это сразу видно. Попробуйте вывести дивизию через одни или двое ворот быстро из крепости, несколько тысяч человек... А в это время...

«В 4 часа 15 минут — 4 часа 20 минут начальник штаба 42-й стрелковой дивизии доложил, что противник начал артиллерийский обстрел Бреста».

Лишь «В эти самые минуты» — пишет далее автор книги началась передача из штаба ЗОВО широко известного Приказа Наркома обороны «для немедленного исполнения» о возможном «в течение 22 — 23.06.41 г.» внезапном нападении немцев на всех фронтах, о том, чтобы «не поддаваться ни на какие провокационные действия» и «быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев или их союзников...»

Тут еще и еще раз приходится обращать внимание читающих на то, что в приказе Наркома Обороны маршала С.К. Тимошенко говорилось о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, а не просто в боевую готовность, как это хотят искаженно представить те, кто твердит, что войска не были в боевой готовности 22 июня 1941 года... О результатах первых артобстрелов и бомбежек немцами

приграничных частей и Брестской крепости в книге у Сандалова написано так: «В 4 часа, когда только забрезжил рассвет, со стороны немецко-фашистских войск внезапно был открыт артиллерийский огонь. Враг сосредоточил огонь по войсковым соединениям и частям, расположенным вблизи границы, по пунктам, где находились работавшие в укрепленном районе стрелковые и саперные батальоны, по подразделениям на артиллерийском полигоне, собранным для показа техники, а также по заставам и постам пограничников. Наиболее интенсивный артиллерийский огонь велся по военным городкам в Бресте, и особенно по Брестской крепости, которая была буквально покрыта разрывами артиллерийских снарядов и мин. Наиболее сильный артиллерийский и минометный огонь велся по цитадели крепости».

Совершенно очевидно, что немцы точно знали, сколько и какие войска находятся в Брестской крепости, расположенной на расстоянии прямого артиллерийского и минометного выстрела от них, и что они не упустят возможности легко уничтожить все это. Поразительно, как могло допустить такое сосредоточение войск в крепости наше командование. А еще находятся люди, пытающиеся доказать, что командование ЗОВО, то есть Западного нашего фронта было сурово наказано, незаконно. Читаем дальше:

«... Приказание о выводе из крепости частей 42-й стрелковой дивизии, отданное лично командующим 4-й армией генерал-майором А.А. Коробковым начальнику штаба дивизии по телефону в период с 3 часов 30 минут до 3 часов 45 минут, до начала военных действий не успели выполнить. Командира дивизии генерал-майора И.С. Лазаренко разыскать и поставить в известность о полученном приказании не удалось. Приказание о приведении в боевую готовность дивизий 14-го механизированного корпуса, отданное в 3 часа 30 минут, передать в части до начала артиллерийской подготовки врага также не успели...»

«Боевая тревога в приграничных соединениях была объявлена самостоятельно командирами соединений и частей после начала артиллерийской подготовки противника, а в соединениях 14-го механизированного корпуса — по приказанию из округа после 4 часов 30 минут.

В период с 5 до 6 часов противник наносил массированные удары по штабам и складам. В первую очередь подверглись ударам штабы корпусов: 14-го механизированного в Кобрине и 28-го стрелкового в Жабинке... Авиацией противника была сожжена крупная нефтебаза недалеко от командного пункта этого корпуса.

Первый налет на штаб армии немецкая авиация произвела в 5 часов 10 минут. Около 6 часов налет был повторен. Кроме штаба армии, удару в Кобрине подверглись штаб 10-й авиационной дивизии и дома начальствующего состава управления армии и авиационной дивизии. Потери в личном составе оказались небольшими, но зато штабы потеряли почти все средства связи. Под развалинами зданий остались все документы этих штабов. В эти часы авиация противника уничтожила окружной артиллерийский склад в Бронна Гуре... В период с 5 до 6 часов при поддержке артиллерии и под прикрытием авиации войска 2-й немецкой танковой группы и 4-й армии начали форсировать р. Западный Буг. Главный удар противник наносил... почти по всей полосе армии, силами 47-го моторизованного, 12-го армейского и 24-го

моторизованного корпусов... 12-й армейский корпус противника, составляя центр ударной группировки, перешел в наступление на Брест...

Во время артиллерийской подготовки 34-я немецкая пехотная дивизия нанесла большие потери 22-й танковой дивизии, размещавшейся в южном военном городке Бреста в 2,5 — 3,5 км от государственной границы. Этот городок находился на ровной местности, хорошо просматривался со стороны противника. Артиллерийский огонь по городку и последовавшие затем налеты авиации оказались для дивизии, как и для остальных войск, неожиданными. Погибло и получило ранения большое количество личного состава и членов семей командного состава. Этому способствовало скученное расположение частей дивизии. Красноармейцы размещались в общежитиях, спали на 3 — 4-х -ярусных нарах, а офицеры с семьями жили в домах начсостава поблизости от красноармейских казарм. От ударов артиллерии и авиации дивизия потеряла также большую часть танков, артиллерии и автомашин, больше половины всех автоцистерн, мастерских и кухонь. От огня противника загорелись и затем взорвались артиллерийский склад и склад горючего и смазочных материалов дивизии... С началом артиллерийского налета командир дивизии генерал-майор В.П. Пуганов по разрешению находившегося в дивизии начальника штаба 14-го механизированного корпуса полковника Л.В. Тутаринова объявил боевую тревогу и приказал частям изготовиться для следования в назначенный по плану прикрытия район Жабинки...

С 6 до 8 часов части 22-й танковой дивизии под огнем противника беспорядочно переправлялись через р. Мухавец по мостам юго-восточнее Бреста... стремясь возможно быстрее выйти по Варшавскому шоссе... в район Жабинки... Значительная часть артиллерии дивизии была уничтожена огнем противника. Из-за отсутствия средств тяги она осталась в парках... В первые же часы войны погибли заместитель командира 22-й танковой дивизии по политической части полковой комиссар А.А. Илларионов, заместитель командира дивизии по технической части военинженер 2-го ранга Е.Г. Чертов и был тяжело ранен командир 44-го танкового полка майор Н.Д. Квас.

Внезапным артиллерийским огнем были уничтожены две батареи и большая часть автотранспорта 204-го гаубичного полка 6-й стрелковой дивизии, располагавшейся между южным военным городком Бреста и артиллерийским полигоном». (Полигон находился километрах в 5-ти на юго-восток от южного военного городка и километрах в 6 — 7-ми от государственной границы, проходящей здесь по Западному Бугу с севера на юг — В.Ф.).

«Значительные потери понесли также части и подразделения, собранные по приказу округа на артиллерийском полигоне для проведения опытного учения. Здесь находились два батальона 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии, подразделения 459-го стрелкового и 472-го артиллерийского полков 42-й стрелковой дивизии, танковая, артиллерийская и другая техника, предназначенная для показа участникам учения, а также 455-й корпусной артиллерийский полк, выведенный для проведения плановых стрельб.

Начало артиллерийской подготовки противника этими войсками было воспринято как неожиданное начало учения с боевой стрельбой, а то, что снаряды начали рваться в их расположении, отнесли к халатности руководства учения, и чтобы обратить

внимание на происшедшую «ошибку», с артиллерийского полигона подали сигналы: световые (ракетами) и звуковые (трубами). И только когда части уже понесли большие потери, командиры и войска поняли, что началась война. После этого часть подразделений 6-й стрелковой дивизии присоединились к 75-й стрелковой дивизии, (то есть ушли с полигона на юг — В.Ф.), а остальные начали отход вместе с пешими подразделениями 22-й танковой дивизии...»

Поражаешься событиям, происходившим накануне и в день нападения немцев в Западном особом военном округе. Из центра идут строжайшие предупреждения — не спровоцировать какими-нибудь неосторожными действиями немцев, а тут, рядом с Брестом и Брестской крепостью и Государственной границей с Германией собрались проводить учения с боевой стрельбой, учения в масштабах округа. Собрали и подставили под удар артиллерии противника множество боевой техники.

Танковая 22-я дивизия 14-го механизированного корпуса, расположившаяся накануне в южном военном городке, в нескольких километрах от границы, в соответствии с указаниями «красного пакета» должна была немедленно по тревоге собраться и следовать в район Жабинки, что северо-восточнее Бреста примерно в 30 километрах. Вместо того, чтобы немедленно занять на своем месте оборону. Здесь тоже возникает немалое удивление. Совершенно же очевидно, что план перемещения войск в рамках приведения войск в полную боевую готовность, а это следует подчеркнуть, вскрытие пакетов предполагалось только в этом случае, когда имелось в распоряжение наличие времени для перемещения войск. В случае же внезапного нападения противника и неожиданно создавшейся обстановки, войска должны были занять оборону в том месте, где их застала внезапность.

Действия войск на случай возникновения непредвиденных ситуации в ЗОВО не были предусмотрены, и началась несуровая с непонятным перемещением войск, перемещением, не соответствующим складывающейся обстановке. А связи между штабами войск и со штабом округа, который теперь стал штабом фронта, тоже нет. Она непрерывно прерывается, с Москвой связи тоже нет.

В этой ситуации 24-й механизированный корпус 2-й танковой группы Гудериана легко и прорвался южнее Брестской крепости и самого Бреста вслед за беспорядочно отходящей 22-й танковой дивизией 14-го мк 4-й армии.

Как ни тяжело переживать все эти трагические события в очередной раз, но приходится ради того, чтобы разобраться в них, познать истину и со знанием дела противостоять чудовищным фальсификациям, искажениям и клевете на Советский социалистический строй, который, якобы встретил воину с Германией неподготовленным, с устаревшей техникой, что во всем этом был виноват Сталин.

Читаем дальше книгу Л.М. Сандалова «Первые дни войны».

«С уходом из Бреста 22-й танковой дивизии город остался почти без защиты. Командир 6-й стрелковой дивизии собирал в это время остатки 125-го, 333-го стрелковых и 131-го артиллерийского полков севернее и северо-восточнее Бреста... эти полки по плану и не предназначались для обороны Бреста... Поэтому 45-я немецкая пехотная дивизия, форсировав Западный Буг южнее и севернее крепости и встречая лишь незначительное сопротивление наших войск на флангах, постепенно занимала

город. Её отряд на десантных лодках пробился по р. Мухавец к мостам южнее и юго-восточнее Бреста и захватил их неповрежденными.

Однако Брестскую крепость 45-й немецкой пехотной дивизии взять с ходу не удалось. После нескольких попыток захватить крепость дивизия понесла большие потери и наступление на неё прекратила. Защитники крепости своим огнем сорвали также попытки немцев организовать переправу войск через Западный Буг по железнодорожным мостам».

Здесь возникает масса вопросов к автору книги и подозрение в том, что последний абзац появился не по воле её автора. Если немцы легко обходили Брест и с юга и с севера, зачем же им штурмовать крепость, она к тому же была под непрерывным ураганным обстрелом и бомбометанием?

Известна, правда, запись в «Военном дневнике» Гальдера такого содержания:

«25 июня 1941 года 4-й день войны... Майор фон Белов доложил свои впечатления о действиях танковой группы Гудериана, при штабе которой он состоит офицером связи. Подтверждается, что 45-я пехотная дивизия, по-видимому, зря понесла в районе Брест-Литовска большие потери... Указания:.. б). Расследовать действия 45-й пехотной дивизии в районе Бреста». И далее, в записи за 28 июня: «... Генерал Брандт: Отчет о боях за Брест-Литовск (31 пехотная дивизия)... сопротивление превосходящих по численности и фанатически сражающихся войск противника было очень сильным, что вызвало большие потери в составе 31-й пехотной дивизии. Ошибок в действиях дивизии, по-видимому, не было».

Эти, подтвержденные специальным расследованием, потери немцев связаны, видимо, с тем, что и на северной окраине Бреста, и на его южной окраинах оказались некоторые подразделения 6-й и 42-й дивизий, вырвавшиеся в первый момент обстрела из Брестской крепости, а также подразделения частей, располагавшихся в северном и южном военных городках. Они-то и наносили неожиданные удары по частям немецких пехотных дивизии, охватывающих город и входящих в него.

Удивительно то, что военные городки на южной и северной окраинах Бреста, в которых стационарно размещались 22-я танковая дивизия (в южном городке) и артиллерийские полки 28 стрелкового корпуса (северный городок) совершенно не предназначались и не были подготовлены для обороны города. Воинские части, располагавшиеся там, по тревоге должны были немедленно покинуть эти городки и убыть на сборные пункты, находящиеся на расстоянии десятков километров от этих городков восточнее.

Теперь мы подошли вплотную к самым трагическим событиям первых часов войны — к событиям, которые происходили в те часы в самой Брестской крепости.

К моменту неожиданного артиллерийского и воздушного нападения в Брестской крепости находилось неоправданно большое количество боевых частей 4-й армии, не предназначенных к обороне крепости. Сандалов перечисляет эти части, почти полностью погибшие внутри крепости:

«В момент открытия противником артиллерийского огня по Бресту и Брестской крепости в ее цитадели находились следующие части и подразделения: 84-й стрелковый полк (6-й дивизии -В.Ф.) без двух батальонов, 125-й стрелковый полк (6-й дивизии — В.Ф.), без одного батальона и саперной роты, 333-й стрелковый полк (6-й

дивизии — В.Ф.) без одного батальона и саперной роты, -131-й артиллерийский полк (6-й дивизии — В.Ф), 75-й отдельный разведывательный батальон, 98-й отдельный дивизион ПТО, штабная батарея, 37-й отдельный батальон связи, 31-й автобатальон и тыловые подразделения 6-й стрелковой дивизии, 44-й стрелковый полк без двух батальонов (42-й стрелковой дивизии — В.Ф.) (в форту 2 км южнее крепости), 455-й стрелковый полк (42-й дивизии — В.Ф) без одного батальона и саперной роты (один батальон из оставшихся в крепости размещался в форту 4 км северо-западнее Бреста), 158-й автобатальон и тыловые подразделения 42-й стрелковой дивизии. В крепости находились также штаб 33-го окружного инженерного полка с полковыми подразделениями, половина окружного военного госпиталя на острове Госпитальном и пограничная застава на острове Пограничном. Кроме того в бастионном кольце и за стенами крепости проживало большое количество начальствующего состава и сверхсрочников со своими семьями, а также граждан, работавших в частях и учреждениях, расположенных в крепости. (В этом месте у Сандалова ссылка на Архив МО СССР, ф. 318, оп. 4631, д. 8, л. -3 и примечания в скобках -В.Ф.).

В 4 часа утра 22 июня был открыт ураганный огонь по казармам, по выходам из казарм и центральной части крепости, по мостам и выходным воротам и домам начальствующего состава. Этот налет внес замешательство и вызвал панику среди красноармейского состава. Командный состав, подвергшийся в своих квартирах нападению, был частично уничтожен. Уцелевшие командиры не могли проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня, поставленного на мосту в центральной части крепости и у входных ворот. В результате красноармейцы и младшие командиры без управления со стороны средних командиров, одетые и раздетые, группами и по одиночке, выходили из крепости, преодолевая обводной канал, реку Мухавец и вал крепости под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Потери учесть было невозможно, так как разрозненные части 6-й дивизии смешались с разрозненными частями 42-й дивизии, а на сборное место многие не могли попасть потому, что примерно в 6 часов по нему уже был сосредоточен артиллерийский огонь».

Это была приведенная Сандаловым выдержка из «краткого боевого отчета о действиях 6-й стрелковой дивизии, имевшей на вооружении легкие танки и бронемашин». Далее Сандалов повествует следующее:

«С началом артиллерийской подготовки в 4 часа в городе и крепости погас свет... Телефонная связь в городе прекратилась. Это еще более усилило растерянность личного состава. Средних командиров в бастионах насчитывалось единицы. Командиры, сумевшие пробиться в крепость, вывести части и подразделения не смогли и остались в крепости. Так например, командир 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии майор П.М. Гаврилов, пробравшийся в первый час артиллерийского налета к своему полку, не смог вывести его остатки из крепости и остался на месте, возглавив оборону восточного сектора крепости. По воспоминаниям товарища Гаврилова, все выходы из бастионного кольца крепости находились под таким сильным артиллерийским, минометным, а позднее пулеметным огнем, что 98-й отдельный дивизион ПТО при попытке прорваться из крепости был почти целиком уничтожен... Артиллерия, находившаяся в открытых артиллерийских парках крепости, в большей своей части была уничтожена огнем противника на месте. Почти целиком

погиб конский состав артиллерийских и минометных частей и подразделений дивизии, находившийся во дворе крепости у коновязей. Автомашины автобатарьонов и других частей дивизии, стоявшие в объединенных открытых автопарках, были сожжены. Все документы и имущество частей остались в крепости...

После первых артиллерийских и авиационных ударов началась эвакуация из Бреста партийных и советских организации, органов управления Брестского железнодорожного узла, фабрик, мастерских, складов и других предприятий, организаций и учреждений. Она проходила в страшной суматохе, спешно, а поэтому и неорганизованно. Начался массовый уход на восток семей советских и партийных работников, семей военнослужащих, всего населения, не желавшего попасть под власть гитлеровцев...»

И ещё много страниц в книге «Первые дни войны» посвящены развитию события на брестском направлении, но мы закончим пересказ тех событий первыми часами войны:

«К 7 часам части 45-й и 34-й пехотных дивизии 12-го немецкого армейского корпуса заняли Брест»...

Основные выводы, которые следует сделать из анализа вышеприведенного материала, кратко можно сформулировать в таком виде.

Командование 4-й армии ЗОВО, прикрывавшей 150 километровую полосу пограничной с Германией территории с Варшавским шоссе, проходящим через Брест на Минск и далее до Москвы, в центре, знало о большом количестве немецких войск, сосредоточенных против 4-й армии.

Знало оно в середине июня 1941-го года и о том, что немецкие войска заняли исходное положение для наступления против 4-й армии. Знало об этом и командование ЗОВО. Надо полагать, командование ЗОВО докладывало о тревожном положении на границе и Наркому обороны, и в генштаб.

4-я армия ЗОВО, по утверждению бывшего начальника штаба этой армии, располагала достаточным количеством сил для прикрытия занимаемой полосы обороны. В ее состав входил 28-й стрелковый корпус (42, 6, 75 и 100-я стрелковые дивизии); 14-й механизированный корпус (22-я и 30-я танковые дивизии, 205-я моторизованная дивизия; 120-й и 138-й гаубичные артиллерийские полки РГК; 62-й Брестский укрепленный район; 10-я смешанная авиадивизия; 89-й пограничный отряд.

Но перечисленные войска в момент нападения Фашистской Германии не занимали оборонительных позиций, а были расположены, в основном, в местах их постоянной дислокации. В том числе и непосредственно в военных городках на расстоянии нескольких километров от границы, и в Брестской крепости, находящейся на самой границе.

Войска и боевая техника, находящиеся в ночь на 22 июня 1941 года в северном и южном военных городках на окраина Бреста, на брестском артиллерийском полигоне и в самой Брестской крепости были разгромлены первыми же артиллерийскими и авиационными ударами.

Большая вина командования 4-й армии состоит в том, что оно не смогло вывести части 6-й и 42-й дивизий, а также многие отдельные полки и батальоны из крепости заблаговременно и тем самым обрекло их на гибель.

10-я смешанная авиадивизия, успевшая перебазировать на полевой аэродром 20 — 21 июня лишь один штурмовой авиаполк и то почему-то к самой границе, всего лишь на расстояние 8 км от нее, была разгромлена на своих стационарных аэродромах авиацией противника.

После разгрома артиллерийскими и авиационными ударами значительного количества частей 6-й, 42-й дивизии и отдельных частей, находившихся в Брестской крепости и военных городках на окраине Бреста, 2-я танковая и 4-я полевая армии немцев легко обошли Брест и Брестскую крепость и устремились на Барановичи и Минск. 3-я немецкая танковая группа и 9-я полевая немецкая армия в это время прорвали оборону севернее Белостока и также устремились на Минск и Вильно, охватывая 10-ю и 3-ю армии Западного фронта с севера. В районе Новогрудок и Минска немецкие войска соединились, окружив 10-ю и 3-ю армии и часть сил 4-й армии. 29 июня столица советской Белоруссии была захвачена врагом. Западный фронт потерпел катастрофическое поражение.

МНЕНИЕ ГЕНШТАБИСТА

Шестидесятилетие со дня начала Великой Отечественной войны — память о чрезмерно трагическом. Шестидесятилетие Московской битвы — юбилей подлинно героического. А между ними другие события 60-ти летней давности жестокие и трагические, известные и малоизвестные. Окружение наших войск под Белостоком, молниеносный разгром немцами Западного фронта, Соловьевская переправа у Смоленска, захват немцами Окуниновского моста через Днепр севернее Киева, окружение и разгром Юго-Западного фронта, гибель его штаба, трагический переход Балтийского флота из Таллина в Кронштадт, окружение 4-х наших армий в районе Вязьмы, 2-х у Брянска, открытые дороги на Москву. Все эти предельно трагические события минувшей войны возбуждают снова и снова неутихающую боль воспоминаний о трагедии страны и народа, о павших товарищах.

Не прекращаются и, конечно, не прекратятся до конца этих обильных трагическими датами лет дискуссии, разговоры и споры о причинах наших поражений первых дней, недель и месяцев войны, неоправданно больших жертвах, о быстром продвижении врага вглубь страны до Москвы. Из недавних публикаций привлекли мое внимание две статьи в «Красной Звезде»: «Трагедия Западного Фронта» к.и.н. М.Мягкова («КЗ» за 24.07.01) и большая на всю полосу — генерала армии А. Грибкова «Генеральный штаб: история и перспективы».

О первой статье. Она достаточно правдиво повествует о трагических событиях первых дней войны на Западном фронте. Следует лишь заметить: в ней, кажется, впервые в «Красной звезде» опубликовано то, о чем в патриотической печати говорится уже не один десяток лет. Сейчас разговор — о второй статье.

Статья А. Грибкова содержательна: история русского Генерального штаба с петровских времен его зарождения, развитие, имена... Особое внимание Генштабу Красной Армии со времен зарождения полевого штаба РККА в 1919 г. Большое внимание Б.М. Шапошникову, постоянные ссылки на его классический труд «Мозг

Армии», изданный в советское время, в начале 20-х годов. В заключении статьи высказывается твердое убеждение: армия, Генеральный штаб не может быть вне политики. Генштаб должен привлекаться к участию в разработке бюджета страны, начальник генштаба должен быть вхож к президенту страны. И тут тоже основной авторитет — Борис Михайлович Шапошников. Все это очень интересно и серьезно и, надо полагать, будет оценено по достоинству.

Особое внимание, я думаю, многих читателей привлечет та часть статьи, где автор рассматривает роль Генштаба РККА в деле подготовки страны к отражению немецко-фашистской агрессии, его роль в годы Великой Отечественной войны. Тут не все представляется бесспорным, возникают вопросы и возражения.

Подкупает у А. Грибкова своей четкостью фундаментальный, по существу геополитический, тезис автора: «Война с Германией не стала для нашей страны неожиданностью. Это был закономерный процесс в рамках реализации многовековой западной экспансии на Восток в поисках жизненного пространства... Тем более она не была неожиданностью и для Генерального штаба РККА.» Сказано четко и определенно и, кажется, впервые в таком тоне в открытой печати, в самой главной военной газете военным деятелем самого высокого ранга, бывшим крупным генштабистом. Тут, конечно, под Западом подразумеваются и современные США, превратившиеся из некогда демократической, а скорее всего, бывшей прежде псевдодемократической страны, в страну оголтелой агрессивности. Многие современные беспристрастные исследователи нашего недавнего прошлого, пламенные публицисты, не скованные нынешней официальной политизированной и конъюнктурированной исторической «наукой», отстаивали в своих публикациях подобные же взгляды.

Вспомнилась и публикация нынешнего начальника генерального штаба Квашнина совместно с начальником института военной истории М. Гареевым «Семь уроков Великой Отечественной войны», появившаяся в конце 2000 года в «Независимом военном обозрении». Удивил и возмутил в ней первый же тезис, выдержанный в типичном перестроечном псевдоисторическом тоне, точнее, такие слова в нем: «... Сталин отверг все предложения наркомата обороны, начальника Генштаба разрешить привести войска в боевую готовность и изготавиться к отражению агрессии. Воспротивиться этому в те времена было практически невозможно». Вызывал недоумение и ряд других подобных избитых утверждений, не отражающих существа происходящих тогда событий. Ю.И. Мухин сразу же в своей газете, в №32 (175) в статье «Понимают ли генералы уроки войны» дал разгромную критику подобным измышлениям Квашнина и Гареева, уличив их в умышленном искажении смысла и слов даже известной директивы наркома обороны приграничным военным округам от 21 июня 1941г. Как всегда — в предельно резкой форме, но справедливо.

И в той статье, и у А. Грибкова затронуты одни и те же вопросы, болезненно воспринимаемые теми, кто мучительно пытается найти ответы на них для себя. К слову, я не могу в очередной раз не заметить, что история Великой Отечественной войны в нашей стране сейчас стала гражданским делом, и самые интересные, самые сильные публикации о той войне, на мой взгляд, идут не от дипломированных историков, а от граждан иных профессий — порядочных литераторов, работников

науки, культуры, журналистов, рабочих, крестьян и служащих: Вадим Кожинов, Владимир Бушин, Василий Песков, Феликс Чуев, Владимир Успенский... Дипломированные же официальные историки скомпрометировали себя, свои ученые степени и звания непоследовательностью своих позиции, приспособленчеством к изменяющейся политической линии руководства страны. Истоки такого положения в военно-исторической науке уходят, я думаю, к военным годам, когда основные проблемы начала войны были затронуты в докладах и речах И.В. Сталина. Он в своих политических выступлениях не мог перед лицом врага говорить об истинном положении воюющей армии, о причинах трагического начала войны. Официальные же историки того периода стали «научно» обосновывать политические оценки Сталина. Среди них — П.А. Жилин, А.М. Самсонов, многие другие. Потом по их стопам пошли научно руководимые ими, их ученики, потом — ученики этих учеников. И таким путем сформировались «научные» школы антинаучной истории. Потом появились «историки»-перевертыши, тот же Самсонов, Волкогонов, Мерцаловы, Р. Медведев, Б. Сарнов... Из последних — Млечин...

Отдавая должное вышеприведенной в статье А. Грибкова оценке геополитического нажима Запада на Россию, с некоторыми его оценками роли Генштаба в непосредственной подготовке Вооруженных сил Советского Союза к отражению германской агрессии, мне кажется, согласиться нельзя. Например, вот с таким утверждением: «... на Генеральный штаб легла основная нагрузка по подготовке страны к отражению фашистской агрессии». По-моему, такое утверждение принципиально неверно. Основным в подготовке страны к обороне, к отражению фашистской агрессии было все же, как представляется, создание мощного военно-промышленного потенциала, соответствующее развитие экономики и идейно-политическая подготовка личного состава Красной Армии и советского народа в целом. Решением этих задач в первую очередь занимались высшие правительственные органы, совнарком, политбюро ЦК ВКП(б), руководство военной промышленности и общественные организации.

В 1930-е годы эти задачи были решены успешно, что в критический момент и спасло страну от полного военного поражения. Неоценимую роль в деле идейно-патриотического воспитания и военной подготовки молодежи играл комсомол и Осоавиахим. Это широко известно. Если же принять тезис А.Грибкова о том, что основная нагрузка в деле подготовки страны к отражению фашистской агрессии легла на Генштаб РККА, то и основной спрос за разгромное поражение Красной Армии в первые месяцы войны должен быть с него, с Генерального штаба РККА. Однако так вопрос, насколько известно, никто, никогда не ставил, не ставит так вопрос и Грибков. Между тем, представляется бесспорным, что довоенный наш Генштаб должен нести свою долю ответственности за то, что многие части и соединения приграничных военных округов были застигнуты врасплох, а боевые самолеты оказались подставленными под удар немецкой авиации на стационарных аэродромах в плотном строю. За окружение 3-й и 10-й армий под Белостоком и Минском, за невообразимо быстрый развал Западного фронта. За окружение и разгром противником Юго-западного фронта, за окружение в конце сентября 41 года 4-х советских армий под Вязьмой. За совершенно негодную связь между штабами военных округов и штабами

армий, корпусов и дивизий. За плохую связь самого Генштаба со штабами военных округов. Куда уж дальше: нарком обороны, генштаб и правительство страны узнали о захвате через неделю после начала войны столицы Белоруссии Минска не от штаба Западного фронта, а из сообщения зарубежных ширококвещательных радиостанций. Вина Генштаба, наркомата обороны в целом за перечисленное выше в том, что отдавая директивы, распоряжения и приказы в западные приграничные военные округа о выдвижении к границе войск, расположенных вдали от нее, о рассредоточении самолетов, о повышении бдительности и боеготовности генштаб плохо контролировал исполнение директив и приказов. Тут снова и снова вспоминаются слова Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова:

«Анализируя события последних мирных дней, я предполагаю: И.В. Сталин представлял боевую готовность наших вооруженных сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух и погибли прямо на аэродромах».

Следующее. Пишет А. Грибков: «Военно-политическое руководство страны не позволило Генеральному штабу полностью и своевременно реализовать необходимые меры, с неизбежностью вытекающие из оценки обстановки накануне войны. Для вооруженных сил СССР в канун войны единственным документом, предписывающим приведение войск приграничных округов в боевую готовность, стала директива, направленная в войска за считанные часы до начала войны 21 июня 1941г. в 21.45 по московскому времени».

Ни формально, ни по существу этот тезис не соответствует истине. Вся обстановка на западной границе в первом полугодии 1941 года, частые нарушения воздушного пространства СССР немецкими самолетами, сосредоточение немецких войск в непосредственной близости от границы, о чем Генштаб регулярно информировал командование приграничных военных округов — все это требовало быть войскам в боевой готовности, не терять бдительности.

Наконец только в течение полутора месяца до начала войны Генштаб, наркомат обороны направили войскам прямые директивы, требующие повышения боевой готовности. Например, маршал И.Х. Баграмян свидетельствовал: «В начале мая мы получили оперативную директиву Народного комиссара обороны, которая определяла задачи войск округа на случай внезапного нападения гитлеровцев на нашу страну... В дополнение к плану прикрытия директива наркома требовала от командования округа **СПЕШНО ПОДГОТОВИТЬ** (выделено - В.Ф.) в 30 - 35 километрах от границы тыловой оборонительный рубеж, на который вывести пять стрелковых и четыре механизированных корпуса, составлявший второй эшелон округа. Все эти перемещения войск должны были начаться по особому приказу наркома. **АВИАЦИЮ ПРЕДПИСЫВАЛОСЬ ДЕРЖАТЬ В ГОТОВНОСТИ К ПЕРЕДИСЛОКАЦИИ НА ПОЛЕВЫЕ АЭРОДРОМЫ** (Выделено — В.Ф.). Эти слова из книги И.Х.Баграмяна «Так начиналась война», стр. 62). В то время И.Х. Баграмян занимал должность начальника оперативного отдела штаба КВО. Маршал А.М. Василевский:

«27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указание о строительстве В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ полевых фронтовых командных пунктов, (выделено — В.Ф.), а 19 июня вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Управление Одесского округа по ходатайству окружного командования добилось такого разрешения ранее... 19 июня эти округа получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады и базы и рассредоточить самолеты на аэродромах» (А.М. Василевский. «Дело всей жизни», кн. 1 стр. 114).

Бывший командир 10-й стрелковой дивизии 8-й армии генерал-майор И.И.Фадеев: «19 июня 1941 года было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И.Ф. Николаева о приведении дивизии в боевую готовность. Все части были немедленно выведены в район обороны, заняли ДЗОТЫ и огневые позиции артиллерии... В целях сохранения проводимых на границе мероприятий производились обычные оборонные работы и часть личного состава маскировалась, НАХОДЯСЬ В ПОЛНОЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ» (Выделено — В.Ф.). Взято из «Военно-исторического журнала», №5, 1989, стр. 25). И таких свидетельств множество.

И еще об одном. Уважаемый автор пишет: «Реорганизация и массовое перевооружение войск началось лишь с февраля 1941г., причем одновременно во всех видах и родах войск». Мне кажется это плохо, когда идет массовое перевооружение. Пример тому — одновременное формирование 20 механизированных корпусов численностью в 1031 танк каждый, начатое в марте 1941г. на базе упраздненных кавалерийских соединений. Их нельзя быстро вооружить танками, тем более новыми. А кроме того для них требовались десятки тысяч автомашин, топливозаправщиков, большое количество артиллерии, средств ПВО, средств связи, боеприпасов и еще много другого. Всего этого, особенно автотранспорта, в стране накоплено не было. В автотранспорте острая нужда ощущалась в народном хозяйстве, особенно — в сельском хозяйстве. И конечно, к началу войны большинство из этих 20-ти МК были слабо укомплектованы танками. Об этом свидетельствовал, например, К.К. Рокоссовский в своих мемуарах «Солдатский долг» и другие непосредственные участники той реорганизации. В течение первых 2-х — 3-х месяцев войны эти несформированные МК потеряли все свои танки и были расформированы.

РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ

Как-то мне попала на глаза статья В.И. Алексеенко «Истребители» («Дуэль» за 1998 год). В ней разговор шел о состоянии советского самолетостроения, главным образом для истребительной авиации накануне войны. Давалась нелестная оценка нашего авиамоторостроения, показана была напряженная работа испытателей новых самолетов в НИИ ВВС. Статья содержала ссылки на малоизвестные архивные материалы, связанные с поставками самолетов новейших конструкций в строевые части, содержались оригинальные оценки и выводы. Некоторые цифры и утверждения автора представлялись мне спорными, доводы неубедительными. Например,

приводилось число истребителей новейших конструкции к началу войны в западных пограничных военных округах — 304 единицы. И почему-то без ВВС ВМФ, хотя известно, что флоты входили в оперативное подчинение военных округов, тем более, — оперативных направлений: Северного, Западного и Юго-западного.

Нельзя было согласиться с такими, например, утверждениями автора той статьи: «... авиация люфтваффе имела полное превосходство над советской авиацией особенно в истребительной авиации... Что касается больших потерь нашей авиации — это должно быть понятно: подавляющее количество самолетов было устаревшего типа... Тот факт, что советская авиация нанесла хваленной авиации люфтваффе ощутимый урон (речь у Алексеенко идет о 3827 самолетах немцев, сбитых в 1941 г., — В.Ф.) говорит о высоких морально-боевых качествах и достаточной летной и тактической подготовке летного состава и его командиров». К сожалению, в первые дни войны посылались на бомбардировку немецких войск днем действительно устаревшие ТБ-3, да еще без прикрытия истребителей. Известно же, когда этот самолет стал использоваться только ночью, он успешно применялся в боевых действиях и стоял на вооружении до 1943 года. Летчик Федот Орлов, совершая ночные бомбардировочные налеты на врага на ТБ-3, на котором до него летал легендарный Гастелло, был в середине 1942 года даже удостоен высокого звания Героя Советского Союза за эти свои успешные действия на ТБ-3! Или другой пример. Совершенно, казалось бы, непригодный к боевым действиям учебный самолет У-2 (ПО-2) и тот пошел в дело, когда додумались, как его использовать ночью.

Было желание по всем перечисленным и другим, казавшимися спорными, вопросам вступить в полемику с автором статьи. Но главный редактор «Дуэли» Ю. Мухин, очарованный обилием ссылок в статье Алексеенко на архивные материалы от полемики в газете уклонился, хотя сам он очень осторожно пользуется архивными материалами, неоднократно показав читателям, что случаи фальсификаций и там, вообще говоря, известны.

За истекшее время появилось немало интересных публикации о немецкой, англо-американской, японской и советской авиациях предвоенного и военного периодов. В том числе переводы на русский двух книг американского автора Майка Спика - «Асы люфтваффе (1999г.) и «Асы союзников» (2000г.). В связи с этим мне представляется необходимым вернуться к разговору и о самолетах-истребителях, и о летчиках-истребителях начала Великой Отечественной войны. Обе упомянутые книги о летчиках-истребителях периода 2-й мировой войны, о тактике воздушных боев, о самолетах-истребителях — немецких, английских, американских и японских ВВС.

В книге «Асы люфтваффе» приведены краткие боевые биографии известных и малоизвестных немецких асов (экспертов, как они там еще названы), асов союзников или сторонников фашистской Германии — итальянских, испанских, японских, финских, венгерских, румынских, словацких, хорватских, а также асов французов, поляков, воевавших на стороне гитлеровской Германии. Перечислены даже асы реактивной авиации, которая успешно применялась немцами в 1945 году. В книге «Асы союзников», насыщенной богатым фактологическим материалом, приведены имена и краткие боевые биографии самых результативных летчиков-асов ВВС и морской пехоты Великобритании — англичан, американцев, австралийцев, канадцев,

чехословаков, датчан, французов, ирландцев, новозеландцев, норвежцев, поляков, родезийцев, южноафриканцев. Отдельно приведен список 231 самого результативного аса американских ВВС, включая асов авиации ВМС и морской пехоты США. В том числе приведены имена и тех летчиков ВМФ и морской пехоты США, которые сбили всего по одному — двум самолетам. Не нашлось лишь должного места советским летчикам-асам, кроме 10 наших трижды и дважды Героев Советского Союза на последней странице книги.

О невероятно большом количестве сбитых советских самолетов асами люфтваффе в муторные перестроечные годы стали писать часто, многие — со злорадством. Однако строгих документальных доказательств сенсационных успехов немецких летчиков нет и, конечно, не будет и в дальнейшем. Не случайно в книге основной термин не «сбитые самолеты», а «победы». У первого аса люфтваффе Эриха Хартмана 352 победы. Сомнительность подобных цифр уже неоднократно обсуждалась в последнее время. Основная причина появления фантастических цифр — не строгость у немцев учета сбитых самолетов, явные преувеличения, приписки, если пользоваться нашей терминологией. Американцы и англичане с подобными цифрами сбитых немцами их самолетов поступили просто: они сокращают их в 3 раза. Сбитые советские самолеты оставлены в книге такими, какими их заявили немецкие летчики. Спорить вокруг приведенных фантастических цифр бесполезно. Противопоставить немецким асам у нас есть кое-что другое, о чем будет сказано ниже.

И еще об одном. В книгу «Асы союзников» включен раздел «Советские истребители в Великой Отечественной войне», написанный Г. Корнюхиным. Раздел довольно обстоятельный, в трех главах; в нем наряду со многими другими интересными сведениями есть и данные о количестве новейших истребителей накануне войны в авиации ЗОВО и КОВО. Соответственно — 233 МиГ-3 и 20 Як-1, всего 253 новейших истребителя — в ЗОВО, 190 МиГ-1/3 и 62 Як1, всего 252 новых истребителя.- в КОВО. Вместе с известными ранее данными о новейших истребителях в авиации Л ВО -265 и в ОдВО — 172 самолета получается суммарное число новейших истребителей в этих 4-х военных округах 942 машины. Эти цифры расходятся с данными, которые приводит Алексеенко. Архивные данные, которыми он пользовался, могли быть не полными или просто тенденциозно подобранными. Наконец, нельзя не учитывать и то, что в строевых частях не спешили, надо полагать, с оформлением актов приемки поставленных туда самолетов, и такие акты поступали в главный штаб ВВС с большим опозданием.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что, как утверждал В.И. Алексеенко, «... на заводах все же остались принятые военпредами на 1 июля 1941г., но не вывезенные в части 740 боевых самолетов». Нет худа без добра — иначе они попали бы тоже под первые немецкие бомбы. И не случайно Ф. Гальдер в своем знаменитом «Военном дневнике» записал тогда: «1 июля 1941 года... В настоящее время командование ВВС считает, что перед группой армий «Юг» противник располагает 800 — 1000 первоклассными самолетами, перед фронтом группы армий «Центр» действуют 400 -500 первоклассных самолетов противника, перед фронтом группы армий «Север» также 400 — 500 первоклассных самолетов». Хотя вряд ли Гальдеру

можно верить. Ведь и он стремился обелить себя, объяснить причины потерь своей авиации.

О книгах Майка Спика разговор требуется более обстоятельный. Здесь же имеется возможность остановиться еще лишь на некоторых моментах, имеющих отношение к теме нашего разговора.

Положение советской авиации в первые часы войны американский автор, много поработавший с немецкими источниками, оценивает так: «Вторжение в Советский Союз под кодовым названием «Барбаросса» началось незадолго до рассвета 22 июня 1941 года. Внезапность была полной. Хотя многие аэродромы находились еще в стадии строительства и не использовались, остальные были переполнены самолетами, выстроенными в ряды крылом к крылу, словно для инспекции или парада. Они представляли собой превосходную мишень. Самолетов и аэродромов было так много, что многим пилотам люфтваффе показалось, что русские сами планировали массовое нападение, которое немцам удалось сорвать. Однако в таком случае обычно полагалось рассредоточить и замаскировать боевую технику. А здесь в первые часы атак не было оказано сопротивления, ни со стороны ПВО, ни со стороны истребителей». Это — по свидетельству немецкой стороны. В очерке Г.Ф. Корнюхина в книге «Асы союзников» есть свидетельство о первых часах войны нашего очевидца — командира 87 ИАП КОВО И. Сульдина: «Примерно в 4 часа 50 минут с восточной стороны аэродрома показался плохо видимый в лучах восходящего солнца двухмоторный бомбардировщик. Все сочли, что для проверки готовности полка прилетел командир авиадивизии. Но то был немецкий бомбардировщик Ю-88. На бреющем полете он атаковал выстроенные в линию самолеты. Увидев зловещие кресты на бомбардировщике, находившиеся на аэродроме командиры и бойцы открыли по нему огонь из винтовок... из 10 выстроенных самолетов 7 сгорели...»

Теперь хорошо известно, что Красная Армия к началу войны превосходила немецкую армию по количеству танков более, чем в 4 раза (22,6 тысячи против 5,5 тыс.) и, что самое существенное, — по количеству и качеству новейших танков более, чем в 2 раза (1475 Т-34 и КВ против 568 немецких Т-4). И что же? Некоторые исследователи злословят по этому поводу, мол, русские танкисты, как и летчики, имели слабую подготовку. Но это не так. На направлении главного удара фашистам в результате вероломного нападения удалось создать многократное превосходство в людях и технике. По свидетельству генерала Сандалова, перед началом боевых действий фашистов против 4 армии А. Коробкова в первом эшелоне соотношение по людям было в 5,4 к одному, а по танкам в 2,9 к одному, разумеется не в нашу пользу. К тому же из этих 22 тысяч более 21 тысячи были легкие танки. Вот что сказал о них генералу И. Болдину командующий 10-й армией генерал-майор И.Д. Голубев. «Я развернул тринадцатый мехкорпус...» но «танков в дивизиях корпуса мало. Да и что можно требовать от Т-26? По воробьям из них стрелять...» Была еще одна причина, связанная с фактором внезапности. В результате того, что склады горючего и боеприпасов были разгромлены в первые часы и дни войны, а пути подвоза контролировались и обстреливались немецкой авиацией, наши танки, израсходовав возимый боекомплект и горючее, встали небоеспособными. Их в большом количестве

пришлось невольно бросить, и они достались врагу. К концу 1941 года наша армия потеряла около 20500 танков из имевшихся к началу войны более 22500.

Вернемся, однако, снова к книге «Асы люфтваффе». Читаем там на стр. 128: «Урон, нанесенный Красной Армии в первый день войны, был большим, но огромное количество русских военных аэродромов немцы не смогли «накрыть» первой волной. А в ходе второй атаки, вылетев после дозаправки и пополнения боеприпасов, немецкие самолеты были встречены в воздухе русскими истребителями, готовыми к смертельной схватке. Разгорелись ожесточенные бои, в которых тихходные, но маневренные советские машины принесли немцам массу проблем».

Тут же приводятся воспоминания немецкого летчика: «Они практически давали нам возможность выйти на позицию прицеливания, а затем разворачивали свои истребители на 180 градусов, и обе стороны поливали друг друга огнем в лобовой атаке».

В приведенных свидетельствах я нашел ответ и на давно занимавший меня вопрос: почему Гальдер в своем дневнике привел данные о потерях немецкой авиации 22.06.41г. только по состоянию на 13.30 — 10 самолетов — и больше ни словом не обмолвился о потерях люфтваффе ни по состоянию на вечер 22 июня, ни о потерях в последующие дни. Все становится ясным. К вечеру 22 июня немецкая авиация понесла уже значительные потери (по данным М. Спика — 70 самолетов). А за первые две недели боев на восточном фронте, как свидетельствовал историк немецких ВВС — Греффрат, потери люфтваффе при полном их господстве в воздухе были больше, чем за любой другой двухнедельный период в войне с Советским Союзом — 807 машин. Для немецкой авиации это очень много. Но господство в воздухе было и еще долго, до середины 1943 года, оставалось за немецкой авиацией. В условиях этого господства гибли и гибли наши славные летчики строевых частей.

Настоящие-то, хорошо подготовленные советские летчики, были, как говорится, не по зубам Баркхорну. Ок пишет и такое:

«Однажды, в 1943 году, я выдержал сорокаминутный бой с упорным русским летчиком и не смог добиться никаких результатов. Я был настолько мокрым от пота, словно только вышел из душевой. Интересно, было ли ему также трудно, как и мне. Русский летал на ЛаГГ-3, и оба мы выписывали в воздухе все мыслимые и немыслимые фигуры пилотажа. Я не мог достать его, а он — меня. Этот летчик принадлежал к одному из гвардейских авиаполков, в которых были собраны лучшие советские асы».

Были, были у нас умелые и отважные летчики и в 1941 году. Г. Кор- нюхин в своем очерке в книге «Асы союзников» хорошо написал о лет- чиках-балтийцах 13 ИАП, позднее — 4-го гвардейского ИАП 1-й гвардейской ИАД. Этот истребительный полк за полтора года, до января 1942 г. успешно сражался на «устаревших» И-16, сбив за этот срок более 100 немецких и финских самолетов. В его рядах с первых дней войны сражались такие мастера воздушного боя, как Алексей Антоненко, Павел Бринько, Василий Голубев и многие другие, прославившиеся в 1941 году У А. Антоненко к моменту его гибели 5 июля 1941 года было на счету 11 сбитых самолетов врага, П. Бринько, погибший 14.09.41г., сбил за 3 месяца 15 самолетов противника. Вечная им слава.

Если говорить о первых асах Великой Отечественной войны, то мне кажется, следует признать, что наиболее впечатляющей выглядит боевая деятельность в первые дни войны будущего Трижды Героя Советского Союза Александра Покрышкина. В 1994 году в статье «Лучший летчик Второй мировой войны» в газете Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е.Жуковского «Вперед и выше» я обратил внимание читателей на удивительный, но малоизвестный факт. Александр Покрышкин за первые 10 дней войны сбил на МиГ-3 7 самолетов противника: 4 — Ме-109, 2 — Хенкель-126, 1 — Ю-88. И по ошибке — в первый день войны — еще свой Су-2. В этом можно было убедиться, прочтя его книгу воспоминаний «Познай себя в бою». И никто из авиаторов академии не отреагировал на ту публикацию, ни вопросов, ни сомнений, ни опровержений. В разговоре по телефону с бывшим однополчанином А. Покрышкина я понял, что и он этого факта не знает. Похоже, что эти, сбитые им тогда самолеты, ему официально не зачитали, и Александр Иванович не распространялся много о первых сбитых им самолетах среди товарищей. Не засчитали — так не засчитали, конец и разговорам. И вот, в предисловии Г. Корнюхина к «Асам люфтваффе», наконец, вижу давно ожидаемые мной слова: «В советских ВВС в первый период войны воздушные победы зачитывали летчикам только на основании письменного свидетельства наземных войск, из-за чего совершенно не учитывались вражеские самолеты, сбитые за линией фронта... А. Покрышкин недосчитался по этой причине более 10 машин на своем счету». А в своем очерке «Советские истребители...» в книге «Асы союзников» он уточняет: «В июне 1941 года на МиГ-3 начал свою боевую карьеру Александр Покрышкин и сбил на нем 10 вражеских самолетов, в том числе 5 ВГ-109». (То есть — Ме-109).

В книге «Познай себя в бою» есть интереснейший рассказ Александра Ивановича о том, как он вместе со своим ведомым, будучи посланным на разведку вражеских переправ через Прут, встретился 23 июня 41 года с 5-ю «мессершмиттами», вступил с ними в бой и сбил в труднейшей ситуации одного из них и затем длительное время еще бился с оставшимися 4-мя без ведомого. Это было настоящее героическое и высочайшее мастерство, которое проявил в первой встрече с врагом советский летчик, не имевший боевого опыта до этого. В условиях повсеместного господства в воздухе немецкой авиации, в тяжелейшие дни начала войны. Не случайно президент США Рузвельт назвал А.И. Покрышкина лучшим летчиком Второй мировой войны. Таким я его считаю по сей день, таким он и останется, я уверен, в понимании многих авиаторов. Ни один голый арифметический критерий боевой эффективности или результативности летчика, популярный в последнее время, не учитывает сложнейшие условия, в которых воевал Александр Покрышкин в первые дни той жестокой войны. Сравним, как он бился в 41-м, не говоря уже о 43-м на Кубани, когда он сбил 45 самолетов врага, и как воевал наиболее результативный по количеству одержанных побед первый ас люфтваффе — Эрих Хартман. В книге «Асы люфтваффе» приведен такой его рассказ о своей тактике:

«... меня никогда не заботили проблемы воздушного боя. Я ПРОСТО НИКОГДА НЕ ВВЯЗЫВАЛСЯ В ПОЕДИНОК С РУССКИМИ. (Выделено — В.Ф.). Моей тактикой была внезапность. Забраться повыше и, по возможности, зайти со стороны солнца... Девяносто процентов моих атак были внезапными, с целью застать

противника врасплох. Если я добивался успеха, то быстро уходил, делал небольшую паузу и вновь оценивал обстановку... Хорошо, если тебе попадется малоопытный или зазевавшийся пилот... Отстрелявшись, немедленно уходи в сторону и выходи из боя. Попал или нет, думай теперь только о том, как унести ноги.»

Теперь отчетливей видно, кто был кто на той войне: Александр Покрышкин — настоящий воздушный воин, мастер высшего пилотажа, не раздумывая вступающий в схватку с врагом. Эрих Хартман — воздушный гангстер, подкарауливающий свою жертву за углом. Из его рассказа видно, что победы он одерживал над вышедшими из боя подбитыми или израсходовавшими боекомплект самолетами. А такие ситуации были нередки. Выучка, летная подготовка рядовых наших летчиков, вступивших в боевой строй накануне войны и, тем более, в военное время была слабой: малый налет, малое количество боевых стрельб. Подобную оценку наших летчиков можно встретить во многих немецких источниках — от воспоминаний летчиков до записей в знаменитом «Военном дневнике» Гальдера. Да и свидетельств наших летчиков об этом достаточно. Автор «Асов люфтваффе М. Спик высказался так на эту тему: «В целом русские летчики летали неважно, что было следствием неполноценных и не отвечающих требованиям времени тренировок. Но несмотря на это существенные недостатки, ВВС СССР представляли собой грозного противника — хотя бы количественно».

Тут нельзя не дополнить М. Спика: в условиях господства в воздухе немецкой авиации советские летчики все же сумели сбить в течение 1941г., 42г. и 43 г. 43 хваленых немецких аса, имевших на своем боевом счету от 63 до 189 побед. Из этих 43-х были сбиты 2 — в 41г., 15 — в 42г. и 26 — в 43г. Задумаемся еще вот над чем. Широко известно, что наши летчики часто, особенно в начале войны, таранили вражеские самолеты. Но из этого, помимо всего прочего, следует и такая простая истина: летчики наши были в состоянии сблизиться с вражескими самолетами, по крайней мере, — с бомбардировщиками. Скорости и маневренности хватало у «устаревших самолетов». Не хватало патронов и снарядов к пулеметам и пушкам, боекомплект был израсходован ранее, еще на большом расстоянии до цели.

К сожалению, на фронт поступало и немало пилотов со слабой тактической и огневой подготовкой, отчего росли наши потери.

Глава 14. О СОБЫТИЯХ И СУДЬБАХ 1942 - 1943 ГОДОВ

ОБЕЩАЮЩЕЕ НАЧАЛО

Красная Армия начала 1942 год успешными действиями против гитлеровских захватчиков. 2 января моряки-черноморцы завершили дерзкие десантные операции,

начавшиеся в конце декабря 1941 года войсками Закавказского фронта по захвату Керчи и Феодосии. В конце декабря 1941 года Конно-механизированная оперативная группа генерала П.А. Белова вместе с другими частями завершила разгром 2-й танковой армии немцев в районе Козельска и Калуги, 2 января прорвалась к Юхнову и стала обходить его с юга, стремясь окружить 4-ю немецкую армию, отступающую от Калуги на Медынь и Малоярославец. Успех этой операции оперативной группы П.А. Белова казался командованию группы очевидным. П.А. Белов так описывает этот момент в своей книге «За нами Москва».

«Марш-маневр усиленного 1-го гвардейского кавкорпуса проходил успешно. Казалось, еще немного дней — и мы захватим или блокируем город Юхнов, перережем Варшавское шоссе и повернем на Медынь. Вражеская группировка, отступавшая от Калуги, оказалась бы в этом случае в полном окружении, создались бы благоприятные условия и для окружения главных сил 4-й полевой армии гитлеровцев... Мы одну за другой освобождали деревни, выгоняли гитлеровцев на мороз. 2 января захватили Юхновский аэродром... 4-я полевая армия противника оказалась в критическом положении... В то время, как положение под Юхновом сложилось для нас весьма удачно, когда наш успех почти не вызывал сомнений, мы получили из штаба фронта новую директиву. Она отменяла прежнюю и ставила перед войсками более широкие, но и более трудные задачи. В этом документе, в частности, говорилось:.. «...2. Создалась очень выгодная оперативная обстановка для окружения 4-й и 9-й армий противника, причем главную роль должна сыграть ударная группа Белова, оперативно взаимодействуя через штаб фронта с нашей Ржевской группировкой...». С такой постановкой вопроса П.А. Белов как основной исполнитель задуманного широкого плана не был согласен и отстаивал свой план перед командованием Западного фронта. О своих действиях он в книге пишет так: «В принципе это был смелый и значительный замысел. Но как его осуществить — вот вопрос. Не слишком ли широко замахнулись в штабе фронта? ... Конечно, противник понес значительные потери, он уже не тот, что был месяц назад. Но и советские войска ослаблены, утомлены в предыдущих боях. Отстала значительная часть танков, артиллерии, тылов и обозов. Хватит ли у нас сил и средств, чтобы окружить и уничтожить 4-ю и 9-ю полевые армии гитлеровцев? Не лучше ли действовать наверняка — добить 4-ю полевую армию, а потом приниматься за 9-ю? Вот о чем я думал, прочитав директиву... Нужно было прежде всего окружить и разгромить немецкие войска в районе Юхнова, занять и блокировать этот город. Тем самым мы успешно завершили бы рейд. После этого наши дивизии могли бы двигаться на Вязьму, не опасаясь за свой тыл. Обстановка требовала действовать именно таким образом. Но вскоре после того, как я отправил командующему фронтом план действий, был получен новый приказ. Он не только не учитывал выдвинутые мной мои доводы и соображения, но и во многом противоречил директиве от 2 января, полученной сутки назад... Этот приказ отразился впоследствии на боевых действиях не только моего корпуса, но и всего Западного фронта... Возможность окружить и разгромить 4-ю полевую армию гитлеровцев была потеряна. Избежала окружения и 9-я полевая армия немцев. Из двух зайцев не удалось убить ни одного».

В то же время с потерей своей 4-й армии в то время смирились даже сами немцы. В очерке «Московская битва», опубликованном в сборнике «Роковые решения», в

разделе «Русское контрнаступление» бывший начальник штаба 4-й армии генерал Г. Блюментрит писал:

«Намерения русских были понятны. Они планировали широкое двойное окружение 4-й армии путем нанесения ударов на севере и юге... Немецкое командование почти не надеялось избежать окружения и разгрома огромной южной группировки. Русские медленно расширяли брешь между 2-й танковой и 4-й полевой армиями. У фельдмаршала фон Клюге не было резервов, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над его южным флангом. Более того, 4-ю армию связывала с тылом только одна дорога. Она проходила через Юхнов, Медынь, Малоярославец и Подольск. Все остальные дороги в районе армии скрылись под толстым снежным покровом. Если бы русские, наступая с юга, сумели захватить нашу единственную жизненную артерию, с 4-й армией было бы покончено».

Упомянутый немецкий источник информации и свидетельства П.А. Белова убедительно говорят о том, что поворот подвижной конно-механизированной группы П.А. Белова в начале января 1942 года от Юхнова, отключение ее от операции по окружению 4-й немецкой армии группы армий «Центр» и перенацеливание его группы на более глубокое окружение всей немецкой ГА «Центр», представляется серьезной ошибкой командования Западного фронта. (Этот момент наши маститые «историки» и их последователи всегда замалчивали).

Воспользовавшись этим, немцы в экстренном порядке подтянули дополнительные силы к Юхнову, закрыли брешь в этом месте своего фронта и спасли свою 4-ю армию от разгрома.

С большим трудом, но все же 1-й гвардейский конный корпус Белова 8 января 1942 года прорвался через Варшавское шоссе и устремился в соответствии с приказом командования Западного фронта на Вязьму с юго-востока. Но вслед за ним другие части и соединения Западного фронта не смогли прорваться через Варшавское шоссе южнее Юхнова. Лишь передовой группе 33-й армии в составе 4-х дивизий во главе с командующим 33 армией генералом М.Г. Ефремовым удалось прорваться в тыл немцев с северо-востока от Наро-Фоминска через Боровск и Верею также по направлению к Вязьме. Но немцы вслед за этой группой также закрыли прорыв. В дальнейшем участь этой передовой группы была очень трагической. Немцы через наших предателей контролировали передвижения и выход из окружения этой группы. Почти полностью она при выходе из окружения погибла. Подробно и проникновенно судьба передовой группы генерала Ефремова и самого командарма описана в книге участницы того рейда Ю. Капусто «Последними дорогами генерала Ефремова (По следам вяземской трагедии 1942 года)». В этой книге приведено и такое свидетельство:

«... есть книга на английском языке об известном немецком разведчике полковнике Гелене, где говорится и об Ефремове... Называется она «Гелен — шпион века». Теперь мы знаем, что при генерале Ефремове в апреле 1942 года действительно был агент Гелена, провокатор под кодовой кличкой Инвар, сыгравший совершенно определенную роль в судьбе командарма...»

С севера от Калинина и Селижарова, обходя с запада Ржев, остающийся в руках немцев, на Вязьму устремились 30-я и 39-я армии. И также, как с южной стороны, ближе всего к Вязьме пробился кавалерийский (11-й) корпус. Он даже перерезал

железнодорожную магистраль Смоленск — Вязьма, правда — на короткое время. Описанные здесь действия по окружению немецкой группы армий «Центр» хорошо представлены в книге «Провал гитлеровского наступления на Москву».

Туда же в тыл врага южнее Вязьмы были выброшены некоторые наши воздушно-десантные части.

В сложившихся непростых условиях исключительно успешно полгода действовал в тылу врага под командованием генерала Павла Алексеевича Белова 1-й Гвардейский кавалерийский корпус. Это лучше всего видно по дневнику бывшего начальника штаба сухопутных войск фашистской Германии Ф. Гальдера. Никого из советских командиров ниже маршалов К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного и С.К. Тимошенко он не упомянул с своим «Военным дневнике», кроме П.А. Белова. Беспрецедентный факт: о действиях группы П.А. Белова в тылу немецких войск он упомянул 11 раз. Я впервые отметил этот факт в газете академии имени Н.Е. Жуковского «Вперед и выше», в № за 30.03. 1992 года, затем в журнале «Армия», № 7- 8 за 1992 г. Действиями подвижной группы генерала П.А. Белова в тылу группы армий «Центр» был озабочен даже Гитлер, о ней писал в своей книге «История Второй мировой войны» небезызвестный К. Типпельскирх на стр. 241.

Писатель В. Успенский в одной из частей своего романа «Тайный советник вождя» написал, что военный талант П.А. Белова был на уровне военного таланта маршала Г.К. Жукова. К этому следует добавить: генерал-полковник П.А. Белов был одним из тех выдающихся полководцев РККА, Советской Армии, которые в совершенстве владели военным искусством, одерживал только победы. Его военный талант незаслуженно игнорирован официальными и советскими и, тем более, теперешними военными «историками». Небезынтересен и такой факт. В опубликованных газетных сообщениях о разгроме немецких войск под Москвой в декабре 1941 года были приведены фотографии 7 самых выдающихся полководцев, одержавших эту победу. В этом числе были командующие фронтами Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, командующие армиями Д.Д. Лелюшенко, Л.М. Говоров, Ф.И. Голиков. И только один в их числе командир корпуса — П.А. Белов.

Но в тот момент начала января 1942 года немцы оказались оперативнее наших. Они смогли очень быстро перебросить из Западной Европы резервы и организовать крепкую оборону в месте прорывов П.А. Белова и М.Г. Ефремова и не дать остальным нашим войскам войти в этот прорыв. Находящиеся в тылу врага войска Белова, партизаны, воздушные десантники и дивизии передового отряда 33-й армии Ефремова сильно перепугали немцев, включая их верховное главнокомандование и самого Гитлера. Нанесли группе армий «Центр» ощутимый урон, но лишённые регулярного снабжения боеприпасами, медикаментами и продовольствием, медленно таяли. Весной 1942 года генерал Ефремов отверг предложение командования Западного фронта присоединиться к группе генерала П.А. Белова и добился разрешения Ставки ВГК на вывод остатков своих войск из окружения. Немецкая разведка через наших предателей контролировала этот вывод и заранее приготовила в месте прорыва сильный заслон. (Об этом писали в своих упомянутых выше книгах и П.А. Белов, и Ю. Капусто). Мало

кому удалось из войск генерала Ефремова прорваться к своим. Погиб при этом и командарм 33-ей армии генерал М.Г. Ефремов.

Следует заметить, что чрезвычайно интересная и содержательная книга П.А. Белова, изданная в 1963 году, оказалась малоизвестной широкому кругу читателей, в том числе и в среде военнослужащих. Лишь писатель Владимир Успенский, автор романа «Тайный советник вождя», уделил в нем конному корпусу П.А. Белова и ему самому много проникновенных страниц.

Юго-Западный фронт под командованием маршала С.К. Тимошенко к лету 1942 года окреп, его командование настроилось на решительные наступательные действия. Но обстановку в стане врага в полосе своего фронта оно оценило неверно. Ни фронтовая разведка, ни ГРУ Красной Армии, ни другие виды разведки, ни наш Генштаб в целом оказались не на высоте своего положения. Начатое по настойчивой инициативе командования Ю-3 фронта наступление на Харьковском направлении угодило в немецкую ловушку, потерпело поражение и превратилось в глубокое отступление до Сталинграда.

Известный писатель В.М. Песков в книге «Война и люди» в очерке, посвященном беседе с маршалом А.М. Василевским, приводит такой его ответ на вопрос о тайне своей и чужой:

«Немцы, разумеется, тоже были мастера на разные хитрости. Одна из них: готовясь к войне с нами, они довольно умело создали впечатление, что готовятся напасть на Англию. Обжегшись взять Москву лобовым ударом, фашисты на лето 1942 года подготовили наступление на юге. Зная, как важно нам удержать Москву и как мы ее бережем, они разработали дезинформирующую операцию, назвав ее «Кремль». И, надо признать, это ввело нас на некоторое время в заблуждение. Неудачи летом 1942 года объясняются отчасти тем, что наши силы были расставлены без точных знаний реальных планов врага».

В то же время англичане, по сведениям В. Фалина, приведенным в его книге «Второй фронт», имели достоверную информацию о военных планах немецкого наступления на 1942 год. Знали и держали от нас в секрете.

Не знало наше командование и о подготовке немецкого наступления в Крыму. Неожиданное для нашего командования наступление немецких войск от Харькова и в Крыму стало развиваться стремительно. В результате — немцы продвинулись до Сталинграда, захватили снова весь Крым и дошли до предгорий Кавказа. В этой обстановке было уже не до окружения немецкой группы армий «Центр». Благоприятные предпосылки успешного развития нашего наступления в 1942 году растаяли.

Успех немецкого наступления 1942 года, с моей точки зрения, не был закономерен. Ему способствовало ряд обстоятельств: упущенная реальная возможность разгрома немецкой группы армий «Центр» в начале 1942 года; необеспеченное знанием обстановки наступление Юго-Западного фронта на Харьков в мае 1942 года; невыгодное положение наших войск в Крыму и тоже незнание намерений и сил немцев на том участке фронта. Всего этого можно было избежать. Тяжелые последствия этих промахов нашего командования известны; немцы продвинулись до Волги и захватили нефтеносные районы северного Кавказа. И опять

ценой невероятных усилий, героической обороной Сталинграда и хорошо подготовленным контрнаступлением от Сталинграда немцам был нанесен все же сокрушительный удар.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПОДВИГ МАТРОСОВА

Шестьдесят два года тому назад 23 февраля 1943 года рядовой боец Красной Армии Александр Матвеевич Матросов совершил героический подвиг: закрыл своим телом пулеметную амбразуру вражеского дзота и тем самым обеспечил своей роте продвижение вперед. Громко об этом поведал миру особый приказ Народного комиссара обороны СССР № 269, опубликованный в газетах 8.09.43 года. Еще ранее 19 июня 1943 года Указом Президиума Верховного Совета ему в числе других 11 воинов было присвоено звание Героя Советского Союза.

К моменту совершения подвига Александру было 19 лет. Он — бывший беспризорник, детдомовец, прошедший через детскую исправительную колонию. На фронт ушел добровольно. Детдомовский штрих биографии меня сближает с ним, не позволяет сомневаться в достоверности его подвига. Как бывший детдомовец 30-х годов подтверждаю: были среди детдомовцев тех лет отчаянные натуры. Не все, конечно, но были. Неисправимые романтики, воспитанные на фильмах «Чапаев», «Мы из Кронштадта», «Александр Невский»... Был тогда настрой: в неизбежной грядущей войне повоюем, покажем себя, постоим за землю русскую... Удивляло одно, почему подвиг солдата так громко отмечен лишь в 1943 году? Не было ранее других подобных подвигов? Уверен, были. Были с первого дня войны. 24 июня 1941 года начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер в своем, широко известном сейчас военном дневнике, записал: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен». Чувствуются в этой фразе удивление, скрытое восхищение и тревога за то, с каким противником теперь придется иметь дело.

Это — уже на третий день войны. А для нашего народа большинство подвигов первых дней войны было тогда неизвестно; тела совершавших их, доты, дзоты, окопы и траншеи, подбитые танки с останками экипажей, врезавшиеся в скопления врага, подбитые самолеты оставались у врага. Лишь немногие героические подвиги прогремели сразу: Николай Гастелло, Виктор Талалихин, панфиловцы... Лишь позднее стало проявляться, насколько насыщен был 41 год яркими подвигами и что героизм того года был особый, особая и судьба тех героев. В обстановке всеобщей сумятицы, крупных поражений нашей армии на приграничных рубежах, часто беспорядочного, порой панического отступления, непостижимо быстрого развала Западного фронта кто-то же стоял насмерть, выбивал немецкие танки, обескровливал лучшие дивизии врага и в конце концов сорвал планы блицкрига. Каждому из них пришлось биться за троих, пятерых выбывших или дрогнувших.

К великому сожалению, многое из героического 41-го так и осталось малоизвестным. Характерный пример такой непонятой, несправедливой малой известности командир танка лейтенант Дмитрий Лавриненко. В день своей гибели на

поле боя он уничтожил 52-й на своем счету фашистский танк. Танковый комбриг того времени, позднее командарм 1-й гвардейской танковой армии М. Е. Катуков писал в своей книге «Наострив главного удара»: «История минувшей войны не знает другого такого подвига. Причем пятьдесят второй танк он уничтожил за какой-нибудь час до смерти в деревне Горюны». Это — под Волоколамском. Вдуматься только: один экипаж, неоднократно, конечно, пополнявшийся из-за потерь, менее чем за полгода уничтожил в общей сложности целый танковый полк врага! Но вернемся к основной теме разговора.

О ярком, красивом подвиге Александра Матросова много написано. Только в отделе военной книги Российской государственной библиотеки (бывшей «Ленинке») в подборке каталога о нем я насчитал 106 публикаций. Не все эти публикации содержательны, не все однозначны, многое представляется противоречивым. В том числе и книга «Бессмертные подвиги», изданная в 1980 году. В ней имеется алфавитный список 262 воинов, совершивших такой же подвиг, как и Матросов. Первым по времени подвига в этом списке значится Панкратов Александр Константинович — политрук танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии. Родом из Вологодской области, он совершил свой подвиг 24 августа 1941 года, воюя уже в пешем строю... Вот за этот список низкий поклон следопытам, авторам книги и всем тем, кто вложил в него огромный труд и время. Из публикаций перестроечного времени обращает на себя внимание очерк Н. Борисова «И какая-то сила оторвала меня от земли» в «Красной звезде» за 9.01.93 г. В этом очерке, в общем-то хорошем и интересном, имеется ряд досадных моментов, вызывающих недоумение и несогласие. Во-первых, автор не убедительно поддерживает недавно появившуюся версию о том, что Александр Матросов — это Шакирьян Мухамедьянов, который, «попав в Уфимский детский дом, взял фамилию Матросов». Против этой версии, окутанной «нездоровым» туманом, уже выступала «Советская Россия» 6.02.93 г. К этому можно добавить вот что.

Имеется хорошая, по-моему, книга И. Шкадаревича «Бессмертный подвиг Александра Матросова», в которой довоенная биография Матросова изложена обстоятельно и поддается проверке. С 1935 года по февраль 1940 года он воспитывался в Ивановском детском доме в Ульяновской области, из которого был трудоустроен на работу в Куйбышев. В 1940 году за какие-то проступки попал в Уфимскую детскую колонию. Точнее, видимо, нужно сказать — в исправительно-трудовую колонию. Для детдомовцев это было нередким явлением. Отбыв положенный срок, в марте 1942 года Александр стал помощником воспитателя. Таким образом, получается, что ни в каком уфимском детдоме он не был, а был в Уфимской детской колонии. Весь этот период с 1935 по март 1942 поддается четкой проверке. На каждого воспитанника детдома, тем более, на воспитанника детской колонии обязательно заводились личные дела (ничего плохого в таком порядке не было) и эти дела находятся (по крайней мере до последнего времени находились) в местных архивах. В колонию наш будущий герой был направлен, надо полагать, не по своей воле, и такое направление обязательно сопровождалось личным делом и другими документами. Изменение фамилии в такой ситуации не могло быть. Аргумент же автора статьи в «КЗ»: «Башкирские журналисты утверждают. ...» не очень весом.

Второе положение, с которым нельзя безоговорочно согласиться с автором Н. Борисовым, это попытка доказать, что свой подвиг Александр Матросов совершил не 23, а 27 февраля. Он пишет: «... долгое время историки опирались на приказ Наркома обороны..., где сказано: подвиг совершен 23 февраля. Но, как свидетельствуют документы Центрального архива МО РФ, по чьей-то воле ее скорректировали к 25-летию Красной Армии, ибо в политдонесениях, списке безвозвратных потерь и других материалах подвиг датируется 27 февраля 1943 года».

Ссылка на политдонесения и список безвозвратных потерь для меня, например, совершенно неубедительна. Скорее всего в этих документах указаны потери бригады или даже армии, обобщенные по состоянию на 27.02.43 г. Донесения о каждодневных потерях составлялись, насколько помнится, на уровне взвода, роты, максимум — батальона. Но это пока мое мнение, а имеется и другое, более весомое.

Один из руководителей Московского объединенного совета Гвардейских стрелковых дивизий А.С. Жемаев помог связаться с однополчанином Александра Матросова, бывшим помощником начальника политотдела по комсомолу 91 -й отдельной стрелковой бригады Ноздрачевым Иваном Григорьевичем, проживающим в Москве. Это имя встречается во многих книгах о подвиге А. Матросова. Вот что он поведал, отвечая на мои вопросы по телефону:

Без всякого сомнения, подвиг свой Александр совершил 23 февраля, Ноздрачев сам снимал его тело с амбразуры. Дата 27 февраля появилась, видимо, потому, что донесение из бригады о потерях пошло вверх, имеем с представлением к награждению Матросова и других, позднее и могло быть подписано окончательно 27 февраля. В штаб армии представление возил он сам, оно несколько раз переделывалось. Проект приказа Наркома обороны № 269 родился, наверное, на уровне командования Калининским фронтом, а из бригады (политотдела) посылалось ходатайство о присвоении 1 батальону имени Александра Матросова и описывался его подвиг.

В Москве и Подмосковье других однополчан не знает. Много однополчан Матросова должно быть на Алтае, где формировалась 91-я стрелковая бригада. В Москве, в 769 школе Тушинского района есть прекрасный музей Александра Матросова, в создание которого много труда вложила Виноградова Наталья Викторовна. Такой же содержательный музей есть (возможно, следует сказать был) в Таллине, где до последнего времени стоял 254 Гвардейский полк, в состав которого влились в 1943 подразделения 91-й стрелковой бригады. И.И. Шкадаревич — сообщает, что появившаяся недавно версия о том, что Александр Матросов — это в действительности Шакирьян Мухамедьянов — явная провокация, лицо у Александра было типично русское. Фотографии его в бригаде не было, он был запечатлен только на любительских рисунках. Вот вкратце мой пересказ того, что рассказал однополчанин Александра Матросова Иван Григорьевич Ноздрачев.

Сейчас передо мной лежит одна из последних книг об А. М. Матросове «Бессмертное имя матросовцев 1941 — 1945», изданная в 1990 году. Хорошая в целом и ценная книга, в ней имеется уже более полный список воинов, совершивших в годы Великой Отечественной войны такой же подвиг, как и Александр Матросов. Список этот содержит фамилии 343 человек. 13 из них совершили свой подвиг в 41 году, 46 —

в 42, 93 — в 43, 126 — в 44, 65 — в 45. Всего до 23.02.1943 г. этот подвиг совершили 71 человек. В книге много и другого интересного материала. Но, как и в прежних публикациях, имеется и непростительная небрежность: на фото А. М. Матросов изображен с гвардейским значком на груди, видимо подрисованным усердным, но не очень думающим ретушером. И три обозначенных редактора книги не заметили этой оплошности. Не могло быть у Александра Матросова на груди гвардейского значка. Погиб он еще не будучи гвардейцем, хотя подвиг его бесспорно гвардейский и, быть может, именно его героический подвиг превратил негвардейскую стрелковую бригаду в Гвардейский полк.

В связи с этим уместно здесь остановиться вот на каком вопросе. В приказе Наркома обороны № 269 сказано: «...Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова зачислить навечно в списки 1 роты 254 Гвардейского стрелкового полка...». Таким образом, этим приказом красноармейцу Матросову, а именно такое воинское звание обозначено в Указе Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза и в таком воинском звании он совершил свой подвиг, присваивается воинское звание «гвардии рядовой». То есть, гвардейское звание присваивается посмертно. Наверное, это единственный в истории войны случай, когда одно солдатское звание персонально изменяется на другое солдатское звание Наркомом обороны. Произошло это, надо полагать, случайно и всеми молчаливо было воспринято как должное. Существо подвига не менялось, а полномочий у Наркома обороны, к тому же, Верховного Главнокомандующего, хватало.

Споры вокруг подвига Александра Матросова, продолжающиеся по сей день, касаются второстепенных деталей, в основном, мелочей. Все дело, однако, в том, как относиться к этим мелочам: пытаться объяснить причины неточностей, ошибок и противоречий, разобраться в них и тем самым устранить их, или, наоборот, обострить, тенденциозно использовать их в недобрых целях. А такого сейчас в избытке, и не по мелочам.

Вот пример, тоже перестроечного периода, бросающий зловещую тень на все героическое в Великой Отечественной войне. В вышедшей в 1993 году книге известного писателя черным по белому написано на стр. 332: «Весь командный и рядовой состав нашей армии в годы войны жил под постоянной угрозой расстрела». И большая часть книги выдержана в подобном клеветническом стиле. Мне — участнику Великой Отечественной, добровольно ушедшему на фронт, отвратительно читать такое отвратительно. Совершенно очевидно, что Маршал Жуков — лишь ширма, за которой спрятана махровая антисоветчина, неправдоподобное раздувание масштабов репрессий 30-х годов, бессовестное охаивание строительства Советской Армии, роли Сталина в этом процессе, извращение событий Великой Отечественной войны. Книга эта требует отдельного подробного анализа, и о ней был у нас не однажды разговор. Ее же автору, да и президенту В. Путину, заявившему в своем обращении к народу после бесланских событий вот это: «... Конечно, и в годы Великой Отечественной войны тоже было немало случаев такого героического самопожертвования, но тогда эти воины шли на свои подвиги под дулами винтовок и автоматов заградотрядов. Сегодня же они идут на них, движимые лишь чувством патриотизма и любви к своей Родине», приходится

напомнить: ПОДВИГ БЫЛ! ПОДВИГ БЫЛ МАССОВЫМ. И ШЛИ НА НЕГО СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЗНАТЕЛЬНО И ДОБРОВОЛЬНО С ПОДЛИННЫМ ЧУВСТВОМ ЛЮБВИ К СВОЕМУ СОВЕТСКОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ОТЕЧЕСТВУ И НЕПОКОЛЕБИМОЙ ВЕРОЙ В НАШЕ ПРАВОЕ ДЕЛО!

ДНЕВНИК РУССКОЙ КНЯЖНЫ

В библиотеке нашего вуза в 1999 году появился изданный журналом «Наше наследие» тиражом 35 тысяч «Берлинский дневник 1940-1945» русской княжны Марии Васильчиковой. Эта книга — свидетельство пустой, никчемной, праздной жизни некоторых представителей русской дореволюционной аристократии на фоне грандиозных событий мировой истории, которую творили советские солдаты на фронтах Великой Отечественной войны. Потом они, эти некоторые бывшие русские аристократы, в оправдание своей паразитической жизни и холуйства перед немцами, начнут клеветать на советских солдат, фальсифицировать историю.

Автор книги — дочь члена Государственной думы 4-го созыва князя И.С.Васильчикова. Оригинал книги написан на английском языке и издан в Лондоне. Предисловие, послесловие и обширные комментарии к русскому тексту дневника сделаны родным братом автора — Г.Васильчиковым, ярким антисоветчиком. Он же редактировал дневник и участвовал в переводе его с английского на русский.

Семья Васильчиковых (отец, мать, два брата и три сестры) покинула Россию весной 1919 года. В январе 1940 года они переместились («бежали») из Каунаса в Германию после появления в Литве советских войск. В Европе семейство неплохо пережило войну, все остались живы. Характерна для того периода такая дневниковая запись 1940 года: «...Вторник 12 марта. Мама (она сейчас направляется из Силезии в Рим) звонила из Вены...». Сама Мария Васильчикова (в дневнике она именует сама себя по домашнему Мисси), начав свою трудовую жизнь в Литве секретаршей английского посольства, бывала в европейских странах еще ранее — гостила у многочисленной родни и знакомых в Швейцарии, Франции, Италии, Германии, владела, как пишет, английским, французским, итальянским, испанским, немецким. С января 1940 г. она оседает в Берлине и устраивается на службу сначала в геббельсовское Бюро радиовещания, затем вскоре — в Информационный отдел МИД Германии. Было ей 22 года. Не будучи германской подданной она, тем не менее, сразу имеет дело с материалами под грифом «совершенно секретно». Этот штрих в дневнике обращает на себя внимание. Начинает она службу машинисткой и быстро продвигается по службе до заведующей фотоархива своего отдела.

Первая часть дневника, охватывающая периоде 1 января 1940 года по 22 июня 1941 года, разочаровывает своей светской бессодержательностью. В основном это домашние встречи с людьми своего социального круга (князья, принцы, бароны, потомки старинных дворянских родов, известных в прошлом государственных деятелей, Бисмарки, Меттерни-хи, Клейнмихели, Бироны, Витгенштейны, Потоцкие, принцы Русские, граф Шуленбург — бывший до 22.06.41 г. послом в СССР, и многие

другие). Обеды, ужины, завтраки в ресторанах, уикэнды, ленчи в замках и т.п. Ведут явно паразитический образ жизни. Описание подобных встреч занимает много места на протяжении всего дневника.

С нетерпением ждешь, как же автор отнеслась к роковому дню 22 июня 1941 года. И тут — разочарование, недоумение, масса вопросов, подозрения. Вот ее запись в тот день: «...Воскресение, 22 июня. Германская армия ведет наступление на всем протяжении восточной границы... Начинается новая фаза войны. Мы знали, что это случится. И все же мы потрясены». Они знали, что это случится! И, наверное, очень ждали этого дня, хотя об этом ни слова в дневнике. А дальше следует странная, обескураживающая запись, датированная сентябрем 1943 года: « Начиная с этого дня, (то есть с 22 июня 1941 года), почти два года отсутствуют, хотя я продолжала свои записи почти ежедневно. Некоторые страницы я уничтожила сама. Другие же я спрятала в одной усадьбе на территории одной из восточноевропейских стран, находящейся за железной занавесью. Возможно, они и сейчас там находятся...».

Вот и думай после таких слов, что хочешь. Уничтожила часть дневника и спрятала много страниц, видимо, потому, что восторженно приветствовала успехи фашистской армии в первые дни войны? Ожидала реально скорый возврат своих княжеских имений? И боялась навлечь на себя кару в 45-ом от наших или от союзников, в случае обнаружения дневника? Скорее всего это именно так, и спрятанная часть дневника, возможно, всплывет еще на свет при соответствующей политической обстановке. Тут приходится только гадать. Эта часть дневника «1941 июль — 1943 июль» заполнена приписками 1978 года и многочисленными комментариями брата, настроенного явно антисоветски, и потому откровенно предвзятыми, содержащими нереальные цифры наших потерь, количество пленных и т.п. Ни у него, ни у княжны нет ни одного доброго слова о Красной армии, о ее великой, освободительной от фашизма миссии.

Третья часть дневника охватывает период июль — декабрь 1943 года. В ней так же много записей о банкетах, ужинах, уикэндах, кофе в кругу аристократов.

Здесь прямо-таки напрашивается сравнение дневника княжны Ва- сильчиковой с «Дневником остарбайтера» В.Баранова, опубликованным в журнале «Знамя» №5/ 95 г. Остарбайтеры — это рабочие, попавшие в Германию (угнанные, завербованные обманом) из оккупированных немцами районов СССР. Автору второго дневника 18 лет. Это сравнение поможет ощутить всю социальную пропасть, разделяющую жизнь простого человека, которого немцы «освобождали» от большевизма, и русской аристократки, добровольно служащей у немцев. Вот несколько типичных записей в период октябрь 1943 г. — январь 1944 г. Некоторые записи сделаны ими в один и тот же день.

М.Васильчикова: «...4 октября. Обедали с Йозиасом Ранцау, послом фон Хасселем и сыном последнего... Суббота 13 ноября. Кофе у сестер Вреде. Были: Зиги Вельчек, автогонщик Манфред фон Браухич и кинозвезда Дженни Джуго...» «...Вторник, 16 ноября. Ужинала сегодня у Год- фрида Бисмарка в Потсдаме...» «...Пятница, 19 ноября. Ужинала с Риэлтером фон Эссеном (из шведской миссии) и его женой... Подали устрицы...» «...Пятница, 24 декабря, Сочельник... Вечерами мы теперь играем в бридж. Ходила ко всенощной в часовню... Потом пили шампанское и

закусывали бисквитами...» «... 1 января 1944 года... В комнате у Татьяны (сестры) была зажжена елка. Мы отпраздновали Новый год и ее день рождения шампанским и слойками с вареньем».

В.Баранов: «... 1 октября, пятница. Кончился месяц германской жизни в Лейпциге. Мне показалось, что прошли года. На лицо я сильно изменился, а тело — одни кости, недавно взвешивался — было 52 кг с кандалами (рабочая обувь) и всей одеждой, когда дома было 58 кг, без кандалов.

За неделю дали зарплату курящим по 15 сигарет, а остальным по 1 марке и 13 пфеннигов. Воровали коченья и делили между собой...» «...25 октября, понедельник... Чайный котел в лагере (в лагере остарбайтеров, не в концлагере) эксплуатировался целые сутки, приносили кто что, и капусту, и картошку, и бураки, и брюкву, и редьки... Одного из слесарей полицией поймал в городе в то время, когда ему (русскому) немка давала кусок хлеба. Хлеб был забран. Немку оштрафовали ...» «...13 ноября, суббота... Короста или чесотка охватила большую половину лагеря. Редко, у кого ее нет. Шмавганец так ею изуродован, что не похож на человека...» «... 18 декабря, суббота... Сегодня работали до 1 ч. дня. Придя в лагерь бегали до ямы за очистками. Я сварил себе небольшую кастрюлю и поел. Многие варили картофельные очистки, они во много раз лучше брюквенных». «...31 декабря 43 г., пятница... Вечером варили брюкву, очистки...» «...1 января 1944 г., суббота. Встали часов в 9 утра... Целый день варили в печке кто что имел: брюкву, капусту, бураки и очистки. Шумели, ругались, вспоминали, скучали. И наконец собрались идти по картошку...».

Вот такая разная была жизнь на неметчине у двух русских людей.

В записях 43 года начинают преобладать впечатления о бомбежках Берлина, испуг, растерянность, отчаяние. Есть и более существенная информация к размышлению, например, такая:

«Воскресенье, 24 октября... Я получила новое срочное задание: перевести заголовки под большим количеством фотографий останков около 4 тыс. польских офицеров, расстрелянных Советами и найденных в Катынском лесу под Смоленском нынешней весной ... Переводы должны быть готовы через два дня». (Для передачи президенту Рузвельту через Турцию.) Каковы были эти заголовки, княжна не пишет. Более того, она упоминает вскользь о том, что катынский фотоальбом погиб при бомбежке.

А мне думается, исчез он потому, что, как говорится, был шит белыми нитками. К этой дневниковой записи о катынском альбоме имеются обширные комментарии старательного брата (самый обширный комментарий во всей книге и именно к ее русскому изданию). Видно, что комментатор очень хорошо чувствовал политическую ситуацию в России в начале 90-х годов, знал, что нужно добавить, чтобы дневник охотнее опубликовали у нас. Но первые же строки комментария позволяют усомниться в правдивости немецкого сообщения о расстреле в Катынском лесу поляков. Читаем настр.114: «...За шесть месяцев до этого, 13 апреля 1943 г., немецкое радио сообщило, что в массовой могиле, в Катынском лесу, близ Смоленска, на оккупированной территории СССР обнаружены тела многих тысяч поляков, главным образом офицеров. Все были убиты выстрелом в затылок — традиционная чекистская техника казни. Немцы немедленно обвинили Москву в этом преступлении и назначили

комиссию по расследованию, состоявшую из врачей из 12 нейтральных или оккупированных Германией стран».

Возникает тут сразу же вопрос: как это немцы, потерпевшие сокрушительное поражение под Сталинградом, еще не опомнившись от него, смогли в промерзшей земле где-то в начале апреля, а вернее, в марте откопать много тысяч смерзшихся человеческих останков, пересмотреть многие тысячи черепов и установить, что все они прострелены в затылок? Да вранье же это несусветное! В стиле риббентроповской и геббельсовской поспешной стряпни. Сам же Г.Васильчиков, не замечая того, что опровергает сам себя, пишет на стр.116: «...Знаменательно, что несмотря на все преступления, совершенные советской стороной против поляков как в самой Польше, так и в других местах, Польша, вместе с Грецией и Югославией, была почти единственной страной, оккупированной немцами, которая не поставила ни одного добровольца немецкой армии, сражающейся с СССР».

Это так же опровергают и немецкие, и более поздние выдумки о массовых расстрелах польских офицеров в Катыни. О расстрелах не могли бы не знать поляки тогда же, и такая весть быстро распространилась бы в Польше, т. к. из лагерей военнопленных бежало немало людей, да и немцам было много передано поляков. Об этом есть убедительные свидетельства. Весть о расстреле польских офицеров быстро бы распространилась в Польше, вызвала бы массовое возмущение народа и конечно, большой поток добровольцев в немецкую армию. Однако этого не было в то время, и шум Катыни, возбужденный немцами в 1943 году, видимо, не без помощи фотографии, прошедших через руки автора «Берлинского дневника», не имел успеха. Да и сейчас, думаю, мало кто верит в то, что в Катыни при советской власти был массовый расстрел поляков, несмотря на полувековое старание врагов СССР, в том числе и нынешних российских правителей. Не верю в это до сих пор и я. Допускаю, что какую-то небольшую кучку поляков тогда там и могли расстрелять за яростную антисоветскую пропаганду, за саботаж. Но это никак не могли быть тысячи и не десятки тысяч, как лихо сейчас называют наши и зарубежные борзописцы, и им поддакивают высшие власти, передавая полякам сомнительные документы.

В связи со всем этим у меня возник главный вопрос: где же захоронены около 3-х миллионов наших военнопленных, погибших в немецких прифронтовых лагерях в 1941 году? Где они зарыты? Крематориев — то в полевых условиях не было. А лагерей военнопленных и в районе Смоленска, и в районе Минска было множество. Не в Катынском ли лесу они зарыты? Не в Куропатах ли? Почему нынешние военные историки и власти не поднимают этот вопрос?

Основная часть «Берлинского дневника» за 1944 год касается покушения на Гитлера 20 июня 1944 года. Но все, что касается причастности автора дневника к этому событию, представляется сильно преувеличенным и сочиненным позднее при подготовке дневника к печати. На такие мысли наводит вот такое пояснение Г.Васильчикова в его предисловии к дневнику: «...Вскоре после войны Мисси расшифровала и отпечатала написанное скорописью, и перепечатала начисто все остальное. Дневник оставался нетронутым более четверти века — до 1976 года, когда под упорным давлением брата и друзей и в свете некоторых других обстоятельств она, наконец, решила его опубликовать».

Нельзя не заметить, что как бы не представляла княжна Мария Васильчикова свою деятельность, подчеркивая свою симпатию и даже свою причастность к заговорщикам против Гитлера, факт остается фактом: она верой и правдой с первого до последнего дня войны фашистской Германии против СССР служила гитлеровскому государству в стенах рибентроповского МИДа. И это следует иметь в виду, читая «Берлинский дневник» Марии Васильчиковой.

Наконец, нельзя пройти мимо и такого утверждения комментатора дневника Г.Васильчикова: «Мисси была очень скромной. Никогда в жизни она не смогла бы предвидеть триумфального успеха своего дневника (например, в США он является обязательным чтением на исторических факультетах нескольких наиболее известных университетов)».

Про университеты — похоже на истину. Судя по тому, какие сейчас рождаются на Западе глупые фантастические домыслы о нашем прошлом, о репрессиях, о соотношении наших и немецких потерь 10 к одному, лишний раз убеждаешься в том, насколько несерьезны источники, на основе которых формируются обязательные для использования «демократами» исторические штампы о предвоенном периоде нашей истории.

А В ЭТО ВРЕМЯ НА КУРСКОЙ ДУГЕ

В то время, когда бывшая русская княжна в Берлине развлекалась в небольшом кругу русских и немецких аристократов, услужливо готовила Геббельсу материал для катынской фальшивки, а некоторые другие русские и украинцы, попавшие в Германию, с оккупированной территории после «освобождения от большевизма», влачили там жалкое существование, их сверстники, бойцы и командиры Советской Армии, танкисты, артиллеристы и летчики на Курской дуге громили отборные дивизии и корпуса Манштейна, танковую армию Гота. Творили главную предпосылку для освобождения человечества от немецкого и иного фашизма. Родной же братец княжны Васильчиковой, подготовивший к печати «Берлинский дневник» Марии Васильчиковой снабдил его многочисленными своими примечаниями клеветнического толка на Советский социалистический строй, на победы Советской Армии на полях сражений Второй мировой войны. Многие прошлые и нынешние последователи васильчиковых и им подобные продолжают их грязные фальсификации и клевету на выдающиеся победы Советской Армии, особенно на победы нашей армии на Курской дуге, на Прохоровском поле. Особенно они усердствовали в год 60-ти летнего юбилея выдающейся победы советских танкистов на Курской дуге.

В 2003-м году задолго до юбилея Курской битвы «Независимое военное обозрение» — приложение к «Независимой газете» — начало публиковать серию статей с претензией на новое слово об известном танковом сражении 12 июля под Прохоровкой. Эта газета 16.05.2003 г. опубликовала статью М. Ходаренка «Первая Прохоровка» с подзаголовком «На южном фланге Курской дуги масштабные танковые сражения разыгрывались каждый день»; 20.06.03. г. — статью «Второе Бородино на

Прохоровском поле» с подзаголовком: «После танкового сражения 12 июля 1943 г. обе стороны считали, что потерпели поражение», автор тот же.

Заголовки статей, видимо, редакционные, нейтральные. В содержаниях же самих статей просматривается явная тенденциозность — стремление принизить значение знаменитого встречного танкового сражения под Прохоровкой.

Смысл первой статьи угадывается: известное танковое сражение под Прохоровкой ничего особенного собой не представляет, такие сражения во время боев на Курской дуге происходили каждый день. Это, конечно, неверно, а претенциозное название рассматриваемой статьи не соответствует сущности событий, о которых повествует статья.

Грозные события, затронутые в статье, происходили 8 июля 1943 года, когда войска 4-й танковой армии немецкой группы армий «Юг», прорвав 7-го июля вторую оборонительную линию советских войск в районе населенного пункта Яковлево между шоссе и железной дорогой, идущими от Белгорода на Курск, начали расширять прорыв в восточном, северо-восточном и затем в северо-западном направлениях, устремляя острие своего ударного клина на Обоянь. Основу ударного клина составлял 2-й танковый корпус СС, справа, юго-восточнее от него продвигалась резервная группа 4-й ТА группа Кемпфа, в составе которой находился 24 ТК 4-й ТА. Левее, вдоль шоссе Белгород — Обоянь наступал 48-й ТК 4-й ТА. Расширяя прорыв, прощупывая советскую оборону на флангах, немецкие танки наносили удары по войскам 69-й армии, занявшей к этому времени оборону по восточной стороне же железной дороги между населенными пунктами Тетеревино, Беленихино, Сторожевое, Андреевка, а также — в стык 69-й и 40-й армией, занимавшей оборону севернее и северо-западнее 69-й армии. На железной дороге Белгород — Обоянь, примерно в 30 километрах на северо-восток от Яковлево находилась станция Прохоровка. Линия обороны советских войск на исходе 7 июля проходила примерно в 10 километрах, на ближайшем расстоянии юго-западнее от нее.

Прокомментировав директиву командующего Воронежским фронтом М. Ходаренок перестает владеть информацией о действительном развитии событий на этом участке фронта 8 июля 1943 года и начинает вносить путаницу.

Контрудар по прорвавшейся ударной группе 4-й ТА Гота реально мог наносить только 10-й танковый корпус, перебрасываемый к месту прорыва из Резервного (Степного) фронта от Старого Оскола в район Прохоровки и занимавший там оборону с середины дня 7 июля. 2-й ТК, переданный в Воронежский фронт из Юго-западного фронта, должен был совершить 200-км. марш и явно не успевал к намеченному сроку контрудара. Остальные соединения 69-й, 6-й гвардейский и 1-й танковой армий, понесшие большие потери накануне, не были в состоянии участвовать в контрударе 8 июля по прорвавшимся танкам Гота. Но о том, что единственной реальной силой для контрудара 8 июля мог быть только 10 ТК, автор той статьи не пишет и лишь мельком упоминает его. Совершенно исказив действительную обстановку он пишет: «В достаточно сложной ситуации оказался и 10-й ТК, до 7 июля оперативно подчиненный 5-й гв. армии Степного военного округа. Корпус получил задачу совершить 100- км марш и сосредоточиться к исходу 7 июля 1943г. в районе Прохоровки. К моменту занятия корпусом указанного рубежа противник оказывал

сильное огневое давление на Прохоровку. Поэтому командование ВФ определило 10 ТК новый рубеж обороны, который корпус, произведя очередную перегруппировку занял только к 21.00 8 июля 1943г. В фронтовом контрударе в назначенный срок 10-й тк также не смог участвовать».

Вот эти последние два предложения Ходаренка совершенно неверно представляют развитие событий тех дней, о чем и пойдет разговор ниже.

В 1986 году была издана Воениздатом книга «Десятый танковый Днепровский. Боевой путь 10-го танкового Днепровского ордена Суворова корпуса», авторы — И.М. Кравченко и В.В. Бурков, под общей редакцией генерал-лейтенанта И.А. Магонова. В этой книге на стр. 69 — 90 подробно описываются боевые действия 10 ТДК в период с 7-го по 12-е июля 1943 г., как в районе Прохоровки, так и по всей линии обороны, противостоящей 2-му ТК СС и 48-му ТК 4-й ТА Гота (по ломаной линии между населенными пунктами Сторожевое — Андреевка — Веселый — Шипь — Владимирова — Круглик — Новенькое. Приводится на стр. 70 — 71 и крупномасштабная схема оборонительных боев корпуса в обозначенном районе.

Приведем основные положения из этой книги, раскрывающие сущность происходившего 8 июля 1943 года и опровергающие ошибочные утверждения М. Ходаренка:

«... Ставка в ночь на 7 июля передала на усиление Воронежского фронта 10-й танковый корпус, направив его в район Прохоровки, и 2-й танковый корпус из Юго-Западного фронта для использования его в районе Беленихина. Около 1 часа 7 июля генерал-лейтенант В.Г. Бурков (комкор 10 ТК-В.Ф) получил приказ генерала Н.Ф. Ватутина к исходу 7 июля сосредоточиться в районе Петровка, Провороть, Александровский, подготовить оборону указанного района фронтом на юго-запад и перекрыть дороги, идущие на Прохоровку из Беленихина на Ша- хово... В 3 часа 7 июля 10-й танковый корпус по двум заранее разведанным и обеспеченным службой регулирования маршрутам выступил к Прохоровке (из Старого Оскола — В.Ф)... В середине дня (7 июля — В.Ф.) первым к Прохоровке подошел передовой отряд 183 танковой бригады... К 13 часам (7 июля, это принципиально — В.Ф.) бригада заняла рубеж юго-западнее и южнее Прохоровки, перекрыв дороги, ведущие к Белгороду и Шахово... (в этом месте в книге делается ссылка на ЦАМО, ф. 3410, оп. 1, д.1, л. 38 — В.Ф.)... Через 4 часа корпус полностью сосредоточился в районе Прохоровки и занял оборону западнее и юго- западнее её... ». (Опять ссылка на ЦАМО, Ф. 3410, оп. 1, д. 27, л. 6 — ВФ). Это положение 10 ТК четко показано на схеме в книге на стр. 70 — 71. К исходу 7 июля 5-й гвардейский и 31-й танковые корпуса были потеснены на восток и северо-запад, 2-й ТК СС вышел в район Тетеревино, Малые Маячки, Грезное.

«Исходя из сложившейся обстановки, командующий войсками Воронежского фронта решил силами 1-й танковой и 6-й гвардейской армий, левофланговыми дивизиями 40-й армии, 2-м и 5-м гвардейскими, 2-м и 10-м танковыми корпусами нанести контрудар по вклинившейся группировке противника и восстановить положение на второй полосе обороны. В связи с этим в 23 часа 7 июля он приказал 10-му танковому корпусу выдвинуться на рубеж Красный Октябрь, Андреевка, высота 246,6, в 10 часов 30 минут 8 июля нанести удар в направлении Василь- евка, Яковлево и совместно с наступающим слева 2-м танковым корпусом разгромить

противостоящего противника, а к исходу дня выйти в район Яковлево. Одновременно корпусу предписывалось быть готовым к отражению возможного удара врага» (Тут опять в книге ссылка на ЦАМО, ф. 203, оп. 51360, д. 3, л. 294 - 295).

Последнее Указание комфронта, как я понимаю, не исключало возможность того, что противник может опередить и перейти сам в наступление, и тогда корпусу предоставлялось право вести оборонительные, а не наступательные действия. Так оно и произошло на самом деле.

«Рано утром 8 июля корпус выдвинулся (из под Прохоровки — В.Ф.). на указанный рубеж и занял заранее подготовленные позиции на тыловой армейской полосе. Танки, самоходки и артиллерия были вкопаны в землю и тщательно замаскированы от наблюдения противника... Враг упредил войска фронта, готовившегося нанести контрудар. В 6 часов 8 июля после мощных налетов авиации и артиллерии 48-и танковый корпус и дивизия «Адольф Гитлер» возобновили наступление на север. Фашистские танки, ведя огонь, медленно двигались вперед. Вскоре вступили в бой танковые пушки, противотанковые орудия и противотанковые ружья частей. Вот здесь-то все бойцы и командиры оценили значение той напряженной боевой подготовки, которая проводилась в районе Старого Оскола. При попадании 76-мм бронебойных снарядов в лобовую часть «тигров» только огромные столбы искр взлетали высоко вверх, а танки оставались неуязвимыми. Но воины корпуса быстро приспособились и начали вести поражающий огонь по бортам и ходовой части этих неуклюжих и зловещих по своей внешности стальных громадин. Окопанные и замаскированные, едва возвышающиеся над поверхностью земли, наши танки были незаметны для противника, и танкисты, подпустив вражеские машины на близкую дистанцию, производили прицельные выстрелы. Пехоту, наступающую за танками, мотострелки уничтожали огнем из автоматов, пулеметов, винтовок, забрасывали ручными гранатами...

Во второй половине дня в район Сторожевое, Виноградовка вышел 2-й танковый корпус. В 15 часов его две танковые бригады контратаковали противника. Не добившись существенного успеха, они отошли на исходные рубежи». (Здесь в книге опять сделана ссылка на ЦАМО, ф. 203, оп. 3843, д. 490, л. 45 — 46). «8 июля бригады и полки 10-го танкового корпуса отбили шесть ожесточенных атак частей дивизии «Мертвая голова» и «Рейх», в которых участвовало не менее 100 танков (ЦАМО, ф. 3410, оп. I, д.6, л. 10; ф. 200, оп. 2843, д. 490, л. 45 — 46) и нанесли им тяжелый урон... В ночь на 9 июля корпусу была поставлена задача: оставив на занимаемом рубеже 11-ю мотострелковую и 178-ю танковую бригады, главными силами к утру 9 июля сосредоточиться в районе Зоринских Дворов, где поступить в оперативное подчинение 1-й танковой армии. Замена оставшихся у Прохоровки бригад корпуса другими частями должна была произойти к концу дня 9 июля. Однако 11-я мотострелковая бригада продолжала вести тяжелые оборонительные бои на занимаемом рубеже до 12 июля... К моменту выхода частей корпуса в заданный район дивизии «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова» сбили части 1-й танковой армии с рубежа реки Солотинка и начали теснить их на северо-запад. Положение стало критическим: создалась реальная угроза прорыва крупными силами противника на Обоянь. Сразу же последовал приказ генерала Катукова: «Частям 10-го танкового корпуса с рубежа деревень Орловка и

Сафонове срочно нанести контрудар по прорвавшемуся противнику и восстановить положение». (ЦАМО, ф. 3410, оп. I, д. 6, л. 15; ц. 78, л. 1615, д. I, л. 38). «В ходе отражения удара противника были ранены комкор В.Г.

Бурков, начальник штаба корпуса А.Г. Свиридов, заместитель командира корпуса по технической части Е.Н. Шелухин, командир 183-й танковой бригады Г.Я. Андрющенко. Тяжело раненый Шелухин был сразу же эвакуирован в госпиталь, а остальные остались в строю... 9 июля 186 танковая бригада оставшаяся на достигнутых рубежах, отразила четыре массированные атаки врага, а 183 танковая бригада — одну атаку, после которой гитлеровцы отошли к Кочетовке...».

То есть, отошли на рубеж реки Солотинка. Это означало, что опасный прорыв 2-го танкового корпуса СС на Обоянь ликвидирован. В течение 10 и 11 июля 10-й танковый корпус успешно действовал на самых опасных участках обороны 1-й танковой армии Катукова у населенных пунктов Круглик, Владимировка. Наконец, «В ночь на 12 июля по приказу командующего 1-й танковой армией 10-й танковый корпус, сдав свою полосу обороны 204-й стрелковой дивизии, совершил ночной форсированный марш и к 7 часам сосредоточился в рощах в 3 км северо-западнее села Новенькое. Корпус имел в строю более 100 танков и САУ. Его бригадам предстояло наступать в направлении Сырцово, Яковлево, нанося совместно с

5-м гвардейским танковым корпусом, находившимся южнее Новоселов-ки-2, и стрелковыми дивизиями вспомогательный удар под основание вклинения 2-го танкового корпуса СС, устремившегося на Прохоровку».

Вот как в действительности развивались боевые действия на южном фланге Курской дуги в период 9—12 июля накануне знаменитого встречного танкового сражения под Прохоровкой 12 июля 1943 года.

Если же говорить о Первой Прохоровке, то следует говорить о Первой Прохоровке 10 танкового корпуса. Но зная ранее все изложенное здесь о боях 10 ТК на Курской дуге (позднее корпус стал называться 10-м Днепровским танковым корпусом), будучи хорошо знакомым со многими участниками тех боев, я никогда не слышал, чтобы ожесточенные бои корпуса 8 го июля 43-го года называли тогда 1-й Прохоровкой. Танкисты 10-го танкового корпуса были отважными, но скромными воинами.

М. Ходаренок в своей статье, претендуя молчаливо на сенсационное открытие, грубо исказил истину, вольно или невольно оказался в рядах тех, кто стремится принизить величие побед Советской армии в Великой Отечественной войне, не первый раз посягающих на победу советских танкистов в знаменитом встречном танковом сражении под Прохоровкой 12 июля 1943 года.

И СНОВА О БОЯХ ПОД ПРОХОРОВКОЙ

Если в статье М. Ходаренка «Первая Прохоровка», опубликованной в той же газете 16.05.2003 г., тенденция принизить значение знаменитого встречного танкового сражения под Прохоровкой 12 июля 1943 года лишь угадывается, то в рассматриваемой статье эта тенденция явно обнажается. Начинает он свою линию в

этой статье так: «Начнем с боевого донесения командующего войсками Воронежского фронта Николая Ватутина № 00219 Верховному главнокомандующему в 24.00 12 июля 1943 г. (Далее следует № этого документа в ЦАМО — В.Ф.)... посмотрим, как Ватутин докладывает о результатах действий 12 июля танковой армии Павла Ротмистрова:

«... 5гв. ТА, закончив в течении предшествующей ночи перегруппировку, с утра 12.7 перешла в наступление в направлении Березового. К 18.30 части армии овладели Васильевкой, свх. Комсомолец, Виноградовкой, Ивановкой, Беленихино, Шипами, Лесками и ведут бои за Ясную Поляну, Озеровский, Собачевский, Рындику, Ржавец...».

Далее автор дает свое умозаключение по этому донесению комфронта, явно предварительному, так как к концу дня ни у участников ожесточенного танкового сражения под Прохоровкой, ни тем более у командования фронтом полной ясности ни о потерях, ни о результатах боев не было:

«Обратим внимание — нет ни одного слова о том, что сражение выиграно и тем более нет даже намеков на то, что потом можно было трактовать как «полное превосходство советского военного искусства». Текст донесения предельно нейтрален, без малейшей эмоциональной и тем более оптимистической окраски, что могло бы хоть каким — то образом свидетельствовать о крупном успехе под Прохоровкой. Таким тоном, подчеркнем, скорее докладывают о собственных неудачах, нежели о блестящей победе над врагом... В обобщенном докладе об итогах оборонительной операции, датированном 23 июля 1943 г., о боях частей и соединений войск под Прохоровкой Ватутиным сказано предельно кратко, в одном абзаце... вот что: «... 12 — 14 июля попытки сильных танковых групп противника прорваться из района Верхополя в западном направлении и из района Кочетовка, Грезное, Лучки на Прохоровку в обход сильной обороны на подступах к Обояни были отбиты».

Далее автор как бы подчеркивает: «... даже в итоговом донесении генерал ничего не доложил Верховному главнокомандующему о крупнейшем танковом сражении Второй мировой войны».

В последней своей фразе автор, как можно понять, «знаток Прохоровского танкового сражения» показал уровень своего интеллекта. Разве же мог Ватутин написать Сталину такую глупость о том, что Прохоровское танковое сражение является «крупнейшим танковым сражением Второй мировой войны», в то время когда Вторая мировая война была еще в полном разгаре? Такой вывод сделают исследователи — историки танковых сражений многие годы спустя, изучив все крупнейшие танковые сражения Второй мировой войны. Равно как и много лет спустя после войны именно зарубежные историки сделают вывод и о том, что советский танк Т-34 — лучший танк в мире. Сделают такой вывод, досконально изучив этот танк буквально до последнего болтика и сравнив его с другими типами танков, участвовавших во 2-й мировой войне, — с немецкими, американскими, английскими, японскими. Явно неумное свое умозаключение Ходаренок повторяет неоднократно. Вот он комментирует доклад Василевского в Ставку от 13 июля 1943 г.:

«Вчитаемся в строки этого оперативного документа. Начнем с того, что маршал тоже не упоминает о крупнейшем танковом сражении Второй мировой войны. О битве под Прохоровкой он — и это более чем странно — не говорит ни единого слова».

Похоже, Ходаренок спутал даты доклада Василевского. В своей книге «Дело всей жизни», кн. 1, на стр. 28 маршал приводит полный текст своего донесения Сталину из армии П. Ротмистрова именно за 13 июля, подписанное в 2ч. 47м. 14.7.43. В этом донесении есть такие строки: «Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоров^{TM} танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов более чем с двумястами танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками».

На этой же странице Василевский дает свою оценку встречному танковому сражению под Прохоровкой, произошедшему 12 июля 1943 года: «Главным итогом оборонительного сражения следует, на мой взгляд, считать поражение танковых соединений врага в результате чего возникло особо благоприятное для нас соотношение сил по этому важному роду войск. В значительной степени способствовал тому выигрыш нами крупного встречного танкового сражения южнее Прохоровки в 30 км. от Белгорода. Мне довелось быть свидетелем этого поистине титанического поединка двух стальных армий (до 1200 танков и САУ), который произошел на южном фланге Курской дуги 12 июля».

Заодно уж приведем здесь и оценку танкового сражения под Прохоровкой маршалом Жуковым (он побывал на поле сражения также 13.07.1943г.) в его книге «Воспоминания и размышления»:

«В течение 12 июля на Воронежском фронте шла величайшая битва танкистов, артиллеристов, стрелков и летчиков, особенно ожесточенная на прохоровском направлении... В тот же день на командный пункт Брянского фронта мне позвонил Верховный и приказал срочно вылететь в район Прохоровки и принять на себя координацию действий Воронежского и Степного фронтов».

Ходаренок же в одном из заключительных абзацев своей статьи, обнаруживая свою тенденциозность, утверждает:

«В целом из оперативных документов и воспоминании очевидцев событий (причем самого высокого ранга) достаточно трудно сделать вывод о впечатляющей победе советских войск 12 июля 1943 г. под Прохоровкой.»

Приведенные выше оценки Василевского и Жукова опровергают эти безответственные слова Ходаренка.

Напомним еще, как оценивали танковые сражения на Курской дуге иностранные авторы, в том числе, известные немецкие генералы, свидетели и участники танковых сражений на Курской дуге, танкового сражения под Прохоровкой.

Дуглас Орджилл, английский журналист, писатель и историк мирового танкостроения, бывший офицер-танкист союзнических войск периода 2-й мировой войны: «... 1943 год... Он ознаменовался величайшим танковым сражением в истории мира — битвой на Курской дуге. Эта битва имела далеко идущие последствия, потому что после нее немецкие танковые войска навсегда утратили роль наступательных стратегических сил... Утром 12 июля в район Прохоровки навстречу прорвавшейся бронированной фаланге танков Гота устремилась лавина «тридцатьчетверок» Ротмистрова. Передовой эшелон русских танков на полном ходу врезался в боевые порядки немецкой армии, рассекая их по диагонали и стреляя в упор в духе прежних

отчаянных кавалерийских атак. Никогда раньше и после танки не использовались подобным образом в таких масштабах. Более 1200 боевых машин крутилось на узком пространстве, сбившись в гигантский клубок, окутанный густыми тучами пыли и черного маслянистого дыма горящих танков и самоходок». (Из очерка Орджилла — «Самый лучший танк в мире» в книге «От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада».

Манштейн, командующий немецкой группой армий «Юг», наступающей на Курск от Белгорода, в своих мемуарах «Утерянные победы» вопреки всем фактам, танковое сражение под Прохоровкой представил победой своих войск, хвастливо заявив, на стр. 538, искажая события: «Правому танковому корпусу армии (2 тк СС...) также удалось выйти на оперативный простор. 11 июля он атаковал Прохоровку и затем дальше на западе форсировал Псел... 12 июля противник бросил в бой в центре и на флангах фронта наступления группы новые части из своих оперативных резервов... 12 и 13 июля обе армии отразили все эти атаки. 14 июля корпус СС, развивая успех, достиг Прохоровки, 48 тк подошел к долине Псела, западнее Обояни.»

Манштейн здесь хитрит. Достигнуть — понятие не очень определенное, достиг, но не взял же её. Выше же было показано, что 2-й тк СС топтался вблизи Прохоровки еще с 8-го июля, но получал по зубам то здесь, то там, теряя свои танки. Прохоровка так и оставалась после танкового сражения 12 июля в руках 5 Гв. ТА. 13 и 14 июля 4-я ТА Гота пыталась обойти её с севера, но это тоже не получилось. Манштейн не случайно не остановился подробнее на танковом сражении под Прохоровкой 12 июля. Поступил он так для того, чтобы не говорить о своих больших потерях в танках в этом сражении. За него это сказали другие немецкие участники и свидетели той битвы.

Лео Кесслер, немецкий историк, в книге «Железный кулак», посвященной истории танковых дивизий СС: «К вечеру 12 июля командующий 4-й танковой армией Гот посетил поле битвы на своей бронированной командирской машине. Он остался недоволен тем, что увидел. Ха-уссер (командир 2 тк СС -В.Ф.) потерял 300 танков и был не в состоянии предпринять атаку без поддержки 6-й танковой дивизии, спешившей ему на помощь (Орджил, указ. соч. стр. 260). К этому следует заметить, что в Прохоровской битве участвовал не только 2 тк СС. Левее, то есть севернее его наступала и дальше всего продвинулась 11-я танковая дивизия 48 тк, создав угрозу обхода 5-й Гв. ТА с севера. Об этом П.А. Ротмистров в книге «Стальная гвардия» пишет так:

«Не добившись успеха в центре, на прохоровском направлении, противник силами 11-й танковой дивизии 48-го танкового корпуса обошел наш 18-й танковый корпус и нанес удар по 33-му гвардейскому стрелковому корпусу... 5-й гвардейской армии. К 13 часам вражеским танкам удалось прорвать боевые порядки 95-й и 42-й гвардейских стрелковых дивизий на участке Красный Октябрь, Кочетовка и продвинуться в северо-восточном и восточном направлениях до рубежа Веселый, Полежаеве. Следовало немедленно ликвидировать угрозу правому флангу и тылу армии. Поскольку мой резерв был уже задействован и ушел на юг (навстречу немецкой оперативной группе «Кемпф» — В.Ф.), мне пришлось для помощи А.С. Жадову (командарм 5-й гв. общевойсковой армии — В.Ф.) выделить силы из главной группировки. Было приказано направить 24-ю гвардейскую танковую бригаду... в

район совхоза имени К.Е. Ворошилова... Одновременно 10-я механизированная бригада... выдвигалась к району Остренький (9 км. северо-восточнее Прохоров- ки)... Стремительный маневр этих бригад в указанные им районы и решительный их встречный удар по прорвавшимся танкам гитлеровцев стабилизировал положение на смежных флангах 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий. Противник вынужден был здесь отступить, а затем переходить к обороне».

К сожалению, Ротмистров, описывая этот момент Прохоровского сражения, ничего не говорит о потерях ни немецких, ни советских танков. Надо полагать, что они были немалые и с той, и с другой стороны. Так что официальная наша оценка общих потерь 4 ТА Гота в Прохоровском сражении — 350 танков — представляется довольно точной.

В очерке «Танковое сражение под Прохоровкой» П.А. Ротмистров пишет: «В ходе сражения с обеих сторон вышли из строя свыше 700 танков...». Следовательно, потери 5 Гв. ТА вместе с приданным ей 2-м ТК составляют тоже около 350 танков.

Но надо заметить следующее. В составе 5-й Гв.ТА к началу встречного сражения под Прохоровкой было 218 легких танков Т-70, они все, надо полагать, остались на поле боя. А среди 300 немецких подбитых танков 2-го ТК СС были во время Прохоровского сражения только модернизированные танки последнего выпуска Т-Ш (с усиленной лобовой броней и сверхдлинноствольной пушкой калибра 75 мм), Т-1У, Т-У («пантера») и Т-У1 («тигр»). Лобовая броня корпуса и башни у модернизированных Т-Ш и Т-1У, была доведена до 70 и 80 миллиметров соответственно.

Разница в потерях принципиально большая и не в пользу Гота и Манштейна.

Ф. Меллентин, начальник штаба 48-го ТК, 11-я танковая дивизия которого участвовала в танковом сражении под Прохоровкой, опровергая Манштейна, очень убедительно написал в книге «Танковые сражения 1939-1945. Боевое применение танков во Второй мировой войне»:

«К концу дня 14 июля стало совершенно очевидно, что немецкое наступление провалилось... С немецкой стороны потери в личном составе были не так уж велики, зато ПОТЕРИ В ТАНКАХ БЫЛИ ПОТРЯСАЮЩИ МИ, (выделено — ВФ). Танки типа «пантера» не оправдали возлагаемых на них надежд, их легко можно было поджечь... экипажи не имели достаточной подготовки. Из всех «пантер», принимавших участие в боях, к 14 июля осталось только несколько машин. Не лучше обстояло дело в танковом корпусе СС... Русское Верховное главнокомандование руководило боевыми действиями в ходе Курской битвы с большим искусством... К 23 июля 4-я танковая армия была отброшена на свои исходные позиции».

Гудериан, бывший командующий 2-й немецкой танковой армией, в 1943 году генерал-инспектор бронетанковых войск фашистской Германии, побывавший в период с 10 по 15 июля в войсках и Моделя (группа армий «Центр»), и Манштейна, дал позднее такую оценку действиям немецких танковых сил на Курской дуге:

«В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в технике на долгое время были выведены из строя... Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уж на Восточном фронте

не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику». (Гейц Гудериан. «Воспоминания солдата»).

Как видим, и Гудериан, генерал-инспектор танковых войск фашистской Германии, и Гот, командарм 4-й танковой армии группы армий «Юг», и Меллентин, начальник штаба 48 танкового корпуса, принимавшего также участие 12 июля 1943 года в танковом сражении под Прохоровкой, признавали громадные потери в танках 12 июля под Прохоровкой и полное поражение немецких танковых войск на Курской дуге. Все это опровергает совершенно безответственные, утверждения М. Ходаренка, приведенные в его статье «Второе Бородино на Прохоровском поле», опубликованной в «Независимом военном обозрении» за 20.06.2003 г.

Наконец, нельзя не обратить внимание и еще на одну содержательную публикацию, позволяющую понять сущность Прохоровского танкового сражения на Курской дуге 12 июля 1943 года. В августовском журнале № 8 за 2003 год была опубликована очень содержательная статья подполковника А.В. Лобанова — Танковые войска вермахта накануне операции «Цитадель».

К сожалению, она появилась уже после того, как утихли жаркие споры о Курской битве, оживившиеся в год 60-ти летнего юбилея того события. Поэтому на эту статью мало кто обратил внимание.

Между тем в ней имеются очень интересная информация, например, таблица ежедневного состава обояньской танковой группы Гота и карочанской танковой группы Кемфа южной группы Манштейна с 5-го по 12 июля 1943 г. Я приведу только 2 строки из этой таблицы.

5 июля 43 г. в обояньскую группировку входили следующие танковые дивизии (ТД), моторизованные дивизии (МД) и полевые дивизии (ПД):

1 ТДСС, 2 ТДСС, 3ТДСС, МД «ВГ», 167, 332 ПД; в карочанскую — 6 ТД, 68, 106, 320 ПД.

5 ТД СС, 17 ТД, 16 ТД, всего 165 танков, составляли танковый резерв Манштейна.

12 июля 43 г., то есть в день встречного танкового сражения под Прохоровкой, указанные танковые группировки имели такой состав: обояньская - 1 ТДСС, 2 ТДСС, 3 ТДСС, 5 ТДСС, 3, 11, 17 ТД,

10 ОБР, МД «ВГ», 16 МД, 167, 323, 332 ПД; карочанская — 6, 7, 19, ТД, 68, 106, 320 ПД.

Как видим, разница в составе танковых группировок огромная. В сражение в тот день были брошены все пополнение и все резервы. Самым мощным соединением у немцев из всех перечисленных была 10-я отдельная танковая бригада (10 ОБР), она имела в своем составе к началу Курской битвы 189 танков «пантера» и 48 танков «тигр».

Но, как и во многих других интересных источниках о Прохоровском сражении на Курской дуге, в статье нет данных о количестве танков в указанных группировках по состоянию на 12 июля 1943 года. Вместе с тем, в рассматриваемой статье имеется масса другой интересной информации, например, о том, что основными танками у немцев на южном фланге были модернизированные танки Т-III и модернизированные Т-IV Танки Т-III имели наросшую лобовую броню до 70 мм, и длинноствольную

пушку калибра 75 мм с бронепробиваемостью 82 — 90 мм на дистанции 1000 м. В более ранних публикациях эти модернизированные танки Т-Ш у нас обоснованно относили к танкам Т-ГУ. Автор статьи подчеркивает: «Даже укомплектованные танками Т-Ш и Т- IV немецкие танковые дивизии представляли собой исключительно грозную силу». Или вот еще такая преинтересная информация в статье А. Лобанова: «В 1942-1943 гг. было произведено 536 противотанковых САУ «Мардер И» и «Мардер III», оснащенных модернизированными 76,2-мм пушками Ф-22 советского производства, захваченными в приграничных районах. У пушек были расточены зарядные камеры, позволявшие использовать гильзы с более мощным зарядом, что обеспечивало значительное увеличение начальной скорости снарядов, повысившее бронепробиваемость. Наряду с 88-мм зенитными пушками противотанковые САУ с 76,2-мм пушками были единственным эффективным средством борьбы с Т-34 и КВ до массового появления в войсках 75-мм противотанковых пушек РаК-40».

Пушка Ф-22 — это одна из первых пушек молодого советского конструктора В.Г. Грабина, сделанная полностью из отечественных материалов на советских заводах. Ее трудному рождению и о том, что это произошло благодаря вмешательству И.В. Сталина, посвящено много страниц в воспоминаниях Грабина «Оружие победы». В его книге есть и о том, что эти пушки, захватив в качестве трофеев в начале войны, использовали и немцы, но в каком виде они их использовали у Грабина не было сказано. Теперь стало ясно. Этот штрих в очередной раз говорит о том, что советский военно-промышленный потенциал, созданный в годы первых пятилеток, находился на очень высоком уровне.

Конкретная информация А.В. Лобанова о составе и вооружении танковой группировки на южном фланге Курской дуги 12.07.43 является веским доказательством того, что танковое сражение под Прохоровой и вокруг него 12 июля 1943 года было самым крупным и самым ожесточенным танковым сражением на Курской дуге. И это сражение выиграли наши артиллеристы, летчики-штурмовики и, конечно, танкисты, уступавшие в этом сражении немецкой бронированной армаде по бронезащите и бронепробиваемости своих танковых пушек, но превосходящие немецких танкистов по мужеству и отваге, особенно в ближнем бою.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В заключение повествования о своей жизни в Советском социалистическом обществе, о своей оценке этого общества и своей протестной позиции против фальсификации истории этого общества и клеветы на него в книгах и публицистике последнего пятнадцатилетия привожу оценки Советского и нынешнего нашего общества двумя известными людьми.

Первую я назвал бы «Меморандумом академика А.А. Красовского». Этот материал, по форме — машинописная копия рукописи газетной или журнальной статьи — передал мне А.А. Красовский незадолго до своей внезапной трагической гибели в начале июня 2003 года (об этом трагическом событии в те дни писали многие

центральные СМИ). Передавая мне копию своей рукописи он сказал, что этот материал будет скоро опубликован. Куда он передал этот материал, он не сказал. Я подумал тогда, что он не был уверен в том, что его материал будет опубликован. Видимо, на всякий случай он и передал копию своей рукописи мне, зная о том, что я часто публикуюсь в патриотической печати и смогу использовать его материал в своей публицистике. Вот этот материал без каких либо изменений, за исключением устранения опечаток машинописного текста:

«ИМПЕРИАЛИЗМ И «ДЕМОКРАТЫ» УЧАТ НАРОДЫ МАРКСИЗМУ - ЛЕНИНИЗМУ

Невиданная в истории человечества катастрофа, вызванная империализмом, предательством разложившихся правителей и паразитирующими слоями населения, в конце концов, приведет к гибели гнилой, отживший свой срок мировой капитализм.

Для большинства представителей точных наук и техники, к числу которых я принадлежу, истощенный крик о гибели дела Великой Октябрьской социалистической революции, провале семидесятилетнего эксперимента — это нонсенс, абсурд. Только абсолютный глупец, лжец или враг человечества может утверждать, что целая эпоха, изменившая картину мира, спасшая человечество от коричневой чумы, приведшая к невиданному расцвету науки, образования, культуры, социальному обеспечению большинства, есть «неудавшийся эксперимент».

Для моего поколения (родился в 1921 г.), предшествующего и последующего поколения трудящихся, бывших участниками и свидетелями исторической эпохи, причины переворотов и временных побед верхушечных революций в странах, строивших социализм, ясны. Потерпев сокрушительное поражение в интервенции, империализм затаил звериную злобу на Советскую Россию, СССР. Не счесть враждебных действий империализма в двадцатые годы. В годы пятилеток невиданный энтузиазм социалистического строительства сочетался с нарастающей угрозой агрессии. Жесткие меры великого Сталина были вынужденными, во многом оправданными. Без них не было бы победы в Великой Отечественной войне. В первые годы после горячей войны империализм, почувствовав приближение своего конца, разрабатывает один за другим планы ядерной войны, не заботясь о геополитических и геоэкологических последствиях.

Стремительный рост промышленного, научно-технического, военного потенциалов СССР, его геополитического влияния в сочетании с множеством мирных инициатив спасли человечество от катастрофы ядерной войны. Однако продолжающиеся и усиленные информатизацией обман и эксплуатация человека человеком в капиталистических странах, очередная научно-техническая революция и методы государственного планирования, использованные империализмом, не позволяли опередить передовые капиталистические страны по среднему уровню жизни. Это было связано и с не прекращающейся подрывной деятельностью США и Западной Европы, длительным направлением всех сил народов СССР на решение великих мировых задач. Большой вред нанесла волюнтаристская, по существу антинародная деятельность Н.С.Хрущева. Расхолаживающий лозунг об окончательной

победе социализма, призывы к скоропалительному обгону США, построению коммунизма за время жизни поколения можно назвать анекдотическими.

Бедой в последующих антисоветских переворотах и реформах явится то, что несмотря на это и явные признаки перерождения значительной части партийного и государственного руководстве, доверие к партии, государству, средствам массовой информации не было подорвано. Слишком велика была приобретенная десятилетиями вера трудящихся, рядовых честных членов партии в то, что на верху в конце концов разберутся с бюрократами, коррупционерами, расхитителями государственной собственности и наведут порядок: «наверху, мол, виднее». Это сыграло роковую роль прежде всего для рабочего класса и крестьянства. Однако суровая реальность, практика учат народные массы вопреки всем средствам одурачивания, оболванивания, разложения.

Можно привести многие свидетельства развития процесса отрезвления народа, представителей интеллигенции, первоначально поверивших «демократам», различным правозащитникам, зарубежным советникам, меценатам, Соросам, жуликам всех мастей. Примерами пестрят все оппозиционные газеты. Бросается в глаза смятение в рядах исполнительной власти, грызня, нервозность, и это несмотря на все усилия внутренних и внешних буржуазных СМИ затушевать приближение краха и расплаты. Заметны лихорадочные усилия, властей и их зарубежных дирижеров по окончательному развалу страны, превращению ее в сырьевой придаток развитых капиталистических стран.

Все эти изменения закономерны, исторически предопределены и согласуются с марксистско-ленинской теорией. Выиграло что-либо трудящееся большинство от верхушечной буржуазной революции? Нет, только проиграло. При советской власти оно не знало безработицы, даже малейших задержек зарплаты. Квартплата была мизерной. Квартиры в порядке очереди предоставлялись бесплатно или приобретались через кооперативы по доступной стоимости. Квартир не хватало, но строительство шло во всю. Благодаря не только бесплатному, но и обязательному начальному и среднему образованию давно была ликвидирована неграмотность, каждый имел право и возможность выбрать и поступить в лучшие учебные заведения страны. Система образования в СССР была самой демократичной и лучшей в мире, фундаментальная наука страны Советов во многом была также лучшей в мире. С учетом общего уровня бюджета она достаточно хорошо финансировалась государством и пользовалась вниманием народа и правительства. Отделенная от коммерции, может быть даже чрезмерно, она позволяла ученым заниматься любимым делом и делать открытия мирового класса, прокладывая пути в далекое будущее человечества. Относительно небольшое число советских нобелевских лауреатов из числа ученых, писателей и других творческих деятелей очевидным образом определялось политическими установками нобелевского комитета (премии преимущественно присуждались эмигрантам и диссидентам). Культурный уровень народа непрерывно повышался. Массовыми тиражами издавались доступные по цене сочинения классиков мировой литературы, с полной отдачей работали библиотеки. Книжные магазины никогда не пустовали, за подписными изданиями, новыми книгами порой выстаивались очереди. Советский народ по праву считался самым читающим народом мира. Взрослые и дети

были защищены от порнографической продукции всех видов, развращающего влияния Запада. Театры финансировались государством, стоимость билетов в театры и кино была низкой и за билетами на популярные спектакли и кинокартины выстраивались очереди.

Советская медицина была бесплатной, лекарства стоили гроши. По уровню лечения, оборудованию медицинских учреждений советское здравоохранение уступало западному, но по доступности для трудящихся оно составляло резкий контраст с западными в лучшую сторону. Оно действительно охраняло здоровье народа, применяя обязательные прививки, медицинский контроль. Многие болезни на территории СССР считались практически ликвидированными. Право на отдых гарантировалось в СССР конституцией, огромной сетью домов отдыха, турбаз, санаториев, доступных для трудящихся, получавших по линии профсоюзов и других общественных организаций льготные путевки, частично или полностью оплачиваемые социалистическим государством. Директор или другой начальник, не предоставивший без уважительных причин оплачиваемый очередной запрашиваемый отпуск работнику предприятия, нередко нес личную ответственность вплоть до вычета из зарплаты начальника. Прием и увольнение работника осуществлялось директором в контакте с председателем профкома, секретарем парткома и другими общественными организациями. Это была народная демократия в действии, нарушаемая только злоупотреблениями чиновников, преследуемыми по закону. Конечно, она имела и негативное влияние на производительность труда, так как давала лазейку лодырям, хапугам, пьяницам, но все зависело от сознательности и активности коллектива.

Поколения советских людей воспитывались на интернационализме, дружбе народов при сохранении национальной самобытности, культуры. Вспоминая свое детство и школьную юность, констатирую, что мы просто не знали и не интересовались национальностью товарищей. Во время войны относительное число дезертиров и предателей среди разных национальностей было разным, но это не смогло нарушить общего чрезвычайно высокого морального духа и героизма армии, именуемого иногда фронтовым братством.

В области науки интернационализм проявлялся в огромной бескорыстной помощи республикам и развивающимся странам в подготовке научных кадров, организации собственных национальных академий наук, отраслевых институтов, создании научных школ. Меня как свидетеля и участника этого процесса глубоко поразила черная неблагодарность буржуазных правителей, вновь возникших после переворотов государств, выступивших с обвинением советской России в империализме даже в этой области. Искоренить научное братство так же трудно, как фронтовое. Ученые тянутся к сотрудничеству, проводя в трудных условиях большое число международных конференций с участием стран СНГ, а также дальнего зарубежья. Интернационализм в сочетании с патриотизмом - великая идеология марксизма-ленинизма. Казалось бы, страшнее порабощения Родины нет ничего. Но в случае победы империализма, органической основой которого является личный, групповой и государственный эгоизм, над цивилизацией и даже жизнью на Земле нависает глобальная угроза и не когда-нибудь в далеких столетиях, а уже в XXI веке. Речь идет

об экологической катастрофе, которую империализм по своей сущности не может преодолеть.

Вспомните первый период Второй мировой войны. Под ударами фашистского агрессора рушились хваленые армии и государства капиталистической Европы, транснациональные монополии вели двойную игру, и только СССР с его плановым хозяйством, единством, железной дисциплиной и народными полководцами изменил ход войны. Может ли США, Западная Европа, Япония остановить приближение к экологической катастрофе? Сомнительно, так как это находится в противоречии с основами общества потребления, интересами кучки миллиардеров и огромных транснациональных корпораций. Беспомощность в борьбе с преступностью, нравственным разложением, пороками и извращениями, распространением СПИДа, ростом процента неграмотных (больше чем в 1930-х годах) наряду с ни чем не сдерживаемым стремлением к неограниченному богатству и власти показывают, что управляемость в самих США ограничена и недостаточна для предотвращения экологической катастрофы. То же, хотя может быть и в меньшей мере, относится к другим капиталистическим странам. Единственной идеологией, способной преодолеть это движение к катастрофе, является социалистическая, коммунистическая идеология с плановым государственным научным управлением, ограничением личного потребления, ликвидацией эксплуатации человека человеком. Эта концепция, развивавшаяся недавно умершим академиком В.А. Коптюгом, и разрабатываемая его последователями, способна привлечь симпатии многих прогрессивных дальновидных людей во всем мире.

Люди моего поколения в СССР и, наверное, во всем мире одно время воспринимали понятия классовой борьбы, классовой ненависти, межнациональных войн, религиозных войн, геноцида как теоретические, уже отдаленные от современной реальности. Теперь они, как и другие живущие поколения, получили и получают такой суровый урок, который не забудется никогда. Крах империализма будет окончательным.

Я, имея призвание к точным наукам и технике, а также, представляется, способность жить не «чужим умом», прожил в СССР счастливую жизнь, никогда не меняя убеждений. Благодарю судьбу за Родину и эпоху, в которой жил.»

И подпись — «акад. РАН... АА.Красовский».

Наконец, мне представляется чрезвычайно важным помнить геополитическую оценку мировой экономики, данную на саммите века в ООН в сентябре 2000 года выдающимся политическим и государственным деятелем современности Фиделем Кастро:

«... Нынешний господствующий в мире политический и экономический порядок... неустойчив и ведет к катастрофе... возникла валютная система, давшая всю власть Соединенным Штатам. Затем последовало право полного и абсолютного вето в Международном валютном фонде и Всемирном банке... Уже не существует реальная экономика, есть экономика виртуальная. Мировой экспорт составляет чуть более шести триллионов долларов в год... ежедневно совершаются спекулятивные операции с валютой на сумму около полутора триллионов долларов в день... к чему добавляется

еще полтора триллиона от спекуляций с акциями и всевозможными ценными бумагами. Это не имеет ничего общего с реальной экономикой... Надут огромный воздушный шар, который в один прекрасный день лопнет... Тогда у нас начнется крупнейший кризис, который, возможно, поможет создать новый мировой политический и экономический порядок».

Там же Фидель Кастро высказал еще очень важное, как будто специально для нас: «Мы обладаем привилегией говорить с полной свободой, потому что не зависим ни от Международного валютного фонда, ни от Всемирного банка, мы сопротивлялись в течение десяти лет двойной блокаде — когда распался Советский Союз, мы очутились в двойной блокаде и выстояли».

Закончить повествование мне хочется пожеланием кубинскому народу и другим народам, борющимся с американским империализмом и его глобализмом: пусть мужество никогда не покинет вас, придет время, и Россия снова будет с вами.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.С. Баниге, В.Г. Брюсова, Б.В. Гнедовский, И.Б. Шапов. Ростов-Ярославский. Путеводитель по архитектурным памятникам. Ярославское книжное издательство. 1957
2. М. Рапов. Каменные сказы. Сокровища древней русской архитектуры Ярославской области. Верхнее-Волжское книжное издательство. Ярославль, 1965.
3. М. Тюнина. Ростов-Ярославский (путеводитель по городу и окрестностям) Верхнее-Волжское книжное издательство. Ярославль, 1975.
4. Советская историческая энциклопедия. М. 1965.
5. Православный календарь. Святые Ростова Великого. Изд. Спасо-Яковлевского Димитриевого монастыря. Москва. «Отчий дом», 2002.
6. Б. Эдинг. Ростов Великий. Углич. Памятники художественной старины (Выпуск 1 серии И Грабаря — Русские города разсадники Искусства. Собрание иллюстрированных монографий.) Москва, изд И. Кнебель, 1913 г.
7. А.Ю. Низовской. Самые знаменитые монастыри и храмы России. Москва, «Вече», 2000.
8. В. Кожинов. История Руси и русского слова. ЭКСМО — Пресс, Москва, 2001.
9. В.Н. Вахрина (автор-составитель). Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь. Изд. «Отчий дом», Москва, 2002.
10. В. Т. Федин. Публицистика 1987 — 2003. О войне, о себе, о книгах о войне, о танках, самолетах и людях. М. 2003.
11. М.А. Рапов. Зори над Русью. М., «Сов. Россия», 1971.
12. Мировая война 1939 — 1945 годы. Сборник статей. Перевод с немецкого. ИИЛ, Москва, 1957.

13. К. Рейнгардт. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941 — 42 годов. Перевод с немецкого. ВИ МО СССР, М — 1971.
14. А.И. Шахурин. Крылья Победы. Изд. третье, дополн. М. ИПЛ, 1990.
15. И.А. Слепич, А.М. Терехов (составители). Скрежет и лязг танковых гусениц. Репринт. Часть 1. Кемерово, 1983.
16. И.А. Слепич, А.М. Терехов (составители). Скрежет и лязг танковых гусениц. Репринт. Часть 2. Кемерово, 1986.
17. М.К. Шапошников. Позову Родины. Киев, ИПЛ Украины, 1998.
18. Л.М. Кравченко, В.В. Бурков. Десятый танковый Днепровский. М. ВИ 1986.
19. К.К. Рокоссовский. Солдатский долг. ВИ МО СССР. 1968.
20. А.М. Василевский. Дело Всей Жизни. Кн. 1, 2, ИПЛ, М — 1988.
21. В. Астафьев. Веселый солдат. «Роман-газета», № 6, 1999.
22. М.Н. Халетов. В небе Заполярья. Москва, ИПЛ, 1987.
23. Г. Гудериан. Воспоминания солдата. ВИ МО Союза ССР. М — 1954.
24. Ф. Гальдер. Военный дневник. Ежедневные записки начальника генерального штаба сухопутных войск 1939— 1942 гг., т. 3. От начала Восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941 — 24.07.1942). Перевод с немецкого. ВИ МО СССР, М- 1971.
25. И.Филин. О гибели, о славе, о любви, ж—л «Молодая гвардия», № 5, 1996.
26. Б. Наливайко. Эхо штурмовых ударов. Минск, «Беларусь», 1992.
27. Т. Конецки, И. Рушкевич. Маршал двух народов. Перевод с польского, издание Министерства национальной обороны ПНР, Варшава, 1980.
28. Великая Отечественная война 1941 — 1945. Словарь-справочник. Составитель А.С. Галидан. М. ИПЛ, 1988.
29. Сборник НИР, выполненных слушателями в 1953 г. Ч. 3. ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского, 1955.
30. Г.С. Пospelов. Основы автоматики. Под ред. А.А. Красовского. ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского, 1954.
31. В.В. Солодовников. Введение в статистическую динамику систем автоматического управления. Гос. изд. Технич.-теоретич. литературы. Москва 1952. Ленинград.
32. Славный путь кафедры (к 50-ти летию кафедры № 37). Под общей редакцией В.И. Букова. ВВИА имени проф. Н.Е. Жуковского. 2003.
33. Научные школы Военно-воздушной инженерной академии имени профессора И. Е. Жуковского. История развития и современное состояние. Издано к 80-ти летию ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского. Москва. Издание «Академия Авиации». 2000.
34. «Автоматика и телемеханика», № 7, июль 2001. «Наука», Москва — 2001.
35. В.Т. Федин. Авиационная теплорадиометрия, ч. 1 Основы и особенности МММ. М. ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского 1989
36. Г.С. Пospelов. Воспоминание о времени и о себе. «Новости искусственного интеллекта», № 4. М — 1998.
37. В. Федин. Циклотронный резонансный приемник электромагнитных волн. ВВИА имени Н.Е. Жуковского. 1965.

38. Klaas Ph. J. Passive radar gives infrared Technique at Microwave Frequencies / Aviation week, 1957, July 1.
39. Известия ВУЗ. «Радиофизика», т. V, N° 4, 1962.
40. В. Федин. Естественное тепловое радиоизлучение и его измерение с самолета. ВВИА имени Н.Е. Жуковского 1967.
41. В. Федин. Электродинамические характеристики водоемов как навигационных ориентиров. НММ по проектированию систем пилотажно-навигационных комплексов. Под ред. А.А. Красовского. ВВИА имени Н.Е. Жуковского 1980. Стр. 15 -28.
42. К. Типпельскирх. История Второй мировой войны. Перевод с немецкого. ИИЛ, М, 1956.
43. Г. Гот. Танковые сражения. Перевод с немецкого. ВИ МО СССР. М, 1961.
44. И. Кожедуб. Верность Отчизне. ВИ МО СССР. Москва — 1975.
45. А.А.Красовский. Пассивная макроволновая радиолокация, мониторинг, навигация и резервное управление воздушным движением. Известия АН. Теория и системы управления, 1998, № 3, с. 156 — 163.
46. «Радиотехника» № 7, 1987, стр. 67 — 70.
47. А. Пузицкий. Белый дом. («Наш современник», № 10, 1998).
48. В. Фалин. Конфликты в кремле. Москва, Центрполиграф — 1999.
49. Вадим Кожин. Россия. Век XX-й. 1901 — 1939. От начала столетия до «загадочного» 1937 года. (Опыт беспристрастного исследования). Москва «Алгоритм», Крымский мост, 1999.
50. Вадим Кожин. Россия. Век XX. 1939 -1964. Опыт беспристрастного исследования. М., «Алгоритм», 1999.
51. А. Б. Мартиросян. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М. «ВЕЧЕ», 2003.
52. Б.Ц. Урланис. Народонаследие. Исследования. Публицистика. М. «Статистика», 1976..
53. У. Черчилль. Вторая мировая война. Т. 3 Великий союз. Перевод с англ. М. ТЕРРА — Книжный клуб. «Книжная лавка — РТР», 1998.
54. В. Фалин. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М. Центрполиграф, 2000.
55. Л.М. Сандалов. Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 г. М. ВИ. 1989.
56. А. Покрышкин. Познай себя в бою. М.: ДОСААФ, 1986.
57. П.Х. Баграмян. Так начиналась война. М. — 1971.
58. М. Спик. Асы люфтваффе. Смоленск, «Русмч», 1999.
59. М. Спик. Асы союзников. Смоленск, «Русич», 2000.
60. П.А. Белов. За нами Москва. В И МО СССР. М — 1963.
61. Г. Бюментрит. Русское контрнаступление. Сборник «Роковые решения». Перевод с англ. В И МО Союза СССР.М — 1958.
62. Ю. Капусте. Последними дорогами генерала Ефремова (По следам вяземской трагедии 1942). М. ИПЛ - 1992.
63. Провал гитлеровского наступления на Москву. «Наука», М — 1966.

64. В. Песков. Война и люди. Воронеж, Центрально-черноземное книжное издательство. 2000.
65. Бессмертное имя матросовцев 1941 — 1945. М. ВП. 1990.
66. В. Карпов. Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира. (Литературная мозаика). ВИ, 1992.
67. М. Васильчикова. Берлинский дневник 1940— 1945. Перевод с англ. Изд. ж-ла «Наше наследие», «Полиграфресурсы», М. 1994.
68. Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Изд. АПН, М., 1969.
69. П.А. Ротмистров — Танковое сражение под Прохоровкой. Сборник «Война. Народ. Победа». Кн. 2. М. ИПЛ, 1976.
70. Д.С. Ибрагимов. Противоборство. М. Изд. ДОСААФ, 1989.
71. Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939— 1945. Боевое применение танков во Второй мировой войне. М. Полигон АСТ. С-Петербург, 1998.
72. Д. Орджил. 34. Русские танки. В книге «От «Барбароссы» до «Терминала». М, ИПЛ, 1988.
73. Э. Манштейн. Утерянные победы. Смоленск, «Русич», 1999.
74. П.А. Ротмистров. Стальная гвардия. М. ВИ, 1984.
75. Война и мы. Под ред. Ю. Мухина в серии «Библиотека газеты «Дуэль», кн. 1 Человеческий фактор. Москва, 2000.
76. А.В. Лобанов. Танковые войска вермахта накануне операции «Цитадель». ВИЖ№ 8, 2003.
77. В.Г. Грабин. Оружие победы. Воспоминания. М. ИПЛ. 1989.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Часть первая. ВОСПОМИНАНИЯ

Глава 1. ЯКОВЛЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

ТАК МЫ ЖИЛИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ ДЕСАНТ

ПОПОЛНЕНИЕ 1937 ГОДА

ЕЩЕ О ТЕХ, КОГО ПОМНЮ

ЗАВУЧ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ИВАНОВ

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Глава 2. ХРАМ СПАСА НА ПЕСКАХ

НАШЕСТВИЕ

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

ВОПРОСЫ И ВЕРСИИ

ТРАГЕДИЯ МИТРОПОЛИТА ИОСИФА

Глава 3. В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ

ЧЕРНАЯ ВЕСТЬ

МЕЧТА ЗВАЛА ЛЕТАТЬ

В ПОЛКОВОЙ ТАНКОВОЙ ШКОЛЕ

Глава 4. НА ФРОНТЕ. ПРИБАЛТИКА

ПЕРВЫЕ ФРОНТОВЫЕ ДНИ

НОЧНОЙ ПРОРЫВ НА ВАЛМИЕРЕ

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

НА КУРЛЯНДСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Глава 5. НА ВТОРОМ БЕЛОРУССКОМ ФРОНТЕ

В ЛЕСАХ ЗА БЕЛОСТОКОМ

ПРОРЫВ К МОРЮ

СТРАННАЯ АТАКА

ЭКИПАЖ НЕ ОТВЕЧАЕТ НА ПОЗЫВНОЙ

Глава 6. ПЕРВЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ ГОД

ПЕШИМ ПО-ТАНКОВОМУ

ТРОФЕЙНЫЙ ПИСТОЛЕТ

В ЛЕСАХ ПОД ШТЕТТИНОМ

У СТАРОЙ САКСОНСКОЙ ДОРОГИ

ЗИГЗАГИ НА ИЗБРАННОМ ПУТИ

Глава 7. В СРЕДЕ АВИАТОРОВ

НЕОБЫЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КАВКАЗ

ПОСТИГАЮ АВИАЦИОННОЕ ДЕЛО
ВЫПУСК

Глава 8. В ИСПЫТАТЕЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ
ПЕРВЫЕ ДНИ
ТЕХНИК-ИСПЫТАТЕЛЬ СТАРШИН
У НИХ БЫЛО ЧЕМУ УЧИТЬСЯ

Глава 9. В ИМЕНИ ЖУКОВСКОГО ВОЗДУШНОЙ АКАДЕМИИ
МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ
ЛЫЖНИКИ
В АДЪЮНКТУРЕ
СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК

Глава 10. В ГОДЫ КОВАРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ
НЕЛЬЗЯ БЫЛО ПОСТУПАТЬСЯ ПРИНЦИПАМИ
МОЯ ПРОТЕСТНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
«ДУРНАЯ ГОЛОВА НОГАМ ПОКОЯ НЕ ДАЕТ»
КТО ПОСЯГНУЛ НА СВЯТОЕ ИМЯ?
ЖЕРТВЫ БЫЛИ. НО КАКИЕ?
НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ВОЙНЫ

Глава 12. БЫЛ ЛИ «ЗАГОВОР» МАРШАЛОВ?
МАРТИРОСЯН УТВЕРЖДАЕТ
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИМИДЖА ТУХАЧЕВСКОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЕ
ТУХАЧЕВСКИЙ ФОРСИРУЕТ СОБЫТИЯ
РАЗВЯЗКА

Глава 13. В ПОИСКАХ ОТВЕТА НА ЖГУЩИЕ ВОПРОСЫ
НЕИЗБЕЖНА ЛИ БЫЛА ЭТА ТРАГЕДИЯ?
МНЕНИЕ ГЕНШТАБИСТА
РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ

Глава 14. О СОБЫТИЯХ И СУДЬБАХ 1942 - 1943 ГОДОВ
ОБЕЩАЮЩЕЕ НАЧАЛО
ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПОДВИГ МАТРОСОВА
ДНЕВНИК РУССКОЙ КНЯЖНЫ
А В ЭТО ВРЕМЯ НА КУРСКОЙ ДУГЕ
И СНОВА О БОЯХ ПОД ПРОХОРОВКОЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ЛИТЕРАТУРА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Василий Тимофеевич Федин.
Рядовой свидетель эпохи. — М:
«Правда»—Пресс», 2005 г. — 384 с.

Подписано в печать 24 июня 2005 г.
Формат 60х90 1/16. Бумага газетная.
Печ. л. 24. Тираж 500 экз.

Адрес ООО «Правда—Пресс»:
г. Москва, ул. «Правды», 24.

Отпечатано ОАО «Щербинская типография»
117623, Москва, ул. Типографская, 10.
Зак. 1321.

Детство и школьные годы на Ярославщине в 1930-е годы, детдомовская жизнь — с этого начинается свое повествование В. Т. Федин, полковник в отставке, кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Со студенческой скамьи добровольцем Василий Тимофеевич уходит в Красную Армию. Участвует в боях с гитлеровцами. В послевоенный период напряженная учеба, научная работа в академии имени Н.Е. Жуковского. И все эти годы верное служение Отечеству, твердая приверженность коммунистической идее.

Книга представляет интерес для большого круга читателей.

ISBN 5-85024155-8

